

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

БУГРОВ Константин Дмитриевич

**Формирование идей республиканизма
в российской общественно-политической мысли XVIII в.**

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание
ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, доцент
Редин Дмитрий Алексеевич

Екатеринбург – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Историография, методология и источники исследования.	16
1.1. Историография научной проблемы	16
1.2. Методологические основания исследования.	44
1.3. Классификация источников исследования	63
Глава 2. Провиденциальный монархизм в российской политической культуре XVIII в.	89
2.1. Формирование глоссария провиденциального монархизма.	89
2.2. Кризис 1730 г. и провиденциальный монархизм	122
2.3. Утверждение канона провиденциального монархизма в елизаветинской России.....	137
2.4. Развитие провиденциального монархизма во 2-й половине XVIII в.....	160
Глава 3. Секулярный монархизм в российской политической культуре XVIII в.	198
3.1. Форма правления и общее благо	198
3.2. Законы и проблема ограничения власти монарха	222
3.3. Реформы, конфликты и искусство управлять	244
Глава 4. Республиканизм и коррупция в общественно-политической мысли России XVIII в.	272
4.1. Универсальная добродетель в моральной монархии	272
4.2. Российский Салент: коммерция, коррупция и роскошь	300
4.3. Культ процветания: гражданская добродетель, роскошь и прогресс	326
Глава 5. Республиканская добродетель в представлениях о социальной иерархии в России XVIII в.	349
5.1. Функционализм: «должности», добродетель и воздаяние	349
5.2. Социологизм: республиканские обоснования дворянской исключительности	364
5.3. Эгалитаризм: добродетель против иерархии	406
Глава 6. Римская образность, историзм и формирование республиканской перспективы в российской общественно-политической мысли XVIII в.	422
6.1. Формирование представлений о Новгородской республике в российской историко-политической мысли XVIII в.	422
6.2. Военная мощь Новгорода в российской историко-политической мысли XVIII в.	432
6.3. Республиканизм в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева	446
6.4. Мораль и политика российского Катона: «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина	460
Заключение	484
Источники	496
Литература	530
Список сокращений	580

Введение

Изучение общественной мысли как в дореволюционной, так и в советской историографии ориентировано на изучение крупных идеологий. Основным источником для подобного изучения выступали тексты наиболее известных авторов, формирующих своеобразный канон. Но поскольку сами эти тексты являются результатом общих трансформаций социально-культурной среды, важно выявить глубинные механизмы и внутренние интенции освоения новых способов политического мышления в России XVIII в. С этих позиций изучение общественного сознания предполагает выявление широкого круга текстов, созданных в процессе публичной коммуникации, отражающих разные позиции по социально-политической проблематике.

Актуальность темы. Одним из важных составляющих общественного сознания в России рубежа XVIII – XIX в. является республиканский дискурс, включающий в себя осмысление вопросов о власти монарха, о качествах гражданина, гражданской добродетели и этике. В европейской исторической науке сегодня республиканизм выделяется как специфическая парадигма идей, оказавшая огромное влияние на становление современной европейской политической культуры, но при этом недооцененная исследователями рубежа XIX – 1-й половины XX вв. Ведущие исследователи этой парадигмы – Кв. Скиннер, Дж. Покок, а также И. Хонохан, И. Гонт, О. В. Хархордин и ряд других – прослеживают ее историю от Аристотеля и Цицерона через Н. Макиавелли (ключевого автора республиканской традиции), мыслителей Английской революции и Ж.-Ж. Руссо до американских отцов-основателей и французских революционеров¹.

В настоящем исследовании республиканская парадигма идей рассматривается как своеобразная риторическая стратегия, манера политической речи. Ее основой является признание того, что республика опирается на особое качество своих граждан – добродетель (*virtu*), которое, в свою очередь, формируется на основании определенных социально-политических факторов – например, в Новое время было распространено мнение о том, что социальные и экономические преобразования Ликурга в древней Спарте сформировали

¹ Honohan I. Civic Republicanism. London; New York: Routledge., 2002. P. 15–110.

определенный тип гражданина, демонстрировавший выдающуюся гражданскую добродетель вплоть до самопожертвования. Флорентийский мыслитель Н. Макиавелли сделал решительный шаг в оформлении республиканской концепции добродетели, противопоставив ее привычному пониманию добродетели как объективной, неизменной моральной ценности, принятому в христианстве². С подобными взглядами прочно связан другой элемент республиканской интеллектуальной парадигмы – тема гражданского равенства, позволяющего гражданам оставаться свободными и добродетельными. Наконец, для республиканизма важен *историзм*, предполагающий, что республиканскую свободу нельзя построить в обществе, которое не обладало ею с начала своей истории. Такой историзм – наследие противопоставления «Европы» и «Азии», характерного еще для греко-римской философии и с новой силой возродившегося в эру Ренессанса.

Отмеченные выше элементы республиканской парадигмы идей не являются единой доктриной или образцовой моделью. Скорее, их можно охарактеризовать (как это делает, например, Дж. Покок³) как культурный глоссарий, своеобразную манеру вести речь о политике, позволяющую фокусировать внимание на определенных темах и понятиях – таких, как свобода или добродетель. Можно свести республиканскую проблематику применительно к России XVIII в. к трем основным вопросам, от успешного разрешения которых зависела и успешность адаптации республиканизма. Во-первых, как возможна республиканская форма в такой обширной стране, как Россия? Во-вторых, каков исторический генезис республики, каковы средства к поддержанию среди граждан особого рода республиканской добродетели и как можно задержать ее неизбежный упадок? И в-третьих, что значит быть добродетельным гражданином, что значит обладать республиканской добродетелью? Ответ на первый вопрос зависел от усвоения глоссария форм правления, на второй – от овладения политическим языком коррупции / добродетели, основанном на исторических примерах Греции и Рима. Ответ же на третий и наиболее сложный вопрос был связан с адаптацией новой моральной парадигмы, которую с опорой на Саллюстия и Тацита предложил Н. Макиавелли и которая предполагала отказ от объективистского, цицероновского понимания морали, заменяя его политизированной концепцией гражданской *vita activa*.

² Скиннер Кв. Макиавелли. Очень краткое введение. М.: Астрель, 2009. С. 116.

³ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975. 602 p.

Осмысление этих вопросов наиболее последовательно реализовывалось через поиск исторических аналогий, импорт римской образности, переосмысление сюжетов древнерусской истории. В процессе адаптации республиканские идеи и понятия сталкивались с иными политическими и морально-этическими концепциями, уже укорененными на российской почве; многие элементы республиканской идеологии попросту оказывались блокированными. Крупнейший автор республиканской традиции, Н. Макиавелли, был, согласно изысканиям российского историка М. А. Юсима, был слабо известен в России XVIII в.⁴ Конечно, российским читателям были известны сочинения, где Макиавелли упоминался⁵, в некоторых книжных собраниях 1-й половины XVIII в. имелись труды Макиавелли, а таких политических деятелей, как Д. М. Голицын или А. П. Волынский, обвиняли в чтении «Махевелевой книги»⁶. Влияние Макиавелли было опосредованным, оно осуществлялось через рецепцию идей античных авторов, как Тацит, ниспровергателей флорентийского мыслителя, как Фридрих II, или философов, воспринимавших и перерабатывавших его идеи, как Монтескье.

В данной связи актуальным является изучение определенных риторических стратегий, концептов политического глоссария, коммуникативных контекстов, в которых разворачивались дебаты по конкретным проблемам общественной жизни.

Степень разработанности темы. Несмотря на то, что история республиканских идей давно и продуктивно изучается европейскими научными школами, комплексные исследования отечественной республиканской традиции в рамках обозначенной проблематики практически не предпринимались. Среди европейских исследователей наибольший вклад в изучение проблем республиканизма внесли Дж. Покок, Кв. Скиннер, И. Хонохан, К. Бейкер, М. Вироли, И. Гонт и ряд других специалистов. Предложенный этими исследователями подход к анализу республиканской традиции представляется весьма эффективным, но апробация этого подхода проводилась на материалах европейской истории. Использование данного инструментария для изучения российских социально-культурных реалий XVIII в. представляется оправданным.

В российской историографии республиканизм не был предметом специального изучения. В основном эти сюжеты рассматривались в рамках истории революционного-

⁴ Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011. С. 286–367.

⁵ Хорошкевич Я. Посвящение. Предисловие от переводчика [Анти-Макиавель]. Режим доступа: http://clar.urfu.ru/bitstream/10995/28224/1/friedrich_horoshkevich.pdf

⁶ Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. С. 342–349.

освободительного движения, истории русского Просвещения, истории административно-политических структур самодержавия, истории дворянской политической культуры. Среди дореволюционных исследований наиболее значимыми являются работы А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова, Г. В. Плеханова. Ярчайшими трудами советской эпохи историографии можно считать работы Г. А. Гуковского, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского и В. М. Живова. Среди современных работ следует назвать труды Е. Н. Марасиновой, Е. В. Анисимова, И. В. Курукина, А. Б. Каменского, М. А. Киселева, Д. В. Тимофеева, С. В. Польского и других исследователей.

Немногочисленные работы, начавшие появляться в последнее десятилетие, сфокусированы преимущественно на исторических событиях 1-й четверти XIX в.⁷ Настоящая диссертация призвана восполнить этот недостаток, предлагая анализ трансфера и адаптации интеллектуальной парадигмы республиканизма в отечественной политической культуре XVIII столетия.

Для России XVIII в. республиканские идеи были новшеством, поскольку соответствующая традиция на отечественной почве отсутствовала в силу слабого влияния античной интеллектуальной традиции (основным источником республиканской теории в Западной Европе были обращения к римскому историческому опыту соответствующего периода, представленному в трудах Цицерона, Саллюстия, Тита Ливия, Тацита). Однако адаптация этих идей не была легким и простым процессом, самостоятельно развивающимся с течением времени. Усвоение каждого элемента республиканской парадигмы идей предполагала серьезные изменения в принимающей политической культуре, сложный процесс выработки новых манер политической речи.

В этой связи **целью настоящего исследования** является реконструкция процесса формирования республиканских идей в различных коммуникативных полях и дискурсивных практиках в России XVIII в.

Объектом исследования выступает российская социально-политическая мысль XVIII в. **Предметом исследования** является процесс формирования в российской социально-политической мысли XVIII в. республиканской парадигмы идей.

⁷ Каплун В.Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция: Сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 131-152; Grandhay J. Russie: la République interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIIIe – XXIe siècles). Seyssel: Champ-Vallon, 2012. 373 p.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1. Определить способы репрезентации и содержание различий между монархизмом и республиканизмом в процессе обсуждения актуальных политических проблем XVIII в.
2. Выявить концептуальные различия между представлениями о характере монархической власти, ее теоретических обоснованиях и способах преобразования властной структуры самодержавия и республиканскими политическими идеями, сформированными в европейской социокультурной среде.
3. Реконструировать процесс адаптации республиканских концепций гражданской добродетели в контексте дебатов о коммерции и роскоши в литературно-публицистических произведениях российских авторов XVIII в.
4. Проанализировать содержание и значение аргументации республиканских добродетелей в процессе дебатов о роли дворянства, качествах российских граждан и отношениях социальной иерархии.
5. Сформулировать основные тенденции складывания республиканских идей в процессе поиска исторических аналогий в контексте импорта римской образности и переосмысления древнерусской истории в России на рубеже XVIII – XIX вв.

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической границей исследования выступает рубеж XVII–XVIII вв. В этот период времени в России возникают новые формы политической коммуникации, позволившие в разных контекстах обсуждать вопросы о характере монархической власти, качествах российских подданных, функциях властных институтов. Этому способствовало появление панегирической традиции, развитие частных типографий, возникновение журнальной сферы, практики публичных выступлений и написания реформаторских проектов. Верхней хронологической границей исследования является конец XVIII – начало XIX вв. Этот рубеж определяется актуализацией интереса к республиканским идеям в контексте российской истории, адаптацией республиканских взглядов на гражданскую добродетель. Именно в это время завершается процесс складывания основных моделей аргументации о республиканизме, которые будут использоваться в последующие периоды российской истории XIX в. По мере

необходимости изучения идейных истоков республиканизма, оказавших влияние на современников, используются материалы, возникшие в более ранние хронологически периоды времени.

Территориальные границы исследования обусловлены географией функционирования отечественных коммуникативных сетей (книгоиздание, производство и распространение рукописных текстов). Это – западные области Российской Империи, с акцентом на крупнейших центрах книгоиздания и интеллектуальной жизни – Санкт-Петербурге и Москве. Использование в исследовании обширного массива переводной литературы предполагает экскурсы и за пределы этой территории, поскольку анализ российской политической мысли отмеченного периода невозможен без учета европейского контекста. В ряде случаев эти экскурсии ведут не только в Париж или Амстердам, но и в ренессансную Флоренцию и античный Рим, поскольку сопоставление с европейской традицией имеет не только синхронный, но и диахронный (имеющий разрыв во времени) характер.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в применении современных методов работы с текстом исторического источника с позиций выявления особенностей дебатов и риторических стратегий о республиканизме в России, и во-вторых, в реконструкции идейного содержания и коммуникативного процесса формирования республиканских идей в российской культуре XVIII в.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке учебных программ по истории России, а также специальных курсов, посвященных истории общественной мысли и политической культуре России Нового времени. Результаты настоящей работы могут быть применены в исследовательской практике, как в рамках собственно исторических работ, так и в смежных областях гуманитарного знания – например, филологии, культурологии, философии, политологии, социологии. Эти возможности определяются междисциплинарным характером данной работы.

Степень достоверности. Исследование процесса формирования республиканских идей в различных коммуникативных полях и дискурсивных практиках в России XVIII в. обуславливает необходимость привлечения широкого круга исторических источников различной видовой принадлежности. Основными группами используемых в работе источников являются:

1. Комплекс текстов панегирической литературы (церковной и светской), политические проповеди и ораторская проза;
2. Реформаторские проекты, создававшиеся членами придворно-административной элиты;
3. Художественно-публицистические произведения – журнальные статьи, трактаты и памфлеты российских авторов;
4. Историко-политические сочинения российских авторов;
5. Драматургические произведения российских авторов;
6. Зарубежные политические сочинения (как в переводных вариантах, так и на языке оригинала);
7. Законодательные акты (в первую очередь – манифесты, специально посвященные обоснованию прав монархов на трон);
8. Материалы Уложенной комиссии 1767 г.

Данный комплекс источников является необходимым и достаточным для достижения поставленной цели и задач, определяет высокую степень достоверности исследования.

Методология и методы исследования. Для достижения поставленных задач используется ряд современных методов и подходов. Помимо общеисторических методов, используемых в любых работах соответствующего профиля, это подходы «кембриджской» школы изучения истории понятий (Кв. Скиннер, Дж. Покок), а также методологический инструментарий теории жанров М. М. Бахтина. Инструментарий истории понятий позволяет выявить все многообразие дискурсивных форм, в рамках которых осуществлялись трансфер и адаптация республиканских идей. Методы Бахтина помогают обнаружить специфику конкретных форм коммуникации, связь между жанровой формой и содержанием текстов. Так, широко востребованный сегодня в рамках междисциплинарного анализа истории политической мысли инструментарий истории понятий предполагает концентрацию исследовательского внимания на используемом историческими акторами *языке* – аргументах, образах, риторике и стилистике. Использование этого инструментария в парадигме модернизации предполагает акцент на понятии *инноваций* – тех интеллектуальных феноменов (концепций, идей), которые, будучи уже состоявшимися в ином культурном контексте, теперь оказываются адаптированными на российской почве, приводя к постоянному возникновению новых и новых интеллектуальных амальгам. Поэтому в рамках настоящего исследования характеристику европейских

интеллектуальных инноваций в российской политической культуре XVIII в. дается с учетом двух важнейших процессов, определявших в конечном счете складывание ее конкретных форм и вариантов. Бахтинская теория жанров является основой для предлагаемой в настоящей диссертации методологической концепции коммуникативных сфер.

При проведении исследования мы опирались также на теорию модернизации, задающую концептуальные рамки для актуализированного в нашей диссертации понимания исторического процесса. Некоторыми учеными модернизация России расценивается как процесс секуляризации, становления гражданского общества и последующего ограничения монархической власти⁸. Еще в 1910 г. отечественный историк М. В. Довнар-Запольский характеризовал развитие общественной мысли России XVIII в. как «политическое воспитание общества»⁹. Другой известный дореволюционный историк и юрист В. А. Гольцев говорил о «прививании» российскому обществу «гуманных идей»¹⁰.

Сходные взгляды высказывались и в историографии 2-й половины XX в. Так, американский историк М. Раев описывал историю России Нового времени как телеологически направленный процесс догоняющей модернизации, создания «хорошо организованного полицейского государства» (*well-ordered police state*)¹¹. Близкого мнения придерживается и современный российский историк О. А. Омельченко, говоря о том, что «движение к конституционализму... составляло смысл политической эволюции, перспективных реформ или революций любых государственных систем с рубежа XVII – XVIII вв.»¹²

Однако в последние годы исследователи все в большей степени переносят внимание на изучение политических глоссариев и риторических моделей, а также на возникающие в процессе развития политической культуры противоречия и конфликты, на складывание уникальных конфигураций на базе универсальных, казалось бы, философских систем¹³. Надо согласиться с отечественным историком М. М. Кромом в том, что условием эффективного изучения политической истории является отказ от «представления о том, что

⁸ Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб.: Интерсоцис, 2009.

⁹ Довнар-Запольский М. В. Из истории общественных течений в России. Киев: Изд. И. И. Самоненко, 1910. С. 5.

¹⁰ Гольцев В. А. Законодательство и нравы в России XVIII века. М.: О. Н. Попов, 1896. С. 152.

¹¹ Raeff M. *Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization* // Raeff M. *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 117.

¹² Омельченко О.А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия. // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». № 2. М.: МГИУ, 2002. С. 90.

¹³ См., например: Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008.

“политика” всегда одинакова и является вечным повторением форм, свойственных XIX – XX векам»¹⁴.

Мы включаем в понятие модернизации два основных процесса. Первый из них – *вестернизация*, процесс интеграции западных идей и концепций в принимающую их российскую культуру. Признание вестернизации константой развития отечественной политической культуры Нового времени иногда ведет к пониманию этого развития исключительно как процесса «доставки» в Россию набора европейских «современных» (modern) ценностей, идей и институтов, когда, по словам американской исследовательницы С. Уиттакер, «монарх настолько просвещает свой народ, что тот больше не нуждается в его абсолютной власти или не хочет ее»¹⁵. Но подобное объяснение механики трансфера является недостаточным. Поэтому принципиально важен и второй процесс – *адаптация* на российской почве, амальгамирование заимствуемых западных идей и концепций с уже существующими формами политической культуры. Второй процесс разворачивается на базе первого, но не детерминирован им, а потому обоснованные выводы о российской политической культуре можно делать только на основе изучения адаптационного процесса.

Структура диссертации определяется поставленными выше целями и задачами. Она включает в себя введение, 6 глав основной части, заключение, список источников и используемой литературы.

В **главе 1** основной части представлена историография проблемы, охарактеризована источниковая база исследования, раскрыт методологический инструментарий. Историографический очерк содержит не только анализ основных подходов к изучению истории российской общественно-политической мысли, но и экскурс в традицию исследований республиканских идей в мировой исторической науке. В методологическом очерке детально рассмотрены применяемые методы, раскрыт концептуальный аппарат исследования.

В **главе 2** рассматривается содержание различий между монархизмом и республиканизмом, складывавшееся в процессе обсуждения актуальных политических проблем XVIII в. Доминировавшая в политическом дискурсе панегирическая литература – проповеди и «слова», создававшиеся иерархами православной церкви, вместе с одической

¹⁴ Кром М. М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. 2005. С.8.

¹⁵ Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2003. P. 94.

поэзией и хвалебной прозой светских авторов от В. К. Тредиаковского до Г. Р. Державина – использовали *провиденциальный монархический глоссарий*. С помощью такого глоссария было развито представление о божественном происхождении власти монарха, создан своеобразный гражданский культ богоподобного монарха-демиурга, описаны пределы власти царя, устанавливаемые ее целью – достижением *общего блага*. Ярчайшим из авторов можно считать Феофана (Прокоповича), однако окончательно этот глоссарий был сформирован в массиве придворных панегириков и проповедей елизаветинской эпохи (40-е – 50-е гг. XVIII в.) стараниями таких ораторов, как Амвросий (Юшкевич) и Симон (Тодорский), и таких поэтов, как В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов. Бытование религиозного монархизма прослеживается и дальше, до рубежа XVIII – XIX вв.

В **главе 3** исследованы концептуальные различия между представлениями о характере монархической власти, ее теоретических обоснованиях и способах преобразования властной структуры самодержавия и республиканскими политическими идеями, сформированными в европейской социокультурной среде. Круг реформаторских проектов, создававшихся представителями придворно-административной элиты – от Н. И. Панина до А. А. Безбородко – был посвящен прагматическим вопросам управления государством ради общего блага. В этой идеологии секулярного монархизма было разработано большое количество аргументов, связывающих монархию с общим благом, эффективно адаптирован целый ряд европейских идеологий, включая концепции естественного права. Объединяющим для секулярного и провиденциального монархизма оставался взгляд на этические вопросы, близкий к европейскому антимакиавеллизму, опиравшийся на широкий круг морально-политической литературы.

В **главе 4** рассматривается вопрос о том, каким образом российские элиты осваивали республиканское представление о добродетели. Важным каналом республиканского влияния стал популярный в России XVIII столетия политический роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699). Этот «бестселлер», в значительной мере построенный с использованием республиканских концептов, оказывал мощное влияние на функционирование дискурса о добродетели. Адаптация фенелоновского взгляда на добродетель не была беспроблемной. Она вступала в противоречие как с цicerоновской концепцией добродетели, укорененной в религиозно-этической литературе и поддерживавшей упомянутую выше монархическую идеологию, так и с влиятельным дискурсом о вестернизации (в значительной мере подпитывавшимся все той же

панегирической традицией гражданского «культа» монарха-преобразователя). В главе подробно рассматриваются коллизии, связанные с адаптацией в середине XVIII в. фенелоновских взглядов на добродетель в российской политической культуре, и их значимость в трансфере республиканских идей на российскую почву.

В главе 5 проанализирована связь между представлениями о добродетели и взглядами на социальную структуру российского общества. В фокусе анализа – описания социальной структуры, представленные в текстах политических панегириков и проповедей, игравших принципиально важную роль в легитимации монархии и трансляции официальной идеологии. С этими представлениями контрастирует альтернативное понимание социальной стратификации, получившее распространение с середины XVIII в. и обосновывавшее привилегированное положение российского дворянства на основании признания за ним особой добродетели.

В заключающей главе 6 проанализирован процесс республиканской ревизии сюжетов из российской истории, осуществлявшийся в отечественной историко-политической мысли XVIII в. В данной главе на примерах историко-политических сочинений (включая тексты, авторами которых были В. Н. Татищев, Ф. А. Эмин, М. М. Щербатов, А. Н. Болтин, Екатерина II и другие) рассмотрен феномен *экземплификации* – импорта образности и сюжетов из исторического нарратива античности, сделавший возможным переоценку важнейшего сюжета ранней российской истории: призвания варягов и политического строя древнего Новгорода. Этот процесс привел к утверждению нового взгляда на древнейший период российской истории, и сделал возможным появление ключевых текстов отечественной республиканской традиции – трактата «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина. Подробно рассмотрена республиканская специфика этих памятников общественно-политической мысли российского XVIII в. как текстов, в которых ряд расхожих идей и концептов переосмысливается в радикальном ключе, позволяющем говорить об адаптации республиканской традиции на отечественной почве.

Положения, выносимые на защиту.

1. Доминировавшей в придворном политическом контексте России XVIII в. риторической манерой был провиденциальный монархизм, функционировавший в жанре панегирика и проповеди, описывавший власть монарха-суверена как данную Провидением, а самого государя – как демиурга: героя, святого или почти божество.

2. Адаптация на российской почве представлений о формах правления вела к развитию секулярного монархизма – дискуссии об организации властный аппарат государства. Реформаторские проекты отводили главное место монарху-суверену, республиканская форма правления считалась слабой в военном отношении и потому неподходящей для обширной России. Поэтому между реформаторскими планами XVIII в. и республиканизмом следует провести черту, четко разделив эти идейные течения.

3. Объединяющим понятием для провиденциального и секулярного монархизма выступала *добродетель*, понимаемая как соответствие объективному, неизменному моральному идеалу. Такое понимание добродетели противоречило республиканской политической традиции, осложняя адаптацию республиканских идей в России.

4. Непрерывное усложнение политических практик привело к постепенной адаптации в России XVIII в. республиканских взглядов на социальные процессы. Гражданская добродетель представала здесь результатом политического конструирования (борьбы с роскошью и коммерцией), а не персонального этического выбора. Но параллельно популярность набирали позитивные взгляды на коммерцию и роскошь, воспринимавшуюся как гарант петровской вестернизации страны. Критика роскоши вела к последовательной критике вестернизации, что было для российских авторов чрезвычайно болезненным.

5. Адаптация республиканских идей о социальных процессах дала импульс возникновению в середине XVIII в. дворянской идеологии, обосновывавшей привилегированное положение дворянства с помощью республиканского понимания гражданской добродетели. Однако в рамках такой идеологии антимонархические взгляды не получили развития, поскольку гражданская добродетель дворян описывалась как результат монаршей милости, превращаясь в дополнительный аргумент в пользу монархии.

6. Наиболее интенсивно формирование республиканских идей в России XVIII в. протекало в сфере исторической мысли, вдали от придворных политических дебатов об организации властного аппарата. Переосмысление истории России в римском контексте позволила историкам XVIII в. обнаружить у страны республиканское прошлое и приписать древнему Новгороду особенное военное могущество. На базе подобного историзма были созданы важнейшие республиканские тексты России XVIII столетия. Наиболее последовательно республиканские идеи воплотила фигура Вадима, главного персонажа одноименной трагедии Я. Б. Княжнина.

Выводы настоящей работы прошли разностороннюю **апробацию**. Основные результаты настоящего исследования опубликованы в двух монографиях, в 33 научных статьях (из которых 24 статьи вышли в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, в том числе входящих в международные базы данных Web of Science и Scopus). Выводы и положения, выносимые на защиту, неоднократно обсуждались на конференциях и семинарах в Уральском федеральном университете, Институте истории и археологии Уральского отделения РАН, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), РАНХиГС (Москва), Германском историческом институте в Москве, Европейском университете в Санкт-Петербурге, Университете Париж-I Пантеон-Сорбонна, Высшей нормальной школе (Лион), Страсбургском университете и в других научных центрах, были презентованы на крупнейшем в мире специализированном конгрессе по истории XVIII в. ISECS, прошедшем в 2015 г. в Роттердаме (Нидерланды) и на семинаре международной группы по изучению российского XVIII века в Лондоне. Научная работа над вопросами, которым посвящена настоящая диссертация, велась в рамках целого ряда проектов, поддержанных грантами Правительства Российской Федерации, Российского научного фонда и Российского гуманитарного научного фонда, программами поддержки молодых исследователей Уральского федерального университета. В 2016 г. соискатель был удостоен премии Губернатора Свердловской области за лучшую работу в области гуманитарных наук¹⁶.

¹⁶ Цикл работ по теме «Развитие политической культуры российского монархизма XVIII в. в контексте европейского культурного трансфера».

Глава 1. Историография, методология и источники исследования.

1.1. Историография научной проблемы

1. Историография политико-правовых учений. К этому направлению относятся исторические исследования по трансферу и адаптации в России разнообразных европейских социально-политических доктрин. Соответствующая проблематика разрабатывалась в исторической науке с конца XIX в. Так, большой вклад в разработку истории российской общественно-политической мысли XVIII в. внес А. С. Лаппо-Данилевский. Ему принадлежит один из наиболее важных в дореволюционной России трудов по истории идей – «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.»¹⁷, к сожалению, не опубликованный в полном виде. В сжатом виде концепция Лаппо-Данилевского была представлена историком в докладе на Международном историческом конгрессе в Лондоне, который состоялся в 1913 г.¹⁸ Здесь Лаппо-Данилевский говорит, в частности, о процессе адаптации представлений об отношениях между монархом и подданными¹⁹.

В самый канун первой мировой войны начало выходить исследование патриарха российской социал-демократии, Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (1915–1918)²⁰. Следует отметить целый ряд трудов по истории политико-правовой мысли²¹,

¹⁷ Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики. Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2005. 462 с.

¹⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований // Полис. 1994. № 1. С. 178–185. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_5020251_25050942.pdf

¹⁹ Там же.

²⁰ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. 3. // Плеханов Г. В. Сочинения. В 24 т. Т. 22. М.; Л.: Госиздат, 1925. 364 с.

²¹ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX ст.). СПб.: тип. Монтвида, 1909. 638 с.; Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск: Электротип. Ф. Туникова, 1912. 312 с.; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев: Н. Я. Оглоблин, 1907. 714 с.; Макаров А. Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой трети XIX века // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб.: Тип. им. Гутенберга, 1922. С. 370–381; Замотин И. И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1901. 112 с.; Романовский В. Е. Наказ императрицы Екатерины II. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1899. 56 с.; Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. М.: Типолитограф. т-ва

а также сочинения, посвященные отдельным значимым фигурам отечественной политической культуры²².

В послереволюционный период изучение общественно-политической мысли в громадной степени определялось доминированием марксистской идеологии. Некоторые современные исследователи даже утверждают, что «на протяжении длительного времени послеоктябрьского периода в отечественной исторической науке проблемы истории общественной мысли фактически не разрабатывались»²³. Впрочем, такое мнение не является исчерпывающим. В работах ряда советских исследователей был предложен общий обзор процессов развития социально-политической мысли²⁴. Особо отметим обширную статью Ф. А. Коган-Бернштейн, посвященную влиянию Монтескье на отечественную культуру XVIII в.²⁵ Н. К. Гудзий и М. М. Штанге посвятили специальные исследования проблеме влияния Французской революции на российское общество²⁶. Среди трудов, посвященных специальным вопросам общественно-политической мысли, надо назвать серию работ И. С. Бака²⁷ о социально-экономической мысли XVIII в., работы

И. Н. Кушнерев и Ко, 1913. 214 с.; Тарановский Ф. В. Политическая доктрина в «Наказе» имп. Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1904. С. 44–86.

²² Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. V. М.: Д. Самарин, 1880. С. 3–450; Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб.: Имп. Акад. наук, 1868; Гурвич Г. Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1915. 111 с.; Беляев И. С. Крестьянин-писатель начала XVIII века И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность. (Исторический очерк). М.: Тип. Васильева и К°, 1902. 78 с.; Туманов М. Влияние русской литературы второй половины XVIII-го века на судопроизводство и законодательную деятельность правительства по этому вопросу // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 75. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 1–86; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901. 593 с.; Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. 407 с.; Гольцев В. А. Законодательство и нравы в России XVIII века. М.: О. Н. Попов, 1896. 204 с.; Мякотин В. А. На заре русской общественности. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. 87 с.; Сватиков С. Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону: Донская речь, 1905. 204 с.; Стоюнин В. Я. Княжнин-писатель // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 425–554; № 8. С. 735–764.

²³ Смирнова О. А. История российской общественной мысли как направление отечественной историографии: проблемы становления и развития // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3(7). С. 260–268.

²⁴ Бочкарев В. Н. Вопросы политики в русском парламенте XVIII века. (Опыт изучения политической идеологии XVIII века по материалам Законодательной комиссии 1762–1768 гг.). Тверь: Октябрь, 1923. 67 с.; Преснов А. Общественная мысль в России в конце XVIII века // Исторический журнал. 1938. № 9. С. 35–47; Виленская Э. С. Об особенностях формирования русской освободительной мысли в XVIII веке // Вопросы философии. 1951. № 2. С. 114–128; Покровский В. С. История русской политической мысли. (Конспект лекций). В 4 т. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952–1954. 86 с.; Бетяев Я. Д. Общественно-политическая и философская мысль в России в первой половине XVIII века. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. 428 с.; Вернадский В. Н. Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века // Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века. Л.: Ленинград. гос. пед. ун-т, 1962. С. 3–160.

²⁵ Коган-Бернштейн Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // Вопросы истории. 1955. № 5. С. 99–110.

²⁶ Гудзий Н. К. Французская буржуазная революция и русская литература. М.: Изд-во МГУ, 1944. 125 с.; Штанге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 205 с.

²⁷ Бак И. С. Я. П. Козельский. (Философские, общественно-политические и экономические воззрения) // Вопросы истории. 1947. № 1. С. 83–100; Бак И. С. Д. А. Голицын. (Философские, общественно-политические и экономические воззрения) // Исторические записки. 1948. Т. XXVI. С. 258–272; Бак И. С. А. Я. Поленов (Философские, общественно-политические и экономические взгляды) // Исторические записки. 1949. Т. XXVIII. С. 182–202; Бак И. С. Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 104–113; Бак И. С. С. Е. Десницкий –

С. В. Папаригопуло²⁸. Вышло несколько коллективных обобщающих трудов²⁹. Историю исторической мысли детально исследовали С. Л. Пештич³⁰ и М. А. Алпатов³¹. А в сфере истории права нужно назвать работы Б. И. Сыромятникова³² и И. А. Федосова³³. Наконец, высокой важностью обладают и исследования об отдельных политических мыслителях российского XVIII в. – Феофане (Прокоповиче)³⁴, И. Т. Посошкове³⁵, В. Н. Татищеве³⁶, Я. Б. Княжнине³⁷, М. М. Щербатове³⁸, С. Е. Десницком³⁹, Н. И. Новикове⁴⁰ и других⁴¹. Ключевой же фигурой политической мысли XVIII в. для советских исследователей был, конечно, А. Н. Радищев⁴².

выдающийся русский социолог // Вопросы философии. 1955. № 1. С. 57–66; Бак И. С. Антифеодальные экономические учения в России второй половины XVIII века. М.: Изд-во соц.-эк. лит.-ры, 1958. 125 с.

²⁸ Папаригопуло С. В. О двух Козельских // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 109–112. Также С. В. Папаригопуло принадлежит и еще одна работа по теме истории общественно-политической мысли: Папаригопуло С. В. Прогрессивные русские мыслители XVIII века о войне и мире // Вопросы философии. 1960. № 2. С. 132–142.

²⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956; История русской экономической мысли. Т. I, ч. 1. М.: Госполитиздат, 1955; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

³⁰ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. В 3 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961–1971.

³¹ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII в.). М.: Наука, 1985.

³² Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л.: АН СССР, 1943. 455 с.

³³ Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55; Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы истории, 1971, № 7. С. 46–65.

³⁴ Ничик В. М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. 197 с.

³⁵ Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков. (Русский публицист эпохи Петра I). Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 191 с.

³⁶ Алефиренко П. Социально-политические воззрения В. Н. Татищева // Вопросы истории. 1951. № 10. С. 103–114; Галактионов А. А. Социально-политические и философские взгляды В. Н. Татищева // Ученые записки Ленингр. ун-та. 1956. № 196, вып. 7. С. 170–178; Шакинко И. М. Василий Татищев. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1986. 237 с.; Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х–начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985. 368 с.; Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1981. 351 с.

³⁷ Кулакова Л. И. Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–58.

³⁸ Рустам-заде З. П. «Умный разговор» М. М. Щербатова в свете его социально-политических взглядов // Русская литература. 1966. № 3. С. 76–78; Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 263 с.; Рустам-заде З. П. «Разговор между двух друзей о любви к отечеству» (неизданное произведение М. М. Щербатова) // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1968. Вып. 72. № 339. С. 203–207.

³⁹ Загряцков М. Д. Общественно-политические взгляды С. Е. Десницкого // Вопросы истории. 1949. № 7. С. 101–112.

⁴⁰ Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974.

⁴¹ Орлов В. Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. М.; Л.: Гослитиздат, 1950. 477 с.; Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 188 с.; Кулакова Л. И. Петр Алексеевич Плавильщиков. 1760–1812. М.; Л.: Искусство, 1952. 103 с.; Приказчикова Е. В. Идеолог купечества М. Д. Чулков // История русской экономической мысли. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит.-ры, 1955. С. 490–518; Черняков М. В. Политико-дидактический роман М. М. Хераскова // Наукові записки Харківського педагогічного інституту. Праці філологічного факультету. 1941. Т. 7. С. 99–119.

⁴² Горбунов М. А. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1949. 172 с.; Пугачев В. В. А. Н. Радищев (Эволюция общественно-политических взглядов). Горький: [б/и], 1960. 99 с.; Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. (175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева). М.: Наука, 1966. 304 с.; Шторм Г. Потаенный Радищев. (Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву»). М.: Советский писатель, 1964. 463 с.

Принципиальную методологическую роль играло в советской историографии противопоставление «прогресса» и «реакции» – например, И. С. Бак подчеркивал, что во 2-й половине XVIII в. «передовая русская культура приобретала все более антифеодальный характер»⁴³. И соответствующий раздел «Очерках истории СССР», написанный совместно П. К. Алефиренко, Г. П. Макогоненко и Ю. Я. Коганом, имел характерное название: «Русская передовая общественная мысль». Под «передовой мыслью» 2-й половины XVIII в. подразумевались здесь М. В. Ломоносов, Я. П. Козельский, С. Е. Десницкий, Н. И. Новиков и А. Н. Радищев⁴⁴. Хотя речь в «Очерках» заходила и о «просветительстве», «важнейшей проблемой общественной мысли» все же признавался крестьянский вопрос. Такой же взгляд представлен и, например, в исследовании В. В. Мавродина «Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773 гг.)»⁴⁵. Вопрос о российском просветительстве ставили и решали такие специалисты, как А. Штамбок⁴⁶, П. П. Епифанов⁴⁷, А. Г. Кузьмин⁴⁸, Г. П. Макогоненко⁴⁹.

Важной фигурой в советской историографии общественной мысли XVIII в. является П. С. Грацианский⁵⁰. Его работа «Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в.» (1984) была «первым в юридической литературе обобщающим исследованием политических и правовых воззрений русских мыслителей» этого периода⁵¹. Однако ориентация исследования на советский историографический канон привела к тому, что охват оказался заведомо не полным: в фокус внимания автора попало лишь ограниченное количество фигур отечественной политической культуры XVIII столетия. Грацианский следовал следующей схеме: «Русское просвещение 60–80-х годов XVIII века – это четко определившееся идейное течение, представители которого ясно сознавали свою принадлежность к нему. <...> Одним из признанных лидеров Московского

⁴³ Бак И. С. Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова. С. 105.

⁴⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 469–498.

⁴⁵ Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773) // Мавродин В. В. Рождение новой России. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1988. С. 360.

⁴⁶ Штамбок А. Куда ведет схоластика. (Об изучении русского Просвещения и просветительской эстетики). – Вопросы литературы. 1961. № 3. С. 97–114.

⁴⁷ Епифанов П. П. «Ученая дружина» и просветительство XVIII века. (Некоторые вопросы истории русской общественной мысли) // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 37–53

⁴⁸ Кузьмин А. Г. Русское просветительство XVIII в. // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 106–125.

⁴⁹ Макогоненко Г. П. Русское Просвещение и литературные направления XVIII века // Русская литература. 1959. № 4. С. 23–53; Макогоненко Г. П. Н. Новиков и русское просвещение XVIII в. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952.

⁵⁰ Грацианский П. С. Десницкий. М.: Юридическая литература, 1978. 111 с.; Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М.: Наука, 1984. 252 с.

⁵¹ Куркин Б. А. П. С. Грацианский. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., «Наука». 1984. 253 с // Правоведение. 1987. № 2. С. 86.

просветительского кружка был С. Е. Десницкий, что определяет в первую очередь его место в истории русской политической мысли. Деятельность просветителей подготовила выступление первого русского революционера – А. Н. Радищева»⁵².

Сходное направление анализа развивалось и в работах В. И. Морякова, рассмотревшего проблему российского просветительства и роль в его развитии франко-русских связей⁵³. Моряков определяет русское просветительство как «антифеодальную буржуазную идеологию», сложившуюся на российской почве под влиянием французских энциклопедистов и Руссо и не имевшую «единства теоретических воззрений»⁵⁴: «Отсутствие в стране общественного движения давало возможность усвоить не всю сумму идеологических постулатов, а лишь отдельные положения, на основе которых осуществлялась критика наиболее отрицательных сторон существующего строя»⁵⁵. В центре развития общественной мысли, согласно Морякову, находился конфликт между консервативной дворянской мыслью и просветителями, «объективно выступавших с крестьянских позиций».

В 1970-х – 1990-х гг. в области интеллектуальной истории России Нового времени трудился целый ряд иностранных исследователей – М. М. Карпович, И. де Мадариага, С. Бер и другие⁵⁶. Особенно интересным является исследование польского историка А. Валицкого. Он оперирует понятием «Просвещение», под которым подразумевает «такую идеологию, которая отстаивает рационалистический универсализм, антифеодальный и свободомыслящий по определению; идеологию, которая инициировала освобождение индивида от ограничений феодально-сословного образа жизни, используя аргументы, основывающиеся на “разуме” и “человеческой природе”»: последние, как предполагалось,

⁵² Грацианский П. С. Десницкий. С. 102–103.

⁵³ Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 224 с.; Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века (Из истории общественно-политической мысли России). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 216 с.; Моряков В. И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 42–58; Моряков В. И. Екатерина II – просветитель или консерватор? // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 9–26.

⁵⁴ Таким образом, Моряков полемизировал с Грацианским, настаивавшим на том, что «в основном» взгляды просветителей «совпадали» (Грацианский П. С. Десницкий. С. 102).

⁵⁵ Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века (Из истории общественно-политической мысли России) М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 198.

⁵⁶ Cracraft J. Did Feofan Prokopovich Really Wrote Pravda Voli Monarshei // Slavic Review. 1981. Vol. 40. № 2. P. 173–193; Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России. XVIII – начало XX века. М.: Русский путь, 2012; Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: НЛЮ, 2002. 976 с.; Butler W. E. Strube de Piermont and the Origins of Russian Legal History // Russia in the Age of Enlightenment. Essays for Isabel de Madariaga. NY, 1990. P. 125–141; McConnell A. Radishchev and Classical Antiquity // Canadian-American Slavic Studies. 1982. № 16. P. 469–490; Baehr S. From History to National Myth: Translatio Imperii in Eighteenth-Century Russia // Russian Review. 1978. № 1(37). P. 1–13.

присущи всем людям и, значит, стоят выше привилегий и суеверий, освященных обычаем»⁵⁷. В своей работе Валицкий, впрочем, уделяет XVIII столетию не очень много внимания: его анализ включает обзор идей Козельского, Десницкого, Щербатова, Новикова и масонов, братьев Паниных, Радищева⁵⁸. По мнению историка, в царствование Екатерины II в России сложилось общественное мнение, которое под влиянием Просвещения сформировало интерес к моральным вопросам, одновременно обусловив разворачивание конфликта с самодержавием⁵⁹.

В постсоветской историографии история общественной мысли в значительной степени растворена смежными научными полями. Важно отметить работы Т. В. Артемьевой, посвященные философской и историко-политической мысли России эпохи Просвещения⁶⁰. В работах А. В. Малинова, С. В. Соколова рассматриваются вопросы функционирования исторической мысли XVIII в.⁶¹, неотделимой от общего интеллектуально-политического ландшафта эпохи; идеи С. В. Соколова относительно феномена *экземплификации* в историописании XVIII в. следует считать особенно ценными. Начали регулярно выходить работы, посвященные истории отечественного консерватизма⁶². Среди авторов, относимых к числу консерваторов, особенного внимания удостоился М. М. Щербатов⁶³.

⁵⁷ Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+, 2013. С. 48.

⁵⁸ Там же, с. 13–84.

⁵⁹ Там же, с. 13–14.

⁶⁰ Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 92 с.; Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1996. 320 с.; Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII века. СПб., 1998. 267 с.; Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.

⁶¹ Малинов А. В. Очерки по философии истории в России. СПб.: Интерсоцис, 2013; Соколов С. В. О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской руси // Уральский исторический вестник. 2013. № 1(38). С. 122–130; Соколов С. В. Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова) // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство эпохи. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 252–271; Соколов С. В. Монархия, аристократия и республика в истории России с точки зрения историографии XVIII в. // IV Информационная школа молодого ученого Всероссийская междисциплинарная молодежная конференция с международным участием, сборник научных трудов. 2014. С. 124–133.

⁶² Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000;

⁶³ Бугров Д. В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М. М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12. С. 275–291; Горемыкина М. В. «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» М. М. Щербатова и «Европейские письма» В. К. Кюхельбекера в контексте русской просветительской утопии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 133. № 4. С. 137–145; Калинина С. Г. Государственная деятельность М. М. Щербатова: идеи и практика. Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2004; Козлова М. И. Рецепция античности в исторической мысли XVIII века (Опыт М. М. Щербатова). Дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2011; Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994; Калинина С. Г. Государственная деятельность М. М. Щербатова: идеи и практика. Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2004; Серенченко Н. В. Князь М. М. Щербатов: консерватор или традиционалист? // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2007. №3 (81). С. 103–114; Назаренко Б. А. Государственно-правовые взгляды М. М. Щербатова (Историко-правовое исследование). Дисс. ... канд. юр. наук. М.: Московская гос. юр. академия, 2009; Свердлов М. Б. Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 4 (12). С. 59–84; Ростовцева Ю. А. Об источниках офирских «катехизмов» князя

Еще одно исследовательское направление, быстро развивавшееся в 90-е гг. XX в. – это история российского конституционализма. Этот сюжет часто понимается исследователями как история *развивающегося конституционализма*, находившегося в постоянной конфронтации с самодержавной монархией, или, напротив, являвшегося продуктом ее эволюции. Соответствующие изыскания проводились на стыке истории общественной мысли и истории права. Изучению конституционализма в самых его разнообразных аспектах посвящены работы А. Н. Медушевского⁶⁴, Ю. А. Сорокина⁶⁵, В. Ю. Захарова⁶⁶, Л. И. Новиковой и И. Н. Сиземской⁶⁷, И. А. Кравеца⁶⁸. Е. Н. Васильева изучает проблемы рецепции идей Монтескье на отечественной почве⁶⁹. В исследованиях М. А. Юсима детально изучены практически все следы влияния Н. Макиавелли на российскую культуру (тема, весьма важная для изучения генезиса российского республиканизма)⁷⁰.

Огромным вкладом в изучение вопроса явились работы О. А. Омельченко, посвященные политико-правовой мысли екатерининской эпохи⁷¹. Исследователь использует концепцию «просвещенного абсолютизма» для последовательного анализа законотворческой деятельности Екатерины II и ее окружения, критикует представления об абстрактных «европейских заимствованиях» в российской политико-юридической культуре XVIII в., указывает на необходимость изучения конкретных образцов и форм адаптации.

М. М. Щербатова // Проблемы исторической поэтики. 2015. Т. 13. С. 108–121; Рыжков В.С. Неотвратимы ли «упадок и разрушение» Российской империи? Историческое мировоззрение Михаила Щербатова и классическая циклическая концепция времени // Философский век. Альманах. Вып. 34. Человек в философии Просвещения. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2008. С. 148–157.

⁶⁴ Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России: Социология, этнология. 1996. Т. 5. № 1. С. 154–194; Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М.: изд-во ГУ-ВШЭ, 2005. 576 с.; Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII – XX вв. М.: РОССПЭН, 2010. 640 с.; Медушевский А. Н. Российская правовая традиция – опора или преграда? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. 136 с.

⁶⁵ Сорокин Ю. А. Конституционные искания в России последней трети XVIII в. (К постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №5 (25). С. 16–20.

⁶⁶ Захаров В. Ю. «Всемиловитейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII - начале XIX вв. М.: Прометей, 2002. 191 с.; Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 31–52; Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1 - й четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа. В 2 т. М.: Прометей, 2017.

⁶⁷ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Российские ритмы социальной истории. М.: Институт философии РАН, 2004. 193 с.

⁶⁸ Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Юридический Пресс-Центр, 2005. 673 с.

⁶⁹ Васильева Е. Н. Трактат «О духе законов» Монтескье как объект литературной полемики в России второй половины XVIII в. // Вестник Рос. христ. гум. академии. 2015. № 3. С. 322–331.

⁷⁰ Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011.

⁷¹ Омельченко О. А. Конституция «просвещенного абсолютизма» в России // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 136–142; Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993; Омельченко О.А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия. // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». № 2. М.: МГИУ, 2002. С. 71–90; Омельченко О. А. Императорское собрание 1763 года: (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: РИЦ МГИУ, 2001. 159 с.; Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII в. М.: МГИУ, 2004. 604 с.

О. А. Омельченко проводит резкую границу между «подлинным Просвещением» и концепцией «просвещенного абсолютизма». Эта последняя, по мнению ученого, включала идеи «законной монархии», сословного статуса; источниками ее стали «официальная теория абсолютизма предыдущего времени с ее идеей Богоустановленности власти», «политическая философия немецкой школы Г. Лейбница, Х. Вольфа и Х. Томазия», и «правовая доктрина немецкого камерализма и полицеизма XVIII в. в ее наиболее консервативном исполнении»⁷². Вместе с тем, О. А. Омельченко полагает, что историческая логика подталкивала эту систему к развитию по пути конституционализма⁷³.

В современной зарубежной историографии российской общественно-политической мысли XVIII в. также имеется ряд значимых трудов. В коллективной работе «History of Russian Thought» раздел, посвященный «русскому Просвещению XVIII века» написал Г. Джонс⁷⁴. Этот краткий обзор включает специальные экскурсы в область философских и политических взглядов Феофана (Прокоповича), М. В. Ломоносова, Я. П. Козельского, Екатерины II, Н. И. Новикова и А. Н. Радищева. В целом, Джонс описывает ход развития российской мысли как процесс адаптации основных идей Просвещения и становление «независимо мыслящего гражданина»⁷⁵. Работа американского исследователя Г. Хамбурга «Russia's Path Towards Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500 – 1801»⁷⁶ посвящена анализу российской политической мысли на очень большой временной протяженности. Г. Хамбургу удалось прийти к некоторым интересным выводам – например, показать принципиальную значимость понятия «добродетель» для российской политической культуры XVIII в.⁷⁷ Однако, анализируя российскую политическую мысль, Хамбург использует бинарную объяснительную модель, противопоставляя российскую традицию (деспотизм, морализм, религия) и европейское Просвещение (право, рационализм, секуляризм); несовершенство этой модели представляется, с учетом всего сказанного выше, очевидным. Большим недостатком этой работы является тот факт, что Хамбург практически не использовал современную российскую историографию проблемы.

⁷² Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII в. С. 409.

⁷³ Омельченко О.А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия. С. 90.

⁷⁴ Jones G. Russia's Eighteenth-Century Enlightenment // A History of Russian Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 73–94.

⁷⁵ Ibid., p. 92.

⁷⁶ Hamburg G. Russia's Path Towards Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven; London: Yale University Press, 2016. 912 p.

⁷⁷ Ibid., p. 681.

2. Историография вопросов государственного управления и эволюции представлений о власти. Проблематика, рассматриваемая в данных работах, важна с позиций изучения дискуссий о форме правления, о качествах монарха, об общих целях и задачах государственной политики. В качестве исходной точки можно назвать обобщающие труды XIX в., относящиеся к «государственной школе»⁷⁸ – например, сочинения С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. П. Пекарского⁷⁹ и ряда других мыслителей и историков. Среди авторов этого направления, создавших свои труды в дореволюционной России, следует в первую очередь назвать имена А. С. Лаппо-Данилевского⁸⁰, Н. Д. Чечулина⁸¹, В. А. Бильбасова⁸², Ю. В. Готье⁸³ и других⁸⁴.

В числе работ советских исследователей, посвященных социально-политической истории, надо выделить труды Н. Л. Рубинштейна⁸⁵ и С. М. Троицкого⁸⁶. Политическому кризису 1730 г. посвящены работы Г. А. Протасова⁸⁷, а в работах М. М. Сафонова освещен целый ряд важных тем политической борьбы в высшем эшелоне российской власти 2-й половины XVIII – начала XIX вв.⁸⁸

⁷⁸ Климов И. П. Государственная школа в российской историко-правовой науке XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 3. С. 218–219.

⁷⁹ Пекарский П. П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1862. 590 с.

⁸⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II [Текст] / А. Лаппо-Данилевский. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. 65 с.; Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1898. 144 с.

⁸¹ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1889. 121 с.

⁸² Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин: Изд. Фридриха Готтгейнера, 1900.

⁸³ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. В. 2 т. М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913–1914.

⁸⁴ Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра I. (Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты). СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1897. 227 с.; Богословский М. М. Конституционное движение 1730 г. Пг.: Задруга, 1918. 36 с.; Даневский П. История образования Государственного совета в России. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1859; Довнар-Запольский М. В. Зарождение министерств в России. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1906; Романович-Славатинский А. В. Исторический очерк губернского управления от первых преобразований Петра Великого до учреждения губерний 1775 года. Киев: Унив. тип., 1859; Чистович И. А. Историческая записка о Совете в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1870; Восемнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива князем Федором Алексеевичем Куракиным. Т. 1–2. М.: Типо-лит. Гросман и Вендельштейн, 1904–1905; Якушкин В. Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1906.

⁸⁵ Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще». (К истории социальной политики 50-х–начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. 1951. Т. 38. С. 208–251.

⁸⁶ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. Сборник статей и публикаций. М.: Наука, 1982. 256 с.

⁸⁷ Протасов Г. В. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов: Тамбовский гос. пед. ин-т., 1970. С. 65–103.

⁸⁸ Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. М.: Наука, 1974. С. 266–267; Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова – Г. Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л.: Наука, 1978. С. 237–243; Сафонов М. М. А. Н. Радищев и «Грамота русскому народу» // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2003. № 2. С. 112–141; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 247 с.; Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб.: ЛИТА, 2001. 311 с.

В западной историографии социально-политической истории российского XVIII в. ключевой фигурой является⁸⁹ американский историк М. Раев, который в целом ряде работ, посвященных административно-политической и социально-экономической истории России XVIII в., сформулировал оригинальный взгляд на процессы модернизации⁹⁰. По мнению Раева, в Центральной и Восточной Европе развивалась догоняющая модернизация, рецепты для которой вырабатывали интеллектуалы-камералисты, обосновывавшие необходимость правительственного «дирижизма» в «хорошо организованном полицейском государстве»⁹¹. Усиление государственно-бюрократического давления в комбинации с установкой на модернизацию и поощрение автономной личности привело, на взгляд Раева, к сложным внутренним конфликтам, возникновению «русской интеллигенции», порождения государственных модернизаторских усилий и одновременно – основной оппозиционной силы⁹². Развивая идеи Раева, американский исследователь У. Глизон полагает, что российские авторы второй половины XVIII в. – такие, как Н. И. Новиков, И. Ф. Богданович и Д. И. Фонвизин – находились преимущественно под влиянием философских концепций С. Пуфендорфа и Х. Вольффа⁹³. Однако попытка Глизона доказать, что европейское влияние на «партию Панина» ограничивалось теориями Пуфендорфа и Вольффа, не была подкреплена убедительными аргументами. Кроме того, целый ряд западных исследователей в 1970-х – 1990-х гг. трудился в области административно-политической⁹⁴ истории России Нового времени.

Большой резонанс имели и работы американского историка Р. Пайпса⁹⁵, предложившего оригинальный взгляд на социально-политическую конфигурацию российской властной системы как на «вотчинное государство»⁹⁶. Последующие

⁸⁹ Cracraft J. Nuts and Bolts // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41. № 4. P. 630.

⁹⁰ Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // *The American Historical Review*. Vol. 75. № 5 (Jun., 1970). P. 1291–1302; Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. Vol. 80. No. 5 (Dec., 1975), pp. 1221–1243; Raeff M. Plans for political reform in Imperial Russia, 1730–1905. Englewood Cliffs: Prentice Hall, Inc., 1966. 192 p.; Raeff M. The Political Philosophy of Speranskij // *American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12. No. 1 (Feb., 1953). P. 1–21.

⁹¹ Эти взгляды Раева, конечно, вызвали полемику. См. об этом: Зубков К. И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 3. С. 20–29.

⁹² Raeff M. Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization // Raeff M. *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 118–121.

⁹³ Gleason W. Political Ideas and Loyalties of Some Russian Writers of Early 1760s // *Slavic Review*. 1975. Vol. 34. № 3. P. 560–575; Gleason W. *Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1981. 252 p.

⁹⁴ Joukovskaia-Lecerf A. Hiérarchie et patronage. Les relations de travail dans l'administration russe au XVIIIe siècle // *Cahiers du Monder Russe*. № 47/3. 2006. P. 551–580.

⁹⁵ Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.; Пайпс Р. *Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры*. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.

⁹⁶ Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. 170–171.

трансформации этой политической культуры протекали, согласно Пайпсу, под влиянием западных инноваций, но эффект петровских реформ оказался неподконтролен самодержцам и привел к возникновению в стране гражданского общества, критически настроенного по отношению к престолу.

С конца 80-х гг. XX столетия в России начинается переоценка марксистской историографии. Прорывными в этом отношении стали труды Е. В. Анисимова, представившие новый, разносторонний анализ феномена абсолютистской монархии и, что особенно важно, обратившие внимание на необходимость глубоко изучать эпоху дворцовых переворотов⁹⁷. Различным вопросам политической истории XVIII столетия посвящены труды И. В. Курукина⁹⁸; а совместная работа И. В. Курукина и А. Б. Плотникова (крупнейшего специалиста по истории реформаторских проектов Н. И. Панина⁹⁹), посвященная политическому кризису 1730 г., стала наиболее полным исследованием этой проблемы на сегодняшний день, включающим также публикацию ценнейшего комплекса документов¹⁰⁰. Различные аспекты социально-политической истории изучены в работах Г. В. Ибнеевой¹⁰¹, Н. В. Коршуновой¹⁰², И. В. Фаизовой¹⁰³, И. И. Федюкина¹⁰⁴, Е. С. Соколовой¹⁰⁵. Вышел целый ряд новых работ, посвященных анализу политического

⁹⁷ Анисимов Е. В. *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.; Анисимов Е. В. *Россия без Петра: 1725 – 1740*. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.

⁹⁸ Курукин И. В. *Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725 – 1762 гг.* Рязань, 2003. 565 с.; Курукин И. В. «Для вперения в юношество любви к Отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX века // *Исторический вестник*. 2013. № 3. С. 96–121.

⁹⁹ Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина // *Вопросы истории*. 2000. № 7. С. 74–85; Плотников А. Б. *Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения)* // *Российская история*. 2008. № 6. С. 117–130.

¹⁰⁰ Курукин И. В., Плотников А. Б. *19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы*. М.: Квадрига, 2010. 280 с.

¹⁰¹ Ибнеева Г. В. *Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н. И. Панина* // *Ученые записки Казанского гос. ун-та*. Т. 134. Казань: Унипресс, 1998. С. 100–105.

¹⁰² Коршунова Н. В. Проблема разработки проекта «О состоянии подданных вообще» в рамках работы Уложенной комиссии 1754–1766 гг. // Коршунова Н. В. *Проблема разработки проекта «о состоянии подданных вообще» в рамках работы Уложенной комиссии 1754–1766 гг.* // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. № 19. С. 48–56; Коршунова Н. В. *Проекты отмены крепостного права в последней трети XVIII века* // *Вестник ЧелГУ*. 2008. № 34. С. 60–67.

¹⁰³ Фаизова И. В. *Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии*. М.: Наука, 1999. 221 с.

¹⁰⁴ Федюкин И. И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // *Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского*. М.: Древлехранилище, 2014. С. 83–142; Fedyukin I. *From Passions to Ambitions: Human Nature and Governance from Peter I to the Emancipation of the Nobility* // *The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825. Public Role and Subjective Self*. DeKalb, 2016. P. 26–45.

¹⁰⁵ Соколова Е. С. *Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, купечество, духовенство)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. академии, 2011. 344 с.; Соколова Е. С. «Закон яко фортеция правды»: о теоретико-практических основах законодательной политики Петра Великого // *Genesis: Исторические исследования*. 2015. № 3. С. 345–366.

кризиса 1730 г.¹⁰⁶, работы, посвященные отдельным политическим деятелям – А. И. Остерману¹⁰⁷, П. И. Шувалову¹⁰⁸, Н. И. Панину, Д. В. Волкову¹⁰⁹, П. А. Зубову¹¹⁰.

Крупнейшая обобщающая работа А. Б. Каменского «От Петра I до Павла I» (2001)¹¹¹ суммировала достижения, сделанные за десятилетие постсоветского развития в области изучения политической истории XVIII в. Ценным является и обзорный труд С. Диксона «The Modernization of Russia 1676 – 1825» (1999)¹¹².

3. Историко-культурные исследования. Работы историко-культурного, историко-антропологического характера затрагивают проблемы функционирования политики как культурного поля и в этом качестве являются необходимыми для проведения данного исследования.

Одним из первых обобщающих трудов такого рода явился капитальный труд П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» (1896 – 1903). Здесь, последовательно анализируя основные вехи истории отечественной политической мысли, Милюков описывает ее в категориях борьбы «националистических» и «критических» элементов, «общественного мнения» и «власти», подчиненных определенным законам развития. «Национальное самосознание» возникает в «органическом периоде» развития государства, объединяя «лапидарный» набор признаков, воспринимаемых как основные характеристики конкретной национальности и закрепляемых «религиозной санкцией». Благодаря внешнему давлению «эпоха самовозвеличения сменяется эпохой самокритики»¹¹³, а институтом самокритики выступает общественное мнение. Борьба «националистического» и «критического» элементов ведет к «полной перестройке традиционной системы общественных отношений и замене ее системой, основанной на

¹⁰⁶ Янов А. Л. Драма смутного времени (Дело 1730 года) // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 159–177; Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–80; Пронкин С. В. Политические намерения Верховного Тайного совета в 1730 г. // Вестник Московского государственного университета. Серия 21: Управление (Государство и общество). 2011. № 3. С. 89–105; Белова Т. А. Политическое движение 1730 г. и Верховный Тайный совет // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 12–15.

¹⁰⁷ Лысцова А. С. Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е – начале 1740-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 150–161.

¹⁰⁸ Андрияйнен С. В. Империя проектов. Государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб., 2011. 239 с.

¹⁰⁹ Киселев М. А. Казус Д. В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 42–52.

¹¹⁰ Курукин И. В. Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 200–226.

¹¹¹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.

¹¹² Dixon S. The Modernization of Russia 1676 – 1825. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

¹¹³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 10.

сознательном выборе большинства»¹¹⁴. XVIII век, по Милюкову, лежит как раз между «органическим» и «критическим» периодами отечественной истории.

В несколько иных категориях оценивал историю отечественной общественной мысли известный публицист Р. В. Иванов-Разумник, считавший эту историю в первую очередь «историей русской интеллигенции»¹¹⁵. К интеллигентам, то есть «людям, характеризующимся определенной суммой выработанных трудом знаний или определенным отношением к этико-социологическим вопросам», Иванов-Разумник причисляет Ивана Грозного, Петра I, М. В. Ломоносова... В качестве особой группы интеллигенция складывается к середине XVIII в. Она внесословна и внеклассова, она «сумела отречься от классовых идеалов и тем самым, будучи сословной по составу, оказаться внесословной по намеченным целям»¹¹⁶. Эта концепция опиралась на этические теории крупнейшего народнического мыслителя XIX в. П. Л. Лаврова.

Альтернативой этим воззрениям были работы марксистского направления, которые начали появляться еще до Октябрьской революции – российское революционное движение выдвигало собственных историков. Назовем в виде примера сочинение большевика М. С. Ольминского «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России» (1910)¹¹⁷, содержащее бескомпромиссную критику «государственной школы». Крупнейший советский историк межвоенной поры М. Н. Покровский, хотя и не занимался специально общественной мыслью XVIII в., оставил тем не менее значимую работу «Борьба классов и русская историческая литература» (1923),¹¹⁸ посвященную изучению политической культуры, дающую хорошее представление об историографии этого периода, а также о тех методических основаниях, которые отделяли ее от историографии дореволюционной.

В позднейшей советской историографии весьма важна серия работ С. О. Шмидта, посвященная социально-культурной истории российского дворянства¹¹⁹. Крупным вкладом в изучение политической культуры XVIII в. являются работы Ю. М. Лотмана – в частности, статьи «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца

¹¹⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 11.

¹¹⁵ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в литературе и жизни XIX в. Т. 1. СПб. Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. С. 1.

¹¹⁶ Там же, с. 6.

¹¹⁷ Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб.: Жизнь и знание, 1910. 175 с.

¹¹⁸ Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. М.: Либроком, 2012. С. 7–100.

¹¹⁹ Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX в. М.: Наука, 2002. 368 с.

XVIII века» (1965) и «Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века» (1969)¹²⁰. Своеобразно освещаются проблемы истории политической культуры и в работах Н. Я. Эйдельмана¹²¹. Сам Эйдельман характеризовал отечественную культуру XVIII – XIX столетий как «мир намёков, “кукишизма”, подтекстов»¹²². Следует также упомянуть исследования по истории социально-культурного перехода от XVII в. к XVIII в., в частности, связанные с анализом культуры барокко¹²³.

Рубежной работой для изучения политической культуры российского XVIII в. стало исследование В. М. Живова и Б. А. Успенского «Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России» (1987)¹²⁴. В этой работе авторы поставили целью показать, каким образом «то или иное отношение к монарху соотносится с различными этапами русской политической и культурной истории; как здесь концентрируются различные аспекты русской культурной жизни; как одни и те же тексты в различные исторические периоды наполняются разным содержанием, актуальным для того или иного периода»¹²⁵. По мнению Успенского и Живова, сакрализация государя в средневековой Руси не была чем-то из ряда вон выдающимся; эта сакрализация имела сходства как с византийской, так

¹²⁰ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000; Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 211–238.

¹²¹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Из потаённой истории России XVIII–XIX веков. М.: Мысль, 1973; Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.

¹²² Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. С. 3.

¹²³ Елеонская А. С. Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Сборник 9. Л.: Наука, 1974. С. 259–269; Черная Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половине XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М.: Наука 1989. С. 220–232.

¹²⁴ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. С. 205–338. Помимо упомянутого сочинения целый ряд работ, написанных этими авторами как вместе, так и по отдельности, имеет принципиальное значение для темы настоящей диссертации: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 4: (XVIII – начало XIX века). С. 449–536; Успенский Б. А. Царь и самозванец; Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. С. 184–205; Живов В. М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 546. Тарту, 1981. С. 56–91; Живов В. М. Иван Сусанин и Петр Великий: о константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 51–65; Живов В. М. «Всякая всячина» и создание екатерининского политического дискурса // Eighteenth-century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-century Russia. Munster: LIT-Verlag, 2007. С. 251–266; Б. А. Успенский также написал две важные работы в соавторстве с Ю. М. Лотманом (Успенский Б. А., Лотман М. Ю. Миф – имя – культура // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. С. 433–460; Успенский Б. А., Лотман М. Ю. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. С. 124–142).

¹²⁵ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. С. 206.

и западноевропейской традициями¹²⁶. Кардинальная трансформация произошла XVII в., когда взгляд на царскую власть в России «византизировался», одновременно подвергаясь влиянию европейской культуры барокко через посредство Юго-Западной Руси¹²⁷. В конечном счете, «тот или иной барочный образ начинал восприниматься не как условный, а как действительный», и по этой причине «уподобление царя Богу может восприниматься в прямом, а не переносном смысле, никак не сводясь к одной риторике»¹²⁸. Чрезвычайно значимы исследования Ю. В. Кагарлицкого¹²⁹, содержащие анализ политической функции панегирической литературы, дополняющие и корректирующие многие из названных выше выводов В. М. Живова и Б. А. Успенского.

Провокативный характер носило исследование американского ученого М. Окенфусса¹³⁰, попытавшегося доказать, что специфика российской культуры XVIII в. заключалась в незначительном влиянии латинской традиции и, следовательно, в слабом интересе к римской тематике. Хотя доводы, приводимые Окенфуссом, интересны (в частности, ученый указывает на тот факт, что среди российской дворянской элиты было практически не распространено знание латыни), с общим выводом его исследования об отсутствии в российской культуре XVIII столетия невозможно согласиться.

Разнообразным аспектам российской культуры XVIII в. посвящены работы европейских историков работы Э. Зицера¹³¹, М.-П. Рэй¹³². Весьма интересен цикл работ венгерского историка Э. Сашалми, посвященных различным аспектам российской политической истории Нового времени¹³³. Наиболее же значимыми работами, специально

¹²⁶ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. С. 221.

¹²⁷ Там же, с. 230.

¹²⁸ Там же, с. 233.

¹²⁹ Кагарлицкий Ю. В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html>; Кагарлицкий Ю. В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 243–259; Кагарлицкий Ю. В. Фигура наследника престола и репрезентации верховной власти в русской проповеди XVIII – первой половины XIX века // Вереница литер. Сборник статей к 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 427–449.

¹³⁰ Okenfuss M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden; New York; Koln: E. J. Brill, 1995. 290 p.

¹³¹ Зицер Э. Царство преображения. Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: НЛЮ, 2008. 240 с.

¹³² Рэй М.-П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. 496 с.

¹³³ Sashalmi E. The Coexistence of Old and New: Elements of Muscovite Ideology and Enlightenment in Fonvizin's „Discourse on the Immutable State Laws” // Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. Dissertationes historicae collectae per Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis. Pecs: Pécsi Tudományegyetem, 2000. P. 139–154; Sashalmi E. God-Guided Contract and Scriptural Sovereignty: The Muscovite Perspective of Pravda Voli Monarshej v Opredelenii Naslednika Derzhavy Svoej // Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. Dissertationes historicae collectae per Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis. Pecs: Pécsi Tudományegyetem, 2009. P. 139–150; Sashalmi E. The Role of Law and the Rule of Law: a Comparison of Swedish Absolutism

посвященными российской политической мысли XVIII в., стали работы американских исследовательниц Э. Виртшафтер «The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater» и С. Уиттакер «Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue» (обе вышли в 2003). Виртшафтер детально анализирует драматургию российского XVIII в. как жанр политической коммуникации, делая ряд важных выводов о «моральной монархии» в России указанного периода¹³⁴. В свою очередь, С. Уиттакер рассматривает «литературу советников», с помощью которой формировались режимы легитимности в России XVIII столетия¹³⁵. Она выделяет ряд легитимационных стратегий российской монархии, наслаивавшихся друг на друга подобно палимпсесту. Американский историк Г. Маркер посвятил специальное исследование культурно-политическим основам легитимации женских царствований XVIII в.¹³⁶

Большой интерес представляют работы Ю. В. Лаптевой, А. С. Лысцовой, И. Ф. Худушиной, А. В. Шпилова по истории дворянской политической культуры XVIII в.¹³⁷, а также исследование Н. В. Козловой о российском купечестве XVIII в.¹³⁸ В работах Е. М. Болтуновой и ряда других ученых рассматриваются различные вопросы политической культуры отечественного монархизма¹³⁹. Чрезвычайно ценны работы А. Н. Долгих, посвященные анализу проектов реформы крепостного права¹⁴⁰. Целый ряд интересных работ посвящен политическому значению «новгородской темы» в российской

and Russian Autocracy from 1680s to 1730 (the Importance of Political Ideas and Political Structures) // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь: [б/и], 2016. Р. 44–50; Sashalmi E. The Coronation Medal as a Vehicle of Legitimation: Iconographic Analysis of the Coronation Medals of Four Empresses, Catherine I (1724), Anne (1730), Elisabeth (1742) and Catherine II (1762) // Историческая русистика в XXI-м веке. Материалы десятой международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 18 – 19 мая 2015 г. Komárom: Komáromi Nyomda és Kiadó Kft. С. 157–168.

¹³⁴ Wirtschaffter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 312 p.

¹³⁵ Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: University of Northern Illinois Press, 2003. 320 p.

¹³⁶ Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2007. 309 p.

¹³⁷ Лаптева Ю. В. Проблема служения в рассуждениях дворянских мыслителей второй половины XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4. С. 119–123; Лысцова А. С. Трактат Т. И. Черкасова «Благородство» (1788 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 218–317; Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.) М.: ИФ РАН, 1995; Шпилов А. В. «Благородство» против «подлости» (Специфика формирования сословной культуры русского дворянства) // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 132–144.

¹³⁸ Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. 384 с/

¹³⁹ Болтунова Е. М. «От тебя, с тобою и к славе твоей»: Петр II как Петр I // Российская история. 2016. № 2. С. 76–91.

¹⁴⁰ Долгих А. Н. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество. В 3 т. Липецк: ЛГПУ, 2008; Долгих А. Н. Крестьянский вопрос в России в дворянских проектах конца XVIII – первой четверти XIX вв.: опыт анализа // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 1–3.

культуре XVIII в.¹⁴¹ и различным вопросам развития политической культуры XVIII столетия¹⁴².

В 2010 г. издала содержательную работу «Russie: la république interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIII–XXI siècles)» о российском республиканизме французская исследовательница Ж. Гранай¹⁴³. Работа Гранай, охватывающая по сравнению с данной диссертацией несколько более поздний хронологический период, представляет огромный интерес, поскольку является примером исследования специально по теме истории российского республиканизма. Но, к сожалению, в своей монографии Гранай полностью проигнорировала рассмотренную выше республиканскую парадигму, трактуя республиканизм попросту как синоним парламентаризма и конституционализма и не усматривая сложностей в процессе генезиса республиканизма на российской почве. По данной причине некоторые выводы Гранай скорректированы в настоящем исследовании.

Центром исследований в области классического республиканизма является на текущий момент Санкт-Петербург. Здесь следует в первую очередь назвать работы О. В. Хархордина – первопроходца республиканской тематики в России. Возглавляемый им научный центр «Res Publica» в Европейском университете (Санкт-Петербург) предпринял публикацию целого ряда специализированных изданий по данной тематике¹⁴⁴.

Российский исследователь В. Л. Каплун – член коллектива центра «Res Publica» – посвятил анализу республиканской культуры в России рубежа XVIII – XIX в. серию статей.

¹⁴¹ Рукавичникова В. В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Дис. ... канд. филологических наук. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2001; Китанина Т. А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII - начала XIX в., или почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород Великой»: материалы конф. РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), Новгородский гос. ун - т им. Ярослава Мудрого. СПб.; Великий Новгород: 2004. С. 14–20; Шольц Б. К вопросу о противоречиях концепции российской истории в русских исторических драмах 2-й половины XVIII века // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. Вып. 3. СПб.: Наука, 2001. С. 70–108; Юрин П. А. Пути прочтения «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжнина // Petra Angularis. Профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия и к тридцатилетию его университетского семинара: сборник статей молодых ученых. СПб.: Знание, 2015. С. 108–135; Ходанен Л. А. Новгородские мотивы и миф о Софии в поэзии А. И. Одоевского // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2007, № 1. С. 20–29.

¹⁴² Саськова Т. В. Трагическое и утопическое в структуре русских барочно-классицистических романов XVIII в. // XVIII век: между трагедией и утопией. М.: Таганка, 2004. Вып. 1. С. 208–219; Ивинский А. Д. «Наука жить между людьми»: о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. СПб.; Самара: АсГард, 2013. С. 216–225; Замалеев А. Ф. «Новая порода людей», или философия воспитания эпохи русского Просвещения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. № 2. С. 90–97; Свердлов М. Б. К изучению научного наследия Ф. А. Эмина – историка // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 68–77; Ерофеева Н. Е. «Школа добродетели» М. Хераскова как образец русской драмы-«школы» // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 41–44.

¹⁴³ Grandhay J. Russie: la République interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIIIe – XXIe siècles). Seyssel: Champ-Vallon, 2012.

¹⁴⁴ Что такое республиканская традиция? СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 205 с.; От общественного к публичному. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 528 с.

Он отмечает: «В случае России гражданский республиканизм этого периода представляет собой не столько теоретическую школу политической мысли или идеологию, сколько гражданскую культуру, проявляющуюся в нормах, правилах, способах мыслить и повседневных практиках “социальных акторов”. Поэтому для ее анализа больше подходят методы *cultural history* и истории культурных практик в духе Роже Шартье или Юрия Лотмана, либо исторической генеалогии “форм опыта” и “морального субъекта” в духе Мишеля Фуко, либо исторической социологии в духе Норберта Элиаса, чем, например, методы интеллектуальной истории, применяемые Скиннером для анализа неоримских авторов английского XVII века. <...> основными источниками при анализе здесь должны выступать не только и не столько теоретические трактаты, сколько документы различных жанров, отражающие стили мышления и сферу повседневных практик, – мемуары, дневники, письма; литературные, критические тексты»¹⁴⁵.

4. История литературы. Труды по истории литературы являются неотъемлемой частью исследований по истории общественно-политической мысли. Среди дореволюционных работ в области истории литературы надо отметить работы А. С. Архангельского¹⁴⁶, М. В. Довнар-Запольского¹⁴⁷, А. Н. Пыпина¹⁴⁸, В. И. Семевского¹⁴⁹, В. П. Семенникова¹⁵⁰, В. В. Сиповского¹⁵¹.

В число наиболее важных работ советского периода входят работы Г. А. Гуковского, прежде всего – классическое исследование «Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750–1760 годов» (1936). Как отмечает современный исследователь А. Л. Зорин, Гуковский, стремясь опереться на новую, марксистскую методологию, вынужден был одновременно обосновывать возможность марксистского

¹⁴⁵ Каплун В. Л. «Жить Горацием или умереть Катонem»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. 2007. № 5. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16-pr.html>

¹⁴⁶ Архангельский А. С. Русская литература XVIII века: Из лекций по истории русской литературы. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. 640 с.; Архангельский А. С. Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1897. 91 с.

¹⁴⁷ Довнар-Запольский М. В. Из истории общественных течений в России. Киев: Изд. И. И. Самоненко, 1910. 83 с.

¹⁴⁸ Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 4. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 646 с.; Пыпин А. Н. Русское масонство. Пг.: Огни, 1916. 571 с.; Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 556 с.

¹⁴⁹ Семевский В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века. (Очерк из истории политических и общественных идей). // Былое. 1906. № 1. С. 1–53; № 2. С. 69–117; № 3. С. 150–200; Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1–2. СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1888.

¹⁵⁰ Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. СПб.: Сирius, 1913.

¹⁵¹ Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. 2. СПб.: Издание бр. Башмаковых, 1908. 338 с.; Сиповский В. В. Этапы русской мысли. Пб., 1924.

изучения культуры XVIII в., которую тогда некоторые специалисты попросту предлагали сдать в утиль как творчество «враждебных классов»¹⁵². Ответом на подобные нападки и одновременно утверждением собственной марксистской методологии (в пику, например, прямолинейному марксизму интересной книги «Словесность и коммерция» авторства Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина¹⁵³) стала социологическая концепция Гуковского¹⁵⁴.

Гуковский выдвинул предположение об особой связи между литературой и политической жизнью эпохи дворцовых переворотов, одновременно понимая политику в марксистском ключе – как отражение социально-экономических процессов. Итогом этих методологических инноваций, связавших воедино социальные, политические и литературные процессы, стала его концепция «дворянской фронды». Примером того, насколько эффективным оказался литературоведческий анализ политического текста, служит интерпретация Гуковским «Хора ко превратному свету» А. П. Сумарокова¹⁵⁵. Нужно упомянуть также историко-литературоведческие исследования П. Н. Беркова¹⁵⁶, Л. В. Пумпянского¹⁵⁷, Ю. Н. Тынянова¹⁵⁸, П. Н. Сакулина¹⁵⁹. Еще в 1922 г., на революционной волне, вышла небольшая, но весьма содержательная книга Л. В. Святловского «Русский утопический роман»¹⁶⁰, включавшая и материалы по XVIII в. Позднее свет увидели обобщающие работы авторства Д. Д. Благого¹⁶¹, Г. П. Макогоненко¹⁶². Среди сочинений современных ученых, ведущих изыскания в сфере

¹⁵² Зорин А. Л. Григорий Александрович Гуковский и его книга // Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М.: АспектПресс, 1999. С. 7–8.

¹⁵³ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М.: Аграф, 2001. 373 с.

¹⁵⁴ Гуковский Г. А. Идеология русского буржуазного писателя XVIII в. // Изв. АН СССР, отд. общ. наук. 1936. № 3. С. 429–458; Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л.: Худ. лит.-ра, 1938. 313 с.

¹⁵⁵ Гуковский Г. А. О «Хоре ко превратному свету». (Ответ П. Н. Беркову) // XVIII век. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 203–217.

¹⁵⁶ Берков П. Н. История русской журналистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 572 с.; Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л.: Наука, 1977. 390 с.; Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 5–27; Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л.: Наука, 1977.

¹⁵⁷ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы; Пумпянский Л. В. Третьяковская и немецкая школа разума // Западный сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 157–186.

¹⁵⁸ Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.

¹⁵⁹ Сакулин П. Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 1. Литературная старина. М.: Гос. акад. худож. наук, 1928. 206 с.

¹⁶⁰ Святловский В. Русский утопический роман. Пб.: Гос. изд-во, 1922. 52 с.

¹⁶¹ Благой Д. Д. И. Фонвизин. (Жизнь и творчество). М.: Госполитиздат, 1945. 112 с.

¹⁶² Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М.: Гослитиздат, 1956. 774 с.; Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. 444 с.

истории литературы XVIII в., следует назвать работы Т. Е. Абрамзон¹⁶³, О. М. Гончаровой¹⁶⁴, А. А. Костина¹⁶⁵, Е. М. Матвеева¹⁶⁶, Л. И. Сазоновой¹⁶⁷, В. Проскуриной¹⁶⁸, Е. Погосян¹⁶⁹. Увеличивается в последние десятилетия количество работ, посвященных отдельным писателям, оставившим заметный след в истории отечественной политической мысли: А. П. Сумарокову¹⁷⁰, Я. Б. Княжнину¹⁷¹, П. И. Рычкову¹⁷², М. М. Хераскову¹⁷³, Ф. А. Эмину¹⁷⁴, А. Н. Радищеву¹⁷⁵.

¹⁶³ Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века: (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск: Магнитогорский гос. ун-т, 2006. В 2 т.; Абрамзон Т. Е. Петров А. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2017. № 2. С. 406–424.

¹⁶⁴ Гончарова О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004. 381 с.

¹⁶⁵ Костин А. А. А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе. М.; СПб.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 10–25; Костин А. А. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в контексте современной ему нравоучительной литературы. Автореф. ... дис. канд. фил. наук. Спец. 10.01.0– русская литература. СПб.: Ин-т рус. лит-ры РАН (Пушкинский дом), 2005; Костин А. А. «Чудище обло» и «*Monstrum horrendum*». Вергилий – Тредиаковский – Радищев // Чтения отдела русской литературы XVIII века. 2004. № 3. С. 135–147; Костин А. А. Религиозные взгляды А. Н. Радищева // XVIII век. Вып. 24. СПб.: Наука, 2006. С. 255–280; Дёмин А. О., Костин А. А. Книги из библиотеки А. Н. Радищева // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2003. № 2. С. 57–89.

¹⁶⁶ Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века. (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб.: Ф-т филологии и искусств, 2009. 140 с.

¹⁶⁷ Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987. С. 103–126; Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко. М.: Наука, 1991. 261 с.; Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

¹⁶⁸ Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛЮ, 2006. 322 с.; Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: НЛЮ, 2017. 252 с.

¹⁶⁹ Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuens. 3). Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>.

¹⁷⁰ Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Начало и конец «Трудолюбивой пчелы»: утопический проект А. П. Сумарокова // XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь. М.: Экон-информ, 2012. С. 331–338; Юй Х. Религиозно-философский взгляды А. П. Сумарокова // Актуальные проблемы современной науки. 2015. № 3 (82). С. 108–110; Гуськов Н. А. Биографический миф о Сумарокове // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 79–100; Платонова Н. В., Мстиславская Е. П. Проблема власти в историко-философских и поэтических сочинениях А. П. Сумарокова и Ф. М. А. Вольтера // Диалог культур: Россия – Запад – Восток. Материалы международной научно-практической конференции конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 15 мая 2012 года. М.; Ярославль: Ремдер, 2012.

¹⁷¹ Валагин А. П. Кто смеет умереть... // Княжнин Я. Б. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 5–26; Edgerton W. Ambivalence as the Key to Kniazhnin's Tragedy «Vadim Novgorodskii» // *Russia and the World of the Eighteenth Century. Proceedings of the III International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Columbus: Slavica, 1988. Шольц Б. К вопросу о противоречиях концепции российской истории в русских исторических драмах 2-й половины XVIII века // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. Вып. 3. СПб.: Наука, 2001. С. 70–108.

¹⁷² Дусмухаметов Ф. А. Петр Иванович Рычков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Уфа: Башкирский государственный университет, 2013; Татаркин А. И., Трутнев И. А. Первый член-корреспондент Академии наук П. И. Рычков и его экономические воззрения // Экономическая наука современной России. 1999. № 1. С. 107–114.

¹⁷³ Давыдов Г. А. Поэтика религиозно-философских поэм М. М. Хераскова // Филологические науки. 1999. № 1. С. 59–64.

¹⁷⁴ Свердлов М. Б. К изучению научного наследия Ф. А. Эмина – историка // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 2. С. 68–77; Ростовцева Ю. А. Борьба со взятками в екатерининской России и панегирическая утопия Ф. А. Эмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–3 (66). С. 56–59.

¹⁷⁵ Вильк Е. А. «Чудище стозебно» и Тифон («Путешествие...» А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/vvilk.html>; Ионайтис О. Б. Поэтическая философия А. Н. Радищева // Известия Уральского федерального университета. Серия 3:

Особняком стоят работы, посвященные церковным авторам и проповедникам XVIII столетия: Феофану (Прокоповичу)¹⁷⁶, Сильвестру (Кулябке)¹⁷⁷, Платону (Левшину)¹⁷⁸, Тихону Задонскому¹⁷⁹, Симону (Тодорскому)¹⁸⁰, Арсению (Мацеевичу)¹⁸¹, Гавриилу (Бужинскому)¹⁸². Для изучения наследия церковных авторов XVIII столетия особенное значение имеют работы Е. А. Кисловой¹⁸³. Кроме того, имеется ряд научных работ об отдельных жанрах и направлениях литературы XVIII в.¹⁸⁴

Общественные науки. 2012. Т. 109. № 4. С. 138–157; Кузнецова Е. К. Концепция героического у А. Н. Радищева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 2. С. 123–130; Южакова Т. Л. А. Н. Радищев об окружающем мире, государстве и «истинном сыне Отечества» // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII – XX вв.) Брянск: Брянский государственный ун-т, 2010. С. 80–95; Кукушкина Е. Д. Библейские мотивы у А. Н. Радищева // Русская литература. 2000. № 1. С. 119–123; Сафонов М. М. А. Н. Радищев и «Грамота русскому народу» // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2003. № 2. С. 112–141; Растягаев А. В. Трансформация жанров древнерусской книжности в раннем творчестве А. Н. Радищева. М.: Институт мировой литературы РАН, 2007; Ионайтис О. Б. Поэтическая философия А. Н. Радищева // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. Т. 109. № 4. С. 138–157.

¹⁷⁶ Чумакова Т. В. Антропология Феофана Прокоповича // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. М.: ИФ РАН, 2008.

¹⁷⁷ Паничкин А. Ф. Священноархимандрит Александро-Невского Монастыря, архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский, член Святейшего Синода Сильвестр (Кулябка), 1750–1761 гг. // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2013. № 2. С. 147–159.

¹⁷⁸ Бессарабова Н. В. «Просвещенный иерарх» Платон Левшин // Е. Р. Дашкова в науке и культуре. М.: Моск. ин-т им. Е. Р. Дашковой, 2007. С. 120–136; Глазева А. С. Платон (Левшин), архиепископ Тверской // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1. С. 100–110; Строков П. Д. Митрополит Московский Платон (Левшин) и его катехизис 1757–1758 гг. // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2007. № 1. С. 31–41; Wirschaft E. Religion and Enlightenment in Catherinian Russia. The Teachings of Metropolitan Platon. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013. 193 p.

¹⁷⁹ Коледич Е. Н. Православная традиция в поэтике дидактического сочинения Тихона Задонского «Сокровище духовное». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т, 2013.

¹⁸⁰ Уткин Д. Е. Екатерина II и Симон Тодорский // Роль Русской православной церкви в становлении и развитии российской государственности. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2015. С. 169–175.

¹⁸¹ Митров О. Ю. Священномученик Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский: комплекс письменных источников // Вестник архивиста. 2016. № 1. С. 8–29.

¹⁸² Бландов А. А. К биографии епископа Гавриила (Бужинского) – проповедника и переводчика первой трети XVIII в. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 8–24.

¹⁸³ Кислова Е. И. Светская литература и культура в проповедях Симона Тодорского // Озерная текстология: труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. СПб.: [б/и], 2007. С. 110–125; Кислова Е. И. XVIII век в истории русской проповеди: проблема жанра, языка, статуса // Актуальные проблемы филологической науки: Взгляд нового поколения, выпуск III. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 85–99; Кислова Е. И. Ода М. В. Ломоносова и проповедь Симона Тодорского на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны: светский и церковный панегирик // Літературознавчі обрії. Праці молодих учених. Випуск 13. Київ: Інститут літератури ім. Т.Г.Шевченка НАН України, 2008. С. 64–68; Кислова Е. И. «Слово на день рождения Петра Фёдоровича» Симона Тодорского // Acta Philologica, 2007, № 1, с. 308–335; Кислова Е. И. Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 3. № 2. P. 179–181; Кислова Е. И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сборник 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С. 52–72; Кислова Е. И. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III. Филология. 2014. № 3(38). С. 36–50.

¹⁸⁴ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 376 с.; Матвеев Е. М. Церковная панегирическая проповедь елизаветинской эпохи как вид ораторской прозы XVIII века // Литературная культура XVIII века. Материалы XXXVI Международной филологической конференции. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2007. С. 57–66; Матвеев Е. М. Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2008. С. 41–52; Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетей, 2005; Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века

5. Междисциплинарные исследования. О некоторых из научных работ в сфере истории общественно-политической мысли XVIII в., в наибольшей степени связанных с предметом данной диссертации, необходимо сказать подробнее.

Работа Е. Н. Марасиновой «Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века» (2008)¹⁸⁵ является комплексным исследованием становления «независимой личности» в вестернизированной России века Просвещения. Исследование Е. Н. Марасиновой затрагивает широкий круг социальных, политических и культурных проблем, опирается на привлечение разнообразного источникового материала – корпуса законодательных актов, с одной стороны, и эпистолярного наследия представителей российской административно-интеллектуальной элиты. Автору удалось продемонстрировать проектный, манипулятивный характер таких политических действий имперской власти, как, например, Манифест о вольности дворянской 1762 г. – анализируя этот акт в широком контексте правительственных мероприятий, исследовательница приходит к выводу о том, что «Манифест... оказывался документом, призванным не столько провозгласить новые привилегии высшего сословия, сколько усилить воздействие на мотивацию его представителей в нужном для абсолютизма направлении»¹⁸⁶.

Е. Н. Марасинова изучает различные формы и режимы подобного мотивационного воздействия. Одновременно она рассматривает и реакцию представителей российского дворянства на эти воздействия, делая вывод о том, что реакция на усиливавшееся давление абсолютистской монархии (имевшее, в свою очередь, целью стимулировать государственную службу дворян в условиях постоянного усложнения властного аппарата) могла быть весьма разнообразной – хотя «сильнейшие узы верноподданнического долга» оставались константой отечественной политической культуры XVIII в., в дворянской среде нарастали апатия, чувство отчужденности, зачастую перетекавшие в прямое фрондерство: «Никак не санкционированные властью объединения литераторов, наряду с возникающими салонами и масонскими ложами, были теми нервными точками, через которые проходили

// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 3. С. 39–46; Шишкин А. П. Русский берег утопии (К вопросу об эволюции русской литературной утопии) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 156–177; Ростовцева Ю. А. Образ идеального училища в политической утопии XVIII в. // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12–1 (40). С. 56–62; Горемыкина М. В. «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» М. М. Щербатова и «Европейские письма» В. К. Кюхельбекера в контексте русской просветительской утопии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 133. № 4. С. 137–145.

¹⁸⁵ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 458 с.

¹⁸⁶ Там же, с. 308.

невидимые, но мощные силовые линии самоопределяющейся культуры дворянства. Зреющее за раскованной, искрящейся юмором беседой внутреннее интеллектуальное напряжение вспыхнет в XIX веке онегинской строфой, каламбурами под горячий пунш и катастрофой Сенатской площади»¹⁸⁷. Возникновение подобных групп, объединенных не близостью ко двору, а персональными интеллектуально-эмоциональными связями, «обеспечивало своеобразный социально-психологический плацдарм для формирования новых альтернативных ценностей»¹⁸⁸. Эти идеи и выводы развиты в монографии «“Закон” и “гражданин” в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания»¹⁸⁹, вышедшей в 2017 г.

Е. Н. Марасинова делает акцент на ходе внутреннего социально-психологического развития российской элиты, подчеркивая противоречивый характер эффектов вестернизации в этой области. Разработанная ею концепция «фронды» вовсе не предполагает существования какого-либо организованного дворянского «движения», способного оказывать давление на монархию; напротив, в трудах Е. Н. Марасиновой абсолютная монархия выступает основным актором, и траектории развития отечественного общества во многом вытекают именно из реакции на действия этого актора. Но, в отличие от столь характерного для «государственной школы» примата государства, выступающего – прямо по-пушкински – в качестве «единственного европейца» в косной и отсталой социокультурной среде, картина отношений государства и общества в работах Е. Н. Марасиновой куда более многомерна.

Большой вклад в изучение политической культуры XVIII в. вносят работы А. Л. Зорина¹⁹⁰. Его труд «Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века» (2001) является одним из наиболее глубоких исследований проблемы функционирования идеологии в отечественной культуре. Хотя методологически Зорин не обращается к идеям Скиннера и Покока (вместо этого он анализирует идеи американского антрополога К. Гирца), выводы, которые сделаны в работе «Кормя двуглавого орла...» относительно характера идеологии и

¹⁸⁷ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. С. 426.

¹⁸⁸ Там же, с. 426.

¹⁸⁹ Марасинова Е. Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: НЛЮ, 2017. 508 с.

¹⁹⁰ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2001. 414 с.; Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М.: НЛЮ, 2016. 563 с.

ее связи с литературой, чрезвычайно близки изысканиям «кембриджской школы» и, следовательно, интеллектуальному инструментарию настоящей работы¹⁹¹. Но, конечно, работа А. Л. Зорина представляет интерес не только как методологический ориентир: это – чрезвычайно содержательное изучение целой серии сюжетов из истории отечественной политической литературы времен Екатерины II и Александра I.

Вопросы истории российской политической мысли XVIII в. детально разрабатывает с опорой на современный инструментарий истории понятий С. В. Польской¹⁹². Ему принадлежит серия научных статей, посвященных различным аспектам трансформации отечественной политической культуры под западным влиянием. Кроме того, С. В. Польской ввел в научный оборот целый ряд новых исторических источников, не известных ранее: сочинения Н. И. Панина, М. М. Щербатова, А. Н. Радищева¹⁹³.

В своих изысканиях С. В. Польской уделяет большое значение и проблеме развития республиканизма и конституционализма в России XVIII в., полагая, что республиканские идеи оказали влияние на Д. М. Голицына, лидера верховников в 1730 г. После 1730 г., по мнению Польского, наступает эпоха дворянского конституционализма, придерживавшегося скорее ориентации на конституционную монархию; этот конституционализм исследователь противопоставляет конституционализму правительственному. Принципиальную

¹⁹¹ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла. С. 7–30.

¹⁹² Польской С. В. Политические идеи Д. Локка в России в 1-й половине XVIII в. // *Философский век*. № 19. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. С. 116–118; Польской С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 году // *Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX веках*. Самара: Парус, 2001. С. 174–178; Польской С. В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М. М. Щербатова) // *Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт*. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002; Польской С. В. «Рассуждение о правлении государственном» В. Н. Татищева и дворянское политическое движение 1730 года // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2006. № 3. С. 690–697; Польской С. В. Формирование «придворного общества» в России: императорский двор и дворянство в середине XVIII века // *Classical Russia. 1700–1825*. Vol. 2. 2007. № 1–2. С. 117–143; Польской С. В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 240–252; Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. 2010. Vol. 51, № 2/3. Р. 303–328; Польской С. В. Внутрисословная стратификация дворянства и «конституционное» движение 1730 г. // *Вестник Самарского государственного университета*. 2011. № 82. С. 59–64; Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. // *Вопросы истории*. 2011. № 6. С. 27–42; Польской С. В. Концепт «монархия» и монархическая риторика в России XVIII века // *Вестник РГГУ*. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 11(91). С. 11–19; Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // *Понятия о России: к исторической семантике имперского периода*. М.: НЛЮ, 2012. С. 94–150; Польской С. В. «Ведомости Парнаасские» Т. Боккалини и их русские читатели: к вопросу о влиянии республиканских идей в России в первой трети XVIII века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 3. С. 189–197.

¹⁹³ Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2010. № 6. С. 173–182; Польской С. В. Потаенные сочинения князя М. М. Щербатова и его записка «Мнение о законах основательных государства» // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2010. Т. 12. № 2. С. 217–222; Польской С. В. Неизвестное сочинение А. Н. Радищева «Опыт о аглинском правлении» // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2012. Т. 14. № 3. С. 187–192.

значимость для анализа республиканской проблематики в российской культуре XVIII в. имеют также работы В. Л. Каплуна¹⁹⁴ и Б. Маслова¹⁹⁵.

Самые различные вопросы политической истории XVIII в. изучены в работах М. А. Киселева¹⁹⁶. Многие из выводов Киселева оказали непосредственно влияние на идеи, изложенные в настоящей диссертации – в частности, соображение о новаторском характере адаптации глоссария форм правления в отечественной культуре начала XVIII в.¹⁹⁷, о характере трансформации представления о конституции в начале XIX в.¹⁹⁸ Несколько работ были подготовлены М. А. Киселевым в сотрудничестве с автором настоящего исследования¹⁹⁹, включая монографию «Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века» (2016)²⁰⁰.

Огромный интерес представляет новейшая работа историка литературы и общественной мысли К. А. Осповата «Terror and Pity: Alexander Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethian Russia» (2016)²⁰¹, посвященная особенностям функционирования монархического дискурса в России середины XVIII в. Работа эта, впрочем, далеко не ограничивается только анализом текстом Сумарокова: Осповат подробно анализирует –

¹⁹⁴ Каплун В. Л. «Жить Горацием или умереть Катонем»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. 2007. № 5. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16-pr.html>; Каплун В. Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция? СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С.144–145.

¹⁹⁵ Maslov B. Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's poetics of absolutism // ВИБЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2014. No. 2. P. 24–46; Маслов Б. Свобода вне либерализма: пиндарическая ода и трансформация поэтики Старого режима // Современная республиканская теория свободы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 212–250.

¹⁹⁶ Киселев М. А. «Сословная риторика» как аргумент: небольшой эпизод из создания Устава о винокурении 1765 г. // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 145–151; Киселев М. А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 30–39; Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 49–65; Киселев М. А. К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 23–29; Киселев М. А. И. И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 131–143.

¹⁹⁷ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153). С. 18–53.

¹⁹⁸ Киселев М. А. Карамзин и конституция // Новый мир. 2016. № 7. С. 127–141.

¹⁹⁹ Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110–139; Бугров К. Д., Киселев М. А. Есть ли место демократии из России? // Quaestio Rossica. 2016. № 4. С. 286–297; Бугров К. Д., Киселев М. А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного университета, 2016, № 3. С. 31–38; Бугров К. Д., Киселев М. А. Рец. на: А. К. Smith. For the Common Good and their own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. N.Y.: Oxford University Press, 2014. IX, 278 p. // Российская история. 2016. № 1. С. 172–175.

²⁰⁰ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 476 с.

²⁰¹ Ospovat K. Terror and Pity: Alexander Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethian Russia. Boston: Academic Studies Press, 2016.

опираясь на идеи В. Бенямина, изложенные в работе «Происхождение немецкой барочной драмы» (1928)²⁰² – «сценарии власти» Елизаветы и Екатерины II, приходя к выводу о том, что «обе императрицы строили свои “сценарии власти” вокруг “правосудия” и “милосердия”, смягчая тот террор, который они все же демонстративно осуществляли в отдельных – и потому символических – случаях»²⁰³. Формировавшаяся российская драма отражала особую культуру властвования, «опирающуюся на машинерию диспропорционального применения насилия и жестокого подавления, одновременно развивая праздничные “сценарии радости” и благоволения, чтобы очаровать сердца подданных. И хотя оба лика российского самодержавия по отдельности подвергались обширному изучению в исторической науке, именно их сосуществование осложняет конвенциональное представление о петровской и послепетровской рациональной государственности»²⁰⁴. Выводы К. А. Осповата коррелируют с выводами настоящей диссертации в части анализа принципиально важных для российской монархической культуры XVIII столетия «сценариев радости», представленных как светской поэзией и драматургией, так и церковным панегириком.

Труды Д. В. Тимофеева²⁰⁵, посвященные проблеме генезиса отечественного либерализма, частично захватывают хронологический период данной диссертации и являются весьма важными как в методологическом (Д. В. Тимофеев выступил одним из первопроходцев в применении на российской почве инструментария истории понятий), так и в содержательном отношении.

6. Исследования по истории западной политической мысли. Изучение процессов формирования республиканизма в российской общественно-политической мысли, требует обращений к истории европейской политической культуры в целом. Мы привлекали прежде всего работы Кв. Скиннера и Дж. Покока, связанные с изучением европейского интеллектуального наследия – от Макиавелли и Гвиччардини до Гоббса и американских

²⁰² Бенямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002.

²⁰³ Ospovat K. Terror and Pity. P. 284.

²⁰⁴ Ibid., p. 274.

²⁰⁵ Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 454 с.; Тимофеев Д. В. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 23–32; Тимофеев Д. В. Методология «история понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 116–138; Тимофеев Д. В. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 123–136.

«отцов-основателей». Труды кембриджских историков концентрируют внимание в первую очередь на связи между политической мыслью и политическим действием, предлагают тщательный анализ интеллектуальных связей между сочинениями хорошо известных авторов «первого уровня» и массой менее известных текстов, связанных с политическими событиями – дебаты во Флоренции времен Республики, религиозные войны во Франции, революции в Нидерландах, Англии, Соединенных Штатах Америки.

История республиканской политической мысли была суммирована британской исследовательницей И. Хонохан, чья книга «Гражданский республиканизм» («Civic Republicanism», 2002) является своего рода обобщением изысканий в этой области Скиннера и Покока. В этом отношении книга Хонохан незаменима в качестве своеобразного «навигатора» в изучении республиканской традиции. Хонохан выстраивает в исторической части своего труда четкую хронологическую линию, последовательно анализируя республиканские идеи Аристотеля (эллинский республиканизм) и Цицерона (республиканизм римский), Макиавелли, Харрингтона, Руссо и американских отцов-основателей (на примере Мэдисона).

Еще один видный специалист, занимавшийся изысканиями в области республиканской политической мысли – итальянский исследователь М. Вироли, важнейшим вкладом которого в разработку данной тема стали работы «For Love of Country» (1995) и «Republicanism» (1999)²⁰⁶. Большой вклад в изучение республиканской традиции внесли также К. Бейкер и И. Гонт. Работы К. Бейкера посвящены интеллектуальным истокам Французской революции и роли республиканизма²⁰⁷. Исследования И. Гонта освещают процессы развития европейской политэкономии XVIII столетия и роль в них республиканского интеллектуального наследия²⁰⁸. Привлекались в рамках данной диссертации и другие научные работы по проблемам европейского республиканизма²⁰⁹.

²⁰⁶ Viroli M. *Republicanism*. New York: Farrar Straus and Giroux, 2002. 271 p.; Вироли М. *Свобода слуг*. М.: Высшая школа экономики, 2014. 144 с.

²⁰⁷ Hont I. *The early Enlightenment debate on commerce and luxury* // *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Cambridge, 2008; Hont I. *Jealousy of Trade. International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge, 2010; Baker K. M. *Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France* // *The Journal of Modern History*. 2001. Vol. 73. P. 32–53.

²⁰⁸ Hont I. *The early Enlightenment debate on commerce and luxury* // *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Cambridge, 2008; Hont I. *Jealousy of Trade. International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge, 2010.

²⁰⁹ Brincat S. 'Death to Tyrants': The political philosophy of tyrannicide – Part I // *Journal of International Political Theory*. 2008. Vol. 4. P. 212–240; Dzelzainis M. *Milton's Classical republicanism* // *Milton and Republicanism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 3 – 24; Foxley, R. 'Due Libertie and Proportiond Equalitie': Milton, Democracy, and the Republican Tradition // *History of Political Thought*. 2013. № 4 (34). P. 614–638; Lim W. *John Milton, Radial Politics, and Biblical Republicanism*. Newark: University of Delaware Press, 2006. 305 p.; Lukes T. *Martialing Machiavelli: Reassessing the Military*

Нужно добавить, что ряд российских историков также изучают западную республиканскую традицию²¹⁰.

В рамках настоящей работы привлекались не только работы, специально посвященные республиканизму. Разнообразие форм европейской политической мысли, вариативность путей ее воздействия на отечественную культуру XVIII в. предполагают использование широкого круга исследовательских работ. Так, использовались исследования, посвященные истории европейского (прежде всего, испанского) антимаккиавеллизма²¹¹, философии естественного права²¹², политическим взглядам Монтескье²¹³, Ж.-Ж. Руссо²¹⁴, Д. Юма²¹⁵. Особенно следует отметить чрезвычайно содержательные работы М. Томпсона о концепте фундаментальных законов в Европе Нового времени²¹⁶, Д. Смита – о представлениях о коррупции и коммерции в XVIII столетии²¹⁷, Д. Капуста – о влиянии сочинений Саллюстия на последующую традицию политической мысли²¹⁸.

Reflections // *The Journal of Politics*. 2004. № 66. P. 1089–1108; Snyder R. *Citizen-Soldiers and Manly Warriors. Military Service and Gender in the Civic Republican Tradition*. New York: Rowman and Littlefield Publishers, 1999. 288 p.; Worden B. *James Harrington and the Commonwealth of Oceana // Republicanism, Liberty and Commercial Society, 1649–1776*. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 111–138; Worden B. *The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney // Journal of British Studies*. 1985. Vol. 24. № 1 (Jan., 1985). P. 1–40.

²¹⁰ Филимонова М. А. Классический республиканизм в Американской и Французской революциях конца XVIII века // *Новая и новейшая история*. 2004. № 1. С. 47–64; Эрлихсон И. М. Республиканские идеи в буржуазно-дворянской утопии эпохи английской революции (1640 – 1660 годы) // *Новая и новейшая история*. 2010. № 1. С. 106–120.

²¹¹ Bleznick D. W. *Spanish Reaction to Machiavelli in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of the History of Ideas*. 1958. Vol. 19. No. 4 (Oct., 1958). P. 542–550; Bireley R. *The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe*. Chapel Hill: University of Northern Carolina Press, 1989; Di Salvo A. *Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote // Cerantes 9*. 1989. № 2. P. 43 – 60; Truman R. *Spanish Treatises on Government, Society and Religion in the Time of Philip II. The 'De Regimine Principum' and Associated Traditions*. Boston; Leiden; Koln, 1999; Howard K. *The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment*. LATCH 5 (2012). P. 106–119; Howard K. *The Reception of Machiavelli in Early Modern Spain*. Woolbridge: Tamesis, 2014. 181 p.

²¹² Rommen H. *The Natural Law: A Study in Legal and Social History and Philosophy*. Indianapolis: Liberty Fund, 1998. 278 p.

²¹³ Shklar J. *Montesquieu*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 144 p.; Howse R. *Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // Brooklyn Journal of International Law*. 2006. № 3/3. P. 693–708.

²¹⁴ Hanley R. *Enlightened Nation Building: The «Science of the Legislator» in Adam Smith and Rousseau // American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. No. 2 (Apr., 2008). P. 219–234.

²¹⁵ Susato R. *Hume's Nuanced Defense of Luxury // Hume Studies*. 2006. Volume 32. № 1. P. 174–177.

²¹⁶ Thompson M. *The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical Review*. 1986. Vol. 91. No. 5 (Dec., 1986). P. 1103–1128.

²¹⁷ Smith D. *Corruption and Eighteenth-Century Social Science: Mapping the Space of Political Economy // Studies in Eighteenth Century Culture*. 2009. Volume 38. P. 261–276.

²¹⁸ Kapust D. *Cato's Virtues and The Prince: Reading Sallust's 'War with Catiline' with Machiavelli's 'The Prince' // History of Political Thought*. 2007. № 28 (3). P. 440–446.

1.2. Методологические основания исследования.

Методы истории понятий. Основным методологическим подходом, реализуемым в данной диссертации, является научный инструментарий истории понятий, связанной прежде всего с именами историков Кв. Скиннера и Дж. Покока. История понятий в последние два десятилетия прочно закрепились среди наиболее эффективных методик анализа политической истории²¹⁹, применяемых в исследовательских практиках изучения европейской и российской истории²²⁰. Надо, впрочем, отметить, что зачастую эти практики тяготеют не к методам «кембриджской школы» Скиннера и Покока, а к исследовательской парадигме германского историка Р. Козеллека, направленной на анализ трансформаций ключевых понятий общественно-политического лексикона в эпоху перехода к модерности. Методологически «история понятий» Козеллека ориентирована на поиск и реконструкцию исторических значений концептов, которые употреблялись для обсуждения тех или иных политических вопросов – например, «монархия», «конституция», «закон». Кажется, что идеи Козеллека – по ряду причин – оказались востребованы в российской исторической науке больше, чем идеи «кембриджской школы». Но, несмотря на то, что методы Козеллека и «кембриджской школы» небезосновательно считаются близкими, сами лидеры «кембриджской школы» решительно настаивают на размежевании²²¹. По этим причинам инструментарий Козеллека не привлекается в данной работе.

²¹⁹ Asard E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate // *Statsvetenskaplig Tidskrift*, № 2, 1987. P. 101-116; *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Princeton: Princeton University Press, 1989; Goodhart M. Theory in Practice: Quentin Skinner's Hobbes, Reconsidered // *The Review of Politics*. Vol. 62. № 3 (Summer, 2000). P. 531–561; Edling M., Morkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist // *Scandinavian Political Studies*, Vol. 18, № 2, 1995. P. 119-132; Атнашев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) // *Новое литературное обозрение*, № 134 (4), 2015. С. 21–41. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6426>.

²²⁰ Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 66. С. 6–16; *Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени*. М.: Языки славянских культур, 2009; Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008; *Методология «история понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения* // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 50. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 116-138; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Рощин Е. Н. История понятий: новый старый подход общественных наук // *Политическая наука*. 2009. № 4. С. 43-58; Копосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века: сб. научн. работ*. СПб.: Алетейя, 2006. С. 9-32.

²²¹ Muller J.-W. On Conceptual History // *Rethinking Modern European Intellectual History*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 86-87.

Кв. Скиннер предлагает исследователям сфокусироваться на изучении *иллокутивной*²²² силы текстов, опираясь на тщательный анализ интертекстуальных связей соответствующего временного периода. Он решительно полемизирует с тем мнением, что слова исторических акторов диктует скрывшаяся за ними социальная реальность, что прагматический скрытый мотив определяет реальный смысл текста. Исследователю необходимо реконструировать авторскую интенцию, отвечая на вопрос: что автор *совершал* в том или ином тексте²²³. Скиннер говорит о том, что «нормативные словари», используемые людьми для описания поведения, накладывают на само это поведение ограничения²²⁴. Исследователь констатирует: «Если высказывание или иное действие совершалось волей агента, любое возможное описание того, что агент имел в виду, должно обязательно соответствовать тому набору описаний, которые агент мог в принципе применить, чтобы охарактеризовать и классифицировать свои слова или действия»²²⁵.

Дж. Покок также исходит из признания того, что политическая мысль функционирует в виде ряда концептуальных «языков», устойчивых на больших хронологических протяженностях и предполагающих определенные темы, подлежащие обсуждению. Свои исследования этой темы Покок начинает с анализа интеллектуального наследия ренессансной Флоренции (прежде всего – трудов Н. Макиавелли), посвященного обсуждению проблемы нестабильности республики и способов преодоления хаоса, обращаясь к древнеримской истории и выработав своеобразный политический язык, в центре которого находились понятия «гражданской добродетели» и «фортуны» / «коррупции»²²⁶. Прослеживая развитие этой речевой манеры в последовавшие столетия (например, в эпоху Английской революции и войны Соединенных Штатов за независимость), Покок демонстрирует трансформации «парадигмального наследия»

²²² Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding the Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 100.

²²³ Ibid., p 82.

²²⁴ Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 173–174. Российский исследователь А. Л. Зорин в методологическом введении к своему труду по истории политической культуры XVIII в. «Кормя двуглавого орла...» высказывает соображения, которые чрезвычайно близки к концептуальным построениям «кембриджской школы» и с которыми мы должны согласиться: «В какой мере монархи и министры... действительно руководствовались в своей политике идеологическими мотивами, и не служили ли эти мотивы лишь риторическим прикрытием их реальных целей и интересов? Однако такое противопоставление представляется надуманным. Слова действительно имеют свою судьбу, и, сказанные однажды, они, уже вне зависимости от искренности говорившего, становятся действенным фактором исторического процесса. Еще важнее то, что само политическое целеполагание насквозь идеологизировано, а представления о составе государственных или национальных интересов подвержены переменам и во многом определяются символическими ориентирами» (Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла. С. 30).

²²⁵ Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 78.

²²⁶ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. VIII.

флорентийцев, итогами которой стали «представление о смешанном правительстве, динамичную *virtu*²²⁷, и роль оружия и собственности в формировании гражданской личности»²²⁸.

Как справедливо отмечают российские исследователи Т. Атнашев и М. Велижев, «в методе Скиннера и Покока сочетаются, с одной стороны, установка на интерпретацию авторской интенции внутри цепи уникальных ситуаций высказывания, позволяющей автору сделать определенный полемический ход (Скиннер), а с другой – установка на реконструкцию политического языка (идиомы, диалекта) и соответствующей традиции, задающих репертуар возможных смыслов и выражений (Покок)»²²⁹. Значение использовавшихся историческими акторами понятий зависит от ситуаций (контекстов), в которых осуществлялись речевые акты: одно и то же понятие могло «работать» по-разному в силу прагматики использования в конкретной речевой ситуации. В таком истолковании история понятий резко отличается от исторической лексикологии²³⁰, но одновременно остается демаркированной от «истории идей».

Язык ставит пределы социальному действию, поскольку действия нуждаются в коммуникации, легитимации, разъяснении, оценке. Когда мы говорим, например, о «монархии» или «дворянстве», нас волнуют не столько нормативные значения, доступные авторам, употреблявшим это понятие, сколько то, каким образом авторы его использовали в качестве ресурса, развертываемого в процессе коммуникации для достижения прагматических целей легитимации, оценки, разъяснения того или иного действия либо феномена. Согласимся с мнением Т. Атнашева и М. Велижева: «История политических языков не предполагает существования “понятий” как самостоятельных объектов или феноменов, которые можно изучить и понять вне контекста содержательной полемики между авторами в определенный период. История языков или идиом предполагает фокус на языковом узусе – на авторских намерениях, на типовом репертуаре использования и устойчивых констелляциях ключевых слов, узнаваемых и используемых авторами именно в

²²⁷ *Virtus* в переводе с латинского означает «добродетель, доблесть». Это одно из ключевых понятий для республиканской интеллектуальной традиции, поэтому в данном фрагменте мы, следуя логике Покока, оставляем его без перевода.

²²⁸ Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment*. P. VI-VII.

²²⁹ Атнашев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) // Новое литературное обозрение. № 134 (4). 2015. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6426>.

²³⁰ Безусловно, эти научные направления близки друг к другу. Так, крупнейший отечественный лингвист В. В. Виноградов подчеркивал, говоря, об исторической лексикологии, что история языка «немыслима без общей базы истории материальной и духовной культуры и прежде всего без знания истории общественной мысли» (Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. № 1. 1995. С. 7).

качестве ключевых. Смещение методологического фокуса, происходящее при переходе от анализа “понятий” к анализу “интенций” авторов и исследованию “языков”, помогает преодолеть имплицитную метафизическую гипотезу, которую несет в себе слово “понятие”»²³¹.

Развивая методологические взгляды Скиннера и Покока, мы можем характеризовать историю общественно-политической мысли как *историю дебатов*, в отличие от принятых в историографии взгляда на общественно-политическую мысль как историю коллективных акторов или историю доктрин.

История коллективных акторов предполагает, что та или иная парадигма идей напрямую вытекает из социального положения ее создателей. Еще в 1910 г. видный большевик, историк и публицист М. С. Ольминский яростно критиковал «государственную школу» и лично В. О. Ключевского, приводя свои аргументы в форме чеканных вопросов и ответов: «В чем заключалась сила абсолютизма, помимо дворянства? Ни в чем. На какие классы она “опиралась” в борьбе с дворянством? Ни на какие. И никакой борьбы не могло быть. В какой мере политические желания дворянства не осуществлялись? Ни в какой. Какого же еще политического влияния могло желать дворянство? Никакого. Оно пользовалось всей полнотой политического господства и политической дворянской свободы»²³². Сходными категориями оперировал в своих работах Г. А. Гуковский²³³. Такие специалисты, как И. В. Фаизова, С. В. Польской, А. В. Шпилов характеризуют дворянское законодательство 2-й половины XVIII в. как результат борьбы между дворянским «господствующим классом» и государством, часто завершавшейся в пользу дворянства²³⁴. В ином ключе смотрел на конфликт государства и дворянства С. М. Троицкий, говоривший «об огромном могуществе абсолютной монархии», способной не поддаваться давлению «дворянских идеологов»²³⁵. М. Раев отмечает, что никаких следов группового давления дворянства на правительство в 1762 г. не наблюдается и что дворянская политика была

²³¹ Атнашев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) // Новое литературное обозрение. № 134 (4). 2015. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6426>.

²³² Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб.: Жизнь и знание, 1910. С. 111.

²³³ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. С. 124-126.

²³⁴ Фаизова И. В. Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. С. 100–101; Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...». Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51, № 2–3. Р. 24–26; Шпилов А. В. «Благородство» против «подлости» (Специфика формирования сословной культуры русского дворянства) // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 134.

²³⁵ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. Сборник статей и публикаций. М.: Наука, 1982. С. 190–192.

всецело инициативой государства²³⁶. К сходным выводам приходят такие историки, как Б. Н. Миронов²³⁷ и Р. Пайпс²³⁸.

По нашему мнению, относить конкретных исторических деятелей, конкретных авторов, к числу «дворянских идеологов» уместно лишь в случае, если эти деятели оперировали понятием «дворянство» в политической коммуникации, делая его центральным в своей собственной идеологии, системе политических идей²³⁹. Иными словами, *дворянская идеология* – это идеология, возникающая в ходе разговора о дворянстве. Но поскольку существует несколько участников коммуникации, невозможно считать какую-то одну манеру говорить о дворянстве единственной, отвечающей интересам дворянства как социального слоя. Напротив, *несколько* манер говорить о дворянстве сосуществовали и конкурировали между собой в России XVIII в. Доминирование одной из этих манер была вопросом конкретной властной и интеллектуальной конфигурации.

Другой методологический подход опирается на выделение крупных парадигм идей общественно-политической мысли, доктрин – таких, как конституционализм, либерализм, консерватизм и, *last but not least*, республиканизм. Каждая такая доктрина описывается как обладающая набором признаков. Так, В. Я. Гросул – редактор и один из авторов коллективной монографии о российском консерватизме – считает ключевыми идеями консервативной парадигмы идей религию и традицию, которые совместно противостоят изменениям²⁴⁰. Но применительно к XVIII в. чрезвычайно сложно оперировать подобным определением – например, М. М. Щербатов или А. П. Сумароков могут, в зависимости от фокуса зрения, быть отнесены к консервативной, конституционалистской или естественно-правовой доктрине.

На протяжении всего XVIII в. в России циркулировали книги, которые вполне можно было прочесть как содержащие прямую идейную атаку на абсолютизм. К примеру, вышедший в 1787 г. на русском языке в переводе А. Ф. Малиновского трактат «Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий» содержал хвалебные отзывы об английском

²³⁶ Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // The American Historical Review. 1970. Vol. 75. № 5 (Jun., 1970). P. 1291–1294, 1302.

²³⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 136.

²³⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 242.

²³⁹ См.: Бугров К. Д. Коллективный актор или риторическая фигура? «Дворянство» и «государство» в политическом процессе России XVIII в. / К. Д. Бугров // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 7-1. С. 11–21.

²⁴⁰ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.29.

республиканце и монархомахе XVII в., А. Сиднее²⁴¹. Хотя с формальной точки зрения фрагмент, восхваляющий Сиднея и критикующий монархию, был вызовом монархической идеологии, в конкретном коммуникативном контексте он прозвучал вхолостую, поскольку актуальных дебатов о том, какая форма правления лучше, в этот момент не велось. Малиновский формально воспроизвел на российской почве республиканское «учение», но по существу никакой адаптации этого «учения» не произошло.

Поэтому мы согласны с точкой зрения одного из ведущих исследователей российского либерализма Д. В. Тимофеева, который на материале начала XIX в. анализирует конкретные случаи употребления политических понятий и делает акцент не на доктринальных характеристиках, а на коммуникативных практиках: «Системообразующими понятиями, с помощью которых чаще всего происходила корректировка либеральных идей в России, стали понятия “государство”, “закон” и “просвещение”. В различных сочетаниях они использовались при обосновании необходимости учитывать множество обстоятельств, отражавших принципиально важные, с позиции современников, отличия социально-экономического, культурного и политического развития Российской империи в сравнении с развитыми странами»²⁴². По обоснованному мнению Д. В. Тимофеева, одни и те же понятия в разных коммуникативных контекстах могли служить для обоснования *разных* предложений.

Итак, республиканизм в данной работе рассматривается не как идеология коллективного актора (дворянства, буржуазии) и не как доктрина. Он анализируется как *манера речи*, используемая в дебатах. Что такое манеры речи? Это набор концептов и риторических стратегий, используемых для того, чтобы доказать ту или иную точку зрения или интерпретировать те или иные вопросы особым образом. Хороша или плоха *монархия*? Хороша или плоха *роскошь*? Хорошо или плохо *рабство*? Ответы на эти вопросы предполагали не просто «да» и «нет», но подразумевали использование разных манер речи.

Теория речевых жанров М. М. Бахтина. В данном отношении методология «кембриджской школы» близка тому подходу, который был разработан в рамках теории

²⁴¹ См. о нем: Pocock J. G. A. England's Cato: The virtues and fortunes of Algernon Sidney // The Historical Journal. № 37. 1994. P. 915–935; Worden B. The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney // Journal of British Studies. Vol. 24. № 1 (Jan., 1985). P. 1–40; Заводовская М. А. Политическая деятельность и общественные взгляды Алджернона Сиднея. 07.00.03. Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2011.

²⁴² Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 453.

речевых жанров М. М. Бахтина²⁴³ и который кажется нам весьма перспективным для целей истории политической мысли²⁴⁴. Бахтин характеризует жанр следующим образом: «Существенным (конститутивным) признаком высказывания является его обращенность к кому-либо, его адресованность. <...> Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и в особенности стиль высказывания. <...> Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою, определяющую его как жанр, типическую концепцию адресата»²⁴⁵.

Как отмечает Д. В. Тимофеев, «социальная и культурная неоднородность российского общества предопределяет недостаточность привлечения в рамках истории понятий произведений представителей одной социальной группы, а, следовательно, и необходимость реализации принципа жанрового многообразия используемых текстов»²⁴⁶. Итак, контекст играет определяющую роль, согласно методологическим соображениям лидерам «кембриджской школы». Важен не только сам факт политической речи и не только содержание высказывания (то, *что* говорится); важен и целый ряд контекстуальных обстоятельств – *кому* говорится, *в каких условиях* и *по какому поводу* говорится и, главное – *зачем* говорится. Говоря о контекстах, мы подразумеваем устойчивые коммуникативные сценарии, которые воспроизводятся на хронологической протяженности в силу существования определенной социальной среды и функционирующих в этой среде мотивационных схем. Следовательно, контекст может быть интерпретирован и как речевой жанр в бахтинском смысле, как отношения между адресатом и адресантом.

Для целей настоящего исследования мы находим возможным сгруппировать многообразие коммуникативных жанров (имеются в виду «вторичные» жанры по Бахтину) политической культуры российского XVIII в. в две коммуникативные сферы: **придворную** и **публичную** сферы. Под коммуникативной сферой мы понимаем своеобразный сверх-

²⁴³ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

²⁴⁴ На определенное сходство идей Бахтина и Скиннера обращают внимание, в частности, М. Эдлинг и У. Моркенстам (Edling M., Morkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist // Scandinavian Political Studies, Vol. 18, № 2, 1995. P. 130). В российской традиции чаще говорят о сходстве между Скиннером и Лотманом, но, на наш взгляд, сходств здесь не очень много.

²⁴⁵ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 275.

²⁴⁶ Тимофеев Д. В. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 133.

жанр, определяемый сходством в статусе участников коммуникации²⁴⁷. В данном случае статус участников коммуникации рассматривается с учетом коммуникативного контекста, а не социальной структуры *per se*, сохраняя независимость от статусов, определяемых социально-экономической характеристикой. Один и тот же исторический актор может в разных жанрах и контекстах обретать различные статусы: советника, ритор-восхвалителя, учителя, просителя, откровенного собеседника и так далее.

Говоря о **придворной сфере**, мы не имеем в виду определение двора как социальной системы или института²⁴⁸. Придворную сферу мы понимаем как коммуникативное пространство, объединяющее лиц, обладающих возможностью личного доступа к монарху (или по крайней мере к вельможе, обладающему личным доступом к монарху) на регулярной основе, и признающих особый статус монарха в иерархии коммуникативного процесса. Г. А. Гуковский так характеризует придворное пространство, говоря о российской культуре XVIII в.: «Сферой приложения силы искусства и мысли был в первую очередь дворец, игравший роль и политического, и культурного центра, и вельможно-дворянского клуба, и храма монархии, и театра, на котором разыгрывалось великолепное зрелище, смысл которого заключался в показе мощи, величия, неземного характера земной власти. <...> Торжественная ода, похвальная речь (“слово”) и были наиболее заметными видами официального литературного творчества; они жили не столько в книге, сколько в церемониале официального торжества»²⁴⁹. Отношения адресат / адресант в этой сфере заведомо неравные: вне зависимости от того, выступает ли монарх адресатом (ода, панегирик, доклад) или адресантом (указ), он превосходит своего коммуникативного визави по статусу. Это *коммуникативное неравенство* является ограничителем для всех видов функционирующих в указанной сфере текстов.

Под **публичной сферой** мы понимаем иную коммуникативную ситуацию, в которой закрепленным высшим статусом иерархии не обладает ни один ее участник. Концепция публичной сферы отсылает к идеям германского мыслителя Ю. Хабермаса, изложенным в работе «Структурная трансформация публичной сферы» (1962). Здесь публичная сфера

²⁴⁷ В данном случае жанр определяется не тематикой произведений (как это делает, например, С. Уиттакер, говорящая о «супражанре» литературы «советников» в российском XVIII в., объединяющем публицистику, драматургию, поэзию), а именно статусом участников.

²⁴⁸ Польской С.В. Формирование «придворного общества» в России: императорский двор и дворянство в середине XVIII века // Classical Russia. 1700-1825. Vol.2. 2007. №1–2. С. 117–143.

²⁴⁹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. С. 13–15.

определена как пространство функционирования общественного мнения, развернутого между частным пространством («буржуазной супружеской семьей»), пространством государственной власти и рыночным пространством товарного обмена. Хабермас рассматривает публичную сферу в социологическом ключе – как продукт формирования торговой буржуазии, достигший завершения к концу XVIII в.²⁵⁰ Согласно Хабермасу, в этом пространстве функционирует свободный обмен мнениями, осуществляемый равными субъектами в открытом для всех поле²⁵¹. В публичной сфере круг адресатов являлся широким и не был определен с большой точностью; адресат и адресант находились в отношениях равенства, а не иерархии. Равные между собой собеседники усвоили манеры *republique des letters*, сферы литературного общения²⁵².

Формирование этой сферы в России может быть прослежено в первую очередь на основании изучения журналистики. Появление первого независимого журнала в России, «Труdolюбивой пчелы» А. П. Сумарокова (1759), явилось стартовой точкой в становлении публичной сферы. Другой способ анализировать публичную сферу – изучение динамики и структуры книгоиздания. И в этом случае данные, доступные нам, указывают на то, что публичная сфера в относительно стабильном виде сформировалась во второй половине XVIII в., когда количество переводов на моральные, социальные и политические темы достигло устойчивого числа примерно в 200 наименований за десятилетие²⁵³. Конечно, в масштабе огромной России это не очень много, но следует помнить, что речь идет о «двухэтажном» (в категориях П. Шоню) государстве²⁵⁴, слой элиты которого был относительно небольшим и географически тяготел к ограниченному числу центров.

Методологические определение республиканизма. Изучая развитие западноевропейской политической мысли Нового времени, Скиннер смог обнаружить

²⁵⁰ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1991. P. 20.

²⁵¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. P. 54–55.

²⁵² Ср. мнение Гуковского, у которого создателями «дворянской фронды» выступают «крепкие помещики», состоятельная верхушка дворянской элиты, охарактеризованная следующим образом: «Каждый помещик-рабовладелец, довольствуясь доходами, собираемыми со своего владения, чувствовал себя господином и царьком по отношению к этому владению <...> Он, русский помещик, осознает себя аристократом и требует осуществления своих прав во всех областях жизни; возникает политическая, этическая, эстетическая программа действий, осуществляется идеология независимых русских дворян XVIII века» (Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. С. 17). Из этой среды, согласно Гуковскому, в середине XVIII в. вышли фрондеры, «либералы-крепостники», политическим лидером которых был Н. И. Панин, а творческим – А. П. Сумароков.

²⁵³ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 23.

²⁵⁴ Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 17.

формирование парадигмы политических идей, конкурировавших с либерализмом. Говоря об этой парадигме, Скиннер обращает внимание на две главные характеристики. Первая – это акцент на «гражданских ассоциациях», на коллективных «политических телах», которые представляют собой свободные республики. Вторая – это своеобразное (неоримское, согласно Скиннеру) понимание характера свободы как различия между свободным и рабом. Даже если по существу ничто не мешает рабу жить свободно в гоббсовском смысле, то есть идти куда он желает и делать что он хочет, он все равно остается несвободным человеком, и это отсутствие свободы определяется именно тем, что *потенциально* такой раб находится во власти другого. Эта вторая характеристика республиканской «теории свободных государств» будет несколько более ясной, если посмотреть на пример из Тита Ливия, который приводит Скиннер – слова о достоинстве, вложенные римским историком в уста этолийского посланника Мениппа, просящего сирийского царя Антиоха о помощи: «Оно заключается в свободе, опирающейся на свои силы, а не зависящей от чужой милости»²⁵⁵. Ситуация, в которой «политическое тело» оказывается зависимым от чужой воли – даже если эта воля ничего плохого и не делает, оставаясь в рамках законности – описывается республиканскими теоретиками как состояние рабства. Можно сказать, что республика по определению должна быть *самодостаточной*.

Предложив два эти «допущения» как важнейшие параметры республиканской политической мысли, позволяющие четко ее отделить от, например, концепций монархомахов и сторонников парламентского верховенства, Скиннер переходит к главному тезису своей работы – обоснованию того, почему неоримское понимание свободы может успешно конкурировать с пониманием либеральным. Здесь Скиннер обращается к известной работе философа И. Берлина «Два понимания свободы» (1958). Скиннер отмежевывается от позитивного понимания свободы, отмечая: «”Позитивный” взгляд связывает свободу не с возможностями для действия (как это происходит в неоримском и либеральном варианте), а с исполнением действий определенного типа»²⁵⁶. Неоримская теория свободы в целом является негативной, однако она отличается от того либерального понимания негативной свободы, которое Берлин считал единственным. Ведь если в негативной либеральной свободе по Берлину единственной угрозой для свободы является внешнее принуждение (все иные определения свободы ведут лишь к уродливой тирании под

²⁵⁵ Тит Ливий. История Рима от основания города. Том III. М.: Наука, 1989. Книга XXV. С. 174.

²⁵⁶ Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. 95.

маской освобождения истинной человеческой природы), то «неоримская теория свободы как раз и подвергает сомнению презумпцию того, что индивидуальная свобода сводится к вопросу об отсутствии вмешательства»²⁵⁷. В этом отношении неоримское понимание свободы как «отсутствия доминирования», согласно Скиннеру, является более последовательным, чем поверхностный либеральный взгляд на свободу как на «отсутствие вмешательства», исповедуемый Берлиным.

Эти построения Скиннер основывает на историческом исследовании. Говоря о концепциях свободы, существовавших в политической культуре Англии XVII – XVIII вв., он описывает столкновение в годы Английской революции между классической роялистской теорией «божественного права» и «неоримской теорией свободных государств». Говорившие о свободе «неоримские» теоретики (А. Сидней, Дж. Мильтон, Т. Харрингтон), во-первых, приписывали ее всему «политическому телу» (т.е. совокупности граждан) и, во-вторых, понимали ее как независимость этого «тела» от всякой внешней воли (будь то тиран или иноземный захватчик); этот второй тезис опирался на использование антитезы «свобода» – «рабство». Здесь очевидна связь с античными (Аристотель, Полибий, Цицерон, Тацит) и ренессансными (Макиавелли) авторами. Скиннер также связывает формирование подобного видения свободы с концепциями «монархомахов», представленными во Франции XVI в. и оказавшими определенное влияние на английских революционеров.

В качестве реакции на триумф «неоримской теории» в годы доминирования Долгого парламента в Англии возник новый взгляд на свободу, впервые предложенный Т. Гоббсом и опиравшийся на влияние континентальной школы римского права (аналогичные разработки позднее предпримет С. Пуфендорф). Эта концепция признавала носителем высшей государственной власти «искусственную личность государства», а свобода здесь понималась как отсутствие ограничений в реализации способностей и целей отдельного гражданина. Подобный взгляд, развитый Гоббсом, позднее лег в основание той теории, которая сегодня является доминирующей – классической либеральной теории свободы, понимающей свободу как «отсутствие вмешательства» (non-interference). А вот республиканцы актуализировали то цицероновское понимание свободы, о котором пишет исследовательница республиканской традиции И. Хонохан: «Граждан отличало не их право

²⁵⁷ Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. 96.

на участие в делах правления, но их правовой статус, или право прибегнуть к защите закона. Свобода (*libertas*) не означала равенство в участии либо автоматическую свободу высказывания, как в Афинах. Для Цицерона верховенство закона не только обеспечивает общее благо всех членов общества, но и гарантирует их свободу. Вместо того, чтобы управлять каждый в свой черед, граждане свободны потому, что они обладают правовым статусом *libertas*»²⁵⁸. Впрочем, важно помнить, что и для Аристотеля, и для Цицерона политика – это занятие для людей, обладающих «качествами, в наибольшей степени достойными восхищения», а «участие в государстве является не просто способом самозащиты, но и важным средоточием моральных обязательств»²⁵⁹. Существует прямая связь между *добродетелью* (*virtu*) и политическим участием; эта связь фундаментальна для республиканской мысли.

В отличие от Скиннера с его концепцией свободы, Дж. Покок сфокусировал внимание на функционировании республиканского глоссария добродетели. Как демонстрирует Покок, объединяющим началом для авторов республиканской традиции (протянувшейся от Аристотеля к отцам-основателям США через флорентийских авторов Кватроченто, политиков английской революции и их идейных наследников, таких, как виконт Болингброк или издатели «Писем Катона» Дж. Тренчард и Т. Гордон), был страх перед роскошью и чрезмерным обогащением отдельных лиц, ведущим к коррупции и падению республики. Стремительный рост английской экономики, сопровождавшийся скандалами и крахами на бирже, внушал опасения многим из тех, кто пристально изучал римских и ренессансных авторов.

Поккок подчеркивал ключевое значение таких концептов, как добродетель, коррупция, фортуна. В случае с фортуной речь шла о своеобразной способности человека противостоять ударам непредсказуемой судьбы, реагируя на перемену обстоятельств: «В сенаторском этосе республиканского и имперского Рима фортуна означала скорее удачу, нежели возможность: человек мог быть удачлив (*felix* или *Faustus*), если в его характере было нечто, что – как казалось – позволяло привлекать благоприятные обстоятельства; однако и элемент возможности признавался постольку, поскольку на удачу нельзя было рассчитывать постоянно и обстоятельства нельзя было ни предсказать, ни контролировать. А потому барака, мана или харизма (если использовать понятия из других культур)

²⁵⁸ Honohan I. Civic Republicanism. London; New York: Routledge, 2002. P. 36.

²⁵⁹ Ibid., p. 39.

успешного актора включали как персональные качества, привлекавшие удачу, так и качества, позволявшие эффективно и благородно справиться со всем, что бы ни послала фортуна; римским термином для этой сложной характеристики было *virtus*. Добродетель и фортуна регулярно противопоставлялись друг другу, и героическая твердость, борющаяся с испытаниями фортуны, превращалась в активное качество, позволявшее обращать обстоятельства на пользу актора, в харизматическую *felicitas*, таинственным образом управлявшую фортуной. Эту антитезу часто презентовали в образе сексуальных отношений: мужественный активный разум стремится доминировать над женственной пассивной непредсказуемостью, которая вознаградит его за силу, но предаст за слабость»²⁶⁰.

Дж. Покок описывает идеологию «кантри» как «реакцию против роста банков и кредита ассигнаций, профессиональных армий и бюрократов, а также патронажа и политических машин. Этим развивающимся явлениям были противопоставлены картины возвращения к старому, более чистому времени, общества, основанного на принципах, любой отход от которых стал бы разложением, и личностей, добродетель которых была укоренена в независимости от правительственного и социального процесса настолько, что только такая форма собственности на землю как наследуемое свободное владение могло гарантировать эту добродетель». Продолжительному существованию «республики мечей» угрожала коррупция: в Англии XVII в. республиканские мыслители (например, Дж. Харрингтон²⁶¹) рассматривали земельную собственность как основание автономии гражданина и, следовательно, фундамент самой республики. Классическая республика, таким образом, опиралась на доблесть сознательного гражданина, наделенного «этосом гражданской жизни, в которой эго сознавало и любило себя в своем отношении к отечеству, республике или общему благу», одновременно подвергаясь «угрозе со стороны коррупции, действующей посредством частных appetites или ложного сознания»²⁶². Отсутствие доблести означало бы порабощение граждан «фантазией» и утрату *self-mastery* – в том

²⁶⁰ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 7–8.

²⁶¹ Pocock J. G. A. Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century // The William and Mary Quarterly, Third Series. Vol. 22. No. 4 (Oct., 1965). P. 549–583.

²⁶² Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 486. Покок опирается здесь на детальный анализ трудов Катона (псевдоним Дж. Тренчарда и Т. Гордона, которые в 1720 – 1723 гг. опубликовали целый набор журнальных статей, известных как «Письма Катона») и виконта Болингброка, а также Мандевилля и Монтескье.

смысле, в каком о «фантазии» рассуждал Б. Мандевиль, писавший об экономике, движимой *self-interest* и превращающей «частные пороки» в «общественные добродетели»²⁶³.

По мнению Покока, экономические и политические изменения Нового времени привели к тому, что с конца XVII в. республика добродетельных граждан-землевладельцев, рационально властвовавших над собой и имеющих достаточно свободного времени и экономической независимости для полноценного участия в делах республики, оказалась в тени мира торговли и кредита, где место доблестей все в большей степени занимали страсти, «фантазии» и *self-interest*. В противовес соображениям классических республиканцев – таких, как Макиавелли или Харрингтон – многие авторы XVIII в. начали считать республики по своей сути небольшими политическими образованиями, предрасположенными к коммерческому процветанию. Популярным становится указание на различия между древними – воинственными, и современными – коммерческими республиками. Монтескье, например, полагал, что для современного мира роль древней доблести способна играть коммерческая «политичность», которая вполне может быть внедрена и в монархиях²⁶⁴. Торговля смягчает нравы, развивает экономику и технику; однако одновременно она – говоря категориями классического республиканизма – провоцирует рост роскоши и коррупции и противоречит гражданской доблести и военизированному республиканскому этосу. Новая оценка республиканизма открывала возможности для того, чтобы считать добродетельным гражданином не столько воина, сколько торговца²⁶⁵.

Анализ Покока применительно к интеллектуальной истории XVIII в. развили такие специалисты, как И. Гонт и К. Бейкер. По его мнению, на протяжении столетия в

²⁶³ Например, в предисловии к изданию своей знаменитой «Басни о пчелах, или частные пороки, общественные выгоды», Мандевиль отмечал: «Те, кто изучают природу человека, отвлекшись от искусства и образования, могут увидеть, что то, что делает человека социальным (*sociable*) животным, заключается не в его стремлении к компании, доброй природы, сочувствия, общительности и иных внешних добродетелей; но что его порочнейшие, отвратительнейшие качества в наибольшей степени необходимы для того, чтобы поместить его в самые большие и, согласно миру, самые счастливые и процветающие общества» (*The Fable of the Bees or, Private Vices, Publick benefits. With an Essay on Charity and Charity-Schools and a Search into the Nature of Society*. London: J. Tonson, 1724. P. A2).

²⁶⁴ Howse R. Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // *Brooklyn Journal of International Law*. № 31 / 3. 2006. P. 693–708.

²⁶⁵ Например, П. И. Рычков в «Переписке между двумя приятелями о коммерции» (1755) называет торговлю основой «общего блага» и доказывает, ссылаясь на аббата Бельгарда («*Education parfait*»), что предприимчивость купцов тоже является формой доблести: «Как бы им такая славная дела без величественного духа сделать, и в предприятиях своих иметь щастливой успех, ежелиб они чрезвычайной отваги в страхах и удивительного постоянства в крайних трудностях и бедах не оказали». В конечном счете, Венеция смогла противостоять туркам, а Голландия – испанцам; эта последняя «своими завоеваниями в разных местах показала довольные опыты, что дворянину купцом быть не стыдно, потому что купцу не трудно храбростию и великими делами уравниаться дворянину» (Рычков П. И. Переписка между двумя приятелями о коммерции // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб.: Академия наук, 1755. Февраль. С. 120-121).

европейской политической культуре противоборствовали два подхода к роскоши. Один из них оперировал инструментарием классического республиканизма (в данном случае Гонт полагается на аргументы, почерпнутые из работ Покока), обличая роскошь как двигатель коррупции и войны; наиболее влиятельными сторонниками этого подхода являлись популярнейшие французские авторы, Фенелон и Руссо. Альтернативой фенелоновскому подходу был подход, в наиболее радикальной форме предложенный английским философом Б. МанDEVИЛЕМ, который выдвинул парадоксальную формулу «частные пороки – публичные выгоды»²⁶⁶. Аргументы И. Гонты о развитии экономической мысли XVIII столетия и о месте в этом развитии республиканской политической теории являются чрезвычайно ценными для того анализа, которому посвящена настоящая работа.

К. Бейкер выделяет в политической мысли XVIII в. два направления республиканской мысли: «просветительское» или «современный республиканизм» (Кондорсе, Т. Пейн) и «республиканизм древних». Бейкер подчеркивает: «Важно различать республиканизм как веру в особую форму правления от классического республиканизма как политической идиомы. Последний, как мы знаем из работ Дж. Покока и других исследований на английской почве, предлагал дискурс политического диагноза, а не модель идеального режима правления. В своей манифестации восемнадцатого века он был, кроме прочего, языком оппозиции росту административного государства, которое поддерживалось современным коммерческим обществом и одновременно само его порождало, государства, которое стимулировало коммерцию с целью увеличить налоговые доходы, развертывая инструменты кредитного рынка, чтобы финансировать постоянную армию и бюрократию»²⁶⁷. Особое значение для республиканизма К. Бейкер усматривает в органицистских метафорах кризиса – расцвета / упадка добродетели: «Основной проблемой классического республиканизма было поддержание гражданской добродетели, а с ней и жизни в политическом теле»²⁶⁸. Важнейшими республиканскими мыслителями французского XVIII в. Бейкер считает Ж.-Ж. Руссо и Мабли, критиковавших естественно-правовые концепции таких авторов, как Пуфендорф или Гроций. Принципиально важной новацией оказалось то, как Руссо использовал договорной политический язык естественно-правовой теории для обоснования республиканской добродетели в категории «общей воли»

²⁶⁶ Hont I. The early Enlightenment debate on commerce and luxury. P. 417-418.

²⁶⁷ Baker K. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France. P. 35.

²⁶⁸ Ibid., p. 36.

(*volonte general*): «Руссо сформулировал идею общей воли как абстрактную теорему, однако он обсуждал необходимость в сохранении общей воли и опасность потери ее – смерть политического тела – с помощью социологического языка классического республиканизма. Таким образом, основной чертой политического мышления, которую Руссо привнес в классический республиканский диагноз коррупции гражданской доблести в современном коммерческом обществе, было теоретическое решение, предполагавшее радикальную демократизацию теории общественного договора, понятого теперь как фундаментальный базис для прямого политического участия всего тела гражданства в политических делах. Гражданская добродетель и общая воля были неразрывно связаны: одна не могла выжить без другой»²⁶⁹.

Декларируя принципиальную важность республиканской парадигмы (представленной в работах Мабли и Руссо) для Французской революции, К. Бейкер переходит к анализу «мутации» республиканизма в ходе самой революции, обращаясь к таким фигурам революционеров, как Марат, Робеспьер и Сен-Жюст. Исследователь указывает на то, что принципиальное изменение произошло с республиканским политическим языком в силу изменения коммуникативного контекста его функционирования: из инструмента критики устойчивых монархических правительств, которая принимала тем более радикальный тон, чем менее имела надежды действительно повлиять на этих колоссов, республиканизм стал политическим языком людей, занявших командные посты в новой Французской республике. Дальнейшее развитие тем гражданской бдительности и угрожающей республике коррупции привели к складыванию идеологии Террора²⁷⁰.

Иногда само существование республиканской традиции подвергается критике. К примеру, американский исследователь Э. Блэк критикует Скиннера и Покока: «Ошибочные идеи, которые защищают Скиннер и Покок, вытекают в большой мере из чрезмерного сближения жанра (или “языка” со специфической идеологией или политической программой <...> Исторические факты таковы, что республиканские идеи могли, как и монархические, быть выражены с помощью разнообразных языков, в терминах корпоративной теории и неохристианской экклесиологии так же, как и в неоримских и

²⁶⁹ Baker K. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France. P. 42.

²⁷⁰ Ibid., p. 51-53.

макиавеллистских терминах»²⁷¹. Но подобная критика несправедлива. Ведь под республиканизмом понимается не стремление к республике вообще; далеко не всякий текст, благосклонно оперирующий понятием «республика» (или говорящий о выборных властных органах, коллективном управлении), может быть отнесен к интеллектуальной традиции республиканизма. Дело идет об обсуждении определенных проблем – Покок называет в числе таковых проблему выработки гражданской добродетели, отношений между добродетелью и коррупцией, устойчивости республики во времени.

Российский исследователь О. В. Хархордин выделяет пять основных элементов республиканской парадигмы идей: неоримское понимание свободы, проблема добродетели / коррупции, гражданское признание, механизмы участия рядовых граждан в жизни республики, «общие вещи» республиканского политического тела²⁷². Это весьма содержательная классификация, хотя и до некоторой степени эклектичная: если первый из элементов был тщательно разработан Скиннером и Петтитом, то второй больше относится к исследованиям Покока и идеям Арендт (в свою очередь, Арендт предлагала такое истолкование свободы, которое Скиннер считает позитивным). Свои взгляды на историю республиканизма и на роль этой парадигмы идей в российской истории О. В. Хархордин изложил в нескольких содержательных очерках²⁷³.

Итак, под республиканизмом в данной работе мы понимаем определенную манеру политической речи, использующую своеобразный набор риторических ходов и концептов. Это именно манера, а не жесткая доктрина. Далеко не всегда мы встречаем полный набор республиканских элементов в текстах того или иного автора; чаще мы имеем дело с концептуальной «амальгамой». Мы выделяем четыре основных элемента этой манеры. Во-первых, это специфическое понимание политической свободы и вытекающий из него взгляд на политическую структуру республики. Во-вторых, это макиавеллистское понимание добродетели. Оно, в свою очередь, связано с разрывом с цицероновской этикой, с социальной обусловленностью и с признанием политического (а не персонального) характера добродетели. Добродетель в этой риторике противостоит коррупции, обладающей социальными причинами. В-третьих, это концепция гражданского равенства, открывающего всем гражданам возможности для того, чтобы управлять и быть

²⁷¹ Black A. Christianity and Republicanism: From St. Cyprian to Rousseau // The American Political Science Review. Vol. 91. № 3 (Sep., 1997). P. 654.

²⁷² Хархордин О. В. Что такое республиканская традиция. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/12/27/respublica/>

²⁷³ Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М.: НЛЮ, 2011.

управляемыми, в равной мере проявлять свою гражданскую добродетель. Наконец, в четвертых, это республиканский историзм, предполагающий, что республику невозможно построить, а можно лишь возобновить, вдохнув новую жизнь в традицию свободного народа. Ключевыми авторами, оказавшими влияние на республиканский канон, мы считаем римских историков, Макиавелли, Фенелона и Руссо. Однако важно вновь заметить: речь не идет о том, что российский республиканизм был попросту «вычитан» из трудов того или иного автора, пусть даже Фенелон и Руссо действительно входили в число наиболее популярных переводных авторов XVIII в.

Теория модернизации. Настоящая работа опирается на концепцию модернизации. Как отмечает крупнейший российский специалист в области модернизационных концепций И. В. Побережников, и в XXI веке парадигма модернизации продолжает развиваться. Особенное внимание Побережников обращает на «структурационную модель» модернизационной теории, разработанную Г. Терборном²⁷⁴. Важно и показательно, что Терборн, влиятельный последователь марксистской социальной теории, особенное внимание уделяет культуре («инкультурации») и идеологии: социальный процесс, по его мнению, движим «инкультурацией» и «структурацией», определяющим «социальное действие», ведущее, в конечном счете, к изменению социальной структуры²⁷⁵.

Сходным образом и другой исследователь модерности, германский ученый П. Вагнер, отказывается от упрощенного понимания модерности как набора институтов, более или менее успешно адаптируемых в принимающей социальной среде²⁷⁶, и считает ключевой характеристикой модерности возникновение в обществе устойчивых «направлений зрения», так называемых «проблематик»: «Модерность характеризуется проблематиками (*problématiques*), которые остаются открытыми, а не специфическими решениями данных проблем»²⁷⁷. Решительно отмежевываясь от культурного детерминизма, Вагнер считает, что упомянутые проблематики специфичны для каждой эпохи; вместе с тем, в рамках эпохи они остаются открытыми: «Подобные проблематики появляются вместе с самой модерностью, и их нельзя ни отвергнуть, ни исчерпать раз и навсегда путем обнаружения их

²⁷⁴ Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М.: [б/и], 2002. С. 146–168.

²⁷⁵ Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы.

²⁷⁶ Бугров К. Д. Этот поезд в огне: хорошие и плохие революции Мартина Малиа // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 267–276.

²⁷⁷ Wagner P. *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory*. London: Sage, 2001. P. 8.

“современного” решения»²⁷⁸. Таким образом, «ответы» на поставленные «вопросы» оказываются весьма разными, и в этом заключается основное, принципиальное свойство модерности и современного общества – «конституирующие проблематики модерности всегда нужно интерпретировать в их конкретной темпоральности и в их специфическом историческом локусе»²⁷⁹. Такой подход мы считаем перспективным, хотя конкретные свойства «проблематик», предлагаемые Вагнером, могут и должны оставаться предметом дискуссии.

Итак, социальная структура России трансформировалась и модернизировалась в том смысле, в каком она отвечала общим социально-экономическим процессам, охватившим в ту эпоху европейский континент; идеологические действия тех или иных исторических акторов были связаны с их положением в социальной структуре, можно говорить о «структурации» в духе Терборна и о специфических «проблематиках» модерности в духе Вагнера. А вот то, какие конкретно формы принимало в России распространение западных инноваций, какие именно новые конфигурации возникали в российской политической культуре в ходе взаимодействия старого и нового – эти вопросы остаются открытыми.

В прикладном отношении мы предпочитаем оперировать концептом «вестернизация», а не «модернизация». Как отмечают Е. В. Алексеева, Д. А. Редин и М.-П. Рэй, применительно к России уместно говорить о модернизации в форме вестернизации, осуществлявшейся в силу того, что ряд государств Западной Европы в XVII–XVIII вв. совершил своеобразный социально-экономический рывок, предоставив другим государствам и странам выбор: отвечать на вызов или нет. По мнению исследователей, «Россия оказалась в ситуации аналогичного выбора – усвоения инноваций или автаркии и неизбежного проигрыша в конкурентной борьбе. Речь, таким образом, шла не о “европеизации” России (как нелепо говорить, например, о “европеизации” Испании или Речи Посполитой), а о ее модернизации в форме вестернизации – трансформации России из традиционной средневековой европейской страны в европейскую нововременную державу»²⁸⁰.

Конкретизация модернизации как вестернизации позволяет нам подчеркнуть: модернизационные преобразования, какими бы ни были их суть и направленность,

²⁷⁸ Wagner P. *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory*. London: Sage, 2001. P. 8.

²⁷⁹ Ibid., p. 9.

²⁸⁰ Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 11.

оставались результатом вполне конкретного процесса знакомства россиян с разнообразными западными нормами и моделями, которые применительно к российскому контексту выступали *инновациями*. Вестернизация России, взявшая стремительный темп с рубежа XVII – XVIII вв. и остававшаяся с тех пор базовым фактором отечественной истории, сформировала новое пространство российской политической культуры, открывая компаративную перспективу взамен религиозно окрашенного изоляционизма, трансформируя либо вытесняя представления об уникальности России как единственного царства истинного христианства. Возможность *сравнивать* разные государства между собой формировала новую идентичность, в частности – осознание национальной специфики в компаративных категориях, делающих сравнение обоснованным и весомым.

Итак, модернизация не означала того, что российская культура XVIII в. должна была прийти к некоторым предзаданным итогам, обрести направленность в рамках модернизационного процесса. Напротив, понимая под модернизацией процесс вестернизации, мы характеризуем культуру России XVIII в. как *уникальную*, поддающуюся объяснению не на основании дедуктивного метода абстракций и экстраполяции неких единых черт «модерности» на российскую действительность, но на основании анализа конкретных фигураций модерности, складывавшихся в ходе трансфера и адаптации западных инноваций. Ключевую роль в интеллектуальном трансфере играл процесс адаптации, то есть создания собственных текстов, функционировавших в российском политическом пространстве.

1.3. Классификация источников исследования

Источниковая база настоящего исследования характеризуется широким охватом различных видов и групп источников. Как отмечено выше, политической культурой можно считать всю совокупность текстов, затрагивающих политические вопросы, включая как печатные, так и рукописные тексты. Конечно, на практике эта совокупность является

колоссальным массивом. Поэтому для целей настоящей работы был введен ряд ограничений, позволивших получить выборку, поддающуюся обработке.

При классификации источников в данной работе в основу была положена не формальная принадлежность к способу репрезентации, а жанрово-тематическая принадлежность, оказывающая внимание на стиль изложения, способ подачи информации.

В исследовании используется лишь та часть политических текстов, которая не является *формулярной*: то есть к анализу не привлекались тексты, предполагавшие использование шаблона – такие, как прошения, ходатайства, циркуляры и большая часть массива делопроизводственной либо технической документации. Во-вторых, из общего массива источников по большей части исключена литература беллетристическая, исключая те сочинения, которые непосредственно затрагивают сферу политического – например, «политический роман» (*Staatsroman*)²⁸¹, историко-политическая драма или поэма. Наконец, в-третьих, к исследованию не привлекались такие источники, как переписка, дневники и подобные им тексты, предназначенные для приватной коммуникации.

Предпочтение отдавалось текстам, поддающимся учету – например, каталогизированным. Это касается таких видов текстов, как периодика, печатные издания гражданской печати (нами отдельно был предпринят учет переводных изданий), панегирические сочинения гражданской и церковной печати, законодательные акты. Для учета этих сочинений мы привлекали каталоги, справочные издания и ресурсы: «Каталог книг гражданской печати»²⁸², «Хронологический каталог слов и речей XVIII века», подготовленный Е. И. Кисловой и Е. М. Матвеевым²⁸³, справочник «Русская периодическая печать (1702–1894)»²⁸⁴. В рамках этой работы нами также были подготовлены базы данных «Опубликованные переводы морально-этической, социальной и политической литературы в России XVIII в.» и «Панегирические сочинения XVIII в., опубликованные на русском языке», а также коллекция оцифрованных переводческих предисловий к иностранной литературе морально-политической направленности, подготовленная с опорой на материалы «Каталога книг гражданской печати», включающая более 100 текстов и размещенная в Электронном архиве Уральского федерального университета.

²⁸¹ Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. 2. СПб.: Издание бр. Башмаковых, 1908. С. 116.

²⁸² Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725-1800. В 5 т. М., 1962 – 1975.

²⁸³ Кислова Е. И., Матвеев Е. М. Хронологический каталог слов и речей XVIII века. СПб.: [Филологический факультет Санкт-Петербург. гос. ун-та], 2011.

²⁸⁴ Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959.

Тексты рукописной традиции привлекались к исследованию по возможности. Поскольку эта группа текстов расплывлена по разнообразным фондам, учесть ее целиком не представляется возможным даже в первичном отношении. Мы исходим из соображения о том, что привлекаемые тексты рукописной традиции (как не публиковавшиеся ранее, так и опубликованные) являются в достаточной мере репрезентативными в типологическом аспекте.

Круг источников охватывает разные контексты бытования дискурса о республиканизме. К таким текстам относятся не только политические трактаты в узком смысле, но и работы об экономике, праве, военном деле, исторические и географические сочинения, морально-этические наставления, а также поэтические и драматургические произведения. Характеристики групп источников определяются специфическими для них отношениями автора и потенциальных читателей.

В силу этого первичный охват источников оказался весьма широк. Он включает несколько тысяч оригинальных текстов, созданных российскими авторами и затрагивающих политические вопросы (один только комплекс панегирической литературы насчитывает свыше 2 000 сочинений за весь XVIII в., а из них около половины посвящено политике в той или иной степени). Сюда также надо добавить более чем 100 наименований журналов, значительная часть которых публиковала оригинальные произведения отечественных авторов. Количество же оригинальных рукописных сочинений, куда относятся административно-управленческие записки (то есть «верхушка» имперского делопроизводства) подсчитать невозможно даже приблизительно, и в отношении этой группы текстов остается довольствоваться комплексами материалов, связанными с моментами интенсификации творчества элиты, вызывавшегося разного рода кризисами²⁸⁵.

Переводных печатных сочинений морально-политической тематики насчитывается, по нашим наблюдениям, не менее 1 301 единицы (общее количество изданий, рассмотренных в рамках подготовки соответствующей базы, превышает 20 000 единиц). Для того чтобы быть отобранной для включения в базу данных, издание должно было отвечать следующим требованиям: 1. Переводное сочинение (т.е. созданное на любом языке, исключая русский, и переведенное на русский язык; включались и сочинения, созданные в России, но на иных,

²⁸⁵ См. описание такой ситуации на примере полемики об Императорском совете на рубеже 1750-х – 1760-х гг. в статье: Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110–139.

чем русский, языках). 2. Отдельное издание. В состав базы данных включались все известные сведения о переизданиях, однако исключались сочинения, являвшиеся частями более крупных компендиумов. Каждая запись базы данных соответствует отдельному (самостоятельному) изданию (исключением являются «титульные издания», фактически дублирующие основные). 3. Тематическое соответствие.

Рассмотренные библиографические записи структурируются в зависимости от их тематики, вычленив из суммарного массива те записи, которые в тематическом отношении относились к заявленной тематике базы данных – морально-этические, социальные и политические переводные сочинения.

Число рукописных переводов подсчитать невозможно, но и здесь счет идет на сотни наименований, как позволяют судить материалы библиотеки Д. М. Голицына²⁸⁶, А. Н. Демидова²⁸⁷ или братьев Паниных²⁸⁸.

В рамках данной работы мы не ставили себе целью ввести в оборот большое число ранее неизвестных источников, хотя, разумеется, старались не упускать случая обогатить источниковую базу и таким образом. Цель настоящей работы – в другом: задействуя в максимальной степени все доступные типы источников, провести комплексное исследование политической культуры на крупной хронологической протяженности, охватив XVIII столетие целиком. Ведь большинство изучаемых текстов ранее не привлекались для исследования политической культуры и общественной мысли. В общей сложности нами было использовано при подготовке данной работы около 400 текстов, принадлежащих как российским, так и иностранным авторам, и представляющих различные виды источников.

Исследования с привлечением **всех** указанных групп источников в принципе не проводились ранее. В большинстве случаев история политической мысли пишется на основании определенного набора канонических сочинений. Так, упомянутый уже Феофан (Прокопович) практически всегда присутствует в исторических трудах в качестве «ведущего идеолога» петровской эры благодаря «Правде воли монаршей»²⁸⁹, однако затем авторы-богословы практически исчезают из поля зрения политической истории. Между тем, динамика создания и публикации церковных панегириков сохранялась на протяжении всего

²⁸⁶ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник. М.: АН СССР, 1979. С. 238–253.

²⁸⁷ Пирогова Е. П. Библиотека Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: Сократ, 2000. С. 148–205.

²⁸⁸ Каталог книг из собрания Паниных. Б/д, не ранее 1839 г. РГАДА. Ф.1274. Оп.1. Ед.хр. 2901.

²⁸⁹ Hamburg G. Russia's Path Towards Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven; London: Yale University Press, 2016.

XVIII в., а исключение таких влиятельных авторов, как, например, митрополит Платон (Левшин) или епископ Симон (Тодорский) из «канона» истории отечественной политической мысли создает большой пробел. Без учета этой совокупности текстов невозможно адекватно оценить характер российской политической культуры XVIII в. и, в частности, демаркировать республиканские элементы в ее составе. Состав и характеристики основных групп источников рассмотрены ниже.

Первая среди этих групп – это **панегирическая литература**, как церковная, так и светская. По нашему мнению, ее можно считать наиболее устойчивым и обширным жанром российского политического текста XVIII в. В рамках анализа политической культуры этим жанром часто пренебрегают. Так, А. Н. Пыпин, характеризуя литературу середины XVIII в. в России, скептически отзывался о панегирике, считая эти произведения попросту проявлениями «грубой лести»²⁹⁰. Между тем, хвалебные «слова» и торжественные проповеди стабильно создавались и публиковались²⁹¹ на протяжении всего столетия. Ее генератором была прежде всего церковная структура, опиравшаяся на традицию религиозной публицистики.

Можно ли рассматривать церковную проповедь как форму политической речи? Нам представляется, что ответ на этот вопрос должен быть положительным. Современная исследовательница М. С. Киселева отмечает: «Проповедь, являя собой риторическую системность, представляла область учительного православия, где догматическое богословие неразрывным образом было связано с нравственным, а потому высшие сакральные темы имели прямое отношение к земным делам людей <...> Слово проповедника выполняло в проповедях Стефана Яворского, Феофилакта Лопатинского, Феофана Прокоповича и более поздних проповедников, как свою традиционно конфессиональную, так и образно-визуальную идеологическую задачу»²⁹². Сплав религиозной допетровской традиции с барочными новациями в конце XVII в. привел к возникновению целой интеллектуальной культуры, в рамках которой существовала целая «индустрия смыслов». В коммуникативном отношении здесь господствовали придворные проповедь и панегирик. Как отмечает

²⁹⁰ Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 4. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. С. 67.

²⁹¹ Кислова Е. И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сборник 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С. 52–72; Кислова Е. И. XVIII век в истории русской проповеди: проблема жанра, языка, статуса // Актуальные проблемы филологической науки: Взгляд нового поколения, выпуск III. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С.85–99.

²⁹² Киселева М. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 134.

отечественный исследователь панегирической литературы Ю. В. Кагарлицкий, «основным ресурсом убедительности» в этом жанре выступают «риторические манипуляции с авторитетной топикой»²⁹³.

Творцами церковного панегирика были представители элиты религиозной иерархии – яркие ораторы и талантливые стилисты, великолепно образованные и владевшие зачастую несколькими языками. Важно и то, что структура церкви охватывала практически всю территорию Российской империи. Эта коммуникативная «сетка» реагировала на новые сочинения, распространяя и модифицируя их. Сравнимой по своей ширине коммуникативной сети в России XVIII в. не было. И, как справедливо отмечает российская исследовательница А. И. Зернова, «в XVIII веке у проповеди появляется и четко выраженная гражданская функция, заключающаяся в трансляции идеологии и закреплении государственных идей в сознании подданных различного социального статуса»²⁹⁴. Значимость панегирика и проповеди для политической культуры была огромна. Германский исследователь И. Клейн подчеркивает: «Русские панегиристы окружали царственного адресата ореолом квазибожественной святости, что вписывалось в общую схему сакральности царского сана: в России XVIII века санкционированное апостолом Павлом представление о монархе как заместителе Бога на земле целиком определяло политическое сознание»²⁹⁵. Проповеди политического содержания (как правило, это были тексты, вначале произнесенные вслух в придворных церквях либо в храмах Москвы и Санкт-Петербурга, а уже потом изданные печатным способом) появлялись с самого начала XVIII в. Резкий взлет производства текстов этого жанра произошел при Елизавете, когда в 1742–1751 гг. было издано 112 проповедей, включая переиздания (за предшествующие 40 лет было опубликовано 48 проповедей, включая повторные публикации)²⁹⁶. Как показывают современные исследователи, церковный панегирик XVIII в. корнями уходит в эпоху Алексея Михайловича, когда этот жанр был впервые интродуцирован при российском дворе стараниями Симеона Полоцкого²⁹⁷. Крупнейшим церковным оратором и панегиристом 1-й

²⁹³ Кагарлицкий Ю. В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html>

²⁹⁴ Зернова А. И. «Власть без доверия нации – ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств // Россия XXI. № 4. 2013. С. 138.

²⁹⁵ Клейн И. Похвала властителю. Панегирическая поэзия и русский абсолютизм. С. 42.

²⁹⁶ Kislova E. I. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: at Court and Beyond // Slovene. 2014. № 2. С. 179–180.

²⁹⁷ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

половины XVIII в. являлся Феофан (Прокопович)²⁹⁸. Следует также отметить Стефана (Яворского)²⁹⁹ и Гавриила (Бужинского)³⁰⁰. В середине XVIII в. выдвигаются такие крупные

²⁹⁸ Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, Отца Отечества, проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви святых первоверховных Петра и Павла, Святейшего Правительствующего Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дне // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 126–128; Слово на похвалу блаженныя и вечностойныя памяти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви живоначальных Троицы, Святейшего Правительствующего Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 129–146; Слово похвальное в день святых великомученицы Екатерины // Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новаграда и великих Лук, Святейшего Правительствующего Синода вице-президента, а потом первенствующего члена слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб.: при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. Ч. 1. С. 213–229; Панегирик или слово похвальное о преславной над войсками Свейскими победе // Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новаграда и великих Лук, Святейшего Правительствующего Синода вице-президента, а потом первенствующего члена слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб.: при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. Ч. 1. С. 25–53; Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны // Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. III. СПб.: При Сухопут. кадет. шляхет. корпусе, 1765. С. 129–146; Феофан Прокопович. Слово в день вшествия на всероссийский престол самодержавнейшия великия государыни нашей императрицы Анны Иоанновны всея России. Иануария 19 дня, 1733 года. О том, что царская власть собственным промыслом Божиим получается. Проповеданное Феофаном Архиепископом Новгородским в Санктпетербурге в домашней церкви ея величества. СПб.: Имп. акад. наук, 1733; Феофан Прокопович. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-невском при Санктпетербурге 1718 году // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 94–102; Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской, яко от самого бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие должны; кто же суть и коликий имеют грех противляющися им. Лета господня 1718 году, априллия в 6 день, в царствующем Санктпетербурге, в неделю цветную // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 76–93; Феофан Прокопович. Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 38–47; Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпетербурге в церкви Живоначальных Троицы чрез честнейшаго отца ректора Прокоповича июня в 7 день 1717 // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 48–59; Пришествие в Новгород Его Императорского Величества Государя Императора Петра Второго 1728, генваря 1 дня // Древняя Российская вивлиофика. Ч. IX. М.: Тип. Компании типографической, 1789. С. 484–494.

²⁹⁹ Преосвященнаго Стефана Митрополита Рязанскаго Колесница четырёхколесная, многоочитая, Иезекиилем Пророком виденная, на триумфальное вшествие уготованная Российскому Августу и повелителю, Благочестивейшему Государю нашему Царю Петру Алексиевичу всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу, по толиких преславных над Шведами победах в свой престольный царствующий град Москву входящему, проповедническим художеством на новозачатый год 1704 // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворскаго, преосвященнаго митрополита Рязанскаго и Муромскаго, бывшаго местоблюстителя престола Патриаршаго, высоким учением знаменитаго, и ревностию по благочестии преславнаго. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1804. С. 185–224.

³⁰⁰ В день празднования св. Александра Невского и вместе с тем освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901; На праздник св. великомученицы Екатерины и в то же время день тезоименитства всепресветлейшей покровительницы, императрицы Российской Екатерины Алексеевны. В С. - Петербурге, 24 ноября 1718 года // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 261–277; Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-ой раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии Его императорской фамилии, Синода и Сената и многочисленного народа // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901; Слово в день годишного поминовения во блаженной памяти преставльшагося благочестивейшаго государя Петра Великаго, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго, при гробе его Величества в соборном первоверховных апостолов Петра и Павла храме. Святейшаго правительствующаго Синода советником, школ и типографий протектора, Троицы Сергиева монастыря архимандритом Гавриилом проповеданное лета 1726, генваря в 28 день // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901.

авторы, как Амвросий (Юшкевич)³⁰¹, Симон (Тодорский)³⁰², Порфирий (Крайский)³⁰³ и другие.

Не оскудел жанр и в екатерининскую эру. Достаточно назвать такие имена, как Константин (Борковский)³⁰⁴, Гавриил (Петров)³⁰⁵, Иннокентий (Нечаев)³⁰⁶, Антоний

³⁰¹ Обстоятельное описание Торжественных порядков Благополучного вшествия в царствующий град Москву и Священнейшаго коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Типография Академии наук, 1744; Слово в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного третьего благодарения, о состоявшемся вечном между Империею Российскою, и Короною шведскою мире, при высочайшем присутствии Всепресветлейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския, и его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и Обрученныя Невесты его, Ея Императорскаго Высочества Благоверныя Государыни Великия Княжны Екатерины Алексеевны, проповеданное в Москве в Соборной Успенской Церкви Синодалным Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Новгородским 1744 года, иулия 15 дня. М.: Московская типография, 1744; Слово в день чудеснаго на Родителский Всероссийский Престол Ея Императорскаго Величества возшествия Елисаветы Первыя <...>. В присутствии Ея ж Императорскаго Величества проповеданное Синодалным Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Новгородским. М.: Моск. тип., 1744.

³⁰² Слово в день высочайшаго рождения благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Нашей Императрицы Елисаветы Петровны всея России, проповеданное Святейшаго Правительствующаго Синода Членом Преосвященным Симоном Епископом Псковским и Нарвским в Санктпетербургской Придворной Церкви, 1747 года, декабря 18 дня. М.: Московская типография, 1750.

³⁰³ Слово в великий пяток, на страсти господа нашего Иисуса Христа при высочайшем присудствии Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни нашей Елисаветы Первыя Императрицы Всея России в придворной церкви Ея Императорскаго Величества проповеданное префектом иеромонахом Порфирием Крайским, в Москве, 1742 года, априллия 16 дня. М.: Моск. тип., 1742; Слово в высокаторжественный день вступления на Всероссийский престол Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския в Высочайшее Ея Императорскаго Величества Присутствие, и Наследника Ея, Внука Петра Перваго, Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и Супруги Его, Благоверныя Государыни Великия Княгини Екатерины Алексеевны, в Придворной Церкви, что в Москве. Проповеданное Преосвященным Порфирием Епископом Суждальским и Юрьевским, 1749 года, Ноября 25 дня. М.: Моск. тип., 1750.

³⁰⁴ Слово торжественное о всерадостнейшем и вожделеннейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшаго Императорскаго Величества, Благочестивейшия Государыни Императрицы Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, славу премилосердому господадеви за толикую его на Россию изобильную милость, воздающее, в большом Успенском соборе Московскаго Даниловскаго монастыря игуменом Константином. 1762 года, иуля 10 дня в день воспоминания Турецкой акции. М.: При университете, 1762.

³⁰⁵ Слово на высокаторжественный день коронования всепресветлейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския проповеданное синодалным членом Гавриилом архиепископом, Санктпетербургским и Ревельским, и архимандритом Святотроицкаго Александроневского монастыря в придворной церкви 1773 года. СПб.: Имп. Академия наук, 1773; Слово в торжественный день возвышения на Всероссийский Престол Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийския, проповеданное синодалным членом Гавриилом еп. Тферским в придворной Петергофской церкви 1770 года в Санктпетербурге. СПб.: [Тип. Морского кадетского корпуса], 1770.

³⁰⁶ Слово на торжественное воспоминание высочайшего рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашей императрицы Екатерины Алексеевны всея России, проповеданное в высочайшем присудствии Ея Императорскаго Величества святейшего правительствующаго Синода членом преосвященным Иннокентием епископом Псковским и Рижским, во второй день святыя пасхи 1766 года. М.: Синод. тип., 1766; Слово на открытие наместничества в Риге проповеданное Святейшаго Синода членом Иннокентием архиепископом Псковским и Рижским октября 29 дня, 1783 года. СПб.: Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса.

(Румовский)³⁰⁷, Ириней (Клементьевский)³⁰⁸. Крупнейшим проповедником был Тихон Задонский³⁰⁹. Но даже на этом фоне выделяется митрополит Московский Платон (Левшин)³¹⁰, уже современниками включавшийся в число величайших ораторов российской истории.

Судя по всему, панегирики интенсивно циркулировали в среде церковных интеллектуалов, формируя своего рода стандарт панегирической риторики. Об этом позволяют судить поздравительные сборники монархам от духовных академий, своеобразные панегирические компендиумы. К анализу политической культуры такие сборники привлекаются весьма редко – например, в фундаментальной работе американского историка Р. Уортмана о придворном церемониале в России упоминаний о них нет³¹¹. В настоящей работе рассматриваются два примера таких сборников: сборник поздравлений, созданных в Киево-Могилянской академии в честь визита Елизаветы

³⁰⁷ Слово в торжественный день рождения Всепресветлейшия, Державнейшия, Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны при высочайшем присутствии его императорского высочества государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, сказыванное в придворной церкви Вязицким архимандритом Антонием 1771 года. СПб.: Императорская Академия наук, 1771.

³⁰⁸ Продолжение поучительных слов, говоренных при высочайшем дворе Ея Императорского Величества благочестивейшия государыни императрицы Екатерины II, и в других местах, Синодальным членом преосвященным Иринеем епископом Тверским и Кашинским. СПб.: Тип. Святейшего Синода, 1794.

³⁰⁹ Тихон. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы // Святитель Тихон Задонский. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 481–496; Тихон. Слово на освящение храма во имя святых апостолов Петра и Павла, что на Акатове, в Воронеже // Святитель Тихон Задонский. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 469–480.

³¹⁰ Платон (Левшин). Катехизис или первоначальное наставление в христианском законе. «Внутренний крест». М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015; Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича // Платон (Левшин). «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 163–167; Платон (Левшин). Слово в день Рождения Ея Императорского Величества. Проповедано в Санктпетербурге в Придворной Ея Императорского Величества церкви Платоном Архиепископом Московским, 1750 года, декабря 18 дня. М.: Моск. тип., 1752; Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорского Величества Благочестивейшия Государыни, Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския // Платон (Левшин). «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996; Платон (Левшин). Слово в неделю 28-ю по сошествии Святого Духа // Платон (Левшин). «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 168–172; Платон. Слово в день рождения Его Императорского Высочества // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 2. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 210–216; Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорского Высочества, Благоверного Государя Цесаревича и Великого князя Павла Петровича // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 1. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 106–111; Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорского Величества (Екатерины II) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 3. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 380–385; Платон (Левшин). Слово на Новый, 1771 год // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 3. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 315–321; Платон (Левшин). Слово, говоренное при освящении знаков нового военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 2. СПб.: П. П. Сошкин, 1913. С. 290–295; Платон (Левшин). Слово, сказанное при первом посещении града Калуги в 1775 года, декабря дня // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 3. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 432–436; Платон. Увещательное послание ко градам Тверской паствы, по посвящении во Архиепископа на Тверскую епархию, октября 10 дня 1770 года // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 2. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 313–314.

³¹¹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Том 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004.

Петровны в Киев (1744)³¹² и «Торжественные песни» Нижегородской семинарии в честь воцарения Александра I (1801)³¹³. Изучались и иные панегирические тексты данной направленности³¹⁴.

Особой группой источников являются проповеди на открытие наместничеств – нам известно около 20 таких текстов, изданных в 70-х – 80-х гг. XVIII в. В церемониал открытия наместничеств были в обязательном порядке включены проповеди церковных иерархов, причем некоторые из них, как, например, епископ Нижегородский и Алаторский Амвросий (Зыбелин), принимали участие более чем в одной церемонии³¹⁵.

Рядом с традицией церковного панегирика и проповеди стоит светская одическая традиция. Стихотворный панегирик развивается как жанр политической речи с рубежа XVII – XVIII вв. Обе они тесно связаны, как показано в работах А. П. Богданова, прослеживающего генеалогию российской оды до последней четверти XVII столетия³¹⁶. По этой причине для подготовки исследования использовалась поэзия Симеона Полоцкого³¹⁷. В работах Л. И. Сазоновой³¹⁸ убедительно показан процесс трансформации одической поэзии с конца XVII в до середины XVIII в. Окончательно же светская ода, как указывает Е. А. Погосян, складывается в аннинское царствование³¹⁹.

Для целей настоящего исследования вопрос о стилистических трансформации панегирической поэзии XVIII в. являются второстепенными³²⁰. В целом, мы солидарны с

³¹² Автором этих текстов был, очевидно, священник Михаил (Козачинский). В комплекс входят диалог «Благоутробие Марка Аврелия Антонина кесаря римского», не имеющий отношения к трудам римского императора, и многочисленные стихотворные и прозаические поздравления, включая «Журнал или описание лет и Преславных Высотторжественный Побед, Блаженные и Вечнодостойныя Памяти Петра Великого Отца Отечества первого Императора Всероссийского», представляющий собой хронологическую таблицу, излагающую петровские деяния в стихах.

³¹³ Торжественныя песни благочестивейшему и всемилостивейшему великому государю, императору Александру Первому, самодержцу Всероссийскому, во всерадостнейший день Высочайшей Коронации Его Императорскаго Величества воспетия и со всеподданнейшим благоговением приносимыя от Нижегородской Семинарии, 1801 года Сентября 15 дня. М.: Унив. тип., 1801.

³¹⁴ Драма о Езекии, царе Израильском // Перетц В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. М.: Изд. Имп. Академии наук, 1903. С. 389–454.

³¹⁵ Зернова А. И. «Власть без доверия нации – ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств // Россия XXI. № 4. 2013. С. 138–139.

³¹⁶ Богданов А. П. Стих торжества: рождение русской оды. Последняя четверть XVII – начало XVIII века. М.: ИРИ РАН, 2012.

³¹⁷ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

³¹⁸ Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987. С. 103–126; Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко. М.: Наука, 1991; Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006.

³¹⁹ Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730 – 1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/538434.html>.

³²⁰ Эти изменения Н. Ю. Алексеева суммирует следующим образом: «Обусловленное особенностями русской культуры понимание поэзии в XVII веке, ограниченное умеренной горацанской одой, стало одной из причин обновления лирики. Цельность и замкнутость старой системы поэзии, в том числе лирики, помешали усвоению внутри нее высокого (пиндарического) лиризма. Поэтому обновление лирики пошло не по пути ее преобразования, а по пути, сходному с революционным, заключавшемся в отказе от всей системы (стиха, формы и стиля) и в ее разрушении. Произшедшая

тем определением оды, которое использует Е. П. Погосян: «Под похвальной или торжественной одой мы будем подразумевать стихотворение, обращенное к царствующему монарху или лицу, принадлежащему к императорской фамилии, которое автор озаглавил словом “ода” <...> В этом случае на первый план будут поставлены не стилистические, тематические или иные критерии, а сознательная установка автора составить стихотворение определенного жанра (“ода” в заглавии). Посвящение оды царствующему монарху выделяет торжественную оду из более широкого класса од»³²¹. Речь не идет об оде как сугубо *литературном жанре*, хотя именно в этом ключе ее обычно анализируют литературоведы; напротив, мы фокусируем внимание на проблемах идеологии панегирических текстов, которая – по точному замечанию Е. П. Погосян – была «наименее всего подчинена теоретическим требованиям» литературного классицизма³²².

Считается, что жанр оды сложился на российской почве к 1730-м гг.³²³ и уже к 1780-м гг. исчерпал себя, после чего в XIX в. вовсе перестал развиваться и утратил популярность. Как отмечает Н. Ю. Алексеева, «причины консервации оды связаны не с особыми ее жанровыми законами, а с тем, что она выполняла функции государственного панегирика». В этом-то качестве она и «влачила свое существование в эпоху, когда уже были непонятны ни величие оды, ни живая ее сила»³²⁴. Равным образом и Е. М. Матвеев делает вывод о том, что «во второй половине XVIII века “чистый” панегирик постепенно исчезает»³²⁵. Однако, как уже отмечено выше, для целей настоящего исследования важно не литературное «качество» одической поэзии.

резкая смена поэтических систем, каждая из которых обладала своим собственным способом версификации, стилем и формой, привела к уникальной в литературной культуре ситуации: к непроходимому разделению поэзии на “профессиональную” и “школьную” <...> Если в XVII – начале XVIII века не признавалась пиндарическая ода, то в эпоху классицизма с той же непримиримостью относятся к оде горацанской. В обоих случаях это приводило к односторонности развития русской лирики, в которой вместо сосуществования разных типов лирического выражения происходила резкая их смена» (Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. С. 255-256).

³²¹ Погосян Е. Восторг русской оды. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/538434.html>.

³²² Там же.

³²³ Е. П. Погосян обращает внимание на эволюцию одической поэзии в 1730 – 1762 гг., приведшую к «освоению формы печатного, то есть публичного, не прямого контакта с монархом, которое уже не ставило автора перед необходимостью решать вопрос об искренности своей эмоции и авторитетности своего выступления» (Погосян Е. Восторг русской оды. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/538434.html>).

³²⁴ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. С. 7.

³²⁵ Матвеев Е. М. Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2008. С. 52.

В рамках подготовки настоящей диссертации мы рассматривали панегирики авторства В. К. Тредиаковского³²⁶, М. В. Ломоносова³²⁷, А. П. Сумарокова³²⁸, А. А. Ржевского³²⁹, В. Н. Петрова³³⁰, Е. И. Кострова³³¹, Н. М. Карамзина³³² и других авторов³³³. Особый интерес представляет собой хронологически компактная группа одических текстов, демонстрирующая утверждение штампов и «общих мест» жанр – это оды, посвященные

³²⁶ Тредиаковский В. К. Песнь сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации Ее Величества государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския, бывшему там августа 10-го (по новому стилю) 1730 // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 55–56; Тредиаковский В. К. Стихи всемилостивейшей государыне императрице самодержице Всероссийской Анне Иоанновне по слову похвальном // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 125–126.

³²⁷ Ломоносов М. В. Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 85–96; Ломоносов М. В. Ода на день рождения Ее Величества государыни императрицы Елизаветы Петровны, самодержицы Всероссийския 1746 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 110–114; Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на престол Ее Величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1748 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 121–127; Ломоносов М. В. Ода на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Феодоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 100–105; Ломоносов М. В. Ода на торжественный день восшествия на российский престол Ее Величества великой государыни императрицы Елизаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 133–139.

³²⁸ Сумароков А. П. Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 54–58; Сумароков А. П. Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Анне Иоанновне... Ода // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 47–51; Сумароков А. П. Ода VIII Государыне Императрице Екатерине Второй, на день Ея возшествия на престол, Июня 28 дня, 1762 года // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. II. М.: Унив. тип., 1787. С. 37–44; Сумароков А. П. Ода XX. Государыне Императрице Екатерине Второй, на день Возшествия Ея на престол 1768 года июня 28 дня // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. II. М.: Унив. тип., 1787. С. 87–91; Сумароков А. П. Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 74–77; Сумароков А. П. Слово на день коронования Ея Величества Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Т. II. М.: Унив. тип., 1787. С. 229–238.

³²⁹ Ржевский А. А. Ода блаженные и вечно достойныя памяти истинному Отцу Отечества, императору первому, государю Петру Великому // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 245–249.

³³⁰ Петров В. Н. На сочинение нового Уложения // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 395–402; Петров В. Н. Ода на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года // Л.: Советский писатель, 1972. С. 326–322.

³³¹ Костров Е. И. Ода на всерадостный день коронации Ея Императорского Величества Екатерины II сочиненная 1778 года // Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. Ч. I. СПб.: Имп. типография, 1802. С. 5–14; Костров Е. И. Ода на день рождения Ея Императорского Величества Екатерины II апреля 2 дня 1779 года // Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. Ч. I. СПб.: Имп. типография, 1802. С. 24–32.

³³² Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным. М.: Унив. тип., 1802

³³³ Барков И. С. Ода на всерадостный день рождения его величества благочестивейшего государя Петра Феодоровича, императора и самодержца всероссийского и проч. и проч. и проч. // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 172–176; Ода Екатерине II самодержице Всероссийской на открытие губернии в Москве Октября дня 1782 года. СПб.: Военная коллегия, 1782; Петров, В. Н. На сочинение нового Уложения // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 395–402. Петров, В. Н. Ода на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 326–332; Его высокопревосходительству господину генерал-порутчику правящему должность владимирского и костромского генерала губернатора и Орденов Российских Святого Александра Невского, Святого Равноапостольного Князя Владимира второй степени, Святого Великоученика и победоносца Георгия третьего Класа и Святыя Анны кавалеру, Ивану Александровичу Заборовскому. Кострома, 1793; Ржевский, А. А. Ода блаженные и вечно достойныя памяти истинному Отцу Отечества, императору первому, государю Петру Великому // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 244–249; Руссов С. В. Ода государю императору Павлу Петровичу на высокоторжественнейший день всевысочайшего его императорского величества на Всероссийский престол восшествия, 1797 года Ноября 6 числа, всеподданнейшей поднесенная Степаном Руссовым // Оснадцатый век. Кн.4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 478–488.

Павлу I и Александру I³³⁴. Привлекались к анализу и некоторые из торжественных речей XVIII в.³³⁵

Значительное число панегириков было также помещено в журналах. Кроме того, существовала и рукописная традиция – например, целый комплекс из 9 текстов, созданных усилиями священника П. Дичковского, «бывшего Поэзии и Элоквиции Профессора» иерея Я. Адамовича и переводчика Курского наместничества И. К. Голеневского при «дворе» фельдмаршала П. А. Румянцева, генерал-губернатора Малороссии³³⁶. Эти рукописные сочинения, хранящиеся в фонде Румянцевых в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ, вновь свидетельствуют: провести грань между духовным и светским панегириком для XVIII в. весьма сложно.

Второй крупный комплекс источников, привлеченный к исследованию – это разнообразные **реформаторские проекты**, созданные членами придворно-административной элиты XVIII в. Бытование текстов этого жанра ограничено как тематически, так и территориально. В территориальном смысле придворно-административная элита была сконцентрирована вокруг местонахождения единственного

³³⁴ Карамзин Н. М. На торжественное коронование его императорского величества Александра I // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1966. С. 265–270; Речь на возжеленнейшее прибытие благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича из Москвы в Санктпетербург, говоренная его императорскому величеству в Придворном Соборе, Протопресвитером онаго Сергием Ливотовым Октября 20го дня 1801го года. СПб.: Тип. Шнора, 1801; Поздравительная песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому, во всерадостный день священного миропомазания и коронования, всеподданнейше поднесенная Кандидатом Медицины Николаем Щеголевым 1801 года. М.: Губ. типография, 1801; Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшаго государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийскаго, которую с глубочайшим благоговением подносит всеподданнейший Максим Невзоров, член канцелярии Императорскаго Московскаго университета. Сентября 15 дня 1802 года. М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1802; Ода его императорскому величеству Александру Первому самодержцу всероссийскому. На случай новоизданных всевысочайших милостивых манифестов. Владимир: Тип. губернского правления, 1801; Микулин Н. Ода его императорскому величеству Павлу Первому, императору и самодержцу Всероссийскому, на прибытие Его в столичный град Москву 1797 года. М.: Унив. тип., 1797; Микулин Н. Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичный град Москву 1801 года. М.: Унив. тип., 1801.

³³⁵ Речь, которая публично в церкви его царскому пресветлому величеству, от Синода и Сената говорена. СПб.: Санкт-Петербург. тип., 1721; Речь говоренная ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ от имени Сената и народа действительным Тайным Советником, Генерал-Прокурором и Кавалером Александром Николаевичем Самойловым, в день мирнаго торжества Сентября 2го 1793 года. СПб.: Сенатская тип., 1793.

³³⁶ Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 14. Ода в честь приезда гр. П. А. Румянцева в Полтаву. Полуустав XVIII в. в переплете. 1765, июня 11; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 15. Павловский Аким, студ. Киевской дух. Академии. Ода в честь генерал-фельдмаршала гр. П. А. Румянцева-Задунайского. Писарск. в переплете. 1774; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 16. Адамович, Яков, свящ. «Слово в день воспоминания преславной Виктории, бывшей под Полтавою над шведами. 1770, июня 27; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 17. Адамович, Яков, свящ. Кант генерал-фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому. 1775, апр. 10; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 18. Адамович, Яков, свящ. Кант к бракосочетанию вел. кн. Павла Петровича с вел. кн. Марией Федоровной 1776, сен. 26; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 19. Дичковский Петр, свящ. Стихотворение к открытию Курского наместничества. Автограф. 1779, дек.; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 20. Дичковский Петр, свящ. Приветствие в стихах гр. П. А. Румянцеву. Автограф. 1779, дек.; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 21. Голеневский, Иван. Ода Екатерине II в день открытия Курского наместничества. 1779, дек. 27; Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 22. Адамович Яков, свящ. Ода в честь приезда в Малороссию вел. кн. Павла Петровича и его жены Марии Федоровны. 1781, окт.

центра принятия решений – монарха. Члены придворно-административной элиты находились между собой в ситуации конкуренции (феномен придворной культуры, неоднократно описанный и проанализированный), и жанр реформаторского проекта стал элементом этого процесса. Чтобы сохранять свое положение, нужно было иметь доступ к монарху, и одним из путей для этого было внесение новых и новых предложений по управлению империей. В ряде случаев и сам монарх (как, например, Екатерина II) занимался политико-административным творчеством. Общее количество таких текстов невозможно оценить даже приблизительно, поэтому нам пришлось сфокусировать внимание на известных в историографии массивах документов.

Прежде всего, это круг текстов, связанных с политическим кризисом 1730 г., публиковавшихся ранее в различных изданиях и сведенных в 2010 г. в едином издании усилиями И. В. Курукина и А. Б. Плотникова³³⁷. Сюда относятся как материалы, готовившиеся в Верховном тайном совете, так и проекты, созданные в среде дворянского «общества».

Другой большой комплекс материалов – это совокупность проектов, связанных с реформаторской активностью высшего звена политической элиты рубежа 1750-х – 1760-х гг., изучавшийся и вводившийся в научный оборот С. В. Андрияйненом, С. В. Польским, а также М. А. Киселевым и автором настоящей диссертации³³⁸. Это – тексты авторства А. П. Бестужева-Рюмина³³⁹, Д. В. Волкова, Н. И. Панина³⁴⁰, Б. Х. Миниха³⁴¹. Хронологически к этому комплексу примыкают материалы Комиссии о вольности

³³⁷ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, 2010.

³³⁸ Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110–139; Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010;

³³⁹ Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения // Архив князя Воронцова. М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. Кн. 3: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. С. 356–367.

³⁴⁰ Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорского Совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // Бугров К. Д. Монархия и реформы. Екатеринбург: БКИ, 2015. С. 226–247; Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о непрменных государственных законах // Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург: БКИ, 2015. С. 248–260; Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. № 6. С. 173–182.

³⁴¹ Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhagen, 1774; Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1874.

дворянской, публиковавшиеся А. Н. Куломзиным³⁴² и О. А. Омельченко³⁴³. Использовались в исследовании и тексты самой императрицы Екатерины II³⁴⁴.

Наконец, к исследованию были привлечены тексты сановников рубежа XVIII – XIX вв., часть из которых была опубликована в XIX в., а часть – введена в научный оборот М. М. Сафоновым³⁴⁵. В эту категорию входят тексты А. А. Безбородко, А. Р. Воронцова, Г. Р. Державина, П. А. Зубова, Завадовского, Д. П. Трощинского, а также «молодых друзей» Александра I³⁴⁶. За хронологическими пределами исследования находятся сочинения Д. А. Гурьева, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, О. П. Козодавлева и Д. А. Балугьянского, однако в силу тематической близости мы по мере необходимости привлекали к исследованию и эти тексты³⁴⁷.

Рассмотренные выше панегирик, придворная проповедь, доклад и записка относятся к придворной коммуникативной сфере политической культуры. Но с середины XVIII в. в России формируется то, что мы называем публичной сферой коммуникации – устойчивый круг публицистики, представленной главным образом журналами. В этой сфере авторы вместо того, чтобы бороться (напрямую или опосредованно) за внимание одного читателя,

³⁴² Куломзин А. Н. Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению Высочайшей грамоты Российскому Дворянству // Материалы для истории русского дворянства. Вып. II. СПб.: Типо-лит. А. Е. Ландау, 1885. С. 13–71.

³⁴³ Омельченко О. А. Императорское собрание 1763 года: (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: РИЦ МГИУ, 2001.

³⁴⁴ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1907; Антидот // Оснащенный век. Кн. 4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 225–463.

³⁴⁵ Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова – Г. Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1978. X. С. 237–243.

³⁴⁶ Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской // Русский архив, 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 297–300; Примечание о правах и преимуществах Сената графа А. Р. Воронцова // ЧОИДР. 1864. Кн. 1. С. 558–561; Записка графа В. П. Кочубея об учреждении Министерств // СИРИО. Т. 90. С. 199–211; Записка министра юстиции Трощинского о таких предметах, кои не могут быть вносимы в Комитет министров, а требуют личного доклада Государю Императору // ЧОИДР, 1859. Кн. 4. Октябрь – декабрь. М.: Унив. тип., 1859. С. 647–652; Мнение о правах и преимуществах Сената графа Петра Васильевича Завадовского // ЧОИДР. 1864. Кн. 1. С. 550–557; Проект организации министерств // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. С. 277–297; Реформа Сената // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. С. 301–313; *Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie* // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. С. 253–261; Таблица властей империи // Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869. Приложения. С. 98–99; Мнение сенатора Державина о правах, преимуществах и существенной должности Сената // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Январь – март. М.: Унив. тип., 1864. С. 409–410; Мнение графа Воронцова о правах Сената // Архив Государственного совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801 – 1801 гг.) Ч. 1. СПб., 1878. С. 39–46.

³⁴⁷ Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева) об устройстве верховных правительств в России: Части первая – третья // СИРИО. СПб.: Гос. тип., 1894. Т. 90. С. 39–106; Права Сената // Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. Т. 3. С. 221–225; Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961; Взгляд на нынешнее управление делами и на министерства // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 13. СПб.: Гос. тип., 1906. С. 206–216; Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России // СИРИО. Т. 90. СПб.: Гос. тип., 1894. С. 27–38.

борются за внимание широкого круга читателей, что, конечно же, оставляет значительную свободу в выборе риторических стратегий и тем для обсуждения. Дальнейший рост публичной сферы приведет к ее сегментированию в XIX – XX вв.

Третьим массивом источников, использованных при проведении настоящего исследования, являются **художественно-публицистические сочинения** – моральные и политические трактаты, памфлеты и романы, стихотворения. Это – статьи по моральным и политическим вопросам авторства В. К. Тредиаковского³⁴⁸, А. П. Сумарокова³⁴⁹, М. М. Щербатова³⁵⁰, Н. И. Новикова³⁵¹.

Это также сочинения Феофана (Прокоповича)³⁵², В. Т. Золотницкого³⁵³, Я. П. Козельского³⁵⁴, П. М. Захарьина³⁵⁵, А. Н. Радищева³⁵⁶, Н. М. Карамзина³⁵⁷, сатиры

³⁴⁸ Тредиаковский В. К. Слово о мудрости, благоразумии и добродетели // Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василия Тредиаковского. Т. II. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1752. С. 236–315.

³⁴⁹ Сумароков А. П. К добру или к худу человек рождается? // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. Т. X. С. 130–133; Сумароков А. П. Некоторые статьи о добродетели // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. – Т. VI. С. 225–262; Сумароков А. П. О домостроительстве // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. Т. X. С. 158–162; Сумароков А. П. О благородстве // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 189–191.

³⁵⁰ Щербатов М. М. Замечания на «Большой Наказ» Екатерины // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 16–63; Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 415–477; Щербатов М. М. Разные рассуждения о правлении // Щербатов М. М. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 29–38; Рустам-заде З. П. «Разговор между двух друзей о любви к отечеству» (неизданное произведение М. М. Щербатова) // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1968. Вып. 72. № 339. С. 203–207; Щербатов М. М. Размышления о законодательстве вообще // Щербатов М. М. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 375–414.

³⁵¹ Новиков Н. И. О добродетели // Новиков Н. И. Избранные произведения. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1951. С. 396–399; Новиков Н. И. О торговле вообще // Н. И. Новиков. Избранные произведения. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит.-ры, 1951. С. 507–561.

³⁵² Феофан Прокопович. Розыск исторический, коих ради вин, и в яковом разуме были и нарицались императоры римстии, как язычестии, так и христианстии, понтифексами или архиереями многобожного закона; а в законе христианством, христианстии государи, могут ли нарешиися епископи и архиереи, и в каком разуме. СПб.: Санктпетербургская тип., 1721; Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. М.: Московская типография, 1722.

³⁵³ Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества Владимиром Золотницким. СПб.: б/и, 1764.

³⁵⁴ Козельский Я. П. Философические предложения // Общественная мысль России XVIII века. Т. 1. Phiosophia Rationalis. М.: РОССПЭН, 2010. С. 143–268.

³⁵⁵ Захарьин П. М. Путь к благонравию, или Сокращенное наставление обучающемуся юношеству, содержащее в себе полезные и нравоучительные правила для всякого звания и состояния людей. Николаев: Черноморская Адмиралтейская типография, 1798.

³⁵⁶ Радищев А. Н. Вольность. Ода // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. I. С. 1–17; Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 225–392; Радищев А. Н. Песнь историческая // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 74–122; Радищев А. Н. Житие Федора Васильевича Ушакова // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938. Т. 1. С. 153–212.

³⁵⁷ Карамзин Н. М. Письмо сельского жителя // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 288–296.

А. Д. Кантемира³⁵⁸, ряд сочинений других авторов³⁵⁹. К числу сочинений в жанре *Staatsroman* относятся работы Ф. А. Эмина, М. М. Хераскова, М. М. Щербатова³⁶⁰. Привлекались в рамках настоящего исследования и некоторые тексты «пограничного» статуса – например, обнаруженное и опубликованное А. С. Лысцовой рукописное сочинение Т. И. Черкасова «Благородство» (1788)³⁶¹.

Часть из этих текстов была опубликована в журналах. В сумме справочник «Русская периодическая печать (1702–1894)» насчитывает 97 изданий в хронологическом интервале настоящего исследования – с 1702 по 1800 г. Первым независимым журналом в России можно считать «Трудолюбивую пчелу», издававшуюся А. П. Сумароковым в 1759 г.³⁶² Впрочем, большая часть периодических изданий приходится на 1780-е – 1790-е гг. В рамках исследования анализу, помимо упомянутой уже «Трудолюбивой пчелы», подвергались такие журнальные издания, как «Всякая всячина» (1769 – 1770), «Адская почта» (1769), «Ни то ни сие» (1769), «Кошелек» (1774), «Утренний свет» (1777), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784 – 1785) и ряд других.

Четвертой группой источников являются **исторические сочинения** отечественных авторов XVIII в. Они представляют собой относительно компактную группу текстов, которые функционировали в публичном коммуникативном контексте. По существу, многие из них являются историко-политическими текстами, так как в этих текстах авторы выражают свое отношение к политическим событиям и явлениям как в исторической ретроспективе, так и при описании современных им процессов. К числу таких сочинений

³⁵⁸ Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений // А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 68–88.

³⁵⁹ Ифика Иерополитика или Философия нравоучительная символами и приспособлении изъяснена к наставлению и пользе юным. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1712; Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1951; Разсуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов; или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. No 1; Третьяков И. Д. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное... июня 30 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры. С. 353–362; Фонвизин Д. И. Опыт Российского сословника // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах / М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит.-ры, 1959. Т. 1. С. 223–236; Олешев А. В. Обращение к человеку // Слово о Вологодском крае: За тремя волоками. Вологда : Истоки: Полиграфист, 2003; Пугачев В. В. О благоденствии народных обществ // Русские просветители (от Радищева до декабристов). М.: Мысль, 1960. Т. 1. С. 327–358.

³⁶⁰ Эмин Ф. А. Письма Эрнеста и Доравры. Сочинение Федора Эмина. Ч. IV. СПб.: Тип. Акад. наук, 1766; Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры; постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей. Сочинение Федора Эмина. М.: Унив. тип., 1781; Нума Помпилий, или Процветающий Рим // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Т. XII. М.: Унив. тип., 1803; Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. II. М.: Унив. тип., 1794; Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 179–346.

³⁶¹ Лысцова А. С. Трактат Т. И. Черкасова «Благородство» (1788 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 281–317.

³⁶² Трудолюбивая пчела. СПб.: Имп. Акад. наук, 1780.

относятся труды В. Н. Татищева³⁶³, Ф. А. Эмина³⁶⁴, Екатерины II³⁶⁵, М. М. Щербатова³⁶⁶, И. Н. Болтина³⁶⁷ и ряда других авторов³⁶⁸.

Пятая группа источников – **драматургические тексты**, созданные в России XVIII в. Часть из них непосредственно связана с историческими сочинениями, прежде всего это касается «новгородских» текстов, созданных на рубеже XVIII – XIX вв. Следует назвать среди них пьесу Екатерины II «Историческое представление из жизни Рюрика», драму Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», поэму М. М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород», трагедию П. А. Плавильщикова «Рюрик», повесть Н. М. Карамзина «Марфа Посадница»³⁶⁹. В рамках исследования привлекались и иные тексты такого типа³⁷⁰.

³⁶³ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1 – 2. М.: Моск. ун-т, 1769; Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М.: Унив. тип., 1786; Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950; Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1979.

³⁶⁴ Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, всевеликия и вечной достойной памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. Сочиненная Федором Эмином. Т. 1, 3. СПб.: Имп. Академия наук, 1767–1769..

³⁶⁵ Екатерина II. Записки касательно российской истории // Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 8. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1901.

³⁶⁶ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. В 7 т. Т. 1. СПб.: Изд. Императ. Акад. наук, 1771.

³⁶⁷ Болтин И. Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. 1. СПб.: Тип. Горного училища, 1788; Болтин И. Н. Ответ генерал майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории. СПб.: Имп. типография, 1793.

³⁶⁸ Соймонов Ф.И. История Петра Великого. СПб.: Изд-во «XVIII век», 2012; Мальгин Т. С. Зерцало российских государей. СПб.: Имп. Академия наук, 1794; Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. СПб.: Тип. Б. Л. Гека, 1790; Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. М.: Императорский московский университет, 1770; Нехачин И. В. Новое ядро российской истории. М.: Тип. А. Решетникова, 1795; Богданович И. Ф. Историческое изображение России. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1777; Муравьев М. Н. Опыт истории, письмен и нравоучения. СПб.: В Имп. типогр., 1796; Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа // Миллер Г. Ф. Избранные труды. М.: Янус-К, 2007; Елагин И. П. Опыт повествования о России. М.: Унив. тип., 1803; Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 г., сочиненная Михайлом Ломоносовым. СПб.: Имп. Академия наук, 1766; Стриттер И. Г. История российского государства. СПб.: Тип. Федора Брункова, 1800; Крестинин В. В. Начертание истории города Холмогор. СПб.: Имп. Академия наук, 1790; Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М.: Губернская типография у А. Решетникова, 1808.

³⁶⁹ Екатерина II. Историческое представление без сохранения театральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика. Подражание Шакспиру. // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901. С. 219–251; Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 249–304.; Херасков М. М. Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. М.: Унив. типография, 1800; Плавильщиков П. А. Рюрик. Трагедия в пяти действиях, в стихах // Сочинения Петра Плавильщикова. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816. С. 1–60; Карамзин Н. М. Марфа Посадница, или покорение Новагорода // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. I. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 680–728.

³⁷⁰ Сумароков А. П. Димитрий Самозванец // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 425–470; Торжество правосудия и добродетели, или Доброй судья. М.: Вольная типография Пономарева, 1794;

Шестая группа источников – **зарубежные политические трактаты и памфлеты**, прежде всего – переводившиеся на русский язык. Переводные сочинения анализировались на основании составленной и зарегистрированной в 2014 г. базы данных «Опубликованные переводы морально-этической, социальной и политической литературы в России XVIII в.». Конечно, и эта картина не является исчерпывающей – за пределами базы данных остаются данные о рукописных переводах и о переводах, выходивших в журналах (равно как и о переводах отдельных журнальных статей); наконец, представители российских элит могли читать те или иные сочинения и на языке оригинала. Тем не менее, указанная база данных позволяет определить тренды ознакомления российской публики с иностранной политической литературой.

Анализ базы данных позволил выявить присутствие многочисленных переводов античных авторов. Их влияние недооценено в отечественной исследовательской традиции; акцент делается обычно на влияние французской (Монтескье, Руссо, Дидро и энциклопедисты), немецкой (Пуфендорф, «полицеисты»), английской (Блэкстон, иногда – Локк) литературы. Между тем Цицерон или Плутарх также должны числиться среди крупнейших источников влияния, что связано не только с их популярностью, но и с тем, что для российской общественной мысли XVIII в. Цицерон был, по сути, столь же новым автором, как и Руссо³⁷¹. Можно говорить об *экземплификации* – особой форме сюжетных заимствований из греко-римского нарратива, оказавшей громадное влияние на развитие отечественной политической мысли и на складывание российского республиканизма.

База данных включает 1301 запись, учитывающих издания, вышедшие на русском языке с 1700 по 1800 год. Она составлена преимущественно на материалах «Каталога русской книги гражданской печати». Общее количество рассмотренных в рамках подготовки базы данных записей (изданий) превышает 20 000 единиц. Анализ позволил структурировать рассмотренные библиографические записи в зависимости от их тематики, вычленив из суммарного массива те записи, которые в тематическом отношении относились к заявленной тематике базы данных – морально-этические, социальные и политические переводные сочинения. Для того чтобы быть отобранным для включения в базу данных, издание должно было отвечать следующим требованиям: являться переводным

Княжнин Я. Б. Софонисба. Трагедия в пяти действиях // Собрание сочинений Якова Княжнина. Т. 2. М.: Губернская типография, 1802. С. 137–192.

³⁷¹ См.: Кнабе Г. С. Русская античность. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2000.

сочинением (то есть быть созданным не на русском языке), являться отдельным изданием, обладать тематическим соответствием.

Какие же переводные авторы оказались наиболее популярными в российском XVIII в.? Первое место принадлежит Вольтеру – 55 единиц. Второе место в этой импровизированной «пятерке» занимает Августин Блаженный (25 единиц). Чуть меньшим числом сочинений (24 единицы) оказались представлены Фенелон и Ж.-Ж. Руссо, а замыкает «пятерку» французская писательница М. Лепренс де Бомон (20 единиц). Во второй «пятерке» находятся прусский король Фридрих II (19 единиц), английский поэт Э. Юнг (16 единиц), французский литератор Л.-А. Караччиоли (15 единиц), германский сатирик Г. Рабенер (12 единиц), Цицерон и Мармонтель (11 единиц каждый). Вторую «десятку» сформировали датский просветитель Л. Хольберг и российский профессор И. Рейхель (10 единиц), швейцарский писатель А. Галлер и один из авторов «Энциклопедии» Л. де Жокур (9 единиц), Иоанн Златоуст (8 единиц)³⁷².

Разумеется, не все тексты переводных иностранных сочинений подвергались детальному анализу. Предпочтение отдавалось тем авторам, которые были наиболее популярны в России XVIII в., и одновременно тематически были связаны с республиканской интеллектуальной традицией. Среди этих трудов – политические романы Ф. Фенелона³⁷³, Мармонтеля³⁷⁴, А. Галлера³⁷⁵, трактаты С. Пуфендорфа³⁷⁶, Монтескье³⁷⁷, Ж.-Ж. Руссо³⁷⁸,

³⁷² Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 14.

³⁷³ Фенелон Ф. Похождение Телемака. Русский рукописный перевод 1724 года. Т. I. СПб.: Нестор-История, 2011.

³⁷⁴ Веллизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской Академии, переведен на Волге. М.: Унив. тип., 1785.

³⁷⁵ Плоды трудов прозаических сочинений г. барона А. Галлера. Ч. 1. Содержащая в себе изображение самовластного в государстве единоличия в образе Усонга восточной повести описанное Ч. 2. Содержащая в себе изображение аристократического, или властию законов ограниченного в государстве правления. В образе жизни Алфреда короля англо-саксонов описанное. СПб.: Тип. Шнора, 1783–1784; О происхождении зла, поэма великого Галлера. М.: Тип. Комп. типографической, 1786.

³⁷⁶ Samuelis Pufendorfii De jure naturae et gentium libri octo. Lund: A. Junghans, 1672; Pufendorf S. Of the Law of Nature and Nations. London: Printed for J. Walthoe, R. Wilkin, J. and J. Bonwicke, S. Birt, T. Ward, and T. Osborne, 1729; Pufendorf S. The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003.

³⁷⁷ Размышления о причинах величества римского народа и его упадка. СПб.: Имп. Акад. наук, 1769; О разуме законов. Сочинение господина Монтескьюя. Т. I. СПб., 1801; Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1955. С. 159–734.

³⁷⁸ Руссо Ж.-Ж. О политической экономии // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 109–141; Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151–256; Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31–108.

Я. фон Бильфельда³⁷⁹, У. Блэкстона³⁸⁰, Фридриха II³⁸¹, Л. Хольберга³⁸² и других³⁸³. Особое внимание было уделено трудам испанских антимакиавеллистов³⁸⁴. Привлекались к исследованию некоторые из переводных морально-политических руководств³⁸⁵, а также анонимный трактат «Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий»³⁸⁶, переведенный А. Ф. Малиновским. Наконец, тщательно изучались сочинения республиканской европейской традиции³⁸⁷, тексты греко-римской традиции (Цицерон, Тит Ливий, Саллюстий, Тацит, Плутарх)³⁸⁸, а также иные тексты, важные для разрабатываемой тематики³⁸⁹. При работе с переводными текстами мы допускали пользование оригинальным текстом вместо русского перевода, используя материалы, доступные с помощью таких сервисов, как Archive.org или Google Books (в ряде случаев мы пользовались английским

³⁷⁹ Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld. T. I. La Haye, 1760; Наставления политические барона Бильфельда. Т. 2. М.: Тип. Моск. ун-та, 1775.

³⁸⁰ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. London: A. Strachan, 1803; Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника аглинского. Кн. I. М.: Унив. тип., 1780.

³⁸¹ Анти-Макиавель, или Опыт возражения на Макиавелеву науку о образе государственного правления, сочинен ныне славно владеющим королем Прусским Фридериком II. СПб., 1779.

³⁸² Remarques sur quelques positions, qui se trouvent dans l'Esprit des Loix par M. le baron de Holberg. Copenhagen, 1753.

³⁸³ Vattel E. Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains. T. 1. Paris: J.-P. Aillaud, 1835; Ришелье А. Ж. дю Плесси. Политическое завещание или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008.

³⁸⁴ Tratado de la religión y virtudes que debe tener el príncipe cristiano para gobernar y conservar sus Estados. Contra lo que Nicolás Machiavelo y los políticos de este tiempo enseñan. Madrid: Pantaleon Aznar, 1758; Балтазара Грациана Придворной Человек. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1741; Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия Севера, славнейшего императора и премудрейшего философа, от Антония Гвевара епископа Аквитанского, бывшего при Карле V императоре проповедником, советником и историком составленные. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1773-1780; Ирой Балтазара Грациана, с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Курбевиля. М.: Унив. тип., 1792.

³⁸⁵ Истина религии вообще. М.: Вольная типография И. Лопухина, 1785; Карманная книжка честного человека или Нужные правила во всяком месте и во всякое время. СПб.: [б/и], 1794; Дружеские советы и увещания, с присовокуплением переводчика письма о вольнодумстве. М.: Губ. типография у А. Решетникова, 1799.

³⁸⁶ Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий. М.: Тип. при Театре у Хр. Клаудия, 1787.

³⁸⁷ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. С. 479–452; Milton J. Eikonoklastes in Answer to a Book Entitled Eikon Basilike the Portrature of his Sacred Majesty in his Solitudes and Sufferings. London: Matthew Simmons, 1649.

³⁸⁸ Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972; Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. II. Годы 5– 50. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950; Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III. Годы 46 – 43. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951; Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974; Каия Саллустия Криспа войны Каталинская и Югурфинская. СПб.: [Сенат. тип.], 1769; Корнелий Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, 1969. С. 7–326; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994; Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I, III. М.: Наука, 1989, 1993.

³⁸⁹ Увещательныя главы, написанныя Агапитом, Диаконом святейшия великия церкви Божией // Христианское чтение, издаваемое при Санктпетербургской Духовной Академии. СПб.: Тип. Ильи Глазунова и К°, 1827. С. 245–273; The Fable of the Bees or, Private Vices, Publick benefits. With an Essay on Charity and Charity-Schools and a Search into the Nature of Society. London: J. Tonson, 1724; Tillemont L.-S., de. Histoires des Empereurs. T. I. Paris: Charles Robustel rue S. Jacques, au Palmier, 1740; The «Summa Theologica» of St. Thomas Aquinas. Second part of the second part. QQ. CLXXI – CLXXXIX. London: Burns, Oates & Washbourne Ltd., 1922; Hume D. Of Refinement in the Arts // Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary. Indianapolis: Liberty Fund, 1987. P. 268–280; Encyclopedie, ou dictionnaire raisonne des sciences. T. 9. Paris: Briasson, David, Le Breton, Durand, 1751.

переводом-«посредником» сочинения, в оригинале выполненного на латыни, как, например, в случае с «Суммой теологии» Фомы Аквинского). Принципиально важным для данной работы является не текстологическое изучение конкретных русских переводов иностранных политических текстов, а анализ охвата и широты переводного процесса.

Особой группой источников являются предисловия к переводным сочинениям. Поиск предисловий осуществлялся на основании выделения сепаратной пагинации, которая в ряде случаев может указывать на наличие предваряющего текста. Более 100 предисловий были обнаружены, отобраны и размещены в Электронном архиве Уральского федерального университета. Ряд предисловий можно с уверенностью считать принадлежащими перу переводчиков³⁹⁰.

Седьмой группой источников являются **законодательные акты**. Конечно, наше исследование не ориентировано специально на изучение законодательства XVIII в. и потому использует лишь ограниченное количество актов. В рамках настоящего исследования детально изучались акты, связанные с политически значимыми событиями биографии монарха: восшествие на трон и коронация, назначение наследников и заключение браков. Основная выборка таких актов включает коронационные акты российских монархов XVIII в.³⁹¹, поскольку именно эти тексты содержали в концентрированном виде легитимационную риторику монархии – в узком смысле их можно считать «официальным» взглядом на политическую сферу. К ним примыкают акты, выходившие по особо торжественным случаям: заключение мира, провозглашение крупных политических и социальных преобразований, например, манифест о вольности дворянской 1762 г.³⁹²,

³⁹⁰ Например: Писарев С. Посвящение. Предисловие [Советы премудрости, или Собрание правил Соломоновых]. Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/28278>; Волков Б. Посвящение. К читателю [Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях] Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28266/1/cicero_volkov.pdf; Хорошкевич Я. Посвящение. Предисловие от переводчика [Анти-Макиавель]. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28224/1/friedrich_horoshkevich.pdf; Посвящение [Путешествие добродетели]. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/28231>; Олешев А. В. Вологодской провинции, почтенному дворянству, всеусердное приношение. Электронный ресурс. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28220/1/schpalding_oleshev.pdf.

³⁹¹ Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества // ПСЗ РИ. Т. 6. 1720 – 1722. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 3840. С. 444–446; Генваря 28. Манифест от Синода обще с Сенатом и Генералитетом. О кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатерины I // ПСЗ РИ. Т. VII. 1723–1727. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 4643. С. 410; Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и об учинении присяги // ПСЗ РИ. Т. XI. 1740–1743. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 8473. С. 537; Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III // Оснадцатый век. Кн.4. М: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 216–224.

³⁹² Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ РИ. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 15. № 11444. С. 912–915.

Жалованные грамоты³⁹³. Привлекались к изучению и некоторые законодательные акты по различным вопросам жизни страны, использовавшиеся по мере необходимости и в соответствии с общей логикой исследования³⁹⁴.

Сюда относится также группа рукописных, неопубликованных текстов – «Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями»³⁹⁵, хранящийся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве. Это проект свода законов, составленный при Екатерине II, но так и не вышедший в печати. Свод законов разбит на тематические тома, некоторые из которых имеют авторские предисловия составителей (С. Веницеева, И. Смирнова), представляющие большой интерес и ранее почти не использовавшиеся историками³⁹⁶.

Восьмая группа источников – **материалы екатерининской Уложенной комиссии**. Данные материалы публиковались в сборниках Императорского Русского исторического общества (СИРИО) в XIX в. Они формируют беспрецедентный для российского XVIII в. массив политических текстов, объединенный единством коммуникативного контекста. Депутаты комиссии, пресловутого «русского парламента XVIII века», где «впервые вскрылась в общегосударственном масштабе политическая идеология чуть не всего населения страны»³⁹⁷, обсуждали одни и те же вопросы, находясь в открытой полемике друг с другом. К группе этих источников относятся, прежде всего, тексты дворянских наказов депутатам Комиссии³⁹⁸.

³⁹³ Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства // ПСЗ РИ. Т.22. СПб.: Тип. П. отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. № 16187. С. 341–358.

³⁹⁴ Манифест. О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь/ 1775, апреля 3. // ПСЗ РИ. Т. 20. № 14290. С. 100–102.

³⁹⁵ Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. Экстракты или краткия выписки выбранныя из законов касательно до первой главы так названной о порядке государства в силе общего права сходственно с историческим расположением и расположены хронологическим порядком чрез сочинителя коллежского секретаря Ивана Смирнова. Том I. С 7050/1542 по 1741 год. В С.П. Бурге, декабря 1 дня 1782 года // НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 11, № 17; Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. Глава III. О просвещении. Соч. Семена Веницеева // НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 14, № 20; Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. Глава VI. О государственных доходах; НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 15, № 22; Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. [Кн. 6.] Глава VII. О государственном изобилии. Соч. Ивана Смирнова // НИОР РГБ. Ф. 132, картон 21, № 31.

³⁹⁶ Эти документы исследовал когда-то А. С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1898), но предисловиям составителей он внимания не уделил.

³⁹⁷ Бочкарев В. Н. Вопросы политики в русском парламенте XVIII века. (Опыт изучения политической идеологии XVIII века по материалам Законодательной комиссии 1762–1768 гг.). Тверь: Октябрь, 1923. С. 3.

³⁹⁸ Наказ Московского дворянства избранному от оногo, под предводительством генерал-фельдмаршала и кавалера Петра Семеновича Салтыкова, к Комиссии сочинения проекта Нового Уложения, депутату, господину генерал-аншефу и кавалеру Петру Ивановичу Панину // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 225–236; Наказ избранному от корпуса дворянства Волоколамского уезда в силу высочайшего Ея Императорского Величества соизволения, объявленного в манифесте, состоявшемся минувшего декабря 14-го к сочинению проекта Нового Уложения депутату, его сиятельству

Эти тексты позволяют оценить представления дворянских сообществ о роли и месте «благородного сословия» в социальной структуре России середины XVIII в.; некоторые из наказов являются яркими публицистическими произведениями. Мы также использовали «мнения» депутатов Комиссии, предъявленные в ходе дебатов о статусе дворянства³⁹⁹, и протоколы этих дебатов⁴⁰⁰; примечательно, что в полемике участвовали такие крупные интеллектуалы XVIII в., как Г. А. Полетика и М. М. Щербатов.

Использование рассмотренных выше групп источников, осуществлявшееся с применением методов и подходов истории понятий, позволяет нам считать источниковую

господину генерал-аншефу, государственной военной коллегии вице-президенту и кавалеру, графу Захару Григорьевичу Чернышеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 241–243; Наказ купно со всеподданнейшими от Любимского дворянства Ея Императорскому Величеству прошениями отправляющемуся от Любимского уезда выбранному от дворян депутату в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, господину секунд-майору Никифору Толмачеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 295–296; Наказ Ярославского уезда от благородного дворянства избранному господину депутату в Комиссию о сочинении Нового Уложения, его сиятельству лейб-гвардии капитану князю Михайлу Михайловичу Щербатову // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 297–313; Наказ Алаторского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 112–118; Наказ Харьковского дворянства. Челобитье Харьковского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 260–262; Наказ Прилуцкого шляхетства. Челобитье Прилуцкого шляхетства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 223–230; Наказ Рыльского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 621–629; Наказ Керенского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 436–446; Наказ Болховского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 492–501; Наказ Трубчевского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 556–562.

³⁹⁹ Мнение Коробьина [Читано 5 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Козловского дворянства на читанные о беглых людях и крестьянах законы примечание]. // СИРИО. Т. 32. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. С. 406–410; Мнение Гр. Полетики [Говорено 2 августа 1768 года. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения мнение на читанный проект правам благородных] // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 346–356; Мнение Щербатова [Читано 22 мая 1768 г.] // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 486–492; Мнение Козельского [Читано 23 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении Проекта Нового Уложения от депутата Екатеринбургской провинции от шляхетства Якова Козельского примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. С. 494–502; Мнение Чупрова [Читано 23 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения на прочитанный голос господина депутата Трубчевского дворянства Григория Бровцына, мая 21-го, т.е. третьего дня, примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. С. 502–504; Мнение Чаадаева [В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Муромского дворянства примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. С. 508–510; Мнение Лопухина [Читано 27 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. С. 510–513; Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение В. Веденеева // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 305–306; Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Дид. Ренненкампа // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 374; Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Е. Борзова // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 291–292; Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Ф. Анцыферова // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 299–301; Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Фр. Левенвольда // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 361; Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Я. Урсинуса // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 319; Примечания М. Щербатова (говорено 4 августа 1768 года) // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882.

⁴⁰⁰ Двадцать пятое заседание, 19 сентября // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 168 – 169; Двадцать четвертое заседание, 17 сентября // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 160.

базу настоящей работы репрезентативной, позволяющей сделать выводы о характере процессов развития отечественной общественно-политической мысли.

Для подготовки настоящей работы был привлечен широкий круг исследовательских работ, включающий несколько групп (историография политико-правовых учений, историография по проблеме организации системы управления в контексте эволюции представлений о власти, историко-культурные исследования, история литературы, междисциплинарные исследования, исследования западной политической мысли). Анализ историографии позволяет сказать: хотя в целом проблемы истории российской общественно-политической мысли XVIII в. изучены в самых различных аспектах, в большинстве работ (исключая узкий круг междисциплинарных исследований) не ставились принципиальные вопросы о складывании в России Нового времени новых способов политического мышления. Проблема формирования республиканских идей в историографии не выделялась до недавнего времени специально, а исследования по европейской истории республиканизма привлекаются в научных трудах по истории России XVIII в. лишь спорадически.

В методологическом отношении диссертация опирается на инструментарий истории понятий в ее «кембриджском» варианте, представленный в практическом ключе в трудах Кв. Скиннера, Дж. Покока и ряда других исследователей. Инструментарий «кембриджской школы» позволяет изучать прагматику текста, не сводя ее к простому отражению социальной реальности. Под историей общественно-политической мысли мы понимаем историю авторов, ведущих дебаты о политике, развертывая концептуальные ресурсы в рамках определенных жанров и коммуникативных сфер для достижения прагматических целей. Специфика российского кейса XVIII в. заключается в том, что дебаты эти протекали в условиях вестернизации – процесса трансфера и адаптации европейских интеллектуальных инноваций. Чтобы адекватно учесть эту специфику при изучении отечественной политической мысли, следует отдавать приоритет анализу процесса адаптации. В данной связи наше исследование опирается на современные концепции модернизационной теории.

Для достижения цели и задач настоящей работы также используется теория коммуникативных жанров М. М. Бахтина. На этом основании в политической культуре XVIII в. были выделены две крупные коммуникативные сферы: придворная и публичная.

Они различаются статусом адресата и адресанта. В одном (придворном) случае этот статус был заведомо неравным, в другом (публичном) – принципиально равным. Политическая культура России XVIII в. формировалась и развивалась на основе обеих коммуникативных сфер. Подобное деление методологически необходимо для данного исследования, но не исключает альтернативных классификаций.

Источниковая база исследования является широкой, включая тексты восьми разных источниковых групп, выделенных по жанрово-тематическим признакам. Привлечение данных групп источников является необходимым для реализации цели и задач диссертации, а источниковая база в целом репрезентативна и достаточна для проведения исследования.

Глава 2. Провиденциальный монархизм в российской политической культуре XVIII в.

2.1. Формирование глоссария провиденциального монархизма.

Вопрос об адаптации республиканизма в России представляет собой в первую очередь вопрос о том, каким образом республиканская интеллектуальная парадигма могла взаимодействовать с доминирующей (и более старой) парадигмой идей – монархической. Сложности лишь добавляет тот факт, что речь вовсе не идет о противостоянии европейской республиканской инновации и российской традиции: сама российская монархическая идеология XVIII столетия подвергалась мощному вестернизационному воздействию еще начиная с допетровского периода и может сама считаться инновацией. Наконец, монархическая идеология не была единой. Ниже мы рассмотрим некоторые из ее элементов, чтобы затем поставить вопрос о том, как могли республиканские риторические стратегии взаимодействовать с этими элементами.

По словам современной исследовательницы Г. В. Талиной, «исконно для Руси была характерна идея божественного происхождения царской власти, являвшаяся важнейшим постулатом средневековья. <...> Для средневековья было присуще отождествлять царя с обезличенной волей Божьей»⁴⁰¹. Талина указывает на то, что в XVII в. происходит постепенный сдвиг в представлениях о характере царской власти, поскольку «идея служения Богу через службу государю постепенно трансформировалась в идею службы Богу и царю <...> Когда же понятия “Бог” и “царь” преобразовались в две самостоятельные категории, возникла угроза в определенных случаях поставить “царское” над “божественным”, и тогда – уподобить царя Богу»⁴⁰². Еще в конце XVI в. «царская власть

⁴⁰¹ Талина Г. В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М.: Русский мир, 2010. С. 13–14.

⁴⁰² Там же, с. 14–16.

траговалась как особого рода служение в контексте осуществления Божественного Промысла»⁴⁰³.

В XVII в. российская элита начинает более интенсивно, чем в предшествующий период, контактировать с внешними интеллектуальными традициями. Возрастает количество заимствований из европейской традиции – процесс, который В. М. Живов и Б. А. Успенский характеризуют как «византинизацию», связанную с окончанием периода изоляции и переходом от «теократической эсхатологии» к политике имперской экспансии⁴⁰⁴. На практике это означало интенсивное взаимодействие как с греческими, так и с малороссийскими («югозападнорусскими») культурными элитами; последние, в свою очередь, выступали трансляторами политической культуры европейского барокко.

Как отмечает американский исследователь П. Бушкович, в конце XVII в. представления россиян о своей стране складывались из трех главных элементов: «Первый элемент – представление о России как о государстве православном, находящемся под властью исключительно благочестивых и боголюбивых царей. Это представление более династическое, чем государственное. Среди простого народа оно оставалось доминирующим и, наверное, единственным способом понимания России долгое время после Петра. С помощью киевских монахов элита “пристроила” к этой базовой структуре второй элемент – идею славено-российского народа, единого народа, состоявшего из русинов и московитов. Третий и совсем новый элемент, появившийся только в 1670–1680-х годах, можно назвать имперским чувством, гордостью за новую, сильную, огромную Россию, достигшую в это время новой мощи. Все три элемента, даже два последних, выросли на почве православия, в среде клира»⁴⁰⁵.

По нашему мнению, основной вектор развития монархической идеологии XVIII в. определялся амальгамой, сплавом первого и третьего элементов, названных П. Бушковичем, с той поправкой, что представления о России как о «православном государстве» были в той же мере религиозными, в какой и династическими. В рамках этой идеологии описать царствование избранных царей, одновременно выступающих имперскими

⁴⁰³ Шевченко М. Н. О механизмах формирования сакрального образа царской власти во второй половине XVI века (на примере чина венчания на царство) // Вестник Тюменского государственного университета. 2017. № 1. С. 139.

⁴⁰⁴ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 228–235.

⁴⁰⁵ Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI – XVII веков // Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М.: Новое издательство, 2012. С. 50–51.

преобразователями, и означало действовать в логике «византинизации». Основными жанрами для политической речи о монархии являлись в тот период придворные панегирик и проповедь, позволявшие с помощью заимствованных, барочных приемов осуществлять такое описание. Создателями панегириков – и, значит, творцами российского монархизма XVIII в. – выступали интеллектуалы-книжники, почти сплошь представители церкви. По замечанию российской исследовательницы М. С. Киселевой, «книжный интеллигент, хочет он этого или нет, чрезвычайно близок ко двору и дворцовым интригам, а следовательно, он необходим в роли идеолога, и его ученость и знания должны служить наилучшему выполнению этой роли»⁴⁰⁶.

Формирование культа монарха в России происходило в рамках панегирического жанра и жанра проповеди, складывавшегося в России в конце XVII в. Как отмечает современный исследователь А. П. Богданов, «исходным пунктом формирования нового великорусского стиха был привезённый Симеоном Полоцким из Белоруссии западнорусский стих, развивавшийся в Москве под воздействием традиции, с учётом свойств великорусского языка и запросов общества»⁴⁰⁷. Крупнейшие авторы панегирической традиции конца XVII в. – Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин – охотно используют в своих текстах образы орла, солярные метафоры, подчеркивая значимость «наук» и мудрости царей⁴⁰⁸.

К примеру, Симеон сравнивает «десницу» царя со «светлой денницей», а самого царя – с солнцем (царицу Марию – с луной), с императором Константином и князем Владимиром⁴⁰⁹:

Без тебе тма есть, як в мире без солнца,
свети ж нам всегда и будь оборонца.

Больше того – Моисей, по словам Симеона, поднялся на «гору высокую», откуда вернулся, просвещенный благодатью беседой с Творцом; равным образом и царские «рабы» заимствуют свет у государя⁴¹⁰:

Лучми твоя будем благодати

⁴⁰⁶ Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 308.

⁴⁰⁷ Богданов А. П. Стих торжества: рождение русской оды. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 374.

⁴⁰⁸ Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 395–400.

⁴⁰⁹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 99.

⁴¹⁰ Там же, с. 143.

возвратившись нарядно сияти.

В конечном счете, Симеон нашел небесные аналогии для всех членов царской семьи, и – шире – властной элиты вообще, поскольку даже⁴¹¹

Князи, бояры не мрачно сияют,
егда ти царскую волю исполняют.

С другой стороны, царь – это «глава», а Россия – «тело». При этом Симеон дважды – в начале и в конце – отмечает божественный характер власти царя. В целом, «Вертоград Многоцветный» достаточно ярко демонстрирует барочный язык описания политики, насыщенный метафорами и одновременно подчеркивающий божественный характер власти государя.

Карион Истомин фиксирует это в «Изъявлении краткой меростихосложенной на венчание царскими венцы» (1682), где говорит о царях Петре и Иоанне:

В своей Бог воли в России содела
Избра во цари, их церковь воспела⁴¹².

Американская исследовательница С. Уиттакер полагает, что с периода Смутного времени легитимация власти российского монарха комбинировала «божественную волю, родословную и избрание» (избрание, очевидно, понимается Уиттакер как «избрание представительной ассамблеей»). В качестве примера легитимации «избрания» исследовательница приводит именно те стихотворения Симеона Полоцкого, которые мы кратко рассмотрели выше: «Широко распространившаяся дидактическая поэзия Симеона Полоцкого, наставника при наследнике Алексея, рисовала идеального царя как “избранного” народом, получающего советы от мудрых советников, и ведомого благочестием и бдительностью в церковных делах»⁴¹³. Между тем, в своих стихотворениях Симеон все же говорит лишь об одном «избрании» – божественном⁴¹⁴. Что еще более важно,

⁴¹¹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. С. 102.

⁴¹² Цит. по: Богданов А. П. Стих торжества: рождение русской оды... С. 87.

⁴¹³ Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2003. P. 26–29.

⁴¹⁴ Это соответствовало, очевидно, более старой традиции. Так, современный исследователь Смутного Времени Д. И. Антонов, анализируя сведения, приводимые во «Временнике» Ивана Тимофеева, приходит к следующему выводу относительно концепции «избрания»: «Речь идет не о “народной воле” или “волеизъявлении большинства” (что, скорее, было бы расценено средневековым книжником как грех), но о единственно возможном способе обретения истинного

барочные аналогии формировали язык, в котором к божественному *избранию* добавлялось божественное *подобие*.

Как отмечают Б. А. Успенский и В. М. Живов, усвоение барочной культуры «создавало возможности для актуализации метафоры, т. е. тот или иной барочный образ начинал восприниматься не как условный, а как действительный. Поэтому и уподобление царя Богу может восприниматься в прямом, а не переносном смысле, никак не сводясь к одной риторике»⁴¹⁵. Именно в соответствии с этой характеристикой мы и будем в дальнейшем говорить о *барочном монархизме* – манере вести речь о монархе при помощи прямого уподобления государя Богу. Отличительной чертой дискурса о происхождении царской власти можно считать идею о божественном происхождении царской власти⁴¹⁶ и развертывавшееся на ее основании формирование культа монарха.

С конца XVII в. российская политическая культура становилась компаративной, одновременно интенсивно заимствуя новые концепты и риторические стратегии с Запада. Складывалась сложнейшая, уникальная ситуация, при которой отечественной политической мысли приходилось адаптировать концепции, фиксировавшие российский опыт как по существу аномальный. Таким образом, ключевой момент – это превращение российской политической мысли из *изоляционистской* в *компаративную*, оперирующую языком аристотелевской традиции, глоссарием форм правления. И само религиозное обоснование власти монарха, хотя его и называют часто «традиционным» для России, пережило кардинальную трансформацию – монарху все в большей степени вменялась активная,

государя: восшествие на престол неприрожденного царя подчиняется определенным законам, один из которых – «всеобщее хотение» как внешнее проявление Божьего промысла, способного придать высшую легитимность подобному акту» (Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009). Московскую традицию политической легитимации власти государя итальянский исследователь Дж. Манискалько Базиле характеризует как «эластичную идеологическую структуру, которая смешивала восходящую легитимацию власти (например, Земские соборы с конца XVI по начало XVII вв.) с нисходящей (от Бога к царю), расширяя (абсолютную) власть царя, чей авторитет исходил напрямую или косвенно от Бога» (Maniscalco Basile G. Law and Power. The Idea of Sovereignty in 16th century Russia // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 76).

⁴¹⁵ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 233.

⁴¹⁶ В приговоре князьям И. А. и А. И. Хованским значилось, среди прочего: «Ты же вознеистовился в первых противу всемогущаго и творящаго по воле Своей Бога, в Его же руке земные концы суть; второе на державу Царскаго Величества благочестивейших Наших Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцев, говорил многожды в Палате при Них Государех и при Боярех, величаяся в гордости своей, будто все Государство стоит по твою кончину; а если тебя не будет, и в то время будто не спасется никакая же плоть, и будут в Москве ходити в крови по колени» (ПСЗ. Т.2. № 954. 7191 / 1682, Сентября 17. Приговор, объявленный начальствовавшему над Стрельцами Князю Ивану и сыну его Князю Андрею Хованским, обвиненным в разных Государственных преступлениях. С. 465). Чрезвычайно интересно, что речь Хованского – если она приведена в тексте приговора верно – отсылает к апокалиптическому пророчеству Христа о грядущих войнах и бедствиях, о днях «великой скорби, какой не было от начала мира доныне» и о том, что «если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Матф. 24). Заявления о том, что от подданного зависит «государство», трактуются здесь как богохульные. Только Провидение распоряжается величием и падением царств.

преобразовательная добродетель, благодаря чему он (в силу пресловутой «византизации») приобретал божественные черты Демиурга, творца. Образ Федора Иоанновича, представавшего идеальным государем для русских книжников начала XVII в.⁴¹⁷, в новых категориях уже не считался достойным подражания. Активный царь-демиург заменил теперь пассивного царя-священника. Амальгама этого образа, на который был надстроен целый «культ монарха», с таксономией форм правления и концепцией «общего блага» определила специфику российского монархизма и российской политической мысли XVIII в. в целом. Возникший еще при Алексее Михайловиче панегирик получил новое развитие при Петре Великом. Центральной фигурой, оказавшей влияние на становление такой манеры политической речи, был архиепископ Феофан (Прокопович).

Феофан утверждал в своих панегириках, что власть российского монарха имеет божественное происхождение и поддержку, а также активно использовал барочные метафоры. В «Епиникионе» (1709) «шведский лев» гибнет от рук «богом венчанного царя» как фараон и как Фазтон⁴¹⁸. А гетман И. Мазепа трактовался Феофаном как новый Каин (брatоубийца) и одновременно Иуда (изменник). А в стихотворении «Запорожец кающийся» (1709 предположительно)⁴¹⁹ казак утешает себя в том, что «Бог и царь милосердый» его помилует.

Однако если сами по себе эти риторические ходы не являются принципиальной новацией, то соображения, высказанные Феофаном в его более обширных сочинениях, заслуживают детального анализа. В первую очередь это, разумеется, «Правда воли монаршей» (1722), растиражированная при Екатерине I⁴²⁰ и оказавшаяся одним из первых политических трактатов российской традиции. Сам Феофан в первых же строках сочинения признается: «Правда воли монаршей» написана исключительно для подданных, чтобы убедить их повиноваться распоряжениям государя и тем самым спастись от вечных мук, на которые Бог обрекает бунтовщиков. Саму же монаршую власть книга направить не способна, «уставы бо и всякие законы, от Самодержцев в народ исходящие, у подданных послушания себе не просят, аки бы свободного, но истязуют яко должного»⁴²¹. Более того –

⁴¹⁷ Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009.

⁴¹⁸ Русская силлабическая поэзия XVII – XVIII в.в. Л.: Советский писатель, 1970. С. 271.

⁴¹⁹ Там же, с. 274.

⁴²⁰ Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1880. С. 305.

⁴²¹ Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. М.: Московская типография, 1722. [С. I]

«не токмо Монаршии уставы и законы не требуют себе ни каковой от учительских доводов помощи, силою свыше себе данною совершенно укрепляемая, но и кто показал бы себе аки помощником властительских определений, тот бы не мало погрешил, на безпрекословное повелительство Самодержцев, вводя тако их определения в сумнительство помышлений, аки бы оныя неизвестной силы суть, аще учительскими доводами утверждена не будут»⁴²².

Сделав эту важную оговорку, Феофан переходит к изложению основных аргументов в поддержку права императора произвольно назначать наследника. Как убедительно показал П. Бушкович, «Правда воли монаршей» Феофана вовсе не была направлена на обоснование какого-то особенного «абсолютизма» Петра I⁴²³, так как абсолютный характер власти монарха практически не оспаривался в российской общественной мысли на тот момент. Как мы отметили выше, в «Правде воли монаршей» перед Феофаном стояла задача обосновать вполне конкретную вещь – порядок престолонаследия. Феофан сделал это, привлекая самые разнообразные доводы. Предмет речи, пожалуй, не предполагал настолько изощренной аргументации – ее предполагала подготовка Феофана, которому попросту приходилось вести речь о формах правления и, в частности, втянуться в пространную полемику о предпочтительности наследственной монархии.

Приводимые в «Правде воли монаршей» «резоны» в пользу права монарха назначать наследника делятся Феофаном на две группы: аргументы «от разсуждения законов общих от власти родительской» и доводы «от разсуждения высочайшей власти Императоров, Царей и прочих, коей либо титулы Самодержцев»⁴²⁴. Дополнением к этим двум группам аргументов служат приводимые в конце «Правды воли монаршей» целых 47 исторических примеров из светской и священной истории.

Первая группа аргументов включает доводы о «власти родительской». Здесь Феофан использует самые разнообразные доводы, обосновывая власть отца над сыном и, в частности, право лишить сына наследства, комбинируя аргументы из Священного писания, многочисленные исторические примеры и цитаты из римского права, Солона, Цицерона и других авторов⁴²⁵. Все, что касается отцов-подданных, справедливо и для отцов-монархов;

⁴²² Правда воли монаршей. С. II.

⁴²³ Bushkovitch P. Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. №. 11 (2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology (дата обращения: 31.10.2013)

⁴²⁴ Правда воли монаршей. С. 3. Показательно, что Г. Гурвич в своем исследовании проигнорировал первую группу доводов, сфокусировавшись исключительно на второй.

⁴²⁵ Там же, с. 15.

«не может бо никто же помыслить, что Государевы дети не суть его подданныи: понеже были бы они весьма не подвластные в мире сем, что никому же от Бога дано, кроме самых высочайших Самодержавных властей»⁴²⁶.

Вторая группа аргументов «Правды воли монаршей» превосходит первую в печатном объеме, однако не очень-то много добавляет к представлению о власти монарха, уже обрисованному аргументами первой группы. Так, крупнейший европейский авторитет в сфере естественного права Г. Гроций помянут в «Правде воли монаршей» всего трижды⁴²⁷ – дважды как историк и один раз там, где Феофан начинает разбирать вопрос о неподсудности власти монарха любым светским властям и о «Величестве», и ссылается на «изряднейших законоучителей», «между которыми Гугон Гроций именно так глаголет: высочайшая власть (Величество нарицаемая) есть, которой деяния ни чьей же власти не подлежат, так дабы могли уничтоженная быти изволением другаго человека; когда же, глаголю, другаго, изъемлю самого его, кто такую власть высочайшую имеет: ему бо волю свою переменить мощно»⁴²⁸.

Однако, сделав ссылку на Гроция, Феофан спешит добавить: «Разумети же подобает, что когда глаголют законоучители, что власть высочайшая, Величеством нарицаемая, не подлежит никей же другой власти, слово есть только о власти человеческой, Божией бо власти подлежит и законом от Бога, яко на сердцах человеческих написанным, тако и в десятословии преданным повиноватися долженствует <...> И тако всяк Самодержавный Государь человеческого закона хранить не должен, кольми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: заповеди же Божия хранить должен, но за преступление их самому токмо Богу ответ даст, и от человек судим быть не может»⁴²⁹. Далее Феофан ссылается на Священное Писание – Экклезиаста, пророка Даниила, а также на традицию комментирования истории о царе Давиде (Иоанн Златоуст, Иероним, Авмросий Медиоланский, Арновий). Феофан цитирует антиохийского патриарха Феодора Валсамона, влиятельного комментатора Номоканона, который «сей яко общий догмат воспоминает, что Царь ниже канонем, ниже законом подвержен есть». Подборка цитат завершается

⁴²⁶ Правда воли монаршей. С. 15.

⁴²⁷ Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 37.

⁴²⁸ Правда воли монаршей. С. 21.

⁴²⁹ Там же, с. 22.

классическим выражением апостола Петра, «который велит властям повиноваться, не токмо благим и кротким, но и строптивым»⁴³⁰.

Все эти аргументы позволяют Феофану показать: *даже если* монарх совершает грех, отнимая наследство у сына и передавая другому, то и в этом случае подданным следует повиноваться, ибо самодержец подсуден одному Богу. Далее он указывает на то, что монарх не только *может* отнять наследство у скверного сына, но и *должен* это сделать в силу своих обязанностей.

Аргументация Феофана оказывается амбивалентной: у монарха есть и обязанности, которые явно налагают своеобразные ограничения на власть государя: «Разсудим, кое должноство на Царях лежит, от самага Бога возложенное на них, то не токмо и от того познаем, что не грех им, по воли своей избирать себе наследника, но и грех есть не избирать»⁴³¹.

Итак, согласно «Правде воли монаршей», государь должен царствовать ради общего блага («общего добра»), которое Феофан с опорой на Священное Писание определяет так: «Царей должность есть (якоже и в учении отроческом, в пятой заповеди положено) содержать подданных своих в безпечалии, и промыслять им всякое лучшее наставление, как к благочестию, так и к честному жительству, да будут же подданныи в безпечалии, должен Царь пещися, да будет истинное в Государстве правосудие на охранение обидимых от обидящих подданных себе, також и да будет крепкое и искусное воинство, на защищение всего отечества от неприятелей. А что бы было и всякое лучшее наставление, должен Царь смотреть, чтоб были искуснии учителя, как духовнии, так и гражданстии, довольное число»⁴³². Итак, общее благо включает в себя «безпечалие», «благочестие» и «честное жительство» подданных, «правосудие», «воинство» и «наставление». Оставив же государство «негодному, неискусному, ленивому» наследнику, монарх сам окажется виновником всего «нестроения и гибели»: «Во истину каковой похвалы достоин искусный кормчий, который добре правив корабль, отлучаяся же от корабля, посадит на кормиле, вместо себя, человека к тому отнюдь необученаго»⁴³³.

⁴³⁰ Гроций, как видим, стоит в одном ряду с Амвросием Медиоланским или Иоанном Златоустом, не говоря уже о Феодоре Валсамоне, однако в популярных работах философского-правового характера остается один Гроций.

⁴³¹ Правда воли монаршей С. 26.

⁴³² Там же, с. 26.

⁴³³ Там же, с. 27.

Кроме того, должности, «самого Бога повелением наложенные Царем», Феофан счел нужным дополнить и описанием «всенародного намерения, которым Монархия введена и содержима быти разумеется». Этот набор аргументов является дополнительным по отношению к рассмотренным выше аргументам о божественном происхождении власти монарха; все, что явствует из «Священных писаний» (хотя к этим «писаниям», получается, причислен и Гроций!), может быть показано и в категориях «народного уставления».

Обращаясь в данной связи к договорной теории возникновения государства, Феофан использует глоссарий форм правления⁴³⁴. Стартовой точкой монархии является «воля народная». Она приглашает монарха к правлению, обязуясь беспрекословно повиноваться либо лично ему до его смерти (избирательная монархия), либо ему и его наследникам (наследная монархия). Очевидно, можно согласиться с Г. Гурвичем в том, что Феофан считал такой путь возникновения характерным и для других форм правления, хотя в самой «Правде воли монаршей» эти случаи не рассматриваются; Феофан ограничился здесь простым упоминанием. Но важно, что избрание не противоречит божественному характеру монаршей власти, поскольку «народная воля, как в избирательной, так и в наследной Монархии и в прочих правительства образах, бывает не без собственного смотра Божия, как о сем и выше помянулось, но Божиим мановением движима действует, понеже ясно учит священное писание, что несть власть аще не от Бога. И того ради вся должнства как подданных к Государю своему, так и Государя к добру общему подданных, не от единой воли народной, но и от воли Божией происходят»⁴³⁵. А потому народ должен повиноваться государю «без прекословия и роптания» и уже не может вернуть себе свою «волю»; даже если избранный монарх и оказался на деле плохим правителем, народ обязан терпеть его «нестроение и злонравие». Феофан с неодобрением вспоминает «пребеззаконное дело» англичан «над Королем своим Карлом Первым, 1649 года сделанное»⁴³⁶.

Необходимость повиноваться, впрочем, вытекает не из того факта, что народ лишился своей власти, передав ее без остатка государю. Феофан прекрасно видит слабость такого аргумента и допускает, что свою «волю» народ может отменить, хотя это и было бы «великое непостоянство, и никогда бы так Монархия наследная быть не могла». Но

⁴³⁴ Он проводит грань, во-первых, между тремя формами правления, во-вторых – между монархией наследственной и монархией выборной; и в-третьих – между монархией ограниченной и монархией «прямой». Упоминает Феофан и правительства «смешанного состава», а также такие монархии, которые «начало приняли от некоего превозмогающего в народе человека, насильствием народ себе покорившаго», подобно Ассирии при Нимроде.

⁴³⁵ Правда воли монаршей С. 31–32.

⁴³⁶ Там же, с. 31.

повиноваться государю предписывает еще и Божественная воля, которая «и волю народную двинула и купно с оною сама действовала в уставлении такой Монархии и первого Монарха избрании». А эту волю народ отменить не может. Единственным исключением может стать – и тут Феофан буквально на ходу дорабатывает свою морфологию форм правления! – случай, когда «при первого Монарха избрании были положенные некие договоры, самого Монарха соизволением, или и клятвою утвержденные, которых за неисполнение уставлено бы Монарха отставляти». Любопытно, что Феофан не отрицает силы таких договоров, отмечая лишь, что «тая Монархия не прямая была бы Монархия, еще же и непрестанным бедствиям подлежащая (мощно бо злым человекам и добрая дела Монаршая толковати на зло) и весьма не таковая, о яковой нам слово сие»⁴³⁷.

Каким образом упоминание о договорах согласуется с приводимыми Феофаном определениями абсолютной власти монарха, происходящей от Бога? «Правда воли монаршей» не дает ответа на этот вопрос, переходя к описанию того, как в случае отсутствия выраженной «воли» покойного монарха в отношении наследника народ должен «всякими правильными догадами испытывать, какова была, или быти могла воля Государева», с предпочтением имеющихся родственников. При отсутствии и родственников, и наследника, и завещания «воля» возвращается к народу, хотя, если покойный монарх наложил на выбор какие-либо ограничения, их следует «хранити чисто и свято», поскольку «воле Монаршей вечно себя повинул и тако, донележе может воля Монаршая быти являема, дотоль оную исполняти народ должен»⁴³⁸.

В параллели с обязанностями подданных Феофан описывает и «должности» монарха, которые сводятся к царствованию ради общего блага и практически совпадают с приведенными выше цитатами из Священного Писания и церковных комментаторов: «Всякая бо коего либо от вышеименованных образа власть верховная, едину своего установления вину конечную имеет, всенародную пользу. Сие только ведати народ должен, что Государь его должен о его пользе общей пещися, но в делах попечения своего не народу, но единому Богу стоит или падает, и того единого суду подлежит»⁴³⁹. Следовательно, государь не только может, но и должен искать «такового наследника, который бы пользы

⁴³⁷ Правда воли монаршей. С. 32.

⁴³⁸ Там же, с. 36.

⁴³⁹ Там же, с. 37.

народной не разрушил». Как видим, эти тезисы по своей направленности дублируют приведенные выше аргументы.

Завершающая часть «Правды воли монаршей» посвящена сравнению избирательной и наследной монархий. Феофан опровергает доводы о том, что в избирательной монархии легче найти достойного кандидата на трон, и о том, что избранный народом государь будет из благодарности лучше исполнять свои должности. Дело в том, что в избирательной монархии подданные плохо и медленно исполняют указы монарха, а «Монарх бедный, аки связанный, не так указывает, яко просит воли у народа, и не так благопоспешно, как Государственные нужды требуют, получает»⁴⁴⁰. Слабости избирательной монархии велики: она провоцирует разворовывание казны (особенно когда царствующий монарх понимает, что шансов оставить скипетр в своем доме мало, и старается как можно больше получить «от общих имений»), заставляет государя фокусировать внимание только на сегодняшних нуждах и пренебрегать перспективой, а главное – после смерти государя начинаются мятежи и гражданские распри.

Феофан ссылается на исторический пример избирательной монархии – Римская империя страдала от гражданских войн: «Во всех совокупно наследных Монархиях, не увидишь толь многих и толь жестоких, страшных и плачевных позорищ, коликия и коль многия показались в единой оной Монархии избирательной»⁴⁴¹. Впрочем, «бедства многие образы покажет нам и едина, сосед наш, Республика Польская». А вот в наследной монархии есть «природный некий страх в народе, и говение к Государю своему, и он, не яко человек, но аки бы изъятый от числа смертных почитаем есть. И в самых наследных Монархиях делом является, что Монархи бози суть, аще и прочиим титулу сию дает писание; и заповедь оная Апостольская, повиноватися властям повелевающая, не токмо за гнев, но и за совесть, аще и о всех властях глаголет, однако же нигде такового своего исполнения, яко в наследных Монархиях не обретает»⁴⁴².

Анализируя систему параллельных доказательств в «Правде воли монаршей», Г. Гурвич заключал: «Внешне оба эти гетерогенных источника признаются равноправными, однако, легко заметить, что на деле центр тяжести всего трактата лежит в рационалистических доказательствах. Изложенное в нем учение осталось бы, собственно,

⁴⁴⁰ Правда воли монаршей. С. 40.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² Там же, с. 41.

по существу неизменным, если бы отбросить все аргументацию богословского характера». Исключение Гурвич сделал только для «вопроса о самых основаниях власти», где Феофан выдвигает наряду с естественно-правовым обоснованием обоснование «теократическое», однако сочетание этих аргументов казалось Гурвичу «непримиримым противоречием». В конечном счете, Гурвич приходит к выводу: «Несмотря на внешнее сходство с теорией [Гоббса], учение Феофана по существу – в своих основных посылах – резко расходится с концепцией автора “De cive”, и Прокопович в своих построениях всюду стоит на почве теорий Гроция и Пуфендорфа»⁴⁴³. Но в большинстве случаев, где Феофану приписывают заимствования из Гроция или Пуфендорфа, эти заимствования могли с легкостью быть сделаны из массы других источников – например, из Полибия или Фомы Аквинского. Феофан говорит о народе и монархе, но ничего не говорит о двусторонних договорных обязательствах и вообще о договорах – исключая краткую, раздраженную реплику о странах, где монарх при избрании связан подобным договором, порождающим бедствия. Гурвич исходит из того, что народ у Феофана наделен суверенитетом, от которого он отказывается в пользу монарха, но Феофан нигде не указывает на то, что «маестат» может относиться и к народу. Наконец, что особенно интересно, Феофан не воспринял принципиального для западной мысли различия между «законным монархом» и монархом-«вотчинником». Гурвич находил в этом черты сходства с Гоббсом, но на деле это – черты принадлежности Феофана к российской традиции, для которой юридические детали (и в частности – деление на свободных и рабов) не были существенными.

Зато с другим выводом Гурвича следует согласиться – и пожалеть, что в современной литературе о политической мысли России XVIII в. этот вывод популярностью не пользуется: «Подводя под влиянием своих образцов договорный фундамент под власть монарха, Прокопович в отличие от них основывает право монарха и на прямом Божественном установлении, в полном соответствии с традиционной идеологией русской государственности»⁴⁴⁴.

⁴⁴³ Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1915. С. 109.

⁴⁴⁴ Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича. С. 111. Словно бы в противовес мнению Гурвича советская исследовательница В. М. Ничик обращала внимание на предполагаемое противоречие в учении Феофана о божественном происхождении власти: «Если любая власть от Бога, то и ликвидация ее и замена также происходят от Бога. Прокопович избегает этого вывода, жертвуя логической последовательностью. Ведь он утверждает, что, отдав свою волю монарху, народ больше не может забрать ее у него, даже в том случае, если монарх нарушает договор и не заботится об общей пользе» (Ничик В. М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. С. 156). Но, во-первых, Феофан вовсе не «избегает» вывода о том, что замена власти тоже происходит от Бога (больше того – как мы постараемся продемонстрировать ниже, в российской политической культуре царил консенсус по этому вопросу: замена или

Между тем, венгерский историк Э. Сашалми, подчеркивая, что религиозные аргументы в «Правде воли монаршей» играют важную роль, все же приходит к выводу, сходному с цитированным ранее выводом Гурвича: «Рассмотренная в своем функциональном аспекте концепция монархической власти в “Правде воли монаршей” может иметь смысл даже без Бога. Бог может быть удален из аргументов постольку, поскольку его постоянное вмешательство в мирские дела не предполагалось, исключая время возникновения правительства и избрания первого правителя (т.е. во время так называемого “первого договора”»⁴⁴⁵. На взгляд Сашалми, новацией «Правды воли монаршей» было то, что трактат устанавливал секулярные (а не религиозные) обязанности монарха по отношению к народу (а не к Богу), а также выводил права монарха из контракта и суверенитета, хотя сами эти новации были «глубоко религиозными в своем оправдании».

По нашему же мнению, вмешательство Провидения в «мирские дела» не только в полной мере подразумевалось трактатом Феофана, но и оставалось константой российской политической мысли на протяжении всего XVIII в. Провиденциальное вмешательство могло трактоваться двумя способами. Во-первых, сохранялся концепт Провидения, непосредственно вмешивающегося в ход событий, например, низвергающего тиранов. Во-вторых, новацией (которая хотя и не принадлежала всецело Феофану, но вклад его в развитие таковой новации сложно переоценить) были барочные аллегории, сравнивавшие монарха с Богом и, как показали Б. А. Успенский и В. М. Живов, довольно быстро начавшие трактоваться едва ли не буквальным образом. Таким образом, политическая риторика российского монархизма XVIII в., одним из творцов которой был Феофан, сохраняла вмешательство Бога в политический процесс Российской империи в центре внимания, а также начинала сакрализировать самого монарха как могущественного демиурга.

Более точным мнением является мнение современной исследовательницы Т. В. Чумаковой: «Опираясь на протестантские концепции управления церковью

ликвидация власти именно и является делом Провидения – эта-то идея и лежала в основе легитимационных стратегий российской монархии XVIII в.) Во-вторых, Феофан не ведет речи о договоре – это позднейшие исследователи так понимают характер отношений между монархом и подданными, которые Феофан описывал, не прибегая к понятию договора. Сам же Феофан о договоре заводит речь лишь раз, вскользь – говоря о том, что в некоторых монархиях государь при избрании связан «договорами». А ограничение монарха необходимостью поиска общего блага не может считаться договорным, поскольку устанавливает его не договор, а божественная «должность» государя, ограниченного «общим благом».

⁴⁴⁵ Sashalmi E. God-Guided Contract and Scriptural Sovereignty: The Muscovite Perspective of Pravda Voli Monarshej v Opredelenii Naslednika Derzhavy Svoej // Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. Dissertationes historicae collectae per Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis. Pecs: Pécsi Tudományegyetem, 2009. P. 141.

правителями, Феофан Прокопович связывает вместе христологию, антропологию и политологию, и становится ясно, что главная цель богословских построений Феофана Прокоповича – преобразование “мира сего”, очищение его от суеверий и лицемерия, для чего необходим император, облеченный полнотой светской и духовной власти, соединивший в себе земное и небесное – “Отец Отечества, Петр Великий и Император Всероссийский”, служба которому столь же важна для христианина, как и служение Господу. Фактически император мыслится им уже не просто как человек, а как Сверхчеловек, вознесенный на непостижимую высоту божественной волей»⁴⁴⁶. С этим в целом⁴⁴⁷ точным определением следует согласиться.

А в «Розыске историческом» (1721)⁴⁴⁸ Феофан, описывая древнеримского понтифика, отмечает: «Не должен был ПОНТИФЕКС ни пред сенатом, ниже пред народом давати ответы о своих делах, и никакому наказанию не был подвержен <...> Однакож и в так сильной власти, имел ПОНТИФЕКС некия пределы, и аки бы узы себе наложенныя»⁴⁴⁹: речь идет о переносе рассмотрения дел к коллегии жрецов или на обсуждение народа, о запрете покидать Италию, необходимости проживать в общественном доме и, наконец, об отсутствии власти «повелевать или запрещать войну». Власть понтифика «не есть повелительская власть, но учительская, именем богов, совесть связующая: яковая и у Христиан всякому и малейшему пастыреви дана есть, яковую и врач имеет над болным человеком: и не так власть се есть, яко возвешение»⁴⁵⁰. Кроме того, понтифик сохранял свою власть пожизненно. Итак, четыре «прерогативы» понтифика – неподсудность,

⁴⁴⁶ Чумакова Т. В. Антропология Феофана Прокоповича // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып.1 М.: ИФ РАН, 2008. С. 199–200.

⁴⁴⁷ Во всем, кроме ссылки на «протестантские концепции», которые представлены у Чумаковой (со ссылкой, конечно же, на работу Гурвича) трудами Гоббса, Гроция и Пуфендорфа. При этом, по мнению Чумаковой, «из перечисленных авторов для Прокоповича наиболее значимыми были идеи Пуфендорфа, поскольку в своих произведениях, обосновывающих необходимость и правомерность петровских реформ, Прокопович во многом основывался на работах немецкой юридической школы, обосновывающих идеи безграничной преданности народа государю как олицетворению государства» (Чумакова Т. В. Антропология Феофана Прокоповича // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып.1 М.: ИФ РАН, 2008. С. 198). Как мы уже постарались показать выше, «немецкая юридическая школа» сама по себе является историографическим конструктом, не проходящим испытания практикой. Близость отдельных построений Феофана к идеям Гоббса говорит не о наличии влияния английского мыслителя на российского богослова (Гурвич отрицал прямое влияние, однако – добросовестно обнаружив сходства – полагал, что отдельные элементы гоббсовской философии могли быть заимствованы через посредство трудов Пуфендорфа). Эта близость говорит лишь о том, что Феофан, а с ним – и российская политическая культура, не были связаны с европейской юридической традицией; отсюда и проистекают сходства с Гоббсом, радикально ревизовавшим правовой язык, но на принципиально иных основаниях.

⁴⁴⁸ Феофан Прокопович. Розыск исторический, коих ради вин, и в яковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и христианстии, понтифексами или архиереями многобожного закона; а в законе христианстем, христианстии государи, могут ли нарещися епископи и архиереи, и в каком разуме. СПб.: Санктпетербургская тип., 1721.

⁴⁴⁹ Там же, с. 4.

⁴⁵⁰ Там же, с. 6.

исключительность (должность была единственной в своем роде), власть запрещать «противные благочестию» начинания, пожизненный характер должности.

Все эти прерогативы, по словам Феофана, были крайне полезны «самовластительству Императорскому», которое без них было бы «весма недействительно, и многим препятиям подлежащее самодержавство». Чтобы сенат и народ не могли мешать императору объявлять войну или «уставы определяти», Цезарь и его наследники «состав Демократии, то есть всенародного правления или Республики, изменили на Монархию». Однако угрозу власти императоров представлял не только сенат или народ, но и понтифик, способный «приискать будто богословскую вину намерению Императорскому противную». Таким образом, власть императора была «связана». И тогда первые императоры, желая иметь «свободную Монархию, ни каковому розыску и суду неподлежащую», присвоили себе сан понтифекса со всеми его четырьмя прерогативами. Так «честь и власть» понтифекса помогли римским императорам достичь «совершенной Монархии».

Но и после принятия христианства императоры продолжали сохранять титул языческого понтифекса, чтобы укрепить свое положение среди все еще многочисленных язычников, избежать споров с сенаторами и волнений в народе. Это означает, что «власть ПОНТИФИЧЕСКАЯ» была «весма политическая» (при условии, что император не совершал сам «поганских» священнослужений). За вычетом таких священнослужений власть понтифекса – это лишь «титла», наделенная «полезной силой». Что же плохого, когда император-христианин, рассматривая дела язычников, выносил решение по закону «Бога истинного»? Риторический вопрос!

А может ли христианский монарх называть себя архиереем или епископом? Само греческое слово «епископ», по словам Феофана, означает в переводе лишь «надсмотрщика, стража, наблюдателя»; так, у афинян епископами именовались «коммисарии, которые посылаемы бывали в города Афинейской республики подданные». Поэтому государь может называть себя епископом, будучи «самым верховным над всенародными делами надсмотрителем» (Феофан здесь ссылается на Гомера, который Гектора называет «епископом»). Может он даже называться епископом епископов: «Государь, власть высочайшая, есть надсмотритель совершенный, крайний, верховный и вседействительный, то есть имущий силу и повеления, и крайнего суда, и наказания, над всеми себе подданными чинами и властями, как мирскими, так и духовными. <...> И понеже и над духовным чином

государское надсмотрительство от бога уставлено есть, того ради всяк высочайший законный Государь в Государстве своем, есть воистинну Епископ Епископов»⁴⁵¹.

Феофан вводит разделение «имен чиновных» на два рода. Есть имена, «самое дело чина того именно изображающая, и потому собственные и свойственные единому чину», например – «купец», «врач», «архитект геометр». Другая группа имен чиновных «показует не дело, а власть»: «вождь», «правитель», «судия», «началник». Следовательно, хотя царь и властен «над всеми в народе чинами», он не может называть себя именами первого рода: «Обаче сам ни куплю деет, ни врачует, ни Архитектурою упражняется. И того ради не может нарещися Купец, Врач, Архитект: и имена сии не прибавили бы Государю, но убавили бы чести, понеже именно являя собственное собственных чинов дело показовали бы, что Государь есть един от купцев, или врачом, или Архитектов, а не высочайший над всеми властелин». Зато именами второго рода императора «может пристойно украшаться». Имя «епископ» относится ко второму роду, «значит бо надсмотрителя, а каковых дел, и как великаго, само собою не являет». Таким образом, царь может именоваться епископом епископов. Примером тому – император Константин, именовавший себя епископом, осуществляя «превосходное свое над духовными делами надсмотрение» и карая противников «истинного богочестия», включая и епископов церкви⁴⁵².

Архиерей означает всего лишь «глава священников» (иереев). Феофан указывает, что в христианстве любое «богоугодное дело» может считаться священнодействием и, следовательно, «вси обще христиане и могут нарицаться, и нарицаются священники»⁴⁵³. В таком случае ответ прост: царь – будучи повелителем всего народа – автоматически является архиереем. Но Феофана интересует другой случай, когда под иереями подразумеваются только священнослужители, совершающие обряды. Даже если бы царь был одновременно священнослужителем, вопроса это не решило бы, так как он «был бы священник не по власти своей Государской, но по рукоположению». Священнослужение и царствование – разные вещи. Если до христианства по «естественному разсуждению» считалось пристойным высочайшей власти совершать священнодействие, то среди христианских государств найти таких примеров нельзя, «не совместимо священство с самодержавством».

⁴⁵¹ Феофан Прокопович. Розыск исторический. С. 22–23.

⁴⁵² Там же, с. 27.

⁴⁵³ Там же, с. 21.

Тем не менее, государя можно считать священником – не в буквальном смысле, а на основании *метонимии*. Именно таким образом собор в Халкедоне назвал императора Маркиана «Священнику и царю, церкви исправитель, в бранех победитель, веры учитель», а также новым Константином, новым Павлом, новым Давидом; священником, «учителем» и Павлом (то есть апостолом!) Маркиан был не «своим розыском истинны, но Монаршим повелением учителей к розыску приведшим». А у римлян «лица публичные, яковыя суть высокие власти, и публичные вещи» назывались «священными» (Феофан здесь ссылается на Пандекты); власть также именовалась «Священносвятой», то есть неприкасаемой. Что было верно для языческих властей, то еще более верно для христианских монархов: «Закон бо христианский в писаниях священных паче всех прочих законов человеческих подает силу высочайшим властям, весма их нерушимых, не прикасаемых, и никоему же, кроме божия, суду не подлежащих показывает. И потому и именами преславными и превосходительными украшает их, Христами божиими и богами их нарицая <...> Не ради бо некоего в церкви действия иерейскаго (того бо в историях не обретаем), но ради изъятия своего от всякаго суда человеческого»⁴⁵⁴. Потому же византийские императоры входили в алтарную часть церкви и причащались как священники: это лишь показывает «несравненную высоту» власти царя, «знамение Христолюбия и смирения Царскаго», но не его принадлежность к священнослужителям⁴⁵⁵. Альтернативная точка зрения, которую папы Римские внушили германским императорам, привела к унижению и умалению царской власти: императора стали рассматривать как диакона при службе.

В «Слове в день вшествия на всероссийский престол императрицы Анны Иоанновны» (1733) Феофан начинает с заявления: «Высочайшая и державная власть, хотя инде по народному избранию, инде же по крови наследию восприимлетсся, однакоже всегда и везде в правильных таковых восхождениях, собственные самага бога судьбы действуют»⁴⁵⁶. Феофан опровергает тех «безумных», кто «о предержавшем владетельстве так в себе

⁴⁵⁴ Феофан Прокопович. Розыск исторический. С. 37.

⁴⁵⁵ Аналогичные доводы, но в самом сжатом виде, Феофан привел и в «Слове на похвалу блаженных и вечnodостойных памяти Петра Великого» (1725), говоря о деяниях Петра как «христианского государя» (Слово на похвалу блаженных и вечnodостойных памяти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви живоначальной Троицы, Святейшего Правительствующего Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 138).

⁴⁵⁶ Феофан Прокопович. Слово в день вшествия на всероссийский престол самодержавнейших великих государыни нашей императрицы Анны Иоанновны всея России. Иануария 19 дня, 1733 года. О том, что царская власть собственным промыслом божиим получается. Проповеданное Феофаном Архиепископом Новгородским в Санктпетербурге в домашней церкви ея величества. СПб.: Имп. акад. наук, 1733. С. 2.

помышляют, что оное получается, и имеется, за могущество и силу Державных лиц; а подданных за немощь и безсилие; и сии глупцы ни малаго не признавают разнствия между законными Государями правильно Державу приемлющими, и между тираннами власть оную похищающими». Феофан с сарказмом добавляет: «За одно им и богомвенчанный Государь, и богопротивный Короны похититель. Чаю и разбойнических атаманов в одной цене они ставят».

В противовес этому тезису (напоминающему, кстати, о политической философии Гоббса) Феофан доказывает, что «власть высочайшая самага Бога определением строится», используя – по собственным словам – три рода аргументов: Писание, история («дивные судьбы вышняго») и «вина нынешняго веселия, то есть, от вшествия на Монарший престол Великия наша Монархини»⁴⁵⁷. Первый аргумент Феофан излагает, цитируя книгу пророка Даниила, а затем приводя весь арсенал цитат из Писания о царской власти и заканчивая вновь цитатой из апостола Павла. Феофан подчеркивает, что в Библии «не токмо о благих и благочестивых Царях, но и о нечестивых, и злонравных, яко например о фараоне, Сауле, Навходоносоре, Дарии и Кире, пишется, что от Бога поставлени, от Бога силу и власть получили»⁴⁵⁸. А вот «умыслы и промыслы» властолюбцев, «мимо Бога власть верховную похитить тщащихся», всегда разрушаются Провидением. В Писании об этом говорит история Авессалома; Тацит повествует о Гальбе, Отоне и Вителлии – «так их несчастливое было на высоту оное возшествие, что в одном году вси три, один по другом убиен, не только царства, но и жития лишились». Это же касается и мятежников (Катилина, Антоний), «машкератных наследников», то есть самозванцев, «каковые явились и в Риме под именем Друза, и в Фландрии под именем Балдвина, и у нас в России два или три псевдо Димитрии, и псевдо Алексии», а также тех, кто «получил коварно или насильно власть» (тиран Максим, Прокопий, Святополк, Годунов и Отрепьев): «Так то нельзя на верх сей восходить, кого сам Бог не возведет»⁴⁵⁹. А для тех, кого возносит «десница вышняго», не страшно ничто. Примерами тому – Иосиф, Галерий, Маркиан, Кир и особенно Давид.

Феофан делает вывод: «Ясно видим, что державная власти не силою и хитростию человеческою производятся, но Божиим смотрением и промыслом». И слова Писания, и примеры из истории опровергают «печальный мрак и туман сумозбродных мозгов, которым

⁴⁵⁷ Феофан Прокопович. Слово в день вшествия на всероссийский престол самодержавнейшия великия государыни наша императрицы Анны Иоанновны всея России. С. 3.

⁴⁵⁸ Там же, с. 6.

⁴⁵⁹ Там же, с. 8.

мнится, или паче снится, будто бы верховная власть на вещественной только силе основанна стоит»⁴⁶⁰. Об этом, по мнению Феофана, свидетельствует и восшествие на трон Анны.

Говоря о воцарении Анны, Феофан все время использует риторику контраста: «коль высокая крови слава, толико низкая фортуна была; и видеть было подобие, как бы кто алмазные вещи худым платом, или сермяжным рубищем обвертел». Анне, окруженной бедствиями и прозябавшей в «низком уделе», оставалось уповать на Господа, который вознес ее: «Состояние, почитай, ничтожное, соравнил с благополучием редких по всей селенной Монархов»⁴⁶¹. Такое стремительное вознесение неопровержимо говорит о божественном промысле. Феофан завершил «слово» так: «Владеючи Вышний Царством человеческим, дал тебе сие пространное и многонародное Царство, и сохранит же то во власти твоей, надеемся, и яко собственное дело свое утверждая, утвердит, уповаем, купно же и сердечным молением Всещедрую его благостыню призываем»⁴⁶².

Итак, аргументы, которые Феофан выдвигал в поддержку монархии, были достаточно последовательными. Он писал о том, что власть монарха происходит от Бога, чему не противоречит договорная теория возникновения государства, изложенная в сжатом виде в «Правде воли монаршей». Беспрекословный характер повиновения подданных государю обуславливается именно божественным происхождением власти, богоподобием властителя: эту концепцию Феофан излагал в «Правде воли монаршей», и эти же мысли он повторял уже при Анне Иоанновне. Вместе с тем, хотя государь и дает отчет только Богу, это вовсе не означает, что власть дана монарху ради произвольного употребления. Напротив: государь должен царствовать ради общего блага, в ином случае его можно уподобить «неискусному кормщику».

Важнейшей частью политического богословия Феофана было использование метафор, позволяющих сравнить монарха с героями, святыми или даже с самим Богом. Признание Бога источником власти, использование метафор и констатация ограниченности царской власти ее целью (общим благом) – эта концептуальная триада, используемая Феофаном, станет фундаментом для глоссария провиденциального монархизма, с тщательностью разработанного при последующих царствованиях поколениями церковных ораторов и светских панегиристов. «Куль» Петра стал основным элементом провиденциального

⁴⁶⁰ Феофан Прокопович. Слово в день вшествия на всероссийский престол самодержавнейших великих государыни нашей императрицы Анны Иоанновны всея России. С. 12.

⁴⁶¹ Там же, с. 13.

⁴⁶² Там же, с. 14.

монархизма — так, «начиная с петровского времени в целом ряде ситуаций считается уместным относить к царю литургические тексты, если их применение ситуационно оправдано»⁴⁶³.

Демонстрацией этого может служить панегирик настоятеля Троице-Сергиевой лавры Гавриила (Бужинского) «Похвальное слово, произнесенное... в 52-й раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России» (1723). Современный исследователь Ю. В. Стенник пишет об этом сочинении Гавриила: «Таково предельное выражение нового уровня мышления, демонстрирующего воплощение политических идеалов Петра I в жанре, менее всего, казалось бы, обращенного к политике. Гавриил Бужинский еще не порывает окончательно связей с теократическими представлениями о природе монархической власти, воплощаемой в личности и деяниях Петра I. Но он уже на пороге нового, в сущности секуляризованного, взгляда на осмысление процессов, свидетелем которых он сам себя ощущает»⁴⁶⁴.

По нашему мнению, однако, жанр придворного «слова» следует считать *в полной мере* «обращенным к политике»; и теократические взгляды, как мы постарались показать выше, были вовсе не традицией, а новацией, усвоенной в конце XVII в. В панегирике Гавриил следует той модели барочного смещения, о которой пишут Успенский и Живов, называя день рождения императора теми словами, которыми в литургии описывают Пасху: «Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он»⁴⁶⁵. Гавриил черпает и из историко-мифологических примеров, называя Петра «российским Кадмусом», а себя сравнивая с Цицероном, не находящим слов, чтобы достойно описать военные победы Помпея. Но исторический аспект величия Петра лишь подчеркивает его божественный характер: «Аще бы Священное Писание нам не повествовало, аще бы о том Истории не гласили, отсюду бы мощно уразумети, яко предизбранныи Богом власти имут в себе нечто божественное и тайное Божие согласие, таинственное божественнаго содействия движение»⁴⁶⁶. Как же иначе объяснить величие Петра, который, несмотря на отсутствие

⁴⁶³ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т.1. С. 280.

⁴⁶⁴ Стенник Ю. В. Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб.: Наука, 2006. С. 13.

⁴⁶⁵ Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-ой раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии Его императорской фамилии, Синода и Сената и многочисленного народа // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 497.

⁴⁶⁶ Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-ой раз день рождения. С. 501.

воспитания, был наделен величайшей мудростью: «Промышляет убо Господь Бог любезному достоянию своему, времени требующу, правителей, но и ихже избра, всесилною своею рукою содержит, от всех бедствий хранит, во всех наветах смертоносных избавляет»⁴⁶⁷.

Гавриил описывает царствование Петра с помощью яркого противопоставления старого и нового, созданного царем-демиургом – риторическая модель, которая постоянно будет эксплуатироваться в панегирической традиции XVIII в.: «Возведи убо окрест очи твои, богоспасаемая Державо Российская, и виждь в воинстве твоём неизреченную метаморфозис, но сию не фабулярную, но истинную. <...> Возри на море Балтийское, на флот преславный, яко скоро возсиявший, тако скоро и никомуже чаянно многия и славныя победы получивший. <...> Виждь умножающиеся учения свободным, математическим, медицинским, инженерским, артиллерским, геометрическим, наветатским, ихже прежде не токмо не имела еси, но ниже о именах их слышала, и со удивлением разсуди, коль скоро вси вкоренишася, коль скоро вси звания своего плоды начаша прозябати. Возведи очи твои и виждь прекрасная архитектурная строения, преславныя всякия механическая дела, дивныя мануфактуры!»⁴⁶⁸

Этот текст Гавриила можно сравнить с речью, которую в 1721 г. канцлер Г. И. Головкин произнес в честь Петра Великого⁴⁶⁹. В речи канцлера отсутствуют ссылки на Провидение (правда, Бог упоминается во всех трех пунктах лаконичного императорского ответа на речь Головкина), однако в полной мере использован образ царя-демиурга: «Вашими неусыпными делами и руководством мы, Ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политических народов присовокуплены»⁴⁷⁰.

Кульτ монарха функционировал и за пределами жанра панегирика. Достаточно привести пример Ф. И. Соймонова, который в «Истории Петра Великого» (1750-е гг., опубликована в 2012 г.) заявлял: «Довольно почитают достоинства тех монархов, которые

⁴⁶⁷ Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-ой раз день рождения. С. 503.

⁴⁶⁸ Там же, с. 507–508.

⁴⁶⁹ Эта речь вошла в состав Полного собрания законов Российской империи. Она была также опубликована отдельно (Речь, которая публично в церкви его царскому пресветлому величеству, от Синода и Сената говорена. СПб.: Санкт-Петербург. тип., 1721). Была опубликована и другая речь, говоренная в соборе архиепископом Новгородским Феодосием (см.: Агеева О. Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века // Мир истории: Российский электронный журнал. 1999. № 5. Режим доступа: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm>)

⁴⁷⁰ Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества. ПСЗ. Т. 6. 1720 – 1722. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 3840. С. 446.

паки соединили под одну державу разделенное на многие малые владения Российские государство и которые избавили от робоплева падающим игом стенищее Отечество, а потом отлично прославляется великое благодеяние божеского промысла, коим он доровал Российскому государству в сем поправлении дарами снабденного и достохвалного государя царя Михаила Федоровича яко праотца нынешней всепресветлейшей Императорской фамилии. И хотя то преддведению и промыслу Божию без сумнения приписать должно, однако по обстоятельству тех дел иначе видеть не может, как по его ж Святой воле и благословению от поставленных разных владетелей в разные правление и действия происходят. От премудрых, бодрых и милостивых государей прославляет их величество и Отечество, подданных любовное повенение, в воинстве возрастает мужество, в судах — правосудие, что к целости общества и спокойства государей за нужнейшее почитается. Словом, все благополучии от их правлений зависят, как то многими достовернейшими примерами засвидетелствуется, о чем и в российской истории явствуется. А паче напоследок с начала нынешняго века государя Императора Петра Великого неусыпными отеческими трудами Россия толь высокой степени возведена, что правилно на театр сесветны славы взошла, о том не одно мое слабое перо изъясняет, но весь свет то знает, почитает и прославляет»⁴⁷¹.

Итак, и в церковных панегириках, и в лаконичной речи канцлера Головкина, и в тексте Соймонова Петр фигурирует как монарх, наделенный особыми качествами, дарующий подданным «благополучие» и пользующийся, в свою очередь, особенным расположением Провидения; в случае с Соймоновым это особенно важно, поскольку в целом его текст, за вычетом краткого введения, не использует панегирической модели, вместо этого детально описывая перипетии военных столкновений. Милость Провидения, полубожественные качества самого государя, его неусыпные труды ради «общего блага», под которым в панегирической традиции все в большей степени понимались вестернизаторские преобразования, осуществленные Петром Великим, та самая «метаморфозис», о которой так ярко говорил епископ Гавриил (Бужинский).

«Культь» императора продолжил функционировать и после кончины Петра, став основой для всей последующей монархической традиции. Лаконичный манифест⁴⁷² «О

⁴⁷¹ Соймонов Ф.И. История Петра Великого. СПб.: Изд-во «XVIII век», 2012. С. 21–22.

⁴⁷² За сжатыми формулировками скрывались, конечно, разногласия среди придворно-административной элиты: действия «партии» императрицы Екатерины 29 января 1725 г. Е. В. Анисимов даже называет «военным переворотом» (Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб.: Лениздат, 1994. С. 27).

кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатерины I» от 28 января 1725 г. напоминал, что «о наследствии Престола Российского не токмо единым Его Императорского Величества... манифестом, Февраля 5 дня прошлого 1722 года в народ объявлено, но и присягою подтвердили все Чины Государства Российского, дабы быть Наследником тому, кто по воле Императорской будет избран»⁴⁷³. Несмотря на то, что Петр I умер безо всякого завещания, авторы манифеста настаивали: Екатерина отвечает критерию «достойнейшего» благодаря своим примечательным «трудам». Очевидно – пояснялось далее – что, поскольку Петр I в 1724 г. «удостоил короною и помазанием» свою супругу «за Ея к Российскому Государству мужественные труды», Екатерина является российской императрицей. Манифест ссылался на этот факт как на прямое назначение наследницы, которое не нуждалось ни в каких иных подтверждениях.

Ключевую роль в обосновании легитимности играли «труды» Екатерины, обеспечивавшие ее соответствие петровскому критерию «общего блага», ради которого и должен неустанно действовать монарх. Что же это за «труды»? Петровский манифест о коронации Екатерины (15 ноября 1723 г.) ссылался на примеры из истории Римской и Византийской империй, а также указывал на ее заслуги в Северной войне и во время Прутского похода, когда она «мужески, а не женски» поступала. В 1724 г. Петр I короновал супругу в Успенском соборе.

Значимость «трудов» Екатерины в религиозном контексте убедительно продемонстрировал Феофан (Прокопович), рассуждая в «Слове похвальном в день святых великомученицы Екатерины» (1717) о «любви к Богу и к искреннему» и о «притворном люблении». Верная супруга совершила в Прутском походе подвиг жертвенной любви: «На оном и самую памятию страшном молдавском поле, егда, наказующему нас премудрому смотрению Божию, отчаялися вси мы жития своего, а Богом венчанный супруг твой готовил душу свою положить за люди своя; в оное, глаголю, время, дымное и мрачное, смертными отвсюды грома духи отъемлющее, кто не видел, како действова в тебе любы искренняя, видя тебя не своей, но искренняго твоего смерти безмеры боящуюся и истаяваящую? Видехом тогда, о Россие, любовь монархини твоей крепку яко смерть быти»⁴⁷⁴. Равным

⁴⁷³ Манифест от Синода обще с Сенатом и Генералитетом. О кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатерины I // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. VII. 1723–1727. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 4643. С. 410.

⁴⁷⁴ Слово похвальное в день святых великомученицы Екатерины // Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новгорода и великих Лук, Святейшего Правительствующего Синода вице-президента, а потом первенствующего члена

образом и Гавриил (Бужинский) в проповеди 1718 г. сравнивает великомученицу Екатерину и императрицу Екатерину Алексеевну, не забыв упомянуть историю о Прутском походе и одновременно уподобляя царицу Эсфири, Ливии и Агриппине: «Паче Агриппины Екатерина в самое ужасное время на Прутовой акции присутствовала и в превеличайших трудах мужа своего Всероссийского Государя утешала: о, воистинну блажен муж жены добли! Блаженна же и ты еси, Россие, сию твою имущи повелительницу, от неяже рождаются тебе наследственные твои Государя, яже рождением чад наполняет тя всякого благополучия»⁴⁷⁵.

Основной «труд» Екатерины – ее «утешающая» любовь к супругу-царю, понятая одновременно как любовь к России и любовь к Богу; «мужественность» трудов уравнивается отсылкой к одному из самых ярких и популярных женских образов христианской традиции. В этом смысле указание на «труды» Екатерины, присутствующее в манифесте о ее воцарении, было не просто риторической фигурой, но ссылкой на серию прецедентов, образующую длительный процесс, тянувшийся примерно с 1711 г. (если не с более раннего времени). За декларированными «трудами» Екатерины I – новой Эсфири, Ливии, Агриппины – скрывалась глубокая религиозная образность. Легитимация новой императрицы строилась вокруг образа святой Екатерины, «невесты Христовой», что предполагало обращение к семантике жертвенности, любви и верности. «Заслуги» Екатерины, за которые царственный супруг наградил ее орденом и короновал, обретали смысл именно в таком религиозном контексте. Показательна в этом смысле история возникновения российского ордена святой Екатерины, подробно рассмотренная в контексте придворных интриг современными историками И. И. Федюкиным и Э. Зицером⁴⁷⁶.

Вместе с тем восшествие на трон Екатерины I не опиралось на концепцию избрания или какого бы то ни было договора. Манифест оправдывает его главным образом ссылками на волю Петра, на присягу 1722 г., на факт коронации Екатерины и на ее великие «труды». В «Краткой повести о смерти Петра Великого» (1726) Феофан особо оговаривал, что, хотя Сенат, Синод, генералитет и некоторые знатнейшие представители «шляхетства» обсуждали вопрос о престолонаследии сразу после смерти императора, Екатерина получила

слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб.: при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. Ч. 1. С. 225.

⁴⁷⁵ На праздник св. великомученицы Екатерины и в то же время день тезоименитства всепресветлейшей покровительницы, императрицы Российской Екатерины Алексеевны. В С.-Петербурге, 24 ноября 1718 года // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 276.

⁴⁷⁶ Fedyukin I., Zitser E. A. For Love and Fatherland: Early Modern Patronage Politics and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry // Cahiers du Monde Russe. 2011. Vol. 52, Janvier-mars. P. 5–44.

российский престол по праву наследования, а не «елекции»: «Понеже прежде уже наследница толь чинно и славно поставлена: чего для, дабы и конгресс тот не елекциею, но декларациею назван был, согласно все приговорили». По словам Феофана, основным аргументом был факт «совершившейся недавно Ея Величества коронации». К тому же «некто вспомянул, с каким намерением Государь супругу свою короновал, то есть, еще прежде похода Персидскаго открыл он мысль свою четырем из Министров, двоим из Синода персонам <...> и говорил, что тая нужда короновать ему супругу (котораго обычая прежде в России не бывало) что аще бы каким случаем его не стало, праздный престол тако без наследника не остался бы»⁴⁷⁷. И далее Феофан еще раз подчеркнул: «бремя государственного правления» Екатерине вручили «Бог и супруг». Легитимация Екатерины, таким образом, опиралась на наследование короны Петра, подтвержденное коронацией. Однако наследование, в свою очередь, было связано с декларированным соответствием царицы критерию личных достоинств и преданности «общему благу», а сами эти достоинства обретали силу в религиозном контексте, отсылающем к образу святой Екатерины.

С 1711 г. при активном участии Феофана формировался публичный образ императрицы Екатерины, соответствующий основным чертам образа святой Екатерины, с многочисленными отсылками к образу жертвенной, любящей и верной «Христовой невесты». Как показал в своих работах американский историк Г. Маркер⁴⁷⁸, образ святой Екатерины был хорошо известен и чтим в России, поскольку эту святую считали покровительницей женщин правящей династии Романовых. Если в барочной манере, сформированной церковным панегириком, Петр I рассматривался как всесильный демиург⁴⁷⁹, то и Екатерина тоже могла отождествляться с уважаемой святой того же имени. И хотя императрица в делах управления полностью полагалась на своих административных и военных советников, сформировавших в 1726 г. Верховный Тайный совет, силу сохраняла религиозная легитимация, основанная на уподоблении Петра – Христу, а императрицы Екатерины – святой Екатерине и собственному мужу одновременно!

⁴⁷⁷ Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийскаго. Сочиненная Феофаном Прокоповичем, архиепископом Новгородским и Св. Синода первенствовавшим членом. СПб.: тип. И. Глазунова, 1831. С. 16–17.

⁴⁷⁸ Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2007. P. 226–228.

⁴⁷⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 447.

Параллельно панегиристы продолжали развивать культ Петра. В 1725 г. появились «Слово на погребение Петра Великого» и «Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого» Феофана (Прокоповича), а также «Слово в день годищного помяновения во блаженной памяти преставившагося, благочестивейшаго государя Петра Великого» Гавриила (Бужинского). Эти проповеди стали важным шагом в складывании культа.

Феофан называл Петра так: «Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямой сый отечества своего отец, которому по его достоинству, добрии российстии сынове бессмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущего вси надеялися»⁴⁸⁰. Петр, согласно Феофану – российский Самсон (армия), Иафет (флот), Моисей (законодатель), Соломон (наука), Давид и Константин (попечитель церкви). Аналогичные сравнения, но куда более пространно, Феофан приводит и в «Слове на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого».

В своей проповеди Гавриил провозглашает, что император... не умер: «Изъявлю же в сем слове моем, что Петр Великий еще и умре, но жив есть, смерть ему не унесла, но принесла живот, не отъят, но дарова жизнь. И сие при толикой скорби нашей да будет нам во утешение и наставление, и якоже Петр Великий чрез все житие житием своим, тако и по смерти смертию своею да будет нам всегдашний наставник и учитель»⁴⁸¹. Дело в том, что есть разные смерти: одна – телесная гибель, а вторая – погубление души. Петр Великий умер первой смертью, но избежал второй.

Смерть не властна над теми, кто «в житии сем временном имеет веру живую, то есть, по Иакову апостолу, добрыми делы украшенную, любовь споспешествуемую, веру от плодов добрых познаваемую; таковой, еще и умирает, живет»⁴⁸². Гавриил вспоминает

⁴⁸⁰ Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, Отца Отечества, проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви святых первоверховных Петра и Павла, Святейшего Правительствующего Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дне // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 126.

⁴⁸¹ Слово в день годищного помяновения во блаженной памяти преставившагося благочестивейшаго государя Петра Великого, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго, при гробе его Величества в соборном первоверховных апостолов Петра и Павла храме. Святейшаго правительствующаго Синода советником, школ и типографий протектора, Троицы Сергиева монастыря архимандритом Гавриилом проповеданное лета 1726, генваря в 28 день // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 581.

⁴⁸² Там же, с. 586.

вопрос, заданный саддукеями Христу, и приходит к выводу: «Не Бог бы то был, кто бы был Бог мертвых, но той есть Бог истинный, кто есть Бог живых; несть Бог Бог мертвых, но Бог живых». А значит, «умре убо и погребен бысть Моисей, но не умре, живет житие блаженное; жива его на горе Фаворстей во славе видеша Петр, Иаков, Иоанн, ученицы господни». Смерть для праведников – лишь сладкий сон. Ведь и во время сна лишь тело спит, душа же не спит никогда. Гавриил цитирует в подтверждение своего тезиса Екклезиаста, Григория Нисского, Иоанна Златоуста.

Таким образом, Петр упокоился телом, но жив душой. Петра вела вера, «егда при великих трудах государственных, всенародных промыслениих, во всех походах воинских всегда твердое упование на Господа своего имел еси, славословия Божия никогдаже оставляя, паче же своим примером всех воздвизая, всех возбуждая, а ленившихся и небрежливых побуждая и принуждая. Явствуется сие от молитв всегдашних тако в воинстве сухопутном, яко и в морских походах». Петр был «истинный подражатель Христа»: он не щадил души в трудах, подвигах, сражениях на суше (Гавриил вспоминает в данной связи историю о пробитой пулей шляпе императора) и на море: «Вся же сия претерпевал за отечество, полагал душу свою за други своя». Жизнь Петра была добродетельной, деяния – великими; Гавриил заключает: «Треблаженна ты исповедаю, Петре Великий; твои дела, яже сотворил еси в житии сем, суть безсмертныя славы достойна и вечна: воинство, флот, возрождение России – сия вслед тебе ходят и вечно ходити будут в мире сем, а дела душевная тамо тебе последствуют, тамо пред лики святых украшают, тамо ты пред престолом Божиим прославляют. Живеши и живет в тебе Христос, живеши и со возлюбившим ты Христом, ему же служил еси; царствуеши, живеши и вечно торжествуеши»⁴⁸³.

Итак, Петр «жив есть, мертв телом, но жив верою, мертв плотию, но жив добродетельми; zde лежит во гробе, а на небеси со Христом царствует». Конечно, Россия горюет, как горевал Иаков, потерявший Иосифа: «Иосифа твоего лишилася еси, Иосифа, умножившаго в тебе вся сия, яже прежде никогдаже имела еси, Иосифа, от тьмы ко свету, от неведения ко искусству, от безчестия ко славе произведшаго!»⁴⁸⁴ Но ее скорбь будет утолена трансфигурацией, риторическим возрождением Петра в Екатерине, которая, кстати, именуется «наследницей» и «подражательницей», но не супругой: «Яко и в небеси со

⁴⁸³ Слово в день годищного поминовения. С. 592.

⁴⁸⁴ Там же, с. 586.

Христом Петр царствует, и в тебе, Россие, царствует Петр в Екатерине. Жив дух Петров в наследнице: не плачи убо, Россие! не плачи, богохранимая фамилие Орла Российскаго, в единой персоне благочестивейшия государыни нашае обе имущая!»⁴⁸⁵

А потому мы не можем согласиться с Ю.В. Стенником, утверждающим: «Главная идея проповеди – утверждение бессмертия деяний Петра I. <...> Он (Гавриил Бужинский. – К.Б.) начинает с рассуждения о смерти, устанавливая два рода этого феномена: смерть тела и смерть души. К Петру приложимо только первое: смерти своей души, воплощенной в его деяниях, он избежал»⁴⁸⁶.

Мы полагаем, однако, что главной идеей проповеди следует считать утверждение бессмертия *самого* Петра, но не его деяний, которые выступают лишь мерилем праведности земной жизни великого монарха. Та концепция, о которой пишет Стенник, означала бы республиканскую по своей сути концепцию памяти как мотиватора гражданской добродетели (исследователь республиканизма В. Л. Каплун называет ее мотивом *non omnis moriar*, «не весь умру»⁴⁸⁷).

Такая концепция предполагала наличие равных сограждан, соревнующихся между собой в гражданской добродетели и мотивируемых взаимным признанием. Однако в случае с Петром ключевое значение имеет – и Гавриил неоднократно это подчеркивает в своем тексте – не признание его заслуг кем бы то ни было; *никто не равен* Петру, и в должной мере признать его заслуги может лишь Бог.

«Бессмертие» Петра в тексте Гавриила – результат не признательности сограждан (что вело бы к цicerоновской концепции памяти), но Божьей благодати и христоподобия императора⁴⁸⁸. «Служба» в данном случае – не гражданская служба, а религиозный подвиг и одновременно грандиозный акт демиурга. Петр предстает святым, и одновременно – демиургом.

⁴⁸⁵ Слово в день годищного поминовения. С. 596.

⁴⁸⁶ Стенник Ю. В. Петр I в русской литературе XVIII века. С. 13.

⁴⁸⁷ Каплун В. Л. «Жить Горацием или умереть Катоном»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. 2007. № 5. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16-pr.html>

⁴⁸⁸ Это, конечно, не исключает памяти о великих делах – например, в анонимном стихотворении 1725 г. о Петре плачут последовательно Санкт-Петербург, российский флот и «Кронштате предивны» – скончался их «архитектон», «правитель», «адмирал», которого уже не увидеть в порту (Русская силлабическая поэзия XVII – XVIII в.в. Л.: Советский писатель, 1970. С. 355):

Он бо дел героичных память нам оставил,
Чад своих, яко отец, на путь прав наставил.
Порт возыме в небе благи, безконечны,
По труде нам полезных прииде в покой вечны.

Итак, петровский «культ» продолжил существовать, а рядом с ним формировались аналогичные, но меньшие по масштабу «культи» наследников. Рядом с христоподобным, божественным демиургом Петром располагалась теперь Екатерина, сочетавшая одновременно женственность святой Екатерины, любящей невесты, и мужественность, соответствующую мужественности своего супруга.

А после того, как в 1727 г. Екатерину I сменил Петр II, начал формироваться и его «культ», хотя юный император ничем еще не успел себя проявить. Так, торжественное «вшествие» Петра II в Новгород в январе 1728 г. сопровождалось церемонией – были выстроены врата, украшенные «архитектурным строением и живописными картинами». Картины эти подчеркивали божественный характер власти Петра II: «Государь колена преклоня стоит, за ним Россия просит, вознося главу свою горе, и с небеси рука корону произносит с надписанием: *даждь державу твою отроку твоему*»⁴⁸⁹. Одна из картин уподобляла Петра I Давиду, а Петра II – Соломону. Четыре статуи на воротах изображали Правду, Кротость, Мудрость и Благочестие. К Петру II были обращены два стиха (на латинском и на русском языках), прославлявшие, в том числе, его подобие великому деду⁴⁹⁰:

Аще восхошеши Петру подражати великому,
Изобрази его в оставльшихся по нем правилах,
И Первому последуй Второй,
Да и Второй востанеши Великий!

Демонстрацией же развития «культа» нового императора стала пьеса преподавателя Славяно-греко-латинской академии Исаакия Хмарного «Образ победоносия» (1728). В прологе пьесы автор описывает – под явным влиянием Феофана⁴⁹¹ – благодеяния Петра, совершенные ради России: «О Россия и твоя чада! благополучна еси, иже такового имеши, помогающего ти во всех твоих нуждах, щедрого Бога; сама помысли, кто бысть и кто ныне, како вознесенна, прославленна, и всюду, аки на театре, разглашенна». Увы, Петр, деяния которого «не без труда Курцию Квинту или во слаткоречии Цицерону изобразити», умер; но «всемилосерды в щедротах Бог не до конца уповающих на него оставляет: не остави

⁴⁸⁹ Пришествие в Новград Его Императорского Величества Государя Императора Петра Второго 1728, генваря 11 дня // Древняя Российская вивлиофика. Ч. IX. М.: Тип. Компании типографической, 1789. С. 488.

⁴⁹⁰ Там же, с. 493.

⁴⁹¹ Елеонская А. С. Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Сборник 9. Л.: Наука, 1974. С. 261.

сетующею и рыдающею горко Россию, возьм Петра, но остави Екатерину, возьм супруга, но остави жену в женской ипостаси, но в делах мужественных, поистенне многих превосходящих мужей остави: глаголю истенное зеркало дел Петровых, Екатерину не неравную в благочестии, вере, любви и надежды, в совете, в разуме, в мудрости, и мужестве ею не точию едина Россия, но и весь честны на земном циркуле сей мир засвидетельствовати кроме всякаго похлебства может»⁴⁹². Итак, Екатерина – это подобие Петра и, в определенном смысле, второй Петр; она наделена всеми достоинствами и качествами «мужа». А после смерти императрицы Провидение «не даде и в таковых жестоких сетования волнах кораблю русскому погрузитися напрасно <...> аще и отъя Петра Перваго, но даде Второго, возьм единаго к торжествующей на небо церкви, другаго же приставлю на земли». Как видим, Исаакий Хмарный довольно-таки точно следует барочному канону.

Езекия – протагонист 1-го действия пьесы – возведен на трон Богом. С этого, собственно, и начинается первое явление, где «Езекия царь на престол возходит, благодаря Бога, яко благоволи его избрати на царство, со присутствующими ему сенаторы». Благодарит он Бога в таких словах:

Царь царей царствующих, скипетры вручаешь,
Славою и честию весь свет украшаешь <...>
Иже кого восхочешь, того ударяешь,
Короною и венцем главы увенчаешь⁴⁹³.

А. С. Елеонская полагает, что в «Образе победоносия» нашли отражения политические реалии – концентрация государственной власти в руках могущественных кланов Долгоруких и Голицыных: «Не только бог “удостоил” его “сести на царском престоле”, – Езекия “посажден” на трон своими сенаторами, и Исаакий Хмарный достаточно тонко показывает эту зависимость монарха от своих подчиненных: несмотря на громкозвучные оды, которые ему слагаются, царь своим “военачальникам” не отдает приказы, а “молит” их»⁴⁹⁴. Такое мнение А. С. Елеонской основано на одной реплике, которую произносит 2-й сенатор из пяти:

⁴⁹² Драма о Езекии, царе Израильском // Перетц В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. М.: Изд. Императорской Академии наук, 1903. С. 397.

⁴⁹³ Там же, с. 406.

⁴⁹⁴ Елеонская А. С. Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Сборник 9. Л.: Наука, 1974. С. 264.

Радуйся ныне, царю, славою почтенны,
На престоле же царском из всех посаженны.

Но нам представляется, что отсюда вовсе не следует, будто «посажен» Езекия на престоле по воле сенаторов! Более того, остальные сенаторы характеризуют власть Езекии таким образом:

Поздравляем тя, царя, Богом вознесенна,
На сей по достоинству престол возведенна.

Это – слова 1-го сенатора. В свою очередь, 3-й сенатор упоминает «скипетр от Бога данный», 4-й сенатор сравнивает Езекию с солнцем, «сияющим славно». Наконец, 5-й сенатор говорит:

Егда видим на троне царя посаженна,
Честию великою от Бога почтенна.

Всего сенаторов двенадцать (по числу апостолов?), и каждый из них либо упоминает божественное происхождение Езекии, либо сравнивает его с сияющим солнцем.

А во втором действии пьесы наступает время барочных аналогий. Россия благодарит Бога за то, что «ей даде Бог втораго Езекию, прекрепкаго в брани, Императора Петра Великаго, отца отечествия, и Императрицу Екатерину, прелюбезную мать», а также горюет:

Увы мне, печаль ныне, увы, превелика!
Откуда приключися жестока толика?
Петр Велики, император, от меня отъяся,
Ах, бедная Россия сирота осталася.

Петр I, кроме прочего, характеризуется как «верно мерило правды», «дел славных, героичных изкусны рачитель», «правое и твердое кормило»; беспрерывно повторяются и солярные метафоры. Горюющую Россию утешают «добродетели», Любовь, Правда, Надежда, а также апостолы Петр и Андрей, предрекающие явление нового Петра. Исаакий Хмарный – точно так же, как и Гавриил (Бужинский) – говорит о бессмертии Петра, о новом

воплощении, а не о подобии через деяния. Действие «Образа победоносия» завершается прославлением Петра II:

Торжествуйте со мною, россиска чада,
 Все купно сошедшеся от стара и млада.
 Восприяхом отчеству торжества полезна,
 Петра ныне Второго, отца прелюбезна,
 Самодержца россиска, в мужестве велика,
 Императора силна, храбра и толика.
 Прияхом россиское солнце нам второе,
 В порфире возсиявшей жизни предрагое.

Текст Исаакия Хмарного показывает, как могла бы развиваться глорификация Петра II. В целом она похожа на позднейшее прославление наследника Петра Федоровича (Петра III), однако важно, что Хмарный нигде не называет Петра II внуком Петра Великого – в отличие от панегиристов елизаветинской эры, которые, как будет показано ниже, беспрерывно эксплуатировали мотив родства, беспрерывно твердя о «дщери» и «внуке» (влияние этой модели легитимации было столь сильным, что впоследствии ее использовали даже для Екатерины II, никакого родственного отношения к Петру Великому не имевшей). Была ли причиной этому потребность сохранить в тексте прославление Екатерины I, которая приходилась новому императору мачехой, или желание обойти молчанием тяжелый сюжет о судьбе царевича Алексея Петровича – сказать невозможно.

Как бы то ни было, с уверенностью можно утверждать, что «культ» Петра II строился бы по лекалам «культа» его деда⁴⁹⁵. Второму Петру и очередному Езекии (Хмарный в своем панегирике сбился со счета, называя «вторым Езекией» то Петра Великого, то Петра II – последний в таком случае оказывается уже третьим!) было уготовано стать также очередным Соломоном, Нумой, Ромулом, «мерилом», «кормилом» и, конечно же, «праведным солнцем». Увы, юный «автократор» скончался в 1730 г., в возрасте 14 лет, спустя 2 года после написания Исаакием Хмарным «Образа победоносия».

К этому моменту, впрочем, основные риторические стратегии политического языка провиденциального монархизма уже сложились, позволяя придворным ораторам с

⁴⁹⁵ См.: Болтунова Е. М. «От тебя, с тобою и к славе твоей»: Петр II как Петр I // Российская история. 2016. № 2. С. 76–91.

уверенностью описывать «культ» государя – даже если он, подобно Петру II, ничем себя и не успел проявить. Используя большое количество пышных эпитетов и метафор, такой язык не только утверждал божественное происхождение власти, но и позволял подданным с восторгом превозносить экстраординарные качества самого ее носителя – императора или императрицы, презентуя коронованную особу как святого, героя и почти Бога.

2.2. Кризис 1730 г. и провиденциальный монархизм

Со смертью Петра II мужская линия Романовых пресеклась; российская элита столкнулась со сложным вызовом. События 1730 г., многократно оказывавшиеся в фокусе внимания исследователей, часто считаются первым республиканским эпизодом российской истории⁴⁹⁶. Однако, как мы постараемся показать ниже, подобная интерпретация не является корректной: в условиях политического кризиса 1730 г. российские элиты в основном по-прежнему оперировали концептами и понятиями провиденциального глоссария

⁴⁹⁶ Ряд исследователей характеризуют «кондиции» 1730 г. одновременно как конституционный опыт и как олигархическую попытку членов Верховного Тайного совета сосредоточить власть в своих руках (Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725 – 1740. СПб.: Лениздат, 1994. С. 191–192; Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. Социология. Этнология. 1996. № 1. С. 161; Пронкин С. В. Политические намерения Верховного Тайного совета в 1730 г. // Вестник Московского государственного университета. Серия 21: Управление (Государство и общество). 2011. № 3. С. 89–105; Белова Т. А. Политическое движение 1730 г. и Верховный Тайный совет // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 12–15). А. Б. Плотников, признавая конституционный характер документов «верховников», обоснованно указывает на то, что действия Верховного Тайного совета были продиктованы в первую очередь административной логикой (Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Российская история. 2008. № 6. С. 117–130). А вот Г. В. Протасов, говоря об идеях «верховников», характеризует их цитатой из испанского посла в России, герцога де Лириа – «республиканский энтузиазм» (Протасов Г. В. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы, Вып. 1. Тамбов: Тамбовский гос. пед. ин-т., 1970. С. 103). В свою очередь, Седов настаивает на том, что кризис 1730 г. был шансом для создания в России принципиально новой политической системы, основанной на шведских образцах (Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–80). Наконец, С. В. Польской указывает на связь между идеями «верховников» и концепциями республиканизма, либерализма и естественного права (С. В. Польской. Политические идеи Д. Локка в России в 1-й половине XVIII в. // Философский век, № 19. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. С. 116–118), одновременно признавая существование «республиканской партии» помимо Верховного Тайного совета, состоявшей из «среднего дворянства», равно опасавшегося и «фамильных», и основной массы «шляхетства» (Польской С. В. Внутрисословная стратификация дворянства и «конституционное» движение 1730 г. // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 82. С. 59–64). Наиболее же радикально интерпретировал «кондиции» К. А. Писаренко, полагающий, что В. Л. Долгорукий стремился к установлению «демократической республики» (Писаренко К. А. Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2009. С. 94–119).

политической речи, используя риторику барочного монархизма, которую мы постарались обрисовать выше.

Манифест Верховного Тайного совета от 4 февраля 1730 г. констатировал пресечение мужской линии Романовых со смертью Петра II от оспы и указывал, что «того ради общим желанием и согласиём всего Российскаго народа» на престол избрана тетка покойного императора, Анна Иоанновна. Однако в знаменитых *кондициях*, составленных верховниками и предложенных Анне на подпись, воцарение обосновывалось в несколько иных категориях – «по воле всемогущего Бога и по общему желанию российского народа»⁴⁹⁷.

Последовавшие за этим события – подписание Анной кондиций, конфликт с Верховным Тайным советом и итоговый крах «затейки» верховников – не повлияли на обоснование легитимности новой императрицы, которое по-прежнему определялось через избрание по общей воле. Императорский манифест от 28 февраля 1730 г. подтвердил избрание, однако добавлял, что «понеже потом верные ж Наши подданные, все единогласно Нас просили, дабы Мы Самодержавство в Нашей Российской Империи, как издревле прародители Наши, воспрять изволили». Включенная в манифест новая форма присяги включала титулование Анны Иоанновны «самодержицей» – титул, который Верховный Тайный совет исключил как из первого манифеста, так и из формы присяги. Итак, Анна – в отличие от Екатерины I – не наследовала трон, но была избрана на престол «общим желанием и согласиём» народа. На этом основании ряд исследователей выдвигает тезис о конституционном характере устремлений Верховного Тайного совета, попытавшегося изменить форму правления в России⁴⁹⁸.

Как позднее показывал на следствии князь В. Л. Долгорукий, князь Д. М. Голицын говорил членам Верховного Тайного совета о том, что нужно «себе полехчить» и «воли себе прибавить». О том же, по словам Долгорукого, говорил Голицыну и П. И. Ягужинский: «Батюшки мои, прибавтя нам, как можно, воли!»⁴⁹⁹ Более определенно высказывался о

⁴⁹⁷ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, 2010. С. 137.

⁴⁹⁸ Янов А. Л. Драма смутного времени (Дело 1730 года) // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 159–177; Гордин Я. А. Меж рабством и свободой, 19 января – 25 февраля 1730 г. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2004; Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–80; Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV – XIX вв.) Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 188–189; Польской С. В. Политические идеи Д. Локка в России в 1-й половине XVIII в. // Философский век, № 19. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. С. 116–118.

⁴⁹⁹ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года. С. 184.

планах верховников Ю. И. Кологривов, который показывал на следствии о своем разговоре с Э. И. Мусиным-Пушкиным: «Оной Епафродит упоминал, что самодержавию не рады знатные, а имянно, Голицыны, Долгоруковы, також и Михайла Матюшкин не очень то любит: он де италианец и мы де с фамилиею своею републику любим. <...> Помянутой же Епафродит до пришествия ея императорского величества в Москву говорил с ним, Кологривовым, не худо б де, чтоб Верховный совет был, приводя все, дабы была република. И говорил, хорошо б де, кабы баланс у нас был, а болше того ничего не говорили»⁵⁰⁰. Казанский губернатор А. П. Волынский в письме своему кузену, бригадиру И. М. Волынскому, тоже утверждал, что Верховный Тайный совет вводит республиканскую форму правления – правда, Волынского, в отличие от Мусина-Пушкина, подобная перспектива не радовала⁵⁰¹.

Впрочем, во время событий 1730 г. проблема политической свободы – будь то освобождение, восстановление утраченной свободы, или ее новое установление – так и не вышла на первый план; ни в документах Верховного Тайного совета, ни в многочисленных проектах, поданных представителями дворянства, речь о политической свободе (нации, народа, дворянства) не шла, по крайней мере, напрямую. Власть императрицы ограничивалась «кондициями», поскольку «целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит»⁵⁰² – могла ли такая сухая и скудная формулировка убедительно поддержать те кардинальные перемены во властной структуре России, которые замышлялись верховниками?

В этой связи принципиально важны особенности политического лексикона актов Верховного тайного совета в 1730 г., на которые обращает внимание А. Б. Плотников. Утвердив 18 февраля 1730 г. текст новой присяги, верховники убрали из текста характеристику Анны Иоанновны как «самодержицы»: «В основу общегосударственных присяг Екатерине I и Петру II был положен текст введенной Петром I “типовой” чиновничьей присяги, включенной в Генеральный регламент 1720 г. Приносилась она исключительно самодержцу. В присяге же 1730 г. термин “самодержавие в какой бы то ни было форме отсутствовал, Анна Иоанновна именовалась лишь “великой государыней императрицей”, а присягающий обещал быть “верным, добрым рабом и подданным” не

⁵⁰⁰ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года. С. 199–200.

⁵⁰¹ Там же, с. 80.

⁵⁰² Там же, с. 119.

только ей, но и “государству”»⁵⁰³. Непосредственным источником для верховников, по мнению Плотникова, послужила «Форма присяги, по которой присягали на верность службы Кабинет-Министры и Сенаторы», утвержденная Верховным Тайным советом в феврале 1726 г. В этом тексте речь шла о «верности Государыне Всемилодивейшей Императрице и всему государству», а понятие «самодержавие» отсутствовало. В свою очередь, текст сенаторской присяги 1726 г. основывался на старой сенаторской присяге 1711 г., в которой термин «самодержавие» еще не употреблялся⁵⁰⁴.

Эта стратегия использования понятия «самодержавие», интересная сама по себе, обретает свое значение в контексте влияния на деятельность Верховного Тайного совета политической практики шведской «Эры свобод», на которое вслед за шведским историком начала XX в. Х. Йерне⁵⁰⁵ обращают внимание С. А. Седов⁵⁰⁶ и С. В. Польской⁵⁰⁷. Возможно, отказ верховников от использования слова «самодержавие» мог означать, что Верховный Тайный совет на концептуальном уровне копировал действия шведских коллективных органов власти. В шведских «Актах о форме правления» («*Regerungsform*») 1719 – 1720 гг.⁵⁰⁸ абсолютистское правление Карла XII характеризовалось как «неограниченное королевское единовластие (*oinskränkte konungslige enväldet*) или так называемый суверенитет»⁵⁰⁹. После ликвидации этого «королевского единовластия» риксдаг «избегал называть себя суверенным: предпочтительным выражением было “*makttagande och lagbundna*” – “полномочный в пределах закона”»⁵¹⁰. Да и документы, сохранившие впечатления современников, показывают: «кондиции» воспринимались как упразднение

⁵⁰³ Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 126.

⁵⁰⁴ Там же, с. 127.

⁵⁰⁵ Hjarne H. Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder // Historisk Tidskrift. Fjerde Argangen. Stockholm: P. A. Norstedt & Soner, 1884. P. 189–282.

⁵⁰⁶ Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 52–53.

⁵⁰⁷ Польской С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 году // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX веках. Самара: Парус, 2001. С. 174–178.

⁵⁰⁸ Укажем вслед за С. В. Польским на тот факт, что основополагающие конституционные акты Швеции были вполне доступны представителям российской элиты, имевшим доступ к правительственным архивам. Действительно: как отмечает Г. А. Некрасов, в отечественном Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится подборка шведских документов, которые присылали российские дипломаты в Стокгольме первой половины XVIII в.: «Тут имеются “форма правления” Фредрика I 1720 г., шведские правительственные указы 1721–1723 гг. и документы сессии риксдага 1723 г., инструкция военной коллегии 1723 г. и другие» (Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 334).

⁵⁰⁹ Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. Режим доступа: <http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833> (дата обращения: 03.03.2010); Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Riksens Ständers fastställda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. Stockholm: SNS, 2005. Режим доступа: <http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834> (дата обращения: 03.03.2010).

⁵¹⁰ Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719–1772. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P.67.

«самодержавия», которое, впрочем, Анна Иоанновна вскоре «всемилоостивейшее приняла», собственноручно «исотрав» пункты и уничтожив Верховный Тайный совет.

Но даже если отказ от использования концепта «самодержавие» и означал копирование соответствующих стратегий шведского риксдага, все же верховники игнорировали ключевую для шведского опыта антитезу «неограниченного королевского единовластия» и «свободы сословий» при «добром управлении» представляющего их риксдага. И как бы мы ни характеризовали ту структуру, которую приобрела система власти в Российской империи на короткий промежуток времени зимой 1730 г., мы не можем назвать ее идеологические основания республиканскими. И. В. Курукин и А. Б. Плотников отмечают: «Ни верховники, ни их оппоненты не поднимались до принципиальной постановки вопроса о происхождении власти монарха и ее пределах: первые этого не желали намеренно; вторые, скорее всего, в массе не были к этому готовы»⁵¹¹. Возможно, контуры «несамодержавной» России, промелькнувшие зимой 1730 г., могли до некоторой степени имитировать элементы европейских республиканских систем, но в целом это было уникальное явление, которое – на наш взгляд – заслуживает скорее тщательного анализа специфики, чем объяснения с помощью европейских аналогий.

Так, подписанные Анной кондиции *не являлись* частью договора, устанавливавшего избрание. Манифест о восшествии Анны на трон, как и предварительное письмо, направленное «верховниками» Анне в Митаву, вообще не содержат элементов теории общественного договора. Договорный характер носили только кондиции, последний пункт которых недвусмысленно указывал на *обратимый* характер избрания Анны в случае нарушения условий: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской»⁵¹².

Тексты Верховного Тайного совета противоречили сами себе. В разработанных верховниками «пунктах присяги» говорилось, что императрица избрана «общим желанием» народа и что она утвердила *кондиции* для того, чтобы еще лучше управлять народом ради его же блага. Это помещало *кондиции* в длинный ряд блистательных достижений монарха-демиурга, трудящегося ради блага своих подданных – в случае Петра Великого в этом ряду находились созданные им Сенат, коллегии, армия, флот, новая столица Санкт-Петербург, фабрики и многое другое – но не придавало им договорного характера и не превращало

⁵¹¹ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года. С. 85–86.

⁵¹² Там же, с. 120.

Верховный Тайный совет из учреждения, созданного монаршей волей, в носителя автономной легитимности.

Но в резком противоречии с этим утверждением находится последний пункт кондиций, который недвусмысленно указывает на договорные отношения, нарушение которых приведет к потере императрицей короны. Кто же является второй стороной договора? Кто правомочен установить факт нарушения условий и низложить монарха? Кто и каким образом будет в таком случае избирать нового государя? Идентифицировать источник этой формулировки сложно: ее точные аналоги в европейской практике XVII – XVIII вв. нам неизвестны. Право подданных лишить монарха трона было определено в кондициях с легкостью, напоминающей о легендарной клятве арагонцев, служившей источником вдохновения для европейских монархов XVI в.: «Мы, столь же достойные, как ты, клянемся тебе, который не лучше нас, принять тебя как нашего короля и суверена, если ты будешь соблюдать наши права и свободы, но если нет, то нет»⁵¹³.

Однако в двух соседних с Россией государствах, где власть монарха была жестко ограничена правовыми актами и которые могли квалифицироваться как республики – в Швеции «эры Свобод» и в Речи Посполитой – аналоги такой формулировки отсутствовали. Шведская конституция, напротив, *заставляла* монарха исполнять принимаемые комиссиями риксдага решения – вплоть до того, что в середине XVIII в. было создано факсимиле подписи короля⁵¹⁴. Кондиции же, открывавшиеся ссылкой на Божью волю в избрании монарха, завершались фразой о «лишении короны». Такая формулировка не имела прецедентов в российской истории и шла вразрез с существовавшей практикой сопредельных государств, где власть монарха была действительно ограничена представительными ассамблеями.

В тексте *кондиций* упомянуты следующие акторы: Бог, народ, монарх и Верховный Тайный совет, который монарх наделял множеством привилегий и полномочий. Из этих акторов второй стороной властного договора с монархом мог быть только Верховный Тайный совет; если это так, то кого и каким образом он представляет и откуда черпает свою легитимность? Эти вопросы не были прояснены ни в *кондициях*, ни в манифесте о восшествии Анны на престол.

⁵¹³ Каталанский оригинал: «Nós, que valem tant com vós per separat, i junts més que vós, us investim sobirà i us jurem lleialtat per tal que ens protegiu, defenseu i treballeu pel nostre progrés, i si no, no». См.: Giese R. If Not, Not. The Oathe of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe. Princeton: Princeton University Press, 1968. P. 3–7.

⁵¹⁴ Andersson I. A History of Sweden. New York; Washington: Praeger Publishers, 1975. P. 268.

Конечно, верховники на практике стремились ограничить власть самодержицы «кондициями», сосредоточив реальное управление государством в руках Верховного Тайного совета; согласно «кондициям», отношения между императрицей и Верховным Тайным советом оказались игрой с нулевой суммой, и в этом смысле кризис 1730 г. явился суровым вызовом для российской монархии. Память об этом кризисе была острой еще в 1762 г., когда Н. И. Панин в проекте манифеста об учреждении Императорского совета сетовал на то, что «при возведении на престол покойной императрицы Анны Иоанновны и самая самодержавная власть, никогда не разделяемая от... императорской короны, уже потрясена была»⁵¹⁵. Безусловно, различные проекты рассматривали вопросы о формировании выборных органов власти (путем «балатирования», «балантирования», «балтирования»...), своеобразном «балансе», фундаментальных законах, четком порядке продвижения по службе и даже о том, что «не персоны управляют закон, но закон управляет персонами» («пункты присяги», составленные Верховным Тайным советом 4 февраля 1730 г.)⁵¹⁶. С. В. Польской усматривает в этой формулировке влияние идей Дж. Локка об общественном договоре⁵¹⁷, однако по нашему мнению новаторского содержания в ней нет, так как она в полной мере сочетается с абсолютистской традицией. Скорее всего, эта формулировка была обращена против фаворитов и «ласкателей». К тому же она по существу продолжает знаменитую петровскую формулировку указа «О хранении прав гражданских» (1722): «Всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти»⁵¹⁸.

Однако, по нашему мнению, верховники интерпретировали договорную теорию чрезвычайно своеобразно и совсем не попытались ее развить. Последний пункт «кондиций», содержащий обязательство договорного характера, предельно лаконичен и не позволяет даже с учетом известных сегодня бумаг Верховного Тайного совета убедительно интерпретировать его характер и источник. Иными словами, верховники вообще не

⁵¹⁵ Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорского Совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // Бугров К. Д. Монархия и реформы. Екатеринбург: БКИ, 2015. С. 237.

⁵¹⁶ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года. С. 205.

⁵¹⁷ С. В. Польской. Политические идеи Д. Локка в России в 1-й половине XVIII в. // Философский век, № 19. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001.

⁵¹⁸ О хранении прав гражданских, о невершении дел против Регламентов, о невыписывании в доклад что уже напечатано и о имении сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. VI. 1720 – 1722. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 3970. С. 656.

попытались решить проблему собственной легитимности⁵¹⁹. Поэтому кондиции невозможно рассматривать как момент рождения российской контрактальной традиции, ведь они носили характер *пожалования*, а не *договора*. А значит, при обосновании воцарения Анны использовался тот же провиденциальный политический язык, который мы рассмотрели выше.

Последовавшие события подтверждают такое заключение: в конечном счете императрица аннулировала «кондиции», надорвав свою подпись. Однако императорский манифест, изданный 20 февраля 1730 г., не аннулировал предшествующие акты, подтвердив «избрание» по воле Бога и «общее желание» народа, добавив, что «верные ж наши подданные, как духовные, так и светские, все единогласно, нас просили, дабы мы самодержавство в нашей Российской империи, как издревле прародители наши имели, воспрять изволили»⁵²⁰. Аннулирование кондиций совершилось при помощи той же ссылки на единогласную просьбу подданных, которая использовалась при их составлении. Как и прежде, под «гласом народа» понимался «глас Божий», и это давало Анне основание нарушить милостиво данное ранее императорское обещание. Фиктивное «избрание» не предполагало, таким образом, никакого ограничения власти императрицы – напротив, ограничение было следствием *обещания*. Ссылки на «единогласное» желание народа позволяли обосновать как ограничительные «кондиции», так и их аннулирование. Ход кризиса можно интерпретировать так, что Анна вначале милостиво изволила пожаловать «кондиции», а потом – ради общего блага и по общему желанию! – аннулировала их. Договор на поверку оказался пожалованием. Следует согласиться с германским историком К. Шарфом, который пишет о так называемом «принципе выборности» в российской монархии XVIII в.: «Идеологическая формула консенсуса в каждом конкретном случае имела различные политические наполнения. Так называемый “выборный принцип” представляется недоразумением прежде всего потому, что характеризует “выборную монархию” в качестве идеальной формы правления, которая в России... принципиально

⁵¹⁹ Современный исследователь истории права А. С. Жиленко высказывается более резко: «Предъявляя “кондиции”, члены Верховного Тайного совета не имели никакой идейной основы, их не волновало положение иных сословий в обществе, не было речи и о выборном начале властных структур (это последнее замечание, впрочем, не вполне точное. – К. Б.). Они хотели больше полномочий именно для себя, намереваясь посредством “кондиций” оставаться де-факто управителями России» (Жиленко А. С. Верховный Тайный совет в системе властеотношений Российской Империи (1726–1730 гг.): историко-правовое исследование. Дисс... кандидата юридических наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2016. С. 10).

⁵²⁰ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года. С. 147.

отклонялась и не имела сторонников, уж тем более среди тех, кто владел тронном или претендовал на него»⁵²¹.

Об этом и говорили составители прошения о восстановлении самодержавия, поданного Анне Иоанновне 25 февраля 1730 г.: «Когда ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лутчаго утверждения и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойных себе признаем за так превосходную вашего императорского величества милость. Однако ж усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас, по возможности нашей, не показаться неблагодарными, для того, в знак нашего благодарства, всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвалныя предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанные вашего величества рукою уничтожить»⁵²².

Об этом говорит и анализ проектов, созданных в среде дворян, которые съехались в Москву на ожидавшееся торжество по случаю брака Петра II и Е. А. Долгорукой. Составители дворянских проектов уделили максимум внимания разным подходам к «балантированию» кандидатов на высшие государственные посты – именно об этом говорят сохранившиеся проекты. Предположительно, «балантирование» позволило бы лучше обеспечить «общее благо» благодаря большему представительству фамильных и шляхетства, но даже и расширенный состав властных органов – 21 человек, как предлагалось в «проекте двадцати пяти» и «проекте 364-х»⁵²³ – был, по существу, весьма ограниченным. Что еще важнее, ни один из проектов не предполагал существования представительного органа: формируемые на основании «балантирования» в узкой группе социальной элиты, коллегиальные органы должны были помогать императрице управлять империей, а «сочинение» законов при необходимости осуществлялось бы путем формирования Уложенных комиссий или их аналогов под другими именами.

Это доказывает, что «избрание» царицы вовсе не было связано в представлениях членов российских элит того времени с ограничением власти. Интересно, что и критики «затейки» верховников – например, Феофан или В. Н. Татищев – не подвергали критике

⁵²¹ Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 39.

⁵²² Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года. С. 142.

⁵²³ Там же, с. 209, 218.

саму формулу избрания⁵²⁴. Предметом их критики был ограничительный акт (который можно было интерпретировать как вырванное силой пожалование) и создавший его Верховный Тайный совет. Критике подвергся факт неправомерного присвоения властных полномочий «верховниками», но не концептуальное основание, на котором Анна заняла трон. Кризис 1730 г. позволил идентифицировать притязания «фамильных» с аристократической формой правления и переосмыслить российскую историю заново (мы детально анализируем этот процесс ниже). Избрание Анны оставалось легитимным именно потому, что «общая воля» подданных была фиктивным, а не процедурным волеизъявлением.

Правда, В. Н. Татищев в «Произвольном и согласном разсуждении и мнении собравшегося шляхетства руского о правлении государственном (1730 – 1750⁵²⁵) критиковал сам порядок избрания Анны, заявив, что Верховный Тайный совет преступил «закон естественный» (требующий согласия «всех подданных») и обвинив верховников в стремлении узурпировать верховную власть, как это сделали с императорской властью германские курфюрсты. Правда, Татищев добавлял: «Токмо сие избрание оставляется в молчании для того, что весь народ персоною ея величества доволен и никто не спорит. Токмо сие должно протестовать для порядка и сочинить на такой нечаянной случай закон, чтоб от такого беспорядка не воспоследовало то же, как коварным избранием Василия Шуйского все государство в смятение и крайнее разорение приведено было»⁵²⁶.

Но это мнение Татищева не стало общепринятым. Фикция всенародного избрания сохраняла свою силу. А. Б. Плотников полагает, что «идейно-концептуальная основа манифеста 28 февраля была крайне неудобной для Анны Иоанновны, ставшей самодержавной правительницей, но иные обоснования ее восшествия на престол в то время

⁵²⁴ К сходному выводу приходит А. Б. Плотников: «У Анны Иоанновны не было иного выбора, кроме как согласиться на соблюдение правовой преемственности по отношению к “кондициям” и признать договорную форму своего воцарения. “Восприятие” ею “самодержавства” трактовалось в манифесте исключительно как следствие “единогласного” и “всенижайшего” прошения ее подданных. Соответственно, все действия Верховного Тайного совета в 1730 г. молчаливо признавались абсолютно законными, после чего публичная правительственная критика мероприятий верховников становилась раз и навсегда невозможной. Не выходя за рамки концепции Ф. Прокоповича, “не прямая” монархия вновь превратилась в монархию неограниченную» (Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти... С. 127–128).

⁵²⁵ Дата создания «Разсуждения» является предметом споров. Хотя этот текст написан как полемический памфлет 1730 г., критикующий Верховный Тайный совет, большинство специалистов считает, что «Разсуждение» было написано позднее. С. В. Польской характеризует «Разсуждение» как «творческую компиляцию» и считает, что имеющаяся редакция была создана между 1746 и 1750 г., с опорой на более ранние записи и воспоминания Татищева (Польской С. В. «Разсуждение о правлении государственном» В. Н. Татищева и дворянское политическое движение 1730 года // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. № 3. С. 695). Поэтому в датировке мы указали крайние возможные даты.

⁵²⁶ Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 146.

отсутствовали»⁵²⁷. Однако факт избрания не мешал панегиристам прославлять Анну как самодержицу милостью Божьей. Так, в «Разсуждении о безбожии» (1730), говоря о существовании Провидения, которое не хотят признавать атеисты, Феофан вновь говорит о политике: «...Но и от другаго разсуждения показуется промысл Божий, разсудим только человеков либо в особности, либо в обществе, то есть в республиках и церковном собрании, разные случаи и состояния увидим <...> а как чрез таковые способы чудные происходят действия, а особливо в Монарших домах, которых состоянию не только все государство обыкло себе уподоблять, но и в самом церковном теле разные оттуду происходят перемены: то таковые плоды с винмаи их внятно совокупляя, не лзя не признати дивнаго некоего смотра Божияго»⁵²⁸. Например, злодеяния «худых людей», которые, казалось бы, навеки забыты, «самоудобнейше» открываются сами, «чтоб оным злодеям подобающей казни не избежать». Сам мировой порядок свидетельствует о существовании Промысла. Ведь в час опасности, когда «царству или государству настает пагуба», мудрецы этого государства «будто ослепленными делаются, так что советов здравых не могут сыскать, ни сысканных принимать и по оным действовать»⁵²⁹. Значит, нужно усматривать в этом не «фатальные союзы» или «фортуны», но «провиденцию оную чудную Божию». Именно Промысел привел к падению древних царей – Ровоама, Седекию, Дария Кодомана; что и говорить о церковной истории с примерами страшных гонений и преследований! Везде, согласно Феофану, следует усматривать «премудрое Божие правление».

А в «Слове в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны в Санктпетербурге, проповеданного Апреля 28 дня 1732 года» Феофан сравнивал государя с головой, а государство – с телом; лишаясь головы, государство «тягостный некий нашедший на себе мрак видело», однако с воцарением наследника «дух и живот свой, аки бы уже изшедший от себе, ощущает аки бы паки в себе возвращающийся»: «Сие истое сотворил нам премилосердый Бог в прошлом тысяща седьм сот тридесятом году, когда, по отшествии в вечная ПЕТРА втораго, державнейшую Императрицу нашу невидимою десницею своею на престол Российский возвел, венценосцем Христом своим быти Ей повелел, и подал нам непобедимую и внутрь и вне заступницу и мать о чадах

⁵²⁷ Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти... С. 128

⁵²⁸ Феофан Прокопович. Разсуждение о безбожии, сочиненное архиепископом Великаго Новгорода и Великих Лук, Феофаном Прокоповичем. М.: Унив. тип., 1774. С. 17.

⁵²⁹ Там же, с. 18.

веселящуюся»⁵³⁰. Далее – в соответствии с эпитафией «Слова», взятым из Евангелия («Воздадите Кесарева Кесареви: и Божия Богови») – Феофан пространно рассуждает о богоугодности повиновения подданных государям.

Обратимся теперь к параллельно формировавшейся традиции светской придворной поэзии. Как справедливо отмечает современная исследовательница Е. П. Погосян, «1730-е гг. в России – время, когда придворная культура получила тот вид и статус, в которых она существовала затем вплоть до эпохи Великих реформ 1860-х годов»⁵³¹. Создателями жанра придворной оды при аннинском дворе выступали В. К. Тредиаковский, Г. Юнкер⁵³², Я. Штелин и другие поэты и панегиристы; Е. П. Погосян говорит о 21 оде, созданной за десятилетнее царствование Анны Иоанновны⁵³³.

Ярчайшим среди этих авторов был, по-видимому, В. К. Тредиаковский. Ода 1730 г., написанная В. К. Тредиаковским для Анны, включала ссылку на божественное происхождение власти императрицы и прославляла осуществившееся с ее воцарением преобразование России – наставший «золотой век»⁵³⁴:

Все почитает должно Анну,
Самодержицу Богом данну,
Верность имать сердечну.

Торжествуйте вси россияне народы:
У нас идут златые годы.

⁵³⁰ Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны // Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. III. СПб.: При Сухопут. шляхет. кадет. корпусе, 1765. С. 146.

⁵³¹ Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/538434.html>.

⁵³² Юнкер известен меньше, чем Тредиаковский и Штелин. Н. Ю. Алексеева пишет о нем: «Даровитый поэт, вытесненный из своего окружения нуждой и литературной борьбой, оказался в Петербурге совершенно случайно. <...> Сложилась поэтическая судьба Юнкера более счастливо, в 1730-х или 1740-х годах в Лейпциге был бы издан том с гравированным его портретом, стихотворной к нему надписью и объяснением к ней, с обстоятельной его биографией, лестной и чувствительной. В конце XIX – начале XX века какой-нибудь молодой ученый издал бы в Лейпциге или Берлине о нем диссертацию, и его имя знатокам немецкой поэзии говорило бы о том, что Юнкер был в числе восьми или десяти поэтов немецкого классицизма, забытых с приходом в поэзию Ф. Г. Клопштока. Разорвав свой творческий путь отъездом в Россию, Юнкер лишил себя портрета, сборника стихов, обстоятельной биографии, но оказал неоценимую услугу русской поэзии и культуре, став единственным в своем роде провозвестником новой европейской поэзии в России» (Алексеева Н. Ю. Петербургский немецкий поэт Г. В. Фр. Юнкер // XVIII век. Т. 22. СПб.: Наука, 2002. С. 27).

⁵³³ Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/538434.html>

⁵³⁴ Тредиаковский В. К. Песнь сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации Ее Величества государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския, бывшему тамо августа 10-го (по новому стилю) 1730 // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 56.

В стихах, поднесенных Анне Иоанновне при прозаическом панегирике в 1732 г., Тредиаковский декларировал⁵³⁵:

Твое имя в веки пребудет,
 Через неисчетны веков круги,
 Через удаленные народы,
 И чрез всю имать цвести вечность.
 Тебе Бог, венцем земным славну,
 И небесным прославит вечно!
 Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

А в 1734 г. – высказался в следующей манере⁵³⁶:

Тебе, славна императрица,
 Тебе, мать щедролюбива,
 Тя, самодержица правдива,
 Крепкая, и сильная России десница.
 А кто ж лучша могла нам быти?
 Самим Богом ты предъизбранна,
 Самим Богом нам дарованна:
 Тебе мы с любовью должны все служить.

В панегирике выпускника кадетского корпуса (а впоследствии – успешного чиновника) М. Г. Собакина «Благополучное соединение свойств, потребных к правлению великих империй» (1738), написанном нехарактерным для того времени свободным стихом, также воспроизводятся основные клише о монархической власти. Собакин использует фигуру воплощения – Анна тоже оказывается новым Петром Великим⁵³⁷:

⁵³⁵ Тредиаковский В. К. Стихи всемилостивейшей государыне императрице самодержице Всероссийской Анне Иоанновне по слову похвальном // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 126.

⁵³⁶ Ода приветственная всемилостивейшей государыне императрице самодержице Всероссийской Анне Иоанновне в день отправляющегося торжества то есть 19 генваря для радостного всем нам восшествия ее величества на всероссийский престол. Печатана в Санктпетербурге в Академии наук, генваря 18 дня, 1733 года // Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/538434.html>

⁵³⁷ Собакин М. Благополучное соединение свойств. Вступительное слово М. Амелина // Арион. 2007. № 3. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2007/3/so25.html>

Все будущее изобилие
 Удержала Божия рука до осиротевших времен,
 В которые внук Великого Петра уступил высочайшей в свете Государыне,
 То есть той, которая сердце, воспламененное Петровым духом,
 Блистает равною храбростию, разумом и мудростию,
 И чрез которую север получил свет почтения достойный,
 Свет толь полезный, который токмо от великодушных сердец происходит.
 Малое пространство вдовствующего Курландского престола
 Определенныя к империи главы вместить не могло.

Собакин описывает власть Анны как результат божественного предначертания, и одновременно – как воздаяние за великие качества самой императрицы⁵³⁸:

В тебе, Августейшая Монархиня! соединяются все добродетели,
 Храбрость является во всех твоих движениях,
 Мудрость украшается больше Тобою, нежели собственным своим преимуществом.
 Ты содружна страху Божию, а паче самому Богу.

<...>

Едва токмо восприемлешь ты какое полезное намерение,
 То твои подданные от того уже и получают изобильное благополучие,
 А конец оного венчается чудесным успехом.
 Не надлежит о том вопрошать, откуда происходит сие благополучие?
 Кто приятен Богу, тому нещастие не прикоснется.
 Он не может отступить от пути ведущего к благополучию:
 Так и сие чудо не по случаю, но от самого Бога происходит.
 Чего ради восхвалите все совокупно с нами Божие смотрение,
 Которое с нынешним днем дарует нам и радостное воспоминовение
 Благополучного восшествия на престол Анны Великия.

К концу 30-х гг. XVIII в. в производство панегириков включились и такие авторы, как М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков. Правда, Сумароков, выпускник – подобно Собакину –

⁵³⁸ Собакин М. Благополучное соединение свойств.

кадетского корпуса, не нашел в «поздравительной оде» 1740 г. для Анны иных имен, кроме «великой» и «матери» (последнее определение повторяется едва ли не в каждой строфе оды)⁵³⁹. Зато Ломоносов, учившийся тогда во Фрайберге, написал «Оду на взятие Хотина» (1739), где в последних строфах характеризовал Анну так⁵⁴⁰:

Любовь России, страх врагов,
Страны полнотой героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот.

Можно было бы предполагать, что авторы аннинской эпохи, будучи (поневоле или искренне) сторонниками абсолютизма, совершали фальсификацию, переписывая историю 1730 года и выбрасывая из нее историю о призвании императрицы. Однако и в последующей традиции Анна воспринималась абсолютной монархиней, характер правления которой не менялся от того факта, что она была призвана на престол, а не унаследовала его⁵⁴¹. Как видим, панегиристы проявляли к сюжету о призвании индифферентность: факт избрания вовсе не мешал описывать Анну как императрицу, которой самим Богом было предначертано царствовать.

Нам же остается констатировать, что легитимность воцарения по избранию не уступала легитимности наследования трона, поскольку избрание мыслилось в первую очередь как божественное избрание «общей волей», а не как решение какой-либо легитимной инстанции внутри Российского государства. Для современников же проблемой являлся не сам факт избрания (имевший исторические прецеденты и поддававшийся осмыслению с помощью топоса избрания на царство по Божьему изволению, которое в том числе движет всем народом) и даже не наделение Верховного Тайного совета исключительными полномочиями, но попытка верховников одной-единственной строкой «кондиций» навязать

⁵³⁹ Сумароков А. П. Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Анне Иоанновне... Ода 1 // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 47–51.

⁵⁴⁰ Ломоносов М. В. Ода блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 69.

⁵⁴¹ К примеру, М. М. Щербатов, оставивший одно из самых ранних сочувственных замечаний о замыслах верховников, говорит лишь о провалившейся идее «учинить основательные законы государству и власть государеву Сенатом или парламентом ограничить»; о самом факте избрания Анны Щербатов не говорит ничего (Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 442).

императрице своеобразный договор, интерпретированная сторонниками Анны как попытка изменить форму правления и причинить России непоправимый вред.

2.3. Утверждение канона провиденциального монархизма в елизаветинской России

Следующей вехой в развитии провиденциального глоссария монархизма стало восшествие в 1740 г. на трон Елизаветы. Ее воцарение явилось результатом первого в российском XVIII в. государственного переворота, приведшего к смещению царствовавшего, законного государя. Окружение Елизаветы старалось подчеркнуть исключительную легитимность новой императрицы, и это придало новые черты начавшему складываться ранее политическому языку провиденциального монархизма, который теперь в еще большей степени подчеркивал экстраординарные, божественные качества императора-демиурга и одновременно – прямое вмешательство Провидения в ход событий. Елизаветинское царствование историк И. В. Курукин называет «новым периодом воздействия на умы подданных», отмечая, что «официальные акты и проповеди тех лет создавали идеологическую доктрину елизаветинского царствования: восстановление петровских “начал” при крайне негативной характеристике периода 1725 – 1741 гг. как времени господства “иноземцев”»⁵⁴². Складывалась, по выражению современного исследователя А. В. Петрова, своеобразная «мифология власти», опиравшаяся на «культ предков» Елизаветы⁵⁴³.

В сообщившем о восшествии Елизаветы на трон кратком манифесте от 25 ноября 1741 г. отмечалось, что по причине младенчества бывшего императора Ивана VI «правление Государственное чрез разные персоны и разными образами происходило», от чего «уже как внешние, так и внутри Государства беспокойства и непорядки, и следовательно немалое же

⁵⁴² Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725 – 1762 гг. Рязань, 2003. С. 459.

⁵⁴³ Петров А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741 – 1742 гг. («Мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 31. С. 152–154.

разорение всему Государству последовало б». Для пресечения «безпокойств и непорядков» «все Наши, как духовнаго, так и светскаго чинов верные подданные, а особливо Лейб-Гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили, дабы Мы, яко по крови ближняя, Отеческий Наш Престол всемилостивейше восприять соизволили»⁵⁴⁴. Итак, смена монарха обосновывалась в манифесте тремя доводами: Елизавета «восприяла» престол, во-первых, «по законному праву», во-вторых, «по близости крови к Самодержавным Нашим вседражайшим Родителям» (Петру I и Екатерине I – впервые трон России занял монарх, у которого оба родителя были российскими самодержцами), и, в-третьих, «по всеподданнейшему наших верных подданных единогласному прошению».

Пространный манифест Елизаветы от 28 ноября 1741 г. детально раскрывал первый аргумент, поскольку открывался ссылкой на завещание Екатерины I, по которому Елизавета должна была стать царицей после Петра II. Завещание, однако, было скрыто «недоброжелательными и коварными происками» графа А. И. Остермана, в то время как Анна Иоанновна была избрана (!) на престол «мимо» Елизаветы. О легитимности Анны больше не говорится, но ее завещание было объявлено не имеющим силы. Иван VI стал государем в обход законной наследницы, однако, опасаясь козней фельдмаршала Б. Миниха и принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского, верные законной наследнице Елизавете россияне вынуждены были присягнуть новому государю. Более того: Анна Леопольдовна незаконно присвоила себе регентство (свергнутый ей регент Э. Бирон в манифесте не упоминается), а затем, благодаря интригам кабинет-министров М. Г. Головкина и А. И. Остермана, якобы замыслила стать императрицей в нарушение ранее принесенной собственному сыну присяги!⁵⁴⁵

Между тем, царствование императора-младенца принесло России – как ранее было отмечено и в кратком елизаветинском манифесте – внутренние и внешние «непорядки и безпокойства, и впредь худые следствия». Для пресечения конечного «державы разорения» Елизавета – «помощию всех благ Подателя Нам, Творца Бога, и по верноподданнейшему к Нам всех наших Верноподданных, а наипаче и особливо Лейб-Гвардии Нашей полков

⁵⁴⁴ Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и об учинении присяги // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XI. 1740–1743. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 8473. С. 537.

⁵⁴⁵ Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ея Величества на Императорскую корону // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XI. 1740–1743. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 8476. С. 543.

прошению» – вступила на отеческий престол⁵⁴⁶. Концепт «верноподданнейшего прошения» уже был использован в первом манифесте, однако теперь его дополнила упреждающая ссылка на Провидение.

Пространный манифест Елизаветы от 28 ноября 1741 г. развивал идеи, уже представленные в кратком манифесте от 25 ноября 1741 г.: законная государыня восходит на престол, который принадлежит ей по праву рождения (и, как сказано выше, оба родителя Елизаветы были царствующими российскими самодержцами!), по завещанию, по воле Бога и по общему желанию и просьбе подданных, чтобы прекратить «непорядки и беспокойства» царствования незаконного императора-младенца. Легитимация Елизаветы опиралась на преемственность, как династическую (происхождение), так и правовую (завещание). Однако она включала и элементы концепции избрания – ссылки на единогласное желание притесняемых подданных и (в пространным манифесте от 28 ноября 1741 г.) на Провидение. Наследование (происхождение плюс завещание) и избрание (желание подданных плюс Провидение) – таковы аргументы елизаветинской легитимации. Ссылка на «общее желание» народа, как и раньше, не предполагала никаких репрезентативных органов власти и может быть объяснена лишь в контексте рассмотренной выше религиозной легитимации: «общее желание» функционирует не как акт избрания, где одна сторона (народ) дает полномочия другой (монарх), но как акт открытия божественной воли, которая манифестирует себя через единодушные действия православного народа. Таким образом, легитимационный манифест 1741 г. комбинировал провиденциалистские и династические аргументы, но не использовал договорной риторики, тогда как риторика избрания, была глубоко укоренена в той же провиденциалистской манере.

Можно ли считать аргумент избрания указанием на «выборный характер монархии» при Елизавете, как это делает С. Уиттакер⁵⁴⁷? Исходным аргументом для манифеста 1741 г. была принадлежность трона Елизавете по праву рождения и завещания; следовательно, избрание мало что прибавляло к тем основаниям, на которых Елизавета заняла трон. В то же время, «верноподданнейшее прошение верноподданных», наблюдавших разорение и упадок государства, объясняло механику конкретного переворота: угроза «общему благу» привела к возвращению на трон законного монарха. К тому же преимущественное для

⁵⁴⁶ Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением. С. 543.

⁵⁴⁷ Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2003. P. 77.

Елизаветы право на престол «по крови» было тесно связано с божественным вознесением на трон, поскольку – как мы подробно рассмотрели выше – оба родителя императрицы уже имели *собственные* барочные «культы»; в ином случае неясно, чем же Елизавета превосходила линию потомков Иоанна Алексеевича, который тоже был царем, но который не имел собственного «культа».

В коронационном манифесте Елизаветы Петровны, напечатанном в ее коронационном альбоме, провиденциалистская риторика выдвинулась на первый план. Елизавета объявляла, что «полученная Нами превеликая и преславная сея монархии наследственная держава, есть дар данный Нам от Царя царствующих единого подающего и утверждающего Царские скиптры Бога»⁵⁴⁸. Власть, доставшаяся ей, была дарована Богом: «Понеже учит Нас несумнительное слово Божие: яко владеет Вышний царством человеческим, и емуже аще хочет, дает е; и от Него единого токмо вышняго Царя славы земнии монархии предержащую, и крайне верховную власть свою имеют; и для того, по достохвальному древнему Христианских Самодержцев обычаю, в домах Божиих венчаемы и помазуемы бывают»⁵⁴⁹.

«Культ» Елизаветы, следовавший очертаниям «культов» ее родителей, сформировался сразу после ее восшествия на престол благодаря целому потоку легитимационной литературы – прежде всего, благодаря придворной проповеди, а также поэзии. Характерные черты петровского мифа о царе-демиурге здесь были дополнены концепцией божественного возвышения на трон, предполагавшей резкое противопоставление «истинного» и «ложного» царей. Количество публикуемых придворных панегириков росло, причем они издавались как гражданской, так и церковной печатью. Больше того – как отмечает российская исследовательница Е. И. Кислова, «проповеди оказывались важнейшим средством для формирования образа новой императрицы»⁵⁵⁰.

Совокупность усилий панегиристов – церковных и светских – в восхвалении Елизаветы можно считать моментом окончательного оформления абсолютистского, барочного языка провиденциального монархизма, богатого сравнениями и наделяющего монарха

⁵⁴⁸ Обстоятельное описание Торжественных порядков Благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и Священнейшаго коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Типография Академии наук, 1744. С. 2–3.

⁵⁴⁹ Там же.

⁵⁵⁰ Кислова Е. И. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III. Филология. 2014. № 3(38). С. 37.

экстраординарными качествами демиурга. Этот массив литературы велик (особенно по меркам российского XVIII в.), и ниже мы рассмотрим лишь некоторые примеры панегириков, развивавших политический язык о монархии.

Московский епископ Платон (Малиновский) в проповеди 1741 г. уподоблял императрицу Христу: «А понеже, подобне нечто весь мир спасшему Христу, и Помазанница его, Наша Всемиловитейшая Государыня ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, подобне нечто во спасении Государство своего от многих бед и злоключений, нам явила и сотворила: то подобне же и в торжественный сей Высокомонаршаго ЕЯ Рождения день должны есмы вси радоваться»⁵⁵¹. По словам оратора, до того, как Елизавета взшла на трон, Россия лишилась и «плотского», и «духовного» благополучия: «Воздыхала точию и смотря на сыны своя, не токмо здравия и силы, не токмо славы и чести и богатства, но и самага сладчайшаго и дражайшаго лишаемых живота. Смотрила она, смотрила же с несказанною сердца болезнию, на отъятие у сынов и добра духовнаго: егда во первых о вере православнокафолической <...> не точию разговаривать, рассуждать, и устами оную явно проповедывать во спасение уже невольню им было, но и напоянуть о той, небезопасное быть рассуждали дело. А когда кто защитник православия, в та времена подумал токмо, или же и дерзнул противныя церкви Христовой нововнесенныя обличати, искореняти и истребляти, в тот час и сам истреблен и искоренен, прогнан был в пути непроходныя».

За греховную жизнь уже, казалось, Божий гнев обрушился на Россию, но «тойже милосердый Отец, не по беззаконию нашим сотворяя нам, ниже по грехом нашим воздавая Бог». Провидение возвело на трон Елизавету: «Егда бо солнце ЕЛИСАВЕТ на Всероссийском возсия точию Престоле, абие ночь безбожия, абие ночь еретического зловерия далече прогнася, свет же истиннаго благоразумия и восточнаго благочестия паки нас озари и просвети <...> Прогнася от многих и тма греховная далече, заря же совращения к Богу и истиннаго покаяния облиста в них. Егда образ благочестия и зеркало всех добродетелей пресветлое, узреша Деву на Престоле сидящую. <...> От коликих убо бед и злоключений Богом и Божия от нас промысла Инструментом, Спасителницею Нашею, Всепресветлейшею Самодержавнейшею Великою Государынею свободихомся»⁵⁵². «Слово»

⁵⁵¹ Слово в день Рождения Ея Императорскаго Величества. Проповедано в Санктпетербурге в Придворной Ея Императорскаго Величества церкви Платоном Архиепископом Московским, 1750 года, декабря 18 дня. М.: Моск. тип., 1752. С. 3.

⁵⁵² Слово в день Рождения Ея Императорскаго Величества. Проповедано в Санктпетербурге в Придворной Ея Императорскаго Величества церкви Платоном Архиепископом Московским, 1750 года, декабря 18 дня. М.: Моск. тип., 1752. С. 10-12.

Платона (Малиновского) завершается обращением к Елизавете: «От века предизбранный ты Бог, и от чрева матерна предопределивый родитися во спасение наше, от временных бед, и благоизволивый счастливо царствовать над нами»⁵⁵³.

Новгородский архиепископ Амвросий (Юшкевич) развивал эти же темы в слове на «вшествие» Елизаветы Петровны в Москву во время коронационных торжеств 1742 г. (эта проповедь вошла в официальный коронационный альбом).

Карая Россию за грехи, Господь отнял у нее «блаженные памяти ПЕТРА Второго, первого же Внука Императора ПЕТРА Великого», и обрушил на страну множество бедствий; теперь России надлежит хранить «как зеницу ока» и Елизавету Петровну, и наследника Петра Федоровича; следует также перестать «беззаконствовать, обманывать, насильствовать, пьянствовать, блудствовать, похищать, обидеть, прелюбодействовать, и прочих творить грехов и беззаконий», чтобы не быть пораженной Божьим наказанием вновь. Амвросий здесь изящно обыграл метафору воплощения: если Елизавета Петровна – воплощение Петра Великого, то наследник Петр Федорович – воплощение Петра II: «Ктому же еще буди благодарна дивному промыслу Божию, который на тебе Бог милосердый явственно и чувственно показывает, когда на место ПЕТРА Второго, первого же Внука блаженных памяти Императора ПЕТРА Великого, послал тебе второго Внука тем же именем и такими же добродетельми сияющего»⁵⁵⁴. Господь сокрушил козни врагов православия «чрез одушевленный инструмент свой» – императрицу Елизавету. Подданные «должны благодарить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ за толикие труды и подвиги, которые как во очищении веры и святых почитании, так и в освобождении своего вселюбезнейшаго отечества подъяты соизволила»⁵⁵⁵.

Амвросий говорил о новом воплощении Петра и в «кратком поздравлении», произнесенном сразу после церемонии коронации. Здесь вновь упоминались «героичные дела» императрицы и одержанная над врагами «неслыханная виктория», которые указывают: в Елизавете «живет дух ПЕТРА Великого, победами и торжествами весь свет удивившаго. Кто бо сего не ведает, что в Тебе всех добродетелей Родителя Твоего таланты толь явственно сама натура изобразила, яко Тебе еще в первом Твоем в мир сей произведении достойною короны Российския судила быть наследницею <...> еда ли ПЕТР,

⁵⁵³ Слово в день Рождения Ея Императорскаго Величества. Проповедано в Санктпетербурге в Придворной Ея Императорскаго Величества церкви Платоном Архиепископом Московским, 1750 года. С. 13.

⁵⁵⁴ Обстоятельное описание Торжественных порядков. С. 14.

⁵⁵⁵ Там же, с. 19.

возлюбленный Родитель Твой, не заслужил такового благополучия, дабы в Тебе, вседражайшей Дщери своей, красоте и славе Российской, и жил, и побеждал, и царствовал бесконечно»⁵⁵⁶. Амвросий кратко перечисляет «вечные дела» Петра – расширение границ, армия, бесчисленные богатства. Используются солярные метафоры («светило сие чудесное в теле девическом сияющее»); хотя Екатерина I и не упоминалась Амвросием, в «кратком поздравлении» в ход пошли аналогичные приемы: в «девической душе» Елизаветы можно видеть «непобедимое мужество, сердце героическое» и все военные доблести, отсылающие к описаниям мужества Екатерины, созданным когда-то Феофаном (Прокоповичем)⁵⁵⁷.

Однако у Елизаветы не было своего Прутского похода, и Амвросию пришлось силой красноречия превратить в военный подвиг... захват власти в ночь с 24 на 25 ноября 1741 г.: «И коеж большее может быть великодушие как сие: забыть деликатнаго своего полу, пойти в малой компании на очевидное здравия своего опасение, не жалеть за целость веры и отечества последней капли крови, быть вождом и Кавалером воинства, собирать верное салдатство, заводить шеренги, идти грудью против неприятеля, и сидящих в гнезде орла Российскаго, ночных сов и нетопырей мыслящих злое государству, прочь выпужать <...> Тебе же, непобедимая Героина наша! бессмертная слава, Тебе за толь преславную победу, за тоlikое веры и отечества освобождение, уже не одну, но тысящу корон на увенчание победоносныя главы Твоя возложить долженствуем»⁵⁵⁸. Здесь Амвросий вновь сравнил Елизавету с «увенчанным победою» Христом.

В «Слове в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни наша императрицы Елисаветы Петровны» (1741) Амвросий говорил о божественном воцарении Елизаветы. Конечно, Елизавета имела основания занять трон по наследству: «Известно есть не токмо Всероссийской империи, но и всему свету, что еще по кончине блаженная памяти императора Петра Второго, тебе, яко дщери законной обоих коронованных родителей твоих, наследие всероссийского престола надлежало». Но затем «за наши грехи и беззакония послал Бог недобросовестных человеков, которые, презрев всего отечества нашего общую пользу для своея богоненавистныя корысти, сделали препятствие к законному восприятию престола всероссийского тебе, всеавгустейшая монархиня наша!» Однако «что Бог вечный определил непременно своими судьбами,

⁵⁵⁶ Обстоятельное описание Торжественных порядков. С. 62.

⁵⁵⁷ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Том 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004. С. 143.

⁵⁵⁸ Обстоятельное описание Торжественных порядков. С. 64–65.

того никто, ни самый ад, со всеми крайними своими силами, не мог и не может переменить и тому воспрепятствовать»⁵⁵⁹. И, несмотря на все козни «недобросовестных человек», Бог определил российский престол Елизавете с самого ее рождения.

В качестве доказательства Амвросий отмечает: «Ибо ежели посмотрим на все законы, то есть на естественный, гражданский и божественный, по которым наследие твердо и непременно потомкам остается, тех всех существенные свойства, даже до последней черты, в наследии империи Всероссийския ея императорского величества имеются. Рождена ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО от обоих коронованных лиц, от обоих законовладельных Самодержавных Героев и Монархов, которые не только по прерогативам своего Самодержавия, но и по самым своим неслыханным к отечеству заслугам имели истинный закон вечно со всеми своими Высочайшими Потомками престол российский наследствовать»⁵⁶⁰.

Интересно, что здесь Амвросий противоречит «Правде воли монаршей», ссылаясь на наследование по происхождению и – в отличие от официального манифеста! – не ссылаясь на завещание Екатерины I. У Амвросия законность царствования дочери Петра и Екатерины определяется не только правом наследования, но и экстраординарными достоинствами царственной четы; основание для наследования – благодарность, а не право. Очевидно, что наследницей величия Петра и Екатерины могла быть только их дочь: «Так воистинну внушает нам естественный, так поттверждает гражданский, так и божественный закон глаголет: ибо Числ во главе 27 когда между дщерями Салпаадовыми зделался спор о наследии родительском, тогда сам Бог таковую в лице их всем в вечные роды определил заповедь, что наследие отеческое никому не может быть ближайшее, как сыну; в случай же, когда не будет у него сына, самая блиская во всем том наследница есть дочь. “Человек, – рече, – аще умрет, и не будет сына ему, да возложите причастие его на дочь его”. И чтож сего ясное и довольнее? Что лучше нас в том утвердить может, как то, что Сам Господь Бог милосердный и неложный определить изволил? От которых толь ясных доказательств, а наипаче от свидетельства Писания священнаго, видим, и явственно мы видим, что в рождении ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА определил Бог быть Ей истинною законною сего родительского Ея Престола Наследницею. И как он определил, так и зделал»⁵⁶¹.

⁵⁵⁹ Слово в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни наша императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года. С. 6.

⁵⁶⁰ Там же, с. 7.

⁵⁶¹ Там же, с. 10.

Те же «безбожники», которые ссылаются на «фортуны и случай», по суровому выражению Амвросия, «блядословят». Проповедник ссылается на библейскую историю о Давиде: «Говорит Бог явственно “Аз”, не фортуна, не случай, не народ Израильский, но Я, который небом и землею владею, и которого есть вселенная и исполнение ея, поставил тебе, Давид, царем над Израилем»⁵⁶².

Кроме того, Амвросий сравнивает Елизавету с Юдифью, отдавая, впрочем, предпочтение российской царице, поскольку Юдифь побеждала внешних врагов, тогда как Елизавета – внутренних, а «враг внутренний и сокровенный есть страшнейший». Под видом заботы об Отечестве эти враги разоряли Россию; интересно, что Амвросий особо отмечает стремление врагов искоренить православную веру и православную церковь под предлогом борьбы с суеверием и ханжеством: «Сие же все делали такую хитростию и умыслом, чтоб вовся в России истребить священство православное и завести нововымышленную беспоповщину». Кроме того, враги преследовали и ученейших людей: «Был ли кто из русских искусный, например художник, инженер, архитектор или солдат старый, а наипаче, ежели он был ученик Петра Великого, тут они тысячу способов придумывали, как бы его уловить, к делу какому-нибудь привязать, под интерес подвести и таким образом или голову ему отсечь, или послать в такое место, где надобно необходимо и самому умереть от глада за то, что он инженер, что он архитектор, что он ученик Петра Великого»⁵⁶³. Враги проливали кровь невинных и добрых людей и грабили страну, отправляя деньги за рубеж. Однако Господь сокрушил этих «разорителей Отечества» через новую Юдифь – Елизавету.

А как же действия подданных? Их «общее желание» удачно сочеталось с волей Провидения; вместе они формируют концепцию избрания. Как и в случае с Анной Иоанновной, топос «народного желания» оставался фиктивным: «народ» – это общее наименование для подданных, но оно не отсылает ни к какому конкретному органу либо структуре внутри государства. В этом смысле глас народа – глас Божий, и легитимационная литература XVIII в. удивительным образом оказывается близка к идеям книжников начала XVII в. Избрание, однако, не является исключительным основанием для воцарения законной государыни – оно лишь объясняет его механику. К законности, истинности Елизаветы как государыни народное «желание» отношения не имеет: сам Бог по ее рождению определил

⁵⁶² Слово в высочайший день рождения. С. 14.

⁵⁶³ Там же, с. 14.

ей царство задолго до событий 1741 г. Провидение объединило избрание и наследование в концептуальный сплав абсолютной легитимации.

Иеромонах Порфирий (Крайский) в придворной проповеди, произнесенной в Москве 16 апреля 1742 г. (за 9 дней до коронации Елизаветы Петровны) вел речь о тяготах духовного исправления, когда, изнемогая от трудного пути через «пустыни и дубравы» страстей, человек «омывает себя» потоками слез и Благодать возвращает ему силы. Порфирий подводил заключение проповеди к политическому сравнению – точно так же страдали и россияне, «омывая себя» потоками слез. Но «возвесели нас всещедрый Господь услыша воздыхания окованных, отре горестныя от очей наших слез, оправдав владети на нами Благочестивейшую Самодержавнейшую Великую Государыню нашу ИМПЕРАТРИЦУ ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНУ законную престола российского Наследницу Благочестивых Великих Монархов Дщерь ПЕТРА имене и дела Великаго ПЕТРА глаголю, который честь и слава Империи российския во вечныя есть годы, и ЕКАТЕРИНЫ»⁵⁶⁴.

Порфирий поспешил привести и пример благочестивых деяний Елизаветы – с самого начала своего царствования императрица «ревность свою по бозе и благочестии явственно всему уже показала свету; егда в завещании своем о законных престола российского наследниках собственноручным подписанием своим утвердила, яко никтоже может быть наследником престола российского, аще не будет грекокатолическаго исповедания <...> Благочестивейшая АВГУСТА наша ЕЛИСАВЕТ Первая, Самодержица Всероссийская в начале высочайшего Своего Монаршего правления благоволением Божиим ей порученного, первейшее суди быти дело: разширять веру, утверждать благочестие, наслаждать благие нравы, основать христианские обычаи, (которые не помалу уже истлевать уже было начали от собеседования со злонравными) истребляюще плевелы еретическия, разрушающе капища диоскорианския и евтихианския. Покажем исправления христианам приличествующие в богохранимой державе Благочестивейшая АВГУСТЫ наша. Жаждающий же спасения нашего Господь, руце свои распростерты на кресте имущий, узрит слезы наша, омыет и очистит грехопадения наша, готов есть на объятие»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁴ Слово в великий пяток, на страсти господа нашего Иисуса Христа при высочайшем присудствии Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни наша Елисаветы Первыя Императрицы Всея России в придворной церкви Ея Императорскаго Величества проповеданное префектом иеромонахом Порфирием Крайским, в Москве, 1742 года, априллия 16 дня. М.: Моск. тип., 1742. С. 21.

⁵⁶⁵ Слово в великий пяток. С. 20–22.

Более развернуто Порфирий коснулся истории о воцарении Елизаветы в другой проповеди, произнесенной в 1749 г. (к этому времени он уже был епископом Суздальским) и посвященной дню восшествия Елизаветы на престол. Эта проповедь следовала сложившемуся уже канону, описывая восшествие Елизаветы на трон как торжественно законной монархини над тьмой, и одовременно – как возрождение наследия Петра из забвения: «Было, было таковое несчастливое время, егда Всепресветлейшая Августа Наша Законная Престола Всероссийскаго Наследница, Ейже собственное по всем правам Государственным давно уже принадлежала Корона Всероссийская, высокаторжественнаго дне сего общая радости наша виновница, оставленна бе, пренебреженна от своих, паче же присных, глубокому так в кратком времени предашася забвению кровавыя труды, неусыпныя попечения о благосостоятельном исправлении Государства Всероссийскаго, ПЕТРА ВЕЛИКАГО безприкладнаго Монарха Всероссийскаго, Котораго делам достопамятным не токмо ты о Россие, но и весьсвет дивился довольно, и дивитися в вечные не престанет роды»⁵⁶⁶.

Основная часть проповеди Порфирия была посвящена именно описанию того, как Петр трудился «о общем добре Всероссийском, нещадя своего здравия, нещадя на конец и самага живота». В конечном счете, Россия обязана Петру практически всем – позволим себе привести здесь пространную цитату целиком, поскольку она демонстрирует, как характерный технологический язык петровской эпохи оказывался включен в религиозный дискурс: «Скажи нам молю ты ныне о Россие, что в тебе есть знатнейшее! не Петра ли ВЕЛИКАГО все то есть дело. Яви что в тебе есть похвалы достойное не все ли трудами и высоким разумом и премудростию ПЕТРА ВЕЛИКАГО, сие в тебе есть учрежденное и устроенное. Скажи нам о Россие, слыхала ли ты когда, не вопрошаю видала ли, до времен ПЕТРА ВЕЛИКАГО, что то есть регула воинская, что артикул военный, что порядочно устроенная артиллерия, что отакование городов, что бомбандирование крепостей, что ретирования от неприятеля, что устроение ретранжаментов, когда еще ты с бердышами, с саблями, с луками, с самопалами ополчающесе на враги своя выходила толко под кожных, или на котлы, но кто тебе показа сие! кто учреди в тебе таковая! кто научи ты регулы

⁵⁶⁶ Слово в высокаторжественный день вступления на Всероссийский престол Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Великия Государыни Императрицы Елисавети Петровны Самодержицы Всероссийския в Высочайшее Ея Императорскаго Величества Присутствие, и Наследника Ея, Внука Петра Перваго, Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и Супруги Его, Благоверныя Государыни Великия Княгини Екатерины Алексеевны, в Придворной Церкви, что в Москве. Проповеданное Преосвященным Порфирием Епископом Суздальским и Юрьевским, 1749 года, Ноября 25 дня. М.: Моск. тип., 1750. С. 8–9.

воинския. Аще не ПЕТР ВЕЛИКИЙ, от Бога умудренный, от Бога тебе на сие дарованный. Скажи нам ныне о России! Слыхала ли ты до времен ПЕТРА ВЕЛИКАГО, о искусстве мореплавания, что и каково есть устройство кораблей что плоская или круглая навигация, что всецелый флот! что флотилла! что эскадра! что галеры! что яхты! Егда еще ты, крыющаяся в пределах своих не знала далее Смородины, которая ныне Москва река именуется. Не бывала далее Оки, а кто уже побывал на Волге или на Волхове, той великий прошлец, и бывалый зело, и имянит в тебе считался человек. Скажи нам, о России! ведала ли ты заподлинно до времен ПЕТРА ВЕЛИКАГО что то есть фабрики, что мануфактуры, каковый оттуду прибыток, каковая польза государственная, но не вся ли сии высоким разумом ПЕТРА ВЕЛИКАГО заведенная в тебе распространяются. Не воспоминаю же zde за краткость времени о размноженных ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ Науках свободных и насажденных учениях душеполезных и преславных Героичных Его действиях, и Торжественных победах над врагами восприятых»⁵⁶⁷.

Армия – флот – фабрики – науки и искусства. Таково наследие Петра, за которое Россия должна быть вечно благодарна этому «безприкладному» демиургу. Вместо этого, однако, Россия позабыла о петровском наследии – хотя и имела «пред очима живой его образ, Вселюбезнейшую ЕГО Дщерь ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНУ, на которую взирающе, всегда жива ПЕТРА ВЕЛИКАГО в ней видети можем; обаче дражайший сей и неоцененный Камень от чресл ПЕТРА ВЕЛИКАГО отсеченный в пренебрежении оставляется»⁵⁶⁸. Вместо Елизаветы власть досталась «чужим рукам», от которых нечего было ожидать добра России и православной церкви. Это «грабление», «расхищение», «непорядки» и «крайнейшее утеснение и озлобление» россиян было допущено по «неиспытанным судьбам Божиим». Порфирий заключает, что короны раздает Бог: «Той бо егда сам а не по избранию человеческому предизбирает кого и предуготовляет к делам высоким, а наипаче к Короне царской, к высокому правлению Государства обыче первее многими искушениями испытати веру сердец их, твердость и непоколебимое упование на всевышняго Бога, в егоже руку вся царствия мира сего, яко же сам засвидетельствуя, глаголет: Мною цари царствуют, и силнии пишут правду. Сие же творит не просто, но да чрез сие достойных покажет их пред всецелым светом, и предпоставит на престоле славы»⁵⁶⁹.

⁵⁶⁷ Слово в высокоторжественный день вступления на Всероссийский престол Ея Императорскаго Величества. С. 10-11.

⁵⁶⁸ Там же, с. 11.

⁵⁶⁹ Там же, с. 14.

Ссылаясь на библейские сюжеты о Давиде и Иосифе, Порфирий переходит к детальному описанию истории о восшествии Елизаветы на трон. Подобно библейским героям будущая императрица была подвергнута испытаниям: «Попустил же иногда Господь чрез неколикое время искушенной быти и Кротчайшей Августе нашей многими и несносными озлоблениями и печальи, Яже оставленная пренебреженна бысть, но Камень егоже не брегоша зиждущий, сей бысть во главу угла, от Господа бысть сей, и есть дивен ныне во очесех наших, егда вседержавная десница Божия сотворив силу, открывает декрет Божеского своего определения, испровергает определение человеческое, закрепляет всесильный свой приговор, объявляет во всенародное известие еже». Итак, Господь и предопределил восшествие Елизаветы на трон, и сам его осуществил: «Он давно уже утвердил и написал в книгах своих не писалом человеческим, но перстом вседержавных руки своя, вливает собственные духи, движет и возбуждает сердца некие верных подданных, возводит сам Сию преславно на Родительский и Прародительский престол Всероссийский»⁵⁷⁰.

Божий промысел «показал всем чрез сие явно и явственно к большему ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА прославлению, яко возшествие ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА на Престол Всероссийский не человеческое уже, но собственное его Божие есть дело, чesого ради в доказательство еще сего и во все дни осмилетнего времени благополучныя даравы ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА счастием, миром вне и внутри Государства Той утверждая, изобилием плодов земных, и во всем благопоспешеством пределы Российския благословляя благословити благоволи Господь. Благословен убо Господь Бог израилев воздвигнувший рог спасения нашего, оправдав владети нами Благочестивейшую Самодержавнейшую Великую Государыню Нашу ИМПЕРАТРИЦУ ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНУ Кротчайшую Августу, Законную Престола Всероссийскаго Наследницу, долголетних желаний наших исполнение, неиспытанными судьбами своими возвед преславно сию в высокаторжественный день сей на родительский и прародительский престол всероссийский»⁵⁷¹.

Еще один видный церковный оратор, епископ Псковский и Нарвский Симон (Тодорский), в проповеди 1747 г. также указывал на божественный характер не только власти монарха, но и его восшествия на трон, рассуждая о «званиях» и «должностях» людей: «Однакоже что принадлежит до внешнего нашего звания, Бог делает не инако с нами, токмо

⁵⁷⁰ Слово в высокаторжественный день вступления на Всероссийский престол Ея Императорскаго Величества. С. 17.

⁵⁷¹ Там же, с.18–19.

как великий какой Монарх в доме своем: Якоже бо Монархи в домах своих, различных к различным определяют званиям по состоянию качеств их и по мере дарования их, единых к высочайших дел правлениям, других же к маловажнейшим вещам и нижайшему какому званию, да всех же больших и меньших равно содержит в высокой своей Монаршей милости. Тако и Бог посылает нас рождением нашим в мир сей в великий дом свой <...> единых на власть, других под власть, иных повелевати, иных же точию повеленное исполняти: все же ко общему созиданию, никогоже не выключая от Божия своего милосердия». А если по «внешнему званию» Бог поступает с нами неравно, то это «не по злобе какой, еже и помыслити на Бога безстыдно есть, но по непостижимым судьбам своим: толико на всякого возлагая тяжести, колико силы понести могут»⁵⁷².

Симон отмечает, что монарх, пренебрегающий своими должностями, является тираном: «Монарх забывающий рождения своего, чего для в мир сей родился, есть готовая гибель государства своего. Таковии бо обыкновенно бывают мучители и гонители церкви божия, божий и гражданский закон уничтожающие, погубляющие народ, озлобляющие подданных своих, о общей пользе непекущиеся, сами себе боготворящие и аки бы не было Бога на небеси живущаго и вся исполняющаго. Противным образом Монарх помнящий на конец Рождения своего, что он родился со упованием блаженной жизни вечной, творити волю создателя своего, ходящи не в прихотях своих, но в Заповедех его святых, есть здравие и благополучие, или паче источник всего благополучия, государству своему. Таковии бо монархи обыкновенно бывают милосерднии, не железным мучительства, но златым любве скипетром управляющие народ от Бога себе поверенный, ревнующии по Бозе Создателе своем и церкви его святой: чего для и отцами отечества от подданных своих называются. Каковых примеров несколько имеется в истории ветхозаконнаго народа Израильскаго, подобне в истории Империи Греческой, подобне и в истории Российской». Ведь «общий всего разумнаго света приговор, что мы раждаемся не себе, но раждаемся Богу, раждаемся Церкви его святой, раждаемся Государю, раждаемся отечеству»⁵⁷³.

Примером монарха, достойно исполняющего свою должность, является Елизавета: ««ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО не себе родилась, но родилась Богу, родилась церкви его святой и

⁵⁷² Слово в день высочайшаго рождения благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Нашей Императрицы Елисаветы Петровны всея России, проповеданное Святейшаго Правительствующаго Синода Членом Преосвященным Симоном Епископом Псковским и Нарвским в Санктпетербургской Придворной Церкви, 1747 года, декабря 18 дня. М.: Московская типография, 1750. С. 8.

⁵⁷³ Слово в день высочайшаго рождения благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни. С. 16–17.

отечеству. А к чему родилася, и чего для Бог ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО высочайшим ЕЯ Рождением в мир сий послал, то к тому и помышления <...> не да творит волю свою, но волю Отца своего небесного, во всех своих хотя и зело трудных, зело тяжестных обстоятельствах единой токмо последующе воле Создателя своего и без малейшаго роптания, еже и самим делом показалось». Елизавета «осталась в сиротстве по Блаженной Кончине Достославных Родителей Своих». Но и в таком грустном положении «воздела ли Сиротствующая ЕЛИСАВЕТ руце к богу уждему; рекла ли ко злату, ты еси отец мой; или к суетной какой помощи человеческой, ты мати моя; никакоже. Но единое ЕЯ утешение было оная давидовская песнь: Отец мой и мати моя остависта меня: Господь же восприят мя»⁵⁷⁴.

Симон говорит о жертвенном подвиге Елизаветы, едва ли не повторяя формулировки Феофана (Прокоповича) о жертвенной любви Екатерины, двигавшей ею в Прутском походе, а также – подобно Амвросию и Михаилу (Козачинскому)⁵⁷⁵ – не забыв назвать Елизавету Юдифью: «Что ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО и на самую почти видимую смерть идти понудило в восприятие Наследственного Престола Дражайших Родителей Своих: воистинну воспоминание Высочайшего ЕЯ Рождения, к чему родилася и от кого родилася. Увидела смущающуюся ерковь Божию, увидела колеблющееся благочестие, увидела истощевающееся отечество, помыслила же купно, яко всего того Бог взыщет от рук ЕЯ, яко Правильной по завету Достоблаженных Родителей Наследницы Престола Всероссийскаго, и абе возревнова почести Бога создателя своего и церкви его святой, возревновала по отечествии своем, единою точию вооружившись молитвою Новая Сия Иудифь, толикое спасительное всему свету известное в едином часу и начала и совершила дело, хотя и не без крайней опасности Дражайшия Жизни Своея, единым сим ободря Себе: Аз на сие Рождена есмь, жалость дому божия и дому Родителей Моих внести мя. О колико благополучны есмы Россияне! Не себе, но нам родившуюся, последовательно же не своя, но наша ползы ищущую монархиню, или паче Матерь от Бога стяжавши»⁵⁷⁶.

Эти и многие другие тексты проповедей елизаветинской эпохи демонстрируют: церковные иерархи презентовали воцарение Елизаветы как акт божественного промысла, спасший Россию от гибели в «нощи безбожия». Важно отметить и мотив жертвенности:

⁵⁷⁴ Слово в день высочайшаго рождения благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни. С. 19.

⁵⁷⁵ У Михаила (Козачинского) Елизавета дважды сравнивается с Юдифью – в одном случае из-за красоты, а в другом – из-за доблести: «Се ти Юдифь, повестей Достойная славных, // Яже всех олофернов сотвори безглавных» (Благоутробие Марка Аврелия кесаря римского. Диалог с прологом и эпилогом. Киев, 1745. Л. 3, 19).

⁵⁷⁶ Слово в день высочайшаго рождения благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни. С. 19–20.

мотив, возникший еще в литературе о Петре (которому не жалко было пожертвовать жизнью за Отечество) и Екатерине (которая, подобно Христовой невесте, пожертвовала всем ради своего коронованного супруга). Проповедники елизаветинской поры охотно обращались к интеллектуальному наследию петровской эры⁵⁷⁷.

Такие паттерны можно обнаружить и в официальном коронационном альбоме Елизаветы, опубликованном в 1744 г. На коронационных гравюрах присутствуют не только олимпийские боги, но и Юдифь (постоянно, как мы видели, упоминавшаяся в церковных проповедях), и Дебора. На Тверской арке присутствовало изображение руки, протянутой с небес и возлагающей корону на голову Елизаветы с надписью «Истинная государыня, яже не от земли но свыше имать венчаться»⁵⁷⁸.

На триумфальных «воротах» были изображены десятки разнообразных символов и сцен. Возможно, демиургический характер монархизма лучше всего передавала сцена, запечатленная «на правой стороне снизу»: «Статуа от Государя Императора ПЕТРА Великаго недоделанная, которою эмблемою ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО означил владение свое, и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО вечностию горе возносимый, смотря на Государыню Императрицу Елисавет Петровну на земли стоящую, и орудия статуарныя пред собой имущия, велит ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ доделывать статую слово, которое в надписании сем: Крепись и соверши»⁵⁷⁹.

На коронационной медали «Промысл Божий, изображенный на легком облаке», прикрывал Елизавету щитом и короновал ее. Перед Елизаветой была помещена «Любовь к Отечеству», а позади императрицы – «два столпа великолепного трона», с именами родителей Елизаветы – Петра и Екатерины. Было здесь и «при горизонте восходящее солнце», символизировавшее процветание России, наставшее с воцарением Елизаветы. Надпись гласила: «Промысл Божий чрез верных подданных», – в полном соответствии с формулировками манифестов о восшествии на трон и с риторическими построениями церковных иерархов. Золотые и серебряные жетоны были проще по исполнению: на них была изображена «корона из облака светом и лучами освещаемая», с надписью: «От Вышняго благодать»⁵⁸⁰.

⁵⁷⁷ Кислова Е. И. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III. Филология. 2014. № 3(38). С. 49.

⁵⁷⁸ Обстоятельное описание Торжественных порядков.

⁵⁷⁹ Там же, с. 142.

⁵⁸⁰ Там же, с. 93–94.

Елизавета действительно сама возложила себе на голову императорскую корону (канцлер Империи поднес ее архиепископу Новгородскому Амвросию, а тот вручил императрице); в описании коронации это сопровождалось комментарием все того же Амвросия: «Видимое сие и вещественное главы Твоя украшение явный образ есть, яко Тебе главу Всероссийского народа венчает невидимо Царь славы Христос, благословением своим благостынным утверждая Тебе предрержащую и верховную власть над людьми своими»⁵⁸¹.

Как отмечает американский исследователь Р. Уортман, «альбом открывается великолепным фронтисписом на всю полосу с портретом гордо стоящей императрицы, декольте, в полных регалиях <...> Аллегорических надписей, какие присутствовали в описаниях французских коронаций, там нет. Сам портрет императрицы – буквальное воплощение и характеристика политического строя. Церемонии возвышают и прославляют ее политическую роль; нет никаких абстракций типа государства или нации. Гравюры, рисующие шествия и церемонии, световыми эффектами и деталями отделяют императрицу от крошечных одинаковых фигурок вокруг нее»⁵⁸². Визуальный канон был сфокусирован на исключительных качествах императрицы, подобной одновременно своим славным родителям, святым и божеству.

Аналогичным образом функционировал и светский панегирик⁵⁸³. Как отмечает А. В. Петров, «Петр Великий становится эпонимом: с него ведется отсчёт исторического времени, он даёт “имя” всем «законным» русским монархам — тому “роду/племени Петрову”, которому по Божьей воле уготовано владеть Россией. Петр I, иногда вместе с Екатериной I, как бы воплощается в своих детях и внуках; деяния предков-родителей также “наследуются” и продолжают их потомками. Для изображения идеального будущего состояния России, ее “щастья”, которое обеспечит ей “Петрова кровь”, привлекаются мифологемы “золотого века” и “рая на земле”»⁵⁸⁴.

Так, в оде 1742 г. М. В. Ломоносов утверждает божественное происхождение власти Елизаветы, которая была поставлена Богом, сменившим гнев (и даже собиравшимся

⁵⁸¹ Обстоятельное описание Торжественных порядков. С. 58.

⁵⁸² Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Том 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004. С. 132.

⁵⁸³ Правда, согласно наблюдениям Ю. Н. Алексеевой, в елизаветинскую эпоху число од «заметно падает в сравнении со стихотворными панегириками и одами второй половины 1730-х годов... За все 1740-е годы кроме 10 ломоносовских од нам известны только три панегирические оды» (Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. С. 204). Такое молчание одописцев исследовательница связывает с доминированием ломоносовского патрона, И. И. Шувалова, при дворе.

⁵⁸⁴ Петров А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741 – 1742 гг... С. 160.

покарать Россию потопом!) на милость⁵⁸⁵: Елизавета стала для России Ноем, ради нее Господень гнев обратился в благоволение. Затем Ломоносов разворачивает картины военного величия России, защищаемой Богом, и вводит в действие дух Петра, смотрящий с небес на подвиги дочери – так же, как в ломоносовской оде 1741 г. на подвиги племянницы взирал дух Анны Иоанновны⁵⁸⁶. Упоминания о самопожертвовании отсутствуют, и хотя Ломоносов проводит божественные параллели, они не имеют христологического свойства⁵⁸⁷:

Когда бы древни веки знали
 Твою щедроту с красотой,
 Тогда бы жертвой почитали
 Прекрасный в храме образ твой.
 Что ж будущие скажут роды?
 Покрыты кораблями воды
 И грады, где был прежде лес,
 Возвысят глас свой до небес:
 Великий Петр нам дал блаженство,
 Елисавета совершенство.

Аналогичные параллели встречаются и в оде Ломоносова на день рождения Елизаветы (1746)⁵⁸⁸:

В сей день, блаженная Россия,
 Любезна небесам страна,
 В сей день от высоты святых
 Елисавет тебе дана,
 Воздвигнуть нам Петра по смерти,

⁵⁸⁵ Ломоносов М. В. Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 85–96.

⁵⁸⁶ Ломоносов М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III, императора и самодержца Всероссийского, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства его императорского величества августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 80.

⁵⁸⁷ Ломоносов М. В. Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 90.

⁵⁸⁸ Ломоносов М. В. Ода на день рождения Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссийския 1746 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 110.

Гордыню сопостатов стерти <...>

Зато в оде на день восшествия Елизаветы на престол (1748) Ломоносов точно следовал канону, упоминая «мглу густую», предшествовавшую воцарению «богини», и подробно описывая механику восшествия на трон. Елизавета шествовала подобно «царице трудолюбных пчел», за которой следовал и весь народ⁵⁸⁹:

Подобным жаром воспаленный
 Стекался здесь российский род,
 И радостию восхищенный,
 Теснясь, взирал на твой приход.
 Младенцы купно с сединою
 Спешили следом за тобою.
 Тогда великий град Петров
 В едину стогну уместился,
 Тогда и ветер остановился,
 Чтob плеск всходил до облаков.

Не забыто здесь и воплощение Петра – даже обоих родителей «богини»⁵⁹⁰:

Мы видим, что в тебе единой
 Великий Петр с Екатериной
 К блаженству нашему живет.

Тема возрождения Петра присутствовала и в более ранней ломоносовской «Оде на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Феодоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны» (1745). Петр будет вечно жить в своих потомках – Ломоносов закольцевал сюжет, играя с именами двух Петров⁵⁹¹:

О боже, крепкий вседержитель!

⁵⁸⁹ Ломоносов М. В. Ода на день рождения Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны С. 123.

⁵⁹⁰ Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на престол Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 125.

⁵⁹¹ Ломоносов М. В. Ода на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Феодоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 104–105.

Подай, чтоб россов обновитель
 В потомках вечно жил своих:
 Воспомяни его заслуги
 И, преклонив небесны круги,
 Благослови супругов сих.
 С высот твоих Елисавете
 Пошли святую благодать,
 Сподоби ту в грядущем лете
 Петрова первенца лобзать.

Наконец, воплощение присутствует и в одной из последних од елизаветинского царствования, написанных Ломоносовым – оде на день восшествия Елизаветы на престол (1752)⁵⁹²:

Помысли, зря дела толики
 И труд, что можем понести,
 Что может ныне Петр Великий
 Чрез дочь свою произвести!

Здесь представлены и топка жертвенности, отсутствовавшая в более ранних одах (но тщательно разработанная в церковном панегирике), и христологические сравнения, и утверждение божественного характера власти императрицы⁵⁹³:

Что должно оной по наследству,
 Геройством возмогла дойти.
 Какому ты подверглась бедству,
 Монархиня, чтоб нас спасти.

<...>

⁵⁹² Ломоносов М. В. Ода на торжественный день восшествия на российский престол Ее Величества великой государыни императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 136. Там же Ломоносов использует сложную конструкцию – упоминая Екатерину I, он обращается к ней: «Возвеселися ныне тою // Котору он для нас тобою // Подобну обоим родил». Итак, Елизавета подобна и отцу, и матери, при том, что отец выступает одновременно как божество-демиург. Ломоносов вновь «жонглирует» именами государей и одновременно играет с топкой возрождения Петра, упоминая о том, что Елизавета «Петра в Россию возвращает» – имеются в виду одновременно и Петр Великий, как бы воплотившийся в своей «дщери», и наследник трона Петр Федорович.

⁵⁹³ Там же, с. 138–139.

Однако в силах бог великий
 Тебе венец, нам радость дал;
 В тебе одной хвалы толики
 Российских героинь послал.
 В тебе одной всех почитаем;
 И к вышнему всегда взываем:
 Подай Елисавете век
 Обилен, радостен, спокоен,
 Таков, коль долго жить достоен
 Тебе подобный человек!

Г. А. Гуковский проводит грань между «раболопным стихом» Ломоносова и более сдержанной поэзией «дворянских идеологов», таких, как А. П. Сумароков или А. А. Ржевский⁵⁹⁴. Думается, что это противопоставление преувеличено. «Ода блаженные и вечно достойныя памяти истинному Отцу Отечества, императору первому, государю Петру Великому» (1761) авторства Ржевского примечательна тем, что здесь среди похвал по адресу великого преобразователя присутствует и рассуждение о том, следует ли называть монарха Богом⁵⁹⁵:

Куда я взор ни обращаю,
 Везде Петра я обретаю...
 Отечества отец прямой!
 Хоть богом счесть тебя не можно,
 Но послан был ты к нам, неложно,
 От воли вышня святой!

О том, что Петр был рожден «по воле святой» и послан для спасения и преобразования России Провидением, Ржевский повторяет на протяжении оды несколько раз. Но все же сам Петр – не божество, а мудрец цicerоновского толка, одержавший среди прочих побед еще и победу над собой с помощью собственного разума⁵⁹⁶:

В дух бодрый естество влияло,

⁵⁹⁴ Гуковский Г. А. Дворянская фронда. С. 145.

⁵⁹⁵ Ржевский А. А. Ода блаженные и вечно достойныя памяти истинному Отцу Отечества, императору первому, государю Петру Великому // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 247.

⁵⁹⁶ Ржевский А. А. Ода блаженные и вечно достойныя памяти. С. 248.

Всех выгод и блаженств начало,
 Чем Петр не должен никому.
 Сквозь мрачность взором проникает,
 К наукам руки простирает,
 Чтоб просвещение дать уму.
 Привычку Петр одолевая,
 Рассудку он вослед течет,
 Наукой разум свой питая,
 Он сам с собою брань ведет.

О, свойство свыше смертных части!
 Чтобы себя иметь во власти,
 Собою Петр повелевал:
 Свои утехы презирая,
 В опасности себя ввергая, –
 Но все для нас претерпевал.

Несмотря на столь примечательное отступление, Ржевский все же следует основным паттернам панегирической речи. Ведь само уподобление монарха Богу – от которого Ржевский в данном случае отказывается, давая подробную мотивировку – вовсе не означало того, что за уподоблением такого рода скрывалась полновесная доктрина. Потому мы и говорим о «культе» монарха, забирая само слово в кавычки: речь идет не о полноценной религиозной системе, а о риторическом приеме, позволяющем приписать монарху экстраординарные качества. Достичь этого можно было с помощью метафоры богоподобия, но можно было и отказаться от нее, описав государя как сверхчеловека («свойство свыше смертных власти»), наделенного властью от Бога. В любом случае, это был – по выражению все того же Ржевского – «России обновитель, рабам блаженства причинитель».

Итак, краткий обзор поэзии елизаветинской эпохи позволяет говорить о том, что как жанр политической речи она была концептуально связана с придворной проповедью и с традицией легитимации монаршей власти, культивировавшейся при российском дворе, в целом. И одическая поэзия, и церковная проповедь творчески развивали эту традицию по линии специфической елизаветинской легитимации, делая акцент на демиургической роли

монарха, великого отца (Петра) и великой «дщери» (Елизаветы). Пусть количество од и сократилось при Елизавете, но в целом можно говорить о настоящей волне панегириков, доводящих до совершенства торжественное описание монарха-демиурга.

Елизаветинская легитимация опиралась на уже существовавший глоссарий провиденциального монархизма, показавший свою устойчивость на фоне политического кризиса 1730 г. В политической культуре елизаветинской России панегиристы и поэты заново интерпретировали и очищали риторические ходы провиденциализма в практическом контексте оправдания переворота 1740 г. Сформировавшаяся – стараниями панегиристов от Амвросия (Юшкевича) до М. В. Ломоносова, от Симона (Тодорского) до А. П. Сумарокова – при Елизавете придворная манера обсуждать монархию в панегирическом жанре наверняка развивалась бы дальше и при ее племяннике, Петре III.

Можно отметить, например, оду Петру III (1762), сочиненную И. С. Барковым. У Баркова упоминается подобие Петра III своему деду Петру I («герой воскрес в прехрабром внуке») и одновременно своей тетке, Елизавете – в новом государе сочетается сияние «двух светил». Петр I назван величайшим героем, которого язычники несомненно назвали бы богом, а Елизавета в первой же строфе описана как «богиня»⁵⁹⁷:

Щедрот храм, милостей, любви
Воздвигнем оным божествам
В сердцах к Петровой верных крови,
Которые являли нам.
Ко алтарям их светозарным
С воспоминаньем благодарным
Предпримем мысленный наш путь
Там, жертвуя душам блаженным,
Докажем сердцем сокрушенным,
Что скорбь пронзила нашу грудь.

Упоминается и грядущее преображение России, правда, большую часть оды занимают похвалы по адресу петровских преобразований. Наконец, здесь есть строфы о памяти⁵⁹⁸:

⁵⁹⁷ Барков И. С. Ода на всерадостный день рождения его величества благочестивейшего государя Петра Феодоровича, императора и самодержца всероссийского и проч. и проч. и проч. // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 174.

⁵⁹⁸ Барков И. С. Ода на всерадостный день рождения. С. 173.

Подверженны пременам, твари
Живут и кончат бытие;
Но те бессмертны государи,
Которых славно житие.

Однако в 1762 г. «сияющий в славе герой», едва процарствовав полгода, был свергнут собственной женой, Екатериной Алексеевной. Риторические модели провиденциального монархизма продолжили воспроизводиться и при новой императрице, добавляя к старым стратегиям новые концепты. Несмотря на то, что 2-ю половину XVIII в. часто считают эпохой «просвещенной монархии», провиденциальный язык о монархии оставался в центре политического универсума Российской империи.

2.4. Развитие провиденциального монархизма во 2-й половине XVIII в.

Права Екатерины на трон были зыбкими, а потребность в легитимации – еще более острой, чем у Елизаветы в момент ее восшествия на трон. Но монархическая идеология продолжала опираться на культ государя, который кристаллизовался в 40-х – 50-х гг. XVIII в. в бесконечных восхвалениях панегиристов по адресу Елизаветы Петровны. Гамлетовский сюжет событий, развивавшихся вокруг российского престола в 1762 г., не привел к формированию принципиально новых стратегий легитимации с помощью религиозного политического языка; напротив, он позволил укрепить, усилить и максимально использовать уже имевшиеся концептуальные стратегии, сложившиеся при Елизавете.

Краткий манифест, подписанный Екатериной 28 июня и опубликованный 3 июля 1762 г., ничего не сообщал о *свержении* монарха. В манифесте говорилось лишь о том, что «всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом». В числе таких опасностей были названы «потрясение и истребление преданей церковных» православной веры,

«совершенное порабощение» российской славы «заключением нового мира с самым ее злодеем», и «испровержение внутренних порядков», составляющих «целость всего Нашего Отечества». Перед лицом этих опасностей Екатерина, «приняв Бога и Его правосудие себе в помощь, а особливо видею к тому желание всех наших Верноподданных», вступила на российский престол⁵⁹⁹.

В лаконичных строках манифеста отсутствуют прямые упоминания о свержении Петра III. Этим екатерининский манифест отличается от аналогичного манифеста Елизаветы Петровны, сообщившего в 1740 г. о свержении Иоанна VI и правительницы Анны Леопольдовны и представившего набор аргументов в пользу легитимности новой императрицы.

Что же случилось с Петром III? Быть может, он заболел или умер? Краткий манифест Екатерины II по этому поводу хранит молчание. Здесь отсутствует определение тирании; не названы никакие враги (кроме «злодея» – прусского короля Фридриха II, с которым император заключил ранее мирный договор). В чрезвычайных обстоятельствах, о которых говорилось в манифесте, Екатерина вступила на престол так, как если бы он был вакантным.

Компенсируя краткость первого манифеста, так называемый «обстоятельный манифест» (подписанный Екатериной 6 июля и напечатанный 13 июля 1762 г.) содержал детальное описание переворота и целый ряд оправдывающих его аргументов. Этот текст можно считать ключевым в системе екатерининской легитимации. Перед авторами манифеста⁶⁰⁰ стояла сложнейшая задача: в отличие от рассмотренных ранее случаев у Екатерины II отсутствовали какие бы то ни было права на престол. Легитимация новой императрицы, представленная в манифесте, комбинировала различные риторические стратегии, чтобы добиться максимального эффекта.

Прежде всего, авторы манифеста привели детальные обвинения по адресу свергнутого государя. Манифесты 1740 г. исходили из преимущественного права Елизаветы на престол, а потому обвинения по адресу Ивана VI и Брауншвейгской фамилии были связаны с их нелегитимностью. Такой маневр для авторов манифеста Екатерины II был исключен: Петр

⁵⁹⁹ Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III // Оснадцатый век. Кн.4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 216.

⁶⁰⁰ Неизвестно, кто именно составлял манифест. Наиболее вероятными кандидатами в авторы являются, пожалуй, Н. И. Панин и Г. Н. Теплов (Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII в. // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: НЛО, 2012. С. 132).

III обладал всеми видами легитимности наследования – как династической (внук Петра I), так и правовой (по завещанию Елизаветы, которое было выполнено).

Поэтому авторы манифеста начинали свои обвинения по адресу Петра III с указания на его скверный нрав и неспособность править. Например, он плохо относился к «Тетке своей и Благодетельнице», Елизавете, и, когда она умерла, «радостными глазами на гроб ея взирал»⁶⁰¹. Чудовищные свойства нового монарха, его «самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами», оказалось причиной бед. И Россия «вострепетала, видя над собою Государя и властителя, который всем своим страстям прежде повиновение рабское учинил и с такими качествами воцарился, нежели о благе вверенного себе государства помышлять начал»⁶⁰².

Император, согласно манифесту, «возмечтал о своей власти Монаршей, яко бы она не от Бога уставлена была, и не к пользе и благополучию подданных своих, но случайно к нему в руки впала для собственного его угождения, и для того дал самовластие своему соединиться с самовольным стремлением на все такие установления в Государстве, какие только малость духа его определить могла к оскорблению народа». Прежде всего этот тиран атаковал православную церковь, вначале пренебрегая обычаями и почитанием икон, а затем и вовсе начав помышлять о «разорении и самих церквей» и об «истреблении страха Божьего». Петр III «законы в Государстве все пренебрег, судебные места и дела презрел, и вовсе об них слышать не хотел, доходы Государственные расточать начал бесполезными, но вредными Государству издержками», а также скверно относился к гвардии и к армии⁶⁰³. Но даже «когда все Отечество к мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, он паче и паче старался умножить оскорбление развращением всего того, что Великий в свете Монарх и Отец своего Отечества <...> Петр Великий, Наш вселюбезнейший Дед, в России установил»⁶⁰⁴.

Одновременно авторы манифеста подчеркивали великолепные качества его супруги, указывающие на Божественное избрание. Петр III, утверждалось в манифесте, собирался убить или посадить в тюрьму свою жену (а с ней, возможно, и сына) – авторы манифеста ввели в повествование мотив жертвенности, восходящий к находкам Феофана (Прокоповича) при описании Екатерины I, а впоследствии с большим успехом примененный

⁶⁰¹ Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II. С. 218.

⁶⁰² Там же, с. 217.

⁶⁰³ Там же, с. 219.

⁶⁰⁴ Там же, с. 219.

в легитимационной литературе Елизаветы. Екатерина II готовилась пострадать за Россию, тогда как даже лояльные и преданные российские подданные были настолько поражены злодеяниями тирана, что уже думали о том, как пролить его кровь⁶⁰⁵. Однако вмешательство Провидения позволило совершиться чуду – мирному, бескровному падению «злодея».

Позднее, в собственных записках, Екатерина II будет настаивать на том, что ее вознесли на трон собственные выдающиеся качества, соединенные с катастрофической нехваткой таковых у ее мужа («государя жестокого характера, ограниченного ума, ненавидящего и презиравшего русских, не знающего совсем своей страны, неспособного к усидчивому труду, скупого и расточительного, преданного своим прихотям»); иными словами, она больше заслуживала короны⁶⁰⁶. Подобная легитимация может показаться секулярной и даже выборной, однако на деле она воспроизводит провиденциалистский подход, восходящий к коронации Екатерины I, объединяющий божественные добродетели с божественным чудом и расценивающий воцарение как закономерность, а не случайность. Ссылка на выдающиеся качества новой царицы дублировала стратегию легитимации ее предшественницы, Екатерины I, коронованной мужем за «мужественные труды» и на этом основании унаследовавшей престол.

Но «труды» супруги Петра опирались на десятилетнюю традицию, подкрепленную сильным религиозным образом «невесты Христовой», и могли расшифровываться как жертвенная любовь к мужу – божественному царю. Елизавета, не располагавшая на момент переворота 1740 г. подобной традицией, могла ссылаться на выдающиеся качества своих коронованных родителей. Ссылка же на блестящие качества Екатерины II не была подкреплена предшествующими прецедентами (роль которых в случае Екатерины I играли такие события, как учреждение ордена святой Екатерины, ее награждение этим орденом или коронование); авторы манифеста не захотели – или не сумели! – найти такие прецеденты, ограничившись ссылкой на дарования Екатерины II как на очевидный факт.

Легитимация Екатерины II была выстроена вокруг игры с концептами, вошедшими в российскую традицию при Петре I – отечество, «общая польза», слава и величие Империи. Оправданность наследования через личные достоинства, характерная для Екатерины I, была креативно переосмыслена окружением Екатерины II как легитимность избрания через

⁶⁰⁵ Очевидно, этот фрагмент манифеста, подошедший опасно близко к оправданию цареубийства, стал причиной отсутствия манифеста в Полном собрании законов Российской Империи.

⁶⁰⁶ Записки императрицы Екатерины II. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907. С. 504.

личные достоинства. И если «труды» Екатерины I были связаны с ее жертвенной любовью к Петру Великому, то «труды» Екатерины II – с жертвенной любовью к Отечеству.

Авторам «Обстоятельного манифеста» приходилось импровизировать. Так, манифест фактически уравнил Петра III и Екатерину II в родственном отношении к династии Романовых. Достигнуть этого удалось с помощью тонких манипуляций. Например, Петр III назван в тексте «племянником Елизаветы», определенным к наследованию российского престола ее волей; но одновременно Елизавета названа и «теткой» Екатерины. Более того: племянник Елизаветы «паче и паче старался умножить оскорбление развращением всего того, что Великий в свете Монарх и Отец своего Отечества, блаженные и вечно незабвенные памяти Государи Император Петр Великий, Наш вселюбезнейший дед, в России установил». Так правнук Петра Великого представал в тексте всего лишь «племянником Елизаветы» – и, наоборот, Софья-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская оказывалась правнучкой Петра Великого!

Наконец, в текст манифеста был включен и текст отречения Петра III от престола⁶⁰⁷. Возможно, авторы манифеста пытались найти дополнительные аргументы легитимности Екатерины, еще больше дискредитировать Петра III, а главное – решить проблему статуса свергнутого императора. Но в итоге получился странный казус: «обстоятельный манифест» фиксирует восхождение на престол Екатерины как результат переворота («намерения»), одновременно ссылаясь на отречение Петра III, текст которого был приведен в манифесте целиком. А ведь в российской традиции до 1762 г. прецеденты отречения от престола отсутствовали! К тому же, как отмечает современный исследователь А. С. Мыльников⁶⁰⁸, опубликованный текст не указывает, в чью пользу отрекся император. Возникает противоречие: если Екатерина взошла на трон волей Провидения, то отречение ее мужа не должно иметь значения. Если же, напротив, именно отречение Петра III придало воцарению Екатерины легитимный характер, то почему же манифест говорит о ее восшествии на трон как о событии, предшествовавшем отречению?

Итак, законность восшествия Екатерины II на престол определялась в «обстоятельном манифесте» 1762 г. комбинацией факторов: воля Бога, выдающиеся качества, общее желание подданных, отречение предыдущего монарха и даже присвоенное с помощью тонких риторических ходов наследование. Но в отличие от своей предшественницы,

⁶⁰⁷ Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II. С. 216–224.

⁶⁰⁸ Мыльников А. С. Петр III: повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 218.

Екатерины I, чей жертвенный образ, полный религиозных аллюзий, формировался в течение более чем десятка лет, Екатерина II не обладала на момент переворота обширным легитимационным «багажом». Ее оправдательная риторика следовала лекалам Екатерины I и Елизаветы. Единственная же новация, которую внесли авторы «обстоятельного манифеста» 1762 г. – отречение Петра III от престола – напротив, не сработала должным образом и практически сразу была предана забвению.

Можно ли считать легитимацию Екатерины II «выборной», как полагает С. Уиттакер?⁶⁰⁹ Механика «избрания», как мы постарались показать выше, оставалась неизменной с начала XVIII в.: единодушный выбор подданных, внушенный Богом – это верно и для 1740 г., и для 1762 г. Избрание в данном случае – это божественное предопределение, а не результат какой-либо процедуры. Характерно, что именно «обстоятельный манифест» из всех подобных манифестов XVIII в. наиболее пространно ведет речь о божественном характере восшествия Екатерины на престол: результатом дефицита легитимности стала не инновация – хотя такой вывод, казалось бы, напрашивается – а еще более активная эксплуатация уже имевшейся традиции. А. С. Мыльников, в своих научных работах старавшийся опровергнуть миф о Петре III как о бездарном правителе, обращает внимание на внутренние противоречия в легитимационных манифестах Екатерины II: «Пропагандистский камень, положенный в основание трона новой самодержицы, был с трещинами»⁶¹⁰. Но в контексте всего канона панегирической, легитимационной литературы, начавшего складываться при Анне и окончательно сформировавшегося при Елизавете, этот «пропагандистский камень» все же предстает монолитом.

В екатерининских манифестах падение Петра III предстает одновременно как Божественное чудо и как очищающая катастрофа, не оставившая выбора: речь шла не столько о законах и процедурах управления, сколько о стремительном и общем недовольстве, о катаклизме, опрокинувшем дурного государя, и о чудесной силе преобразования общества при новой императрице. А потому и падение Петра III представлялось вовсе не итогом активных действий группы реформаторов, способных предложить альтернативную программу, а падением нарочито злобного и неспособного

⁶⁰⁹ Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2003. P. 100–101.

⁶¹⁰ Мыльников А. С. Петр III... С. 208–209.

тирана, катастрофой неизбежности и Божьим чудом на краю пропасти, позволившим восстановить норму после короткого периода аномальности.

Одним из текстов, которые позднее обращались к проблеме переворота 1762 г., был анонимный «Антидот» (1770), изданный на французском языке и предположительно написанный самой Екатериной II⁶¹¹. Сочинение, направленное на опровержение рассуждений о России аббата Шаппа д'Отроша, изложенных в его «Voyage en Sibérie» (1768), касалось и вопроса о характере власти российских монархов. Стремясь доказать, что Россия исторически не является деспотией, автор «Антидота» совершал экскурс в прошлое страны, настаивая на том, что в этой истории количество злых правителей исчисляется единицами. Но русский народ, согласно «Антидоту», не терпит «слабых» правителей: «В России никогда не происходило революций, разве когда нация чувствовала, что впадает в ослабление. У нас были царствования жестокие; но мы всегда с трудом переносили лишь царствования слабые⁶¹². Наш образ правления по своему складу требует энергии; если ее нет, то недовольство делается всеобщим, и вследствие его, если дела не идут лучше, происходят революции <...> Всякие козни, не опиравшиеся на голос народа, постоянно оказывались несостоятельными»⁶¹³.

Аргументы «Обстоятельного манифеста» в отношении царствования Петра III были повторены в «Антидоте», но с большей прямолинейностью: «Истина в том, что, к несчастью, этот Государь имел вокруг себя людей достаточно безрассудных, чтобы внушать ему против своего народа ненависть, которой он не скрывал; ненависть не порождает любви. Своею неосторожностью он лишил себя общественного уважения и доверия: его неспособность довершила дело. Все видели, что гибель Империи была бы следствием царствования, во время которого благоразумие и справедливость не управляли бы Государем, и слово “отечество” сделалось бы преступлением»⁶¹⁴. И Екатерина не колебалась, понимая, «что перед нею только два пути: или разделить несчастья супруга, который ее ненавидел, был неспособен следовать ее добрым советам и не имел худшего

⁶¹¹ Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: НЛЮ, 2017. С. 16–19.

⁶¹² Ср. в «Российской истории» Ф. А. Эмина: «Нет в свете большего нещастия для общества, как быть управляему слабым и неблагоразумным Государем. Тиран, обществом владеющий, утесняет народ; но может приумножить славу отечества, и распространить оное; от слабого же и безрассудного Государя, ничего иного ждать не можно, как только неправосудия и разорения» (Эмин Ф. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, всевеликия и вечной достойныя памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. Сочиненная Федором Эмином. Т. I. СПб.: Имп. Академия наук, 1767. С. 152).

⁶¹³ Антидот // Оснадцатый век. Кн.4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. С. 299.

⁶¹⁴ Там же, с. 317–318.

врага, чем самого себя, или спасти государство, Великого Князя, своего сына, семилетнего мальчика, и самое себя. Екатерина не колебалась: она спасла это государство, которого она была единственной надеждою»⁶¹⁵. Показательно, что в анонимном «Антидоте», предназначенном для более узкого круга читателей, вовсе не упоминается о божественном характере воцарения Екатерины. Вместо этого автор «Антидота» концентрировал внимание на соответствии выдающихся достоинств Екатерины императорскому сану и на тотальном отчуждении от Петра III всех подданных. Эта линия аргументов была доминирующей⁶¹⁶.

И хотя отсутствие в упомянутых текстах ссылок на Провидение делает соблазнительным истолковать их как описание реальных событий без машинерии чуда, пресловутое недовольство «всех» не стоит принимать за истинное положение дел. Ведь эта риторическая фигура указывает на следование той провиденциальной традиции, которую мы рассмотрели выше. Недовольство «всех» – это и есть демонстрация мощи Провидения, низвергающего тиранов и возносящего царей по своему усмотрению. Неудивительно поэтому, что правление Петра III не подвергалась никакой открытой, публичной атаке до его свержения, и практически все тексты, с которыми сегодня мы имеем дело – это не аргументы, призванные «сделать» переворот, идеологически подготовив его, а лишь оправдания этого переворота, сделанные *post factum*.

Итак, легитимация переворота 1762 г. в текстах екатерининского времени не содержала каких-либо принципиально новых идей. Напротив, она практически целиком опиралась на уже имевшийся интеллектуальный арсенал, прежде всего – на эффектный, отточенный политический язык культа монарха, доведенный до совершенства панегиристами елизаветинской эпохи, от Амвросия (Юшкевича) до М. В. Ломоносова. При этом екатерининская легитимация в меньшей степени интересовалась обоснованием правовой подоплеку воцарения и почти полностью сосредоточилась на разработке критериев соответствия качеств монарха высокому сану; единственная инновация правового толка – отречение Петра III – была предана забвению. Интересно, что в 1767 г., составляя накануне созыва Уложенной комиссии проект акта о престолонаследии, Екатерина II воспроизвела в преамбуле именно провиденциалистскую риторику: «Божиею милостию мы, Екатерина

⁶¹⁵ Антидот. С. 311.

⁶¹⁶ К примеру, в 1765 г. Н. И. Панин – один из руководителей переворота 1762 г. – объяснял датскому дипломату А. фон Ассебургу механику событий следующим образом: «Неудовольствие против Петра III было всеобщее... Он пренебрегал делами и советами людей, которые всего менее того заслуживали... Все отшатнулись от него, все негодовали на него; едва он воцарился, как все стали желать другого повелителя» (Цит. по: Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург: БКИ, 2015. С. 53).

Вторая, императрица и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр. Чудный промысл о нас Всевышнего, который вручил нам самодержавство сей империи образом человеческим предвидением непостижимым, заставляет нас нередко помышлять о исполнении бремени на нас Творцом всея твари наложенного»⁶¹⁷.

Показательны обвинения, выдвинутые по адресу Петра III в связи с заключением мира и союза с Пруссией, объявление войны Дании. Первый манифест ссылался на «совершенное порабощение», в которое оказалась ввержена Россия «заключением нового мира с самым ея злодеем». Однако уже в «пространном манифесте» упоминание о «злодее» – Фридрихе II – отсутствовало; отмечено было лишь, что Петр III «из войны кровопролитной начинал другую безвременную и Государству Российскому крайне бесполезную»⁶¹⁸. Таким образом, если краткий манифест ставил императору в вину заключение мира с Пруссией, то пространный манифест уже упрекал его в организации новой войны – с Данией! Это неудивительно: игравший ключевую роль среди сторонников Екатерины Н. И. Панин был противником войны с Пруссией, а круг екатерининских сановников в целом считал участие в Семилетней войне тяжелым кризисом⁶¹⁹.

Резкий поворот заметен, если проанализировать самые ранние (помимо собственно манифестов) легитимационные тексты Екатерины II. А. П. Сумароков написал оду «Государыне Императрице Екатерине Второй, на день Ея возшествия на престол, Июня 28 дня 1762 года», в которой заклеил мир с Пруссией в полном соответствии с кратким манифестом о восшествии императрицы на трон⁶²⁰:

Какая зляй сей злыя части?

О мир! о трепроклый мир!

В соответствии со сформировавшимся уже канонem и одновременно – следуя официальному манифесту, Сумароков подчеркивает божественное происхождение власти новой императрицы. В полной мере он использует и провиденциалистскую риторику чуда – весь дворцовый переворот предстает как боговдохновенное чудо⁶²¹:

⁶¹⁷ Императрица Екатерина II: собственноручныя ея заметки // Русская старина. № 12. 1875. С. 384.

⁶¹⁸ Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II. С. 219.

⁶¹⁹ Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 112.

⁶²⁰ Сумароков А. П. Ода VIII Государыне Императрице Екатерине Второй, на день Ея возшествия на престол, Июня 28 дня, 1762 года // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. II. М.: Унив. тип., 1787. С. 44.

⁶²¹ Там же с. 37.

И се всесильною рукою,
 Господь Россию удержал,
 Когда к рушению покою,
 Уже Престол ея дрожал.
 Господь отверг судьбу несчастну,
 И рек ко ангелу прекрасну,
 Когда тряслась над нами твердь:
 Россию пожирает злоба,
 И Россам дверь отверста гроба:
 Уже на них зияет смерть.

<...>

Взошла на трон ЕКАТЕРИНА:
 Сам Бог Ея на трон вознес.

«Прекрасный ангел», упоминаемый Сумароковым – это, конечно, сама императрица (в оде Екатерина также названа «ангелом на троне», «счастьем на троне», «Матерью народа»), Бог «речет» именно к ней. Не забыто в этой оде и традиционное воплощение Петра Великого – на сей раз в лице Екатерины II⁶²²:

Ярится Марс и меч кидает,
 И вопит: буду побежден!
 ЕКАТЕРИНА обладает,
 ВЕЛИКИЙ ПЕТР опять рожден.
 Плутон кричит: встал из гроба
 ВЕЛИКИЙ ПЕТР, и пала злоба.

А уже 10 июля 1762 г., спустя всего 12 дней после переворота, в Успенском соборе московского Даниловского монастыря игумен Константин (Борковский) произнес «Слово торжественное о всерадостнейшем и вожделеннейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшаго Императорскаго Величества, Благочестивейшия Государыни Императрицы Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския» (1762);

⁶²² Сумароков А. П. Ода VIII Государыне Императрице Екатерине Второй. С. 41.

проповедь Константина была напечатана в типографии Московского университета уже 15 июля.

Эта проповедь занимает, пожалуй, особое место во всем корпусе политической проповеди XVIII – начала XIX вв. Текст был в полной мере легитимационным: он был произнесен в Москве, втором по значению городе империи, в отсутствие императрицы. Константин воспроизвел здесь основные аргументы первого екатерининского манифеста, умело расположив их в рамках российской барочной традиции. Об этом говорил уже эпитафия: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся».

Константин начал с обращения к календарным совпадениям, чтобы показать волю «нашего бога, того всемогущего Господа, которой как наказуя Россию, всегда ей милосердый есть Отец, так и милуя ея, всегда есть всех благо податель ей Господь и Творец». Ведь именно в этот день, 10 июля, Творец «рукою крепкою и мышцею высокой подал избавление ПЕТРУ Великому, ПЕТРУ Первому, просветителю Российскому, а чрез Него и целому Его народу даровал свободу от вечного стыда и срамоты, наносимой от Христова врага, Турецкого народа. Он в сие число хотя было и наказал нас как правосуд, но вскоре как Отец и избавил нас <...> не предаде во истинну многоценную главу возлюбленного своего народа в корысть смерти; не попустил же и свету славы избранного достояния своего, тмою иноверных поглощенному быти»⁶²³. Константин ставит в параллель этому чуду другое чудо, которое «над Россиею Своею явити благоволил Великодушной ЕКАТЕРИНЕ нашей всегда присутствующий Господь, которая предзрела Его пред Собою выну, яко одесную Ея есть, и сама не подвиглась, и церковь Божию и любезное Отечество Свое от свирепой бури, от грозного трясения, от жестокого поколебания удержала, защитила, свободила. Слава ж Богу! О Премилосердая МОНАРХИНЯ наша! Слава Богу, Избранная наша ИМПЕРАТРИЦА! Слава богу, Мати Отечества благословенная!»⁶²⁴

Обращаясь к Екатерине (отсутствующей в соборе), Константин ссылаясь на библейские примеры. Злоключения колебали Израиль до воцарения Давида, и Гedeон жаловался ангелу, что Божья помощь слабо защищает Израиль. От Израиля Константин возвращался к России: «Не равное ли тому и нас не давно постигало отчаяние? Не говорила

⁶²³ Слово торжественное о всерадостнейшем и вожденнейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшаго Императорскаго Величества, Благочестивейшия Государыни Императрицы Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, славу премилосердому господави за толикую его на Россию изобильную милость, воздающее, в большом Успенском соборе Московскаго Даниловскаго монастыря игуменом Константином. 1762 года, июля 10 дня в день воспоминания Турецкой акции. М.: При университете, 1762. С. 3-4.

⁶²⁴ Там же, с. 4.

ли в лице Гедеономом, до Бога и церковь наша Святая: Аще ты, Господи, со мною: вскую нападоша на мя от сонма лукавнующих <...> Ей говорила! <...> И се ей Господь, Его же предзрела она прел собою выну, яко одесную ея есть, не даде подвигнуться чрез Сильную крепостию, Избранную вместо Гедеона Израильского, Всероссийскую МОНАРХИНЮ ЕКАТЕРИНУ». При Гедеоне в Израиле погибло тридцать тысяч воинов, священный кивот попал в руки иноплеменников; та же страшная судьба угрожала бы и России, если бы Бог «чрез возлюбленную Свою ЕКАТЕРИНУ, в том не поберег Россию. Уже в руках вражиих было тридцать тысяч лишь бы не больше, имя Твое Святое Кровию своею защищающих рабов Твоих. Коль же се не удоб носимое иго! Коль несносное бремя! Быть присяжному врагу подкомандными, быть злодею своему послушными, проливать Христианскую кровь за иконоборца, за неистваго церкви Христовой раздирателя. Тут-то надобно подивиться чудной измене Десницы Вышняго, предускорившей в том, и чрез благословенный совет Премудрыя ЕКАТЕРИНЫ наша, все оное уничтожившей!»

Воцарение Екатерины трансцендентно преобразило действительность, завершило действие Божьего гнева на согрешивших россиян и открыло эру благополучия и прощения: «О Премудрая ЕКАТЕРИНА! О Прозорливая Всероссийская МОНАРХИНЯ! Если бы данною Тебе от бога свыше благодатию, всего того не предвидела, и великодушием Своим в руках Своих не удержала: куда б мы годились? Безоружны, беспомощны, голодом и скудостью изнуряемы и истаяваемы остались бы. И кто может исчислить все нам имевшая приключиться напасти, от которых Твое щастие, Твое от Бога избрание, Твое богоугодное предприятие, совершенно защитило нас? <...> И что было послал Он на нас, ни о чем том не жалею мы, видя Тебе, нашу надежду, на Самодержавном Всероссийском Престоле сидящую. Припадаем к стопам Твоим с радостными слезами: облобызаем священные дела премудрых Твоих предприятий: величаем пребодрое и предоброе Матернее Твое защищение. Мы согрешили, а Твоя праведная неповинность исходатайствовала нам от Господа спасение и на людей Твоих благословение. Мы раздражили было Творца; а Ты незлобивою Твоею и правоверною душею умилила Всевышняго»⁶²⁵.

Итак, императрица была вознесена на престол Богом, который вдохновил ее на «богоугодное предприятие»; не названный (в полном соответствии с барочной традицией) Константином по имени Петр III был «Божьим наказанием», сведшим россиян за их грехи в

⁶²⁵ Слово торжественное о всерадостнейшем и вождельнейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении... С. 6.

«ад печалей»; на смену ему пришла милость, возвратившая россиян в «присноцветущий рай» и вырвавшая их из лап «иконоборца» Фридриха II, так же, как полвека назад Провидение спасло российское воинство от турок; изящная параллель, позволявшая Константину отослать слушателей (и читателей) к легитимационной аргументации Екатерины I, связанной с Прутским походом.

Константин последовательно обращается к православной церкви, к «христолюбивому сословию» («воинству») и ко всему «российскому обществу». Церкви угрожали «напасти лютые», «которые, чтоб в конец тебе истребить, все свои предприятия употребляли»; воинству, слава которого оказалась «предана» в чужие руки, «уныние» и «смятение» грозили «невозвратным упадком силы». «Общество» же пережило хоть и короткое, но «крайне бедное сиротство», поскольку «некому было услышать оханий и стенаний твоих: тужило ты внутренне и плакало, но не бе послушающего тебе». Господь, «возбужденный предстательством живущия на небесах ЕЛИСАВЕТЫ», совершил чудо: «Тотчас ускорил как Престол ЕЛИСАВЕТИН, так и Ея наследство; как державу Ея, так и правосудие; как милость, так и кротость со всеми прав твоих законы, вручить Той Премилосердой Матери твоей, в которой ты можешь видеть и благочестивую ГОСУДАРЫНЮ, и Славную Повелительницу, и Премудрую Законодавицу ЕКАТЕРИНУ Вторую, Самодержицу твою». Сам Бог вознес «ЕКАТЕРИНУ Вторую, ЕЛИСАВЕТЕ Первой и в вере и в великодушии Подобную, которая Сам Он и рог вознесе о имени своем, и положил Ю первеницу паче Царей земных»⁶²⁶.

Завершение проповеди Константина было впечатляющим: «Коль чудны и преславны величия Господни и дела его, их же употребляет он в пользу нашу и в славу Российской Державы. И кто бы толь неистов был, кто бы не мог чувствовать непостижимой силы чудес его? Приди сюда, безбожник, и научись от сего промысла божия, веровать в Создателя твоего <...> Приди сюда, скверная Епикурская шайка, в сластях и страстях утопающая; присмотришь строгой судьбе божией за безместныя дела отмщающей, и покори неистовство природы твоя в послушание веры, да с временными благами и вечных не лишишься»⁶²⁷.

Итак, московский игумен достаточно ловко интерпретировал легитимационные тексты Екатерины II, сориентировавшись в сложной ситуации. Явная нехватка легитимности

⁶²⁶ Слово торжественное о всерадостнейшем и вожденнейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении. С. 8–9.

⁶²⁷ Там же, с. 9.

Екатерины II компенсировалась прямыми указаниями на вмешательство Провидения, на преемственность между Елизаветой и Екатериной, а также тонкими отсылками к параллелям между первой и второй Екатеринами. Речь о наследнике Павле Петровиче заходила в последнюю очередь, при этом о его отце не упоминалось вовсе. Примечателен и тот зигзаг, который придворные панегирики выписали в первые же месяцы после переворота. Проповедь, произнесенная игуменом Константином, равно как и ода Сумарокова, следовали в логике первого манифеста Екатерины и были полны ламентаций об умалении «российской славы» и о «трепроклятом мире». Но уже через несколько недель «иконоборец» и «неистовый церкви Христовой раздиратель» превратился в надежного союзника России; российско-прусский союз сделался основой внешней политики Екатерины II на ближайшее десятилетие. Любопытно, что зигзаг 1762 г. в отношении к Пруссии не укрылся от современников. Например, А.Т. Болотов в известных мемуарах отмечал факт изменения отношения к Пруссии и попытался как-то объяснить очевидное противоречие, ссылаясь на обнаруженные якобы у Петра III письма прусского короля, «растрогавшие» Екатерину и убедившие ее в том, что Фридрих II ей вовсе не враг⁶²⁸.

Церковный панегирик, придворная поэзия и коронационные торжества Екатерины отражали центральное значение религиозного аргумента: восшествие императрицы на трон рассматривалось проповедниками, поэтами и художниками в соответствии с елизаветинской и отчасти аннинской моделью – как чудо, которое должно трансформировать Россию. Но в екатерининском случае модель оказалась куда более тщательно разработана. Акцент на божественном происхождении власти императрицы позволял не только оправдать ее приход к власти, но и предвидеть грядущее чудесное преобразование страны. Россия панегиристов – это новый Израиль⁶²⁹, новый Сион⁶³⁰, но одновременно и новый Рим, новые Афины.

Епископ Тверской Гавриил (Петров-Шапошников) в «Слове на высокаторжественный день коронования благочестивейшия великия государыни наша императрицы Екатерины Алексеевны» (1773) декларировал: «Ни в каком столько случае Бог Промысла Своего и

⁶²⁸ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738– 1793. Т. II. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. С. 452.

⁶²⁹ Слово на торжественное воспоминание высочайшего рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни наша императрицы Екатерины Алексеевны всея России, проповеданное в высочайшем присудствии Ея Императорскаго Величества святейшего правительствующаго Синода членом преосвященным Иннокентием епископом Псковским и Рижским, во второй день святыя пасхи 1766 года. М.: Синод. тип., 1766. Л. 2.

⁶³⁰ Адамович Яков, свящ. Ода в честь приезда в Малороссию вел. кн. Павла Петровича и его жены Марии Федоровны. 1781 окт. Писарск. в обложке. 2 экз. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 22. Л. 15.

попечения о нас не оказывает, как в избрании и постановлении Царей»⁶³¹. Доказывая далее, с помощью длинного ряда библейских примеров, что царская власть происходит от Бога, Гавриил подчеркивал необходимость безоговорочного повиновения такой божественной власти: «Сие в нас составит истинное почтение к Помазаннице нашей; чрез сие мы имеем соответствовать Божию предписанию. Бог определил над нами царствовать Благочестивейшую нашу МОНАРХИНЮ; Он узаконил и почтение к Оной»⁶³².

Идея достигла кульминации в коронационном маскараде «Торжествующая Минерва», который был организован в Москве в 1763 г. Г. А. Гуковский, обстоятельно изучивший тексты маскарада, написанные А. П. Сумароковым, считал его проявлением «дворянской фронды», возглавлявшейся Н. И. Паниным⁶³³. По нашему мнению, этот маскарад был в полной мере абсолютистским, следуя вполне в русле описанной выше модели легитимации. Так, Сумароков продолжал описывать божественное происхождение власти Екатерины II:

Сия России всей дражайшая отрада,
Астрея и Паллада:
В Россию щедрой Бог послал Ея с небес,
И на престол вознес:
ОНА превознесет Россию до небес.

Маскарад демонстрировал тотальное и чудесное преображение России, которое должно было осуществиться благодаря воцарению Астреи – Екатерины II. И даже если сам образ Астреи был – согласно интересному анализу современной исследовательницы В. Проскуриной – двусмысленным, указывающим на желательность регентства Екатерины при Павле Петровиче⁶³⁴, сама модель власти, предстающая в одах Сумарокова, в полной мере соответствует канону легитимации. Сам же Сумароков, по замечанию Н. Ю. Алексеевой, сыграл ключевую роль в интродукции греко-римской образности в

⁶³¹ Слово на высокоторжественный день коронования всепресветлейшая великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския проповеданное синодальным членом Гавриилом архиепископом, Санктпетербургским и Ревельским, и архимандритом Святотроицкого Александроневского монастыря в придворной церкви 1773 года. СПб.: Имп. Академия наук, 1773. С. 2об.

⁶³² Там же с. 4.

⁶³³ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. С. 170–178.

⁶³⁴ Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. С. 67–70.

русской одической поэзии: образы эти станут «предметом подражания В. П. Петрова, С. Г. Домашнева, В. И. Майкова и заметно изменяют ломоносовский колорит оды»⁶³⁵.

Появление большего числа греческих и римских фигур сделает сравнения государя с Богом более распространенными, укрепляя характерное для провиденциалистского канона представление о монархе как о могущественном демиурге – герое (героине), святом (святой), божестве, творящем для подданных «золотой век»⁶³⁶. Так, в оде 1768 г. Сумароков обращается к Екатерине именно как к божеству⁶³⁷:

О, буди образец Царей,
Князей, вельмож и человека,
Жена достойна олтарей,
Для памяти златого века.

Вряд ли можно счесть демонстрацией нелояльности такие строки Сумарокова из оды 1768 г.⁶³⁸:

Скипетр – дело невелико,
Если оного владыко
Благом ставит только блеск;
Царско имя устрашает:
Коль оно не утешает –
Тщетен и народный плеск.

Ведь здесь Сумароков не высказал ничего, что шло бы вразрез с доминирующей традицией провиденциального монархизма. Наиболее пространно Сумароков высказался о царской должности в оде Павлу Петровичу 1774 г. – здесь «нестройный царь» сравнивается с «кормщиком искусным», тигром и даже именуется «врагом народа» (несколько неожиданный поворот римской образности)⁶³⁹. Критическую направленность оды 1774 г. по отношению к Екатерине сложно отрицать; но – помимо личного раздражения поэта –

⁶³⁵ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. С. 238.

⁶³⁶ Маслова А. Г. Преобразование художественного пространства русской торжественной оды в последней трети XVIII века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 5–6. 2011. С. 155.

⁶³⁷ Сумароков А. П. Ода XX. Государыне Императрице Екатерине Второй, на день Возшествия Ея на престол 1768 года июня 28 дня // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. II. М.: Унив. тип., 1787. С. 87, 90.

⁶³⁸ Сумароков А. П. Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 69–70.

⁶³⁹ Сумароков А. П. Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу. С. 76.

идеологический вектор остается неизменным. Совершенно прав историк литературы И. Клейн, так характеризующий жанр панегирика: «Всякое сомнение в мудрости правителя – заместителя Бога на земле – было исключено. То, что сегодняшний читатель мог бы прочесть как завуалированную критику, прошло бы тогда незамеченным: такому пониманию противостояли коммуникативные условия панегирической литературы»⁶⁴⁰. Иными словами, панегирики не были завуалированной формой презентации политических программ; они использовали собственную риторическую систему – ту, которую мы называем в данной работе провиденциальным монархизмом.

Вместе с тем, В. М. Живов и Б. А. Успенский отмечают, что в своих одах Ломоносов и Сумароков осмотрительно используют уподобление монарха божеству: «У Сумарокова мы находим тот же прием перевода сакральных терминов в область языческой мифологии, который мы наблюдали у Ломоносова. Подобно Ломоносову, Сумароков, избегая называть императрицу Богом, именует Екатерину II богиней»⁶⁴¹. В целом, с этим мнением следует согласиться⁶⁴²; но, как мы уже отмечали выше в связи с панегириком А. А. Ржевского, за метафорой богоподобия не скрывалась доктрина почитания монарха. Риторика же богоподобия позволяла приписать монарху экстраординарные качества. И в большинстве случаев риторическое уподобление государыни божеству играло ключевую роль, становясь все более распространенным и смешивая античную образность с христианской. Такую манеру использовали монахи униатского ордена святого Василия – авторы созданного в 1780 г. сборника панегириков «Августейшему и священному Императорскому Величеству Екатерине II, Императрице Всея Руси и проч., по случаю ее счастливого прибытия в белорусские земли ода, в ее честь сочиненная учениками из Толочина под руководством священнослужителей ордена Св. Василия Великого». В этих одах, кроме прочего, прибытие Екатерины II на белорусские территории «описывается как сошествие верховного существа

⁶⁴⁰ Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 50.

⁶⁴¹ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т.1. С. 295.

⁶⁴² Хотя и не в полной мере. Так, В. М. Живов и Б. А. Успенской замечают далее: «Встречаем мы у Сумарокова и оправдание библеизмов, достигаемое тем, что они вкладываются в уста языческому божеству. В оде, посвященной восшествию на престол Екатерины (1762 г.), Сумароков видит в ней воскресшего Петра, но говорит при этом от имени Плутона» (Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог... С. 295). Это не совсем точно: непосредственно перед репликой Плутона Сумароков говорит о своеобразном воскресении Петра в лице Екатерины от *своего собственного* имени. Это лишний раз показывает, насколько легко проницаемой была грань в игре с сакрализующей риторикой.

на бrenную землю, при этом подчеркивается выгодное отличие визита российской императрицы от давно минувших явлений античных богов»⁶⁴³.

Показателен и случай Е. И. Кострова. В оде 1778 г. на день коронации Екатерины II он, тогда студент Московского университета, начинает с того, что называет Екатерину «залогом Царя Царей», возведенной на трон Провидением. Однако далее Костров описывает коронацию Екатерины в Москве через метафору сошествия Господа на Синайскую гору⁶⁴⁴:

И се величества стопами
Екатерина в храм грядет,
Приосененна облаками,
Лиющими небесный свет!
ЕЯ предтечи все герои,
Во след ЕЯ стремятся вои;
По стогнам шум и плеск и гром;
В эфире молнии блистают,
Сердца Россиян верных тают,
Всяк радости исполнен дом.

Таков велик Зиждитель вечный
На трепетный Синай низшел,
Где огонь и вихри быстротечны,
Где глас трубы его гремел;
Низшел, чтоб дать закон народу,
И падшу обновить природу,
Возлюбленным себе вождем;
Но там сей гром был знаком казни,
Рождал смущения, боязни,
А в нас он радости творцом⁶⁴⁵.

⁶⁴³ Кондаков Д. А. На присутствие Ея Величества в Белоруссии: оды 1780 года и культурная политика Екатерины II // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 4.

⁶⁴⁴ Костров Е. И. Ода на всерадостный день коронации Ея Императорского Величества Екатерины II сочиненная 1778 года // Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. Ч. I. СПб.: Имп. типография, 1802. С. 8.

⁶⁴⁵ Той же модели Костров следует и в оде 1779 г., где Екатерина в конце концов названа так (Костров Е. И. Ода на день рождения Ея Императорского Величества Екатерины II апреля 21 дня 1779 года // Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. Ч. I. СПб.: Имп. типография, 1802. С. 30):

О глас превышший человека!

В особой «речи», поднесенной Екатерине II от лица «Сената и народа» генерал-прокурором А. Н. Самойловым в честь заключения мира с Османской империей в 1793 г., превозносилось величие императрицы: «Днесь услыши три кратно торжествующая Победительница глас Сената, восклицания усердного народа ТОБОЮ превознесенного. МЫ громко вопрошаем вселенную; кто Царь велий, яко Царица и Матерь наша? И не слышим ни кого же уподобляемого ТЕБЕ»⁶⁴⁶.

Панегиристы Екатерины II продолжали развивать риторические стратегии елизаветинской эры, что указывает на преемственность в политической культуре XVIII в. Несомненно, яркая личность Екатерины II, ее интенсивное участие в процессах управления, ее персональный творческий подход (императрица сама является автором массы текстов – уникальный случай для правящей династии) зачастую заставляют исследователей отделять ее царствование под именем «просвещенного абсолютизма» или «законной монархии». Екатерина II царствовала дольше, чем Анна Иоанновна и Елизавета Петровна вместе взятые. Безусловно, этот факт – наряду с несомненными личными талантами императрицы, интенсивно участвовавшей в коммуникации с подданными – стал причиной того, что корпус легитимационной литературы екатерининской эпохи и богаче, и разнообразней рассмотренных выше. Однако анализ действий панегиристов в придворной коммуникативной сфере указывает на сохранение глубочайшей преемственности; в этом отношении царствование Екатерины описывалось с помощью все того же политического глоссария провиденциального монархизма, восходящего к петровской эпохе. И хотя современный исследователь церковного панегирика Е. М. Матвеев утверждает, что во 2-й половине XVIII в. проповедь «приобретает нравственно-практический характер и меньше интересуется политическими событиями»⁶⁴⁷, именно при Екатерине церковные иерархи

О наше кротко божество!
В делах неслыханных от века
Тебя все славит естество!
Щедроты равны где обрящу,
Где образ твой Богиня срящу?
Нигде как токмо в небесах.
Зерцало мирных природы!
Твой зрак Российски поздны роды
Изобразят в своих сердцах.

⁶⁴⁶ Речь говоренная ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ от имени Сената и народа действительным Тайным Советником, Генерал-Прокурором и Кавалером Александром Николаевичем Самойловым, в день мирного торжества Сентября 2го 1793 года. СПб.: Сенатская тип., 1793.

⁶⁴⁷ Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века. (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб.: Ф-т филологии и искусств, 2009. С. 50.

оказались включены в процесс трансляции идеологии еще сильнее – речь идет, прежде всего, об идеологическом обеспечении реформы 1775 г.⁶⁴⁸

Аналогичным образом функционирует и одическая поэзия. Например, В. П. Петров в «Оде на великолепный карусель» (1766) высказывался следующим образом⁶⁴⁹:

Сверх многих Божеству приличеств,
Екатерина новый путь
Открыла достигать величеств,
Свой дух вливая в верных грудь.

В другой оде В. П. Петрова, «На сочинение нового Уложения» (1767), Петр с Елизаветой глядят с небес на Россию, и император говорит об Екатерине II так⁶⁵⁰:

Избранну в нашу кровь тобою,
Что тою ж, как тебя, рукою
Небесный промысл увенчал.

Там же Екатерина сравнивается с солнцем⁶⁵¹:

Царица, свыше вдохновенна,
Во всех путях благословенна,
С высот делам заемлет свет.
Начало само показывает,
Начало нам преобразует,
Как росс под солнцем процветет!

Современная исследовательница Н. Ю. Алексеева приходит к выводу о кризисе жанра пиндарической оды в 60-х – 70-х гг. XVIII в., о том, что оды этого периода страдают от клишированности и безыдейности: «В согревом гуманистическими идеалами новом обществе происходит подмена великих целей и задач государства насущными интересами отдельных его слоев. Счастье подданных и общее благо все более признаются высшим

⁶⁴⁸ Зернова А. И. «Власть без доверия нации – ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств // Россия XXI, № 4, 2013. С. 159.

⁶⁴⁹ Петров В. П. Ода на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 332.

⁶⁵⁰ Петров В. П. На сочинение нового Уложения // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. С. 400.

⁶⁵¹ Там же, с. 401.

смыслом государства. Пропагандируемое желание императрицы видеть своих подданных счастливыми, предпринимаемые ею шаги в этом направлении создают иллюзию уже достигнутого в стране благополучия. Взоры поэтов все более обращаются от горнего мира к дольному. В императрице подчеркивается ее человечность, в ее правлении – забота о счастье подданных. Наставшее вдруг счастье мешает напряжению духа, необходимому для высокой оды»⁶⁵². По мнению Алексеевой, усилиями Державина высокая пиндарическая ода была трансформирована в лирическое стихотворение, призванное выражать искреннее и сильное чувство, в то время как «классическая ода была не способна выражать богатство эмпирического мира и открывающийся в своей изменчивости душевный мир человека»⁶⁵³.

С этими замечаниями следует согласиться. Однако для целей настоящего исследования вопрос о художественном качестве одической поэзии вовсе не является значимым. Динамика же «производства» од и панегириков не спадала, а лишь *нарастал* во 2-й половине XVIII в. Пускай сами поэты в переписке между собой ругали напыщенную, высокопарную одическую манеру, пускай манера эта подвергалась нападкам на страницах журналов как льстивая и неискренняя⁶⁵⁴, панегирик все-таки сохранял ключевое значение в качестве жанра политической речи.

Но оставим «высокий» жанр, функционировавший в непосредственном присутствии монархини, и рассмотрим несколько примеров того, как язык провиденциального монархизма работает вдали от двора.

Например, подвизавшийся при «дворе» могущественного наместника Малороссии фельдмаршала П. А. Румянцева поэт И. Голеневский в «Оде на день открытия Курского наместничества» (1779) описывал новое «блаженство» Курска – незначимого города, ставшего «повелителем градов», и перешедшего от «зимы» к «прекрасной весне» милостью императрицы (Голеневский не забывает, впрочем, упомянуть и наместника, фельдмаршала Румянцева, которому он также посвятил панегирик). Описывая усердие и ревность Курска в его новом статусе, Голеневский сравнивает его с древней Спартой, блаженствовавшей благодаря мудрым законам Ликурга⁶⁵⁵.

⁶⁵² Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. С. 307.

⁶⁵³ Там же, с. 358.

⁶⁵⁴ Е. Н. Марасинова говорит об отчуждении части дворянской интеллектуальной элиты под давлением придворно-бюрократической среды (Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С. 316–349).

⁶⁵⁵ Голеневский, Иван. Ода Екатерине II в день открытия Курского наместничества. 1779, дек. 27. // НИОР РГБ. Ф. 255. Румянцевы. Картон 5. № 21. Л. 3.

Ликурга древле похвалами
 Вознес до звезд Лакедемон,
 Великими его делами
 Прославил в свете чрез закон,
 Сим крепку получил ограду
 Сим утесненным дал отраду,
 Стал силен, щаслив и богат;
 Художества восстанавлив,
 Полки науки учреждая
 Закон отец стал быть для чад.

Голеневский, по-видимому, настолько увлекся здесь штампованной риторикой, описывавшей «закон» одновременно в категориях кары/воздаяния и в категориях изобилия, что начал ошибаться в собственном историческом примере: Лакедемон, благодаря законам Ликурга, стал не только «силен» и «щаслив», но и «богат», а также обзавелся «художествами» и «наукой». По меньшей мере нехарактерное утверждение для дискурса о Спарте! Тем не менее, в оде Голеневский уделяет больше внимания именно закону – карателю порока, описывая его уже в следующей строфе:

Как ветры градом ударяют
 На крепки здания домов,
 Как громы треском поражают
 Касаясь выпренных верхов,
 Закон так злое истребляет,
 На дерзских меч свой обнажает,
 Чтоб страхом силы предварить;
 Как быстрая река стремится,
 На тягость кораблей ярится,
 Все хочет власти покорить.

Впрочем, в 10-й строфе Голеневский добавляет, что сегодняшний закон теперь является «правосудием священным», сопряженным с «кротостию», подобно

легендарным близнецам Кастору и Поллуксу. За описанием закона в Курск является Истина; ода завершается восхвалением Екатерины II⁶⁵⁶:

Потщися муза вслух воспети
 МОНАРХИНЕ своей хвалу,
 Доколе будеши коснети
 Медления отвергни мглу;
 ОНА прославленна делами
 Как твердь небесная звездами
 Любя российский свой народ;
 О благоденствии печется
 Едва пример где в книгах чтется
 Трудов ЕЯ известный плод.

Другой пример панегирической поэзии, сложенный по тому же поводу – «Стихотворение к открытию Курского наместничества» (1779) священника П. Дичковского – представлял собой куда более прямолинейное прославление императрицы⁶⁵⁷, которое мы приводим без сокращений, несмотря на его пространственный характер:

Россиане в блаженствах мы боговещанных
 Имеем в себе царей свято увенчанных
 Царица священнейша нам Екатерина
 Архистратиг земных сил Христа Бога сына
 Милосерда в благостех премудра Закона
 А врагам всем страшная в царстве оборона
 Трепетен ужас слышат во все страны света
 Эхо то что чрез восми надесяти лета
 Российскаго своего самодержавствия
 Препрославленна во свете царствия
 Родом благоденствием в сыне и невесте

⁶⁵⁶ Ода на день открытия Курского наместничества. Л. 4.

⁶⁵⁷ Дичковский, Петр свящ. Стихотворение к открытию Курского наместничества [1779 дек.] Автограф, в обложке // Ф. 255. Румянцевы. Картон 5. № 19. Л. 1об–2.

Еще ж в сыновних сынах в первославном месте
 Мудростью что Бог вписал в сердце ЕЯ верно
 Управлением правда всенелицемерно
 Добродетелю трудом, святым неусыпным
 Размножением наук, делом любопытным
 Авраамским тщанием во странноприимстве
 Явных матерних щедрот в славном благоденстве
 Обогащеньем своих, и пределом чуждых
 Трудрами комерции в взаимностях нужных
 Еще же и геройством в победах преславных
 Чудотворством храбростей в силах непрестанных
 Егда тысящею тмы тысящ одоленны
 Слухи в земли в моря в свет раздались нетленны
 Такового славою кая немерцает
 В солнце в луне и в звездах, ту осиявает
 А за всем тем преславна и с предков преславных
 Делами и словесы в Законах изданных
 Ангелской ум постигнуть, во вся невозоже
 Сердца царицы нашей в руце твоей Боже
 Льешь з него от престола кристалные реки
 Адонайские нектари между человеки
 В жизни удовной нашей ими оживляешь
 И в очесах наших мглу сими просвещаешь
 Того ради тя Бога, благодарим славим
 Согласно в песнях поем, превозносим хвалим
 Являй Боже нам твою, такову в век милость
 Вкорени в сердцах наших внятну прозорливость
 Отправлять нашу должность как подданным должно
 Верно, праведно, свято, спешно, неотложно
 ЕКАТЕРИНЕ твоей нам боговенчанной –
 Красной век ЕЙ да будет в век неискончанный.

В панегирике Дичковского Екатерина – победительница («героиня»), она приносит науки и изобилие («комерция»), обладает «ангельским умом» законодательницы, который подданные постигнуть не способны, и им следует лишь исполнять свою должность с усердием.

Массив панегирической литературы, связанной с губернской реформой Екатерины, развивал те идеи о монархии, которые были характерны для панегирической традиции провиденциального монархизма. В этой манере политической речи реформа выступала именно трансцендентным преобразованием России, истекающим от божественной мудрости императрицы, создавшей новые «правительства» так же, как Петр Великий создал флот, армию, коллегии и «науки». Одновременно преобразования были милостью и знаком доверия подданным.

Еще более ярким примером можно считать оду И. Воскресенского «Новый 1793 год»⁶⁵⁸. Воскресенский, выпускник Московского университета, не был профессиональным литератором – он служил секретарем Верхнего земского суда Тульского наместничества в 1784 – 1788 гг., а в 1794 г. стал секретарем при генерал-губернаторе Владимирского и Костромского наместничеств И. А. Заборовском. В 1793 г. Воскресенский издал в Костроме оду (с посвящением Заборовскому). В этом сочинении используется весь арсенал выразительности провиденциального языка о монархии: императрицу Екатерину автор называет «державным мира божеством», «Северной богиней», «богинею земной» и, разумеется, Астреей и Палладой. Ее «промысл» правит россиянами, для которых она «небесный зиждет град».

Самое сильное и одновременно – самое вызывающее сравнение Воскресенский поместил в последней строфе оды:

Твои тебе вещают люди:
Благословенна вечно буди,
Державствуй славно над страной,
Владей народною душою
И обладая кротко ЕЮ
Являй, как Божий, образ твой.

⁶⁵⁸ Его высокопревосходительству господину генерал-порутчику правящему должность владимирскаго и костромскаго генерала губернатора и Орденов Российских Святаго Александра Невскаго, Святаго Равноапостальнаго Князя Владимира второй степени, Святаго Великомученика и победоносца Георгия третьяго Класа и Святыя Анны кавалеру, Ивану Александровичу Заборовскому. Кострома, 1793. С. 3–8.

Оду Воскресенского можно считать показательной – именно в таких словах и именно в таком жанре мог высказаться о монархии чиновник средней руки, обладавший хорошим образованием. Барочные метафоры превратились в штампы, а штампы, в свою очередь, могли поддаваться буквальному прочтению. Поэты первой величины – такие, как Сумароков (имевший репутацию фрондера) или Петров (имевший репутацию полностью лояльного) избегали настолько прямолинейных метафор богоподобия. Воскресенский же насытил свою оду подобными метафорами сверх всякой меры.

А в 1788 г. дворянин Т. И. Черкасов создал рукописный трактат «Благородство», известный благодаря изысканиям А. С. Лыцовой, обнаружившей четыре подносных экземпляра этого примечательного сочинения. Сочинение Черкасова состоит главным образом из многословного очерка истории России, и присутствующее здесь описание восшествия на трон Екатерины II является ярчайшим свидетельством того, как провиденциальный политический язык доминировал в речи автора средней руки (а ничем не примечательный Черкасов может, пожалуй, рассматриваться как эталон подобной категории). Описание переворота 1762 г. занимает в трактате Черкасова почти 15 страниц, и автор демонстрирует здесь завидное знание панегирической литературы, в том числе – церковной. Черкасов описывает смятение и страх разных групп населения, воспроизводя при этом ту систему социальной стратификации, которая была характерна для церковных авторов (об этом нам предстоит в деталях говорить в главе V настоящей работы), и забыв упомянуть «благородных», которым, собственно, и посвящен его трактат.

В уста Екатерины II автор «Благородства» вкладывает целый монолог о страданиях Отечества, после чего переходит к описанию самого воцарения. Приведем соответствующую цитату целиком: «Не у еще окончану бывшу призыванию сему, скорый на помилование Господь, яко спяй восстает и утешительную благодать свою на Россию изливает; свет паче света осеняет на неповинных, о них же благоволит мать и сына, на изгнание обреченных. Ангел-хранитель, стрегущий о спасении, на спасение России предъизбранных, светлых оных юношей изводит, напаяет их духом бодрости, духом благосовещения, крепостию непобедимою и силою городвижною вооружает их, и в броня неустрашимости облекает, красны же ноги их поставляет на скорое шествие, на путь, всех вкупе желанием углаженный избавити Россию от угрожающего ея страха. Воинство и бесчисленное престольнаго града жителей множество, о благоволении Божии мановенным

гласом извещенные, стекаются на место превыспренним светом облистанное, видят лице паче солнца сияющее, познают Екатерину Великую, не венцем еще, но предвечною славою обложенную и готовую шествовати на довершение спасения нашего. Всемогущая рука, ему же хочет царства дающая, вручает державу Всероссийскаго владычества в благотельную и от пелен благословенную десницу Екатерины Вторыя»⁶⁵⁹.

И при Павле I, и при Александре I панегирический жанр воспроизводил все ту же модель гражданского культа монарха, создаваемую средствами глоссария провиденциального монархизма.

Ярким примером этого является «Ода на всерадостное прибытие его императорского величества Павла Перваго в Москву 1797 года» авторства Е. П. Люценко, который, несмотря на юный возраст, уже был достаточно известным литератором (позднее, в 20-х гг. XIX в., он издаст собственные переводы «Приключений Телемака» Фенелона и «Потерянного рая» Дж. Мильтона)⁶⁶⁰:

Каким я громким кликам внемлю?
Не сам ли Бог низшел на землю,
Венчать блаженством смертных род?

Люценко называет Павла «отцом», использует солярные метафоры, а также сравнивает императора с Петром Великим; поочередно упоминаются двор, где «лести змеи» скрываются в «норы», могучая армия, торговый флот, города, села, международная политика и – в дополнение ко всему – мир и спокойствие⁶⁶¹:

Коль стал от подданных любимым,
От БОГА будешь Ты любим.
Еще ты правишь перво лето,
Но сердце в нас уже согрето
К Тебе усердия огнем;
И мы, средь общего спокойства
В Тебе уже находим свойства

⁶⁵⁹ Лысцова А. С. Трактат Т. И. Черкасова «Благородство» (1788 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 307.

⁶⁶⁰ Люценко Е. Ода на всерадостное прибытие его императорского величества Павла Перваго в Москву 1797 года Марта дня. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 1.

⁶⁶¹ Люценко Е. Ода на всерадостное прибытие его императорского величества Павла Перваго в Москву. С. 4.

Царя Великого во всем.

А преподаватель Московского университета Н. Микулин в оде 1797 г., посвященной торжественному прибытию Павла I в Москву, восклицает⁶⁶²:

Грядет се Царь сынов Российских,
Грядет Отец к сынам своим,
Блаженства нашего Содетель –
Грядет к нам купно добродетель,
Покой, суд, правда, милость с ним!

В этом же тексте Микулин называет Павла «правдой на престоле»⁶⁶³, касаясь важнейших сторон государственной деятельности: правосудие, война, внешняя политика, и в конечном счете – сладкий мир, даруемый богоподобным монархом⁶⁶⁴:

...Но тот велик, кто в кратко время,
Приняв лишь только Царства бремя,
Являет тишину, покой.

Сие-то свойство созерцает
Россия днесь в царе своем;
В нем образ Бога обретает,
Лиющего щедроты всем!

Аналогичные риторические модели применялись и в панегириках, сопровождавших восшествие на престол в 1801 г. Александра I. Эти тексты, созданные в 1801 – 1802 гг., довольно-таки точно воспроизводят сложившийся при Елизавете и укрепившийся при Екатерине II канон провиденциалистского монархизма.

⁶⁶² Микулин Н. Ода его императорскому величеству Павлу Первому, императору и самодержцу Всероссийскому, на прибытие Его в столичный град Москву 1797 года. М.: Унив. тип., 1797. С. 3.

⁶⁶³ Там же, с. 10. А. П. Сумароков в оде 1762 г. обращается к Екатерине II: «Ты будешь правда изъясненна...» (Сумароков А. П. Ода VIII Государыне Императрице Екатерине Второй. С. 42.); Петров в оде «На сочинение нового Уложения» (1782) называет императрицу «живой правдой» (Петров В. П. На сочинение нового Уложения. С. 395).

⁶⁶⁴ Там же, с. 8–9.

К ним относятся оды авторства П. И. Берга⁶⁶⁵, Н. М. Карамзина⁶⁶⁶, Н. Микулина⁶⁶⁷ и М. И. Невзорова⁶⁶⁸, торжественная проповедь С. Н. Ливотова⁶⁶⁹, «Поздравительная песнь» Н. Г. Щеголева⁶⁷⁰ и, наконец, «Слово на празднество всерадостнейшего коронования» П. Суворова⁶⁷¹. Эта подборка не является, пожалуй, исчерпывающей, однако позволяет с уверенностью анализировать основные черты, присущие панегирику как политическому тексту. Как видим, состав авторов разнороден, хотя их всех можно считать «интеллектуалами»: разный социальный (от чиновника, председателя Владимирской гражданской палаты Берга до священника Ливотова или преподавателя Московского университета Щеголева) и профессиональный (от Карамзина до авторов, имевших репутацию графоманов, таких, как Невзоров или Микулин) статус позволяет говорить о том, что жанр панегирика был распространен широко. Ниже мы постараемся проанализировать этот набор панегириков в качестве политических текстов.

Прежде всего, панегиристы подчеркивают божественное происхождение власти императора. Н. М. Карамзин начинает свой панегирик с фрагмента, одновременно устанавливающего божественный характер власти, подотчетной только Богу, и богоподобный характер императора-демиурга⁶⁷²:

Сколь трудно править самовластно

И небу лишь отчет давать!

Но сколь велико и прекрасно

Делами Богу подражать!

⁶⁶⁵ Ода его императорскому величеству Александру Первому самодержцу всероссийскому. На случай новоизданных всевысочайших милостивых манифестов. Владимир: Тип. губернского правления, 1801.

⁶⁶⁶ Карамзин Н. М. На торжественное коронование его императорского величества Александра I // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1966.

⁶⁶⁷ Микулин Н. Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичной град Москву 1801 года. М.: Унив. тип., 1801.

⁶⁶⁸ Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшего государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского, которую с глубочайшим благоговением подносит всеподданнейший Максим Невзоров, член канцелярии Императорского Московского университета. Сентября 15 дня 1802 года. М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1802.

⁶⁶⁹ Речь на возделеннейшее прибытие благочестивейшего Государя Императора Александра Павловича из Москвы в Санктпетербург, говоренная его императорскому величеству в Придворном Соборе, Протопресвитером оного Сергием Ливотовым Октября 20го дня 1801го года. СПб.: Тип. Шнора, 1801.

⁶⁷⁰ Поздравительная песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому, во всерадостный день священного миропомазания и коронования, всеподданнейше поднесенная Кандидатом Медицины Николаем Щеголевым 1801 года. М.: Губ. типография, 1801.

⁶⁷¹ Слово на празднество всерадостнейшего коронования государя императора Александра Павловича, бывшее в Черноморском Штурманском Училище в Николаеве Октября дня 1801 года. Говоренное оного Училища Профессором П. Суворовым. Николаев: Тип. Черноморского Штурманского училища, 1802.

⁶⁷² Карамзин Н. М. На торжественное коронование его императорского величества Александра I // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1966. С. 265.

С. Н. Ливотов в «Слове» так описывает божественную по своему происхождению власть Александра: «Господь одесную тебе! – и благоустроит вся дела рук твоих. – Господь избравший тя, Мужа по сердцу своему, созерцая внутреннюю души твоея доброту, да тебе ради излиет и на подданных твоих небесныя свои благословения и щедроты»⁶⁷³.

Доминирующими способами описать власть государя являлись солярная метафора, указывающая на способность монарха преобразовывать все вокруг себя, и сравнение с мудрым и милостивым отцом. Эти концепты присутствуют, например, в «Поздравительной песни» Александру I авторства Н. Г. Щеголева⁶⁷⁴:

Воззрение одно творит в нас чудо ново,
 Егда в сердцах возжен Священный пламень сей,
 Не погасим, горит любовью к нам ТВОЕЙ.
 Дневно светило так свет всюду изливает,
 Естественныя все предметы согревает:
 Нет тамо тьмы, куда его проникнет луч
 Сияние его лиется и сквозь туч.;
 В пучины в бездны все мгновенно проникает,
 Ярящаясь волна его неразсекает.
 Щастлив стократно Росс во множестве племен,
 Егда сиянием подобным осенен:
 Неможет разрушать ничто такое щастье,
 Ни вольнодумства вихрь, ни мятежей ненастье.

М. Невзоров в своей оде именует Александра «ангелом». Более того, стараясь продемонстрировать верность россиян императору, Невзоров завершает оду именами тиранов, которые будут карой Провидения в случае нарушения «россами» завета верности и любви к Александру I – список тиранов здесь довольно-таки примечательный⁶⁷⁵:

⁶⁷³ Речь на вожделеннейшее прибытие благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича из Москвы в Санктпетербург, говоренная его императорскому величеству в Придворном Соборе, Протопресвитером онаго Сергием Ливотовым Октября 20го дня 1801го года. СПб.: Тип. Шнора, 1801. С. 2.

⁶⁷⁴ Поздравительная песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому, во всерадостный день священного миропомазания и коронования, всеподданнейше поднесенная Кандидатом Медицины Николаем Щеголевым 1801 года. М.: Губ. типография, 1801. С. 4–5.

⁶⁷⁵ Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшаго государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийскаго, которую с глубочайшим благоговением подносит всеподданнейший Максим Невзоров, член канцелярии Императорскаго Московскаго университета. Сентября 15 дня 1802 года. М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1802. С. 12.

Когда Тебя нам не любить,
 То мы не стоим, как Неронов,
 Калигул, Кромвелей, Оттонов,
 И их подножиями быть.

В свою очередь, П. И. Берг описывает божественные качества власти императора следующим образом⁶⁷⁶:

Уже единое начало
 ТВОИХ божественных доброт,
 Как Солнце в мире возсияло:
 Плоды мы зрим ТВОИХ щедрот
 И милостей перед очами;
 Едиными везде устами
 Гласят ОН Бог, ОН наш Отец:
 Одним ОН узы разрешает,
 Других ОН милует, прощает,
 ОН щастья общего Творец.

Император, подобно солнцу, разливает вокруг себя счастье и преобразует все царство; эта метафора, имеющая глубокое религиозное наполнение, чрезвычайно важна для понимания дискурса о реформах в отечественной монархической традиции. У Карамзина, например, Александр I назван «счастья общего творцом»; в своей оде Карамзин фиксировал основные черты царской власти в виде «ответа» музы истории Клио, восхваляющей «премудрого» Александра, поскольку⁶⁷⁷:

Он знал, что царское правленье
 Есть царство света, а не тьмы;
 Имел о нравах попечение,
 Сиял, как солнце, на умы;
 Радел о благе воспитанья:

⁶⁷⁶ Ода его императорскому величеству Александру Первому самодержцу всероссийскому. На случай новоизданных всевысочайших милостивых манифестов. Владимир: Тип. губернского правления, 1801. С. 5–6.

⁶⁷⁷ Карамзин Н. М. На торжественное коронование его императорского величества Александра I // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1966. С. 268.

В начале зло искоренял;
 Учил и редко прибегал
 К секире грозной наказанья;
 Он знал обязанность царей –
 Быть провидением людей!

Наконец, концепт воплощения функционировал в панегириках в рамках более широкого контекста сравнений и уподоблений легендарным царям из библейской и римской истории – например, Ливотов⁶⁷⁸ и Невзоров⁶⁷⁹ называют Александра I – Соломоном «Норда». В этих рамках разворачивались и принципиально важные для жанра сравнения с царственными предками – прежде всего, с Петром I и Екатериной II.

Одной из стандартных риторических фигур панегиристов были ссылки на екатерининское наследие – причем не только на необходимость следовать примерам Екатерины, но и на прямое «возрождение» мудрой царицы в ее внуке. Так, Берг сравнивал Александра с римскими императорами, классическими образцами мудрого царствования – Марком Аврелием и Антонином Пием – заключая, что для Александра I достаточно следовать «стежями» Екатерины II, уподобиться ей во «благости» и доставить россам «златой век»⁶⁸⁰.

Однако сохраняются и принадлежащие более старой традиции ссылки на Петра Великого: Берг перед тем, как сравнить Александра с Екатериной, уподобляет императора мифологическому фениксу (классический образ, использовавшийся в европейской традиции для метафорического обозначения наследственной монархии) и сравнивает его с Петром⁶⁸¹. Пространные сравнения с Екатериной, «премудрейшей и человеколюбивейшей

⁶⁷⁸ Речь на вожденнейшее прибытие благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича из Москвы в Санктпетербург, говоренная его императорскому величеству в Придворном Соборе, Протопресвитером онаго Сергием Ливотовым Октября 20го дня 1801го года. СПб.: Тип. Шнора, 1801. С. 2.

⁶⁷⁹ Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшаго государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийскаго, которую с глубочайшим благоговением подносит всеподданнейший Максим Невзоров, член канцелярии Императорскаго Московскаго университета. Сентября 15 дня 1802 года. М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1802. С. 5.

⁶⁸⁰ Ода его императорскому величеству Александру Первому самодержцу всероссийскому. На случай новоизданных всевысочайших милостивых манифестов. Владимир: Тип. губернского правления, 1801. С. 9.

⁶⁸¹ Там же, с. 8.

законодательницей», присутствуют и в панегирике П. Суворова⁶⁸². И Н. М. Карамзин использует сходный ряд уподоблений: римские Антонины – Петр I – Екатерина II⁶⁸³:

Там – там сияют Антонины;
Там должен Александр сиять
Между Петра, Екатерины
И титло Мудрого приять...

Наиболее интересным, однако, является случай «Оды его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичной град Москву 1801 года» авторства Н. Микулина. Дело в том, что в 1797 г. Микулин опубликовал оду с аналогичным названием, но посвященную прибытию в Москву Павла I. Тексты, конечно, не дублируют друг друга, однако в обоих случаях Микулин использует близкие образы наследства и воплощения. Так, в оде Павлу Микулин сравнивает его и с Петром Великим, и с Петром III, и с Екатериной II⁶⁸⁴:

Погаждь, царю! ПЕТРОВУ Сыну,
Да Им воскреснет паки ПЕТР. –
Да узрит в нем ЕКАТЕРИНУ,
Его делам дивясь свет.
Сей ныне глас к Тебе сердечный
Я возсылаю, Боже вечный!
И естли, отвлечен судьбой,
Не мог я петь дела ПЕТРОВЫ,
Се ПАВЕЛ ПЕТР для Россов новый!
Сего поет глас слабый мой.

В отношении Александра Микулин использовал сходную конструкцию, включив в нее еще и императора Павла I и его супругу Марию Федоровну (исчез, правда, Петр III); так же,

⁶⁸² Слово на празднество всерадостнейшаго коронования государя императора Александра Павловича, бывшее в Черноморском Штурманском Училище в Николаеве Октября дня 1801 года. Говоренное онаго Училища Профессором П. Суворовым. Николаев: Тип. Черноморского Штурманского училища, 1802. С. 7–8.

⁶⁸³ Карамзин Н. М. На торжественное коронование его императорского величества Александра I // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1966. С. 269.

⁶⁸⁴ Микулин Н. Ода его императорскому величеству Павлу Первому, императору и самодержцу Всероссийскому, на прибытие Его в столичный град Москву 1797 года. М.: Унив. тип., 1797. С. 12.

как и в случае с одой 1797 г., Микулин сделал Петра Великого главным персонажем в системе воплощений⁶⁸⁵:

Но Музы Росския вспевают,
И с ними вместе Твой народ.
В Тебе надежду полагают,
И чтобы в роды – род и – род
Росли бы всюду райски крины,
Как были в дни ЕКАТЕРИНЫ,
И дух бы жил в Тебе ПЕТРОВ;
И чтоб блаженны дни России
От Сына ПАВЛА – и МАРИИ
Прославили ПЕТРОВУ кровь.

Итак, панегирические тексты, адресованные Александру I в первые годы его царствования, развивают важнейшие концепты, характерные для данного жанра политической речи – концепты, которым мы условно присвоили общие названия: вознесение, преобразование, воплощение. Тексты, созданные авторами разного социального статуса, использовали сходную концептуальную систему для того, чтобы описывать и оправдывать монархический абсолютизм в религиозных категориях. Эта система, включающая не только определенные понятия, но и определенные манеры речи о тех или иных предметах, обеспечивала стабильность панегирического жанра, являвшегося важнейшей частью – можно сказать, *опорной частью* – политической культуры российского монархизма. Устойчивый глоссарий провиденциального монархизма, функционировавший в панегирическом жанре, в громадной степени определял коммуникативные стратегии, описывавшие власть монарха в Российской империи.

А М. М. Херасков предпослал поэме «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) сразу два эпиграфа. Один из них был следующего содержания⁶⁸⁶:

Цари суть Боги нами зримы;
Их воля – есть священна власть!

⁶⁸⁵ Микулин Н. Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичной град Москву 1801 года. М.: Унив. тип., 1801. С. 5.

⁶⁸⁶ Херасков М. М. Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. М.: Унив. тип., 1800.

Другой был таким⁶⁸⁷:

Коль есть творение, не лзя не быть Творцу:
Коль есть отечество, то должно быть Отцу. –
Под именем Творца мы Бога разумеем;
И там отечество, где мы Царя имеем.

Поэма Хераскова представляет огромный интерес, поскольку автор напрямую посвятил ее полемике с республиканизмом (в деталях мы ее анализируем в заключительной главе настоящей работы). И, разумеется, в «Царе» Херасков в полной мере использует тот провиденциальный глоссарий, о котором речь шла выше. Так, описав подробно ужасы смуты в Новгороде и победу законного государя над мятежниками, Херасков посвятил последнюю главу поэмы описанию российской истории. Открывается эта глава ярким примером провиденциального монархизма⁶⁸⁸:

Величественный жребий в мире,
Престолом Царским обладать!
Сиять в короне и в порфире,
И Божий лик изображать;
Блаженство общее устроить,
Щастливить подданных, покоить,
И слыть отечества отцем;
Цветущим сделать государство! –
Монарх, устроив тако царство,
Равняется с самым Творцем.

А завершает свою поэму Херасков так⁶⁸⁹:

Внемлите старцу, о народы!
Для правды любящему жить:
Нет в жизни нам иной свободы,

⁶⁸⁷ Херасков М. М. Царь, или Спасенный Новгород.

⁶⁸⁸ Там же, с. 229.

⁶⁸⁹ Там же, с. 245.

Как зло, или добро, творить.
 Связуют общество законы,
 Законов выше Княжьи Троны;
 Цари, сидящие на них,
 За добродетель воздаяньем,
 Развратных волей обузданьем,
 Суть Боги подданных своих.

Рассмотрение легитимационных текстов дворцовых «революций» XVIII в. показывает, что провиденциальный глоссарий монархизма, сводивший вместе концепцию божественного происхождения власти, признание вмешательства Провидения в ход событий, и гражданский культ монарха, оставался базой для функционирования политической культуры России века Просвещения. Дворцовые перевороты лишь укрепляли провиденциалистскую риторику монархии; каждый новый переворот вел к появлению новой волны церковных панегириков. Будет упрощением считать эту литературу рутинным упражнением в демонстрации лояльности по готовым шаблонам. По нашему мнению, провиденциалистская риторика предлагала оригинальный и достаточно действенный для общества XVIII в. способ описать, осмыслить и оправдать происходящие в политической сфере события.

Анализ панегирической литературы позволяет говорить о воспроизводстве и развитии цельной риторической системы, позволявшей описывать функционирование власти в России. Именно панегирик – ода, проповедь, «песнь», «слово», ориентированные в первую очередь на придворную публику – являлся доминирующим жанром отечественной политической традиции монархизма. Специфика России XVIII в. оказалась такова, что речь о монархии велась прежде всего в рамках панегирика, а не, например, политико-правового трактата.

Вопреки устоявшемуся взгляду на XVIII в. как эпоху секуляризации⁶⁹⁰, важно подчеркнуть: провиденциалистская риторика панегириков ни в коем случае не может

⁶⁹⁰ Об этом писал, завершая биографию архиепископа Феофана (Прокоповича), дореволюционный историк П. О. Морозов: «На продолжении многих веков духовенство было единственным образованным и учительным классом в России, ему принадлежала руководящая роль в просвещении страны, в ее литературе, в ее общественной и государственной жизни. Петровская реформа подорвала его авторитет, внесла в русскую жизнь новые начала, новые требования <...> Духовенство, так сказать, отреклось само от себя; отказывается от притязаний на руководящую роль в развитии русской мысли, уступает свое место другим элементам, и с тех пор все теснее и теснее в кругу своих специальных интересов, отдаляясь от общего просветительного движения и иногда выступая даже прямо против него. Последний представитель старого учительного сословия, стоявший на высоте своего призвания – Феофан Прокопович... был в то же время и первым представителем нового движения – секуляризации русской мысли»

считаться архаическим феноменом, проявлением традиции, характерной для допетровской России, исторически обреченной на исчезновение под давлением вестернизации и потому могущей быть проигнорированной исследователем. Более того, церковный панегирик сам оказался для России XVII – XVIII вв. инновацией, транслированной с Запада через выходцев из западнорусских земель и своеобразно адаптированной на отечественной почве.

Политическая риторика провиденциального монархизма опиралась на комбинацию старых доводов о происхождении власти (утверждение о том, что источником всей власти непосредственно является Бог) и адаптированных европейских новаций (сакрализация монарха вплоть до уподобления демиургу). Творцами этой манеры политической речи выступили крупнейшие проповедники и ораторы петровской эпохи, такие, как Стефан (Яворский) и Феофан (Прокопович). Пройдя испытание на прочность во время политического кризиса 1730 г., этот глоссарий был окончательно кристаллизован после восшествия на трон Елизаветы, когда настоящий поток панегирических сочинений не только сформировал литературный канон⁶⁹¹, но и безоговорочно утвердил петровский «культ» в качестве политической константы. Эта же тема оказалась доминирующей и в светском панегирическом творчестве, где отметились практически все крупнейшие литераторы XVIII столетия. Политический язык провиденциального монархизма успешно функционировал в придворном коммуникативном контексте – не только в жанре панегирика, но и, как показывает анализ коронационных манифестов, в законодательстве. В конечном счете, как справедливо отмечают В. М. Живов и Б. А. Успенский, «размежевать религию и гражданский культ монарха оказалось невозможным. Напротив, панегирические тексты прочитывались буквально и служили дополнительным источником той же сакрализации»⁶⁹².

По нашему мнению, в панегирический канон, определявший бытование панегирика как политического текста, входили следующие элементы: утверждение о божественном происхождении власти монарха, характеристика монарха как демиурга, преобразующего свою страну, и фигура (или, лучше сказать, троп) воплощения или возрождения предков монарха в лице царствующего государя. С помощью этих средств панегирики формировали своеобразную объяснительную модель с опорой на ретиорику чуда.

(Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1880. С. 402).

⁶⁹¹ Кислова Е. И. Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 3. № 2. P. 179–181.

⁶⁹² Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. С. 288.

Сакрализация монарха и риторика чуда исключали возможности для прямой, быстрой и легкой адаптации республиканских идей и концептов на российской почве. Панегирический жанр оставался важнейшей лабораторией монархической идеологии в провиденциальном духе, оказываясь диаметральной противоположностью макиавеллистским, республиканским взглядам. Политические дела определяются Провидением и выдающимися качествами самих монархов (предстающих святыми, героями и даже почти богами), а не социальной механикой республиканской добродетели.

Эта риторика, тщательно разработанная крупнейшими церковными ораторами от Феофана (Прокоповича) до Платона (Левшина), воспроизведенная и транслированная второстепенными панегиристами (такими, как священник П. Дичковский или секретарь И. Воскресенский) и воспринятая в светской одической поэзии, выступала своего рода «последним аргументом» при обсуждении генезиса и характера монархической власти, в том числе и в секулярном регистре обсуждения монархии, который мы рассмотрим в следующей главе.

Глава 3. Секулярный монархизм в российской политической культуре XVIII в.

3.1. Форма правления и общее благо

Провиденциальный глоссарий не был, конечно, единственной формой монархического языка в России XVIII в. Российским элитам был доступен и секулярный режим политической речи, опиравшийся на компаративный язык форм правления и описывавший политическую жизнь страны в рациональных категориях, без постоянной опоры на риторику чуда и презентацию монарха как героя, святого или божества. Исследователь культуры российского XVIII в. П. Е. Бухаркин справедливо замечает: «Выдвижение на первый план государства применительно к началу XVIII века не свидетельствует (и не может свидетельствовать) об антирелигиозных устремлениях власти: государство мыслилось в то время в категориях религиозного сознания. Речь тут должна идти о другом – о секуляризации, в ходе которой земная жизнь начинает обнаруживать смыслы, прямо с Богом не связанные, но имеющие при этом важное и положительное значение; в первую очередь они сопряжены с государством. Выполнение долга перед ним оказывается важнейшим делом земного человека, не отменяющим религиозные его обязанности, но дополняющем их»⁶⁹³.

Основой для дискурса о монархии в светском риторическом режиме выступал глоссарий *форм правления*, который мы также можем назвать аристотелевским политическим языком. Историк Дж. Покок, анализируя роль Аристотеля в формировании традиции классического республиканизма, указывает на противоречия между христианской (августиновской) и античной (греко-римской) манерой рассуждать об истории и о времени как о последовательности событий: «Будет полезным упрощением сказать, что христианское мировоззрение – которое, конечно, содержало и семена того, что придет ему

⁶⁹³ Бухаркин П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 104.

на смену – опиралось на исключение из обсуждения темпоральной и секулярной истории, а также что возникновение исторических модусов объяснения было в большой мере связано с вытеснением такого мировоззрения другим, более темпоральным и секулярным»⁶⁹⁴. Одним из ответов на острый для христианской мысли вопрос о том, как следует управлять государством в преходящем историческом времени («град земной» Августина Блаженного), было возрождение античного взгляда на историю с опорой на «Политику» Аристотеля. При этом сами идеи Аристотеля могли быть интерпретированы в рамках самых различных политических традиций, в том числе и республиканской традиции «гражданского гуманизма»⁶⁹⁵.

Политическая философия Аристотеля вводила представления о различных составляющих политического сообщества (*koinônia*). Город являет собой партнерство, сообщество; оно самодостаточно, но его единство проистекает из разнообразия путей, которыми граждане упражняются в добродетелях; чем более они разнообразны, тем устойчивее город. Гражданство – это род деятельности, а не просто «подверженность законам» государства. Граждане участвуют в управлении, используя свой разум и речь, и тем реализуют свою цель, *telos*.

Дж. Покок рассматривает трансформации аристотелевских идей в последующей христианской мысли следующим образом. Чрезмерно занимаясь частным благом, гражданин оказывается «подобен павшему человеку христианской теодицеи, он не может быть спасен лишь своими собственными добродетелями; но там, где августинианский анализ усматривает действие божественной благодати, аристотелианский анализ гражданской добродетели обнаруживает политическую деятельность сограждан индивида, направляющих его так же, как он – их, или – более жестко – моральный и политический закон, управляющий всеми ими»⁶⁹⁶. Спасение, оцененное в аристотелевских категориях, становилось «политизированным». Покок особо подчеркивает амбивалентность наследия

⁶⁹⁴ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment... P. 8.

⁶⁹⁵ «Есть несколько вариантов прочтения аристотелевой “Политики”, и это весьма осложняет задачу понимания ее места в западной традиции. Прочтенная в сочетании с его [Аристотеля] основными философскими трактатами, она утверждает грандиозную тему естественного права; люди воспринимают ценности, заложенные в природе, и преследуют их в рамках общества. Когда мы изучаем ее связи с традицией августинизма и средневекового христианства, мы обнаруживаем ее делающей утверждения относительно автономии разума и рациональной направленности политики, что имело революционный потенциал, так как подобные утверждения ставили под сомнение необходимость благодати и каналов ее нисхождения для отправления земных дел. Она может быть прочтена и как источник (originator) мысли о гражданине и его связи с республикой (или полисом) как общности ценностей» (Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment... P. 66–67).

⁶⁹⁶ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment... P. 74.

Аристотеля, создававшую возможность интерпретировать его в духе «афинянина», для которого множественные партикулярные блага лишь умножали его ценность как гражданина, либо в духе «спартанца», жертвовавшего возможностями личного совершенствования ради общего блага. И хотя сам Аристотель не относился к поклонникам Спарты, «в ренессансной Европе с пятнадцатого до восемнадцатого столетия громче звучали голоса в пользу суровых патриотов Эвроты»⁶⁹⁷.

Важно добавить, что аристотелевская политическая парадигма по своей сути была ориентирована на компаративный анализ. По замечанию советского исследователя В. П. Зубова, «Аристотель не был утопистом типа Платона. Он не стремился определить единственный идеальный строй, как будто для всех людей существует одна одежда, одно лекарство, одна диета. Он стремился определить лучший при данных конкретных условиях»⁶⁹⁸. Аристотелевский политический язык позволял обсуждать множественность и разнообразие политических форм, соответствующих тому разнообразию обстоятельств, в которых существуют человеческие сообщества. Среди прочих тем, которые поддавались обсуждению с помощью этого языка, были политическая значимость добродетели и особая цель (*telos*) участия в политической деятельности, являющегося обязательным условием для достойной жизни человека. Эта философия в равной степени охватывала и наследие многих античных авторов, известных не в меньшей степени, чем сам Аристотель (Полибий, Цицерон, Тит Ливий, Тацит). Но в данном исследовании мы попросту именуем ее аристотелевской традицией.

В трактате «Политика» Аристотель выделил три «правильные» формы правления, ориентированные на «общее благо» и «счастье»: монархия, аристократия и власть «большинства», которую Аристотель называл «политией», но за которой впоследствии закрепилось имя «демократии»⁶⁹⁹; наилучшим способом правления Аристотель считал

⁶⁹⁷ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment... P. 74.

⁶⁹⁸ Зубов В. П. Аристотель. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 45.

⁶⁹⁹ «Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. <...> Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития. <...> Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан;

«смешанную» *форму правления*. Позднее греческий историк Полибий, описывая политическое устройство Римской республики, ввел также понятие цикла *форм правления*: «Он оперся на вариант шестичастной классификации, использованной Аристотелем – монархия, тирания; аристократия, олигархия; демократия, охлократия (власть толпы или анархия) – и выстроил ее в порядке развития, знаменитом цикле конституций»⁷⁰⁰. Компаративная классификация *форм правления* была краеугольным камнем политической философии в Европе Нового времени. Существенную трансформацию она пережила в XVIII в., когда Монтескье в трактате «О духе законов» (1748) дополнил аристотелевскую классификацию, предложив выделять четыре, а не три формы правления, связав каждую из них с определенным «движущим» принципом: добродетель – в республике (демократии либо аристократии), честь – в монархии и страх – в деспотии. Впрочем, сам автор сочинения «О духе законов» не был последователен и охотно использовал глоссарий смешанных *форм правления* (например, в своем знаменитом анализе английского государственного устройства), а также уделял внимание целому ряду других факторов – таких, как климат и географическое положение. Таким образом, классификация Монтескье оказалась более многогранной, но зато и более запутанной.

Дискурс форм правления был подлинным *modus operandi* для политических мыслителей XVIII в., причем инновации Монтескье подчас игнорировались другими авторами. С рассмотрения форм правления начинался, например, труд германского мыслителя барона Я. фон Бильфельда «Institutions Politiques» («Политические установления», 1760), переведенный на русский язык в 1768 г. Здесь Бильфельд рассматривает основные три (не четыре!) формы правления, дополняя обзор экскурсом в историю «смешанных форм правления», а затем анализирует их с точки зрения принадлежности суверенитета в каждой из форм⁷⁰¹.

Для России XVIII в. аристотелевский политический язык был инновацией. В средневековой Руси Аристотель был известен в контексте интереса к греческой традиции⁷⁰²,

демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет» (Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 457–458).

⁷⁰⁰ Rosock J. G. A. The Machiavellian Moment... P. 77. См. также: Фриц, К. фон. Теория смешанной конституции в античности. Критический анализ политических взглядов Полибия. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007.

⁷⁰¹ Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld. T. I. La Haye, 1760. P. 22–26.

⁷⁰² См: Перетц В. Н. Сведения об античном мире в Древней Руси XI–XIV вв. // Гермес: Научно-популярный вестник древнего и нового мира. Т. 23. 1917. С. 259–262; Клибанов А. И. К проблеме античного наследия в литературе древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 158–182; Зубов В. П. Аристотель. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 332–349; Ryan F. J. Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia // Pseudo-Aristotle in the Middle Ages. The Theology and other texts. L., 1986. P. 97–109; Буланин Д. М. Античные

причем отношение к нему было амбивалентным. Иногда он представал архетипичным мудрецом, причем подобное восприятие могло относиться как к оригинальным текстам Аристотеля, никогда, впрочем, не систематизировавшимся и рассеянными по различным сборникам⁷⁰³, так и к целому ряду сочинений, приписывавшихся Аристотелю – таких, как «Тайная тайных» («Secretum Secretorum»)⁷⁰⁴. Напомним вновь: речь идет не только и не столько о «Политике» (первое непосредственное и относительно широкое знакомство с данным трактатом состоялось достаточно поздно – в 1757 г. благодаря опубликованному в журнале «Ежемесячные сочинения» переводу второй книги этого трактата, выполненному Г. А. Полетикой⁷⁰⁵), сколько о традиции, связанной с предложенной когда-то Аристотелем классификацией форм правления и легшей в основу европейской политической традиции. Т. В. Чумакова отмечает: «В отличие от Западной Европы, где нужды догматики и богословия способствовали развитию аристотелизма, в России, где догматика не развивалась вплоть до XVI века, произведения Аристотеля интересовали лишь очень узкий круг образованных людей, знакомых с ним, возможно, по греческим подлинникам, либо по латинским переводам. Это были работы натурфилософского характера, сочинения по практической философии (морали и праву), метафизические и логические сочинения не пользовались популярностью у русского читателя»⁷⁰⁶. В еще большей степени это верно для греко-римских текстов, так или иначе связанных с аристотелевской традицией – таких, как сочинения Полибия или Цицерона. К тому же Аристотель зачастую воспринимался в качестве символа «латинства», надменного философа, тщившегося высокопарным умствованием заменить христианскую веру, что влекло за собой негативное отношение к его трудам и идеям⁷⁰⁷. В общем, можно сказать, что до конца XVII в. аристотелевский политический глоссарий не был широко распространен в России.

традиции в древнерусской литературе XI – XVI вв. Munchen: Sagner, 1993; Замалеев А. Ф. К вопросу об античных началах в древнерусской мысли // Лепты. Исследования по русской философии. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1996. С. 273–276; Thomson F. J. The reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia. Farnborough: Ashgate, 1999; Шахнович М. М. Сад Эпикура. Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002.

⁷⁰³ Ryan W. Aristotle in Old Russian Literature // The Modern Language Review, 1968, Vol. 63, № 3. P. 650–658

⁷⁰⁴ Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908; Ryan W. A Russian Version of the Secreta Secretorum in the Bodleian Library // Oxford Slavonic Papers. 1965. Vol. 12. P. 40–48.

⁷⁰⁵ Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 278.

⁷⁰⁶ Чумакова Т. В. К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 16. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 255–256

⁷⁰⁷ Зубов В. П. Аристотель. С. 334–336.

Этот довод в полной мере подтверждается изысканиями М. А. Киселева, который приходит к выводу: российские элиты XVI – XVII в. расценивали российское «государство» (означавшее контроль государя над конкретной территорией и населением) как единственную должную форму политической организации, испытывая затруднения при столкновении с отклонениями от подобной нормы – например, при описании политических систем европейских республик, не имевших своего государя⁷⁰⁸. Обсуждение «государства» реализовывалось российскими интеллектуалами этой эпохи, кроме прочего, в категориях «веры» и «правды»⁷⁰⁹ или – в духе И. Пересветова – «правды» и «грозы»; идеальным царем еще в начале XVII в. считали Федора Иоанновича⁷¹⁰.

В силу роста интенсивности контактов между Российским государством и европейскими странами ситуация начала меняться в XVII в. К концу этого столетия аристотелевские категории постепенно завоевывают себе место в российском политическом сознании благодаря деятельности выходцев из западнорусских земель, из Восточной Европы. М. А. Киселев обращает внимание на то, что категории *форм правления* присутствуют в «Лексиконе латинском» Епифания Славинецкого, в сочинении Ю. Крижанича «Политика»⁷¹¹, в сочинениях Н. Спафария, в статейном списке А. А. Виниуса⁷¹². А Симеон Полоцкий в «Вертограде Многоцветном» (1676–1680) проводит четкое различие между тираном и царем со ссылкой на Аристотеля⁷¹³:

Кто есть царь и кто тиран, хощеши ли знати,

Аристотеля книги потщися читати.

Он разнствие обою сие полагает:

Царь подданным прибытков ищет и желает,

Тиран пако прижитий всяко ищет себе,

О гражданской ни мало печален потребе.

⁷⁰⁸ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII - первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153). С. 27–28.

⁷⁰⁹ Данилевский И.Н., Юрганов А.Л. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей: Человек в истории. Культурная история социального. М.: Наука, 1998. С. 140–170; Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 49–65.

⁷¹⁰ См.: Антонов Д.И. Смута в культуре Средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009.

⁷¹¹ «Различны способы, о, честные святители, властели, бояре и все сословия и чины преславного русского царства, различны, говорю я, виды и способы правления, принятые у людей. А именно: самовластво, боярское правление и общевластво (или гражданское правление)» (Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. С. 548)

⁷¹² См. анализ этих работ: Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия... С. 32–44.

⁷¹³ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. С. 16–17. В библиотеке Симеона был латинский перевод «Политики» Аристотеля (Зубов В. П. Аристотель. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 339).

Итак, аристотелевские категории распространяются в российском политическом языке с конца XVII в., когда российские элиты адаптируют глоссарий *форм правления*. Освоение российскими элитами компаративного политического языка, ориентированного на сравнение разных форм правления, оказалось важной интеллектуальной новацией. И благодаря все усиливавшемуся европейскому влиянию уже с начала XVIII в. обсуждение политических вопросов практически всегда предполагало компаративный анализ различных *форм правления*, каждая из которых обладала своими сильными и слабыми сторонами. Как справедливо отмечает Т. В. Артемьева, «размышляя о возможных типах политического режима – аристократии, демократии и монархии, мыслители XVIII века отчетливо представляли достоинства и недостатки каждого из них: монархия может трансформироваться в самовластие (тиранство), аристократическое правление чревато борьбой крупных группировок, демократия – всеобщими беспорядками и анархией»⁷¹⁴.

Именно в категориях формы правления аттестовал российскую политическую систему И. Т. Посошков в «Книге о скудости и богатстве»: «Понеже у нас самый властительный и вцелый монарх, а не ористократ, ниже димократ»⁷¹⁵. В 20-е гг. XVIII в. появятся рукописные русские переводы ряда европейских политических трактатов (в том числе и «Second Treatise on Government» Дж. Локка), оперировавших понятием *форм правления*⁷¹⁶.

О *формах правления* говорил в ряде своих проповедей Феофан (Прокопович), также уделивший им немало внимания в «Правде воли монаршей» (1722). В. Н. Татищев прекрасно разбирался в *формах правления*, построив вокруг соответствующих концептов «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном»⁷¹⁷, использовав глоссарий формы правления в «Истории российской», а также включив соответствующие статьи в «Лексикон российский» (40-е гг. XVIII в.)⁷¹⁸. В. Т. Золотницкий в «Сокращении естественного права» (1764) также выделял

⁷¹⁴ Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб.: Алетейя, 1996. С. 297.

⁷¹⁵ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 239.

⁷¹⁶ Польской С. В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 242–244.

⁷¹⁷ Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1979. С. 147–148.

⁷¹⁸ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1979. С. 166, 257

три *формы правления*, следуя, очевидно, за Пуфендорфом⁷¹⁹; к этому времени *форма правления* уже прочно заняла место в практиках отечественной политической речи.

Как мы отметили выше, глоссарий *форм правления* был доступен российским элитам не только в своей классической версии, но и в варианте Монтескье. Впрочем, хотя Монтескье был бесспорно популярен и влиятелен в России, его классификация выглядела не вполне четкой, что сбивало российских читателей с толка. Так, деспотизм, выделенный Монтескье как отдельная форма правления в соответствующей главе трактата «О духе законов», в других частях этого трактата рассматривался скорее как дегенерировавшая монархия.

Некоторые российские авторы, впрочем, восприняли концепцию Монтескье. Я. П. Козельский в «Философических предложениях» (1768) кратко пересказывает трактат «О духе законов» в части, касающейся четырех форм правления: «Писатели полагают четыре формы правления: 1. Демократическую, в которой весь народ, будучи в полном собрании, устанавливает новые и уничтожает неполезные законы, решает уголовные и другие важные дела. 2. Аристократическую, в которой сенат управляет всеми вышеписанными делами. 3. Монархическую, в которой один государь управляет народом на основании законов. 4. Деспотическую, в которой один же государь управляет всеми делами по одной своей воле»⁷²⁰. Яркими примерами обращения к глоссарию форм правления в варианте Монтескье являются – если назвать только самые яркие и известные российские сочинения – неизданные «Разные рассуждения о правлении» М. М. Щербатова⁷²¹, а также реформаторские проекты Н. И. Панина⁷²².

Зато профессор Московского университета Х. А. Чеботарев, анализируя в своем «Географическом и методическом описании Российской империи» (1776) различные формы правления, выделяет – подобно Бильфельду – лишь три формы, причем внутри довольно изощренной классификации. Государства, согласно Чеботареву, можно поделить по формам правления: «Внешняя или наружная власть, по различию правителей, есть или монархическая, или аристократическая, или демократическая». Примерами монархии у Чеботарева выступают Испания, Франция и Россия – «такой род правления... в котором все

⁷¹⁹ Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества Владимиром Золотницким. СПб.: б/и, 1764. С. 102.

⁷²⁰ Козельский Я. П. Философические предложения. С. 244–245.

⁷²¹ Щербатов М. М. Разные рассуждения о правлении // Щербатов М. М. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 29–33.

⁷²² Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург: БКИ, 2015. С. 258–259.

дела, внутренние и внешние производятся именем одной особы, т.е. главного в нем правителя». Аристократиями являются Венеция и Генуя, где «главная власть зависит от целой какой нибудь знатной коллегии». Примеров демократической формы правления Чеботарев не приводит, отмечая лишь, что демократией можно считать «такое государство, в правлении которого участие приемлет весь, составляющий его народ, которой имеет право сам собою избирать к тому способных и доверенных людей». Наконец, бывают смешанные правления – такие, как Англия, которую можно одновременно назвать и монархией, и аристократией⁷²³. Кроме того, государства отличаются друг от друга «в рассуждении способа, которым правители их достигают верховной власти». Бывают наследственные государства, где «престол зависит от природного наследства» (Испания, Франция) и избирательные государства, где «Государь возводится на престол, чрез порядочное избирание, производимое всеми государственными чинами» (Священная Римская Империя, Речь Посполитая, Швеция)⁷²⁴. Интересна и та формулировка, которой Чеботарев определяет властные полномочия государей: «Власть, которую великие Государи имеют над своими подданными, есть или самодержавная и неограниченная; когда не имеют они над собою вышшаго, которому бы они отдавали ответ о своем правлении, но со своими подданными поступают по одному собственному благопроизволению; или некоторым образом ограниченная; когда они или сами, как Вассалы, состоят под каким нибудь вышшим владетелем; или по крайней мере обязаны бывают к наблюдению некоторых известных, за основание в правлении принятых, законов и учреждений, в их области введенных; или должны иметь при себе какую нибудь особенную главную коллегию или парламент, без согласия которого ничего важного предпринять они не могут»⁷²⁵.

Итак, глоссарий форм правления, ориентированный на компаративное изучение разных обществ и выявление сильных / слабых сторон политической организации, был хорошо известен российским элитам XVIII в. Этот глоссарий мог функционировать в классическом варианте (три формы правления) или в варианте Монтескье (четыре формы правления). Монтескье далеко не обязательно был абсолютным авторитетом в этой области – как показывает приведенный выше пример Чеботарева, даже после выхода трактата «О

⁷²³ Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающагося при императорском Московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей собранное трудами университетскаго питомца Харитона Чеботарева. М.: Унив. тип., 1776. С. 25-26.

⁷²⁴ Там же, с. 27.

⁷²⁵ Там же, с. 24–25.

духе законов» на русском языке (первый, неполный перевод, сделанный В. И. Крамаренковым, был опубликован в 1775 г.) категориальный аппарат Монтескье не стал доминирующим в среде российской элиты, хотя и был достаточно влиятельным.

Целью функционирования формы правления считалось *общее благо (общая польза)*⁷²⁶. Появление *общего блага* как важного политического понятия в России обычно связывается в историографии с Петром Великим, с его характерным интересом к европейскому «регулярству». Например, американский историк Р. Пайпс замечает: «Именно при Петре в России возникло понятие о государстве как о чем-то отличном от монарха и стоящем выше его; узкие соображения податного характера теперь уступают место более широкому национальному кругозору. Вскоре после своего вступления на царствование, Петр начал говорить об “общем благе” и тому подобных материях. Он был первым российским монархом, высказавшим идею *bien public* и выразившим какой-то интерес к улучшению доли своих подданных»⁷²⁷. Сходное утверждение делает и российский историк М. О. Акишин: «В соответствии с идеями раннего немецкого Просвещения, Петр объявил целью верховной власти общее благо, образцом для которого было признано “регулярство” европейских государств»⁷²⁸. Аналогичное мнение высказывают и многие другие специалисты⁷²⁹.

Но, как мы видели выше, концепт *общего блага* пользовался достаточной известностью в России уже и в последней трети XVII в., будучи укоренен в политическом языке провиденциального монархизма и, говоря шире – в религиозной традиции политической риторики. В елизаветинском корпусе проповедей этот концепт представлен относительно слабо – его полностью затмевают бесконечные описания хриstopодобия Елизаветы и ее чудесного восшествия на трон. Например, А. Флоров описывает заботу императрицы о

⁷²⁶ Аристотель говорил об этом в следующих выражениях: «Только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей <..> И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общественной пользе» (Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 456–457).

⁷²⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 173.

⁷²⁸ Акишин М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. № 3. 2010. С. 98.

⁷²⁹ Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 32.

подданных следующим образом: «Представи ли пред очи наша любовь ЕЯ ко ближнему, от которых мы толикую благоденствия нашего радость восприяхом. О нас окаянных егда помышляем прешедший страх и неблагополучие свое! Но о нас блаженных! егда взираем на своя благополучия трудами и попечением ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА нам дарованная»⁷³⁰. Правда, далее Флоров – довольно-таки неожиданно – характеризует «труды» Елизаветы как особую молитву перед Богом, дарующую подданным счастье и здоровье, что, пожалуй, является для XVIII в. анахронизмом.

Зато в екатерининскую эпоху *общее благо* в проповедях берет убедительный реванш. К примеру, в 1783 г. архиепископ Псковский и Рижский Иннокентий (Нечаев) в проповеди на открытие Рижского наместничества декларировал: «ВЕЛИКАЯ САМОДЕРЖИЦА НАША, за первое полагает, в благословенном Царствовании Своем, чтоб видеть повсюды, во всей пространнейшей Империи Своей, святое сие благоустройство: видеть всех и каждого в благоденствии: до какова может человечество достигать»⁷³¹. И далее в своем тексте Иннокентий приводит цитаты из екатерининского «Наказа».

А один из красноречивейших проповедников 2-й половины XVIII в., Ириней (Клементьевский), в «Слове на высокотожественный день коронования Ея Императорского Величества» (1790) подробно рассуждает о возникновении обществ на основании естественной социабельности людей, замечая: «При всем том одно в общество собрание не довольно составит благоденствие каждого. Разные членов склонности, в разном находят свои удовольствия; и потому не могут иметь к одному концу стремления. Разные нравы производят препятствия; и потому не может тут иметь места прямое согласие. Разные воли разные одобряют действия; и потому не может тут не быть разстройство и беспорядок». Все это разнообразие, по словам Ириней, может быть превращено в порядок лишь «единою во обществе волею, которая бы всеми управляла, всеми располагала, всех и каждого заставляла одного желать, а другого убегать, и на одном известном основании закону каждому свое благополучие созидать»⁷³². Монарх, Божий образ на земле, соединяет в своей воле все

⁷³⁰ Слово на высокотожественный день рождения Ея Императорского Величества всепресветлейшая и самодержавнейшая <...> Елизаветы Петровны проповеданное в придворной Ея Императорского Величества церкви чрез диакона соборная церкви святых Апостол Петра и Павла Алексея Флорова в царствующем граде Санктпетербурге 1742 года декабря 18 дня. СПб.: Имп. Акад. наук, 1743. С. 13.

⁷³¹ Слово на открытие наместничества в Риге проповеданное Святейшаго Синода членом Иннокентием архиепископом Псковским и Рижским октября 29 дня, 1783 года. СПб.: Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса. С. 5.

⁷³² Продолжение поучительных слов, говоренных при высочайшем дворе Ея Императорского Величества благочестивейших государыни императрицы Екатерины II, и в других местах, Синодальным членом преосвященным Иринеем епископом Тверским и Кашинским. СПб.: Тип. Святейшего Синода, 1794. С. 16.

отдельные воли граждан, а «посему Монарх в благоустроенном обществе поставляемый от Бога, есть яко глава в теле, есть яко солнце в мире»⁷³³.

Ириней говорит о монархе в таких словах: «Государь в обществе есть яко попечительный дому владыка в своей фамилии. Он в подданных искореняет леность, поощряет к трудолюбию, предписывает им закон, и тем удаляет всякия замешательства, истребляет грабительства, укрощает бунты, усмиряет насилия, пресекает хитрости, коварства и обманы, водворяет общее согласие, воцаряет правосудие и взаимную любовь. Государь есть защитник церкви, хранитель веры, Богопочитания и православия. Хранитель нашего имени, нашего щастия и спокойствия»⁷³⁴. Этой картине процветания Ириней противопоставляет мрачную картину анархии. Проповедь Ириней дает вполне законченное описание *общего блага* и его связи с монархической формой правления.

Подобная риторика занимала видное место и в морально-этических сочинениях, циркулировавших в публичной сфере. В данной связи нужно упомянуть одно из наиболее ранних и наиболее популярных сочинений этого рода – «Ифику Иерополитику» (1712), где в разделе «Государь благоугодный» праведный монарх сравнивался с бодрствующим журавлем – постоянно на страже благополучия вверенных ему подданных: «Ни ли тако муж муж благоискусный исправляет дела своя, весь на стражи, вещь *общу добру* (курсив наш. – К. Б.) служит <...> Памятствует сие властелин благоугодный, яко не в работу и в плен, но в сохранение избравшии его предаются ему. Того ради не себе их, но себе им в корысть устроявает. Како же и всем той и полезен, от всех блажимый, хвалимый и возлюбленный будет»⁷³⁵.

В трактате «О должностях человека и гражданина» австрийского автора И. Фельбигера, обладавшем в России статусом официального учебника для юношества, говорилось о монаршей власти ровно в том же тоне: «Все правители держав и верховные начальники не были бы то, ниже пребыли, что они теперь суть, когда бы Бог, который все в мире сем управляет, на то не соизволил. Сего ради говорит священное писание, что власти от Бога установлены, установлены же для благосостояния тех, коими они повелевают»⁷³⁶.

⁷³³ Продолжение поучительных слов. С. 17.

⁷³⁴ Там же, с. 16–17.

⁷³⁵ Ифика Иерополитика или Философия нравоучительная символами и приспособлении изъяснена к наставлению и пользе юным. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1712. С. 83–84.

⁷³⁶ Фельбигер И. О должностях человека и гражданина. СПб.: [тип. Акад. наук], 1783. С. 90–91.

О том же говорилось и в небольшом сочинении «Карманная книжка честного человека», которое было переведено Г. Бажановым в 1794 г. с посвящением перевода статс-секретарю Д. П. Трошинскому. В этом сочинении превозносятся контроль над страстями и религиозное «смиренномудрие»; кроме прочего, в книгу включены и советы царям: «Порфира служит тебе одеждою, престол седалищем, венец величества покрывает твое чело, скипетр могущества украшает твою руку; но ты не блистаешь под сим убранством как токмо тогда, когда оное служит для пользы государства»⁷³⁷. Далее в «Карманной книжке» говорится о радостях жизни в обществе, позволяющей отплачивать благодеянием за благодеяние, и о силе взаимной благодарности.

Не подданные созданы для произвола государя, но государь обязан заботиться о благе подданных, об общем благе – с самого начала XVIII в. эта максима была общим местом для дискуссии о монархии, развертывавшейся и в более секулярных коммуникативных контекстах. Завершая свой конспект Монтескье в XX главе «Наказа», императрица фиксировала общее место: «Все сие не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако же МЫ думаем и за славу Себе вменяем сказать, что МЫ сотворены для НАШЕГО народа, и по сей причине МЫ обязаны говорить о вещах так, как они быть должны»⁷³⁸. «Благо общественное»⁷³⁹, «благоденствие всех и каждого»⁷⁴⁰, «благоденствие народа»⁷⁴¹ – эти и подобные риторические фигуры можно объединить под характерным наименованием «общего блага», подлинного *modus operandi* политического мышления представителей придворно-административной элиты. А значит, принципиально важным в трансформациях политической культуры российского XVIII в. было не провозглашение *общего блага* целью деятельности монарха, но обнаружение связи между *общим благом* и *формой правления*.

В своем исходном – античном – варианте глоссарий *форм правления* не предполагал прямой связи ни с территориальными характеристиками государств, ни с их военной мощью, хотя классический сравнительный анализ сил и слабостей разных форм правления

⁷³⁷ Карманная книжка честного человека или Нужныя правила во всяком месте и во всякое время. СПб.: [б/и], 1794. С. 28–29.

⁷³⁸ Наказ императрицы Екатерины II. С. 141.

⁷³⁹ Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи. С. 297.

⁷⁴⁰ Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева) об устройстве верховных правительств в России: Части первая – третья // СИРИО. СПб.: Гос. тип., 1894. Т. 90. С. 40.

⁷⁴¹ Мнение о правах и преимуществах Сената графа Петра Васильевича Завадовского // ЧОИДР. 1864. Кн.1. С. 100.

встречается еще у Геродота в III книге «Истории»⁷⁴². Идея о военном превосходстве монархии и ее предрасположенности к территориальному расширению стала распространенной уже в Новое время. Американский специалист по российской истории Д. Гриффитс отмечает: «В Европе в XVIII веке было широко распространено убеждение, что политическая структура государства должна соответствовать его особенностям, и одним из наиболее важных факторов признавался размер государства. Лучше, чтобы крупными государствами управляли монархи или деспоты, а республиканские черты больше подходят меньшим образованиям»⁷⁴³.

Так, С. Пуфендорф писал в трактате «*De jure naturae et gentium*» (1672) о том, что более крупные государства с рассеянным по территории населением должны быть монархиями⁷⁴⁴. Аналогично высказывался и Монтескье в трактате «О духе законов» (1748), резюмируя свои идеи о разложении форм правления при изменении территориальных размеров государства⁷⁴⁵. Сходные рассуждения встречаются и в упомянутых уже «*Institutions Politiques*» (1760) барона Бильфельда⁷⁴⁶. В начале своего трактата Бильфельд, говоря о сравнительных преимуществах различных форм правления, прямо указывает на военное превосходство монархий, где приказы отдаются быстрее и выполняются лучше, чем в республиках, а также на стремление народов – как древних, так и современных – к единоначалию во время войны. И хотя Бильфельд предостерегал своих читателей о том, что даже самые могущественные монархи не должны презирать могущества республик (ссылаясь на пример Римской республики!), он все же решительно отказывал республикам в способности к расширению и удержанию пространств территорий. А уж демократические республики – те вовсе «должны принять за достоверное правило, что их участь не та, чтоб возвышаться <...> что политическая машина, составленная из толикаго множества малых пружин, всечасно разстроивается, и не может никогда произвести великаго действия. И так демократическая республика должна предполагать себе предмет сохранения свое, а не увеличение». Таким республикам лучше всего соблюдать нейтралитет, пишет Бильфельд, чтобы «не впасть в нещастие той овцы, которая договор со львом заключила»⁷⁴⁷.

⁷⁴² Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. С. 164–165. Здесь Геродот описывает совещание персидских вождей о том, какую форму правления следует выбрать для Персидской державы.

⁷⁴³ Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: НЛО, 2013. С. 78–79.

⁷⁴⁴ Samuelis Pufendorfii De jure naturae et gentium libri octo. Lund: A. Junghans, 1672. P. VII, 5, 22.

⁷⁴⁵ Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1955. Кн. 8, гл. XX. С. 266.

⁷⁴⁶ Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld. T. I. La Haye, 1760. P. 25.

⁷⁴⁷ Наставления политические барона Бильфельда. Т. 2. М.: Тип. Моск. ун-та, 1775. С. 55–57.

Разумеется, были и исключения: например, влиятельный швейцарский юрист Э. де Ваттель, рассуждал о «силе» наций во время войны, не делая никаких различий в отношении формы правления⁷⁴⁸. К тому же республиканский аргумент о военной мощи республик всегда мог быть оживлен с помощью греко-римских исторических примеров (о них, как видно из упомянутого выше текста Бильфельда, никогда полностью не забывали). Как бы то ни было, российские элиты, используя заимствованный из Европы глоссарий форм правления в своей политической деятельности, оказались втянуты в обсуждение вопроса о том, как *форма правления* связана с территориальной протяженностью и военной мощью страны.

Переосмысляя историческую традицию Московского государства, такие сторонники самодержавия Анны Иоанновны, как Феофан (Прокопович) и В. Н. Татищев говорили об истории России как об истории монархической «формы правления», принесшей стране благоденствие. Кризисы в отечественной истории – распад Киевского государства и монгольское нашествие, Смутное время – расценивались теперь сквозь призму изменения «формы правления» на аристократические, не подходящие для такой страны, как Россия. Таким образом, Российская империя – это лишь частный случай монархии *вообще*; существование российской монархии имеет рациональные, секулярные характеристики, оно обусловлено геополитическими факторами. Именно монархия способна эффективно управлять таким огромным пространством, способна выигрывать войны и утверждать российскую славу на «всемирном феатре».

Феофан (Прокопович) был одним из первопроходцев в использовании глоссария форм правления в России. Его «Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1716) было в значительной степени посвящено различиям между формами правления. Восхваляя в этом панегирике «правительство монаршеское и наследуемое», Феофан ссылаясь на многочисленность исторических примеров (от древних Ассирии, Египта и Израиля до современных Феофану держав) монархического правления. Напротив, примеров республиканской формы правления («речи посполитой») в истории Феофан находит немного и подробно на них останавливается.

⁷⁴⁸ Vattel E. The Law of Nations. Philadelphia, 1883. P. 291-301.

«Речь посполитую Польскую» Феофан критикует («вемы, яко крепкое было государство в строю монаршем; не вельми ж еще давно златые оныя узы на себе растерзало, и не мое есть разсуждати, не от начала ли широты нынешней начало оскудевати и утесняемо быти»), тогда как «речью посполитой Венецианской» – восхищается (в соответствии с классической традицией политической философии Ренессанса). Однако Венеция представляет собой «тело не великое, в едином граде заключенное»; республика, таким образом, пригодна только для маленьких городов, зачастую зависимых от военной мощи соседних монархий. Наряду с Венецией Феофан перечисляет среди таких республик «речь посполитую Генуанскую», «конфедерацию бельгийских ординов»⁷⁴⁹, «шванцарскую аристократию» и «ансатские свободные города»⁷⁵⁰. Брешь в аргументации создает «древняя речь посполитая Римская», которая успешно сокрушала своих соседей (среди которых были и монархии), но, по словам Феофана, «о ней же особенные бяху судьбы Божии». К тому же и Римская республика, расширив свои пределы, оказалась подвержена бесконечным гражданским войнам и в итоге «паки в вид монаршеский претворися»⁷⁵¹.

Итак, республики и избираемые монархии являются более слабыми в военном отношении и менее способными удерживать обширную территорию, чем наследственные монархии. Доказав при помощи исторических аргументов превосходство наследственной монархии перед республиками и монархиями выборными, Феофан заключал: «Но что паче всех памятно имать быти в елекциональных державах – великим и частым несогласиям и раздорам место. <...> Всякому бо желательно есть государствовати». Такое утверждение Феофан соотносит с российской историей: «Как бо немощная была Россия от смерти великаго Владимире, егда аще и не иссякл был род самодержца оного, обаче самодержески скипетр на части поломан (что самое было монархии пресечение)! <...> Пресече ток крове царствующия Годуново властолюбие, паки мятеж, паки кровопролития, паки разорения! Но возврати паки милость свою господь, воскреси умершее блаженство наше»⁷⁵².

Подобный взгляд на российскую историю был, по нашему мнению, новаторским – исторические сведения «Степенной книги» оказались осмыслены Феофаном в категориях

⁷⁴⁹ Феофан использовал для обозначения Соединенных Провинций принятое для международных трактатов того времени латинское наименование правящего представительного органа республики – Генеральных штатов: *Ordines Generales Foederatarium Belgii Provinciarum*.

⁷⁵⁰ Имеются в виду вольные и ганзейские города Священной Римской империи.

⁷⁵¹ Феофан Прокопович. Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 40.

⁷⁵² Там же, с. 41–42.

форм правления. Важно подчеркнуть, что и сам Петр I, по-видимому, смотрел на российскую историю в подобных категориях – об этом говорит сделанный императором черновой набросок предисловия к Морскому регламенту: «Хотя всем есть известно о монархии Российской и ее початии, и что далее деда князя Владимира правдивой истории не имеем; но оставя сие историкам, возвратимся к состоянию. Оный вышепереченный Владимир как владычествовал и храбростию своею зело славен был, но паче прославился приведением своего отечества от тьмы идолопоклонства к свету Христовой веры. Но основав оную, вместо назидания и укрепления, яму к падению учинил, егда сынам своим на 12 частей сию монархию разделил <...> Потом варвары, видя сию махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю под свою область привели. И ежелиб милосердый Господь не воздвиг великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы в идолатство пришли, или бусурманство; который Владимирово вредное дело исправил и расточенную махину паки в гору собрал <...> Но потом, когда сия линия пресекалась злодейством Годунова, тогда через смятение едва паки к падению не пришла, которую дед наш подобными первых дел трудами очистил и успокоил»⁷⁵³. Позднее этот петровский набросок был превращен Феофаном в обширный текст, опубликованный в 1720 г. в составе Морского устава. Новаторский характер исторического аргумента, который использовали Петр I и Феофан, понятен лучше, если сравнить его с написанным примерно в то же время «Ядром российской истории» А. И. Манкиева (1715, опубликовано в 1770). Манкиев в соответствии с допетровской историографической традицией сообщает о разделении государства Владимиром в спокойном тоне и не усматривает никакой связи между разделением государства и монгольским завоеванием Руси⁷⁵⁴.

Если в 1716 г. рассуждения Феофана о сравнительной силе республики и монархии были по преимуществу риторическим заимствованием, а основной целью было восхваление «монаршего чадородия», то кризис 1730 г. сделал исторические аргументы Феофана основанием для практической агитации в пользу монархической формы правления уже в условиях политического кризиса. Так, 28 апреля 1734 г. Феофан в «Слове в день

⁷⁵³ Петр I. Рассказ Петра о начале кораблестроения в России. Предисловие к Морскому регламенту // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1858. С. 397–398.

⁷⁵⁴ Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. М.: Императорский московский университет, 1770. С. 64.

воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны» утверждал, что «многополезно есть Российскому государству владычество самодержавное, прозванное от Philosophов Еллински монархия и монархия: а прочия правления формы, или образы, то есть многоличное вельможей правительство, нарицаемое Аристократия, или всенародное зовомое Демократия, и другия из них составы, творимыя, были бы у нас не без бедствия»⁷⁵⁵.

Это утверждение поддерживается уже знакомыми историческими аргументами. Так, «в древнем Израильском народе, в котором едином было благочестие, хотя и пресекомое, держава была монаршеская, как оное тамо правительство переделалось на аристократию, то и к концу преклонилось». От библейской истории Феофан переходил к истории российской, вновь используя уже знакомые исторические примеры – разделение государства Владимиром и Смутное время. По словам Феофана, со времен Рюрика и до смерти Владимира Россия оставалась монархией, благодаря чему была славной и могучей. Однако затем единое государство распалось на малые княжества: «Хотя же и были те яко бы монархии, хотя звания того недостойныя, но тело всея России приняло на себе вид, аки бы аристократии». Как и любую аристократию, Россию поразили гражданские войны, а затем – иноземное нашествие. Лишь божественная милость позволила России воспрянуть благодаря возвращению монархической формы правления: «Дело естественное, премудрым промыслом произвел: отставил то, чем мы прежде были крепки и сильны: упразднил многоначалие, а велел быть самодержавию... Сей правительства образ, а не иной твердых нас делает». В результате «сильна стала Россия, когда самодержавной власти подчинила себя»⁷⁵⁶.

Но даже такой горький опыт, по мнению Феофана, «беспокойных голов не научил, как свое добро и зло познавати в самом крепком возмужавшей России возрасте», и государство ждало новое испытание в годы Смуты: «По истреблении растриги, похотелось было неким неединоличного начальства верховного: избирая на царство Князя Василия Шуйского, склонили, или понудили его самодержавным быти», после чего «вторгнулась в Россию Аристократия» (Феофан творчески переосмыслил старый сюжет о греховной клятве царя Василия Шуйского как «присягу», ограничившую власть монарха и изменившую форму

⁷⁵⁵ Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны // Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. III. СПб.: Тип. Сухопут. шляхет. кадет. корпуса, 1765. С. 193–196.

⁷⁵⁶ Там же, с. 198–204.

правления). «Многоначалие» пагубно сказалось на могуществе России, однако страну вновь выручило божественное вмешательство и возрождение монархии⁷⁵⁷.

Приведенные исторические примеры позволили Феофану перейти к заключению – актуальным событиям 1730 г.: «Се и в недавняя годы, когда неким похотелось правительства Шуйскаго, что с нами быти имело, не трудно всякому разсудити. Но се ... Бог, подобною древним своим милостям милостию, наступившее оное бедство прогнал, умирающей монархии оживлением, вручив самодержавный скипетр ... Анне»⁷⁵⁸.

Сходную аргументацию Феофан развертывает и в «Истории о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостоянной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской» (создана между 1730 и 1736 гг.). Феофан анализирует заговор Долгоруких и Голицыных с помощью языка формы правления. Он отмечает, что заговорщики «не думали видеть народное владительство, (кое обычно вольною республикою называют), но всю крайнюю силу осьмичисленному своему Совету учреждали, который владения образ, в толь малом числе владеющих, не может нарещись владительство избранныхъ, Греческа аристократия, но разве сковническое торжество или насильство, которая олигархия у Еллинов именуется»⁷⁵⁹. Эту-то «сковническую» олигархию Долгорукие с Голицыными попытались «Государыне подвести именем всего народа, аки бы всенародным согласием утвержденный».

Такие новости повергли в уныние всю Москву, и – по словам Феофана – верховников «жестоко порицали, все проклинали не обычное их дерзновение, не сытое лакомство и властолюбие. И везде в одну почитай речь говорено, что если по желанию оных господ сделается, (от чего сохранил бы Бог!), то крайнее всему отечеству настоит бедство. Самым им господам нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, чуть ли не столько явится атаманов междоусобных браней, и Россия возымеет скарედное оное лице, каковое имела прежде, когда на многия княжения расторгнена бедствовала. И не ложныя, по моему мнению, были таковыя гадания: понеже Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владтельством храним быть может. А если каковое нибудь иное владение правило воспримет, содержаться ему в целости и благосостоянии

⁷⁵⁷ Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации. 207–208.

⁷⁵⁸ Там же, с. 214.

⁷⁵⁹ Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол блаженные и вечнодостоянные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийские. СПб.: Тип. Н. И. Греча, 1837. С. 34.

отнодь не возможно»⁷⁶⁰. Аргумент, который Феофан выдвигает здесь против предполагаемых устремлений верховников, был классическим для европейской традиции политической философии. Феофан был прекрасно знаком с глоссарием форм правления и, соответственно, с богатой традицией сравнения сильных и слабых сторон этих форм.

Сходную аргументацию в пользу монархии использовал и В. Н. Татищев, который – как внимательный читатель трактатов С. Пуфендорфа и Х. Вольфа – тоже был хорошо знаком с глоссарием форм правления. В «Произвольном и согласном разсуждении и мнении собравшегося шляхетства руского о правлении государственном» (1730–1750) Татищев обвинил Верховный Тайный совет в том, что верховники «дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократию», выдавая такое изменение за проявление воли императрицы. Татищев подробно разъясняет, почему изменение формы правления принесет вред России. Дело в том, что форма правления отвечает конкретным условиям: «Например, в единственных градах или весьма тесных областях, где всем хозяевам домов вскоре собраться можно, в таком демократия с пользою употребиться может, а в великой области уже весьма неудобна. В областях хотя из нескольких градов состоящей, но от нападеней неприятельских безопасной, как то на островах и пр. может аристократическое быть полезно, а особливо если народ учением просвящен и законы хранить без принуждения прилежит, тамо так острого смотра и жестокого страха не требуется. Великие и пространые государства, для многих соседей завидующих, оные ни которым из объявленных правиться не может, особливо где народ не довольно учением просвящен и за страх, а не из благонравия или познания пользы и вреда закон хранит, в таковых не иначе, как само- или единовластие потребно»⁷⁶¹. Следовательно, обширное государство должно управляться «самовластием» – в качестве примеров Татищев называет, помимо России, еще Францию, Испанию, Турцию, Персию, Индию и Китай.

Равным образом и в «Истории Российской» (1730-е–1740-е гг., издана в 1768–1769 гг.) Татищев писал о трех формах правления – монархии, аристократии, демократии – а также обсуждал смешанные формы правления⁷⁶². Татищев использовал тот же исторический аргумент, что и Феофан, подчеркивая: исторически Россия росла и возвышалась благодаря

⁷⁶⁰ Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол. С. 36–37.

⁷⁶¹ Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение... С. 147.

⁷⁶² Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 2. М.: Моск. ун-т, 1769. С. 533.

единовластию, но «как скоро великие князи детей своих равно стали делить и оные удельные, не повинуюся великим князем, ввели аристократию, а потом несогласиями друг друга разоряли», держава ослабела и оказалась покорена монголами. Иван Грозный «осмелился ту аристократию истребить», однако вскоре события Смутного времени вернули ее обратно.

Татищев, следуя европейской традиции Нового времени, соотносит «формы правления» с геополитическими и территориальными характеристиками государства: «В единственных градах и малых областях полития или демократия удобно пользу и спокойность сохранить может. В величайших, но от нападений не весьма опасных, яко окруженны морем или непроходимыми горами, особливо где народ науками довольно просвясчен, аристократия довольно способною быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют. Великия же области, открытые границы, а наипаче где народ учением и разумом не просвясчен и более за страх, нежели от собственного благонравия, в должности содержатся, тамо оба первые не годятся, но нужно быть монархии...»⁷⁶³ Об этом, по мнению Татищева, говорят исторические примеры: греческие и римские республики сохраняли силу и славу до тех пор, пока не начали расширять свои границы. В свою очередь, мощь великих древних монархий (Ассирии, Египта, Персии, Рима и Македонии) приходила в упадок, когда подданные ради своего властолюбия уменьшали власть государей⁷⁶⁴. В «Лексиконе» Татищев, говоря о демократии, лаконично отметил: «Чим такое владение пространнее, тем более бедам подвержено»⁷⁶⁵.

И, говоря о наиболее подходящей для России «форме правления», Татищев обращается к тем же примерам из истории России, что и Феофан – кризисным моментам после правления Владимира и в период Смутного времени. Так, в своей «Истории», говоря о Владимире Мономахе, Татищев отмечал: «Сей Владимир вшед на престол Киевский, государство Российское, яко республику бедствующую и разоренную от несогласия и убивства междоусобнаго наследников Владимира Великаго самодержца Рускаго, мышцею своею от погибели воздвиг, и укротив несогласныя языки, все княжения во едино тело совокупив, в Монархию или самодержавство паки привел, того ради силен был всем неприятелям»⁷⁶⁶. И лишь при Иване III монархическое правление возродилось, после чего

⁷⁶³ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. С. 533.

⁷⁶⁴ Там же, с. 534.

⁷⁶⁵ Татищев В. Н. Лексикон Российской. С. 257.

⁷⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. С. 464.

восстановленное «самовластное правление» продержалось до 1614 г., до избрания царем Василия Шуйского. Но при избрании Шуйского вельможи «к великому государственному вреду вымыслили взять на него запись, которою вся власть отнята, а поручена в совет Сената». После лишения Шуйского власти правление и вовсе стало аристократическим. По этой причине государство чуть не распалось на части и едва не было захвачено поляками, «из чего всяк может видеть, сколь монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалается и гибнет»⁷⁶⁷. Подобно Феофану, к двум историческим сюжетам – распаду Киевского государства и Смутному времени – Татищев добавляет третий, из недавнего прошлого. После успешных царствования Алексея Михайловича и Петра I политическая борьба вспыхнула с новой силой в 1730 г., когда «фамилии римских брутусов» попробовали лишить Анну Иоанновну власти⁷⁶⁸.

Аргумент о связи между формой правления, военной мощью и контролем над территорией к середине XVIII в. превратился в общее место, эксплуатировавшееся почти в любом разговоре о монархии. Так, императрица Екатерина II в одной из своих записок заявляла: «Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: вы говорите мне, что величие и пространство Российской империи требует, чтобы государь ее был самодержавен; я нимало не забочусь об этом величии и об этом пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы отвечала: знайте же, что, если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников»⁷⁶⁹.

В рукописном трактате Т. И. Черкасова «Благородство» (1788) немало места отведено описанию вреда республиканского правления: «Правление многих по истинному начальному всякия власти и зависимости происхождению и в самом естестве не находит для себя ни одобрения, ни подтверждения. А чтоб они, парламентшики, подлинно неохуждаемое имели намерение, того предположить никак невозможно, по известному несостоянию их, поборати о том, о чем они справедливо мыслить не могли, как о сем и само последствие довольно доказало. Да к тому ж и в сооружении таковом, силы их превосходящем, не восхотели они или, свойственное сказать, не умели последовати

⁷⁶⁷ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. С. 545.

⁷⁶⁸ Там же, с. 546.

⁷⁶⁹ Екатерина II. Собственноручная заметка Екатерины II о попытке Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия // Русская старина. 1875. Т. 12. № 12. С. 388.

примерам других государств, яко то Англии, Швеции и самых республик». Впрочем, республики, согласно Черкасову, эфемерны: Швеция зависит от иностранных хозяев, Венеция и Соединенные провинции страдают от политической нестабильности, «Англия же, яко малый врабий, не инако, как посредством бесчеловечнейших граблений своих обоих до сего Индии возлетающей, умствованием краснословов своих, без всякаго и чести, и совести своея зазрения голоса свои продающих, лишилася праваго крыла своего (Американских селений), и уже близ есть плачевнаго для нея ключения»⁷⁷⁰. После нескольких критических замечаний по адресу «вольности безпредельной» автор трактата приходит к выводу: «А что пространнейшая Россия не может понести никакого другого правления, кроме монархического, тому никто, здравой разсудок имеющей, противусловствовать не может»⁷⁷¹.

Историк И. Н. Болтин поместил в «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (1788) обширное рассуждение о преимуществах монархической формы правления. Начинает его Болтин, что характерно, ссылкой на кризис 1730 г., угрожавший России установлением аристократической формы правления. Но, поскольку монархия принимает решения быстрее, чем аристократия, для обширной России аристократическая форма правления была бы губительной – Болтин цитирует здесь доводы Татищева, которые мы уже рассмотрели выше⁷⁷². Кроме того, Болтин приводит и другой пример пагубности аристократической формы правления – Францию эпохи религиозных войн. В конечном счете, Болтин приходит к безусловному преимуществу монархии над республикой, не сводящемуся только к вопросу о территориальной протяженности: «Опыт доказал, что под народным правлением не может безопасность и спокойство частных людей быти охраняема; понеже вольность черни, под таким правлением, превращается в своеволие и необузданность, которая добрых и честных людей подвергает всегда опасности, а не редко и гибели. Монархическое правление, держа средину между Деспотичества и Республики, есть надежнейшее убежище свободе»⁷⁷³. Аналогичный довод Болтин использует и в разделе своих «Примечаний», посвященном вопросу о свободе, сообщая историю про каппадокийцев, которые, несмотря на оставленную им римлянами свободу, просили

⁷⁷⁰ Лысцова А. С. Трактат Т. И. Черкасова «Благородство» (1788 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 300.

⁷⁷¹ Там же.

⁷⁷² Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал майором Иваном Болтиным. Т. 2. [СПб.]: Тип. Горного училища, 1788. С. 475–476.

⁷⁷³ Там же, с. 477.

прислать им царя: «Монархия, по их разсуждению, более им приличествовала, нежели республика»⁷⁷⁴.

Не только публицисты, но и высшие сановники России, вне зависимости от взглядов на конфигурацию административных структур, считали монархию, единоначалие, залогом могущества Империи. Так, Н. И. Панин в представленном Екатерине II проекте создания Императорского совета жестко критиковал Сенат, неспособный играть роль ведущего административного органа в громадном государстве⁷⁷⁵. Спустя почти сорок лет аналогичное мнение о необходимости монархии для России высказал сменивший Панина в роли руководителя российской внешней политики А. А. Безбородко⁷⁷⁶.

Итак, в 1-й половине XVIII в. российская элита освоила политический язык форм правления. Отличительной чертой этого языка был его секулярный и компаративный характер, однако выражался он вовсе не в провозглашении *общего блага* целью деятельности монарха, а в утверждении взаимной связи между монархической *формой правления* и *общим благом*. Уже к середине XVIII в. среди российских элит сложился консенсус о том, что сама монархическая *форма правления* для такой обширной страны, как Россия, является неотъемлемой частью *общего блага*, и что никакая иная форма политической организации не позволит эффективно *общего блага* достичь. Важную роль в складывании этого консенсуса сыграл политический кризис 1730 г.: действия Верховного Тайного совета, будучи интерпретированными как попытка изменить *форму правления*, расценивались его противниками – например, архиепископом Феофаном (Прокоповичем) или В. Н. Татищевым – как явный вред *общему благу*. На этой почве сложилась система исторической аргументации, доказывавшая связь между монархической *формой правления*, военной мощью государства и его пространством: только монархия способна удерживать обширную территорию. В подобных построениях власть монарха опиралась не только на Провидение и выдающиеся качества царствующей особы, но и на здравый смысл, подкрепленный историческими примерами. Раздробленность Русского государства или ужасы Смутного времени были интерпретированы теперь как прецеденты изменения

⁷⁷⁴ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России. Т. 2. С. 236.

⁷⁷⁵ Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. Т. 7. С. 200–221.

⁷⁷⁶ Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской. С. 297.

формы правления, позволяющие убедительно показать те бедствия, которые ожидают Россию в случае отказа от монархии.

3.2. Законы и проблема ограничения власти монарха

Характеризуя те изменения, что совершались в политическом мышлении российских элит XVIII в., М. А. Киселев делает следующее замечание: «Для монарха одной из основных функций становилось создание законов, а для государственного аппарата – исполнение этих законов. В итоге произошел своеобразный переход от образа консервативно ориентированного монарха, вершащего суд по правде, к образу активно действующего монарха, который своими законами совершенствует общество. Моисей-законодатель ушел в тень, его место занял монарх-законодатель. Такой переход, в свою очередь, ставил перед правящей и интеллектуальной элитой ряд новых проблем, в том числе и вопрос о том, как правильно организовать законосовещательный орган при монархе – Совет – и упрочить законность в монархии»⁷⁷⁷.

Итак, управление государством – это созидание *общего блага* с помощью мудрых законов. На авансцену выдвинулся закон – посредник в сфере властвования. Эта трансформация, связанная с восприятием глоссария *формы правления*, имела принципиальное значение. Управление государством, реализуемое через некоторую форму, становилось теперь делом аппарата, в котором участвует множество людей.

Так, российский историк Ю. А. Сорокин отмечает, характеризуя монархию XVIII в.: «Главнейший аспект законодательной деятельности государя состоит в издании фундаментальных, или “непременных”, законов – непременных в значении обязательности их выполнения всеми: и государем, и подданными; в значении их абсолютной

⁷⁷⁷ Киселев М. А. *Правда и закон* во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 64–65.

необходимости; в значении их несменяемости»⁷⁷⁸. Многие исследователи считают, что понятие «фундаментальный закон» является элементом раннего конституционализма, рассматривая это понятие в контексте противопоставления законности и произвола, европейской новации и традиционного деспотизма⁷⁷⁹. «Фундаментальный закон» в таком представлении выступает важнейшим элементом для перехода к конституционному порядку, к участию граждан в делах правления и, в конечном счете, к республике.

Можно ли с этим согласиться? Первым случаем использования выражения «фундаментальные законы» в европейской интеллектуальной традиции стал, по мнению современного исследователя М. Томпсона, трактат французского монархомаха Т. Беза «Du droit des magistrates» («Право магистратов», 1574). Томпсон подчеркивает, что уже к началу XVII в. под «фундаментальным законом» в европейской политической мысли могли пониматься любые «законы, права, привилегии, обычаи», которым тот или иной автор придавал особое значение. Такая «концептуальная размытость» понятия была задана изначальной поливариантностью его употребления – так, фундаментальный закон мог пониматься как договор между правителем и подданными (в этом значении понятие активно использовали монархомахи XVI в.) или как часть «фундамента» государственного здания; во втором случае к фундаментальным законам могли относиться исторически сложившиеся обычаи и традиции, нарушение которых мыслилось угрозой государству⁷⁸⁰.

Как бы то ни было, понятие вскоре стало весьма востребованным в западной интеллектуальной традиции. А уже в XVIII в. инноватором в понимании фундаментальных законов стал Монтескье. Именно он первым соотнес фундаментальные законы с конкретной формой правления – монархией. Именно их наличие – напрямую связанное с социальной организацией монархии вообще – отличало монархию от деспотии, которую Монтескье считал отдельной формой правления. Позднее Руссо развил эту идею в комбинации с последовательным утверждением народного суверенитета, благодаря чему к концу XVIII в. сложился взгляд на фундаментальный закон как на закон, определяющий форму правления

⁷⁷⁸ Сорокин Ю. А. Конституционные искания в России последней трети XVIII в. (К постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №5 (25). С. 16.

⁷⁷⁹ Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России: Социология, этнология. 1996. Т. 5. № 1. С. 162; Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.) М.: ИФ РАН, 1995. С. 46–48.

⁷⁸⁰ Thompson M. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical Review. Vol. 91. No. 5 (Dec., 1986). P. 1109–1111.

– что предполагало отказ одновременно и от интерпретации фундаментального закона как договора, и от метафоры фундамента⁷⁸¹.

Конечно, концепция всеобъемлющего свода правил, регулирующего общественную жизнь, была известна в России уже с начала XVIII в. Например, И. Т. Посошков в «Книге о скудости и богатстве» (1724) предлагал «сочинить» судебную книгу силами «двух или трех из духовного чина самых разумных и ученых людей, и в Божественном писании искусных, и от гражданства, кии в судебных и воинных правительных делах искусны, и высокого чина, кои негорды и ко всяким делам нисходительны, и от иных чинов, кои невысокоумны, и от приказных людей, кои в делах разумны, и от дворянства, кии разумны и правдолюбны, и от купечества, кии во всяких делах перебылиб, кии и от солдат смышлены, и в службах и в нуждах натерлися и правдолюбивые, из людей боярских, кии за дела ходят, и из фискалов», а также – «из крестьян, кои в старостах и в сотских бывали, и во всяких нуждах перебывалиб, и в разуме смысленные»⁷⁸². Когда же книга будет составлена, то ее надо «всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не под принуждением», чтобы никому не было «обида», а затем, «написав совершенным общесоветием, предложить Его Императорскому Величеству, да рассмотрит его умная острота. И кии статьи Его Величеству угодны, то те тако да и будут; а кии непотребны, да извергнутся или исправит по пристойнству надлежащему»⁷⁸³.

Посошков особо оговаривал: «Аз не снижаю Его Величества самодержавия, но ради самая истинная правды <...> понеже всяк рану свою в себе лучше чует, нежели во ином ком <...> того бо ради и дана свобода, дабы последи не жаловались на сочинителей тоя новосочиненных книг». А «многосоветие», по его мнению, является необходимым для составления такого пространного кодекса: «Без многосоветия и без вольного голоса никоими делы невозможно; понеже Бог никому во всяком деле одного совершенного разума не дал, но разделил в малые дробинки <...> и того ради во установлении правосудия вельми пристойно исследовать многонародным советом»⁷⁸⁴. А уж делу, которое ведется с таким смирением, сам Бог «помощь свою ко исправлению подаст». Этот взгляд Посошкова до определенной степени напоминает тот подход к определению фундаментальных законов,

⁷⁸¹ Thompson M. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical Review. Vol. 91. No. 5 (Dec., 1986). P. 1128.

⁷⁸² Сочинения Ивана Посошкова. М.: Тип. Н. Степанова, 1842. С. 76.

⁷⁸³ Там же.

⁷⁸⁴ Там же, с. 77–78.

который М. Томпсон характеризует с помощью метафоры «фундамента здания». Впрочем, само понятие фундаментального закона Посошков не использует, очевидно, не проводя грани между фундаментальными законами и законами иными.

Когда же в России начали говорить о фундаментальном законе в особом смысле? С. В. Польской считает, что одним из первых случаев употребления концепта на русском языке был перевод трактата С. Пуфендорфа «*De Officio Hominis et Civis*», выполненный в И. Кречетовским и изданный в 1726 г., а также рукописный перевод «О правлении» Дж. Локка, созданный примерно в тот же период времени⁷⁸⁵. Одно из первых упоминаний фундаментальных законов в оригинальном российском политическом сочинении⁷⁸⁶ присутствует в т. н. «Записке для памяти» И. И. Шувалова (1762, согласно датировке М. А. Киселева⁷⁸⁷), составленной для Елизаветы Петровны. В этом тексте Шувалов упоминает среди законов «некоторые фундаментальные, которые самая польза, благополучие вашего императорского величества подданных непременно делают»⁷⁸⁸. В приложенном проекте манифеста Шувалов предлагает следующую мотивировку: установление «фундаментальных и неперменных законов» откроет путь «к общему благосостоянию», а императрица, в обмен на верность подданных и в знак своей «матерней любви», обещает «пред Богом как за себя, так и за наследников своих, следующие законы свято, ненарушимо сохранять и содержать и повелеть всем верноподданным ... во всяких случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение»⁷⁸⁹. Шувалов перечисляет конкретные нормы, которые предлагает утвердить таким обещанием – обязательность православного вероисповедания императоров и империи, состав Синода и Сената, права монастырей и дворянского сословия (о купечестве и крестьянстве тоже «следует сделать рассмотрение», замечает Шувалов), соотношение «русских и иноземцов» в офицерском составе армии и флота, а также на административных должностях империи⁷⁹⁰.

С. В. Польской приходит к выводу о том, что движущим мотивом для Елизаветы при размышлениях о фундаментальных законах было европейское общественное мнение – предположительно, установление «неперменного закона» избавило бы Россию от ярлыка

⁷⁸⁵ Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. М.: НЛО, 2012. С. 113.

⁷⁸⁶ Там же, с. 122.

⁷⁸⁷ Киселев М. А. И. И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 135.

⁷⁸⁸ Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. М.: Тип. Грачева, 1867. С. 82.

⁷⁸⁹ Там же, с. 83–84.

⁷⁹⁰ Там же, с. 84–85.

«деспотии». Однако, ознакомившись с предложениями Шувалова, Елизавета «отказалась от конфирмации манифеста и “пошла другим путем”, оказавшимся впоследствии весьма близким русской правящей элите, – ничего не меняя, объявить Западу, что в России все и так идет замечательно»⁷⁹¹. В 1760 г. был анонимно издан на французском языке трактат российского юриста Ф. Г. Штрубе де Пирмонта «Lettres Russiennes» (1760), посвященный полемике с Монтескье и связанный, по мнению С. В. Польского, с попытками Елизаветы повлиять на европейское общественное мнение; в 1761 г. был сделан рукописный перевод этого трактата на русский язык⁷⁹². Впрочем, в недавних работах А. С. Лыцовой продемонстрировано, что употребление соответствующего концепта было еще более ранним⁷⁹³.

Итак, к концу 50-х гг. XVIII в. российские элиты начинают достаточно уверенно оперировать понятием фундаментальных законов, при этом описывая их как подлежащие внедрению нормы и регламенты. На практике это было осуществлено в 1762 г., когда Петр III и впрямь издал фундаментальный закон – манифест о вольности дворянской.

Этот акт, собственно, и ввел понятие о фундаментальном законе в публичную сферу. Ведь в заключительной части манифеста провозглашалось: «Мы сие наше всемилостивейшее учреждение всему благородному дворянству, на вечные времена фундаментальным и неперменным правилом узаконяем, то в заключение сего, мы нашим императорским словом, наиторжественнейшим образом утверждаем, навсегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах и нижепоследующие по нас законные наши наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением самодержавного всероссийского престола»⁷⁹⁴. Этот случай демонстрирует особое, специфически российское понимание фундаментального закона как милостивого дара монарха подданным – в том смысле, в каком об этом говорил И. И. Шувалов. Фундаментальные законы, следовательно, не только являются исторически сложившимися нормами либо договором между

⁷⁹¹ Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы... С. 124.

⁷⁹² Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 342–407.

⁷⁹³ Лыцова А. С. Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е – начале 1740-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 156.

⁷⁹⁴ Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 15. № 11444. С. 914.

подданными и правителем – их можно еще и *ввести* особым указом; вариант, который, пожалуй, не рассматривался в упомянутой выше классификации М. Томпсона.

С. В. Польской справедливо отмечает, что о фундаментальных законах – хотя, следует отметить, и не названных прямо – речь заходит и в «обстоятельном манифесте» 1762 г., оправдывавшем восшествие Екатерины II на трон⁷⁹⁵. Действительно, авторы этого пространного текста упрекали Петра III в том, что монарх пренебрег не только Божьим законом, но и «законами естественными и гражданскими», и «вознамерился или вовсе право ему преданное от Тетки своей испровергнуть, или Отечество в чужия руки отдать, забыв правило естественное, что никто большего права другому дать не может, как то, которое сам получил»⁷⁹⁶. В противовес тирании Петра III, «обстоятельный манифест» от имени новой императрицы обещал «узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целость Империи и Нашей Самодержавной власти, бывшим несчастьем несколько испроверженную, а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления»⁷⁹⁷. Далее авторы манифеста выражали уверенность в том, что и подданные будут соблюдать свои клятвы верности монарху. Интересно, что и тут фундаментальный закон понимается как вновь вводимая норма.

В эпоху Екатерины II понятие «фундаментальные законы» становится все более распространенным, однако их статус по-прежнему остается не вполне ясным. Должен ли фундаментальный закон быть *введен* – как это предполагал Шувалов, как это было зафиксировано в манифесте о вольности дворянской и как об этом рассуждали авторы легитимационного манифеста Екатерины в 1762 г.? Или он уже *укоренен* в традиции государства и являет собой его фундамент?

Так, члены комиссии о вольности дворянской рассуждали о фундаментальном законе в манере, напоминающей шуваловскую. Составленный в апреле 1763 г. «доклад о проекте права дворянского» утверждал: «Право дворянское под все милостивейшее рассмотрение Вашему монаршему соизволению подносится и оное учреждается на вечные роды

⁷⁹⁵ Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII в. // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: НЛЮ, 2012. С. 131.

⁷⁹⁶ Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II. С. 218.

⁷⁹⁷ Там же, с. 222.

непоколебимым уставом каждому благороднорожденному»⁷⁹⁸. Российский историк О. А. Омельченко, полагает, что у Екатерины вызвала раздражение попытка членов Комиссии о вольности дворянской объявить права дворянства «фундаментальным законом», и приходит к выводу о том, что в екатерининском «законодательстве даже следов какой бы то ни было возможности для дворянства предъявить общеправовые претензии к власти не сохранялось»⁷⁹⁹. Однако уже Жалованная грамота дворянству 1785 г., хотя и не употребляла понятия «фундаментальный закон», провозглашала «в память родов для пользы российского дворянства службы нашей и империи следующие статьи на вечныя времена и непоколебимо»⁸⁰⁰. Здесь была воспроизведена концептуальная модель манифеста 1762 г.: сама Грамота выступала в роли пожалованного, дарованного фундаментального закона – залога монаршей милости к подданным.

С другой стороны, в «Наказе» Екатерины II (1767) под «фундаментальными» понимались «законы, основание державы составляющие»; эти законы, «делающие твердым и неподвижным установление всякого государства», одновременно «предполагают малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть Государева»⁸⁰¹. В главе XIX «О составлении и слоге законов» Екатерина фиксировала свое понимание системы законодательства, разделив все виды «прав» на три части: «законы», «учреждения временные» и «указы». Императрица поясняла: «Под словом законы разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут премениться; и таковых быть числу не можно великому»⁸⁰².

Более подробно вопрос о фундаментальных законах был затронут в XX главе Наказа, раскрывающей вопрос о том, «как можно узнать, что государство приближается к падению и конечному разрушению» и по существу являющейся конспектом соответствующих частей трактата Монтескье. Причиной разрушения государства, согласно «Наказу», является повреждение фундаментальных законов («начальных оснований правления»). Такое повреждение, в свою очередь, случается тогда, «когда погасает то умоначертание государственное, законом во всяком из них впечатленное, которое можно назвать

⁷⁹⁸ Омельченко О. А. Императорское собрание 1763 года: (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: РИЦ МГИУ, 2001. С. 117.

⁷⁹⁹ Омельченко О. А. Императорское собрание 1763 года... С. 40.

⁸⁰⁰ Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства // ПСЗ. Т.22. СПб.: Тип. II отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. № 16187. С. 347.

⁸⁰¹ Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

⁸⁰² Там же, с. 121.

равенством, предписанным законами, но и тогда еще, когда вкоренится умствование равенства, до самой крайности дошедшего, и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником»⁸⁰³. Итак, здесь Екатерина интерпретирует фундаментальные законы как «основание государства»; в таком случае это – освященные историей нормы, а не вновь вводимые установления. Подрыв фундаментальных законов будет угрожать катастрофой государству.

Помимо «Наказа» и Жалованных грамот Екатерина II лично разработала целый ряд проектов, которые вполне можно квалифицировать как проекты фундаментальных законов – своды правил администрирования, подлежащие внедрению. В 1767 и 1785 гг. она составляла проекты акта о престолонаследии⁸⁰⁴, и в обоих случаях речь велась о «твердости» и «непоколебимости» государства, которые могут быть обеспечены такими актами⁸⁰⁵. Вполне обоснованно считать, например, акт о престолонаследии Павла I фундаментальным законом, тем более что акт этот сохранял силу до самого конца российской монархии⁸⁰⁶. Екатерининский «план всеобщего законоположения» 1774 г. делил законодательство, по словам О. А. Омельченко, «на три класса: 1) “непременные законы”; 2) учреждения временные; 3) указы»⁸⁰⁷. Эта первая категория, в свою очередь, включала вопросы религии, естественные права, а также безопасность личности и собственности⁸⁰⁸. Больше того, и «Учреждения для управления губерний» 1775 г. Екатерина, по словам А. Б. Каменского, воспринимала «как “непременный” и “фундаментальный” закон, на который она постоянно ссылалась в новых законодательных проектах»⁸⁰⁹.

Следует согласиться с выводом Омельченко: «Кодификация права с целью установления всеобщего нормативного регулирования всех проявлений государственной и общественной жизни, всех мыслимых правоотношений стала если не задачей, то главным методом правовой реформы “просвещенного абсолютизма”, в которой полнее всего должен был выразиться его правовой характер. <...> В кодификационных разработках и

⁸⁰³ Наказ императрицы Екатерины II. С. 136–137.

⁸⁰⁴ Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб.: ЛИТА, 2001. С. 238–244.

⁸⁰⁵ Григорьев В. А. Проект манифеста Екатерины II о престолонаследии // Журнал министерства народного просвещения. 1914. Март. С. 124–125.

⁸⁰⁶ Сорокин Ю. А. Конституционные искания в России последней трети XVIII в. (К постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №5 (25). С. 19–20.

⁸⁰⁷ Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). М.: Всесоюз. заочн. юр. ин-т, 1989. С. 117.

⁸⁰⁸ Там же, с. 136–138.

⁸⁰⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. С. 432–433.

законопроектах периода “просвещенного абсолютизма” была обстоятельно проработана идея основного государственного законодательства, на основе которой сформировалась принципиально новая правовая форма конституционного закона, конституции “просвещенного абсолютизма”»⁸¹⁰.

Итак, можно говорить о сосуществовании двух взглядов на фундаментальные законы в России XVIII в. В одном случае вновь вводимые фундаментальные законы расценивались как ориентированные на *общее благо* проявления монаршей милости по отношению к тем или иным категориям подданных или властным институтам⁸¹¹. Такое понимание фундаментального закона приближалось к концепту договора (со всеми оговорками относительно того, можно ли милостивое обещание рассматривать как договор), в то же время соответствуя приведенным выше определениям О. А. Омельченко.

Но одновременно российские элиты использовали и иную концепцию фундаментальных законов – «оснований государства», исторически значимых обычаев и традиций, изменения которых грозили государству бедой. В анонимном предисловии русского переводчика к рукописному тексту трактата П. де Рибаденейры «*Tratado de la religión y virtudes*», имевшему, очевидно, хождение в 1-й половине XVIII в., говорилось: «Регула мудрости делает то, чтоб вдруг все старые обыкновения не истреблять, хотя есть некоторые и поношения достойны, понеже натура не снесет ниже ласково примет отмены нечаянно наступающие»⁸¹².

Так, в «Разговоре» В. Н. Татищев также упоминал о фундаментальных законах (не называя, правда, их этим именем) в пункте 109 под заглавием «Какие правила законодателям хранить должно?» Татищев признавал, что «законодатели если самовластные, то никаким законам не подлежат и никаких правил хранить, кроме божественных, не должны, и тако определение законов гражданских в единой воли их состоит». Однако ниже он добавлял, что «некоторые полагают хранить обычаи древние». Хотя по мнению Татищева в этом и есть некоторый смысл, в целом он посчитал, что «где польза общая требует, тамо не нужно

⁸¹⁰ Омельченко О. А. Кодификация права в России. С. 127–129.

⁸¹¹ Именно так их оценивал в своих комментариях на «Наказ» Екатерины II М. И. Воронцов, принося императрице «всеижайшее благодарение» за «милостивое сообщение многотрудного и мудрого... сочинения, которым узаконять изволите основательные права и законы в государстве вашем» и за «установление прочных законов на будущия времена, к благополучию общенародному, отъемля все жестокости, содержащая в прежних положениях, постановляя человеколюбие главным правилом в сочинении новых прав и законов для гражданских правительств» (Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, Василья Баскакова и Александра Сумарокова, с собственноручными замечаниями государыни // СИРИО. Т. X. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. С. 76).

⁸¹² Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель... С. 318.

на древность и обычаи смотреть <...> Ежели же обстоятельства некоторые трудности или опасности от неразумного народа представляются, то не все вдруг, но по несколько переменять, а окончание в секрете до времени содержать». К этому Татищев добавляет, что «сие токмо там нужно, где власть не самодержавная и опасности не подлежит»⁸¹³. В примечаниях к «Судебнику» Ивана Грозного Татищев в сходном духе описывал закрепощение крестьян: признавая, что «вольность крестьян и холопей» в целом полезна и «мало не во всех Европейских государствах узаконена», он все же считал, что «оное с нашею формою правления Монаршеского не согласует, и вкоренившийся обычай неволи переменить опасно»⁸¹⁴.

А в текстах Н. И. Панина фундаментальными являются уже «вольность» и «собственность»: не законодательные акты либо хартии, но социальные явления, в которые ни в коем случае нельзя вмешиваться монарху, рассчитывающему на стабильное правление ради *общего блага*.

Две эти манеры речи сосуществовали, не вступая – на первый взгляд – друг с другом в резкое противоречие. Так, Я. П. Козельский в «Философических предложениях» вовсе не предлагал «законам созидательным» (т.е. фундаментальным) никакого особенного определения, просто фиксируя мнение Монтескье о фундаментальных законах в республиках и монархиях⁸¹⁵. Однако сложность вопроса о фундаментальных законах заключалась именно в неясности относительно того, следует их *вводить* или *сохранять*.

Ведь именно наличие фундаментальных законов, согласно Монтескье, позволяет отличить монархию от деспотии. Если же фундаментальных законов в стране не существует и их предстоит ввести, то Россия является деспотией? Многие российские авторы как раз по этой причине настаивали на том, что фундаментальные законы являются частью отечественной традиции. Это соображение было достаточно распространено среди российских авторов – например, мы встречаем его в работах И. Н. Болтина. Говоря об эпохе

⁸¹³ Татищев В. Н. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 126.

⁸¹⁴ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Василем Никитичем Татищевым. М.: Унив. тип., 1786. С. 113. Ср.: «Царь Василий Шуйский <...> паки вольность крестьяном отнял, однако ж в его указе включения были весьма изрядные, которое сочиненным Уложением в большую невольность, а в судах неясностию многим распрям и ябедам способы причинило. Ныне же можно ли ту вольность без смятения возобновить и все те распри, коварства и обиды пресечь, требует пространного рассуждения и достаточно мудраго учреждения, дабы, исча в том пользы, большего вреда не нанести» (Татищев В. Н. О беглых и пожилых // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 381).

⁸¹⁵ Козельский Я. П. Философические предложения. С. 246.

Ивана Грозного в своем «Ответе» М. М. Щербатову (1793), Болтин отмечал: «При Царе Иване Васильевиче потряслись все коренные постановления Дворянства; все права и преимущества древних пород Княжеских и Боярских уничтожились; понеже, при правлении Деспотическом оные существовать не могут»⁸¹⁶.

Но нас интересует вопрос о том, являлось ли признание существования фундаментальных, неперенных законов ограничением императорской власти? По нашему мнению, представления о фундаментальных законах, оказавшиеся основанием для всей концепции «законной монархии», в полной мере были совместимы с абсолютистским и провиденциалистским взглядами, характерными для монархизма XVIII в. Признание закона инструментом (или фундаментом) общего блага вело к тому, что акцент в политических текстах ставился не на соблюдении законности, а на искусстве монарха управлять, то есть созидать новые законы либо умело обходиться с имеющимися фундаментальными нормами. В первом случае монарх мог быть описан как демиург, творящий с помощью своих великолепных качеств новое; во втором – как мудрый суперарбитр, правящий с опорой на самоконтроль и умеренность.

Приведем пример из едва ли не главного политического бестселлера российского XVIII в. – романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака». Фенелон описывает одно из идеальных обществ, Крит; узнав о процветании Крита, Телемак спрашивает Ментора – своего наставника, в конце романа оказавшегося воплощенной богиней мудрости Минервой – в чем же состоит царская власть? Ментор дает развернутый ответ-поучение: «Все может над народом, а над ним – законы. Имеет власть самодержавную делати добро, а связанные руки – на зло. Народ вручил ему закон, яко драгое сокровище, чтоб был своим подданным отец. Хотят, чтоб един человек своею премудростию и воздержанием всем людем служил во благополучие, а не весь бы народ в бедности своей и недостойной службе служил гордости и сластолюбию единого человека. Царь не имеет лишняя власти. Ничего, кроме потребного, или во облегчение трудных его дел, или ради народного почтения, хранителю закона достойного. Царь должен быти всех воздержнее, сластолюбия неприятель, не раскошлив и не горд. Не должен багатиться и веселиться, но бысть премудр, благочестив и славен паче всех человек. Вне царства своего повинен защищати отечество и учреждати войски, а в своем царстве – судити народ, дабы был благ, премудр и благополучен. Не ради

⁸¹⁶ Болтин И. Н. Ответ генерал майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории. СПб.: Имп. типография, 1793. С. 100.

его самого поставили его бози царем, но чтоб был слуга всему народу и употребил свое время, свое попечение и свою любовь во благое народу. И толь достоин царства, колко может народу служить»⁸¹⁷.

Когда критяне изгнали своего царя Идоменея, убившего – по трагической случайности – собственного сына, они столкнулись с необходимостью избрать нового царя. Кандидатам, в том числе и оказавшемуся тогда на Крите Телемаку, был предложен ряд состязаний – вначале на силу и ловкость, затем – на толкование вопросов из книги Миноса, первого царя Крита, известного великой мудростью и добродетелью. Кандидатам было предложено три вопроса: «Кто более свободен?», «Кто наиболее несчастлив?» и «Кого из двух следует предпочесть – царя, несокрушимого на войне, или царя, который, безо всякого военного опыта, способен премудро управлять гражданским правлением в мирное время?» Мудрые ответы, которые Телемак дал на эти вопросы, являются по сути небольшим «трактатом в трактате», раскрывающим детали образцовой монархии согласно взглядам Фенелона: предпочтителен, конечно, миролюбивый монарх, контролирующий себя и обладающий мудростью и добродетелью. Мудрость Телемака поразила добродетельных критян настолько, что они немедленно предложили ему занять вакантный трон (в другом месте Фенелон отмечает, что Минос предписал потомкам править лишь при условии повиновения установленным самим Миносом законам, поскольку любил свой народ больше, чем свою семью).

Сами по себе, конечно, эти идеи Фенелона не были чем-то из ряда вон выдающимся; они отражали общеевропейский тренд и вполне могли быть транслированы на российскую почву и помимо «Приключений Телемака». Тем не менее, пример Фенелона позволяет лучше уяснить то, каким образом в секулярном монархизме должны были быть связаны искусство властвовать, законы и личные качества монарха.

Обратимся теперь к российским примерам. В своих проектах 60 – 80-х гг. XVIII в. Н. И. Панин охотно и много рассуждал о фундаментальных законах, обосновывал установление четкой династической преемственности и обеспечение стабильности монархии с помощью совещательного Совета при монархе. Гарантацией стабильности должно было стать рациональное самоограничение императорской власти, сохранявшей при этом свой суверенный характер. Подобное самоограничение подразумевало в первую очередь

⁸¹⁷ Фенелон Ф. Похождение Телемака. Русский рукописный перевод 1724 года. Т. I. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 69.

определенную независимость судебной⁸¹⁸ («вершащей дела по законам») власти в лице Сената, который в позднейших проектах Панина начала 80-х гг. XVIII в. предстает как выборный орган.

Заходит о фундаментальных законах речь и в «Рассуждении о непременных государственных законах» Н. И. Панина (не позднее 1783 г.). Казалось бы, установленное Ю. М. Лотманом присутствие в «Рассуждении» цитат из «Общественного договора» Руссо о том, что «власть, производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от Бога» и вытекающем отсюда праве нации «возвратить свою свободу»⁸¹⁹ вплотную подводит к концепциям народного суверенитета и общественного договора⁸²⁰. Больше того: Панин пришел к тому же аргументу, что и интеллектуальный лидер французских монархомахов XVI в. Ф. Отман: нации существовали до монархов, а потому монархи занимают свои высокие должности ради наций, но не наоборот.

Однако цитату из Руссо необходимо рассматривать в контексте других (более обширных!) фрагментов «Рассуждения» – именно, открывающих текст похвал по адресу власти просвещенного самодержца, напоминающих аргументы из «Приключений Телемака» Фенелона или «Анти-Макиавелли» Фридриха II. Власть государя – от Бога и подобна власти Бога, «беспредельна» и «неограниченна»; но «Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть Богом, сам преступить не может»⁸²¹. Эти аргументы противоречат цитате из Руссо, намекающей на общественный договор, и одновременно указывают на соответствие «Рассуждения» общему контексту реформаторских проектов. Государь царствует ради общего блага, и ограничения, с которыми он сталкивается – это прежде всего различные виды *самоограничения*⁸²².

⁸¹⁸ В поздних проектах Панина и его единомышленников (80-е гг. XVIII в.) Сенат будет напрямую определен как «высший судебный трибунал». Следует заметить, что глава о политическом устройстве Англии трактата Монтескье «О духе законов», ставшая классикой теории «разделения властей» говорит о двух родах власти – «законодательной» и «исполнительной», которая, в свою очередь, делится на собственно исполнительную и судебную. Сходным образом и Панин различал «власть законодательную и власть законы хранящую и их исполняющую» (Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург: БКИ, 2015. С. 268).

⁸¹⁹ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непременных государственных законах // Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург: БКИ, 2015. С. 248–260.

⁸²⁰ См.: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 5-206.

⁸²¹ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение. С. 249.

⁸²² И. Ф. Худушина, рассуждая о политических проектах верховников и Н. И. Панина, замечает: «Ограничение абсолютной власти монарха им виделось как добровольный акт обладателя этой власти. Основания такой иллюзии,

Так, сходный аргумент уже в царствование Павла I приводил канцлер А. А. Безбородко (1799): «Государь самодержавный, если он одарен качествами сана его достойными, чувствовать должен, что власть дана ему безпредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные; словом, изрекши закон свой, он, так сказать, сам первый его чтит и ему повинуется, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут»⁸²³. Слова канцлера совпали с фрагментом из «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева, где крестичский дворянин наставляет сына: «Недерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если бы сам Государь велел тебе нарушить закон, неповинуйся ему, ибо он заблуждает, себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение онаго повелевает, тогда повинуйся, ибо в России Государь есть источник законов»⁸²⁴.

Итак, законная монархия – это такая монархия, где государь сам исполняет нормы, которые сам же предписал и которые сам может отменить, если таковые начнут противоречить общему благу. А как же фундаментальные законы? Эти нормы, являющиеся основанием государства, ни в коем случае не нужно нарушать. В рамках подобного понимания принципиальным оказывалось различие между страстью и самоконтролем: хорошими решениями, нацеленными на *общее благо*, являются мудрые решения, а не капризный произвол. Государь должен соблюдать законы (и в первую очередь – фундаментальные законы) не в силу институционального ограничения, а следуя велению разума: его абсолютная власть потому и абсолютна, что должна творить добро. А. П. Сумароков в «Слове на день коронования Ея Величества Императрицы Екатерины II» суммировал: «Самодержавию ни кто, кроме истинны, закона предписать не может; но коли мы подчиненны Самодержцам, толико они подчиненны истинне: потому что на все

очевидно, обусловлены социально-психологическими установками, присущими дворянской оппозиционности. <...> Дворянство считало, что оно имеет основания ставить царю условия, а у царствующей особы, предполагалось, есть основания их выполнять» (Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.) М.: ИФ РАН, 1995. С. 45–46). В этом умозаключении, конечно, присутствует противоречие (так все же «ограничить» абсолютную власть нужно было «добровольно» или «поставив условия?»), но сам факт внимания к добровольному характеру административно-политической трансформации кажется нам важным.

⁸²³ Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской. С. 297.

⁸²⁴ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 294.

многочисленные или паче безчисленные обстоятельства законов уставить никак нельзя; так нет лутче самодержавного правления, когда Самодержец премудр и праведен»⁸²⁵.

Однако там, где провиденциальный монархизм принимал благотворность власти монарха как данность, обусловленную его выдающимися (героическими, богоподобными) качествами, секулярная манера речи выдвигала на первый план набор рациональных правил и процедур. Эти правила и процедуры должны были обеспечить «премудрость» и «праведность» монаршего царствования.

В данной связи мы не можем согласиться с мнением С. В. Польского, рассматривающего политическую историю XVIII в. как борьбу за фундаментальные законы между правительственными и дворянскими идеологами⁸²⁶, открывавшую путь к ограничению монархии и формированию конституционной (и в перспективе – республиканской) системы власти. По нашему мнению, сам концепт фундаментального закона был инструментом, призванным *усилить* власть монарха. Иными словами, конституционализм оказывался вполне совместим с абсолютизмом, а создание правовых регламентов не противоречило неограниченному характеру власти императора⁸²⁷.

Е. Н. Марасинова справедливо обращает внимание на мотивирующую сторону того потока законодательных актов, который создавало императорское правительство начиная с середины XVIII столетия и который определял политический облик екатерининской «законной монархии»⁸²⁸. Важно добавить, что понятие «фундаментальный закон» активно использовалось в придворной политической борьбе и зачастую могло применяться для критики положения дел в Российской империи, не скрывая при этом никакой глубокой альтернативной политической программы.

А. Б. Каменский, анализируя политические записки великого князя Павла Петровича и, в частности, высказанное в них мнение о том, что «власть законодательная» должна находиться в руках монарха «с согласия государства», замечает: «Сама по себе названная

⁸²⁵ Сумароков А. П. Слово на день коронования Ея Величества Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного <...> Александра Петровича Сумарокова. Т. II. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. С. 232–233.

⁸²⁶ Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII в. // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: НЛЮ, 2012. С. 139.

⁸²⁷ Альтернативой этим двум подходам было восприятие фундаментальных законов как норм, определяющих практическую реализацию формы правления, в смысле, близком к современному пониманию конституции. В этом отношении можно было бы полагать, что фундаментальный закон ограничивает власть монарха в институциональном отношении (фиксируя, например, властные полномочия разных политических органов). Однако подобное понимание сложится лишь к началу XIX в. (см.: Киселев М. А. Карамзин и конституция // Новый мир. 2016. № 7. С. 127–141).

⁸²⁸ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С. 196.

фраза для второй половины XVIII в. была банальностью, с которой все соглашались и никто не спорил. <...> Различие с планами Екатерины не носит принципиального характера и сводится лишь к созданию аристократического выборного Сената с не вполне ясными полномочиями»⁸²⁹.

С этим выводом А. Б. Каменского следует согласиться, добавив, что верен он не только по отношению к Павлу Петровичу, но и к самой Екатерине II, и почти к любому из авторов реформаторских проектов в период с 40-х гг. XVIII в. до первых лет царствования Александра I. В этом и заключается единство концептуального поля секулярного монархизма. Совершенно несправедливо усматривать в творчестве Екатерины II какой-то перводвигатель, исходный источник, оригинальный поворот в истории российской политической мысли. Екатерининские труды, в громадной степени опиравшиеся на прямую компиляцию из европейских текстов, следует рассматривать в широком контексте творчества административно-придворной элиты, берущем свои истоки еще в аннинском царствовании. Концептуальная основа этого творчества включала активное использование глоссария *форм правления, общего блага*, понятие о монархе-законодателе и частые обращения к существовавшему параллельно глоссарию провиденциального монархизма. В случае же столкновения со сложными вызовами (такими, как, например, революция во Франции) монархическая речь переходила в панегирический регистр, принимаясь описывать монарха-законодателя как героя, святого и почти божество. В данной связи чрезмерное преувеличение эффекта секуляризации для политической культуры XVIII в. является, по нашему мнению, крупнейшей историографической проблемой⁸³⁰.

Специфический легалистский дискурс XVIII столетия вовсе не входил в противоречие с господствовавшей монархической идеологией. Напротив, он оказывал ей поддержку,

⁸²⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 485–486.

⁸³⁰ Приведем пример. А. Б. Каменский, анализируя идейные основания екатерининской «программы», замечает: «На первый взгляд, устанавливаемая проектом императорская власть неограниченна и неподотчетна, т. е. бесконтрольна. Однако уже сам факт определения характера и прерогатив этой власти в законе по существу и означал ее ограничение: власть дана императору не от Бога, и потому он волен казнить и миловать по своему усмотрению, а утверждена законом и основана на определенных принципах, только в рамках которых и можно казнить, миловать. Вспомним также, что согласно “Наказу Сенату” вступающий на престол государь приносит присягу. Все это подразумевает, что, если государь ее нарушает, т. е. нарушает принципы, на которых покоится его власть, действует вразрез с интересами государства и подданных, он лишается самого права быть государем. Иначе говоря, государь только тогда государь, когда он действует во благо народа, в противном случае он становится деспотом и оказывается вне права, вне закона» (Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 458). Здесь исследователь приравнивает власть «от Бога» к произволу, что не является корректным: власть от Бога не считалась, как мы показали выше, ни неограниченной, ни произвольной, а должна быть нацелена на *общее благо*. Интересно, что, развивая свою мысль, А. Б. Каменский исподволь переходит на позиции провиденциального монархизма: государь сохраняет свое высокое звание, лишь когда действует на *общее благо*. Но как раз такой аргумент был для монархизма XVIII в. центральным: что, если *общее благо* требует презреть некоторые законы, нарушить их или даже – как это было в 1730 г. – «изодрать»?

связывая воедино понятия *общего блага*, *формы правления* и фундаментальных законов. Конечно, признание нерушимости фундаментальных законов либо универсальных норм законов естества ограничивало произвол царствующей особы. Однако – как мы уже видели раньше, рассматривая идеологию и язык провиденциального монархизма – власть государя и должна была быть ограниченной своей целью, *общим благом*. Частью этого блага представало теперь сохранение фундаментальных законов, соблюдение естественного права. Таким образом, правовой глоссарий не противостоял монархическому, провиденциалистскому дискурсу, а был вписан в него⁸³¹.

Соответственно, практическое применение понятия «фундаментальный закон» – это не борьба между «конституционалистами» и «абсолютистами» за кардинальное изменение российской монархии, а интегральный элемент функционирования секулярной монархической идеологии XVIII столетия. Расхождения между Н. И. Паниным и, например, А. П. Бестужевым-Рюминым или между любыми другими участниками политического творчества заключались не в различии политических программ («правовой» в одном случае и «абсолютистской» – в другом), а в конфигурации придворных сил, в личных отношениях между политическими деятелями⁸³². Российские авторы охотно критиковали «ласкателей», «похитителей» или даже самих монархов за несоблюдение фундаментальных законов, но примерно те же аргументы и та же риторика использовались и для противоположного утверждения о том, что в стране *действительно* существует незыблемый законный порядок.

Безусловно, политическая мысль XVIII в. двигалась по пути секуляризации. Помимо фундаментальных законов, российская политическая мысль охотно оперировала и категориями законов естественных. Философия естественного права, чрезвычайно влиятельная в Европе Нового времени⁸³³, задавала весьма широкие рамки для обсуждения, она могла использоваться как для обоснования абсолютной монархии, так и в поддержку республиканской традиции (хотя между естественно-правовой и республиканской

⁸³¹ Как справедливо отмечает О. А. Омельченко, «только божественное происхождение верховной власти обеспечивает исполнение ею своих задач в отношении “общего блага”» (Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII в. М.: МГИУ, 2004. С. 67). Но действительным это было не только в отношении происхождения власти, но и в отношении ее богоподобного характера. Так, иерархи церкви Иннокентий (Нечаев), Гавриил (Петров-Шапошников) и Платон (Левшин), комментируя «Наказ» Екатерины II, называли этот текст «божественным Законодательством» (Мнение преосвященных Иннокентия и Гавриила и иеромонаха Платона о Наказе императрицы Екатерины II // Начертание жития Московского митрополита Платона. М.: Тип. А. Семена, 1835. С. 90).

⁸³² См.: Бугров К. Д. Никита Панин и Екатерина II: концептуальные аспекты политических взаимоотношений // Вестник РУДН. История России. 2010. №4. С. 38–52.

⁸³³ Rommen H. The Natural Law: A Study in Legal and Social History and Philosophy. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.

системами аргументации оставалось определенное противоречие). Важным элементом этой парадигмы идей являлось признание того, что гражданская норма, вступившая в противоречие с естественным правом, теряет свою силу.

И хотя естественно-правовой глоссарий в России использовался и церковными авторами (начиная с того же Феофана!), он оказался наиболее востребован в секулярном монархизме. Понятие естественной нормы, открытой любому человеку при условии правильного использования собственного разума, давало надежный критерий качества для законотворческой деятельности государя, одновременно позволяя конкретизировать слишком уж расплывчатое понятие *общего блага*.

Хорошо ориентировался в этой теме и В. Н. Татищев, охотно ссылавшийся на естественное право в самых различных своих сочинениях и, в частности, высказывавшийся так: «Правда что много законов, много смятений, естли не все равныя на одном основании права естественного положены; и хотя закон естественный не учит более, как знать, что зло и добро, и что человек должен исполнять, или оставлять, а гражданские точно повелевают и запрещают, предписывая за преступление наказание, но правильные и порядочные законы гражданские почти все могут из закона естественного изъясниться, естли токмо судья оное разумеет»⁸³⁴.

А В. Т. Золотницкий – автор первого подробного путеводителя по естественному праву на русском языке (1764) – так разъяснял читателям пользу предмета своей книги: «Полезь естественного права состоит в том, что мы сравнивая начала онаго с человеческими действиями можем узнать, которыя с оным сходственны, и которыя несходственны; а чрез сие всякия несогласия в обществе решить будем в состоянии»; например, клятвы, нарушающие натуральный закон, не являются действительными⁸³⁵. Золотницкий называет три основных «должности», вытекающие из природы человека: почтение к Богу, самосохранение и самосовершенствование, социабельность. И поскольку «натуральные законы суть точно божественные», то «делающий сходственно натуральным законам, делает согласно Божией воле»⁸³⁶. Интересно, что одновременно Золотницкий определяет добродетель как умеренность духа – способной в сложных ситуациях «содержать себя по

⁸³⁴ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. С. 91.

⁸³⁵ Сокращение естественного права. С. 51.

⁸³⁶ Там же, с. 11.

предписанному натуральному закону», тогда как смелость «есть порок, когда кто против натурального закона самоизвольно себя в бедствия ввергнет»⁸³⁷.

Власть, согласно Золотницкому, возникает в результате общественного договора, и граждане обещают повиноваться при том условии, чтобы правитель «имел старание о пользе и совершенстве общества»⁸³⁸. Правление утверждается особыми «основательными законами», которые и заключают упомянутый договор между подданными и правителем – как видим, Золотницкий рассматривает фундаментальные законы как договоры: «Общее благополучие и польза гражданства состоит в таком состоянии, в котором граждане поелику подданные с своим владельцем ниже внешнею ниже наружною силою не препятствуются к получению и употреблению средств своего благополучия»⁸³⁹. И далее Золотницкий дает интересное описание того, как конкретно должен работать государственный механизм, нацеленный на *общее благо*. Правителю следует «определить то, что для благополучия состояния от подданных потребно», а затем предписать подданным законы, «которые по своему отношению к самому законодавцу должны быть важны и сильны». Необходимо также следить за соблюдением этих законов, а потому поощрять добродетельных подданных и карать порочных⁸⁴⁰; Золотницкий, кроме прочего, высказывается в пользу смертной казни убийцам.

Могут ли подданные сопротивляться монарху, если тот творит беззакония? Золотницкий полагает, что сопротивление нежелательно, и никакой суд не может судить «величество» монарха – но если «худыя его дела столько уже усилятся, что всю общую пользу и совершенство искореняют, и монарх на прошение подданных склониться не хочет, чтоб наблюдать основательные законы: то кажется, что величеству уже более места не будет, поелику нарушаются польза и совершенство»⁸⁴¹. Аналогичные рассуждения присутствовали и в учебнике по естественному праву Д. Ф. Неттельбладта под названием «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции» (1770)⁸⁴².

Подобное заявление, казалось бы, демонстрирует радикальный характер естественно-правовых идей по сравнению с провиденциалистским монархизмом. Вспомним: за сорок лет до выхода книги Золотницкого епископ Феофан (Прокопович) настаивал в «Правде воли

⁸³⁷ Сокращение естественного права. С. 34.

⁸³⁸ Там же, с. 84.

⁸³⁹ Там же, с. 90.

⁸⁴⁰ Там же, с. 91.

⁸⁴¹ Там же, с. 119.

⁸⁴² Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель. С. 205–206.

монаршей» на том, что сопротивление подданных государю никогда не может быть оправданным!

Но степень различия здесь не столь сильна, как может показаться. Ведь церковные панегиристы, как мы уже показали, располагали собственной риторической стратегией для описания той катастрофы, которая произойдет в случае явного нарушения монархом *общего блага*: Провидение явит милость и сместит тирана, действуя через народ – не случайно ведь летом 1762 г. проповедник Константин (Борковский) напоминал слушателям о Гедеоне, получившем помощь от Бога в тяжкий для Израиля час (Суд. 6: 10–16)⁸⁴³. Различия в риторике не должны скрыть принципиальное сходство: и провиденциальный монархизм, и естественно-правовая теория если и не считали сопротивление монарху необходимым, то во всяком случае допускали, что в случае явного нарушения *общего блага* государя ожидает закономерная катастрофа – либо бунт доведенных «насильством естества» подданных, либо карающий перст Господень.

Безусловно, адаптация естественно-правового глоссария была мощным источником секулярной ревизии представлений о власти, способной принять весьма радикальные формы. Как стройная система идей, вытекающих одна из другой, естественно-правовая доктрина способна была подвести к выводу о необходимости свержения тирана, нарушающего права подданных и подобного, по словам Татищева, «шляхтичу, безумно свой дом разоряющему»⁸⁴⁴. Как справедливо указывает М. А. Киселев, «логика, или, даже лучше сказать, логики естественного права вполне соответствовали раннему Новому времени как переходному времени, ибо, с одной стороны, утверждали существование Бога, а, с другой стороны, постепенно подрывали Его земное могущество, а вместе с ним – и земных владык, выбравших в качестве одной из опор Алтарь»⁸⁴⁵.

Взятая же с учетом конкретной коммуникативной ситуации XVIII в. с характерным доминированием придворной сферы, адаптация естественно-правовых идей мало что добавляла к сложившейся уже к середине XVIII в. российской легитимации свержения монарха. Дворцовые перевороты породили специфическую стратегию противодействия плохим государям, которая может быть сведена к рутинной мудрости: тот, кого свергли, и есть тиран, а свержение тиранов, в свою очередь, должно заставить государей задуматься о

⁸⁴³ Слово торжественное о всерадостнейшем и вождельнейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшаго Императорскаго Величества. С. 6.

⁸⁴⁴ Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение... С. 149.

⁸⁴⁵ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель... С. 206.

том, как лучше укрепить фундамент своего господства и добиться большей безопасности на пути хорошего, мудрого, добродетельного царствования.

Не вдаваясь в тонкости функционирования философии естественного права на отечественной почве (тема эта заслуживает отдельного и весьма обширного исследования), отметим: естественно-правовой глоссарий примирял индивидуальные цели человека с благополучием общества в целом. Оптимистическая традиция естественного права, простирающаяся от Цицерона до Пуфендорфа, предполагала, что политика может быть сведена к следованию максимам естественного права, одновременно совпадая с максимальной пользой для конкретного индивида⁸⁴⁶. И хотя естественно-правовой дискурс был по существу секулярным, он мог вступать в комбинации с провиденциализмом – российский исследователь А. В. Малинов так описывает интеллектуальную механику подобного взгляда: «Посредством естества божественное оправдание получает земная власть. Божественная сила действует через природу и таким образом наполняет силой и авторитетом власть... Естество, отражаясь во врожденных качествах человеческой природы, выступает условием блага»⁸⁴⁷.

Таким образом, *общее благо* соответствовало неизменной моральной норме, будь то божественный или естественный закон; источник нормативности менялся, но сама

⁸⁴⁶ Цицерон в трактате «Об обязанностях» уравнивал «нравственно прекрасное» и «полезное», указывая: «То, что стоики называют высшим благом, – жить в согласии с природой – означает, если не ошибаюсь, следующее: с доблестью сообразоваться всегда, а все остальное, соответствующее природе, выбирать при условии, если оно не противодействует доблести (virtus). <...> И именно это нравственно-прекрасное, называемое так по его существу и правильно, свойственно одним только мудрым людям и никогда не может быть отделено от доблести; однако людям, не обладающим совершенной мудростью, совершенная нравственная красота никак не может быть свойственна, но некоторое подобие нравственной красоты быть им свойственно может» (Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 127). Пуфендорф в «De Jure Naturae et Gentium» (1672) писал о естественном законе: «Этот закон может быть обнаружен и доказан без дополнительной помощи, единственно посредством силы разума, которым Бог наделил человечество». Пуфендорф не считал естественный закон «врожденной идеей», настаивая на том, что закон естества может быть лишь обнаружен с помощью разума, на основании четких и ясных каждому доказательств (это, предположительно, должно спасти людей от чужого диктата под видом естественного закона). «Человек суть животное, чрезвычайно стремящееся к самосохранению, подверженное многим желаниям, неспособное обеспечить собственную безопасность и существование без помощи других людей, и способное быть благодарным, совершая добро в ответ на добро: но все же обычно оно злобное, наглое, легко провоцируемое и настолько же искусное в измышлении злодеяний, как и решительное в их исполнении. Чтобы такое существо могло сохранить себя и наслаждаться благами жизни, ему необходимо быть социальным, то есть объединяться с другими представителями своего вида, и регулировать свое поведение по отношению к ним таким образом, чтобы у них не было справедливой причины нанести ему вред и чтобы они предпочитали содействовать его интересам, защищать его права и предметы озабоченности. Отсюда и виден фундаментальный закон естества: каждый человек должен, насколько это от него зависит, содействовать мирной социабельности с другими и сохранять ее, в соответствии с основной целью и предрасположенностью рода людского в целом» (Pufendorf S. Of the Law of Nature and Nations. London: Printed for J. Walthoe, R. Wilkin, J. and J. Bonwicke, S. Birt, T. Ward, and T. Osborne, 1729. P. 137–138). Единство человеческой природы обеспечивает в данном случае и сущность моральных отношений: равные между собой люди стараются делать друг другу добро и не делать другим того, чего они не пожелали бы себе; Пуфендорф предполагает также, что конечной санкцией морали все-таки является Бог, наделивший человека разумом, с помощью которого этот последний и обнаруживает естественный закон.

⁸⁴⁷ Малинов А. В. Очерки по философии истории в России. СПб.: Интерсоцис, 2013. С. 56.

нормативность оставалась универсальной. К примеру, историк и публицист И. Н. Болтин следующим образом описывал царствование Екатерины II, комбинируя образ монарха-демиурга из арсенала провиденциального монархизма с концепцией общего блага: «Вся Россия уверена, что Императрица обладающая нами всевозможного блага нам желает, и к благотворению *для всего рода человеческого* (курсив наш. – К. Б.), а паче для подданных своих, крайнюю склонность имеет; потребным для производства великих намерений могуществом изобилует, не столько по праву общему государей, сколь по превосходству ЕЯ в душевных дарованиях пред равными ЕЙ: угодно ей нас научить, просветить, зделать блаженными, спокойными, и ЕЙ и себе полезными; будем таковыми, понеже есть на то благоволение ЕЯ»⁸⁴⁸.

В сходном духе высказывался и Ф. Эмин в предисловии к «Истории Российской» (1767): «От Аристотеля времен по нынешние дни многие умствующие Законописатели неизчисленные написали томы о разном свойстве владений. Иные из них республиканскую вольность, а иные самодержавное правление прославляли. Но естли их писания здравым разобрать рассуждением, то в каждом из оных явное найти можно пристрастие: ибо обыкновенно Республиканцы хвалят свою вольность, а подданные самодержавство. Но все их долговременные и неизчисленные ссоры пятью словами Премудрая решит **МОНАРХИЯ**. Тонко вопрошает: В чем состоит вольность, и какие быть должны следствия оной? Нет такого малоразсудного человека, который бы того не знал, что свойство вольности должно споспешествовать ко благополучию общественному, и что следствия оной должны быть истинна и добродетель: ибо ни в одной Республике творение зла не дозволяется. Когда же вольность состоит в делании добра, то сия золотая вольность нигде толь свободного, как в России не имеет пристанища»⁸⁴⁹.

Но если провиденциальный язык монархизма был пригоден главным образом для вознесения хвалы коронованной особе, то с помощью глоссария секулярного монархизма можно было вносить предложения о реформах имперской системы управления. Поколение за поколением представители российской придворно-административной элиты задавались

⁸⁴⁸ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал майором Иваном Болтиным. Т. 2. [СПб.]: Тип. Горного училища, 1788. С. 316.

⁸⁴⁹ Эмин Ф. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, всевеликия и вечной достойныя памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере золотого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. Сочиненная Федором Эмином. Т. I. СПб.: Имп. Академия наук, 1767. С. IX.

вопросом: как монарху надлежит организовать властный аппарат, чтобы создавать наиболее качественные законы и достичь *общего блага*?

3.3. Реформы, конфликты и искусство управлять

В историографии большое влияние имеет мнение о том, что в XVIII в. российская элита, под влиянием западных интеллектуальных инноваций, освоила такие политические идеи, которые позволяли эффективно ограничивать и в конечном счете – упразднить абсолютную власть монарха с помощью системы легальных институтов, интенсивного участия подданных в политической деятельности, внедрения концепта выборности⁸⁵⁰. Так, американская исследовательница С. Уиттакер, говоря о «литературе советников» российского XVIII в., полагает, что «практика подачи общественных советов монарху была всего в одном шаге от законно установленного совета, подобного тому, который предложил Никита Панин в 1762 г. и который Екатерина вначале утвердила – этот совет мог бы заложить основания для представительской законодательной ассамблеи»⁸⁵¹. С. В. Польской говорит о дворянском конституционализме, старавшемся ограничить власть императоров собственными политическими органами⁸⁵². К сходным заключениям приходит, анализируя историю российского республиканизма, французская исследовательница Ж. Гранай⁸⁵³.

Однако, по нашему мнению, административное оформление власти монарха, предлагавшееся различными реформаторами на протяжении значительной части XVIII в., имело целью не перераспределить власть от императора к другим властным органам, а усилить самодержавную власть, одновременно обеспечив ее соответствие *общему благу*.

⁸⁵⁰ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. С. 191–192; Данилов А. Г. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV – XIX вв.) Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 205–219; Галиуллина М. В. Конституционализм в России во второй половине XVIII – начале XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004.

⁸⁵¹ Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2003. P. 256–257.

⁸⁵² Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 33.

⁸⁵³ Grandhay J. Russie: la République interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIIIe – XXe siècles). Seyssel: Champ-Vallon, 2012. P. 101–102.

В хорошо известном в России сочинении Фридриха II «Анти-Макиавелли»⁸⁵⁴ проблеме властного аппарата уделялось достаточно большое внимание – прусский король посвятил вопросу главу XXII «О министрах государей», где писал: «Два рода суть Государей в свете, одни из них имея за всем собственными своими очами смотрение, управляют сами своими землями; на против сего другие, положась на верность своих Министров, дозволяют им управлять собою, кои над их разумом известное владычество для себя приобретают»⁸⁵⁵. Фридрих II сравнивает «государей первого рода» с Атлантами, держащими на плечах, и с божествами: «Они по примеру Божию, кои для исполнения своих повелений употребляют совершеннейших, нежели человеки, духов, имеют вокруг себя проницательных и трудолюбивых мужей, производящих в действо все его намерения и располагающих по степенно то, что сами Государи начертали во множестве. Их Министры суть собственно орудиями, состоящими в руках мудрого и способного своего строителя»⁸⁵⁶. Такой богоподобный монарх не должен перепоручать кому бы то ни было дела правления.

«Государи второго рода» – случай куда более сложный. Они, не будучи «одарены дарованиями, могут чрез счастливый выбор Министров возстановить сей недостаток». Иными словами, выдающиеся качества можно найти, правильно организовав властный аппарат и поручив управление этим аппаратом достойным людям. Однако Фридрих II предостерегает о том, что найти достойных министров чрезвычайно сложно, «ибо сколь удобно для частного лица сокрыться от очей господ своих, то столь на против сего тяжело для Государей избегнуть внутренностию своею от очей мира сего»⁸⁵⁷. И если разобраться в способностях министров несложно (это «безо всякого труда» может сделать «государь, снабденный разумом»), то гораздо тяжелее оценить добродетель потенциальных кандидатов. Ведь само это важнейшее качество зависит от социального контекста, и «много таких людей найти можно, кои при всем своем великом разуме, остроумии и изрядных дарованиях были гнуснейшими и неблагодарнейшими душами; на против сего много есть также и таких, кои (б) изрядное и великодушное сердце имели»⁸⁵⁸. Мудрые монархи знают,

⁸⁵⁴ Фридрих II входил в число десяти наиболее часто переводимых на русский язык авторов, творивших в жанре морально-политической литературы (Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 19). Правда, переводы эти в основном приходятся на 2-ю половину XVIII столетия.

⁸⁵⁵ Анти-Макиавель, или Опыт возражения на Макиавелеву науку о образе государственного правления, сочинен ныне славно владеющим королем Прусским Фридрихом II. СПб., 1779. Глава XXII. С. 195.

⁸⁵⁶ Там же, с. 196.

⁸⁵⁷ Там же, с. 197.

⁸⁵⁸ Там же, с. 200.

что «ни чего в свете нет совершенного», и потому предпочитают полагаться на «уже изведанных» людей, употребляя в пользу их известные недостатки, «равно как те искусные музыканты, кои охотнее играют на том инструменте, которого крепость и слабость им сведома, чем на новом, коего им доброта со всем еще не известна»⁸⁵⁹. Разумеется, глава «О министрах государей» не была принципиальной новацией прусского короля — здесь Фридрих, суммируя, пересказывал основные взгляды на этот вопрос, сложившиеся в европейской политической литературе к середине XVIII в.

Итак, существуют монархи-Атланты⁸⁶⁰ и монархи-музыканты: в одном случае речь идет о выдающихся качествах, в другом — об искусстве управлять при посредничестве аппарата власти. Первый тип, о котором рассуждает прусский король, примерно соотносится с идеальным монархом провиденциалистского панегирика, гениальным преобразователем-демиургом, святым, героем и почти Богом. Именно таким государем представлял российский император на страницах панегириков и проповедей. Однако обсуждение практических вопросов государственного управления, которое на протяжении XVIII в. все больше и больше усложнялось, заставляло членов административно-придворной элиты рассматривать российских государей как монархов второго типа. Конечно, речь не шла о том, что императоры и императрицы России обделены великими дарованиями, однако осторожное признание того, что монарх все же человек с соответствующими слабостями, было стартовой точкой для обсуждения прикладного преобразования властного аппарата. Как пишет американская исследовательница Э. Виртшафтер, «монархическая власть оставалась в принципе непогрешимой и абсолютной, и в силу этого государь, как страж монархической власти, являлся единственным источником закона и итоговым гарантом земного правосудия. Но монарх также представлял и в качестве индивидуального морального существа, которое, подобно богам и богиням классической древности, соединяло власть, славу и мудрость с повседневными человеческими ошибками»⁸⁶¹. Достижение общего блага становилось проблемой не только великолепных качеств «праведного солнца» на троне, но и грамотной организации правительства, подбора сановников и управления ими.

⁸⁵⁹ Анти-Махиафель. С. 203.

⁸⁶⁰ Ср. у митрополита Платона (Левшина) в проповеди 1764 г.: «Ваше Величество, яко Священный Наш Атлас, поддерживаете Российское небо» (Слово в день рождения Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича // Платон (Левшин). «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 167).

⁸⁶¹ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater... P. 148.

Еще в «Произвольном и согласном разсуждении и мнении собравшегося шляхетства руского о правлении государственном» В. Н. Татищев, говоря о важности советников, использовал метафору хозяина дома: «Хотя человек, конечно, всякой не безпогрешен, однако ж государи имеют советников, избирая из людей благоразсудных, искусных и прилежных; и как он, яко господин в своем доме, желает оной наилучшим порядком править, так он не имеет причины к разорению онаго ум свой употреблять, но паче желает для своих детей в добром порядке содержать и приумножить»⁸⁶².

В 1762 г. Н. И. Панин указывал на то, что истинное «самодержавие» возможно лишь при грамотном распределении обязанностей между ключевыми администраторами и советниками⁸⁶³. Панин использует собственную метафору: если у прусского короля монарх – музыкант, играющий на инструментах, то у российского сановника – фабрикант, распределяющий задания между мастерами и подмастерьями. Сходную мысль Панин повторил и в «Рассуждении о непеременимых государственных законах» (начало 80-х гг. XVIII в.), говоря о слабом монархе: «Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что *самого держат* (курсив наш. – К.Б.) в кабале недостойные люди?»⁸⁶⁴

Критики и соперники Панина в придворной борьбе 1762–1763 гг. (А. Н. Вильбоа, А. П. Бестужев-Рюмин и другие) указывали на то, что предлагаемая реформа ограничит власть императора, и проводили аналогию с событиями 1730 г.⁸⁶⁵ Но ведь и сам Панин оценивал события 1730 г. негативно, прямо зафиксировав это в преамбуле к предлагаемому проекту реформы⁸⁶⁶. Историографическая традиция интерпретирует риторическую стратегию Панина как «конституционалистскую», а попытки его противников торпедировать реформу – как «абсолютистские»⁸⁶⁷. Однако если сановники 60-х гг. XVIII в., обвинявшие Панина в попытке ограничить власть императора, характеризуются как «абсолютисты», то аналогичная критика министерских реформ и Совета, принадлежавшая

⁸⁶² Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 149.

⁸⁶³ Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета. С. 206–207.

⁸⁶⁴ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение. С. 252.

⁸⁶⁵ См.: Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // Бильбасов В. А. Исторические монографии. Т.4. М.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 16–19; Польской С. В. Неизвестная записка. С. 177–181.

⁸⁶⁶ Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета. С. 200–221.

⁸⁶⁷ См.: Ибнеева Г. В. Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н. И. Панина // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Т.134. Казань: Унипресс, 1998. С. 100–105; Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27–42; Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven: Yale University Press, 1975.

«сенатской партии» начала XIX в., часто оценивается историками уже как «конституционалистская»⁸⁶⁸. Между тем, если «конституционалист» Панин решительно критиковал Сенат и коллегиальную систему⁸⁶⁹, то «конституционалисты» первых лет царствования Александра I, напротив, превозносили коллегиальную систему и атаковали «министерский деспотизм»⁸⁷⁰. Яростно критикуя создание министерств в «Записке о древней и новой России» (1811), Н. М. Карамзин замечал: «Министр подписывает Именные указы не для публики, а для императора, во уверение, что они написаны, слово в слово, так, как государь приказал»⁸⁷¹. Но ровно об этом же и практически в тех же выражениях на полвека раньше говорил Н. И. Панин, отвечая на упреки в том, что «контрасигнирование» государевых указов министрами умаляет самодержавную власть⁸⁷².

Для обоснования административных реформ часто использовалась метафора *зрения*, способности государя *видеть* истинное положение дел в своей империи – как мы видели выше из примера с «Анти-Макиавелли», метафора эта имела давнюю и общеевропейскую популярность. Угроза ограничения благодетельной неограниченной власти монарха исходит прежде всего от фаворитов и «ласкателей», от разрастающегося и коррумпированного бюрократического аппарата, обманывающего государя и скрывающего от него истинное положение дел. Незрячий, слабо информированный государь не способен быть полновластным, не в состоянии действовать на *общее благо* и, соответственно, всегда подвержен угрозе восстания и потери власти. Об этом писал Монтескье⁸⁷³, сходные

⁸⁶⁸ Польской С. В. Незвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 6. С. 176.

⁸⁶⁹ Критика Сената Паниным находила отклик и позднее: в 1816 г. министр финансов Д. А. Гурьев высоко оценивал проект Императорского совета 1762 г. и, критикуя «смещение властей» в Сенате, с одобрением цитировал текст Панина (Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева) об устройстве верховных правительств в России: Части первая – третья // СИРИО. СПб.: Гос. тип., 1894. Т. 90. С. 51–52).

⁸⁷⁰ См.: Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // Russian Review, Vol. 38, No. 3 (Jul., 1979). P. 298–322.

⁸⁷¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 62.

⁸⁷² Польской С. В. Незвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 6. С. 176.

⁸⁷³ В трактате «О духе законов» Монтескье описывал различие между монархией и деспотией таким образом: «Хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратился свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи — люди более просвещенные, и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом Государстве». Таким образом, именно способность принимать оптимальные решения, а не ограничение властных прерогатив монарха конкурирующими властными органами, виделась французскому философу главной чертой монархической формы правления, опирающейся на закон: «Законы — это глаза государя; благодаря им он видит то, чего без них не мог бы увидеть. Присваивая себе обязанности судьи, он действует не в свою пользу, а в пользу своих обольстителей, во вред самому себе». В конечном счете, монархии гибнут «по той причине, что государи, вместо того чтобы ограничиться единственным достойным самодержца делом — общим надзором за управлением, захотели всем управлять непосредственно сами» (Монтескье Ш. О духе законов. С. 186; 302–303).

замечания об отношениях между монархом и его аппаратом делали С. Пуфендорф⁸⁷⁴, Э. Ваттель⁸⁷⁵ и многие другие европейские авторы⁸⁷⁶.

Писали об этом и россияне. Например, В. Н. Татищев в примечаниях к законодательным актам времен Ивана Грозного с неодобрением отзывался о «Соборном уложении» 1581 г., открывавшемся ссылкой на «содействие Святого духа»: «Есть продерзское духовных употребление к утверждению их законов, не разсудя, что он как бы мудрый и набожен ни был, легко погрешить, неправое за правое, вредное за полезное принять может, и после то исправить, пременить или изъяснить нужно, как и здесь того довольно; следственно употребление имени Божия всеу и в правильном разсуждении есть хула на Духа Святого и грех смертельный»⁸⁷⁷. Исходя из возможности ошибки, вытекающей из самой человеческой природы государя, Татищев рассуждал об искусстве создавать законы, требующем мудрой организации властного аппарата: «В сочинении нового закона для чести законодавца и для твердости закона нужно прилежно рассматривать и остерегаться, чтобы не дать страсти своей сочинителю власти, как то видим после уложения таких пристрастных законов не мало, что уложение отставлено или иначе, нежели в оном истолковано, включая: и впредь решить по сему; но реша одно то дело, дни чрез три паки оной указ отставили, включая: а которая дела по оному решены, и тем быть так; однако ж оныя после с поношением и вредом тех безсовестных перевершиваны. Для сего ПЕТР Великий, хотя в Сенате имел людей довольно в разсуждениях искусных, но предостерегая их от прихотей, повелел к сочинению нового закона призывать в Сенат Членов от всех Коллегий, и неправо решенные дела перевершивать. Но еще бы сие безопаснее и справедливее могло быть, естли бы такая обстоятельства прежде ученым в Юриспруденции для рассмотрения сообщать и разсуждения их требовать»⁸⁷⁸.

Ф. А. Эмин в романе «Письма Эрнеста и Доравры» (1766) описывал власть монарха в следующих словах: «Государю яко монарху все делать правом самодержавства дозволено; но судья имеет свои границы, и должен то делать, что ему велит правосудие, которое часто и государи без намерения и весьма великие и славные будучи Монархи преступали, для того,

⁸⁷⁴ Samuel von Pufendorf. *The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary* by Jean Barbeyrac. Indianapolis: Liberty Fund, 2003. P. 54–55.

⁸⁷⁵ Vattel E. *Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains*. T. 1. Paris: J.-P. Aillaud, 1835. P.140–141.

⁸⁷⁶ См. об этом: *Monarchisms in the Age of Enlightenment: Liberty, Patriotism and the Common Good*. Ed. by H. Blom, J. C. Laursen, and L. Simonutti. Toronto: University of Toronto Press, 2007.

⁸⁷⁷ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. С. 205–206.

⁸⁷⁸ Там же, с. 124–125.

что поверенные их Министры инако им дела представляли, а не так, как надлежит. Государь сколько ни разсудителен, добродетелен и справедлив, однако он человек; а надобно бы ему быти Богом чтоб пространного своего государства мог видеть все дела, которыя естли потекут несправедливо, тому виновны те, которым правосудие препоручено»⁸⁷⁹.

Такие исследователи, как М. Раев и Д. Рансел⁸⁸⁰, усматривали парадокс в одновременной ориентации государственных деятелей XVIII столетия на создание рациональной бюрократии и персоналистским характером властной иерархии российского самодержавия. Представляется, что контраст между бюрократией (процедурой и компетентностью) и персонализмом (патронажем и лояльностью), которому столь много внимания уделяет М. Раев, на деле преувеличен и в значительной степени является результатом не критического восприятия историком риторических стратегий секулярного монархизма.

Ни один из авторов реформаторских проектов в XVIII столетии не выступал за создание автономной бюрократической машины. Фаворитизм, который считался настоящим бичом политической жизни России XVIII в., вовсе не казался представителям придворно-административной элиты явлением, по своей сути чуждым бюрократической системе. Напротив, персоналистский режим был ее *alter ego*; фавориты и «ласкатели», населяющие реформаторские проекты XVIII – XIX вв. – это порождения именно бюрократического аппарата, его канцелярий и «камор»⁸⁸¹. Поэтому бюрократическая рутина – ограничение императорской власти на практике – считалась важной угрозой *общему благу* и борьба с ней оставалась лейтмотивом целого ряда реформаторских проектов. В частности,

⁸⁷⁹ Эмин Ф. А. Письма Эрнеста и Доравры. Ч. III. С. 34–35.

⁸⁸⁰ Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. Vol. 80. No. 5 (Dec., 1975). P. 1221–1243; Raeff M. Plans for political reform in Imperial Russia, 1730-1905. Englewood Cliffs: Prentice Hall, Inc., 1966; Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven: Yale University Press, 1975.

⁸⁸¹ Для автора проекта любой другой представитель придворно-административной элиты выступал в качестве потенциального фаворита, способного монополизировать влияние на императора; так, Н. И. Панин яростно критиковал Д. В. Волкова, а А. П. Бестужев-Рюмин – Н. И. Панина; «молодые друзья» Александра I критиковали «екатерининских стариков» (см.: Довнар-Запольский М. В. Зарождение министерств в России. М.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, 1906. С. 21).

важное место занимали персональная ответственность государственных сановников⁸⁸² и недопустимость обращений к императору «через голову» властных инстанций⁸⁸³.

О том, что министры легко способны превратиться в тиранов, злоупотребляющих доверенной им властью, говорилось в целом ряде проектов. Так, П. В. Завадовский в 1801 г. завершил цитатой из Тацита («Жизнеописание Агриколы») свой исторический обзор положения российского Сената: «Се образ поработенного Сената, в котором молчать было тяжко, говорить было бедственно!»⁸⁸⁴ В хорошо известном отечественному читателю тексте Тацита речь шла о злодеяниях тирана Домициана; но у Завадовского в роли тирана выступал, конечно, не монарх, а генерал-прокурор. Особенное внимание уделялось циркуляции информации, сведений, способных открыть государю глаза. Так, реформаторские проекты Н. И. Панина полны образами «честных людей», опечаленных тяжким положением Империи и бездной разложения, в которую она проваливается. Эти люди придерживаются своеобразной манеры поведения – они «твердые» люди, которые не боятся говорить монарху правду.

Как же могущество просвещенного абсолютного монарха сочетается с «твердостью» «честных людей»? При всех частых обращениях Панина к «непременным законам» принципиально важными являются «твердость» государственных мужей в защите своего мнения и добродетель монарха, умеющего их разглядеть и вознаградить. По нашему убеждению, ключевой момент здесь – не предложение конституционно ограничить власть государя, но высокие моральные требования и к государю, и к его советникам и министрам (американский историк У. Глизон называет Панина и его окружение «моральными идеалистами», вдохновлявшимися идеями С. Пуфендорфа о совершенном государственном устройстве)⁸⁸⁵. П. В. Завадовский также говорил об информированности монарха: «Все

⁸⁸² Об этом уже в начале XIX в. писали анонимный автор «*Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie*», очевидно, близкий к кружку реформаторов (*Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie* // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. Т. 2. С. 260), В. П. Кочубей (ссылаясь на мнение А. А. Безбородко; Записка графа В. П. Кочубея об учреждении Министерств // СИРИО. Т. 90. С. 208), О. П. Козодавлев (Взгляд на нынешнее управление делами и на министерства // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 13. СПб.: Гос. тип., 1906. С. 206), а еще позднее – Д. А. Гурьев (Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева) об устройстве верховных правительств в России: Части первая – третья // СИРИО. СПб.: Гос. тип., 1894. Т. 90. С. 70–71) и, наконец, Д. А. Балугьянский (Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России // СИРИО. Т. 90. С. 34).

⁸⁸³ Об этом писал, например, Н. И. Панин в 1762 г. Это же явление критиковал и Д. П. Трошинский (Записка министра юстиции Трошинского о таких предметах, кои не могут быть вносимы в Комитет министров, а требуют личного доклада Государю Императору // ЧОИДР, 1859. Кн. 4. Октябрь – декабрь. М.: Унив. тип., 1859. С. 51–52).

⁸⁸⁴ Мнение о правах и преимуществах Сената. С. 103.

⁸⁸⁵ См.: Gleason W. *Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1981.

добрые Государи не оскорбляются представлением им истины, покровительствуют законам и народное благо вменяют в свое собственное»⁸⁸⁶.

Общий практически для всех реформаторских проектов тезис об исходящей из недр бюрократического аппарата угрозе, нависшей над властью государя, позволял предлагать конкретные меры по исправлению ситуации. Размежевание между авторами проходило не по вопросу о том, должна ли императорская власть быть ограничена (как мы постарались показать, мнение по этому поводу было практически единодушным), а по вопросу о том, какой должна быть эффективная конфигурация системы управления.

Часть авторов считала, что центральную роль в управлении должен играть Сенат;⁸⁸⁷ часть, напротив, отводила Сенату лишь судебную и контрольную функцию, а управление предлагала сосредоточить в руках министров, имеющих отраслевую специализацию⁸⁸⁸. Иногда Сенат предлагалось разделить на две части; министры то подчинялись Сенату, то выводились в подчинение особому совету либо комитету⁸⁸⁹. Например, «Таблица властей империи» – впечатляющая визуализация практического подхода к разделению властей, составленная Чарторыйским для Александра I – предполагала деление на исполнительную (министерства), судебную и «охранительную» («правительствующий» и «судебный» отделы Сената) части, над которыми стоит император со своим Советом⁸⁹⁰. Среди придворных администраторов имелись разногласия и по вопросам о том, как конкретно должен выглядеть Совет; например, в одних случаях он включал руководителей отраслевых министерств, в других – нет. При этом общим местом для реформаторских проектов было

⁸⁸⁶ Мнение о правах и преимуществах Сената. С. 107.

⁸⁸⁷ Так считали А. А. Безбородко (Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской // Русский архив, 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 297–300), П. В. Завадовский (Мнение о правах и преимуществах Сената. С. 101–107), А. Р. Воронцов (Примечание о правах и преимуществах Сената графа А. Р. Воронцова // ЧОИДР. 1864. Кн. 1. Январь – март. М.: Унив. тип., 1864. С. 409–410; Мнение графа Воронцова о правах Сената // Архив Государственного совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801 – 1801 гг.) Ч. 1. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1878. С. 39–46) и ряд других сановников (Реформа Сената // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. С. 307–313).

⁸⁸⁸ Одним из первых такое мнение высказывал Н. И. Панин (1762), а впоследствии – П. А. Строганов (Проект организации министерств // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. Т. 2. С. 292) и анонимный автор (*Essai sur un regiment organique*. С. 261).

⁸⁸⁹ Например, Д. А. Гурьев (1816) считал нужным создать Правительствующий Сенат в системе исполнительной власти (то есть над министерствами) и Судный Сенат – в системе власти судебной (Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева) об устройстве верховных правительств в России: Части первая – третья // СИРИО. СПб.: Гос. тип., 1894. Т. 90).

⁸⁹⁰ Таблица властей империи // Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869. Приложения. С. 98–99. Если несколько выйти за хронологические рамки настоящей диссертации, можно отметить: сходную таблицу в 1816 г. создал Д. А. Гурьев, однако здесь министерства оказались включены в сферу управления Правительствующего сената в качестве его «присутствий» (Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева). С. 84).

сенатское «право представления»⁸⁹¹, почерпнутое, очевидно, из Монтескье, но обосновывавшееся и с помощью ссылок на петровский Генеральный регламент⁸⁹².

Кроме того, аргументы в пользу совершенствования системы принятия решений, связанные с метафорой *зрения*, открывали возможности для предложений по созданию представительных органов внутри властной иерархии. Определенной популярностью обладала идея представительного Сената, связанная, по-видимому, с тем, что под влиянием европейской интеллектуальной традиции (в том числе Монтескье) Сенат начал осмысляться как «хранитель законов», наделенный «правом представления»⁸⁹³. На этом основании ряд реформаторов – в том числе Н. И. Панин, П. А. Зубов и Г. Р. Державин, Н. С. Мордвинов – предлагали полную или частичную выборность Сената⁸⁹⁴; при этом некоторые реформаторы предлагали избирать лиц, уже служащих в центральных административных органах⁸⁹⁵. Альтернативной моделью было создание нового представительного органа взамен модификации Сената либо в дополнение к такой модификации; об этом писал, например, А. А. Безбородко⁸⁹⁶. Наконец, иногда это могла быть судебная палата, в которой часть судей предлагалось назначать, а часть – избирать⁸⁹⁷.

Опыт создания выборных органов совещательного типа в России имелся. Речь идет о традиции Уложенных комиссий. Так, сенатский указ от 29 сентября 1761 г. предписывал избрать представителей дворянства и купечества для «слушания» вновь составляемого Уложения, с характерной мотивационной частью: «А как сочинение Уложения для управления всего государства весьма нужно, следственно всего общества и труд в советах

⁸⁹¹ Общее место для всех проектов, которое было зафиксировано в екатерининском «Наказе» и о котором писали Н. И. Панин, А. Р. Воронцов и многие другие.

⁸⁹² Например, Н. И. Панин в 1762 г. обосновывал сенатское право представления с помощью Генерального регламента; аналогичные аргументы в пользу права представления спустя сорок лет, в 1801 г., приводил П. В. Завадовский, придерживавшийся по поводу административной роли Сената прямо противоположной позиции (Мнение о правах и преимуществах Сената. С. 100–107).

⁸⁹³ О праве представления писали практически все реформаторы – от Н. И. Панина до А. А. Безбородко. Кроме того, оно было зафиксировано в «Наказе» и в целом ряде законодательных актов.

⁸⁹⁴ Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. М.: Наука, 1974. С. 266–267; Мнение сенатора Державина о правах, преимуществах и существенной должности Сената // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. С. 123; Права Сената // Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. С. 224.

⁸⁹⁵ Об этом в 1801–1802 гг. писали Г. Р. Державин (Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова – Г. Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1978. X. С. 237–243) и Н. С. Мордвинов (Права Сената // Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. С. 225). Мордвинов прямо связывал систему губернских собраний с предполагаемыми выборами сенаторов, которые должны проводиться на тех же основаниях, что и выборы губернских предводителей.

⁸⁹⁶ Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской. С. 300.

⁸⁹⁷ А. А. Безбородко в записке 1799 г. допускал участие разных сословий, а также предполагал участие собрания депутатов в обсуждении и подготовке законов (Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской. С. 300); анонимный автор «Essai» (1801) считал возможным участие только дворянских депутатов (Essai sur un regiment organique. С. 260).

быть к тому потребен, и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать». Указ требовал избрать по два делегата от дворянства каждой провинции (при этом избрать можно было и кого-либо из находившихся в Санкт-Петербурге «у статских дел») и по одному – от купечества каждой провинции. При этом местным властям, с одной стороны, было предписано «понуждать неослабно» выборщиков в случае промедления, а с другой – «под взысканием штрафа» к выборам «не приступать и ни чем не мешаться»⁸⁹⁸. Как показывают российские историки М. А. Киселев и А. С. Лыцова, еще в 1754 г. П. И. Шувалов выдвинул предложение о введении дворянских выборных должностных лиц в состав имперской администрации; эта идея интенсивно обсуждалась представителями дворянства в Уложенной комиссии 1767 г., едва не была включена в текст «Учреждения для управления губерний» 1775 г. и в конце концов нашла практическое воплощение в Жалованной грамоте 1785 г.⁸⁹⁹

С другой стороны, образцом для реформаторских предложений по организации выборных органов власти могла служить система дворянских выборов, введенная Жалованной грамотой дворянству 1785 г. Так, А. А. Безбородко полагал, что теперь достаточно реализовать принципы, заложенные Жалованной грамотой, на уровне империи в целом; аналогичным образом и при составлении Н. Н. Новосильцевым Уставной грамоты в структуру выборных органов были включены дворянские собрания⁹⁰⁰.

Предложения, выдвигавшиеся «снизу», шли в том же русле. Так рассуждал, к примеру, анонимный автор документа под названием «Проект о учреждении порядков следующих к правосудию» (1767), хранящегося в фонде Паниных в РГАДА⁹⁰¹. Автор этого обширного проекта оговаривает, что дворянские собрания могут направлять императрице проекты, касающиеся «новых узаконений», а также сообщать («представлять», в терминологии того времени) ей о решениях Сената либо военной коллегии, вынесенным не в пользу местного дворянства. Обосновывая право дворянских собраний делать предложения о «новых узаконениях», автор отмечал: «Которой губернии в чем немалая надобность и полза бывает, то тож самое дело в другой нималой ползы неприносит, но еще и во вред бывает»⁹⁰².

⁸⁹⁸ О выборе в городах дворян и купцов, для слушания новосоставленного уложения и о порядке производства сего выбора // ПСЗ. Т. XV. № 11335. С. 792–794.

⁸⁹⁹ Киселев М. А., Криворучко А. С. Проблема организации дворянского самоуправления и подготовка «Учреждений для управления губерний» в 1775 году // Вестник Пермского университета. История. Вып. 3 (26). 2014. С. 115–117.

⁹⁰⁰ Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской. С. 299; Государственная уставная грамота Российской империи. Варшава, 1831. Гл. IV, отд. IV.

⁹⁰¹ Проект о учреждении порядков следующих к правосудию // РГАДА. Ф.1274.Панины – Блудовы. Оп. 1. Ед.хр. 977.

⁹⁰² Там же, л. 9.

Куда интереснее обоснование права дворянских собраний жаловаться на сенатские и коллежские решения. Автор отмечает: «На сей пункт не думаю чтоб кто... досадовать мог, хотя он несколько и значит будто как бы с жалобою на правительствующий сенат и военную коллегию, но в самом деле он не то значит, ибо правительствующаго сената господам сенаторам иногда разсудится за неважное, от какой провинции представление, потому что всякой мелкости в уездах знать не можно, а к тому ж иногда и обер секретарь или секретарь во множестве дел доложить забудет, а в самом деле жителям того места необходимая»⁹⁰³. А благодаря жалобам дворянских собраний непосредственно царице «господа обер секретари и серетари забывать о докладе по доношениям не посмеют, а В[аше] И[мператорское] В[еличество] обо всем по сущей справедливости сведома быть соизволите»⁹⁰⁴.

Эти предложения дополняются еще одним блоком рекомендаций в отношении имперского управления, которые следуют в конце текста. Здесь автор проекта предлагает упразднить юстиц-коллегию и вотчинную коллегию. Первая более не нужна – ее функции успешно исполняют дворянские выборные должностные лица; Юстиц-коллегия – это «спасение для ябедников неправых по своим делам», некоторые из ябедников так и умрут, «не дождавшись за свои худыя дела достойной заплаты»⁹⁰⁵. Вторая же должна быть переименована в Вотчинный архив. Такая децентрализация станет большой экономией средств Империи и повысит эффективность и управляемость администрации.

Предложения автора «Проекта» о наделении дворянских собраний правом «представлять» императрице о новых законах вовсе не являются прологом парламентаризма. Напротив, из текста «Проекта» видно, что подобные предложения следуют скорее в русле российской традиции опоры на «общенародие» при создании правовых норм – традиции Земских соборов и Уложенных комиссий, которая никогда не представляла собой вызова абсолютизму. Речь здесь идет о консультативном механизме, помогающем превозмочь бюрократическую волокиту и мобилизовать императорскую власть для решения локальных проблем⁹⁰⁶.

⁹⁰³ Проект о учреждении порядков следующих к правосудию. Л. 10-об.

⁹⁰⁴ Там же, л. 10-об.

⁹⁰⁵ Там же, л. 51.

⁹⁰⁶ Это различие проводит Д. Кристиан (Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // Russian Review. Vol. 38. No. 3 (Jul., 1979). P. 298–322). Кристиан считает, что попытки Сената усилить свою роль в государственной структуре при Александре I являются не проявлением стремления к «правлению закона» и ограничению абсолютизма в политико-правовых рамках конституционализма, а желанием сенаторов монополизировать доступ к абсолютной власти государя – ключевому властному ресурсу.

Итак, реформаторские проекты XVIII столетия могли обосновывать различные модели представительства – сенатскую или сеймовую, с опорой на бюрократию, дворянство либо на имущественный ценз. Из комбинаций этих элементов формировалась своеобразная таксономия реформаторских стратегий. Избираемые органы рассматривались реформаторами как ценные административные инструменты, в полной мере подчиненные власти императора; распределение властных полномочий между монархом и представительскими органами расценивалось как допуск к участию в процессе управления наиболее зрелых групп населения (подробнее об этом см. в главе V настоящей работы). В целом, практически все реформаторские проекты в той или иной степени поддерживали создание выборных органов, что позволяет утверждать: выборное представительство виделось реформаторам куда менее серьезной угрозой власти императора, чем своеволие бюрократии или алчность фаворитов. Представительство мыслилось как вспомогательный элемент в системе административного равновесия и не являло собой вызова императорской власти; отношения с представительными органами власти не были для самодержца антагонистической игрой.

Различия между придворными реформаторами в их отношении к представительным органам власти заключались не в том, до какой степени они хотели «ограничить» царскую власть представительством, но в том, насколько радикальной была модель доступа к участию в представительстве. Различные модели организации представительства – на какой бы принцип они ни опирались – должны были служить механизмами для обеспечения эффективной «обратной связи», позволяя достичь желанной для реформаторов оптимизации власти государя и не имея потенциала бросить ему вызов. Нужно поэтому согласиться с современным исследователем К. С. Черновым, который характеризует выдвигавшиеся при Александре I предложения по созданию представительных органов в русле традиции Уложенных комиссий XVIII в., как «институт сбора информации с мест»⁹⁰⁷.

Можно сказать, что и «разделение властей» в России XVIII в. понималось своеобразно – не в качестве способности властных органов блокировать решения друг друга, а в качестве ступенчатой экспертизы, позволяющей апеллировать к верховной власти монарха. Придворные реформаторы считали основной угрозой для императорской власти

⁹⁰⁷ Чернов К.С. Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 11. 2012. С. 176.

фактическую узурпацию этой власти бюрократическим аппаратом, своими же собственными коллегами-реформаторами. Рассуждения о «законной монархии», в которой государь сам у себя «отъемлет» возможность творить зло, предлагали в качестве лекарства сложную систему экспертизы, своеобразного «многосоветия» (если позаимствовать выражение у И. Т. Посошкова) и, в конечном счете, специфического баланса, основанного на том, что никакая властная инстанция или конкретное лицо не должны монополизировать доступ к властному ресурсу монарха. Как писал в своем «Очерке, дающем понятие об образе правления Российской империи» («Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie», вышедшем на французском языке в 1774 г. и опубликованном на русском языке в XIX в. почему-то под названием «Записки графа Миниха») Б. Х. Миних, «главнейшее искусство государей состоит в умении выбирать лиц, способных исполнять доверяемые им обязанности и поручения – лиц, незапятнанность, прямоту, честность, прилежание к делам, усердие и благочестие которых испытаны и известны»⁹⁰⁸.

Императорские манифесты, ссылавшиеся на «глас народа», имели целью легитимацию уже сложившегося порядка вещей. Ссылка на «глас народа» лишь задним числом фиксировала «избрание», которое не имело ассоциаций с народным суверенитетом и обретало значение в религиозном контексте, хорошо известном в России со времен Смуты: «Глас народа – глас Божий». И «верноподданнейшие подданные», которые якобы «общим соизволением» возводили императриц на престол, были риторической фигурой, а не политическим институтом. Ссылки на «глас народа» и «общее желание» ничего не сообщают исследователю о том, существовал ли в действительности широкий консенсус хотя бы в среде элит, и уж тем более не могут считаться элементом «общественного договора».

Само понятие об ограничении власти монарха не может считаться валидным. Как мы видели выше, власть любого монарха ограничена ее божественным происхождением (монарх должен царствовать ради *общего блага*); ограничена она также и естественным законом. В панегирическом жанре монарх действовал подобно демиургу, творя армию, флот, города, науки, искусства и прочие предметы, связанные с общим благом. А вот когда беседа переходила на уровень обсуждения практических вопросов управления (в жанрах проекта, записки), то чудесное преображение заменялось признанием того факта, что

⁹⁰⁸ Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1874. С. 97.

управление осуществляется через властный аппарат, а проблема *общего блага* представляла в виде вопроса о том, как следует этот аппарат организовать. Однако в случаях, когда речь заходила о характере, происхождении и цели императорской власти, обсуждение из секулярного регистра легко переключалось обратно в жанр панегирика⁹⁰⁹. Если согласиться с тем, что для придворных реформаторов угрозой была не столько абсолютная власть императора, сколько скрытый в ней потенциал злоупотреблений со стороны фаворитов и бюрократов, то теряют смысл поиски замаскированных ограничений императорской власти в предлагавшихся сановниками проектах реформ.

Практически всеми авторами, творившими в придворном коммуникативном контексте, монархия признавалась единственной подходящей формой правления для России, будь то в силу огромного размера страны или в силу имманентного превосходства власти одного над властью многих. Ссылаясь на фундаментальные законы, обосновывая потребность в тех или иных административных реформах, российские реформаторы все же именно власть императора считали главным ресурсом для позитивных преобразований. Их идеи обретали силу в широком контексте панегирической литературы о монархии, активно использовавшей провиденциалистский глоссарий. На повестке дня стоял вопрос не об ограничении этой власти, а о таком институциональном ее сопровождении, которое бы позволило этой власти непрерывно творить общее благо⁹¹⁰. Реформаторские предложения обретали смысл в контексте изощренных риторических стратегий придворных авторов, говорящих о способности видеть и слепоте, напоминающих о необходимости самоконтроля, использующих аргументацию деистского толка. Во второй половине XIX в. сходный набор аргументов станет идейной основой для российского монархизма разных течений.

А это означает, что истоки российского республиканизма невозможно обнаружить в реформаторских, конституционных проектах XVIII столетия. Напротив, все эти проекты, объединяемые под именем российской традиции конституционализма⁹¹¹, признавали монархию наилучшей формой правления, в которой монарх-суперарбитр, «счастья общего

⁹⁰⁹ Например: «Государь, подобие Бога, преемник на земле вышней Его власти...» в текстах Н. И. Панина (Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина... С. 249).

⁹¹⁰ Raeff M. The Political Philosophy of Speranskij // American Slavic and East European Review. Vol. 12. No. 1 (Feb., 1953). P. 10–11.

⁹¹¹ Вдовина Л. Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995; Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Проспект, 2014. С. 90–117; Степаненко Т. В. К вопросу о периодизации российского конституционализма // Вестник ОГУ, № 3 (139), 2012. С. 187–188; Виноградов В. В. Исследование понятия «конституционализм» и его типологии неюридическими науками // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Вып. 11. 2009. С. 5–6.

творец», карает порочных, дает мудрые узаконения, цивилизует страну и рационально организует свой административный аппарат на принципах консультации и экспертизы. Встречающиеся в этих проектах упоминания об избрании императоров, предложения по организации выборных органов власти, истории о свержении тиранов не были инструментами критики абсолютной власти. Напротив, все они в разных аспектах были инструментами ее легитимации и укрепления⁹¹².

Необходимо признать, что конституционализм и республиканизм не были связаны между собой. Под конституционализмом можно понимать поиски оптимальной организации властного аппарата, тогда как под республиканизмом мы понимаем теорию, провозглашающую народный суверенитет при соответствующих гражданских доблестях. Российские элиты XVIII в. не определяли народ в качестве активного участника политического процесса. Ссылки на «общее желание» подданных, как мы видели выше, были риторической фигурой, за которой не скрывалось институтов и процедур. Чтобы обнаружить согласие народа, нужно было вначале низложить царствующего монарха, а уже после переворота описать его как презренного и ненавистного тирана⁹¹³. Легкость, с какой авторы манифестов и панегириков оперировали понятием «общего желания» народа, демонстрирует развитие формулы провиденциального монархизма, в которой «общее желание» было раскрытием замысла Провидения и которая была отточена до совершенства проповедниками XVIII в. В такой логике, безусловно, могли последовать вполне определенные – и довольно-таки значительные – институциональные преобразования в архитектуре власти Российской империи, могли вводиться «фундаментальные законы» и хранящие их *depots des lois*. Но такая логика не позволяет нам прикоснуться к «неоримской» версии свободы – например, к одному из ее ключевых сюжетов: тираноборчеству. Брут и Кассий убили Цезаря, хотя он никого не притеснял.

Но в любом случае *общее благо* соответствовало неизменной моральной норме. К примеру, историк и публицист И. Н. Болтин следующим образом описывал царствование

⁹¹² См. по этому поводу полемику между исследователями реформаторской политики Александра I, В. Ю. Захаровым и В. С. Черновым, по вопросу, тематически непосредственно связанному с настоящим исследованием – о том, предполагалось ли ограничить власть монарха в реформаторских проектах Н. Н. Новосильцева (Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. № 6. 2011. С. 31–52).

⁹¹³ Невозможно изучать механику дворцовых переворотов, опираясь на анализ легитимационных стратегий манифестов и панегириков, хотя и легко попасть в риторическую ловушку, приняв многочисленные lamentации и обвинительные пассажи таких текстов за отражение реальности. Ведь все эти тексты создавались *post factum* и, значит, не должны были презентовать политическую программу переворота.

Екатерины II, комбинируя образ монарха-демиурга из арсенала провиденциального монархизма с концепцией общего блага: «Вся Россия уверена, что Императрица, обладающая нами, всевозможного блага нам желает, и к благотворению *для всего рода человеческого* (курсив наш. – К. Б.), а паче для подданных своих, крайнюю склонность имеет; потребным для производства великих намерений могуществом изобилует, не столько по праву общему государей, сколь по превосходству ЕЯ в душевных дарованиях пред равными ЕЙ: угодно ей нас научить, просветить, сделать блаженными, спокойными, и ЕЙ и себе полезными; будем таковыми, понеже есть на то благоволение ЕЯ»⁹¹⁴.

Общее благо является очевидным для всех индивидов, вытекая из религиозных норм либо из рационально постигаемого естественного закона, но в любом случае – из внешнего по отношению к социуму источника. Поэтому нормальное состояние для общества – это спокойствие, возникающее при верном определении общего блага. Нарушения спокойствия возникают в исключительных ситуациях, когда социум сталкивается с явным отклонением от нормы. Аномальная ситуация – это тирания, мятеж, война, нарушение юридических канонов либо моральных норм. В этих случаях возможны и даже необходимы насилие и конфликт.

За пределами исключительных ситуаций интеллектуальной стратегией, объединявшей разные концептуальные языки и глоссарии монархизма, было описание общего блага как ситуации спокойствия, «тишины», бесконфликтного процветания. «Тишина» в идеале подразумевала семейные отношения между правителем и подданными, хорошо организованный властный аппарат, соблюдение норм естественного права, вытекающих предположительно из самой природы человека. Таким образом, *общее благо* в первую очередь предполагает здесь гражданскую «тишину», а случаи нарушения этой «тишины» караются как исключительные ситуации. Монархия, таким образом, оказывается вписана в неизменный моральный порядок, который государю надлежит поддерживать⁹¹⁵. Примечательную формулировку, описывающую эту ситуацию, находим в переводной, по-видимому, статье «Искусство править государством, или наставление престарелого персидского монарха сыну его», вышедшей в журнале Н. И. Новикова «Покоящийся трудолюбец» (1784). Здесь говорится о том, что в царстве «мира и вольности», которые

⁹¹⁴ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал майором Иваном Болтиным. Т. 2. [СПб.]: Тип. Горного училища, 1788. С. 316.

⁹¹⁵ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. P. 175.

добродетельный монарх принесет подданным, «никто не будет страдать, кроме преступников, осуждаемых законом»⁹¹⁶. Сходных примеров можно привести немало.

Правильные решения, принимаемые монархом, будут совпадать с божественной волей, направленной к общему благу, а плохие – противоречить ей, подрывая общее благо, нанося обществу вред и принижая статус самого государя. Одновременно плохие решения, какова бы ни была их причина, спровоцируют конфликт и «всеобщее недовольство», за которым возникнет ситуация исключения; более достойный монарх «общей волей» и волей Провидения займет трон, восстановит «тишину» и принесет «золотой век»⁹¹⁷.

Важнейшей чертой такого порядка является отсутствие конфликтов, и это сказывается на всей системе административного реформирования: разрабатывавшиеся придворными авторами XVIII в. инструменты баланса были ориентированы на своевременное и полное информирование государя, а не на столкновения между конкурирующими властными органами. Вместо институционализированного конфликта, столь ярко описанного Монтескье в главах трактата «О духе законов», посвященных английскому политическому устройству, здесь должна была царить гармония.

Так, В. Н. Татищев, комментируя судебник Ивана Грозного, характеризовал механику правосудия следующим образом: «Все Сенатские дела суть новые законы; ибо оныя происходят или на неправыя решения нижних судов, или по докладам от оных в делах, неимеющих согласных законов; а неправое решение не может иначе быть, как от разногласия и неясности законов, которое в Сенате по правости изъяснится: следственно, оное новый закон есть»⁹¹⁸.

Н. И. Панин во время дебатов вокруг реформаторского проекта 1762 г. раздраженно отвечал на критические атаки конкурентов, посчитавших предложенное им сенатское право представления ущемлением власти монарха: «Невозможно думать, чтоб Сенат зделал Государю представление на его имянной указ, не объясня тому законную причину. А исполнение по вторичному о том от Государя повелению само собою разумеется. Далее о

⁹¹⁶ Искусство править государством, или наставление престарелого персидского монарха сыну его // Покоящийся трудолюбец. Ч. I. М.: Унив. тип., 1784. С. 118.

⁹¹⁷ На практике, разумеется, «всеобщее недовольство» означало верхушечный переворот, совершенный силами узкого круга заговорщиков, однако именно отсутствие агитации в пользу того или иного претендента, отсутствие какой бы то ни было борьбы политических «программ» позволяли представить факт успеха такого переворота как результат спонтанного, всеобщего, абсолютного недовольства. Иначе говоря, доминировавший в России XVIII в. моралистский монархизм с характерным для него избеганием конфликтов охотнее назначал монархов тиранами не до их свержения, а после.

⁹¹⁸ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. С. 124.

том предписание имело б образ несовершенства или сумнительства о самодержавстве»⁹¹⁹. Никакого конфликта Панин не старался заложить в свою реформаторскую стратегию; ограничение мыслилось как самоограничение монарха на основании консультаций и ступенчатой экспертизы.

Историк И. Н. Болтин в «Примечаниях на историю Леклерка» (1788) отмечает, говоря о монархическом устройстве государства: «Ум единого удобнее может предпринимать и совершать важное и великое, нежели умы многих. Различность польз и пристрастий разрушает единомыслие, а взаимное противоборствие мнений полагает препоны совершению благих и мудрых намерений. Зависть, перекоры, ненавидение заставляют часто утверждать то, в чем и собственной разум противоречит, в единственном намерении чтоб досадить тому, от которого полезная истинна предлагается»⁹²⁰.

А Н. М. Карамзин, критикуя реформаторские предложения М. М. Сперанского, выразился в «Записке о древней и новой России» (1811) с небывалой откровенностью, суммировав характерную для отечественной политической мысли конфликтофобию: «В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: “Можно, надобно только поставить закон еще выше государя”. Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они – угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти, – вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит Устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ?.. Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто»⁹²¹.

Если конфликты – это ситуации исключения, их можно свести к относительно несложным моральным дилеммам: правая сторона заслуживает вознаграждения, а неправая – кары. Монарх, могущественный суперарбитр с богоподобной властью, является той

⁹¹⁹ Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета... С. 176.

⁹²⁰ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал майором Иваном Болтиным. Т. 2. [СПб.]: Тип. Горного училища, 1788. С. 477.

⁹²¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 49.

земной инстанцией, которая разрешает подобные дилеммы; хорошо организованный административный аппарат помогает разрешать их наилучшим образом, открывая монарху глаза на истинное положение вещей. Сама метафора зрения, столь характерная для монархического глоссария XVIII в., предполагала понятное различие между истиной и ложью, добром и злом. Способность сделать такое различие признавалась важнейшим качеством, необходимым государственному мужу – добродетелью. Моральная монархия, основанная на признании *общего блага* вытекающим из внешнего фактора (Провидения или естества), предполагала для своего функционирования наличие у индивидов способности поступать в соответствии с такой внешней, неизменной моральной нормой.

Добродетель в рамках такого взгляда представляла именно постоянным, неизменным качеством. К примеру, один из важнейших политических текстов средневековья, «Поучение» Агапита, прекрасно известное и в XVIII в.⁹²², так описывало постоянство монарха: «Дух Государя должен быть всегда одинаков; переменчивость с переменою обстоятельств есть признак ума нетвердаго. Муж основательный и имеющий непоколебимую душу тверд в добре, как тверда твоя благочестивая держава; он не возносится до надменности, и не унижается до слабодушия»⁹²³. А митрополит Платон (Левшин) в «Катехизисе» (1757) писал: «Какому надобно быть тому сердцу, которое ниже сим слова Божия пронзается мечем? Какой той душе, которая и при таком средстве остается неплодною? Сеятель совсем прав; семя не виновно: камень и терние нельзя не осудить. Бог общий наш промыслитель не может быть не правдив; слово Его истинно. Мы одни, поелику каменны, остались в вине»⁹²⁴.

Тем не менее, секулярная манера речи о монархии, использовавшая понятия формы правления и нацеленная на анализ конкретных административных конфигураций, вела к признанию государственного управления как автономной сферы деятельности, требующей особого искусства помимо соблюдения добродетели. Так возникла проблема расхождения между моралью христианина и моралью государственного мужа – та же проблема, которую ставили и в Европе Нового времени.

⁹²² Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель... С. 35.

⁹²³ Увещательныя главы, написанныя Агапитом, Дияконом святейшия великия церкви Божией // Христианское чтение, издаваемое при Санктпетербургской Духовной Академии. СПб., 1827. Ч. XXVII. С. 245–273.

⁹²⁴ Платон. Катехизис или первоначальное наставление в христианском законе. «Внутренний крест». М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 8–9.

Об этой проблеме писал, например, крупнейший европейский гуманист и мыслитель Ю. Липсий, чье сочинение «Политика» было достаточно широко распространено в России 1-й половины XVIII в. в рукописных переводах⁹²⁵ (печатным способом Липсий, насколько нам известно, не издавался). Российская исследовательница О. Э. Новикова следующим образом характеризует подход Липсия к добродетели, необходимой государственному мужу: «Если стратегия политического поведения должна, согласно Липсию, основываться на принципах Добродетели и Благоразумия, то политическая тактика может включать в себя “смешанное Благоразумие”, т.е. отход от общепринятой морали. Критерием допустимости подобного отхода является строгая ориентация на общественное благо. Оно первично по отношению к морали и как бы включает ее в себя, но при этом опирается на нее. Поэтому серьезный отход от морали чреват подрывом государства. Он оправдан лишь в случае необходимости»⁹²⁶.

Другим широко распространенным среди российских читателей примером текста, наставляющего государственных мужей в искусстве управлять и затрагивающего проблему морального выбора, было «Политическое завещание» кардинала Ришелье (1688). Современная исследовательница И. С. Шаркова полагает, что заказчиком первого русского перевода, завершеного в 1725 г., выступил кн. Д. М. Голицын, «интерес которого к Ришелье не подлежит сомнению»⁹²⁷. Публикаторы современного перевода «Политического завещания» Л. Л. Головин и Л. А. Сифурова предполагают, что перевод был выполнен «по заказу князя Д. М. Голицына или даже самого императора Петра I, который, по данным ряда историков (Н.М. Карамзина и др.), во время своего путешествия в Париж побывал у гробницы кардинала в Сорбонне и даже якобы выражал своё восхищение “великим государственным мужем” в беседе с его внучатым племянником»⁹²⁸.

Известно несколько списков перевода «Политического завещания» Ришелье 1725 г. Современные публикаторы говорят о трех списках «Завещания», которые «хранятся в

⁹²⁵ Так, в составе собрания Синода присутствовало рукописное сочинение «Увещания и приклады политические» Липсия в переводе С. Кохановского (Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М.: [б/и], 1973. С. 57). Имелся перевод «Увещаний и прикладов политических» в библиотеке Д. М. Голицына, а также у кабинет-министра А. П. Волынского.

⁹²⁶ Новикова О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547 – 1606). М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005. С. 269–270.

⁹²⁷ Шаркова И. С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 373.

⁹²⁸ Ришелье А. Ж. дю Плесси. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008. С. 364.

Рукописном отделе РГБ (№ 432), в Рукописном отделе РНБ (Q II, 95) и в Архиве ЛОИИ (ф. 36 – Воронцовых, оп. 1, дд. 796, 797)». По данным И. С. Шарковой списков было четыре: к этим трем экземплярам следует добавить список Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, о котором упоминал А. И. Соболевский. Местонахождение этого списка И. С. Шарковой неизвестно⁹²⁹. М. Николаева указала еще на один экземпляр, «представляющий особый интерес как самый ранний из всех известных и наиболее тщательный по выполнению». Он был пожертвован в библиотеку Академии наук еще «в 1854 г. купцом С. П. Алексеевым в числе других рукописей, составлявших рукописное собрание графа Ф. А. Толстого»⁹³⁰. Впрочем, и этим число копий данного перевода не исчерпывается. Так, в НИОР РГБ хранится не один, а два списка: один – в фонде «Музейного собрания», а другой – в собрании Н. П. Румянцева (1754–1826)⁹³¹; еще два (как минимум!) имеются в РГАДА – в фонде 196 «Собрание Мазурина» и в фонде 1274 «Панины – Блудовы». Последний зафиксирован в описи рукописных книг из собрания Паниных и, вполне возможно, принадлежал самому Н. И. Панину⁹³².

Итак, известно не менее 8 дошедших до нашего времени списков «Политического завещания»; вполне вероятно, что в фондах библиотек и архивов есть и еще экземпляры. Это полностью подтверждает мнения исследователей, что рукописный перевод Ришелье 1725 г. имел достаточно широкое хождение в России, по крайней мере в среде элиты; рукопись встречается в фондах, формирование которых было связано с такими влиятельными персонажами российской политики, как Голицыны, Воронцовы, Панины и Румянцевы. Н.И. Панин, в частности, в 1762 г. критиковал влиятельного фаворита Петра III Д. В. Волкова за то, что последний присвоил себе «существительную ролю» *первого министра*; понятие не имело смысла вне французского контекста, с которым Панин мог быть знаком именно через текст Ришелье, где, напротив, проводилась мысль о том, что королю необходимо передоверить дела государства *первому министру*⁹³³.

На популярность этого политического трактата в России на протяжении всего XVIII в. указывает и тот факт, что в 1766–1767 гг. его перевод, отличный от перевода 1725 г., был

⁹²⁹ Шаркова И. С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье. С. 371.

⁹³⁰ Николаева М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политический» кардинала Ришелье // *Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska*. Gdańsk. 1973, nr. 3. S. 8.

⁹³¹ НИОР РГБ. Ф. 178.1 «Музейное собрание». № 752; Ф. 256 «Н.П. Румянцев». № 432.

⁹³² Тестамент политической кардинала дюка де-Решелии королю, с предисловием автора. В 2-х частях. Пер. с фр. СПб., 1725. Написана церковно-славянским шрифтом // РГАДА. Ф.1274 «Панины – Блудовы». Оп. 1, ч.2. Оригинальные и переводные произведения XVII, XVIII и XIX в. в рукописном виде из книжной коллекции Паниных. № 3072.

⁹³³ Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 91.

напечатан под заглавием «Политическое завещание кардинала дюка де Ришелье французскому королю» в типографии при Московском университете, а затем переиздан в 1788 г.

Анонимное предисловие к переводу 1725 г. также может считаться важным памятником отечественной политической мысли, зафиксировавшим процесс адаптации в России западноевропейских концепций. М. Николаева полагает, что рассуждения автора предисловия были продиктованы соображениями «государственной пользы», что автор предисловия «исходил из идей и принципов, выработанных русской общественной мыслью петровского времени»⁹³⁴. Однако представляется, что содержание предисловия к переводу «Политического завещания» выходит далеко за рамки попытки критики российской административной системы. Автор предисловия в своих рассуждениях проводит грань между разными видами добродетели, необходимой министру – как христианину, как политическому деятелю и как обычному человеку. Такая постановка вопроса предполагает глубокое знакомство автора предисловия с европейской политической традицией и, в частности, с трудами антимаккиавеллистской традиции, представленной в первую очередь испанскими авторами, такими, как Б. Грасиан-и-Моралес, Д. Сааведра Фахардо и другими; труды этих авторов были известны в России XVIII в.

Итак, предисловие к одному из политических «бестселлеров» XVIII в. содержало утверждение о том, что государственному мужу необходима особого рода *добродетель*, предполагающая долю морального релятивизма. Эта же тема дебатировалась и в многочисленных этических наставлениях, описаниях трудностей жизни при монаршем дворе, учебников поведения для придворных. Дж. Покок, говоря об адаптации республиканизма Макиавелли в Англии XVI – XVII в., замечает: «Если согласиться с тем, что подлинный макиавеллизм следует искать там, где политическое общество озабочено вопросом, достаточно ли его *vita* является *activa* для создания собственной морали, то важно, что первыми английскими макиавеллистами были придворные». Согласно Пококу, распространение макиавеллизма в придворной среде, где доминировали средневековые понятия о божественной власти, было медленным; посредником выступал своеобразный тацитистский язык, который «принимал власть государя как естественную, или по крайней мере сложившуюся исторически, а не новую, благодаря чему тацитизм мог разделять общее

⁹³⁴ Николаева М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье. S. 15-16.

негодование по поводу Макиавелли, чей скепсис в отношении власти едва ли не превращался в атеизм; однако тацитизм одновременно фокусировал внимание на отношениях придворных, сенаторов и других аристократов с ревнивым и бдительным государем, применяя вполне макиавеллистский режим описания жестокого и опасного политического мира, который был частью универсальной структуры власти»⁹³⁵. По нашему мнению, в российской политической культуре рост интереса к проблематике *vita activa* исходно складывался именно в придворной среде, озабоченной вопросами морали и политики⁹³⁶; здесь наметилась та моральная дилемма, о которой мы сказали выше и которая имела далеко идущие политические последствия, заставляя все глубже и острее ставить вопрос о добродетели.

Соответствующее поучение было включено, например, в сатиру Кантемира «На зависть и гордость дворян злонравных» (1743). Кантемир, порицая ленивого дворянина, указывает на примеры доблестной службы – в армии, во флоте и в суде. К этим трем он добавляет четвертый пример – службу придворную. Придворный (камергер) Клит может послужить ленивому, развратному дворянину Евгению образцом: «Ты дивишься, что Клит добился в такой чин, какой ты достать не можешь; но посмотри, какая разница меж ним и тобою. Ты ленив, тянешься весь день в постели или в забавах и похотей насыщении время провожаешь; он прежде зари ходит к сильным людям на поклон, кланяется всякому и самим слугам и проч.; к тому ж молчалив, таит свои намерения, всякому льстит и проч., и, сверх всего, Клит счастлив, а не должно счастливых себе брать в образец. <...> Клит не спит, томится в передних, кланяется, ласкает, трудов своих не жалеет для исполнения своего желания; упрямо о том одном домогается, что получить желает, ничего его отвратить от своего намерения не сильно. Такой терпеливости люди редко бывают неудачливы. <...> Ежели кто особливого счастья ласку не заслужил, тот должен иметь искусства и знания

⁹³⁵ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment... P. 351.

⁹³⁶ Чрезвычайно важное замечание делает Л. А. Черная, характеризуя развитие интеллектуальной культуры России 1-й половины XVIII столетия в контексте роста интереса к позитивному описанию *vita activa*: «В 20-е годы XVIII в. в русской культуре сложился новый идеал личности – “политичный кавалер”. Это выходец из незнатного рода, достигающий славы и благополучия своим умом, обогащенным науками, своей деятельной самоотверженной службой государству. Образец “политичного кавалера” – сам царь Петр I, “дослужившийся” от простого бомбардира Петра Михайлова до высших военных чинов. На новый идеал личности ориентированы герои так называемых петровских повестей, образы “слов” Ф. Прокоповича, Гавриила Бужинского и др. авторов, воспитание “политичности” входило в задачи преподавателей Славяно-греко-латинской академии, как об этом писал Иосиф Туробойский, и т. д.» (Черная Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половине XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М.: Наука 1989. С. 227). См. также чрезвычайно важные рассуждения К. Осповата о придворном «театре власти» (Ospovat K. Terror and Pity. P. 214–234).

некие, желая жить в дворе царском. У Клита нечто занять он должен, сиречь не всем его поступкам подражать, но неким приличнейшим, которые ниже сего изъяснены будут»⁹³⁷.

В отличие от полководца, флотоводца и судьи, камергер Клит не исполняет никакого особого чина, однако и его умение совладать с переменчивой фортуной придворной жизни оказывается в определенном смысле добродетелью. Является ли все же искусство Клита добиваться благосклонности «временщиков» настоящей добродетелью? Кантемир сохраняет по этому поводу определенный скепсис: «Не советую подражать Клиту в снискании себе милости высших или дружбы равных всякими подлыми поступками, но весьма не хвалю быть спесивым; должно и в том держаться середки, сиречь быть смирным, учтивым, услужным»⁹³⁸.

В. Н. Татищев в «Духовной» подробно характеризовал те же три рода дворянской службы. В отношении «военной услуги» он указывал на необходимость баланса между отвагой и осмотрительностью, а по поводу «гражданства» подчеркивал важность «правосудия» и бескорыстия⁹³⁹. Придворная же служба оказалась для Татищева еще более трудной в описании, чем для Кантемира: «Я, взирая на их стропотное житие и обхождение, никогда б тебе оного искать не советовал, понеже тут лицемерство, коварство, лесть, зависть и ненависть едва не всем ли добродетелем предходят; а некоторые ушничеством ищут свое благополучие приобрести, несмотря на то, что, губя невинных, сами вскоре божеским судом погибнут. Но сие не мни, чтоб генерально и они сии злодеяния за добродетели почитали, но суть некоторые того неистовства сущие злодеи и естли не сильны, то хотя политике придворной не прилепляются, однако от других терпеть посмеяние принуждены бывают. И для того, кроме повеления монаршеского, никак сего чина не ищи и никакими тут благополучия не льстися»⁹⁴⁰. В целом же Татищев оценивал службу государю так: «Что же до верности и ревности в службе государю и государству принадлежит, то весьма верно, ибо верно служащие как милости и награждения получают, так великим опасностям и горести подвержены, для того у всех плутов, хищников и прихотями преисполненных ненависть, оклеветание и гнев претерпевают». Ссылаясь на собственный пример (будучи «оклеветанным» перед Петром I, Татищев сумел «не токмо довольное награждение, но и

⁹³⁷ Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений // А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 87.

⁹³⁸ Там же, с. 87.

⁹³⁹ Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 141–143.

⁹⁴⁰ Там же, с. 144–145.

высокую милость чрез то оклеветание получить, а оклеветатели посрамились»), он заключает: «И для того в том, невзирая на такие злостных нападки, мужественно и благоразсудно верность храни и о пользе всей общей неусыпно прилежи, власть и честь государя до последней капли крови защищай»⁹⁴¹.

Проблема добродетели давала себя знать: нужно все-таки поступать так, как велит Божественный и естественный закон? Или же следует действовать по переменчивым обстоятельствам в поисках счастья и удачи? В большинстве случаев российские авторы все же полагали, что добродетель является универсальной, и хороший человек одновременно может быть и хорошим министром. К примеру, Б. Волков в предисловии к своему переводу трактата Цицерона «De Officiis», увидевшему свет в 1761 г., восклицал: «Кто бы не подумал, что предписывающий толь высокие и толь непорочные правила не был или пустынник, который в глубоком уединении препроводил всю свою жизнь, сам собою обучаясь и размышляя о должностях человеческих; или не был бы Христианин, да еще самый совершенный и самый праведный?»⁹⁴² Важно, что здесь Волков не только указывает на соответствие идей язычника Цицерона христианской морали, но и подчеркивает: автором этического наставления выступил «светский человек, Консул Римский, отягощенный многими важными гражданскими делами». Н. И. Панин разделял качества государственных мужей и добродетельных людей⁹⁴³, однако его собственная биография – «Житие графа Никиты Ивановича Панина», написанное Д. И. Фонвизинным – презентовала российского сановника как человека великой добродетели и одновременно выдающейся политической компетентности⁹⁴⁴.

Итак, конституционалистская традиция XVIII столетия, представленная многочисленными проектами административно-политических реформ системы управления страной, не может считаться источником республиканских идей. Конституционализм и республиканизм в истории отечественной политической мысли следует разделять: первый был конформным по отношению к доминировавшей монархистской линии (именно поэтому мы считаем возможным характеризовать его как секулярный монархизм), тогда как второй

⁹⁴¹ Татищев В. Н. Духовная. С. 141.

⁹⁴² Волков Б. Посвящение. К читателю [Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях]. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/28266>

⁹⁴³ В одной из застольных бесед Панин дал такую характеристику шведскому министру Тессину: «Человек весьма умной, в политических делах прозорливой и науками просвещенной, но... совесть имеет худую и жесток несколько» (Бугров К. Д. Монархия и реформы. С. 80).

⁹⁴⁴ Bugrov K. D. Les institutions d'État et les vertus civiques dans la pensée politique de Nikita Panin (1760-1780) // Cahiers du monde russe. № 53/4. 2012. P. 518–519.

по своей сути должен был представлять собой решительный вызов монархизму. Секулярный монархизм XVIII в. оперировал глоссарием форм правления, разрабатывая пути эффективного самоограничения императорской власти, стремящейся к общему благу и потому нуждающейся в информированности, опоре на закон и процедуру. Это было продуктивное интеллектуальное течение, вызвавшее глубокие сдвиги в политической системе России, и многое из того, что было задумано и осуществлено в XVIII в., смогло продержаться большую часть последующего столетия. «Законную монархию» XVIII в. следует считать «правомерным государством», если использовать категории Б. Н. Миронова⁹⁴⁵: интеллектуальные системы монархизма оказались способны в полной мере использовать глоссарии формы правления, общего блага, естественного права. Как отмечает Е. Н. Марасинова, «в высшей степени самодержавный по своему пафосу тезис законодательного “самоограничения” прерогатив императора не провозглашался престолом, но в действительности постепенно реализовывался на протяжении XVIII столетия, приведя к разделению на практике понятий *слово монарха* и *закон*»⁹⁴⁶.

Объединяющим элементом, связывавшим воедино религиозно-провиденциальный взгляд на монарха, актуализировавшийся в жанре панегирика, и более секулярный подход, функционировавший в жанре докладов, записок и различных рекомендаций по практической организации управления империей, было признание *общего блага* совпадающим с моральным благом вообще и благом отдельного индивида в частности. Политика в таком случае представляла чередой выборов между благом и вредом, и задача хорошо информированного правителя сводилась к тому, чтобы верно обнаружить первый вариант. Консультация исключала конфликт: морализм, объединявший провиденциальный и секулярный режимы речи, предполагал наличие единственного верного решения, сохраняя за императором роль суперарбитра.

Но подбрасываемые практикой управления контрверзы, равно как и влияние европейской традиции политических романов («Аргенида» Дж. Баркляя, «Приключения

⁹⁴⁵ Сам Миронов считает монархию XVIII в. лишь этапом на пути к «правомерной монархии», давая такое определение: «Фактически закон, закономерная бюрократия, сословные права и дворянство являлись сдержкой, предохранявшей верховную власть от впадения в произвол. Все эти изменения превратили русскую государственность к концу XVIII в. в сословную патерналистскую монархию, государственные учреждения которой были ограничены административным правом и сословными правами подданных и создали предпосылки для дальнейшей ее эволюции в направлении правомерной монархии» (Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 141).

⁹⁴⁶ Марасинова Е. Н. «Закон» и «гражданин». С. 404.

Телемака» Фенелона⁹⁴⁷), трактатов об искусстве управлять державой (Липсий, Ришелье и другие) и жить при дворе, испытывали эту связь на прочность. Совпадает ли добродетель христианина с добродетелью политика, добродетелью придворного? Эта концептуальная брешь открывала перспективу для переосмысления понятия добродетели в качестве важнейшей части политической системы в целом. Как мы постараемся показать ниже, российский республиканизм формировался в дебатах о добродетели, а не о законах и формах ограничения монаршей власти, хотя наличие дискурса секулярного монархизма было необходимым условием для того, чтобы такие дебаты начались.

⁹⁴⁷ Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. 2. СПб.: Издание бр. Башмаковых, 1908. С. 78.

Глава 4. Республиканизм и коррупция в общественно-политической мысли России XVIII в.

4.1. Универсальная добродетель в моральной монархии

Само по себе понятие об *общем благе* не гарантировало доминирования монархического дискурса. Подлинную устойчивость этому дискурсу придавала та связь, которая подразумевалась между концепциями общего блага и этической концепцией личности. Доминирование монархизма в российской политической мысли XVIII в. опиралось в значительной мере именно на то, что его *общее благо* гармонично сочеталось с личным благом каждого отдельного подданного. Сложившуюся в XVIII в. концептуальную амальгаму можно – заимствуя выражение Э. Виртшафтер – назвать *моралистским монархизмом*.

Моралистский монархизм, согласно Виртшафтер, «предполагал существование трансцендентного морального порядка, сотворенного Богом (в классической литературе представляемого также в лице богов и судьбы) и защищаемого на земле церковью и монархом. Право и справедливость представлял именно этот естественный порядок, который – помимо законов физики и современного научного знания – был в полной мере ответственен христианской вселенной, сотворенной Богом. Такой порядок явствовал и из человеческой истории, таким образом, что конкретные отношения и события можно было рассматривать как раскрытие провиденциальных или божественных законов. Провиденциальный взгляд на социальные отношения не содержал идей линейного изменения с открытым концом, но не был он и статичным, неизменным либо целиком религиозным. С помощью рационального рассуждения и научного обнаружения физических законов природы человеческие существа обратили возможность не только видеть божественный закон, но и действовать в соответствии с ним. Правосудие и легитимные социальные отношения соответствовали естественному порядку, тогда как

несправедливость и социальный конфликт сигнализировали о его нарушении⁹⁴⁸. Поскольку естественный порядок был до конца известен лишь Богу, правосудие Божьего наместника на земле, суверенного монарха, обеспечивало санкционированную Богом, но все же несовершенную рамку для регулирования социальных отношений. Нарушения порядка были неизбежны, но путь к правосудию и легитимности лежал через восстановление и обнаружение божественного порядка естества»⁹⁴⁹.

Морализм, свойственный доминировавшему монархическому дискурсу в России XVIII в., предполагал, что политическая и моральная цели политики совпадают. Какова же была концепция добродетели, господствовавшая в монархической идеологии XVIII в. и лежавшая в основании здания моральной монархии?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам предварительно понадобится краткий экскурс в политическую философию морали, представленную в трактате Монтескье «О духе законов». Монтескье различает «политическую» (республиканскую) добродетель и добродетель моральную. Первая предстает у него в духе философии Макиавелли: республиканская добродетель — это не моральное или религиозное качество, но исключительно «любовь к отечеству» и «любовь к равенству», которая «составляет пружину приводящую в движение правление в общенародной державе так, как честь составляет пружину самодержавного правления»⁹⁵⁰. Политическая добродетель присуща главным образом республикам, для которых она является основой существования. Подобный подход навлек на Монтескье критику. Например, крупнейший датский мыслитель XVIII в. Л. Хольберг в своих «*Remarques sur quelques positions, qui se trouvent dans l'Esprit des Loix*» (1753) решительно критиковал утверждение Монтескье о том, что добродетель является принципом республик, а честь — принципом монархий⁹⁵¹. По этой же линии критиковал Монтескье австрийский педагог И. Фельбигер, чья книга «О должностях

⁹⁴⁸ Ср. с приведенными выше в данной работе выводами о восприятии конфликта в политической культуре российских элит XVIII в.

⁹⁴⁹ Wirtschafter E. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 174. Сходные идеи Виртшафтер предлагает и в книге о митрополите Платоне (Wirtschafter E. *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia. The Teachings of Metropolitan Platon*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013. P. 71–87).

⁹⁵⁰ О разуме законов. С. III.

⁹⁵¹ Хольберг отмечает: «Он (Монтескье. — К. Б.) определяет любой деспотизм или абсолютную монархию как государство, где не может быть ни чести, ни добродетели. Нет государства более деспотичного, нежели Московия: но нет деспота столь усердно подающего законы государству и вливающего честь и добродетель в своих подданных, чем Петр Алексеевич. Древние Сиракузы никогда не были более счастливыми, чем при незаконном правлении Гелона и таковом же Гиерона. Я считаю возможным не ссылаться на иные примеры, что повторяет история, это заведет меня слишком далеко» (*Remarques sur quelques positions, qui se trouvent dans l'Esprit des Loix* par M. le baron de Holberg. Copenhagen, 1753. P. b3-b4).

человека и гражданина» (1777) в России была официальным учебником для юношества: «Некоторые думают, что любовь к отечеству есть такая гражданская добродетель, которая свойственнее вольному обществу или республике, нежели Монархии, или что в республике по крайней мере более поводов и побуждений к тому находится; но все сие весьма несправедливо, ибо, естьли где в нынешнее время и окажется меньше любви к отечеству, нежели в древности, то сему не образ государственного правления, но недостатки в воспитании причиною бывают»⁹⁵².

Между тем, разделение добродетелей и пороков на моральные и политические было воспроизведено Екатериной II в главе VI «Наказа», озаглавленной «О законах вообще»: «Предложенное МНОЮ здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить бесконечное расстояние, находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные и что не все пороки моральные суть политические пороки. Сие непременно должно знать, дабы воздержаться от узаконений, с общим народа умствованием не уместных»⁹⁵³. Эта формулировка вызвала нарекания у маршала Уложенной комиссии А. И. Бибикова, посчитавшего формулировку «неясной»⁹⁵⁴.

Не понравились построения императрицы и А. П. Сумарокову, который подверг критике то мнение о естественном праве, которое Екатерина II высказала в «Наказе»⁹⁵⁵. В статье V «Наказа» декларируется, что государственные законы должны сообразовываться с естественным правом и обычаями⁹⁵⁶, тогда как Сумароков в своих замечаниях на «Наказ» решительно отменил ссылку на традиции, заявив, что «три только права к сочинению уложения надобны: Право религии. Право естества. Монарша, на истине основанная воля. А народные права только для примера надобны»⁹⁵⁷. Естественное право Сумароков понимает как право «познавати Бога и добродетель», «искати своего блаженства без ущерба

⁹⁵² Фельбигер И. О должностях человека и гражданина. СПб.: [тип. Акад. наук], 1783. С. 112–113.

⁹⁵³ Наказ императрицы Екатерины II. С. 12.

⁹⁵⁴ Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, Василья Баскакова и Александра Сумарокова, с собственноручными замечаниями государыни // СИРИО. Т. X. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. С. 76.

⁹⁵⁵ Стенник Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. Сб. 24. СПб.: Наука, 2006. С. 136–143.

⁹⁵⁶ «Законы, весьма сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены» (Наказ императрицы Екатерины II. С. 2). Различие между естественным и гражданским («государственным») правом детализировано в главе XVIII «Наказа»: «Воспитывать детей своих есть обязательство права естественного, а давать им свое наследие есть учреждение права гражданского или государственного».

⁹⁵⁷ Мнения о Наказе. С. 83.

ближнему»⁹⁵⁸ и «искати блаженства ближняго, без ущерба себе»⁹⁵⁹. Естественные законы господствуют над гражданскими – «убити не один политический закон дитя свое препятствует, но и моральный, основанный на одной естественной добродетели».

Императрица, снабдившая замечания Сумарокова собственными едкими комментариями, в отношении этого высказывания согласилась с ним: «Я думаю, что все законы на морали основаны»⁹⁶⁰. Естественное право, единый моральный стандарт, стоит выше гражданского закона и обычая. Как мы видели выше, об этом писал В. Т. Золотницкий, так считал и Сумароков. А расхождение екатерининского «Наказа» с этой идеей вызывало беспокойство не только у Сумарокова. Аналогичное замечание, хотя и в мягкой форме, высказал секретарь императорской канцелярии В. Баскаков, предложивший дополнить рассуждение о необходимости следовать «народному обычаю» формулировкой «с возможною разборчивостью»⁹⁶¹.

С другой стороны, и сама Екатерина, комментируя замечания Сумарокова, пишет: «Есть ли закон не на естестве основан, то найдут способы избегнуть оный <...> Две возможности в сем деле есть: возможность в разсуждении законодавца, и возможность в разсуждении подданных, или лучше сказать тех, для которых законы делаются. Часто прямая истина в разсуждении сих возможностей должна употребляема быть так, чтоб она сама себе вреда не нанесла, и более от добра отвращения, нежели привлечения не сделала»⁹⁶². Категорической прямолинейности Сумарокова Екатерина противопоставила собственное искусство законодательницы, способной направить подданных к общему благу с помощью мягких мер. Однако – как справедливо отмечает Ю. В. Стенник – «в главном точки зрения Сумарокова и коронованного автора “Наказа” не могли не совпадать»⁹⁶³.

Не понравилось такое утверждение и церковным иерархам. «Наказ» читали и обсуждали епископы Иннокентий (Нечаев) и Гавриил (Петров-Шапошников), законоучитель Павла Петровича Платон (Левшин), позднее ставший митрополитом Московским⁹⁶⁴. Иерархи отмечали: «Как кажется, что некоторые политические пороки

⁹⁵⁸ Аналогичные формулировки присутствовали в анонимном переводном сочинении «Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий» (1787), где декларировалось «священнейшее наставление, яко сообразнейшее с природою: делай себе добро без всякого зла другому» (Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий. М.: Тип. при Театре у Хр. Клаудия, 1787. С. 24).

⁹⁵⁹ Мнения о Наказе. С. 83.

⁹⁶⁰ Там же, с. 83.

⁹⁶¹ Там же, с. 78.

⁹⁶² Там же, с. 87.

⁹⁶³ Стенник Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. Сб. 24. СПб.: Наука, 2006. С. 141.

⁹⁶⁴ Стенник Ю. В. «Наказ» Екатерины II в оценке иерархов русской церкви // Вестник УлГТУ. 2002. №2 (17). С.34–38.

вместе суть и пороки моральные, то мнится, надобно ограничить всеобщее разширение сего правила, и из числа моральных пороков не все политические пороки выключать»⁹⁶⁵. Едва ли не повторяя замечания Сумарокова, высказанные поэтом в одном из панегириков екатерининской поры⁹⁶⁶, церковные иерархи продолжали: «Подлинно насильственное правление ожесточая дух, погашает в нем чювствительность к добру. Но как разсуждается, что некоторые люди суть весьма ожесточены, и столь внутреннее совести чювствие погасившие, что иногда и кроткий Государь в печальной необходимости себя находит употребить наказания против кроткой своей склонности. В таком случае сии самые рода человеческого изверги будут причиною налагаемой им казни и неисправления»⁹⁶⁷.

Пример «Наказа» не был показательным, даже несмотря на то, что автором его была сама императрица. В отличие от Монтескье, большинство российских авторов XVIII в. понимали мораль как неизменный стандарт поведения, остающийся неизменным в меняющемся мире и одновременно имеющий принципиальное значение для политической деятельности: в мире существуют этические ценности, управляющие поведением вне зависимости от обстоятельств, и тот, кто им следует, живет добродетельной жизнью.

Добродетель, таким образом, является одним из ключевых понятий в политической культуре России XVIII столетия. Как отмечает российский исследователь О. В. Хархордин, отечественная традиция составления инструкций о добродетельной христианской жизни (главным образом, компилятивных – таких сборников, как «Измарагд» и многие другие) может быть прослежена до Средневековья, однако «массовое авторское производство дискурса о добродетелях в России появляется только с развитием жанра проповедей для высших чинов московского двора в середине XVII века»⁹⁶⁸.

Например, в многократно переиздававшемся на протяжении всего XVIII в. анонимном нравоучительном сочинении «Ифика Иерополитика» (1712) отмечалось: «Увещевает добродетель презирати временная, да вечная взыщем, она же, поврещи вечная, еже бы удобь временная взыскати. Та долг христианский предлагает, еже на небеси полагати сокровище: а сия на земли, добродетель к целомудрию, злоба же к сладостем путь предсказует. Добродетель повелевает во всех делех, и словесех истину хранить. Злоба же глаголет: егда

⁹⁶⁵ Мнение преосвященных Иннокентия и Гавриила и иеромонаха Платона о Наказе императрицы Екатерины II // Начертание жития Московского митрополита Платона. М.: В тип. А. Семена, 1835. С. 92.

⁹⁶⁶ Сумароков А. П. Слово на день коронования Ея Величества Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II. С. 230–231.

⁹⁶⁷ Там же, с. 93.

⁹⁶⁸ Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М.: НЛО, 2011. С. 296.

корысти есть снискание, ни единой тогда лжи отрицайся. Та повелевает: да живеша твоими доволен: сия же, да и чуждая граблением, или хищением внесеша в дом твой. Добродетель жита скажет, да благо твориши, злоба же всему злу учит, да живеша оттуда. Добродетель, да лучший будеша и премудрейший, да с молчанием в господа надежду имамы, скажет. Злоба же: да токмо болший, и сильнейший, аще и безумен будеша, да многоречив, величав, и в богатствах положиши надежду твою: дает совет. Таковыя, и сим подобныя суть добродетели и злобы советы»⁹⁶⁹.

«Ифика Иерополитика» была создана в начале XVIII в. Но тема оставалась актуальной на протяжении всего столетия. Морально-этические руководства в изобилии выходили на русском языке; жанр наставления связывал воедино политику и личную этику, сближаясь в этом смысле с жанром проповеди и панегирика. Между личной этикой, общим благом и объективной моралью существует неразрывная связь.

Как правило, моральные руководства утверждали, что человек по своей природе хорош, но его непостоянная сущность все время имеет склонность к пороку. Поэтому культивирование личной добродетели требует в первую очередь личного же выбора, который мудрые наставления и помогают сделать человеку. Добродетель неизменна, а вот социальное устройство переменчиво, поэтому все социальные действия могут быть оценены либо как ведущие к добродетели, либо как уклоняющиеся от нее.

Об этом говорит в «Слове в день рождения Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича» (1764) Платон (Левшин): «Когда рождаемся, тогда получаем от Бога семена добродетели и пристойныя способности, которыми Бог как бы напутствует нас входящих в мир сей. Ибо по естеству своему несемся мы желанием к добру, и чувствуем в себе некую искру требующую, чтоб она возженна была большим познания пламенем. Мы не спокойны, пока сия естественная склонность не будет удовольствована. И потому человек работающий порокам, или не имеющий просвещения, как бы сквозь некоторой густой облак усматривая лучу истинны, смущается, и другим, сих недостатков не имеющим, завидует»⁹⁷⁰.

Как же наилучшим образом «удовольствовать» естественную склонность человека к добродетели? Платон отвечает: с помощью труда самосовершенствования! В

⁹⁶⁹ Ифика Иерополитика. С. 5.

⁹⁷⁰ Слово в день рождения Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича // Платон (Левшин). «Из глубины возвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 165.

доказательство этого тезиса он приводит историю о Сократе, который с удовлетворением отвечал изумленному «физиогному», увидевшему, что черты лица философа «нимало не сходны» с его славой: «Подлинно, по натуре чувствую я себя быть склонна к порокам, но трудом и учением то победил»⁹⁷¹.

Глоссарий естественного права использовался и церковными авторами, создавая своеобразную амальгаму с политическим языком провиденциального монархизма. Например, митрополит Платон (Левшин) охотно оперировал понятием естественного закона в своих проповедях. В проповеди 1763 г. («Слово в неделю 28-ю по сошествии Святаго Духа») он говорил: «Зовет во первых нас Бог к добродетели и к истинному благополучию чрез закон естественный. Известно бо, думаю, всякому, что Бог, созидая человека, вкупе влиял в него вечный закон свой, то есть, способность к различению добра от зла, и посеял на сердце его семена добродетели. Все народы в протчем дикия и несогласныя нравами, обыкновениями, языком, законами, но в том без учителя и без книг довольно согласны, что иное есть само чрез себя честно и похвально, другое безчестно и срамно»⁹⁷². Конечно, для Платона естественный закон сам по себе не является достаточным для удержания людей, склонных к пороку, в пределах добродетели – для этого необходима «благодать Евангельская», по отношению к которой естественно-правовая философия играет роль «служительницы».

Возникновение общества Платон – уже в другой проповеди, 1772 г. – описывает в категориях, сходных с естественно-правовой философией Пуфендорфа, используя категорию социабельности: «Человека естли вообразить вне общества всякаго, представится он нам один, сам себе оставленный, ни от кого в нуждах своих помощи не ожидающий, а напротив опасности от всего всегда подверженный. Сие состояние недстаточно есть и бедственно. Люди в людях необходимую имеют нужду: ибо всякой человек нужды имеет неограниченныя; но всяк притом имеет силы и дарования ограниченныя. И потому одни других помощью и недостатки свои отвратить, и опасности

⁹⁷¹ Слово в день рождения Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Цесаревича. С. 165.

⁹⁷² Платон (Левшин). Слово в неделю 28-ю по сошествии Святаго Духа // Платон (Левшин). «Из глубины возвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 169. В другой проповеди Платон приводит в качестве примера историю о Каине и Авеле: «Каин был первым преступником, убив невинно роднаго брата своего Авеля. Был сей случай в законе естественном, когда никаких еще не токмо гражданских законов, но ни обществ, ни людей не было. Следовательно убийца за свое преступление ни от кого наказания бояться не мог, а потому по злодеянии своем спокойным бы должен остаться, яко збыв с рук своих нелюбимую им персону. Но остался ли он спокойным? Никаковым образом» (Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Государыни, Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския // Платон (Левшин). «Из глубины возвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 274).

противных предварить больше удобны. И так одна всех польза произвела во всех одно намерение, чтоб соединиться в общества, абы взаимное вспомоществование дополняло недостатки каждого. Сие есть основание обществ»⁹⁷³.

Один из видных проповедников екатерининской эры, епископ Ириней (Клементьевский), так характеризовал христианскую добродетель: «...Христианин при всем том непоколебим остается в своей добродетели. Он правилам света противопоставляет правила веры»⁹⁷⁴. В другой своей проповеди Ириней утверждал: «С умножением разврата умножились вместе и пороки, возрасли страсти, злоба укоренилась. Для того нужны стали быть законы, издаваемые от мудрых и попечительных правителей, чтобы поставить человеческия страсти в умеренности, и привести оныя в порядок, дабы чрез то отвратить как явныя, так и сокровенныя случаи, могущия вредить другим. Сии законы, поелику имеют отношение к воле Бога, и к началам добродетели, бывают священнейшими обязательствами, коих нарушить нельзя, чтоб купно не нарушить силы совести»⁹⁷⁵. Проповедник приходит к заключению: «Тот есть добрый гражданин, кто истинный христианин, и тот прямо полезен в обществе, кто истинно благочестив в вере»⁹⁷⁶.

А в сочинении «Сеятель благочестия к пользе живота нынешняго и грядущаго, или Высокая христианская нравственность, соединенная с душеспасительными размышлениями» (1798) священника И. М. Кандорского отмечалось: «В человеческих законах иногда много излишняго предано, а иногда много не достает нужного: с превратностию времени они всегда переменялись и переменяются; от сего-то происходит, что одно общество другаго более или менее блаженствует: но Закон Откровенный по всецелости своей всегда и всем руководствует равно к истине и блаженству»⁹⁷⁷.

Подобного взгляда, разумеется, придерживались не только духовные авторы. Так, В. К. Тредиаковский в «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели» (1752) воспел неизменной добродетели настоящий гимн: «Что есть сия вселюбезная и великоименитая

⁹⁷³ Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Государыни, Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския // Платон (Левшин). «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 272.

⁹⁷⁴ Продолжение поучительных слов, говоренных при Высочайшем дворе Ея Императорскаго Величества благочестивейшей государыни императрицы Екатерины II и в других местах, синодальным членом преосвященным Иринеем епископом Тверским и Кашинским. СПб.: Тип. Св. Синода, 1794. С. 28.

⁹⁷⁵ Продолжение поучительных слов. С. 35.

⁹⁷⁶ Там же, с. 38.

⁹⁷⁷ Сеятель благочестия к пользе живота нынешняго и грядущаго, или Высокая христианская нравственность, соединенная с душеспасительными. Трудов П. Д. И. М. В Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1798. С. 145.

Добродетель? Она есть Навык воли нашея, по силе коего, разумною кто возбужденный Любвию, должности преднаписанные в Законе исполняет. О! вещь, о! действие, о! плод, о! польза. Что в жизни нашей может потребнее быть сего и дражайше?» Добродетель, согласно Тредиаковскому, важнее и мудрости, и благоразумия, поскольку она всегда остается постоянной: «Добродетель отнюдь никому и ни себе вредительна быть не может: тем бы самым лишилась природного своего Существа, ежелиб в злое уклонилась. Но острый Разум есть как обоюдный меч, и держащего повредить, и нападающему живот может исторгнуть»⁹⁷⁸. Но при этом добродетель требует труда, и достигнуть ее можно лишь с помощью «учения»: «Поистине, добродетельная есть нива наш разум: Творец посеял в нем семена истины и добра, но преступление произрастает в оном ложь и зло. Не могу еще не воскликнуть: бедное и бедственное состояние, буде не приложится заблаговременное и трудолюбное учреждение сей нашей существенной ниве!»⁹⁷⁹

Среди сочинений В. К. Тредиаковского есть переведенные с французского языка стихотворения «Образ добродетельного человека» и «Образ человека христианина»; первое из них принадлежит Фенелону, а автор второго неизвестен. Оба стихотворения, хотя и в несколько разной манере, говорят о необходимости умеренности, скромности и искренности:

Терпению учись, чрез кротость побеждай;
Сноси обиды все, а сам не повреждай:
Отмщение к своей оставив Бог потребе,
Не преминет мстить злым, благим воздать на небе⁹⁸⁰.

И, как писал А. П. Сумароков в одной из своих ранних од 1740-х гг.:⁹⁸¹

Прибытка, счастья и славы
Основа в истине предел,
Блаженства твердая державы,
Благих побед, великих дел, —
Не сила, ум один содетель,

⁹⁷⁸ Тредиаковский В. К. Слово о мудрости, благоразумии, и добродетели // Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василия Тредиаковского. Т. II. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1752. С. 287-288.

⁹⁷⁹ Там же, с. 288.

⁹⁸⁰ Там же, с. 332.

⁹⁸¹ Сумароков А. П. Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 57.

Хранящий в сердце добродетель.

Призывы к добродетельной жизни циркулировали на страницах журналов, постоянно встречаясь и в оригинальных, и в переводных сочинениях. Так, в стихотворении «Наставление богатому сыну от бедной матери», напечатанном в «Санкт-Петербургском журнале» И. П. Пнина (автором, по-видимому, был сам Пнин) в 1798 г., говорилось:

Знай, чрез один порок в презрение придешь,
 Чрез добродетель же сердца всех привлечешь;
 И хоть несчастную во оной жизнь проводишь,
 Везде любовь других с жалением находишь;
 Спокойства чувствуя неоцененный дар,
 Разрушить коего не может злой удар.
 От жизни роскошной и праздной удайся,
 И строгостью трудов порокам противляйся.

В сходном ключе вопрос о добродетели рассматривался и в морально-политических романах Ф. Эмина. В «Приключениях Фемистокла» (1763), выступавших своеобразным русским ответом на фенелоновские «Приключения Телемака», Эмин (устами самого Фемистокла, беседующего с сыном Неоклом) рассуждает о добродетели: «Ты меня спрашиваешь, что разумеется чрез постоянность, и где ее сыскать. Разве не знаешь, что человек всего у самого себя искать должен? <...> Ты в Афинах рожден и просвещения тебе не недостает, разум также имеешь, но надобно его постоянным рассуждением укрепить, что сделать можно чрез преодоление самого себя: ибо над собою господином быть не может, тому страстям своим невольников быть довлеет. Необходимо взять добродетель за прямую цель, к которой все наши желания стремиться должны, никогда не дать сбиться мыслям нашим с истинного пути, опровергать все противные предметы, кои нас с точности дороги совратить могут, богов призывать на помощь, чтоб нас вдохновениями своими к справедливости подвигали»⁹⁸².

⁹⁸² Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры; постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей. Сочинение Федора Эмина. М.: Унив. тип., 1781. С. 31.

Аналогичные рассуждения присутствуют и в романе Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» (1766). Этот роман – имитация таких романов, как «Юлия или Новая Элоиза» Руссо и «Кларисса» С. Ричардсона – содержал, помимо любовной фабулы, обширные высказывания Эмина по различным общественным вопросам, включая власть и воспитание, в III и IV томах фактически превращающие повествование в череду авторских эссе по актуальным общественным вопросам⁹⁸³. В 6-м письме Ипполит (добродетельный друг главного героя) упрекает Эрнеста (главного героя, который из-за несчастной любви бежит от света и становится затворником) в попытках оправдать свое безнравственное отшельничество хитрыми софизмами: «Добродетель презирают одни только люди безбожные, которые Бога не знают, и думают, что в природе все по случаю, произведено, и что по оному же случаю как добро, так и зло делается. Таких людей заблуждения по большей части происходят от испорченной совести. Они, чтоб не чувствовать жестокого одной угрызания, выдумывают такие мысли, которые бы могли им сделать облепчение в мучении от злой их совести произходящем, потому что одно только в таком случае бывает облепчение, то есть перестать вовсе зло делать и быть добродетельным; они, чтоб не чувствовать внутренних угрызений, начинают неверить существованию предвечному, которое злобных наказывает, и утверждают, что все делается по случаю»⁹⁸⁴. Показательно, что рассуждения о важности добродетельной жизни, отсылающие к единой и неизменной добродетели, здесь перетекают в обличение атеистов.

Итак, добродетель в российской политической мысли XVIII в. – это цицероновская добродетель *вообще*⁹⁸⁵, «честная жизнь», вытекающая из универсальных моральных норм.

⁹⁸³ «Можно сказать, что сентиментальный роман, который в сущности исчерпывается в конце II части разлукой двух молодых влюбленных и браком Доравры, в III и IV частях превращается в трактат просветительно-классицистического характера. Переведенная в социально-политический план, оппозиция “добродетель / порочность” уже не оспаривается силой любви, а связывается с глубоким гражданским чувством, с убеждением в необходимости социального спора. <...> Помимо очевидных параллелизмов в романе Эмина проявляется возрастающий интерес к собственной стране, ее положению, самобытности ее культуры и возможным путям ее развития» (Феррацци М. «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: подражание или самостоятельное произведение? // XVIII век. Т. 21. СПб.: Институт русской литературы РАН, 1999. С. 169).

⁹⁸⁴ Письма Эрнеста и Доравры. Сочинение Федора Эмина. Ч. IV. СПб., 1766. С. 38.

⁹⁸⁵ Известный отечественный специалист по истории древнего Рима Г. С. Кнабе описывает цицероновский взгляд на добродетель ярко и точно, говоря о «политической, культурной и нравственной проблеме, которую можно условно назвать “проблемой Цицерона”»: «В общем виде она может быть сформулирована весьма просто: если одной из важнейших целей государства, социальной группы или личности является выживание и самоутверждение, то в какой мере согласуется реализация этих целей с верностью нравственным нормам, возможно ли их осуществление, говоря словами Маркса, “a la hauteur des principes” – “на уровне высоких принципов”. Или еще проще: какое развитое общество, никакой живущий в нем человек не могут жить без соблюдения нравственных норм: следование этим нормам предполагает, если надо, отказ от успеха и выгод; но какое развитое общество и никакой живущий в нем человек не могут также не стремиться обеспечить себе успех и выгоды. “Если полагать цель жизни в успехе, – написал однажды Жан-Жак Руссо, – то гораздо естественнее быть подлецом, чем порядочным человеком”. Так ли это? Нельзя ли все-таки объединить оба императива? Как? Цицерон одним из первых в Европе всю жизнь пытался их согласовать» (Кнабе Г. С.

Она связана с христианской добродетелью, однако, будучи ее проекцией в изменчивый мир секулярных отношений, имеет активную направленность и сопряжена с общественной пользой – не случайно у Эмина Ипполит упрекает Эрнеста в том, что тот избегает общества; и не случайно Сумароков называл добродетель «душой общего блаженства»⁹⁸⁶. Прожить добродетельную жизнь можно в обществе – необязательно при дворе, можно и в собственном имении, стезя добродетели открыта для человека любого социального статуса. Но добродетель в любом случае требует труда и общения с другими людьми, предполагает определенную социабельность⁹⁸⁷.

Поскольку добродетель неизменна, а социум изменчив, возможно действовать так, чтобы политические решения стремились к добродетели. Отношение изменчивой политики к неизменной, объективной морали является той системой координат, в которой только и можно оценить общее благо и пользу. И. Клейн делает в этой связи важный вывод о

Избранные труды. История и теория культуры. СПб.: Летний сад; РОССПЭН, 2006. С. 354). А вот как этот же вопрос за два с половиной столетия до Кнабе суммировал Б. Волков, переводчик русского издания трактата «О должностях» 1761 г., разясняя в предисловии к тексту основы философии Цицерона: «Человек рожден для истинны и добродетели, к сему его ведет сама натура, и от сего только получает все свое достоинство. На сем главном основании утверждает Цицерон все свое мнение; и сие также было великим основанием Стоиков, которых учению Цицерон последует в сем сочинении; и которые без всякаго прекословия просвещеннее были всех Философов в разсуждении должностей человеческих. Они не только доказывали, что человек рожден для добродетели, и что сего только требует от него натура; но и не признавали большего блаженства, как одну добродетель; и по их мнению все другия вещи, и те самыя, которые почитаются за полезнейшия, как например богатство, слава, здоровье, вольность, и сама жизнь ни худы ни добры, но делаются худыми и добрыми от одного только употребления. Что касается до добродетели, то ясно они понимали, сколько тьма язычества им позволяла, что оныя состоит в исполнении известного натурального закона, вечнаго и не премепаго, которой служит правилом всякому добру; и что человек только для того одарен разумом, что бы был способен к познанию онаго вечнаго закона, что бы ему последовать, и ему повиноваться; и для сей причины все должности человеческия проводили они к одному основанию, т.е. следовать натуре» (Посвящение. К читателю [Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях]. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28266/1/cicero_volkov.pdf).

⁹⁸⁶ Сумароков А. П. Некоторые статьи о добродетели // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойнаго действительнаго статскаго советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигскаго ученаго собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. С. 225.

⁹⁸⁷ В этом отношении мы не можем согласиться с германским исследователем Й. Клейном, считающим, что «мысль о способности человека к совершенствованию, находясь в противоречии с христианской догмой о наследственном грехе и фундаментальной испорченности человеческой природы, одновременно обосновывает характерное для XVIII в. убеждение, которое выражается в словах Добролюбова из фонвизинского “Бригадира”: “Всему причиной воспитание”» (Клейн Й. «Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова // XVIII век. Т 24. СПб.: ИРЛИ РАН, 2006. С. 157). Хотя общие выводы Клейна в цитированной статье заслуживают самого глубокого внимания, в данном случае он несправедливо противопоставляет морализм публицистики XVIII столетия религиозному морализму. И хотя далее Клейн корректирует свой вывод, подчеркивая, что «русские моралисты XVIII в. избегали полемического противопоставления своего просвещеннаго эвдемонизма христианской вере», он все же чрезмерно легко отставляет религиозную моральную литературу на обочину: «Моралистические журналы конкурируют с духовными книгами допетровскаго прошлаго, и эта конкуренция была тем более перспективной, что только они, моралистические журналы, были в состоянии помочь человеку ориентироваться в жизни “новой” России. Таким образом, в последней трети XVIII в. еще не утихла культурная борьба Петра I, причем православная церковь, окончательно лишаясь своей традиционной монополии нравовучения, еще больше вытесняется на периферию современной культуры» (Клейн Й. «Немедленное искоренение всех пороков». С. 163). Но, как видим из предложенных выше примеров, церковные ораторы вполне соглашались со светскими авторами относительно возможностей к совершенствованию и самосовершенствованию человека. И формирование более секулярнаго прикладнаго фокуса морали вовсе не означало революции в понимании добродетели.

характере морально-этической литературы российского XVIII в.: «Для авторов данной эпохи все сводилось к моральной осведомленности – добродетель и знание, порок и невежество составляли две стороны одной медали. Оснащенный необходимым знанием, каждый человек сможет различить добро и зло, подавить свои «страсти» и вступить на путь истинный»⁹⁸⁸. Подобное представление о добродетельной жизни, конечно, конфликтовало с классификацией Монтескье, который разделял (в духе Макиавелли) добродетель политическую и моральную.

Как мы видели выше, попытка Екатерины II ввести подобное разделение в «Наказе» натолкнулась на критику со стороны читателей – как А. П. Сумарокова, так и иерархов церкви. Другим примером тому может служить трактат Я. П. Козельского «Философические предложения». Козельский хотя и называет Монтескье в числе своих любимых мыслителей, по существу дезавуирует его идеи относительно «принципов» различных форм правления: «Господин Монтескиу пишет, что в самовластных правлениях трудно или и не можно быть добродетельным людям; мне думается, что о сем деле лучше только думать в своей мысли, а не говорить для знания всем, а публично лучше советовать, что в каком бы то ни было правлении можно быть народу добродетельным, ежели только он станет стараться о том и отвращаться от повадок к порокам с тем обнадеживанием, что чрез такое великодушное терпение со временем выведутся из общества повадки к порокам. Оказание от господина Монтескиу сего и нескольких других предосудительных человеческой пользе знаний недостойно великого его духа и доказывает, что он когда не выше, то по крайней мере равно почитал в сравнении разум с добродетелью»⁹⁸⁹.

Согласно Козельскому, добродетель – это «способность или склонность в человеке к наблюдению правости»⁹⁹⁰, причем Козельский противопоставлял добродетели разум, полагая, что философы несправедливо отдают предпочтение последнему. Понимая добродетель как «правость»⁹⁹¹, Козельский придал ей черты *универсального* качества, неизменного вне зависимости от обстоятельств: «Некоторые люди думают, будто бы добродетель есть мнимая, а не существенная вещь, потому что в одном народе или времени почитается за порок то, что в другом – за добродетель; из чего видно, что они смешивают

⁹⁸⁸ Клейн Й. «Немедленное искоренение всех пороков». С. 159.

⁹⁸⁹ Козельский Я. П. Философические предложения. С. 249.

⁹⁹⁰ Там же, с. 194.

⁹⁹¹ Ср. «правоту» как важнейшую добродетель мудрого монарха у Н. И. Панина (Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение. С. 252).

качества, зависящие в своем существе от обычаев и потому подверженные переменам, с прямою добродетелью, которая в своем существе не зависит от обычаев и не подвержена переменам, потому что она есть постоянное хранение справедливости»⁹⁹². Переходя от морали к политике, Козельский подчеркивает, что способность людей придерживаться добродетели социально обусловлена, зависит от законов и обычаев и, таким образом, задачей правителя является наставление подданных на путь добродетели с помощью законов – «а когда число добродетельных людей превзойдет число порочных, то тогда уж порокам весьма трудно будет усилиться, и порочные люди принуждены будут поневоле стараться быть добродетельными; а ежели б они того не захотели, то в таком случае можно будет поступать с ними так, как иудеи с прокаженными»⁹⁹³.

А в статье «О добродетели», вышедшей в журнале Н. И. Новикова «Утренний свет» (1780) и, возможно, написанной самим Новиковым⁹⁹⁴, говорилось: «Прежде вступления в политику, вооружитесь вы превосходными правилами добродетели, их без того скоро и прежде времени можно потерять при дворах Государских или в делах. <...> Для чего же люди просвещеннейшие бывают весьма порочны? Сие происходит от того, что можно познать истинну не любивши ее и что можно любить добродетель не узнавши ее»⁹⁹⁵. Автор статьи определяет добродетель как «благожелательство», свойство характера, уподобляющее человека Богу⁹⁹⁶, и в заключительных строках критикует Макиавелли.

Таким образом, добродетель в «Философических предложениях» Козельского – это хорошо известная в России XVIII в. (от Тредиаковского до Ириней) морально-этическая категория, связанная с соблюдением «должностей» в отношении других людей и с жизнью в соответствии с неизменными этическими нормами. Моралистский взгляд Козельского на универсальную социальную функцию добродетели резко отличается от социологизма Монтескье, разделявшего, как мы видели, политическую и моральную добродетель⁹⁹⁷.

⁹⁹² Козельский Я. П. Философические предложения. С. 232.

⁹⁹³ Там же, с. 249.

⁹⁹⁴ Hamburg G. P. 571.

⁹⁹⁵ О добродетели // Утренний свет. Часть IX. С мая по сентябрь месяц. М.: Унив. тип., 1780. С. 140.

⁹⁹⁶ Там же, с. 144.

⁹⁹⁷ Как отмечено выше, социологизм Монтескье не находил отклика у российских авторов XVIII в. И если Козельский утверждал, что добродетель является универсальной категорией, не зависящей от формы правления (и что, соответственно, можно быть добродетельным человеком при монархической форме правления), то М. М. Щербатов, напротив, доказывал в «Замечаниях», что республиканская форма правления опирается не только на добродетель, но и на честь и славу: «И в самом деле, кажется, что в республиках слава должна более граждан побуждать, ибо вся честь и слава, упавая на общество республиканское, каждой особо себя участником оные считает» (Щербатов М. М. Замечания. С. 58). Республианизм Щербатова выглядит особенно рельефным в «Замечаниях», а постоянные ссылки на историю Римской республики указывают источник такого республианизма.

Однако именно такой взгляд может считаться характерным для российской политической мысли XVIII в.

А ведущий одописец при екатерининском дворе, В. П. Петров, превозносил императрицу следующими словами в оде 1782 г.⁹⁹⁸:

Но вся ЕЯ хвала и слава
В талантах наших состоит;
Незлобие наше, кротость нрава,
Прелестны ЕЙ венки дарит.
Кто честен, честь другим вдыхает,
Пред НЕЮ тот благоухает
Как роза, как прекрасный крин.
Кто сердцем любит Добродетель,
Тот радованья ЕЙ содетель,
ЕЙ верный друг, ЕЙ милый сын.

Петров приводит впечатляющее описание добродетели – подданные должны следовать примеру государыни⁹⁹⁹:

Так петь начнем ЕКАТЕРИНУ!
Начнем богоугодно жить,
ЕЯ сообразуясь чину,
ЕЕ потщимся одолжить.
Богач! ты сиру дай одежду,
Ты мудрый просвети невежду,
Ты сильный слабого покрой,
Судья невинного защити,
От зеву ябеды исхити;
Всяк общее блаженство строй.
О как ОНА восторжествует
Стремленье сицево внуша!

⁹⁹⁸ Ода Екатерине II самодержице Всероссийской на открытие губернии в Москве Октября дня 1782 года. СПб.: Военная коллегия, 1782. С. 10.

⁹⁹⁹ Там же, с. 12.

И како, зря, возликовствует,
Что все едина мы душа!

Принципиально важно, что у Петрова здесь описание добродетелей взаимопомощи граждан завершается триумфом единодушия. Конфликта не предвидится в обществе, где все добродетельны (что не мешает, правда, Петрову в конце оды описать своеобразное соревнование в добродетели между россиянами, жаждущими соответствовать высочайшим требованиям императрицы).

Моралистский монархизм опирался на неизменный характер общего блага, соотносимого с персональной добродетелью, которая, в свою очередь, считалась результатом личного выбора каждого индивида¹⁰⁰⁰. Для того, чтобы быть по-настоящему объективным, подобный морализм предполагал, что добродетель и порок в равной мере доступны каждому индивиду вне зависимости от социальных условий, и являются предметом личного выбора. Это означало отказ от всякого рода социальной обусловленности: каждый индивид может заниматься своим делом и оставаться добродетельным. Подобной манере размышлять о монархии было уготовано большое будущее; вплоть до конца Российской империи она будет оставаться несущей конструкцией монархического дискурса. Достаточно вспомнить крупнейшего монархиста-консерватора поздней Российской империи Л. А. Тихомирова, давшего знаменитую формулировку:

¹⁰⁰⁰ Подобный взгляд не был, конечно, монолитным, и мог объединять авторов, которые придерживались различных взглядов на генезис добродетели. Ярким примером является книга курляндского пастора Г. Стендера «Wahrheit der Religion wider den Unglauben der Freygeister und Naturalisten» (1784, русский перевод под заглавием «Истина религии вообще» вышел в 1785 г.): «Ежели нет особенного Божеского провидения и промысла... то обрушаются важнейшие причины к добродетели и честности сами по себе. На что мне Божество, обо мне не мыслящее? Для меня все равно, есть ли Оно, или нет. Опыт научает меня, что обыкновенно злостивым удастся все больше, а смиренным меньше. Ежели же при смерти всему конец, то конечно каждый может жить столь нерадиво, как изволит и как время и обстоятельства ему позволят. Что будет удерживать людей от последования страстям их? <...> Тогда уже предел всякой злости свободен и вся безопасность исчезла. Я знаю, что разсудительной вольнодумец ненавидит таковые мнения. Оне и в самом деле достойны отвращения. Однакож вопрос сей остается все без решения: что того, кто склонность и случай ко злу имеет, а притом и опасности в оном не видит, удержать может от того, ежели он верит, что ему при смерти всему конец? Светские наказания? То сии страшны только тем, которые мало или хитрости, или власти имеют. Почтение тех, между которыми он живет, или похвала потомства удержит его? Сии более побуждают, нежели обуздывают. Как тому чести не иметь, кто богат и силен? <...> Совесть его удержит? Об ней нечего и думать, когда после смерти нечего ни надеяться, ни страшиться. <...> Истинно без опасения и надежды будущего, без деятельной религии не может стоять никакое человеческое общество и никакое правление; без них честный человек нигде не найдет места; без них человечество лишено венца своего и всей красоты своей; одним словом, без них все есть скотство. <...> Ежели покажут нам примеры великодушных вольнодумцев, которые добрые граждане и други человеков, то сие есть не иное что, как политическая личина. И положим, что они и в самом деле таковы, то должно сие приписать щастливому случаю, нежному сложению, доброму нраву, высокому характеру, а не щастливому соединению столь между собою противных вещей. И я люблю добродетель собственной ради красоты ея, а ненавижу порок ради мерзости его; но часто чувствую слабость причины сей» (Истина религии вообще. М.: Вольная типография И. Лопухина, 1785. Ч. 1. С. 42–46).

«Царская верховная власть есть верховенство нравственного идеала в государственной жизни»¹⁰⁰¹.

Моралистский монархизм был характерен для доминирующих жанров политической речи – панегирика, оды, административного проекта, драмы – которые функционировали преимущественно в придворном коммуникативном контексте. Моралистский монархизм успешно адаптировал и глоссарий фундаментальных законов, и концепцию естественного права; он был способен эффективно взаимодействовать и с либеральными концепциями более позднего периода¹⁰⁰². Но вместе с тем признание общего блага совпадающим с объективной, неизменной добродетелью и связанное с таким признанием понимание общего блага как отсутствия конфликтов означали, что в рамках подобной парадигмы идей монарх так и останется единственной верховной инстанцией; об автономии иных властных субъектов вести речи не приходилось. А значит, вовсе не тяга к оправданию монаршего произвола была лейтмотивом российского монархизма – напротив, монархизм XVIII в. настаивал на существовании незыблемых норм, определяющих жизнь как общества вообще, так и составляющих его индивидов в частности. Соответствие этим нормам – то есть общему благу! – стало считаться главной целью политики, и любые процедуры или институты обретали свою значимость только в свете данной цели.

Это не означало того, что процедуры автоматически считались второстепенными; целый ряд монархических глоссариев позволял описывать административные институты и процедуры в качестве механизма, компенсирующего человеческие слабости государя и потому принципиально значимого для достижения общего блага. Но само признание неизменного характера общего блага и личной добродетели, находящихся к тому же в гармонии между собой, означало одновременно признание существования арбитра, способного направить социум к общему благу и оценить степень добродетели отдельного индивида. Таким арбитром и выступал монарх; даже будучи ограниченной (Провидением,

¹⁰⁰¹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Российский Имперский Союз-Орден, 1992. С. 319. Современный исследователь Б. Н. Карипов, размышляя о монархической философии Л. А. Тихомирова и К. П. Победоносцева, характеризует значимость морали в монархистском дискурсе следующим образом: «Нравственное начало может оказывать свое благотворное влияние на политические отношения только если источник этики будет независим от государства. Государство есть область принуждения, тогда как этическое начало свободно. Подчиняя мораль политике, государство убивает личность, которая может произвести мораль только из себя, из своего содержания» (Карипов Б. Н. Морфология идеи монархической государственности // Вестник ВЭГУ. № 5 (55). 2011. С. 109). Как видим, доминирующие тенденции политической мысли XVIII в. были весьма близки к позднеимперским воплощениям монархической идеологии.

¹⁰⁰² Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 442–453.

общим благом, естественными законами), его власть одновременно оставалась абсолютной, поскольку абсолютной в конечном счете была ее моральная санкция.

Этот объективизм принципиально противоречил республиканской парадигме идей, основанной, во-первых, на признании того, что добродетель генерируется социальными условиями, и во-вторых, на признании конфликта неотъемлемой частью политической жизни. А. П. Сумароков в статье «К добру или к худу человек рождается» противопоставлял неизменную добродетель изменчивой политике, подразумевая, скорее всего, не названного по имени Макиавелли: «Ежели бы не было Бога, не было бы честности, и мораль ненадобна была, а была бы надобна одна политика»¹⁰⁰³. Эти слова Сумарокова фиксируют фундаментальное расхождение между моралистским монархизмом и классическим республиканизмом в вопросе о том, что такое добродетель. По нашему мнению, это расхождение и было главной проблемой для адаптации республиканского интеллектуального глоссария в России. Процесс формирования на российской почве альтернативного – республиканского – взгляда на добродетель является, таким образом, ключевой исследовательской проблемой. Ведь проблема эта связана не с противоборством законности и произвола, а с генезисом релятивистского и историзирующего взгляда на политику.

Подобная концепция не была, конечно, уникальной в общеевропейском контексте. Она была связана со взглядом на этику, укорененным в христианской теологии, применительно к политической культуре тщательно разрабатывавшимся не только в среде богословов, но и в светских жанрах, включая политический трактат и *Staatsroman*. Примером тому – жанр «зеркала принцев», популярный среди европейских элит Нового времени. Целое интеллектуальное течение, известное как антимаккиавеллизм, посвятило свои усилия демонстрации того, что следование христианским добродетелям одновременно является и лучшей политикой государя. Наиболее известными среди антимаккиавеллистов были испанские писатели.

Что мы подразумеваем под «антимаккиавеллизмом»? По мнению современного исследователя Р. Байрели, антимаккиавеллисты эпохи барокко старались доказать отсутствие противоречия между «полезным» и «хорошим» (характерное для цицероновского

¹⁰⁰³ Сумароков А. П. К добру или к худу человек рождается? // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного <...> Александра Петровича Сумарокова. Т. X. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. С. 133.

морализма¹⁰⁰⁴), комбинируя провиденциалистский (поскольку моральные поступки угодны Богу, добродетельное поведение в соответствии с христианской моралью ведет к успеху) и внутренний (моральные действия по самой своей природе полезны, поскольку соответствуют естественному закону) прагматизм в своих аргументах¹⁰⁰⁵. Само понятие, конечно, остается довольно-таки расплывчатым; некоторые историки полагают, что антимакиавеллизм был действительной антитезой мысли Макиавелли, тогда как другие настаивают на том, что за критикой Макиавелли скрывалась *de facto* адаптация ряда его идей. В конечном счете, как отмечает К. Ховард, макиавеллистская «дьявольская “школа”, эта “доктрина”, не существовала в реальности – антимакиавеллисты изобрели ее, чтобы определять себя от противного»¹⁰⁰⁶. Так, испанские политические авторы XVI и XVII столетий старались опровергать Макиавелли, стараясь доказать, что государь может успешно следовать универсальной христианской добродетели. Практическое следование христианской этике было рекомендацией этих авторов государю в противовес аргументам Макиавелли о необходимости сочетать качества «льва» и «лисицы» и о том, что моральная добродетель является подчиненной по отношению к «общему благу» и политической добродетели¹⁰⁰⁷; антимакиавеллисты старались примирить моральные максимы с политической эффективностью. Антимакиавеллистские трактаты – развитие жанра «зеркала принцев» – были посвящены доказательству того, что можно успешно управлять государством, одновременно соблюдая моральные христианские (или лучше сказать – цицероновские?) принципы.

Влияние этой традиции на российскую общественную мысль не становилось, насколько нам известно, предметом специального исследования. Между тем, эти авторы были достаточно популярны. Так, «*Reloj de príncipes*» (1529) А. Гевары было опубликовано на русском языке в XVIII в. дважды (1773-1780, 1781-1782), в переводе А. Львова¹⁰⁰⁸. Сочинение Б. Грасиана-и-Моралеса «*Oráculo Manual y Arte de Prudencia*» (1647) издавалось на русском языке трижды (1739, 1742, 1760) в переводе С. Волчкова¹⁰⁰⁹;

¹⁰⁰⁴ Korvela P.-E. The Machiavellian Reformation. An Essay in Political Theory. Jyväskylä, 2006. P. 136.

¹⁰⁰⁵ Bireley R. The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe. Chapel Hill, 1989. P. 182.

¹⁰⁰⁶ Howard K. The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment. LATCH 5 (2012). P. 117.

¹⁰⁰⁷ Maravall J. A. La teoría española del Estado en el siglo XVII. Madrid, 1944.

¹⁰⁰⁸ Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия Севера, славнейшего императора и премудрейшего философа, от Антония Гевара епископа Аквитанского, бывшего при Карле V императоре проповедником, советником и историком составленные. СПб., 1773-1780.

¹⁰⁰⁹ Балтазара Грациана Придворной Человек. СПб., 1741.

антимакиавеллистская поэма Грасиана «El héroe» (1637) вышла на русском в 1792 г., в переводе Я. Трусова¹⁰¹⁰. Наконец, работа Д. Сааведра Фахардо, «La república literaria» (1655), была опубликована в 1775 г.; она, впрочем, не относится напрямую к антимакиавеллистской традиции. Ведь основным вкладом Фахардо в эту традицию считается сочинение «Idea de un Príncipe Político Christiano representada en cien empresas», которое планировал перевести на русский язык Феофан (Прокопович). К кругу испанских антимакиавеллистов принадлежали Грасиан-и-Моралес, Гевара, Сааведра Фахардо, а также не издававшиеся печатным способом в России в XVIII в. Ф. Сериоль, П. де Рибаденейра и Ф. Кеведо¹⁰¹¹.

Рукописные переводы испанских антимакиавеллистов – Сааведры Фахардо и Сериоля – присутствовали в Архангельской библиотеке, принадлежавшей Д. М. Голицыну¹⁰¹². Было известно в России и сочинение иезуита П. де Рибаденейры (1527 – 1611)¹⁰¹³ «Tratado de la religión y virtudes que debe tener el príncipe cristiano para gobernar y conservar sus Estados. Contra lo que Nicolás Machiavelo y los políticos de este tiempo enseñan», впервые вышедшее в

¹⁰¹⁰ Ирой Валтазара Грасиана, с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Курбевиля. М.: Унив. тип., 1792.

¹⁰¹¹ Современный исследователь А. Ди Сальво относит испанскую антимакиавеллистскую традицию к ренессансной неоплатонической традиции: «Эразм, Мор и итальянские неоплатоники, такие, как Пико, все отражают эту традицию. Испанские писатели, такие, как Антонио де Гевара (Reloj de príncipes, 1529), Фадрике Фурио Сериол (El consejo y consejeros del príncipe, 1559), Диего Сааведра Фахардо (Empresas políticas o Idea de un príncipe cristiano 1640), Бальтазар Грасиан (El político, 1646), Кеведо (Política de Dios y gobierno de Cristo, 1626), Педро де Риваденейра (El tratado del príncipe cristiano contra Maquiavelo, 1603, на латинском), Сердан де Тальяда (Verdadero gobierno desta monarchia, 1581), Фелипе де ла Топпе (Institución de un rey Christiano, 1556), Бартоломе Фелипе (Tratado del consejo, 1589), могут быть включены в богатую и старую христианско-платоническую традицию политической мысли. Важнейшие гуманисты, такие, как Хуан де Вальдес, Хуан Луис Вивес и Ариас Монтано включали рассуждения о роли государей в более пространные работы широкого тематического охвата. К тому же все вышеназванные работы представляли решительно антимакиавеллистскую точку зрения» (Di Salvo A. Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote // Cerantes 9. 1989. № 2. P. 48). См. об этом: Bleznick D. W. Spanish Reaction to Machiavelli in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of the History of Ideas. Vol. 19. No. 4 (Oct., 1958). P. 542–550; Howard K. The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment // LATCH 5. 2012. P. 106–119.

¹⁰¹² Рукописный перевод книги «Idea de un Príncipe Político Christiano representada en cien empresas» Фахардо присутствовал в Архангельской библиотеке Д. М. Голицына, в описи которой она значится как «Изображение Христиана политического властелина с символами изображенное от Дидака Саверры, переведенная с латинского языка, рукописная». Был в собрании Голицына и перевод «El Consejo, y consejeros del príncipe» Сериоля, значащийся в описи как «Фридерика Фурия Кериоляна о советах и советниках княжих, рукописная» (Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 242–243).

¹⁰¹³ Анонимный перевод политического трактата с отсутствовавшим титульным листом обрывается словами «Римляне в то время, когда их Государство процветало, имели в городах своих на жалованье», т. е. последняя часть рукописи также не сохранилась (ОР РНБ. Ф. 775 «Титов А.А. Собрание». Тит4991. Л. 213 об.) Предисловие, авторство которого принадлежало переводчику на русский язык, позволило с уверенностью установить, что оригинальным языком сочинения был испанский. Благодаря этому удалось установить и источник – труд П. де Рибаденейры «Tratado de la religión y virtudes...» Русский перевод, охарактеризованный выше, прерывается, по-видимому, в середине 43-й главы 2-й книги трактата (носившей название «О добродетелях»), в оригинале фраза говорит о том, что римляне содержали на жаловании учителей: «Los Romanos, mientras que floreció su Republica, tenían Maestros salarizados, que enseñan sen a los mozos estos y otros semejantes ejercicios, y aquella arte que llaman Gymnástica, tan alabada de Platón» (Tratado de la religión y virtudes que debe tener el príncipe cristiano para gobernar y conservar sus Estados. Contra lo que Nicolás Machiavelo y los políticos de este tiempo enseñan. Madrid: Pantaleon Aznar, 1758. P. 528).

Мадриде в 1595 г. и ставшее одним из основных трудов испанской традиции антимаккиавеллизма¹⁰¹⁴. Это единственный известный нам перевод Рибаденейры на русский язык, однако нельзя исключать возможности наличия других экземпляров, ждущих своего исследователя в книжных собраниях XVIII столетия.

Неизвестный автор предисловия к сочинению Рибаденейры составил, по-видимому, своего рода конспект аргументов испанского писателя. Здесь говорится о том, что монарх должен быть великодушным, стараться об «общем добре» (в противовес тирану-разорителю), назначать добродетельных и прямодушных губернаторов и советников. Главный рецепт предисловия вполне согласуется с позднейшими рассуждениями о добродетели в духе Сумарокова или Эмина: «Постоянное сердце, делность твердая, рассуждение быстрое и нешатающейся легкомысленности дух издает и рождает смотрение и почтение всякое. Столь совершенно каждому, что его весьма бояться должен и сильнейший в силах неприятель»¹⁰¹⁵. Особое внимание автор предисловия, вслед за Рибаденейрой, уделил выпадам в адрес Макиавелли: «Делность и мужество всякое есть непобедимую крепостию слабости человечества нашего. Но лукавно учит Макиавель нечистый. Разумение Макиавеля суть так негодно, что из него разсудительной никаким способом за честное возиметь не может. Причина, что Макиавель на низкой степени ставит веру христианскую есть та, что как он сам, так и произведенные в его Академии нездоровым, но поврежденным смертельно смотрят зраком»¹⁰¹⁶.

Ближе к XVIII в. это течение трансформировалось в жанр, который можно условно обозначить как «морально-политический роман». Центральным автором этого направления следует считать Фенелона, чью огромную популярность в России XVIII в. мы уже констатировали. Но о Фенелоне мы сказали выше, поэтому обратимся теперь к показательному примеру швейцарского физиолога, естествоиспытателя и поэта А. фон Галлера¹⁰¹⁷.

Галлер был одним из авторитетнейших европейских ученых своего времени и чрезвычайно продуктивным автором. Он изложил свои взгляды на различные формы

¹⁰¹⁴ Truman R. Spanish Treatises on Government, Society and Religion in the Time of Philip II. The 'De Regimine Principum' and Associated Traditions. Boston; Leiden; Koln, 1999. P. 277-314; Howad K. The Reception of Machiavelli in Early Modern Spain. Woolbridge, 2014. P. 83-95.

¹⁰¹⁵ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель. С. 318.

¹⁰¹⁶ Там же, с. 319.

¹⁰¹⁷ Смекалина В. В. Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 184–188.

правления (деспотизм, ограниченную монархию и республику соответственно) в трех сочинениях 70-х гг. XVIII в., представляющих собой настоящие образцы политического романа: «Usong. Eine morgenländische Geschichte» (1771), «Alfred, König der Angelsachsen» (1773) и «Fabius und Cato» (1774); все они были переведены на русский язык (1783-1784, 1793) Н. Поливановым¹⁰¹⁸. Все три текста объединяет исторический нарратив, построенный на реальных источниках, с целиком вымышленными Галлером речами персонажей, в которых раскрываются разнообразные политические темы. Кроме того, на русском языке издавалась дидактическая поэма Галлера «Über des Ursprung des Übels» («О происхождении зла», 1734)¹⁰¹⁹, среди переводчиков которой был и Н. М. Карамзин, который в «Письмах русского путешественника» неоднократно обращается к Галлеру как к автору, хорошо знакомому российскому читателю. Примечательно при этом, что российские переводы представляют почти исключительно Галлера-моралиста, Галлера-политика; однако его многочисленные работы по физиологии и анатомии – такие, как знаменитая работа «De Partibus corporis humani sensibilibus et irritabilibus» (1752), раскрывающая Галлера с другой стороны, как хладнокровного и неумолимого ученого и вивисектора¹⁰²⁰ – не переводились на русский язык; возможно, по той причине, что анатомические свои труды Галлер писал по-латыни.

В жанрово-тематическом отношении политические романы и княжеские «зеркала», труды, инструктирующие о поведении при дворе, воспитательные трактаты, эпические поэмы (такие, как «Аргенида» Дж. Баркляя) образуют массив моралистической литературы, посвященной «должностям» и «добродетелям» в обществе. От Цицерона до Хольберга, от Агапита до Бельгарда – игнорировать этот массив литературы при изучении отечественной

¹⁰¹⁸ Плоды трудов прозаических сочинений г. барона А. Галлера. Ч. 1. Содержащая в себе изображение самовластного в государстве единоличия в образе Усонга восточной повести описанное Ч. 2. Содержащая в себе изображение аристократического, или властью законов ограниченного в государстве правления. В образе жизни Алфреда короля англо-саксонов описанное. СПб.: Тип. Шнора, 1783–1784; Фабий и Катон повесть взятая из римской истории. СПб.: [Тип. Овчинникова], 1793. Ч.1–2.

¹⁰¹⁹ О происхождении зла, поэма великого Галлера. М.: Тип. Комп. типографической, 1786.

¹⁰²⁰ «Сочинение примечательно, так как оно исследует сложнейшую проблему – отношения тела и души, со всеми вытекающими теологическими и философскими импликациями – на сугубо экспериментальном уровне. Повторяющийся и поддающийся последующему повторению физиологический эксперимент занял место выводов на основании аналогий или ссылок на предшествующие источники. Впрочем, эта современная (modern) вера в эксперимент имела высокую цену: необходимые эксперименты включали “стимуляцию” и вивисекцию сотен, если не тысяч, животных. Хотя жестокость, которую Галлеру приходилось проявлять, была ненавистна даже ему самому, Галлер утверждал, что польза для человечества перевешивает боль для животных. Своими бесстрастными описаниями прокалывания, подпаливания, разрывания, ударов электричеством и прижигания Галлер в De partibus раскрывает себя как современник де Сада, и этот бесстрастный тон сделался тревожной изнанкой триумфального шествия наук о жизни» (Muller-Sievers H. A Scientist and Poet / A New History of German Literature. London; Cambridge: Harvard University Press, 2004. P. 348).

политической мысли Нового времени не представляется возможным. Примечательно, что и Пуфендорф – один из крупнейших авторов-юристов XVII в. – представлен здесь переводом «*De officio hominis et civis juxta legem naturalem*» (1673), который вполне можно отнести к литературе о «должностях».

Из обсуждения добродетели вытекала проблема воздаяния. С одной стороны, характер добродетели оставался неизменным, поскольку она была укоренена в религии и предполагала абсолютное воздаяние – или, по выражению Сумарокова: «Памятуя, что есть Бог на свете, и что данная нам Богом жизнь возвратится ко своему чистому источнику; так надобно, чтоб и она чиста была. Последуем должности своей: она во добродетели состоит: и ежели есть Бог так будет и возмездие: а Бог конечно существует»¹⁰²¹. Монарху надлежит карать порочных и награждать добродетельных, о чем Сумароков не преминул напомнить Екатерине II в речи на день ее коронации: «Плакал Тит, когда беззаконникам подписывал казни; плакал но подписывал; ибо без того, был бы он участником соделанного ими беззакония. Буди Государыня, буди всегда материю любезному своему народу, награждай добродетель, исправляй пороки наши и рази беззакония! буди чадолюбивая Матерь и страшный судия. Злодеи ни малейшаго помилования не достойны. Политика определяет им казни, дабы отвратити других от подобного злодейства, а истинна отмщения требует, хотя бы сим отомщением и не отвратилися другия злодеи от беззакония, ради сего единого, что бы добродетель над беззаконием торжествовала»¹⁰²². В целом, Сумароков (в статье «Четыре ответа», помещенной в «Трудолюбивой пчеле») развертывал своеобразную программу противодействия порокам: «Я бы неусыпно старался о благополучии моего отечества, о возбуждении добродетели и достоинства, о награждении заслуг, о утолении пороков и о истреблении беззакония, о приращении наук, о умалении цены необходимых жизни человеческой вещей, о наблюдении правосудия, о наказании за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменьшении лжи, лести, лицемерия и пьянства, о изгонении суеверия, о уменшении ненадобнаго обществу великолепия, о уменьшении картежной игры, чтоб она не отнимала у людей полезнаго времени, о воспитании, о учреждении и порядке училищ, о содержании исправнаго войска, о презрении буянства, петиметерства и искорении тунеядства»¹⁰²³.

¹⁰²¹ Сумароков А. П. Некоторые статьи о добродетели... С. 249-250.

¹⁰²² Сумароков А. П. Слово на день коронования Ея Величества Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II. С. 230–231.

¹⁰²³ Трудолюбивая пчела. СПб.: Имп. Акад. наук, 1780. С. 368.

С другой стороны, человек – всего лишь человек, он слаб и подвержен порокам, а в обществе зачастую могут преобладать злые люди, поэтому искусство добродетели принимало характер искусства прожить не только добродетельную, но и *безопасную* жизнь. Как отмечал Н. И. Новиков в статье «О добродетели», помещенной в журнале «Утренний свет» (1780): «Самое лучшее расположение к добродетели есть вообще прямое добросердечие, благородство и честность во всех наших действиях; но сие праводушие должно сходствовать с слабостию человеческою: если всегда ходить наклоня голову, то, спотыкнувшись, можно опасно ушибиться»¹⁰²⁴.

У Ф. Эмина в 3-й книге «Писем Эрнеста и Доравры» Ипполит отмечает: «Когда уже природа наша на то испорченным светом осуждена, чтоб в ней разные случаи разные производили действия, то надобно нам о том по большей части стараться, чтоб сколько возможности нашей будет, основывать наши желания и старания на добродетели и на пользе общественной»¹⁰²⁵. Ипполит заключает: «Оставь, прошу, такие пустынные мысли; трудись ради пользы общественной. Что тебе нужды до несправедливых людей? Ты знаешь, что добродетель всегда сыщет свое место. За онаю когда нибудь вечная справедливость нам обещает награду»¹⁰²⁶. В практических действиях надлежало следовать доводам разума, контролировать страсти и принимать добрые советы.

Начиная с 1774 г., вопрос добродетели дебатировался также в целой череде нравоучительных пьес¹⁰²⁷: «Добродетель, увенчанная верностью» (1774) М. И. Прокудина-Горского, «Добродетель, приобретенная в училище» (аноним, 1775), «Награждение добродетели» (1780) И. А. Тейльса, «Добродетельная преступница, или Преступник от любви» (1782) Ф. Матвеева, «Торжество правосудия и добродетели, или Доброй судья» (1794) И. В. Лопухина; сюда следует также добавить комедии «Так и должно» (1773) и «Точь в точь» (1785) М. И. Веревкина, являющиеся, по словам П. Н. Беркова, «соединением “обличительной” комедии с комедией “слезной”»¹⁰²⁸, и «Воспитание» (1774) Д. В. Волкова.

Чрезвычайно интересной является драма И. В. Лопухина «Торжество правосудия и добродетели, или Доброй судья», опубликованная анонимно в 1794 г. В центре сюжета –

¹⁰²⁴ Новиков Н. И. О добродетели // Новиков Н. И. Избранные сочинения М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1951. С. 397.

¹⁰²⁵ Письма Эрнеста и Доравры. Сочинение Федора Эмина. Ч. III. СПб., 1766. С. 161-162.

¹⁰²⁶ Там же, с. 171.

¹⁰²⁷ Ерофеева Н. Е. «Школа добродетели» М. Хераскова как образец русской драмы-«школы» // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1(18) С. 42. См. также: Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. 2. СПб.: Издание бр. Башмаковых, 1908. С. 115–116.

¹⁰²⁸ Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л.: Наука, 1977. С. 137.

конфликт: добродетельный судья-дворянин Правдолюбов готов вынести справедливое решение и лишить богатого дворянина Самолюбова деревень. Сын Правдолюбова влюблен в прекрасную дочь Самолюбова; разоряющийся Самолюбов надеется через это оказать влияние на судью, но, удостоверившись в адамантовой непреклонности Правдолюбова, отказывается выдавать дочь за его сына.

Впрочем, за сюжетом скрывается трансформированное в драму популярное изложение взглядов Лопухина, приобретающее порой публицистический характер в длинных монологах персонажей. Самолюбов отвечает на нотации о добродетели: «Все это правда, пишут так и в книгах, которых я много читывал; однакож много на свете живши, я знаю и то, как люди и обстоятельства переменяются»¹⁰²⁹. Самолюбов поначалу защищает ту точку зрения, что счастье – в богатстве, однако вскоре разочаровывается в нем. К V действию Самолюбов окончательно переходит на позиции Правосудова: «Какое заблуждение искать своего счастья в тленности! <...> Мы все гоняемся за мечтою блага; и бежим от того, которое одно истинно, вечно и неотъемлемо! Как щастлив тот, кто хотя проглянул сквозь густую, мрачную стену заблуждений, закрывающую от душевного взора чистый свет добродетели»¹⁰³⁰.

Шестеркин – щеголь, жестокий к своим крестьянам, развратный и сластолюбивый, презирающий труд – заявляет: «Нам нужно только, чтоб хорошо о нас думали те, которые умеют жить, то есть, которые со всеми знакомы, всюду въезжи и дают тон веселой публике, для которой мы живем»¹⁰³¹. Эта концепция напоминает о философии Гоббса – и действительно, несколько страниц спустя Шестеркин прямо на нее ссылается, говоря про «модных философов, которые очень для меня приятно пишут, что интерес – интерес – этот идол наш! должен быть одною пружиною всех мыслей и дел человеческих»¹⁰³². Шестеркин, промотав деньги, начинает промышлять обманом – фальсификацией документов, собираясь отнять деревни у добродетельного старика Умнощедрова, обильно подающего милостыню и по-отечески управляющего деревнями (Шестеркин, напротив, безжалостно продает крестьян в рекруты, чтобы добыть денег на карточную игру). Но дело принимает неожиданный оборот – добро торжествует над Шестеркиным, которого арестовывают прямо

¹⁰²⁹ Торжество правосудия и добродетели, или Доброй судья. М.: Вольная типография Пономарева, 1794.

¹⁰³⁰ Там же, с. 120–121.

¹⁰³¹ Там же, с. 54.

¹⁰³² Там же, с. 60.

в приемной Правосудова, что показывает: добродетельный судья – вовсе не рассеянный ротозей, которого легко обмануть.

Впрочем, Правосудова и его друга Добродушина большинство остальных персонажей считает «странными», а то и «фанатиками», последователями «секты стоиков». Один из судей заседания, где председательствует Правосудов, с говорящей фамилией Лентяев, так выражает свое кредо: «Оставим правды, мудрости – и все такие пустяки колотить охотникам. А нам чего еще хотеть? Живем мы весело; жалованье получаем, чины также; везде почти лучшие гости; пьем, едим сладко, а дело нам и на ум нейдет»¹⁰³³.

Будучи неизменной, *добродетель* противоположена *пороку*. Господство порока над человеком означает одновременно капитуляцию перед изменчивой Фортуной. На подобном различии построено, в частности, «Рассуждение о непременных государственных законах» (не позднее 1783 г.) Н. И. Панина. Государь, согласно Панину, должен обладать особым знанием о пределах и характере собственной власти. Таким знанием обладает «просвещенный» монарх, которого от падения (т.е. стремления к деспотизму и порабощения порокам) удерживают добродетели – «правота» (справедливость) и «кротость» (смирение). Говоря об этих добродетелях, Панин следует тем же путем, что и описанные выше авторы: «Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям»¹⁰³⁴.

Приведем здесь пространную цитату из этого панинского текста: «Надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именные указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезывать его на досках и ставить на столы в управах; буде не врезано оно в сердца, то все управы будут плохо управляться. Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, чтоб наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или пороку. Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу. Ни малейшие его движения ни от кого не скрываются, и таково есть счастливое или несчастное царское

¹⁰³³ Торжество правосудия и добродетели, или Доброй судья. С. 113–114.

¹⁰³⁴ Найдённое в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение. С. 255.

состояние, что он ни добродетелей, ни пороков своих утаить не может. Он судит народ, а народ судит его правосудие»¹⁰³⁵.

Так все же законы правят или добродетельный государь? «Рассуждение» Панина остается в этом отношении амбивалентным. Править должны законы, «кои выше себя ничего не терпят»; с другой стороны, страна исторически не являлась деспотией, однако фундаментальный закон монарх должен *даровать*, а не *восстановить*. Институциональное оформление власти является второстепенным по отношению к личным качествам государя¹⁰³⁶, и – хотя желание «самовластия» является пороком – «самовластнейшим» является тот монарх, который более любим подданными.

Сходный взгляд на добродетель исповедовал и М. М. Щербатов. Подлинной демонстрацией морального универсализма является заключение памфлета Щербатова «О повреждении нравов в России». По его мысли, следует «просить Бога, чтоб лучшим царствованием сие зло истреблено было». Остановить коррупцию сможет «Государь искренно привязанный к закону Божию, строгий наблюдатель правосудия, начавши с себя умеренного в пышности царского престола, показующаго пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей, тверда в предприятиях, но без упрямства, мягкосерда и постоянна в дружбе, показующаго собой пример своим домашним согласием с своею супругою, и гонящаго любострастие, щедр без расточительности для своих подданных и искавшаго награждать добродетели, качества и заслуги без всякаго пристрастия, умеющаго разделить труды; что принадлежит каким учрежденным правительствам и что Государю на себя взять, и наконец могущаго иметь довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательныя права Государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять»¹⁰³⁷.

Такой монарх – перечень его положительных качеств в определенном смысле соответствует перечню тех «поврежденных» в России добродетелей, с которого Щербатов начинает свой текст – сумеет остановить погружение в трясину коррупции и утвердит в государстве добродетель. Итак, хотя «повреждение нравов» описано в социальных терминах, противодействие ему Щербатов усматривает в личном примере добродетельного монарха. Эту идею следует считать фенелоновской, неостойческой или

¹⁰³⁵ Найдённое в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение. С. 259.

¹⁰³⁶ Bugrov K. D. Les institutions d'État et les vertus civiques dans la pensée politique de Nikita Panin (1760-1780) // Cahiers du monde Russe. № 53/4. 2012. P. 507–522.

¹⁰³⁷ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 94–95.

антимакиавеллистской (возможны различные определения) – и в любом случае следует считать ее отвечающей российской традиции XVIII в. с характерным морально-политическим языком.

Как бы то ни было, российские авторы настаивали на том, что добродетель является важнейшим политическим качеством монарха, и одновременно – на том, что жить добродетельной жизнью можно даже и при плохом правителе. Добродетель, следовательно, возможна при любой форме правления, а не только при республике; она имеет не социально-политический, а моральный характер, однако без нее нельзя быть хорошим правителем или гражданином / подданным. Проблема власти, таким образом – это проблема практического осуществления добродетели, что и отличает хорошего государя от плохого.

Но что является источником добродетели или порока? Разумеется, речь не шла о случайном распределении пороков или добродетелей. Напротив, лейтмотивом морально-политической литературы были пространные указания о том, как следует достигать добродетельной жизни в обществе. Указания эти не исчерпывались проблемой достижения добродетели конкретным индивидом – хотя эту тематику интенсивно разрабатывали и в рамках политического богословия XVIII в., и в бесчисленных наставлениях по вопросам поведения, среди которых – как мы уже отметили в предыдущей главе настоящего исследования – особенно важное место занимали наставления для придворных.

В целом ряде случаев речь заходила и о том, как *сделать* добродетельными других людей, целый социальный слой или даже целое государство. Если можно культивировать *добродетель* с помощью наставлений в данном несовершенном обществе с помощью определенных мер, значит, добродетель и порок обладают определенными социальными условиями. Как мы уже видели выше, именно такая задача и отводилась доброму государю, Титу российской публицистики XVIII столетия, который в этой парадигме выступал не только суперарбитром, гарантом воздаяния за добрые и злые дела, но и созидателем добродетели с помощью законов, распоряжений и личного примера. Таким образом, интеллектуальной инновацией для российского XVIII столетия стало представление о том, что добродетель индивида зависит не только от его индивидуального выбора (хотя голоса, настаивавшие на другой точке зрения, никогда не умолкали), но и от совокупности социальных, экономических и политических факторов. И хотя общий тон российских текстов оставался антимакиавеллистским, многие рассуждения о добродетели во 2-й половине XVIII в. стали принимать более социологический тон, утверждая, что добродетель

не является сугубо личным выбором каждого индивида. Несмотря на то, что характер добродетели объективен, ее можно *производить* с помощью социальных, политических, экономических мер. Подобный подход стал важным шагом на пути адаптации республиканской политической идеологии, и чрезвычайно важную роль здесь сыграл морально-политический роман Фенелона «Приключения Телемака».

4.2. Российский Салент: коммерция, коррупция и роскошь

Чтобы понять, каким образом подобное представление о добродетели закрепилось в российской политической мысли XVIII столетия, нам нужно обратиться к роману «Приключения Телемака» («Les Aventures de Télémaque», 1699), интеллектуальному наследию Франсуа Фенелона, епископа Камбресского и воспитателя наследника французского трона Людовика, герцога Бургундского. В историографии российской политической мысли Фенелон, к сожалению, до сих пор иногда оказывается полузабытой фигурой, уступая таким центральным авторам, как Монтескье или Пуфендорф. Однако по числу изданий на русском языке Фенелон входил, как мы отмечали выше, в группу наиболее популярных авторов, стоя вровень с Руссо и блаженным Августином, и уступая лишь Вольтеру. Роман «Приключения Телемака» был шедевром жанра политического романа; в увлекательной форме Фенелон описывал странствия юного царевича Итаки по Средиземноморью мифологической эры, устами мудрого наставника Ментора высказывая важнейшие политические наставления.

Епископ Камбресский был, разумеется, монархистом. Но интерес Фенелона к греко-римскому наследию («Телемака» невозможно читать, не разбираясь в эллинской мифологии и истории) привел к тому, что целый ряд идей, высказанных в его романе, был созвучен республиканской интеллектуальной традиции. Подобно сочинениям виднейших республиканских авторов – таких, как Макиавелли или Харрингтон – Фенелон сурово критиковал коммерческое общество и роскошь. Как отмечает современный исследователь

И. Гонт, «Телемак» Фенелона «захватывал воображение читателей по всей Европе, и для многих он оказался куда более величественной картиной, чем критика рынков со стороны классического республиканизма. Республиканцы выступали против роскоши потому, что она подрывала военную доблесть. Фенелон выступал как против роскоши, так и против войны»¹⁰³⁸. И действительно, монархия, описанная Фенелоном в «Приключениях Телемака» (прежде всего – картина Салента, павшего было в бездну коррупции, но возрожденного мудростью Ментора), предполагала превосходство аграрного социума над торговым, мира – над войной.

Фенелон подкрепляет идеи, высказанные устами Ментора, с помощью историко-мифологических примеров. Одним из таких примеров является описание Крита, наслаждающегося счастьем благодаря законам Миноса. Здесь «всяк работает, и никто не ищет себе богатства, всяк вменяет себе во мзду житие свое покойное и законное, когда получает мирно и изобилно все, к житию своему по нужде потребное. Драгие уборы, одежды богатые, обеды лакомые, дома позлащенные заповеданы». Роскоши на Крите нет, здесь карают «три зла, которыя в протчих народах без наказания оставляются, то есть неблагодарствие, лукавство и сребролюбие».

Однако наиболее яркими иллюстрациями идеальной монархии в «Приключениях Телемака» является государство Салент. История о Саленте занимает IX – XII книги «Приключений Телемака». Особенно важна XII книга, в которой описаны многочисленные преобразования, которые царь Салента, изгнанный с Крита Идомеией, произвел по совету Ментора, чтобы сделать Салент процветающим, а его жителей – добродетельными.

В Саленте Ментор организовал процветающую торговлю, обеспечив купцам безопасность и с помощью законов исключив банкротства. Однако одновременно он принял самые суровые меры против распространения роскоши. Так, Ментор посоветовал Идомеиею ввести особую одежду для каждого «чина» людей, питаться простой пищей, изгнать всех ремесленников («художников»), производящих предметы роскоши (исключая «резчиков и живописцов», поскольку они должны будут употребить свои искусства для сохранения в памяти народа «великих людей и их дела»), отказаться от «слабостной и прелестной» музыки, от украшения домов, ввести «простую и приятную» архитектуру. «То называется богатится, когда презираем богатство, когда презираем богатство, которым все государство

¹⁰³⁸ Hont I. *Jealousy of Trade. International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2010. P. 26.

во убожество приводится, и кроме самой естественной нужды ничего не употреблять». Изгнанные горожане-ремесленники отправились в деревню, где занялись сельским хозяйством; Ментор советует Идоменею обложить нерадивых и оставляющих свою землю селян так же, как карают на войне солдата, оставившего место в строю¹⁰³⁹ – и, напротив, милостиво относиться и ободрять самых трудолюбивых. Наконец, Ментор предлагает установить «меру земли, колко может всякой дом имети», для каждого из семи чинов, на которые поделено население Салента. Важнейший инструмент преобразований – личный пример со стороны государя: «Сами законы, хотя обновляются, но будут бесполезны, ежели царь не утвердит их собою вскоре». Соответственно, «начальники» должны все время «назирать все дома и житие подлого народа», прогоняя и карая пороки. Описание Салента завершается знаменитым определением «царь не может быть царь один, но царь ради народа», многократно повторенным российскими авторами XVIII в., и демонстрацией того, что деспотическая царская власть ведет государство к разорению и гибели, а самого злого государя – к гибели: «Сия власть, зверская и чрез меру сильная, не может долго стояти, не имеет корени в сердцах подданных. Все государство утрудил и озлобил, принуждает всех с воздыханием желати премены от первого ударения, и дол сей падает, и топчут его ногами. Ненависть, зависть, страх, гнев, неверность и, единым словом, все страсти к сей ненавидимой власти присовокупляются. Царь, которой в своем благополучии не имеет ни единого человека, кто бы дерзнул говорить ему истинну, не найдет в своей погибели ни единого человека, кто бы его оправдал и от неприятелей оборонил»¹⁰⁴⁰.

В XXII – XXIII книгах Телемак и Ментор возвращаются в Салент и наблюдают социальные эффекты преобразований. Телемак с удивлением замечает: «Чего ради такого богатства нет, как было прежде сего повсюду? <...> Одевание простое, дома не велики и без украшения, художества исчезают, город стал пустыня». Ментор отвечает воспитаннику вопросом: «Что лутче, богатой ли град златом и серебром с землею непаханною и неплодоносною, или земля паханная с городом посредним и простонравными жителями?» Большой город уничтожает добродетель и разоряет страну, превращая государство в подобие «дикого уroda, которой имеет главу превеликую, а тело его все изсохло и, не имеюще пици, не имеет с своею глвавою ни малого размера». Между тем, «истинная сила,

¹⁰³⁹ «Такая ж честь делати землю, от отец наследственную. во время благополучного мира, как защищать мужественно во время войны». (Фенелон Ф. Похождение Телемака. С. 172).

¹⁰⁴⁰ Фенелон Ф. Похождение Телемака. С. 174.

истинное богатство в государстве, чтоб было многое число народа и изобилие пищи»¹⁰⁴¹. Избавившись от роскоши, салентяне стали более многочисленными, привыкли храбро защищать отечество.

Фенелон выделяет две главные угрозы государству: «неправедную» власть государя и роскошь. Злой государь попирает законы и этим готовит падение самому себе, поскольку превращается в плохо информированного деспота, которому никто не решается сказать правду и который как бы ослеплен (аналогичное описание, включая метафору зрения, использовал и Монтескье, описывая различие между монархией и деспотией)¹⁰⁴². Примером неправедной власти выступал Идомоней в бытность царем Крита, однако по счастливой встрече с Телемаком и Ментором он исцелился и «чюдотворением очи его отворилися». Другая угроза, более серьезная – это роскошь, несущая с собой угрозу коррупции. Роскошь вредит всем, «от царя до последнего человека», заставляет всех жить не по средствам: «Весь народ себя разоряет, все чины различия не имеют».

Итак, и у Фенелона лучший монарх – тот, кто отвечает критериям; критерии предпочтительны по сравнению с происхождением, монарх должен реализовать самоконтроль и быть «службой» общего блага. Не подданные созданы для произвола государя, но государь обязан заботиться о благе подданных, об общем благе. Все эти идеи и помимо романа о Телемаке были эффективно адаптированы и осмыслены в российской политической культуре века Просвещения.

А вот набор социальных идей Фенелона оказался для России новаторским. В первую очередь это касается центрального тезиса «Телемака» о том, что роскошь является источником коррупции и, следовательно, добродетель можно производить мерами экономической политики. Впечатляющий образ Салента, нарисованный по республиканским лекалам в «Приключениях Телемака», оказался ключевым в процессе усвоения республиканских идей российскими элитами.

Сходные взгляды на проблему хорошего правления были выражены и в морально-политическом романе Ж. Мармонтеля «Велизарий», поставившем своеобразный рекорд по интенсивности изданий среди переводов в XVIII в. и занимающем особое место в истории переводной литературы, поскольку в его переводе принимала участие лично императрица

¹⁰⁴¹ Фенелон Ф. Похождение Телемака. С. 296.

¹⁰⁴² Ср. ту же метафору у Панина в «Рассуждении о непременных государственных законах» и у Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Екатерина II. Мармонтель также использовал классический сюжет, правда, не из мифологии, а из поздней римской (или ранней византийской) истории. Мармонтель обратился к образу гонимого судьбой, оклеветанного перед императором Юстинианом полководца Велизария; у Мармонтеля ослепший, престарелый Велизарий дает Юстиниану и его приближенному, молодому Тиберию, советы об управлении империей. Проблема роскоши занимает в советах Велизария одно из ключевых мест (ей посвящена глава XIII, которую переводил А. И. Бибилов).

Мармонтель комбинирует фенелоновскую убежденность в определяющей силе личного примера и нежелание следовать драконовским мерам, принятым в Саленте по совету Ментора. Подобно Фенелону, Мармонтель полагает, что «все пороки, а по крайней мере бываемые у двора, имеют общий корень» – корыстолюбие; соответственно, и «роскошь есть родитель всем тем мучительствам, от коих вселенная стонет»¹⁰⁴³. Значит, добродетель восторжествует тогда, когда удастся пресечь роскошь. Однако по мнению собеседников Велизария – Юстиниана и Тиберия – роскошь искоренить невозможно, поскольку в государстве она защищена правом «вольности и собственности». В отличие от Ментора, Велизарий с готовностью соглашается с тем, что «никакой закон не препятствует гражданину обогащаться честным образом, да и никакой закон не возбраняет располагать свое богатство, и употреблять по своему благоизобретению». Речи о жестких ограничениях не идет, хотя Велизарий категорически отказывается найти в роскоши хоть какую-то крупицу блага, считая ее необходимым злом. Поэтому Велизарий советует Юстиниану опереться на силу мнения и победить роскошь не запретом (это было бы чудовищной тиранией), а личным примером, могущество которого Велизарий превозносит: «О ежели бы Государь ведал, какую поверхность имеет он над душами, и колико может без принуждения и насилия обращать ими! Сия есть такая сила, которой ничто противостоять не может; но сия есть и самая та, которую он не знает»¹⁰⁴⁴. Презрение монарха к роскоши и пышности откроет дорогу к награждению достойных людей. Велизарий, конечно, не советует окончательно уничтожить роскошь, отмечая лишь, что – поскольку богатство в большей степени влечет «людей малодушных» – личный пример монарха позволит привлечь ко двору самых активных граждан, «души, от природы силою и превосходством духа

¹⁰⁴³ Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской Академии, переведен на Волге. М.: Унив. тип., 1785. С. 190.

¹⁰⁴⁴ Велизер. С. 206.

одаренных, и к восприятию благородных желаний и великих добродетелей способных». Красной нитью через повествование Мармонтеля проходит противопоставление роскоши и военной храбрости¹⁰⁴⁵.

Страсть – коммерция – роскошь – коррупция – деспотизм. Эта цепочка причин, обрисовывающая механику возникновения плохого правления в фенелоновской монархии, оказалась чрезвычайно востребована и в российской политической мысли 2-й половины XVIII в. Недаром и Фенелон, и Мармонтель были в числе наиболее популярных авторов российского XVIII в.!

Трактат Фенелона привел к появлению нескольких российских вариаций на близкую тему. Из них важнейшими были романы Ф. Эмина и М. М. Хераскова.

Если Эмин в «Письмах Эрнеста и Доравры» следовал примеру Руссо и Ричардсона, то в «Приключениях Фемистокла» (1763) он ориентировался на неоклассический стиль Фенелона.

Три морально-политических романа издал во 2-й половине XVIII в. и М. М. Херасков. Первым из них был «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768); отличающийся от «Приключений Телемака» (как, впрочем, и от романов Эмина) отсутствием приключенческой фабулы, больше похожий на «Велизария» Мармонтеля, «Нума» стал ярким примером российского морально-политического романа. Два других – громадные по объему «Кадм и Гармония» (1787) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) – более точно отвечали фенелоновским лекалам, требуя, кроме прочего, от читателя виртуозного владения античным материалом, поскольку действие простиралось от одного конца греческой ойкумены до другого¹⁰⁴⁶.

¹⁰⁴⁵ Отметим, что и Ж.-Ж. Руссо, чья статья «Политическая экономия» (опубликованная в составе «Энциклопедии» в 1755 г.) вышла в русском переводе отдельным изданием дважды (в 1777 и 1787 гг.), также – возможно, следуя идеям Фенелона – был настроен против роскоши, которую считал вредной для государства, тогда как истинная сила государства заключается в «среднем достатке». Однако Руссо признает тягу богатых людей к роскоши неизбежной (что напоминает о доводах, которые приводит Велизарий в роман Мармонтеля), и поэтому советует применять вместо законов против роскоши дифференцированное налогообложение, более тяжелое для богатых граждан, при котором произойдет одно из двух: «Либо богатые откажутся от своих избыточных трат и будут совершать траты лишь полезные, которые вновь обратятся в пользу Государства, и тогда распределение налогов сделает то, к чему приводят лучшие законы против роскоши – расходы Государства неизбежно уменьшатся вместе с расходами частных лиц, и казна, таким образом, не потеряет от того, что получит меньше, так как расходование денег уменьшится еще значительно; либо, если богатые несколько не уменьшат свою расточительность, то казна получит из суммы налогов те средства, которые она искала, чтобы удовлетворить подлинные нужды Государства» (Руссо Ж.-Ж. О политической экономии // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1999).

¹⁰⁴⁶ М. Окенфусс, выдвигая спорный тезис об отсутствии в российской культуре (и в том числе – в дворянской культуре) интереса к греко-римской классике (Okenfuss M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden; New York; Koln: E. J. Brill, 1995. P. 231–234), вовсе не упоминает Хераскова; между тем, романы Хераскова являются, возможно, наиболее крупными текстами античной тематики российского XVIII в.

«Нума», например, полон описаний того, как личный пример монарха трансформирует общество. Говоря о восшествии Нумы на трон, Херасков приводит классические антиреспубликанские аргументы: «Сей народ, любезный богам, при самом своем рождении истребляется; пятидневные его Начальники, Сенаторы Римские, стараясь утвердить и возвысить общее благополучие, непрестанно его разрушают; они друг друга ненавидят и боятся, а зависть их им самим и народу во вред обращается; разные Начальства, не приобучая сердец к твердости, только разные пороки в них посевают, и колеблющееся море общества, не приходя ни на час во успокоение, день ото дня сильнейшими ветрами обуреваются; словом, Рим от разных начальств и не имея ни единого в точности начальства погибает; тело сие, не имеющее главы, не знает, какому члену повиноваться, но вдруг всеми развлекаемое, в безсилие приходит»¹⁰⁴⁷. Появление добродетельного государя меняет положение к лучшему. Роман примечателен тем, что Нума – по крайней мере, в первых главах – предстает колеблющимся героем, опасющимся тягот правления: «Я должен с моего Престола взирать недремлющим оком на волнующееся непрестанно общество, и при сладком его успокоении один трудиться и не засыпать. Безпокойство каждого гражданина должен почитать своим безпокойством; болезни их своими болезнями, и до самых недостатков принимать общие на себя; бремена всего народа на рамена мои возложены»¹⁰⁴⁸. Особенно его удручают придворные и вельможи, которых Нума считает порочными и алчными: «Когда посредники между мною и народом толико гнусным правилам следуют то как я один общее благоденствие устроить могу?»

Нимфа Эгерия ободряет Нуму, разъясняя, что беспокойство римлян объясняется социальными причинами: грубостью нравов, гражданскими распрями, интригами и кознями властолюбивых вельмож. Нума отмечает, что «царский венец тогда служит украшением, когда подданные его добродетелями украшаются, и Престолы только те спокойны и тверды, где народ, огражденный безопасностью, в сладкой тишине и благоденствии покоится». С другой стороны, придворные не вся являются порочными людьми, и государь, непреклонно следуя добродетели, сможет превозмочь дурные нравы, карая и воздавая: «Старайся быть строгим Государем для злых людей, которым власть и законы служат обузданием их мятежного духа; а добрым будь отец: они тебя утешением своим имеют; они тебе подпорой,

¹⁰⁴⁷ Нума Помпилий, или Процветающий Рим // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Т. XII. М.: Унив. тип., 1803. С. 16–17.

¹⁰⁴⁸ Там же, с. 30.

честью и славою служат»¹⁰⁴⁹. Эгерия советует «учредить законы, на естестве основанные», не забывая напомнить: тщетно давать народу законы, если вначале не привлечь подданных «к любви своего отечества, к любви своего ближняго, и к любви богов, главнейшей добродетели человеческой».

Подобно Фенелону, Херасков указывает на важность личного примера монарха во всех государственных делах, на необходимость искусно выбирать советников и приближенных, на высокую значимость воспитания детей. Кроме того, Херасков страстно обличает захватнические войны и подчеркивает благотельность земледелия, позволяющего смягчить и исправить грубые, воинственные нравы (обличения войны в «Нуме» оказались столь пространны, что Хераскову пришлось сделать специальное пояснение: военная храбрость все-таки остается добродетелью, если она связана с защитой отечества).

Вполне фенелоновские аргументы приводил и М. М. Щербатов, обрисовывая пути дегенерации российской формы правления в известном памфлете «О повреждении нравов в России» (конец 1780-х гг.). Доводы, которые здесь приводит Щербатов, демонстрируют сильное влияние Фенелона¹⁰⁵⁰. Под «повреждением нравов» Щербатов подразумевает гибель добродетели под давлением коррупции и коммерции: в начале памфлета он перечисляет различные формы морального «повреждения», которые затрагивают различные виды универсальной добродетели: веру, правосудие, отношения родителей с детьми и супругов, дружбу, верность монарху и, наконец, любовь к отечеству¹⁰⁵¹. Все эти добродетели оказываются извращены ростом роскоши и «сластолюбия» – неприятными и неизбежными следствиями происшедшего при Петре открытия торговли с Европой, втягивания России в мировую торговлю и притока в страну роскошных товаров. Таким образом, именно отсутствие в допетровской России роскошных дворцов, карет и одеяний, дополненное культивированием родовой гордости аристократов, виделось Щербатову важнейшей причиной «благородной гордости бояр», которые оставались «верными, усердными и твердыми слугами» государей. Наряду с фигурами допетровских времен Щербатов называет и петровских сподвижников – Б.А. Голицына, П.И. Прозоровского,

¹⁰⁴⁹ Нума Помпилий, или Процветающий Рим. С. 39.

¹⁰⁵⁰ Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. С. 173–174.

¹⁰⁵¹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 415–416.

Б.П. Шереметева, Я.Ф. Долгорукова. Их твердость и мужество Щербатов характеризует как «остатки древнего воспитания и древнего правления».

Щербатов был далек от того, чтобы однозначно назвать Петра I виновником падения. Его оценка петровских преобразований оставалась противоречивой: Щербатов высоко оценивал совершившееся при Петре приобщение России к европейскому Просвещению, создание современных армии и флота, триумф в тяжелейшей Северной войне. С другой стороны, в вину Петру он ставил снисхождение к порокам фаворитов (прежде всего, А.Д. Меншикова), разрыв с Е.Ф. Лопухиной. Однако «повреждение нравов» постпетровской России имеет более глубокие основания. И если Петр I еще старался личным примером удерживать подданных от морального разложения, то его преемники уже не отличались ни «твердостью», ни высокой моралью и сами оказались двигателями «повреждения нравов».

Двигателем падения выступает сластолюбие, «ибо оно рождает разныя стремительныя хотения, а дабы достигнуть до удовольствия оных, часто человек ничего не щадит»¹⁰⁵². Роскошь почти автоматически превращает государственных мужей в безответственных эгоистов, «ласкателей» и «временщиков». А «повреждение нравов» приводит к тому, что у людей «несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконец несть твердости духу, дабы не токмо истину пред монархом сказать, но ниже временщику в незаконном и зловердном его стремлении попротивиться»¹⁰⁵³.

В своих критических инвективах Щербатов охотно использовал греко-римскую образность, связанную с республиканской традицией. Трактат «О повреждении нравов в России» начинается с упоминания о том, что Цезарь опасался аскетичных и чуждых роскоши Брута и Кассия; Щербатов делает вывод о том, что «не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вольность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности»¹⁰⁵⁴. Соответствующий фрагмент, скорее всего, заимствован из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха¹⁰⁵⁵ (если это так, то Щербатов несколько

¹⁰⁵² Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 416.

¹⁰⁵³ Там же, с. 416.

¹⁰⁵⁴ Там же, с. 416–417. Этот эпизод приводится в жизнеописаниях Цезаря и Брута, сделанных Плутархом. Впрочем, Щербатов мог заимствовать эпизод как непосредственно из текста Плутарха, так и из любого вторичного исторического сочинения.

¹⁰⁵⁵ Сюжет упоминается сразу в трех разных биографиях – Цезаря, Брута и Антония: «Получив донос о том, что Антоний и Долабелла замышляют мятеж, он сказал: “Я не особенно боюсь этих длинноволосых толстяков, а скорее – бледных и тощих”, – намекая на Кассия и Брута» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 197).

дополнил мысли античного автора). Однако Щербатов был, по-видимому, знаком и с сочинениями Тацита. В первом томе «Истории российской» Щербатов, скрупулезно отслеживая в исторической литературе упоминания о сарматах (которых он считал предками славян), дважды ссылается на «Анналы» Тацита (кн. VI и XII) – в сюжетах «Сарматы помогают Парфянкам и Армянам» и «Сарматы помогают Ваниниусу, царю Свевскому, против его племянников»¹⁰⁵⁶. Конечно, всякий раз им предшествуют ссылки на другие труды, на которые Щербатов в целом ссылался чаще – это сочинения историков Л.-С. Тиллемона или Ж. Кревье¹⁰⁵⁷. Ведь в отношении, например, сюжета о свевах Щербатов практически полностью повторяет текст Тацита¹⁰⁵⁸, тогда как в тексте Тиллемона сарматы вовсе не упоминаются¹⁰⁵⁹. А потому можно с уверенностью говорить о глубоком знакомстве Щербатова с «Анналами»¹⁰⁶⁰.

Будучи знаком с текстами Плутарха и Тацита, Щербатов хорошо представлял себе республиканские коннотации образов последних защитников «вольности», Брута и Кассия. Брут упоминается Щербатовым и в «Рассуждениях о законодательстве вообще», однако здесь это – предполагаемый предок убийцы Цезаря, деятель ранней республики, изгнавший Тарквиния Гордого, а затем пожертвовавший ради свободы Рима своими сыновьями. Вместе с другими государственными мужами Римской республики – Цинциннатом, Эмилием Павлом, Фабием Максимом и Марцеллом – он служит примером политика аристократической формы правления, которую Щербатов, видимо, считал лучшей (примерами политиков демократии, «народного правления», в этом же тексте выступают Перикл, Цезарь и Кромвель!)¹⁰⁶¹. Прекрасное знакомство с греко-римской традицией Щербатов демонстрирует и в письме к сыну, Д.М. Щербатову, от 11 июня 1775 г. Здесь он называет в качестве образцов патриотизма таких древних героев, как Фемистокл, Леонид,

¹⁰⁵⁶ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. В 7 т. Т. 1. СПб.: Изд. Императ. Акад. наук, 1771. С. 34–35.

¹⁰⁵⁷ Русский перевод работы Ж. Кревье «История о римских императорах с Августа по Константина», выполненный В.К. Тредиаковским, был издан в Санкт-Петербурге в 1767–1769 гг.

¹⁰⁵⁸ Корнелий Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, 1969. С. 206–207.

¹⁰⁵⁹ Tillemont L.-S., de. Histoires des Empereurs. T. I. Paris: Charles Robustel rue S. Jacques, au Palmier, 1740. P. 265–266.

¹⁰⁶⁰ Скорее всего, во французском переводе.

¹⁰⁶¹ Щербатов М.М. Рассуждения о законодательстве вообще // Щербатов М.М. Сочинения. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд. кн. Б.С. Щербатова, 1896. С. 387.

Сократ (который «не захотел бежать и преступить законы его отечества»), отца и сына Дециев, семейство Фабиев и Марка Регула¹⁰⁶².

Как отмечает исследователь предреволюционной публицистики английских колоний в Америке Б. Бейлин, сочинения Саллюстия «составляли неисчерпаемый кладезь апофегм и грозных предвещаний о последствиях общественного разложения»¹⁰⁶³. Возможно, последние годы царствования Елизаветы, вызывали у современников «римские» аллюзии. Ведь еще в 1759 г. Щербатов создал «Разговор между двух друзей о любви к отечеству», где один из героев, Филопатрис¹⁰⁶⁴, произносит целый монолог, посвященный обличению положения дел в России и напоминающий критические описания императорского Рима¹⁰⁶⁵. В 1754 г. А.П. Сумароков в прозаическом «Слове» на рождение Павла Петровича сопровождал наставления младенцу «примерами из Древнего Рима периода упадка»¹⁰⁶⁶. Вполне возможно, что не случайно именно в 1759 г. В. И. Крамаренков подготовит переводы сочинений Саллюстия Криспа – «Заговор Катилины» и «Югуртинская война» (правда, опубликованы они будут только в 1769 г. под общим заглавием «Войны Каталинская и Югурфинская»¹⁰⁶⁷).

Нужно согласиться с выводом российского исследователя В.С. Рыжкова: «Обличения Щербатовым “повреждения нравов” в эпоху правления последователей и последовательниц Петра касаются не только частной морали отдельных лиц, они имеют вполне определенный политический смысл. Трактат “О повреждении нравов в России” – это трагическое предупреждение об опасности “упадка и разрушения” Российской империи, вслед за ее римской предшественницей, вследствие... одних и тех же причин – привыкания правящей элиты к безудержной роскоши, готовности ради своих частных выгод жертвовать интересами государства и даже своих собственных друзей и близких»¹⁰⁶⁸.

¹⁰⁶² Переписка князя М.М. Щербатова. М.: Дрвлекхранилище, 2011. С. 359-360. Далее в тексте письма Щербатов обращается к аналогичным примерам из отечественной истории, говоря о Д.М. Пожарском, В.И. Шуйском, а также о «знати», которая «помогла Петру Великому подавить мятежи и истребить стрельцов».

¹⁰⁶³ Бейлин Б. Идеологические истоки американской революции. М.: Новое издательство, 2010. С. 90.

¹⁰⁶⁴ Говорящее имя, в переводе с греческого означающее «Отечестволюбец».

¹⁰⁶⁵ Щербатов М.М. Разговор между двух друзей о любви к отечеству // Ученые записки ЛГУ. 1968. № 339 (72). С. 203–204.

¹⁰⁶⁶ Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛЮ, 2006. С. 67.

¹⁰⁶⁷ См.: Степанов В. П. Крамаренков Василий Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. (К–П). СПб: Наука, 1999. С. 140.

¹⁰⁶⁸ Рыжков В.С. Неотвратимы ли «упадок и разрушение» Российской империи? Историческое мировоззрение Михаила Щербатова и классическая циклическая концепция времени // Философский век. Альманах. Вып. 34. Человек в философии Просвещения. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2008. С. 150–151.

Конечно, рассуждения Щербатова о коррупции в Российской империи приводят на память классическое сочинение Монтескье на сходную тему – «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734). Однако Щербатов вовсе не следует тем аргументам, с помощью которых описывает коррупцию Римской республики Монтескье. Как полагает Щербатов, причиной морального разложения в России XVIII столетия стал не *приток денег*, но *рост коммерции*. Между тем, Монтескье был сторонником распространения коммерции, поскольку коммерческий обмен был для него тесно связан с понятием о цивилизованности.

По выражению Дж. Покока, политическая философия XVIII в., и в том числе – философия Монтескье, превращала *добродетели* (virtues) в изысканные *манеры* (manners)¹⁰⁶⁹. Монтескье – чьи взгляды на роль коммерции И. Гонт называет «нео-кольтертистскими» – считал коммерцию одним из мощных социальных инструментов, удерживающих монархические формы правления от сползания к деспотизму; коммерция очищает нравы и цивилизует людей, а впечатляющая мобильность коммерции, бегущей с помощью векселей за границу от принуждения со стороны государей, служит гарантом от произвола¹⁰⁷⁰. Развитие коммерческого обмена и производства является путем к очищению нравов и, в конечном счете, к переходу от военизированного варварства к цивилизованному сосуществованию торговцев и производителей (хотя и не исключал связи между торговлей и войной¹⁰⁷¹), решительно различая военное величие в духе древнего Рима и торговое доминирование в стиле древних Афин или современной ему Великобритании. Описание упадка римлян в «Рассуждениях» Монтескье заключалось именно в том, что рост республики и последовавший приток денег вступили в противоречие с республиканским принципом – добродетелью (и, напротив, не повредили бы расширяющейся коммерческой монархии, основанной на принципе чести): «С величием владения возрасли и стяжания частных. Но как довольствие состоит во нравах, а не в богатстве, то оное, преступая непрестанно должные пределы, произвело у Римлян роскошь и разточение, которыхы превышали меру. которых нравы с начала развращены были чрез богатство, те извели потом то же самое от своей бедности. Имея не по мере простаго состояния сокровища трудно было наблюдать должность хорошаго гражданина»¹⁰⁷². Между тем – как писал

¹⁰⁶⁹ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 72–74.

¹⁰⁷⁰ Подробнее об этом см.: Shklar J. Montesquieu. Oxford: Oxford University Press, 1987; Howse R. Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // Brooklyn Journal of International Law. 2006. № 31. P. 1–16.

¹⁰⁷¹ Howse R. Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace // Brooklyn Journal of International Law. 2006. № 31. P. 2.

¹⁰⁷² Размышления о причинах величества римского народа и его упадка. СПб.: Имп. Акад. наук, 1769. С. 114.

Монтескье уже в трактате «О духе законов» – «чем меньше роскоши в республике, тем она совершеннее»¹⁰⁷³.

Однако Щербатов полностью проигнорировал соображения Монтескье о различиях между республикой, для которой роскошь опасна, и монархией, для которой она желательна. Об этом говорит ссылка на римскую историю в самом начале описания «повреждения нравов» в России – Щербатов вспоминает римских тиранборцев Брута и Кассия, последних защитников республики, вызывавших подозрение у тирана Цезаря именно своим презрением к роскоши. У Щербатова источником «повреждения нравов» оказался приток товаров, появление которых пробудило дремавшее до того «сластолюбие», главный человеческий порок. Сластолюбивый человек, согласно Щербатову, не может быть «твердым», поскольку его всегда страшит перспектива лишиться предмета своего вожделения. Такое отсутствие способности управлять своими страстями имеет социальное происхождение – его стимулирует появление новых и новых товаров, которые возбуждают сластолюбие; однако с другой стороны Щербатов здесь ведет речь о «твердости» как об универсальной моральной ценности и о сластолюбии как об универсальном пороке. Деспотия является следствием коррупции, порождаемой роскошью; в данном случае мы не можем согласиться с С. В. Польским, полагающим в своем анализе щербатовского памфлета, что у Щербатова «падение нравов в обществе есть следствие перехода от монархии к самовластью»¹⁰⁷⁴. Напротив, появление плохого государя обусловлено развитием коррупции, провоцируемой притоком роскошных товаров.

Анализ Щербатова вовсе не был «брюзжанием недовольного старика» (а ведь именно так назвал трактат «О повреждении нравов в России» А. И. Герцен). Напротив, в истории отечественной политической мысли XVIII в. мы можем обнаружить множество аналогичных риторических ходов. Критика роскоши и расточительства, ведущих к деспотизму и опустошению, являлась трендом российской политической мысли и без влияния Щербатова – трендом, в огромной степени обусловленным влиянием Фенелона.

Так, в предисловии к трактату М. фон Мозера «Der Herr und der Diener, geschildert mit patriotischer Freiheit» (1759, издан в переводе в 1766 г.) роскошь атаковал Я. П. Козельский, противопоставляя ее трудолюбию и общественной пользе: «В том спорить не лзя, что

¹⁰⁷³ О разуме законов... С. 194.

¹⁰⁷⁴ Польской С.В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26-29 апреля 2002 года. Самара, 2002. С. 173.

почтенным особам надобно, для украшения и славы обществу, употреблять великолепие, но умеренное и сходствующее с каждого достоинством, а не излишнее <...> Ежелиб за такую праздность, неумеренную роскошь и другия излишества и пороки наказываны были виноватые денежным штрафом, то бы чрез то доходы в областях могли довольно увеличиться праведным и законным образом; но жаль, что противное тому делается на свете, и во многих областях собираются подати с людей за земледелие, художества и другия полезные дела»¹⁰⁷⁵.

А. П. Сумароков оставил критические замечания о роскоши в статье «О домостроительстве» (1759): помещик, алчущий чрезмерного обогащения – «доморазоритель», «изверг природы», «невежа и во Естественной истории и во всех науках» и, наконец, «тварь безграмотная». По мнению Сумарокова, важнейшим из занятий является земледелие, поскольку «не только суконные дворянские заводы; но и сами Лионские шелковые ткани <...> Франции меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповать должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян»¹⁰⁷⁶. Конечно, каждая социальная группа заслуживает определенной роскоши в соответствии с ее местом в социальной иерархии: «Должно жити мещанину пышнее поселянина, дворянину мещанина, Государю дворянина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможа; ибо от вельможи больше разсудка требуется, а не прожорливости»¹⁰⁷⁷.

Своеобразные дебаты о роскоши – с участием, что интересно, самого М. М. Щербатова! – развернулись среди российской интеллектуальной и политической элиты в середине 1770-х гг., когда генерал-прокурор А. А. Вяземский, обеспокоенный ухудшением положения российской коммерции на фоне военных тягот, в 1774 г. представил Екатерине II подробный доклад о состоянии внешней торговли империи¹⁰⁷⁸. Обсуждение доклада Вяземского проходило в комиссии о коммерции, действовавшей с 1763 г. В фокусе внимания участников обсуждения оказалась проблема роскоши.

И здесь-то Щербатов (поддерживая мнение Вяземского, находившего, что торговля роскошными товарами нуждается в ограничении, и полемизируя с позицией главного

¹⁰⁷⁵ Государь и министр книга, сочиненная господином Мозером. СПб.: Тип. Акад. наук, 1766. С. 5–6.

¹⁰⁷⁶ Сумароков А. П. О домостроительстве // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. X. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. С. 180–181.

¹⁰⁷⁷ Там же, с. 179.

¹⁰⁷⁸ Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. С. 130–135.

директора таможен Э. Миниха, настаивавшего, что роскошь не является угрозой¹⁰⁷⁹) представил детальный анализ роскоши в специальном «Мнении», поданном в комиссию о коммерции в 1774 г.: «Я под именем роскоши разумею излишнее употребление не токмо вещей служащих к приобретению некоторого спокойствия и самого тщеславия; но также и тех, которые естественно к сохранению жизни человеческие нужны, получает же она свое начало от неравности имуществ; ибо надлежит, чтобы богатые издерживали для приобретения бедным пропитания»¹⁰⁸⁰. Нужно ли в таком случае бороться с роскошью? Щербатов полагает, что для богатых государств («какова есть Россия»)¹⁰⁸¹ роскошь необходима в качестве мотиватора дворянской службы, купеческой активности и вообще производства; «как нужда есть родительница всех изобретений, то, можно сказать, роскошь есть питательница оных»¹⁰⁸². С другой стороны, Щербатов немедленно заявляет, что этим заявлением он вовсе не оправдывает производимого роскошью «повреждения нравов», после чего приводит пространное описание распространения роскоши по стране, чрезвычайно похожее на те описания, которые содержатся в памфлете «О повреждении нравов в России». В заключение Щербатов советовал «учредить и исправить все те узаконения, которыя противны вольности торговли», а также «постараться пресечь

¹⁰⁷⁹ Миних, не обозначая своего отношения к роскоши, язвительно замечал по поводу ограничительных предложений Вяземского, что «похвалил бы его ревность, если б у него предметом было исправление нравов, но как она клонится только к предохранению Короны от претерпеваемых ею убытков на денежных своих переводах; то опасаясь, чтоб употребление такового средства не причинило ей вреда гораздо чувствительнейшаго в отношении ея доходов». Заметив, что запрет роскоши не дал бы эффекта, поскольку «в том государстве, где склонность к расточению всякаго почти звания людьми овладела», богатые всегда найдут способ добыть предметы роскоши, Миних видел решение в увеличении производства внутри России (Примечания тайного действительного советника графа Миниха на некоторые пункты, находящиеся в разсуждении господина генерала прокурора о поправлении баланса российской торговли (перевод с французского) // Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. С. 20–21).

¹⁰⁸⁰ Мнение члена Комиссии о коммерции князя Щербатова по тому же предмету / Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. С. 38.

¹⁰⁸¹ Здесь Щербатов, скорее всего, следует анализу Монтескье: «Вообще сказать, чем беднее государство, тем оно больше чрез свою относительную роскошь разоряется; и следовательно, тем больше надобны в нем относительные законы на роскошь. Чем государство богаче, тем больше относительная роскошь его обогащает; а по тому весьма надлежит остерегаться вводить в оное относительные законы на роскошь» (О разуме законов. С. 170). Россия – «богатое» государство по Щербатову и, значит, нуждается в роскоши. В этой же главе Монтескье ссылается на шведский пример законов против роскоши, вводимых с целью выправления торгового баланса – пример, о котором говорит и Щербатов. То же мнение Щербатов приводит и в «Замечаниях»: «Искоренение сластолюбия и роскоши полезно бедным государствам, а богатые без роскоши обнищают».

¹⁰⁸² Опять-таки, следует указать на мнение Монтескье как на вероятный источник подобной аргументации: «Как по установлению самодержавных правлений богатства в них не равно разделены, то весьма надлежит в них быть роскоши. Если богатые не будут там много проживать; то бедные помрут с голоду. По чему и надлежит, что бы богатые проживали там по мере неравенства имений; и что бы, как я уже и выше сказал, роскошь умножалась по мере того самого неравенства. <...> Таким образом ради сохранения в неподвижности самодержавного правления надлежит роскоши идти возростая так, что бы земледелец становился художником, купец дворянином, чиновник знатным человеком, первейший откупщик достигал бы княжеского достоинства, а без того все погибнет» (О разуме законов. С. 167). Ср. также с мнением Фридриха II, высказанным в «Анти-Макиавелли»: «Ибо что для одного великаго Королевства наилучше способствует, то сие в малом Государстве со вредом бы употреблено быть могло. Равно и щедроты, проистекающия от изобилия и распространяющия свое богатство по всем другим государства членам, приводят великое государство в цветущее состояние» (Анти-Макиавель. С. 128–129).

излишнюю роскошь, не такую, которая способствует трудолюбию и обращению денег внутри Государства, но ту, которая в долг чужестранным Государство вводит»¹⁰⁸³.

Вполне возможно, что не случайно в 1775 г. на русском языке была опубликована статья Д. Юма «Of Refinement in the Arts» (1742), в которой британский мыслитель решительно защищал роскошь и коммерцию от критики, стараясь в то же время выработать более эффективную и приемлемую позицию, чем аргументы Б. Мандевиля («частные пороки, публичные добродетели»). По мнению Юма, роскошь не только совместима с добродетелью, но и способна ее увеличивать; следовательно, коммерческие нации, усердно развивающие «новую» добродетель, связанную с «утонченностью» (refinement) нравов, смогут превзойти своей добродетелью древних¹⁰⁸⁴. Кроме того, Юм отказался считать роскошь причиной упадка Римской республики, возложив вместо этого вину на «скверно организованное правление (an ill modelled government) и безграничную жажду завоеваний». В конечном счете, по мнению Юма, «если мы рассмотрим вопрос в надлежащем свете, мы обнаружим, что прогресс в искусствах скорее благоприятен для свободы и имеет естественную тенденцию сохранять, если не создавать, свободное правительство»; в то время, как «грубые нации» с аграрной экономикой населены лишь ленивыми, неумелыми рабами и надменными, деспотичными господами, те страны, где «роскошь вскармливает коммерцию и производство», наслаждаются свободой и процветанием¹⁰⁸⁵.

В том же 1775 г. на русском языке был опубликован перевод статьи «Роскошь» из «Энциклопедии» авторства Ж. Сен-Ламбера¹⁰⁸⁶ (перевод этот был в 1780 г. прочитан Н. А. Демидовым, оставившим в своем экземпляре книги запись: «Сожелительно, что вкусная правда да немного писана»¹⁰⁸⁷); Сен-Ламбер решительно отвергал как критику, так и похвалу роскоши, настаивая на том, что при умеренном использовании роскошь полезна¹⁰⁸⁸. В сходном духе говорит о роскоши и коррупции Щербатов в памфлете «О повреждении нравов в России» (1785). Когда воцарится добродетельный монарх, «каждый сократится в свое состояние, и торговля уменьшением ввозу сластолюбие побуждающих чужестранных товаров, а отвозов российских произведений процветет. Искусства и ремесла

¹⁰⁸³ Мнение члена Комиссии о коммерции князя Щербатова по тому же предмету // Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. С. 41.

¹⁰⁸⁴ Susato R. Hume's Nuanced Defense of Luxury // Hume Studies. 2006. Volume 32, № 1. P. 174–177.

¹⁰⁸⁵ ; Hume D. Of Refinement in the Arts // Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary. Indianapolis: Liberty Fund, 1987. P. 127–129.

¹⁰⁸⁶ Encyclopedie, ou dictionnaire raisonne des sciences. T. 9. Paris: Briasson, David, Le Breton, Durand, 1751. P. 763–771.

¹⁰⁸⁷ Пирогова Е. П. Библиотека Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: Сократ, 2000. С. 179.

¹⁰⁸⁸ Encyclopedie, ou dictionnaire raisonne des sciences. T. 9. P. 771.

умножатся, дабы внутри России соделать нужное к пышности и великолепию некоего числа людей»¹⁰⁸⁹.

И в то же время, когда в комиссии о коммерции шли дебаты о роскоши, а русский перевод статьи Юма на ту же тему готовился увидеть свет, Екатерина II издает манифест «О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь» (1775), стоящий особняком в российском законодательстве XVIII, ориентированном на регулирование потребления роскоши¹⁰⁹⁰. Дав предписания относительно того, каким статусам соответствуют те или иные экипажи и ливреи, императрица завершала манифест пространным увещанием: «При окончании милостивого и попечительного сего нашего постановления, устроенного на первый случай для пользы дворянства, имеем к сему прибавить монаршее наше милосердное увещание, дабы всяк и каждый, сколь возможно, старался удалить от себя все излишние и ненужный, всякого рода дворянство разоряющая, роскоши; ибо вообще краса и украшения дворянина не суть и никогда быть не могут наружные украшения, как-то богатые одежды, или несходственные с достатком экипажи или великолепные убранства домов, или содержание излишнего и многого числа праздных служителей в доме, на век от пашен отлученных, где бы они полезнее для господина, для себя и для общества быть могли».

Манифест противопоставлял роскошь и добродетель, одновременно связывая добродетель с активной жизнью ради общего блага: «Безвременные таковые пышности не влекут за собою кроме разорения дворянских домов и отводят дворянина, а наипаче в молодости, от настоящей благородного звания его обязанности и следовательно от того справедливого блистания, которое неминуемо приобретается оказанными отечеству полезными заслугами, без которых весь век едва ли не остается свету в безызвестности, обществу без пользы, фамилиям благородным не к приращению и не к умножению почести, буде самолично иных мотовство не погружаешь в различные неистовства совсем противные чести и следовательно породе их. <...> В конечном счете, предки дворян, отважно служа, жили «в умеренности, довольствуясь своим достатком» и «не стараясь друг перед другом щеголять, как только добродетелью и у которых честь и честность благородству подпорою были даже до того, что стыд почитался несноснейшим наказанием, а нарушение какого ни

¹⁰⁸⁹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 477.

¹⁰⁹⁰ См.: Галай Ю. Г. Российское законодательство XVIII – XIX веков о роскоши // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 66–70.

на есть долга, обязательства и данного слова поноснейшим стыдом»¹⁰⁹¹. Впрочем, Щербатов, критикуя екатерининский «Наказ», назвал эти законы «ненужными», практически повторив мнение мармонтелевского Велизария: «Хотя я весьма отдален быть защитником роскоши и сластолюбия, но не могу однако без удивления видеть в некоторых государствах обнародованные законы против роскоши, тогда, когда примерами почти тщатся ее побуждать и строгое наблюдение, как кому ездить и что кому носить тогда, когда главнейшие законы без правосудия остаются»¹⁰⁹².

В проекте манифеста, подготовленном братом Н. И. Панина, генералом П. И. Паниным, для Павла Петровича был с поразительной точностью воспроизведен лейтмотив дебатов 70-х гг. XVIII в.: «Все то, что от Царствования незабвенной никогда памяти покойного прародителя нашего государя Петра Великого, вовлечено зловердного в Отечество Наше, какими соблазнами и чьими похитительными алчностью от захвативших доверенности Государей своих во злоупотребительное самовластие, и что оные зловердности окоренились в государстве Нашем до той степени, что большую часть сынов Российских совратили с коренного Россиянов праводушия, прежде утвержденного на страхе Божеских, естественных и гражданских законов, а развращением общего благонравия снизвергли всю святость законов частью в неисполнительное ослабление, а частью и в совершенное попрание, предпочитая законам при всяких случаях собственную каждого корысть и домогательство до возвышения в чины не деятельными заслугами Отечеству и Государю, а ухищренными происками и угождениями страстям и требованиям захвативших силу в свое злоупотребление»¹⁰⁹³.

Тема непропорционально больших расходов, роскоши и коррупции была затронута в первых же пунктах входившего в «Прибавление» проекта манифеста, который Панин предлагал Павлу Петровичу опубликовать сразу по восшествии на престол. В пункте 4 этого проекта говорилось: «Да сохраняется во всех случаях по самому чистосердечию и праводушию подданническая верность к Государю и к Отечеству, с неприкосновенностью ни под какими видами для собственных корыстей и гнусного тщеславия к расхищению государства и ко введению примерами и развращениями зловердных соблазнов, противных

¹⁰⁹¹ Манифест. О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь // ПСЗ. Т. 20. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 14290. С. 101–102.

¹⁰⁹² Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 93.

¹⁰⁹³ Шумигорский Е. С. Приложение // Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907. С. 29.

истинам, добродетели, праводушию, благоденствию и мере собственным прожиткам противу годовых доходов каждого, ибо пред Нашими глазами расточивший собственное имение и ввергшийся в разорительные долги, лишает сам себя полной государственной доверенности и подвергается в большое сомнение на корыстные искушения»¹⁰⁹⁴. Ведь «вкоренившимся в Россию зловерностям» есть, по мнению генерала Панина, две причины – «выступление почти всеобщее прожитками беспредельными из всей меры благословенных каждому доходов» и «происшедшая из того алчность к беспредельным обогащениям на роскошные жизни и ко извлечениям себя из наживших роскошью пагубных долгов, первовстречающимися всякими способами по представляющимся соблазнам в расхищениях государственной казны, в мздоимствах с народа и со всех без исключения, до кого только кому доходить ухищрениями удастся». Поэтому всем подданным следует «возвратиться прожитками своими в меру только годовых своих доходов», ведь доверенностью монарха «к государственным употреблением» будут пользоваться лишь те, кто «по умеренным прожиткам есть добрые хозяева в своих домах, добрые мужья к женам, добрые отцы к детям и добрые господа к своим слугам»¹⁰⁹⁵. Логика этого текста П. И. Панина соответствует логике памфлета М.М. Щербатова, однако своим источником она имеет, скорее всего, традицию обличения роскоши в духе Фенелона или Мармонтеля.

Дебаты о роскоши воспроизводились и в отечественных морально-политических романах XVIII в. Ф. А. Эмин в «Письмах Эрнеста и Доравры» (1766) сурово критиковал пороки и роскошь больших городов. Во 2-м письме 3-й книги Эрнест дает советы Ипполиту, восхваляющему жизнь в деревне и бичующему разврат больших городов: «Простых мужичков всеми мерами оберегать надобно, чтоб корыстолюбия страсть в их не вкоренилась сердца. В противном случае они позабудут о своей должности; к земледелию утратят охоту, и будут единственно о том помышлять, чтоб без трудности и самым легчайшим образом набогатиться. Мне случалось быть в такой земле, в которой все жители имели охоту к великолепному строению. Тогда все мужички бросились к домостроительству; иные пошли в каменщики, другие в плотники, прочие в кузнецы и в слесари, так что земли пахать почти было некому; ибо узнав земледельцы, что в одно лето отесывая камень, могут столько выработать денег, сколько в два года от хлебопашества получить не могут, все пошли к

¹⁰⁹⁴ Шумигорский Е. С. Приложение С. 25.

¹⁰⁹⁵ Там же, с. 29.

строению домов, и в оной земли великой был недостаток в хлебе»¹⁰⁹⁶. Беспокойный характер людей, их (говоря языком Щербатова) «сластолюбие» открывает дорогу излишествам – в 3 - й книге «Писем» Ипполит рассуждает об этом так: «Кто хочет жить спокойно, тот должен быть доволен тем, что достать может, и что нужно для его содержания; но беспокойства рождаются по большей части от того, что человеки, не будучи своим состоянием довольны, ищут излишняго, и в то время впадают в такие подлости, что часто жертвуют своим покровителям всем своим имениям, а часто и своею честью, чтоб ненасытные свои удовольствовать желания»¹⁰⁹⁷.

Эмин затрагивал вопрос о роскоши и в политическом романе «Приключения Фемистокла» (1763), российском эквиваленте фенелоновского «Телемака». В этом романе Эмин представил несколько областей, иллюстрирующих тот или иной тезис: в их числе и добродетельная, земледельческая Эолия, жители которой «упражнялись больше всего в земледелии, и у них никогда дороговизны не бывало». Неокл заявил отцу, что совсем не видит в Эолии богатых людей из высших социальных слоев, на что получил ответ: «Многие чиновные люди суть беднейшие, нежели те мужички, которых ты видел в нашем проезде чрез Эоланския села сошником управлять: ибо простой крестьянин никогда никакого недостатку не претерпевает, потому, что кусок хлеба всегда у него готов и чего только он ни захочет, то все и имеет; потому, что он ничего такого не похочет, чего у него нет»¹⁰⁹⁸. Трудлюбивые, умеренные в потребностях поселяне противопоставлены как диким скифам (беднейшему народу мира, сплошь разбойникам и грабителям), так и афинянам, из-за склонности к роскоши залезающим в долги. В отличие от этих крайностей, «трудолюбивый земледелец никогда таким опасностям не подвержен, он сходствует с разумным Философом небольшим довольствующимся». Эмин приходит к выводу о том, что крестьянин полезнее, чем «физические и химические профессора», и что «науки человека весьма украшают, но похищают у него добродетель и свойство природы, которое в том состоит, чтоб всякаго ближняго почитать так как самого себя» (впрочем, министра Эмин ценит больше, чем «тысячу крестьян»). На протяжении всего романа Фемистокл превозносит умеренность, хотя программы в духе фенелоновского Салента Эмин не предлагает; рекомендации по

¹⁰⁹⁶ Эмин Ф. Письма Эрнеста и Доравры. Ч. III. С. 36–37.

¹⁰⁹⁷ Там же, с. 161–162.

¹⁰⁹⁸ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла. С. 82.

поводу комерции, которые в изобилии дает Фемистокл персидскому царю Ксерксу, касаются главным образом преобладания вывоза продуктов «рукоделий» над ввозом.

В свою очередь, М. М. Херасков в романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) фактически воспроизвел фенелоновский Салент, описывая идеальное Мавританское царство, где под скипетром добродетельного царя Линаксара, доброго друга Кадма и Гармонии, свергнувшего когда-то чуть не погубившего эту страну собственного брата-тирана Хадема, процветает добродетель. Мавританцы не чуждаются иноземцев, напротив, они очень гостеприимны и радушны, открыты международной торговле – «Линаксар пресек вход в его державу единому только обольщению роскоши, могущему посеять разточительность, и нравы творить женоподобными... знал он, что сии блистательные ничтожности народ его к жадной купле приманить удобны, и Государство в постыдное истощение вовлечь могут; он приобретал на излишнее пшено и жито врачевательные злаки, в его земле не родящиеся»;¹⁰⁹⁹ роскошные предметы в Мавритании есть только в храмах богов¹¹⁰⁰.

Мир, воцарившийся в Мавритании – следствие «мужества, неустрашимости и добрых свойств Царя и подданных... ибо сей народ с самого юношества ко трудам и бдению приучался»¹¹⁰¹. Правда, у Мавритании уже и нет врагов, кроме хищных зверей, в схватках с которыми и закаляются юные мавритяне. Как и в случае с Нумой, Херасков использует солярную метафору. Линаксар – «светило» для подданных; он, «прогоняя тьму невежества, просвещал народ свой, остерегая его токмо от ложных блесков суемудрия, пагубу человеческим рассудкам причиняющего; но к истинному любомудрию преклонял его, к любомудрию вельможе и пахарю равно потребному»¹¹⁰².

По этим причинам моральные качества мавритян выглядят совершенными: «Весь народ, казалось, составлял едино семейство, едину мысль – едино сердце. Дружелюбие их доставляло им истинное сокровище, никогда не разточаемое; оно научало их друг для друга

¹⁰⁹⁹ Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. II. М.: Унив. тип., 1794. С. 227.

¹¹⁰⁰ Если в «Полидоре» Херасков в ряде случаев сурово обличает роскошь, то в «Нуме Помпилии» он фактически проигнорировал эту тему – лишь на последних страницах романа, говоря об искусстве Нумы вознаграждать добродетели и достоинства, отмечается: «Роскоши отгнаны были от его Престола; злато, придающее гордости человекам, поприал он своею умеренностию, и всякое излишество вредным для Монарха ему казалось» (Нума Помпилий, или Процветающий Рим. С. 154). В «Нуме» Херасков считает главной проблемой не роскошь и «стаслюбие», а суеверие и склонность римлян к войне; таким образом, оставаясь частично в пространстве фенелоновского монархизма, роман Хераскова одновременно приближается к концепции окультуривания и прогресса и к религиозному дискурсу политического богословия.

¹¹⁰¹ Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. II. С. 237.

¹¹⁰² Там же, с. 241–242.

бытии в жизни полезными». Прямое следствие этого – отсутствие в Мавритании нищеты и бедности: «Помощь ближним священной обязанностью у них почиталась; они не могли видеть Мавритянина пищи молящего; почитали собственную обиду иметь между собою неимущих и скудных членов общества»¹¹⁰³. Мавритяне напрямую связывали свое изобилие со своими добродетелями, считая последние причиной первого, больше того – «они чают, что праведное небо все сии дары похитит от них или уменьшит, ежели друг другу помощь их оскудеет»¹¹⁰⁴.

Наконец, нужно упомянуть и еще один роман, который можно отнести к числу морально-политических; речь о принадлежащем Щербатову «Путешествии в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» (1783-1784), шедевре отечественной утопии¹¹⁰⁵, написанном, увы, «в стол» (как и большинство щербатовских сочинений). Офирия – под именем которой скрывается утопическая Россия – победила роскошь. Один из офирских царей, Перега (то есть Петр Великий), найдя государство «непросвещенным и погруженным в варварство», провел реформы, то есть «учредил порядочное правление, учредил познание наук и военного искусства». Перега перенес столицу из древнего города Квамо (Москва) в расположенный на морском берегу коммерческий порт Перегаб (Петербург), который был возведен на болоте «противу естества вещей». Новая столица, населенная алчными придворными, превратилась в гнездо порока и начала разорять государство. Восшествие на престол другого мудрого государя, Сабаколы, положило конец коррупции; новый монарх смог с помощью постепенных реформ перенести столицу на старое место. Реформы ограничили рост городов – без ущерба для экономики, поскольку «не побудит торговлю многое число названных мещанами и впадших в роскошь людей, но побудит ее сельская жизнь, воздержанность и трудолюбие, которые конечно несравнительно менее, невзирая на все учреждения, в городах находятся, нежели в деревнях»¹¹⁰⁶. Во всех случаях Щербатов подчеркивает простоту быта офирцев (даже вельмож и начальников)¹¹⁰⁷. Правительство

¹¹⁰³ Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. II. С. 245.

¹¹⁰⁴ Там же, с. 243.

¹¹⁰⁵ Бугров Д. В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М. М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12. С. 275–291.

¹¹⁰⁶ Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 204.

¹¹⁰⁷ Например, господин С... так описывает производимый в Перегабе фаянс: «Смотрел я самую фаянсовую фабрику, о которой, колико знание мое постигает, скажу, что вещество очень хорошо, но в обработке, ни в образе сосудов ни в живописи, или резьбе, я не видал совершенства. Правда, что примета мое неудовольствие, смотритель сей фабрики мне сказал, что они имеют узаконение, чтобы не весьма стараться о резьбе и живописи, но токмо о доброте вещества, ибо сие истощение искусства знатных художеств может учинить дороговизну посуды и произвести роскошь, а фаянс не на

регулирует достаток каждого чина (а всего их четырнадцать), снабжая всех служащих жалованием; «все сии жалования для житья – не для сластолюбия – умеренные положены», и хотя законами роскошь не запрещена, но «лучшее житье в сравнении своего чина за бесчестье и за развратность нравов считается». Перегаб покрыт развалинами роскошных дворцов, в которые – чтобы хоть как-то поддерживать в городе жизнь – поместили полезные фабрики. Один из офирских собеседников г-на С... так суммировал вопрос о роскоши: «Я думаю, что во время вашего путешествия вы могли заметить, что хотя богатства и роскоши в народе нет, но нет и бедности <...> Вы, думаю, согласитесь со мною, что не великолепные здания и не тщетная пышность благосостояние народное составляют, но умеренность и довольствие в естественно нужных вещах»¹¹⁰⁸.

Противопоставление роскоши и добродетели с характерным акцентом на личном примере оказалось востребовано даже в политическом языке придворного панегирика – так, чиновник Сената, губернский секретарь и поэт С. В. Руссов в оде 1797 г. Павлу I говорит¹¹⁰⁹:

Ты вредной роскоши не любишь,
Разводишь с нею твой народ;
На кисти золота не губишь
И гонишь ухищренья мод.
<...>
И роскошь гнет не бич закона,
Но твой, твой собственный пример;
Ее ты прежде всех от трона
Прогнал, и двери ей запер.

Роскошь – против добродетели, город – против сельского хозяйства; дебаты о добродетели и роскоши вовсе не ограничивались вопросом о добродетелях государя. Анализ социальной механики добродетели воспроизводился и в отношении управления отдельными поместьями; фокус внимания перемещался от государя империи к господину имения, и речь

то делается, чтобы роскошь умножать, но чтобы дать нужные для спокойствия и удовольствия жизни человеческой сосуды» (Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую. С. 260).

¹¹⁰⁸ Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую. С. 289.

¹¹⁰⁹ Руссов С. В. Ода государю императору Павлу Петровичу на высокаторжественнейший день всевысочайшего его императорского величества на Всероссийский престол восшествия, 1797 года Ноября 6 числа, всеподданнейшей поднесенная Степаном Руссовым // Осмнадцатый век. Кн.4. М.: Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Восейкова, 1869. С. 486.

шла о сотнях маленьких Салентов. Дебаты по поводу социального статуса дворянства, развернувшиеся с середины XVIII в. в придворно-столичной сфере и продолжившиеся в публичной сфере – в екатерининской Уложенной комиссии, на страницах журналов и на подмостках театров – были в огромной степени связаны с противопоставлением добродетели и роскоши. Ярким примером этого является речь видного дворянского публициста конца XVIII в. Ф. О. Туманского (1757 – 1810), члена-корреспондента Академии наук и издателя журналов «Зеркало света» (на страницах которого он, в частности, одобрительно отозвался о «Приключениях Телемака» в переводе И. С. Захарова) и «Российский магазин». Туманский критиковал роскошь как главное препятствие для развития сельского хозяйства. В частности, он считал вредным денежный оброк, поскольку крестьяне, обязанные оброком, будут озабочены только тем, где бы найти денег. Это, разумеется, подтолкнет их искать заработка в городах; «от сего родится любовь ко праздности и роскоши, пренебрежение сельския жизни и следственно гибель общая». Не менее губительно для земледелия и «пристрастие к заведению пространных зданий» – таких, как «увеселительные дома», «пространные сады» в «неудобных местах» (громадные теплицы «снедают навоз без нужды и прибытка») и «заводы не у места». Равным образом разорительно и «обезлюдение деревни»; здесь Туманский имел в виду чрезмерное умножение «дворовых служб», которые «служат излишеству, роскоши, самомнению» и отвлекают рабочие руки от пашни¹¹¹⁰. Концептуальное противопоставление роскоши и умеренности, города и деревни воспроизводилось и в пространстве обсуждения социального облика дворянства.

Итак, в самых разных жанрах – от предисловия к переводу до журнальных статей, от административных записок до гневных памфлетов (написанных, правда, «в стол») – российская образованная элита дебатировала проблему социальной роли коммерции и роскоши. Критические инвективы по адресу этих пороков достаточно сильно отличались от проповеди христианской аскезы и презрения к стяжанию; в светском контексте роскошь была социальным феноменом, и задачей критике был не призыв к персональному совершенствованию и спасению души, но поиск путей для преобразования общества в

¹¹¹⁰ Г. Туманского речь о некоторых причинах препятствующих усовершенствованию хозяйства // Продолжение трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. XIX. СПб.: Тип. Императ. Сухопут. шляхет. кадет. корпуса, 1794. С. 315–320.

целом. Личные качества и личный пример монарха выступают важнейшим инструментом трансформации социума¹¹¹¹.

Можно сказать, что деспотизм в России даже наиболее критически настроенным авторам представлялся не столько историко-социальной константой, сколько потенциальной угрозой, процессом дегенерации, возникающей из-за распространения пороков. Пороки, в свою очередь, развиваются в обществе именно из-за коррупции, порождаемой роскошью и страстями; добродетель – это способность контролировать страсти и противодействовать роскоши. Именно роскошь (а не закон) при таком подходе оказывается в центре внимания, поскольку проблема исполнителей важнее проблемы законов. И вне зависимости от того, считали ли российские авторы Россию движущейся в сторону деспотии, проблема плохого и хорошего государей решалась с помощью фенелоновского глоссария, включавшего противопоставление *добродетели* и *роскоши*. Это означает, что при обсуждении вопроса о деспотии, российские авторы перемещались из «дискурса Монтескье» в «дискурс Фенелона», рассуждая о добродетельном государе, способном личным примером остановить процессы коррупции и разложения¹¹¹².

Добродетель и самоконтроль против роскоши и порока – обсуждение монархии сводилось в конечном счете к анализу этого противопоставления в категориях расцвета и упадка. Иными словами, государства возвышаются и гибнут в зависимости от того, насколько они способны поддерживать добродетель своих граждан.

Подобный взгляд на добродетель и коррупцию как на продукты социально-политических обстоятельств, обладающих светским характером и рационально познаваемыми причинами, и был в своей сути республиканским. Он восходит к «неоримской» или республиканской политической идеологии, к политической философии Аристотеля, Полибия и Цицерона, а также к выразительным описаниям Рима, сделанным Саллюстием и Тацитом¹¹¹³. Объединяющим началом для авторов республиканской

¹¹¹¹ Следует отметить, что текст Панина предназначался для единственного читателя – наследника императорского трона Павла Петровича. Возможно, этим и объясняется его подчеркнутое внимание к моральным качествам государя. Однако мы обнаруживаем сходную концепцию добродетели у Козельского, чей трактат был рассчитан на широкую аудиторию, и у Щербатова, вовсе писавшего «в стол». Это означает, что указанная моралистская риторика, возводящая личный пример монарха в абсолют, воспроизводилась в разных коммуникативных сферах.

¹¹¹² Здесь понятие «развращение» («повреждение») представляется собой эквивалент латинского слова «corruptio» (от глагола «corrumpo», обладающего широкой палитрой смыслов – «портить, повреждать, уничтожать, разлагать, соблазнять, развращать, истощать, приводить в упадок»). См., например: Corruptio // Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.

¹¹¹³ См.: Pocock J. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975.

традиции был страх перед утратой добродетели под давлением роскоши и чрезмерного обогащения, подобного тому разложению, которое имело место в древнем Риме. Например, английскую идеологию «кантри», набравшую популярность в Англии XVIII в., Дж. Покок описывает как «реакцию против роста банков и кредита ассигнаций, профессиональных армий и бюрократов, а также патронажа и политических машин». По мнению историка, «этим развивающимся явлениям были противопоставлены картины возвращения к старому, более чистому времени, общества, основанного на принципах, любой отход от которых стал бы разложением, и личностей, добродетель которых была укоренена в независимости от правительственного и социального процесса настолько, что только такая форма собственности на землю, как наследуемое свободное владение, могла гарантировать эту добродетель»¹¹¹⁴. Пространные и изощренные обличения коррупции и упадка нравов являются характерным признаком английской оппозиционной публицистики начала XVIII в., посвященной нападкам на могущественного главу правительства, Р. Уолпола. Стремительный рост английской экономики, сопровождавшийся биржевыми скандалами¹¹¹⁵, внушал опасения, а понятие коррупции оставалось инструментальным для европейской политической мысли XVIII столетия¹¹¹⁶.

Эту же концепцию обрисовывает – быть может, несколько упрощая – исследователь европейского либерализма Л. Зидентоп. По его мнению, Европа Нового времени знала две модели самоуправления, одна из которых восходила к средневековой Европе, а вторая – к греко-римской классике. Вторая модель в XVIII в. доминировала: «Большую привлекательность внезапно приобрел образ античных городов-государств, или полисов, – образ граждан-героев, собирающихся для обсуждения общего блага, голосования по спорным вопросам или, в случае необходимости, защиты своего города в составе добровольного ополчения... Европейцы ждали удовлетворения тех своих чаяний, которые позволили Аристотелю за два тысячелетия до этого заявить, что жизнь активного гражданина – это единственно достойная жизнь. Именно поэтому возникшая жажда самоуправления нашла в Европе свое выражение не в терминах, ассоциировавшихся с

¹¹¹⁴ Pocock J. Review: Virtue and Commerce in the Eighteenth Century // Journal of Interdisciplinary History. 1972. Vol. 3. No. 1 (Summer, 1972). P.128.

¹¹¹⁵ Финансовый крах «Компании южных морей» в 1720 г. произвел громадное впечатление на английскую интеллектуальную и политическую элиту, поскольку расследование выявило многочисленные случаи подкупа в парламенте и правительстве.

¹¹¹⁶ Smith D. Corruption and Eighteenth-Century Social Science: Mapping the Space of Political Economy // Studies in Eighteenth Century Culture. 2009. Volume 38. P. 261–276.

унаследованными от средневековья представительными институтами, а в понятиях, уходящих корнями в мир античных полисов, – в рассуждении о классическом республиканском строе и гражданстве <...> Главные опасности виделись в “роскоши” и “разложении”. В свою очередь, считалось, что стремление к роскоши неизбежно приводит к разложению общества, так как пристрастие к ней отвлекает граждан от их первой заботы – общественного блага»¹¹¹⁷.

Государь же обязан противостоять усилению роскоши и давлению порока, разнуздывающего страсти. Монарх-суперарбитр – такой, как Линаксар в Мавритании Хераскова или Сабакола в Офирии Щербатова – является источником правосудия, воздающим за добродетель и карающим за пороки. Но одновременно он наставляет подданных личным примером и противодействует распространению роскоши, в том числе – ограничивая коммерцию.

Описывая губительные последствия роскоши, российские авторы охотно пользовались фенелоновским языком. Но путь к российскому Саленту вовсе не был простым, поскольку критика роскоши была лишь одной из риторических манер, доступных российской политической и интеллектуальной элите для описания монархии. Существовал и альтернативный режим обсуждения вопроса о добродетели и роскоши, непосредственно связанный с провиденциальной риторикой и политикой вестернизации.

4.3. Культ процветания: гражданская добродетель, роскошь и прогресс

Современный исследователь И. Гонт суммирует дебаты о роскоши, развернувшиеся в Европе в 1-й половине XVIII в. следующим образом: «Для ее критиков роскошь была продуктом крайнего неравенства, принесением деревни в жертву городам, причиной депопуляции, врагом отваги, чести и любви к стране. Для ее защитников роскошь была средством для роста населения, повышения стандартов жизни, циркуляции денег, хороших

¹¹¹⁷ Зидентоп Л. Демократия в Европе. М.: Логос, 2001. С. 65.

манер, прогресса наук и искусств, и не в последнюю очередь – могущества народов и счастья граждан»¹¹¹⁸. В российском контексте вторая манера обсуждать роскошь, о которой говорит Гонт, дополнялась закрепленным в придворной панегирической культуре превознесением монарха-демиурга, своей мудростью и героизмом как бы творящего Россию заново. Культ Петра Великого, начавший формироваться еще в начале XVIII в., был окончательно закреплен в панегирической литературе при Елизавете Петровне, в 1740-е гг., став фундаментом для дальнейшего развития панегирика. Крупнейшие придворные ораторы – иерархи православной церкви, а также поэты – авторы од, производили похвалы по адресу Петра и его преемников, создателей армии, флота, городов, торговли, искусств и наук в России.

Важной частью панегирического канона было прославление Петра как творца *новой экономики* России. Еще Гавриил (Бужинский) в проповеди 1723 г. провозглашал: «Возведи еще, Российский Сионе очи твои и виждь умножающиеся учения свободныя, математфические, медицинския, инженерския, артилерийския, геометрические, навигацкия, ихже прежде не токмо не имела еси, но ниже о именах их слышала, и со удивлением разсуди, коль скоро вкореншася... Возведи очи твои и виждь прекрасная архитектурная строения, преславныя всякия механические дела, дивныя мануфактури! Всеми ныне изобилуеши, всего семя и корень имаши»¹¹¹⁹.

В проповеди 1743 г. архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич) называл в числе великих деяний Петра не только создание регулярных армии и флота, но и организацию *новой экономики*: «Кого имеем Перваго Начинателя различных механик, фабрик и архитектур, и прочих заводов государству нашему весьма полезных: ПЕТРА ВЕЛИКАГО»¹¹²⁰. Равным образом и епископ Псковский и Нарвский Стефан (Калиновский) называл в проповеди 1744 г. среди главных деяний Петра «заводы железныя, медныя, серебряныя», «фабрики шелковыя, суконныя, полотняныя, бумажныя» и «другая прежде в

¹¹¹⁸ Hont I. The early Enlightenment debate on commerce and luxury // The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 380.

¹¹¹⁹ Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-ой раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии Его императорской фамилии, Синода и Сената и многочисленного народа // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 508–509.

¹¹²⁰ Слово в день чудеснаго на Родителский Всероссийский Престол Ея Императорскаго Величества возшествія Елисаветы Первыя <...>. В присутствии Ея ж Императорскаго Величества проповеданное Синодалным Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Новгородским. М.: Моск. тип., 1744. С. 24.

России небывалая преизрядная художества»¹¹²¹. Сходные замечания делал в 1750 г. епископ Суздальский Порфирий (Крайский) – его текст мы уже приводили в главе второй настоящего исследования¹¹²².

М. В. Ломоносов в знаменитой оде Елизавете Петровне 1747 г. также превозносил деяния Петра, теперь сведя их до двух основных достижений: армия / флот и *новая экономика*, причем в данном случае – экономика, основанная на научных познаниях, создание которой Петр завершить не успел и которую теперь предстоит воссоздать его дочери. Ломоносов описывает громадные пространства и географическое разнообразие елизаветинской России, подчеркивая, как науки и искусства извлекут из них ресурсы и приведут к процветанию производства и торговли¹¹²³. Духовные и светские панегиристы, конечно, не занимались политической экономией специально, однако значимость экономических преобразований постоянно прославлялась в панегирической придворной литературе. Культ преобразований, культ «новой России» был характерен для этого коммуникативного контекста, а производство и коммерция входили в число наиболее важных плодов этих преобразований. Сходная манера речи была примерно в то же время выработана и в среде придворных администраторов, которые, рассуждая о торговле и производстве, помещали экономику в число наиболее важных преобразований Петра и его преемников, четко маркируя различие между «старой» и «новой» Россией.

Например, В. Н. Татищев в «Представлении о купечестве и ремеслах» (1748) четко определяет: «Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделиям и доброго состояния купечества». «Рукоделия» Татищев сравнивает с желудком, а купечество – с сердцем, гонящим ко всем членам тела кровь с питательными соками: «Где рукоделия и купечество в добром состоянии, тамо все жители земские, крестьяне и пр. богаты и довольны <...> Следственно, все доходы государственные, какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят»¹¹²⁴. Татищев включил в «Представление» исторический очерк по

¹¹²¹ Слово в день Торжественного Возшествия на родителский Императорский Престол Благочестивейшая Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны <...> в Придворной Церкви проповеданное Святейшаго Правительствующаго Синода Членом Преосвященным Стефаном Епископом Псковским и Нарвским, 1743 года Ноября 25 дня. М., 1744. С. 5.

¹¹²² Слово в высокоторжественный день вступления на Всероссийский престол Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. С. 10–11.

¹¹²³ Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 115–121.

¹¹²⁴ Татищев В. Н. Представление о купечестве и ремеслах // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 392.

истории российской политики в отношении купечества, начав его со времен князя Олега; история эта, впрочем, заключается в перечнях мер, которые тот или иной правитель предпринимал для увеличения торговли и «рукоделий». Дважды – после Алексея Михайловича и после Петра Великого – Татищев упоминает о том, что достижения в области торговли и «рукоделий» были уничтожены «от злостных и ненасытных лакомством правителей». Таким образом, у Татищева торговля и производство являются результатом преобразовательной деятельности государя и одновременно – важнейшей частью общего блага.

Сходным было мнение секретаря Сената Ф. И. Сукина, который в 1760 г. представил в Сенат «Разсуждение о коммерции». Отметив в начале, что благотворная роль коммерции общеизвестна и кратко сославшись на примеры Англии, Республики Соединенных провинций, Венеции и других торговых держав, Сукин детально описывал характер и историю российской коммерции, особый акцент сделав на роли Петра как фактического ее творца: «Когда ж всещедрый господь восхотел просветить Россию своею благодатию, учинить ее сильнейшею богатством и славою монархией, послал для исполнения того государя императора Петра Великого, отца отечеству, снабдя его превосходящею человечество премудростию, великодушием и трудолюбием. Вступил премудрой монарх в сие божественное дело и вдруг в одно время и почти в одни часы, производя с сильнейшим по тогдашнему времени неприятелем жестокою войну, переменял грубые в народе нравы, изторгнул невежество и разврата в церкви, собрал, снабдил и обучил новое воинство, создал новой флот, построил и укрепил великия города, зделал гавани и пристани, учредил суды и гражданство, насадил науки и художества. Но кто изчислит дела Петра Великого, которых плоды, всякой видя, чюдится, и которым вселенная во веки с ужасом удивляться будет! <...> Возможно ль, чтоб укрылось от прозорливости Петра Великого, что комерция есть надежнейшее средство к обогащению государства!»¹¹²⁵

Наконец, в 1783 г. один из составителей амбициозного проекта издания собрания законов Российской империи (так, впрочем, и оставшегося в рукописи) под заглавием «Описание внутренняго Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями»¹¹²⁶, коллежский секретарь И. Смирнов отмечал в кратком введении к 7-му тому,

¹¹²⁵ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. С. 232.

¹¹²⁶ См. об этом проекте: Лаппо-Данилевский А. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. «В. С. Балашева и Ко», 1897. Лаппо-Данилевский, впрочем, не уделил внимания тексту Смирнова.

имевшему заглавие «О государственном изобилии»: «От количества вещей служащего не только к нужному употреблению, но и к удовольствию народному происходит и изобилие государственное, которое не иное что есть, как достаток в государстве вещей нужных полезных и приятных служащих к употреблению государственных жителей. К достижению ж онаго достатка почитаются три источника, могущие быть начальным основанием в государстве, а имянно: перьвое государь премудрый, второе количество народа, третье пространство земли». Смирнов имел в виду, что мудрый государь сможет поощрить «размножение» своих подданных, а затем использовать по максимуму богатства земли, определяя подданных «по способности каждого в пользу к наукам или искусствам, к рукоделиям или же к ремеслам всякаго роду, дабы чрез то могли они воспользоваться добротою земель, какое бы их в том употребление ни было и какия бы произведения они не приносили <...> А чем больше в государстве жителей, тем больше они своими успехами могут приносить пользы и государству и частным людям»¹¹²⁷.

Закрепленный в придворных коммуникативных контекстах – панегирике и докладе – культ монарха, «насадившего» в России коммерцию и производство, являлся важной частью политической традиции российского XVIII века. Панегирический взгляд на монарха как на творца *новой экономики* с опорой на коммерцию и производство коррелировал с развивавшимся в Европе дискурсом о необходимости роскоши в отношении смягчения нравов, укрепления международного мира и общего процветания держав (труды Мелона, Монтескье, Юма и многих других авторов).

Монтескье, к примеру, оказался востребован в России и в этом контексте. Так, обосновывая благотворное влияние коммерции в «Историческом описании российской торговли» (1781), ссылаясь на французского мыслителя М. Д. Чулков: «Правда и верность суть такая добродетели, без которых никакое общество состоять не может, Коммерция ж без них по мнению искусных в ней людей как тело без души почитается, как и Монтескиэ разсуждая о торговле говорит: Коммерция истребляет пагубные предуберения и почти за всеобщее правило принять можно, что везде, где есть благонравие, там есть и торговля, и везде где есть торговля там и благонравие»¹¹²⁸. Одновременно Чулков говорил о

¹¹²⁷ Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. [Кн. 6.] Глава VII. О государственном изобилии. Соч. Ивана Смирнова. // НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 15, № 22. Л. 1.

¹¹²⁸ Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I, кн. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1781. С. 33.

традиционных пороках купцов – о том, что «между купцами и продавцами везде и часто случается, что обманами и лукавством один другого тщится упредить, а иной напротив того оным же возразить и отмстить старается <...> И хотя истребление таких коварств зависит всегда от определенных к тому начальников, но все оные в Коммерции помешательства и затруднения едва ли могут быть исправлены, и совершенно пресечены без обращения купеческого к Истинне, и без необходимо нужного для них просвящения, которого желать настоит великая надобность»¹¹²⁹.

Именно экономическая сила государства, развитие торговли и производства обеспечивают – согласно Чулкову – могущество и процветание держав: «Умножением Манифактур и заводов всегда обогащаются государства и в лучшем и сильнейшем состоянии находятся не те области, которые материальными товарами и растущими в них избыточествуют, но предпочитают от них паче те, где Манифактуры и полезные Художества умножены и процветают»¹¹³⁰. В качестве примеров Чулков приводит Италию и Нидерланды, эффективно перерабатывающие испанские шелк и шерсть соответственно. Таким образом, купцы должны точно знать, что продавать «простыми материалами», а что – переработанными, возводя в своей стране «заводы и фабрики». Если «капитальные купцы» смогут умножить «заводы и фабрики», то «капиталы всех богатых людей возьмем у народов наибольшей курс, в Коммерции нашей с Иностранными народами воспоследует приращение к наисильнейшему споспешествованию не только купеческой и казенной, но и всенародной прибыли»¹¹³¹.

Свои аргументы Чулков постарался усилить рядом выписок из иностранных источников. Например, он приводит цитату из журнала «Le Spectateur ou le Socrate moderne» (1716)¹¹³²: «Купцы наипольнейшие члены в обществе, они между областями содержат союзы, разделяют во весь свет дары Натуры, находят работу бедным, достаток богатым, великим славу и великолепие». Сделал Чулков выписку и из статьи шведского негоцианта и политика Т. Пломгрена «Tankar om handeln i gemen» (1740): «Коммерция наполняет Государство прилежными и полезными жителями, оживляет Науки, художества и ремесла,

¹¹²⁹ Историческое описание российской коммерции. С. 35.

¹¹³⁰ Там же, с. 44-45.

¹¹³¹ Там же, с. 47.

¹¹³² Это издание было французским переводом английского журнала «The Spectator», издававшегося Р. Стилом и Дж. Аддисоном, выходившим под заглавием: «Le Spectateur, ou le Socrate moderne, Où l'on voit un Portrait naïf des Mœurs de ce Siècle. Traduit de l'anglois». Чулков ссылается на 56-е «рассуждение», восхваляющее молщ английской торговли (Le Spectateur, ou le Socrate moderne, Ou l'on voit un Portrait naïf des Moeurs de ce Siècle. Traduit de l'anglois. Paris: Etienne Parillon, 1716. P. 369).

распространяет кораблеплавание, дальные земли приводит в полезное знакомство и союз, открывает дражайшие сокровища Натуры и делает Государство в самом себе сильным, а у соседей знатным».

Восхвалению коммерческой мощи были посвящены несколько анонимных переводных статей, опубликованных в журнале «Собрание лучших сочинений» (1762), издававшемся профессором Московского университета И.-Г. Рейхелем. Прежде всего, следует назвать статью «Политическое разсуждение о коммерции»¹¹³³. Эта статья доказывает, что именно коммерция создает богатство, которое является источником могущества государства и благополучия его граждан. Торговый обмен необходим, потому что ресурсы рассеяны по миру; «купец есть дух государства, потому что торг движение свое от него имеет; а прочие посредством торгу необходимы для жизни своей потребности получают»¹¹³⁴. Однако число купцов должно быть «соразмерно величине и качеству торга». Коммерция сравнивается с пищей, необходимой человеческому телу. Равным образом и в «Изображении мануфактур-коллегии» (без указания источника) отмечалось: «Сила и богатство производят государству благополучие; одна происходит от множества народа, а другое от умножения государственных доходов»¹¹³⁵; далее содержатся разнообразные наставления о том, как надо управлять торговлей и производством.

В 1783 г. в «Прибавлениях к Московским ведомостям» вышла (несколькими частями) пространная статья, озаглавленная «О торговле вообще»; текст ее был, по-видимому, скомпилирован Н. И. Новиковым. В статье подробно анализировались социальные эффекты коммерции; одним из таких эффектов являлась роскошь, которая в статье получила следующее определение: «Излишнее употребление ненужных (так! – К.Б.) вещей, служащих к удобности и к удовлетворению владычествующему вкусу». Из этого определения вытекало, что «если удовлетворяет роскошь удобности и владычествующему вкусу, то некоторый степень ее необходимо нужен в обществе, отступившем от простых потребностей натуры и во вкусе которого царствует некоторая суетность; а изгнание ее из

¹¹³³ Политическое разсуждение о коммерции // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия: или смешенная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. М.: Унив. тип., 1762. С. 233–278.

¹¹³⁴ Там же, с. 235.

¹¹³⁵ Изображение мануфактур-коллегии // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия: или смешенная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. М.: Унив. тип., 1762. С. 128.

такого общества ниспровергло бы прилежность художника, которого упражнение роскошью оживляется».

Автор статьи в целом относится к роскоши положительно, отмечая: «Роскошь тогда только вредна государству, когда предметы ее суть иностранные товары, потому что государство тогда оскудевает от выхода денег, обращение сих денег перестает, мануфактуры и фабрики приходят в упадок, большая часть ветвей торговли останавливается либо и совсем прекращается и, наконец, иссякают источники пропитания граждан. Для частного человека роскошь бывает злой тогда, когда расходы его превосходят его силы, когда он расточает свое имение; но сие не роскошь уже, а мотовство и расточение; да и самый упадок одной фамилии не важен для государства, ибо от одного получают пропитание десять других граждан, приготовляющих роскошные товары. Не роскошь, но чрезмерное расточение бывает причиною упадка частного человека; худое его домоводство разоряет его до основания, а государство может ли учредить домостроительство каждого своего гражданина? но может ли случай сей произойти при тысяче других обстоятельств, в которых и не властвует роскошь? Наконец, остается еще сему несчастному один вспомогательный способ, то есть работа; а где роскошь основывается на торговле, там работа не бесчестна»¹¹³⁶. И далее, говоря о позитивных эффектах коммерции, автор (или компилятор?) статьи приводил соответствующие ссылки на Монтескье и на «Анти-Макиавелли» Фридриха II. Торговля приносит с собой «уточненные нравы» и открывает путь к добродетелям; следовательно, «пока роскошь не преступит надлежащих пределов, пока не погрузит она нацию совсем в леность и бездейственность, дотоле бывает она в другом рассуждении выгодна государству, а в рассуждении утончения нравов служит самою действительнейшею пружиною, проводящею людей из суровости в высшее образование»¹¹³⁷.

Сходный панегирик торговле и производству присутствовал в сочинении профессора Московского университета Я. А. Шнейдера «Разсуждения на Монтескиеву книгу О разуме законов; или уроки всеобщей Юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. № 1» (1782). Шнейдер читал в Московском университете лекции о труде Монтескье, однако его собственная книга является, в общем, прямолинейной – это

¹¹³⁶ Новиков Н. И. О торговле вообще // Н. И. Новиков. Избранные произведения. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1951. С. 553.

¹¹³⁷ Там же, с. 556.

очерк под названием «Разсуждение I. О истории законодательства», призванный подчеркнуть высокое значение юриспруденции и науки об управлении государством. Труд Шнейдера посвящен преимущественно описанию исторического развития коммерции и производства, а также связанного с ними прогресса Просвещения (который он связывает с коммерческими странами, Великобританией и республикой Соединенных Провинций). Развитие коммерции исключает возможность войн в Европе и ведет к миру, а также к совершенствованию законодательства.

Шнейдер критически относится к феодализму, называя его «безначалием», а также и к теократии; им он противопоставляет рост силы монархий Нового времени и связанное с ними развитие юриспруденции и коммерции: «Во всех державах порядок установился, Государи и народы паки начали возвращать себе свои права», а реформация окончательно сокрушила бы римскую церковь, если бы «Государи удержанные сомнением или уstraшенные великостью сея перемены не разсудили, что это должно остановить»¹¹³⁸. Вестфальский мир положил конец религиозным войнам и открыл новую, «славную» эпоху Европы, характеризующуюся «системой равновесия», установлением стабильных политических режимов и стремительным прогрессом искусств и наук: «Прекрасныя изобретения умножали каждой день сокровище познаний, которыя мы получили от Греков и Римлян. Изящныя и словесныя науки очистили вкус, смягчили нравы, возбудили все пленяющия чувствования в сердце человеческом. Чрез мореплавание, соединяющее все части света, мы познали нравы, обыкновения, законы, богослужения о которых прежде никакого не имели познания. Заведены поселения, надлежало им дать законы, торговля разпространилась, надлежало установить ее течение, художества умножились, надлежало ими управлять. Государства получили силы из сих различных источников и соблюдение их стало драгоценнейшим предметом правления. Могущество, богатство, важность и блаженство государства начало гораздо больше нежели прежде зависеть от хорошаго правления, защиты собственности граждан, от свободы народной, которая обыкновенно растет под тению хороших законов»¹¹³⁹.

Шнейдер связывает развитие искусства управления с желанием континентальных держав подражать Британии и Соединенным Провинциям. Их богатство и мощь привели к

¹¹³⁸ Разсуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов; или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете. No 1. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. С. 25.

¹¹³⁹ Разсуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов... С. 28-29.

тому, что и в других государствах пришли к выводу: «наука законодательства одна только могла дать такую государствам силу, о какой ограниченные умы едва помыслить могут». Эта наука, давая советы монархам, способна привести к «умножению народа» и стимулировать «земледелие и труды». В конечном счете – заключает Шнейдер свой текст – «ныне уже не лзя надеяться умножить силу свою чрез опровержение других престолов; должно ожидать сего от мудрости правления». Эту-то истину, по мнению Шнейдера, и доказал «славной Монтеский». Подобно Монтескье, Шнейдер подчеркивает цивилизующую роль торговли, упраздняющую опустошительные войны европейских держав. Мудрому правителю, таким образом, следует сфокусировать внимание на развитии коммерции и «трудоу», избегая кровопролитных войн.

В сходном ключе говорил о коммерции и производстве как антиподе варварства и грубости И. А. Третьяков, профессор Московского университета, в знаменитом «Рассуждении о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов» (1772): вызванное «нежностью души» человека, «разделение трудов» и «изобретение художеств» привели к невиданному в истории «изобилию». Умножение «изобилия», согласно Третьякову, процесс постепенный¹¹⁴⁰, исторически эволюционный. С другой стороны, Третьяков – в согласии с такими европейскими мыслителями, как Ж. Мелон – отмечал, что прогресс коммерции и развитие производства привели к формированию системы баланса сил в Европе. Этот баланс исключил возможность какой бы то ни было сокрушительной войны, способной повернуть прогресс коммерции и производства вспять; торговля и «изобилие» противопоставлены войне¹¹⁴¹.

Коммерческое процветание, изобилие России было, таким образом, важнейшим аргументом против упреков в деспотизме, фундаментальной основой европейской идентичности России. Так, видный российский юрист Ф. Г. Штрубе де Пирмонт в 16-м и 17-м письмах трактата «Lettres Russiennes», анализируя социальную структуру Российской империи, подчеркивает существование в стране многочисленного купечества и ремесленников. А в 18-м письме Штрубе подробно разбирает доводы Монтескье о торговле, отмечая упреки в том, что российские купцы подвергаются утеснениям. Штрубе особо

¹¹⁴⁰ И. С. Бак совершенно справедливо обращает внимание на то, что «медлительность» в заглавии текста Третьякова вовсе не является негативным понятием: речь идет об объективно постепенном характере обогащения (Бак И. С. Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 109).

¹¹⁴¹ Третьяков И. Д. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное... июня 30 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. С. 358–359.

подчеркнул, что в России не запрещен вывоз капитала через векселя¹¹⁴²; важное примечание, поскольку идеи Монтескье о «бегстве» торговли от деспотизма основывались на европейской практике денежных переводов. Равным образом и в «Антидоте», предположительно написанном Екатериной II, упоминалось: «Собственно так называемая Россия, как яйцо, полна народом. Губернии Московская и Нижегородская, так же как и многия другия области, уже страдают недостатком земель по количеству своих жителей»¹¹⁴³.

Такие взгляды можно, пожалуй, вслед за М. Раевым именовать «камералистскими»¹¹⁴⁴ или, в духе И. Гонта – «неокольтеристскими»; но, во избежание путаницы, лучше будет сказать – коммерческими. Ведь, как мы подчеркнули выше, на российской почве дискурс о благах коммерции был востребован еще и в силу своей связи с культом царя-демиурга, преобразующего свою страну и создающего, в числе прочих творений, производство и коммерцию. Представления о благотворной роли коммерции и о ее исключительном значении для «общего блага» и блага государства были тщательно разработаны в придворной коммуникативной сфере, а риторика, связывающая процветание страны с ростом торговли, наук и искусств, оставалась одной из наиболее влиятельных манер говорить о политике в России XVIII в.

Существовала и еще одна перспектива, конкурировавшая с естественно-правовой концепцией и одновременно таившая потенциальную угрозу доминирующему дискурсу о моральной монархии. Речь идет об адаптации взглядов на историю А. Смита и школы «шотландского Просвещения» с характерными взглядами на исторический прогресс и социологически конструируемую добродетель.

Выпускник и преподаватель Московского университета С. Е. Десницкий, учившийся также в университете Глазго у Смита, представил сжатый очерк естественного права в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (1768). Среди виднейших философов этого направления Десницкий называет Гроция, Гоббса, Камберленда, Пуффендорфа и Кокцея, особо подчеркивая, что «кроме сих авторов, других

¹¹⁴² Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 393–398, 400.

¹¹⁴³ Антидот. С. 260.

¹¹⁴⁴ Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. Vol. 80. № 5 (Dec., 1975). P. 1225.

нет никаких примечания достойных о сем предмете»¹¹⁴⁵. Но сторонником естественно-правовых идей Десницкий не был – он придерживался идей А. Смита, «привезенных» из Шотландии. Дискуссионным остается вопрос о том, насколько популярными эти идеи могли стать в России XVIII в. Ведь социологизм и историзм смитовской этики шли вразрез с доминировавшими в России концепциями монархизма, добродетели и естественного права. И, как замечает исследователь истории экономической мысли А. В. Аникин, в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» Десницкий «высказывается за то направление, которое мы назвали бы теперь экономическим материализмом»¹¹⁴⁶.

Показателен случай с переводом на русский язык труда английского правоведа У. Блэкстона «Commentaries on the laws of England» (1765–1769), который Десницкий выполнил по заказу Екатерины II в 1780 г. В печати вышел лишь первый том этого сочинения, снабженный примечаниями переводчика. Эти-то примечания Десницкого и представляют интерес.

Хотя А. В. Аникин и полагает, что «для самодержавной и крепостнической России это была очень смелая книга»¹¹⁴⁷, на деле сочинение Блэкстона вовсе не содержало чего-то экстраординарного и вызывающего. Оно представляло собой исчерпывающий свод норм английского обычного права (common law), дополненный пространными рассуждениями Блэкстона относительно естественного права. Эти рассуждения (ставшие, надо заметить, классикой естественно-правовой теории) вызвали беспокойство Десницкого, который снабдил соответствующее место пространным комментарием, по существу – пересказом идей шотландских философов – Хатчисона и самого Смита. Комментарий этот Десницкий обосновал следующим образом: «Господин Блэкстон в сем толковании начал, полагаемых основанием закону естественному, весьма невразумительным покажется читателям»¹¹⁴⁸.

Но на деле «невразумительным» российским читателям должен был бы показаться комментарий Десницкого. Ведь Блэкстон, стараясь подкрепить common law с помощью инструментария естественного права, рассуждал в главе под красноречивым заглавием «О природе законов в общем»¹¹⁴⁹ о неизменных и рационально постигаемых законах поведения

¹¹⁴⁵ Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1952. С. 204.

¹¹⁴⁶ Аникин А. В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. С. 73.

¹¹⁴⁷ Там же, с. 68.

¹¹⁴⁸ Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника аглинского. Кн. I. М.: Унив. тип., 1780. С. 97.

¹¹⁴⁹ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. London: A. Strachan, 1803. P. 38–40.

– подобных законам оптики или механики, – которые Бог создал для наделенного свободной волей и разумом человека: «И так всеобщее оное знаменование закона заключается в правиле предписуемом от некоторого высшего существа, и всякая тварь, не имеющая даже ни смысла, ни хотения, должна непременно повиноваться сему закону до скончания своего бытия, поколику и самое бытие ее зависит от исполнения и повиновения сему закону. Но законы в ближайшем понятии... значат правила не действию вообще, но действию или поведению человеческому предписуемые, то есть, в таком смысле чрез законы разумеются заповеди и приказания, которыми человеку, благороднейшей из всех в подсолнечной твари, и одаренной при том разумом и волею, повелевается употреблять такие дарования ко всеобщему предуправлению своих поведений в жизни»¹¹⁵⁰. Собственно, «сия человеческого Создателя воля называется законом естественным»¹¹⁵¹.

Именно естественное право выручит человека в ситуации, когда позитивные установления *common law* заведут его в тупик; с помощью разума человек обнаружит справедливое решение в естественном праве. Ведь хотя всемогущий Бог мог предписать человеку любые законы, даже самые жестокие и несправедливые, Творец, поскольку он есть «существо безпредельная мудрости, того ради он и предписал законы, основанные токмо на отношениях к первоначальной истинне, пребывавшей в самой природе вещей предварительно всякому другому последовавшему оттуда законоположению. Сии, показывающие что добро и что зло, законы суть вечные и непременяемы, которым и сам Создатель мира во всех его отпущениях человеку сообразуется, и которых он надобность разуму человеческому столько открыл, сколько оные нужны для предуправления поведений человеческих в жизни»¹¹⁵². Блэкстон даже назвал эти рациональные постигаемые нормы, сведя моральную проблематику к известной формуле из римских «Дигест»: «*Juris praescripta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere*»¹¹⁵³. Но и это не все: Бог, будучи еще и бесконечно благим существом, «законы предвечной истины столь тесно и неразрывно соединил с блаженством каждого в обществе человека, что такого блаженства не можно достигнуть иначе, как наблюдением единственным истинны, и естьли в роде

¹¹⁵⁰ Истолкования аглинских законов. С. 91–92.

¹¹⁵¹ Там же, с. 93.

¹¹⁵² Там же, с. 94–95.

¹¹⁵³ «Предписания закона сводятся к следующему: честно жить, не обижать других, каждому воздавать по заслугам» (лат.)

человеческом будет точное наблюдение и повиновение истинне, то за оным не может не следовать и благополучие»¹¹⁵⁴.

Нетрудно заметить, что идеи Блэкстона весьма созвучны доминирующему тренду отечественной политической мысли XVIII столетия – в отличие от тех соображений, которые поспешил привести в примечании к блэкстоновским «Комментариям» Десницкий. Совершив краткий экскурс в хорошо известную ему, но вряд ли понятную для российского читателя этическую философию шотландского Просвещения, представленную именами Хатчисона и Кларка, Десницкий заключал, что «Господин Блэкстон в толковании здесь закона естественного по началам моральным держался системы доктора Готчесона и полагает добродетель в *доброжелательстве*, или в *желании блага*, похваляемом всякому собственным *самолюбием*»¹¹⁵⁵. Увы, профессор Московского университета безо всякого основания связал Хатчисона и Блэкстона на основании того, что и тот, и другой положительно отзывались о «самолюбии», а вернее, «любви к себе» (self-love). Но сложная этическая концепция Хатчисона, оказавшая огромное влияние на Смита и Юма, была построена вокруг признания движущей силой поведения «любви к себе», которая является морально индифферентной *per se*, но обретает нравственную силу в рамках социального взаимодействия индивидов. А вот Блэкстон, как мы видели, не делает никаких социологизирующих либо историзирующих оговорок, напрямую связывая «любовь к себе» с Божественным моральным законом. Дистанции между этими определениями Десницкий попросту не заметил, безапелляционно отнеся Блэкстона к последователям Хатчисона и сделав вывод о том, что «как доктор Готчесон, так и г. Блэкстон оба заражены казуистическим законоучением, коего в Англии родителем был господин Гоббс»¹¹⁵⁶.

Замечание Десницкого было – очевидно, помимо намерений автора! – грозным ударом по фундаменту моралистского монархизма. Ведь если Блэкстон утверждал, что благо индивида и Божественный закон справедливости совпадают (открывая, таким образом, для монархии возможность выступать посредником в поддержании морального порядка в обществе), то Десницкий в духе шотландских мыслителей ставил саму добродетель и связанные с ней нормы в зависимость от социальных и исторических обстоятельств. И если мораль связана не с неизменным законом, а с изменчивыми обстоятельствами, то, очевидно,

¹¹⁵⁴ Истолкования аглинских законов... С. 96–97.

¹¹⁵⁵ Там же, с. 100.

¹¹⁵⁶ Там же, с. 100.

и монаршая власть лишается своей абсолютной моральной санкции? У нас нет оснований утверждать, что Десницкий и впрямь вел здесь полемику, скорее можно говорить о том, что его взгляды были жестко детерминированы тем знанием, которое он вынес из шотландского периода своей карьеры и которое он старался применять на российской почве. Но казус Десницкого как раз и демонстрирует всю сложность процессов адаптации европейских политических идей в России: сам Десницкий старался по мере возможностей придерживаться идей Смита, но простое их тиражирование не давало эффекта – в сфере политической коммуникации доминировали именно те идеи, которые Десницкий считал непригодными для юриспруденции, и использование интеллектуального инструментария шотландского Просвещения так и оказалось во 2-й половине XVIII столетия ограничено сочинениями самого Десницкого. Т. А. Артемьева отмечает, что работы шотландских просветителей были востребованы в России XVIII в.¹¹⁵⁷ Конечно, общеевропейская мода на шотландцев докатилась и до России, однако в хронологическом отношении она пришлась уже на рубеж XVIII – XIX столетий, так что Десницкий далеко ее опередил.

Адаптация историко-социологического взгляда на политику и мораль, с одной стороны, противоречила доминировавшим в России XVIII в. взглядам, в которых объединялись естественное право и провиденциализм. Как отмечает американский исследователь Р. Хэнли, «Юм и Смит стремились обучить потенциальных законодателей тому, как использовать политические и экономические институты, опирающиеся на эгоистические страсти людей, и затем трансформировать их в основы социальной стабильности и роста»¹¹⁵⁸. Британские мыслители выступили защитниками «коммерческой модерности» с ее социальной и экономической системой.

С другой стороны, влияние вестернизации на политическую культуру, закрепленное прежде всего в корпусе панегирических текстов, делало политический язык коммерции и прогресса привлекательным для россиян.

Но равным образом идеи Монтескье и Смита противоречили и идеям республиканской традиции. Республиканизм также являлся своеобразной формой историзма и в этой качестве он тоже оказывался антитезой естественно-правовым и провиденциалистским идеям. Но для

¹¹⁵⁷ Артемьева Т. В. Адам Смит в России // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. С. 39–66.

¹¹⁵⁸ Hanley R. Enlightened Nation Building: The «Science of the Legislator» in Adam Smith and Rousseau // American Journal of Political Science. Vol. 52. No. 2 (Apr., 2008). P. 220.

республиканской парадигмы идей не была свойственна концепция прогресса: вместо нее применялся глоссарий расцвета и упадка, использующий античную историю в качестве неисчерпаемого источника примеров и моделей. И если такие авторы, как Юм, Смит или Монтескье имели тенденцию инкорпорировать концепцию естественного права в более сложный историко-социальный и историко-экономический контекст, то республиканская парадигма предполагала акцент на значимости политического состояния. Дж. Покок фиксирует в этом отношении конфликт между культурой и свободой, отмечая: «Отныне человек мог рассматриваться как культурное животное, а культура – как продукт экономики; и по мере того, как товары вместе с технологиями их производства и распределения в каждой фазе становятся все более сложными, человеческая культура, воображение и личность усложняются соответствующим образом. Возникла историческая наука, прослеживающая и объясняющая рост культуры и коммерции; и человек, становясь все в большей мере историческим животным, разместился в центре итогового процесса»¹¹⁵⁹. Исторический прогресс, развитие коммерции и производства, усложнение общества и рост взаимной зависимости его членов создают «политичную» цивилизацию из варварства с его примитивно-воинственной *virtu* спартанского типа, но одновременно провоцируют потерю важных социальных качеств индивида – понятие коррупции, присущее классическому республиканизму, в этих условиях начала трансформиться в то, что позднее станет понятием отчуждения, фундаментальным для такой грандиозной интеллектуальной системы, как марксизм¹¹⁶⁰.

Впрочем, для российской политической мысли 2-й половины XVIII столетия проблема не была столь рельефной: защита коммерческого общества в вестернизирующемся российском социуме опиралась и на богатый интеллектуальный арсенал придворного панегирика, описывавшего появление *новой экономики* по воле великих монархов. Историко-социальный анализ в духе Монтескье или Смита оказывался совместим с секулярным монархизмом постольку, поскольку монархия признавалась главным агентом вестернизации в России.

Важнейшей манифестацией созидательной деятельности монарха-преобразователя, на описании и восхвалении деяний которого были сосредоточены усилия придворных авторов, была именно способность создавать *новую экономику* – будь то восторженные отзывы

¹¹⁵⁹ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 498.

¹¹⁶⁰ Ibid., p. 502.

церковных иерархов о Петре, творившем «рукоделия» и «фабрики», или соображения придворных администраторов (таких, как Татищев или Сукин) о необходимости поощрения торговли со стороны государя. Коммерция в этой системе взглядов выступала важнейшим маркером европейской идентичности России, однако она не была *данностью*; ее предстояло развивать и выстраивать заново, и в этом смысле декларированная «вольность» торговли вовсе не противоречила тому, что основным ее двигателем признавалась воля монарха и усилия его администрации. Интенсивная торговля (прежде всего – внешняя, нацеленная на экспорт и дающая активный торговый баланс), поддерживаемая мощным производством – таковы были основы новой экономики, которую предстояло создать монарху. И хотя конкретные меры по развитию торговли и производства могли разниться от сочинения к сочинению, в целом все авторы сходились в одном: коммерческое изобилие еще предстоит создать, преодолевая многочисленные затруднения. Для восхваления изобилия отлично подходил именно панегирический жанр, поскольку в его рамках часто говорили о созидании, а не о наследовании.

Превозносимая панегиристами и администраторами коммерция оказывалась цивилизующим фактором российской истории и выступала антитезой «невежеству». Торговля для России была тем, что предстояло ввести, и тем, что было маркером европейской идентичности, а также маркером преобразований: Россия «новая» отличалась от России «старой» именно наличием новой экономики – искусств, наук, производства и коммерции. Развитие коммерции, рука об руку с которой шла роскошь, оказывалось при таком подходе едва ли не основной задачей мудрого, просвещенного государя.

И в рамках коммерческой парадигмы добродетель преображалась в *искусство*, которым можно овладеть. Например, П. И. Рычков в «Переписке между двумя приятелями о коммерции» (1755) называет торговлю основой «общего блага» и доказывает, ссылаясь на аббата Бельгарда («L'education parfait», 1713), что предприимчивость купцов тоже является формой доблести: «Как бы им такая славная дела без величественного духа зделать, и в предприятиях своих иметь щастливой успех, ежелиб они чрезвычайной отваги в страхах и удивительного постоянства в крайних трудностях и бедах не оказали». В конечном счете, Венеция смогла успешно противостоять туркам, а Голландия – испанцам; эта последняя «своими завоеваниями в разных местах показала довольные опыты, что дворянину купцом быть не стыдно, потому что купцу не трудно храбростию и великими делами уравниаться

дворянину»¹¹⁶¹. В самом деле: фенелоновскую добродетель, присущую человеку, следовало защищать от вызовов порока и поддерживать в неизменности с помощью комбинации социально-политических мер, тогда как коммерческим *искусством* предстояло овладевать, совершенствуясь в новых техниках производства и торговли. Здесь мало было личного примера со стороны монарха: развитие коммерции и производства предполагало овладение особыми знаниями и умениями и, в конечном счете, достижение той самой «утонченности» (*refinement*), о которой писал Юм. Торговлю и сопутствующую ей «политичность» можно *развить* даже там, где она исторически отсутствовала, ей можно *научиться* – например, путем заимствования¹¹⁶², в противовес добродетелям «республики мечей», которые необходимо исторически *унаследовать*. На этой концептуальной базе формировались исторические нарративы модернизационного проекта, повествующие о постепенном движении человеческих обществ от варварства – к цивилизации, от примитивной военной доблести – к модернизированному обществу, характеризующемуся развитыми торговлей, промышленностью, наукой¹¹⁶³. Дебаты на эту тему хорошо известны благодаря антитезе, сформулированной Б. Констаном (коллективистская «*liberté des Anciens*» в противопоставлении индивидуализированной «*liberté des Modernes*»)¹¹⁶⁴.

Переходя к анализу торговли и производства, российские авторы 2-й половины XVIII в. следовали по маршруту от Фенелона – к Монтескье. Роскошь подвергалась суровой критике, когда речь заходила о коррупции и моральном разложении. С другой стороны, Салент на российской почве оставался проблематичным, поскольку развитие торговли и производства – новая экономика изобилия, маркер принадлежности России к европейскому пространству, которую превозносили панегиристы и администраторы империи – считалось важнейшей задачей государя. Своего рода концептуальная ловушка (социологизированное понимание добродетели с одной стороны, приверженность европейской идентичности страны, выраженной через науку, искусства и коммерцию – с другой стороны) вела к тому,

¹¹⁶¹ Рычков П. И. Переписка между двумя приятелями о коммерции // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб.: Академия наук, 1755. Февраль. С. 120–121.

¹¹⁶² На сходном понимании значимости коммерции и общей «политичности» для России базировался «цивилизаторский» нарратив о Петре Великом в культуре российского XVIII в., в равной мере разделявшийся светскими и церковными панегиристами.

¹¹⁶³ О таком понимании «республиканских» благ, поддающихся реализации и в монархии, см.: Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М.: НЛЮ, 2013. С. 63–101.

¹¹⁶⁴ Constant B. De la liberté des Anciens comparée à celle des Modernes. Discours prononcé à l'Athénée royal de Paris // Œuvres politiques de Benjamin Constant. Paris: Charpentiers et Cie, Libraires-éditeurs, 1874. P. 290–317.

что российская политическая мысль XVIII столетия совершала маятниковое движение: от Фенелона – к Монтескье и обратно.

Как мы уже видели, российские авторы XVIII в. отрицали характеристику России как имманентно деспотической страны. Идеи Монтескье относительно различий между монархией и деспотией были восприняты на российской почве амбивалентно – ярчайший пример комплексного заимствования, на основании которого сформировались два взгляда, два языка, две манеры речи о монархии.

Один взгляд предполагал опасность дегенерации монархии до состояния деспотизма. Стартовой точкой такого взгляда было признание универсального характера добродетели и отказ от классификации «принципов» разных форм правления, о котором писал Монтескье. Исповедуя универсальную, Цицероновскую добродетель, российские авторы осмыслили различие между монархией и деспотией как различие между хорошим и плохим правителями (сам текст Монтескье оставлял немало возможностей для такой интерпретации). В отличие от политического богословия, считавшего хороших и плохих государей результатами действий Провидения, секулярная политическая мысль искала социальных предпосылок и условий. Коррупция – утрата добродетели, когда игра страстей под влиянием роскоши открывает дорогу «повреждению нравов» – вела к утрате добродетели и появлению деспотизма. Любые формальные учреждения, законы и институты оставались бессильными, если их поражала коррупция.

Ключ к обузданию зла находился у добродетельного государя, который способен силой личного примера повернуть подданных на путь истины; тем не менее, подобный поворот вовсе не является метафизическим – признание социального характера коррупции означает, что и у противоядия имеется социальное измерение. Добродетельный государь был способен противопоставить коррупции политические меры (законы об ограничении роскоши, борьба с крупными городами, сворачивание роскоши двора), правосудие и силу личного примера. Подобный взгляд предполагал движение от «дискурса Монтескье» к «дискурсу Фенелона».

Но критический взгляд на коммерцию и роскошь как на источник коррупции вступал в противоречие с альтернативным фенелоновскому монархизму политическим языком¹¹⁶⁵,

¹¹⁶⁵ См. о становлении философии «коммерческой социальности» – стимулированном работами Гроция и Пуфендорфа и представленного, например, трактатами Й. и П. де ла Курув, такими, как «*Interest van Holland*» (1662) – в Европе Нового времени: Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2014. С. 93–114.

который центральное место отводил *новой экономике*, создаваемой усилиями монарха и его администраторов по развитию наук, искусств, производства и торговли. Производство собственных предметов роскоши представало в категориях этого языка сильной стороной, а не источником коррупции; создание *новой экономики* выступало маркером европейской идентичности России и одновременно отделяло Россию «старую» от России «новой». Такой-то взгляд на социальную значимость коммерции и производства вплотную подводил российских авторов к концепции исторического прогресса.

Важно, однако, что ключевым актором этого прогресса опять-таки выступал государь, способный преобразовать общество и преодолеть отсталость. Коммерция в данном случае выступала не только как способ наполнить казну, но и как инструмент социального развития, продвигающий специфический набор добродетелей и закрепляющий европейскую идентичность России, одновременно позволяя решительно отделаться от упреков в деспотизме. Итак, монарху следует искать общего блага, насаждая искусства, науки и торговлю; как отмечает Д. В. Тимофеев, уже в начале XIX в. конституция тоже будет пониматься как инструмент, который необходимо ввести ради устойчивого экономического роста¹¹⁶⁶. Можно – следуя приведенному выше выражению Дж. Покока – сказать, что в данном случае приобретаемые манеры заменяют собой неизменную добродетель¹¹⁶⁷.

Греко-римская гражданская добродетель или англо-голландская коммерческая мощь? Российские авторы оказывались перед сложным выбором: принадлежавший Монтескье концепт деспотизма был мощным орудием критики существующей российской монархии, однако в объяснении социальных причин угрожающего России вырождения в деспотию им

¹¹⁶⁶ Тимофеев Д. В. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 24.

¹¹⁶⁷ Анализируя журнал «Всякая всячина», издававшийся Г. В. Козицким при участии Екатерины II в 1769–1770 гг., В. М. Живов отмечает, что здесь «слабости противопоставлены порокам как человеческие свойства, не создающие угрозы для общества. Это – явным образом – секулярная доктрина (в религиозной перспективе и то, и другое – грех, и общественный ущерб к тяжести греха прямого отношения не имеет), хотя она и завуалирована под религиозную. <...> Когда говорится о “совершенных людях” это, на первый взгляд, кажется тривиальным христианским утверждением, что никто не может избежать греха, даже святые. Однако на самом деле речь идет о другом, о том, что в “нормальном” обществе никаких святых нет, и невозможно требовать от людей святости. Когда говорится о человеколюбии, это звучит как христианская добродетель, однако в действительности имеется в виду светская снисходительность» (Живов В. М. «Всякая всячина» и создание екатерининского политического дискурса // Eighteenth-century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-century Russia. Berlin, 2007. С. 253). На это же обращает внимание и А. Д. Ивинский, отмечая, что журнал «Всякая всячина» функционировал как своеобразный учебник наставлений в светской морали, «людскости» и вежливости, словом – собрание правил хороших манер (Ивинский А. Д. «Наука жить между людьми»: о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. СПб.; Самара: АсГард, 2013. С. 216–225). Для цивилизованного общества, опирающегося на развитую экономику коммерции и производства, «людскость» в определенной мере заменила собой *добродетель*.

приходилось опираться на аргументы Фенелона. В этом случае коррупция, вытекавшая из присущего человеку «сластолюбия» и ведшая к деспотизму, поддавалась врачеванию на путях неизменной, вечной добродетели; в противном случае социологизм Монтескье обрекал бы российских авторов признать страну деспотией по своей природе. Однако уже, казалось бы, приблизившись к Саленту, российские авторы начинали возвращаться к Монтескье: отказ от динамичного развития коммерции и производства означал бы отказ от культа петровских преобразований, от признания того, что между «новой» и «старой» Россией не существует разницы. Укорененный в придворной культуре панегирика взгляд на Россию как на пространство постоянных динамических изменений, привносимых волей монарха-реформатора, творящего среди прочего и *новую экономику*, вступал в союз с идеями Монтескье о коммерции и производстве как основной добродетели современной Европы. И если в Офирии Щербатова (написанной в стол) Фенелон окончательно возобладал над Монтескье – ведь в монархии Монтескье рост роскоши должен был бы привести не к упадку, как в Офирии, а к расцвету державы – то в публичной сфере подобная атака на коммерцию была невозможна, поскольку необратимо привела бы не только к полемике с авторами вроде Монтескье или Мелона, но и к прямой конфронтации с культом монарха-демиурга.

Вместе с тем, как показывает пример того же Щербатова, зачастую один и тот же автор был способен говорить и в той, и в другой манере. Но это означает также, что дебаты вокруг идей Монтескье, развернувшиеся в явной или скрытой форме в 60-е – 80-е гг. XVIII в. в России, протекали преимущественно не в области правового дискурса. Куда более значимыми проблемами были вопросы о добродетели, о коррупции, о роскоши, о коммерции – и, в конечном счете, о персональных качествах людей, граждан государства, судей и министров, купцов и воинов.

Обе манеры обсуждать проблему добродетель / роскошь оставались монархическими. Государь представал ключевой фигурой – то в облике монарха-суперарбитра, вознаграждающего добродетели и карающего пороки, то в облике монарха-демиурга, преобразующего общество ради «общего блага».

Два взгляда на социальный характер добродетели и роскоши напоминают до известной степени два «образа мысли», о которых говорит в своей книге, посвященной «игре идей» в российском театре эпохи Просвещения Э. Виртшафтер – неостойчивая склонность к поддержанию трансцендентного божественного порядка через личные добродетели, с одной

стороны, и модернизирующий прогрессизм – с другой; оба «образа мысли» конфликтовали между собой, и первый был характерен для «общества», а второй – для «правительства»¹¹⁶⁸. Однако важно подчеркнуть, что – в отличие от Э. Виртшафтер – мы говорим о двух концептуальных манерах, которые могли сосуществовать в творчестве одних и тех же авторов. Ведь столкновения между морализмом и прогрессизмом, добродетелью и коммерцией, между Фенелоном и Монтескье вовсе нельзя рассматривать как коллизии между правительством и обществом. Больше того: дебаты о добродетели и коммерции, предполагавшие маятниковый маршрут между Фенелоном и Монтескье, были лишь одной из манер обсуждать политику при помощи концептуального инструментария добродетели. Были и другие варианты – один из них представлен, например, в «Нуме Помпилии» Хераскова, где добродетель связана с нравственным Просвещением и с изживанием суеверия. Антитеза *добродетель / роскошь* играет в романе Хераскова значимую роль, но является второстепенной по отношению к антитезе *добродетель / суеверие*. Эта антитеза открывает путь к дебатам о фанатизме, об истинной религии, о характере культа и о других вопросах, в изобилии представленных в массиве религиозной литературы¹¹⁶⁹.

Морализм, на значимость которого обращает внимание Э. Виртшафтер, вовсе не означал отдаления от политики и потому никак не может считаться «внутренним»¹¹⁷⁰. Напротив, как мы постарались показать выше, вопрос о добродетели индивида обладал в России XVIII в. политическим измерением.

Вызов господствующей парадигме идей о добродетели, как неизменных образцах морального поведения, зависящих от личного выбора человека, представляли две концепции, адаптированные в России в разных жанрах и опиравшиеся на историзм и социологизм. Первая из них – это почерпнутая из фенелоновского *Staatsroman*'а республиканская добродетель, являющаяся продуктом социальной политики: для «производства» добродетели нужны экономика и социальное окружение особого типа. Политические усилия правителя по преобразованию своей страны – подобные тем, какие предпринял фенелоновский Идомей в Саленте – расположены во времени и со временем же могут оказаться обратимыми, поскольку социальную систему республики постоянно расшатывает время. Вторая – это адаптация представлений о коммерческом обществе как

¹¹⁶⁸ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater... P. 174-175.

¹¹⁶⁹ См. об этом: Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. С. 111–116.

¹¹⁷⁰ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater... P. 178.

продукте цивилизующего исторического развития (о чем в России говорили, например, Десницкий и Шнайдер). Исторический процесс, а не чудо демиурга; социальный инжиниринг, а не арбитраж – таковы были главные точки различия между этими дискурсами и закрепившимся в придворно-административной среде взглядом на монархию. Оба эти языка взаимодействовали с монархизмом. Коммерческий язык – по крайней мере, до поры до времени – выступал средством легитимации монархии, так как придворная риторика была способна говорить об экономическом прогрессе и вестернизации как о демиургическом чуде. Язык же социально обусловленной добродетели, транслированный через морально-политическую прозу, оказался востребованным для разговора о преобразованиях социальной структуры России 2-й половины XVIII в. Адаптация такой манеры речи вполне может считаться тем моментом, с которого была способна начаться широкая интеграция республиканской идеологии в российскую политическую культуру. Однако адаптирована она была своеобразным путем, который нам предстоит рассмотреть в следующей главе.

Адаптация представления о добродетели как о качестве, формируемом с помощью набора социально-политических мер, стала важным результатом интеллектуального трансфера. А одновременное признание того, что добродетель можно сформировать с помощью комплекса социально-политических мер, и того, что коммерция и производство обладают принципиально важным для России цивилизующим эффектом, нашли отражение в дебатах о социальной композиции и иерархии российского социума, развернувшихся в отечественной политической мысли 2-й половины XVIII в. В этих дебатах одним из основных полемических инструментов оказалось понятие добродетели.

Глава 5. Республиканская добродетель в представлениях о социальной иерархии в России XVIII в.

5.1. Функционализм: «должности», добродетель и воздаяние

Понятие добродетели вовсе не было, как мы видели, отвлеченной моральной категорией: оно имело социальное и политическое измерения. Политическое измерение мы проанализировали в предыдущих главах; теперь нам следует обратиться к измерению социальному, то есть рассмотреть, каким образом понятие добродетели применялось для описания социальной структуры Российской империи¹¹⁷¹, а также установить, было ли среди этих подходов место для описания гражданского равенства в республиканской манере.

Современный российский историк С. В. Польской говорит о существовании в России «московской традиции перечисления многочисленных “чинов” и “состояний”, выделяемых на основе разнообразных принципов», из которых лишь к середине XVIII в. российская элита смогла сформировать «представление о “чинах” и “состояниях” как крупных социальных группах в духе *états* или *Stände*»¹¹⁷². Вместе с тем, с рубежа XVII – XVIII вв. у российской элиты все же существовал обобщающий политический язык, с помощью которого описанию поддавались крупные социальные категории. Базовым подходом, в рамках которого российская придворно-административная элита описывала социум, была стратификация по социальным *функциям*. Подобный подход предполагал, что общество является соединением различных групп, каждая из которых имеет собственное занятие;

¹¹⁷¹ Важно подчеркнуть: предметом этой главы является вовсе не правовой статус той или иной страты (пресловутая «сословная парадигма», являющаяся постоянным предметом обсуждений в среде историков (см.: Confino M. The soslovie (estate) paradigm. Reflections on some open questions // Cahiers du monde russe. 2008. № 4 (Vol. 49). P. 681–704), но различные манеры обсуждения статуса, различные подходы к его определению – словом, различные дискурсы о социальной стратификации, использовавшиеся российскими элитами для того, чтобы обсуждать структуру общества. При помощи разных концептуальных структур (языков, глоссариев) индивиды конструировали разные парадигмы стратификации, применявшиеся в разных коммуникативных ситуациях, среди которых правовая ситуация (связанная, например, с тяжбой) была лишь «одной из». Наш анализ, охватывающий целый ряд различных манер обсуждения социальной структуры и разных коммуникативных контекстов, не является, конечно, исчерпывающим.

¹¹⁷² Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde russe. 2010. Vol. 51, № 2/3. P. 1.

общество подобно организму – метафора, восходящая к античной философии, к Платону и Аристотелю. Одним из ярких (и чрезвычайно влиятельных!) примеров такого подхода выступала знаменитая басня о желудке, рассказанная, по преданию, Менением Агриппой для того, чтобы успокоить взбунтовавшийся римский плебс¹¹⁷³. В европейской культуре Нового времени басня Агриппы была хорошо известна¹¹⁷⁴.

Органицизм в представлениях об обществе был следствием подобного функционализма. Томистская теология, переосмыслявшая аристотелевскую философию, описывала общество как иерархию функциональных категорий. Уделяя большое внимание социальной этике, Фома Аквинский полагал, что спасение зависит от добродетели; добрые дела так же необходимы христианину, как и вера¹¹⁷⁵. Добродетель в данном случае понималась как старательное исполнение социальных функций, соответствующих

¹¹⁷³ Первая плебейская сессия произошла в 494 г. до н.э.; плебеи покинули Рим и собрались на Священной горе. Чтобы успокоить их, сенаторы направили делегацию во главе с популярным Агриппой, бывшим консулом-триумфатором; Тит Ливий сообщает, что Агриппа, будучи допущен в лагерь плебеев, «рассказал по-старинному безыскусно вот что. В те времена, когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, но каждый член говорил и решал, как ему вздумается, возмутились другие члены, что всех их старания и усилия идут на потребу желудка; а желудок, спокойно сидя в середине, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других. Сговорились тогда члены, чтобы ни рука не подносила пищи ко рту, ни рот не принимал подношения, ни зубы его не разжевывали. Так, разгневавшись, хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы, а желудок равномерно по жилам отдает ее всем частям тела. Так, сравнением уподобив мятежу частей тела возмущение плебеев против сенаторов, изменил он настроение людей» (Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I. М.: изд-во «Наука», 1989. С. 89). Эту басню упоминают – уже не связывая ее ни с Агриппой, ни с плебейской сессией – Цицерон, Сенека и апостол Павел.

¹¹⁷⁴ Например, Шекспир поместил ее в трагедии «Кориолан» (1606). Равным образом и Лафонтен ссылается на Агриппу в своей басне «Члены тела и желудок», где развивает метафору тела таким образом, что желудком оказывается уже монарх, а не плебс:

С желудком сходны короли:
Они дают и получают;
На них работают все граждане земли,
Из них и пользу извлекают.
Король даёт всем жить, труд честный поощряет.
Законом ограждён, ремесленник живёт,
Чиновник свой оклад исправно получает,
И барыши купец берёт.
Король достойное достойным воздаёт
И всей странею управляет.

¹¹⁷⁵ В соответствующем разделе трактата «Summa Theologica» (часть III, вопрос 183) Фома использует именно метафору тела: «В самом деле, разнообразие дел требует разнообразия их исполнителей, чтобы все дела исполнялись своевременно и в должном порядке, на что указывают слова апостола: «Как в одном теле у нас – много членов (но не у всех членов – одно и то же дело), так мы, многие, составляем одно тело во Христе» (Рим. 12:4-5). В-третьих, оно связано с величием и красотой Церкви, которым присущ определённый порядок, в связи с чем читаем, что «когда увидела царица Савская всю мудрость Соломона... и жилище рабов его, и стройность слуг его... не могла она более удержаться» (3 Цар. 10:4-5). Поэтому апостол говорит, что «в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные» (2 Тим. 2:20)». Впрочем, добавляет он, «различие состояний и обязанностей не препятствует единству Церкви, поскольку оно основано на единстве веры, любви и взаимного служения» (The “Summa Theologica” of St. Thomas Aquinas. Second part of the second part. QQ. CLXXI – CLXXXIX. London: Burns, Oates & Washbourne Ltd., 1922. P. 148).

конкретным социальным группам, формирующим определенную систему стратификации. Социальная иерархия зависела от «должностей», привязанных теперь к конкретным группам; статус при таком взгляде был связан с функцией.

Так, современная исследовательница М. А. Корзо, изучая католическую и православную проповедь в Речи Посполитой XVII в., приходит к выводу о том, что для католической проповеди, испытавшей сильное влияние томизма, «сословное деление, так же, как и разделение общества на различные социальные (профессиональные) группы, является частью... иерархического устройства мира. Необходимость разделения социальных функций и любой иной дифференциации обосновываются в проповеди органической концепцией общества. <...> Место, которое каждый христианин занимает в этом социальном порядке, определено ему самим Богом. Это своего рода “социальное призвание”, то, что человек должен принять как веление Бога, с чем должен мириться»¹¹⁷⁶. Из набора «добродетелей» отдельных групп складывается и общее благо, которое имеет приоритет над благом индивида. Структурная иерархия охватывала общество целиком, включая и правителя, и церковь – каждая социальная группа, каждая страта, каждая часть этого социального тела в томистской теологии обладала своей «целью», образуя единый организм.

Итак, взгляд на общество как на социальное тело, в котором разные члены добродетельно выполняют разные функции на общее благо, был заимствован христианством из античной политической мысли и переосмыслен с учетом сложившихся в средневековом европейском обществе социальных градаций. Подобная классификация позволяла описать общество на основании функциональной специализации отдельных страт, поэтому такой взгляд на социальную структуру можно назвать *функционалистским*: каждая страта общества здесь имеет собственные функции, и спасение отдельного индивида зависит от того, насколько успешно он их исполняет. Зависят от них и права с привилегиями.

Не рассматривая здесь вопроса о том, до какой степени функционалистский, органицистский взгляд на социальную структуру был характерен для средневековой Руси, подчеркнем: на протяжении XVII в., по мере возрастания контактов с малороссийским духовенством, развивалась и соответствующая система понятий. В коммуникативных стратегиях церковной элиты российского XVIII в. сословная структура, сформированная

¹¹⁷⁶ Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 118.

российским правом, практически не находила отражения. Церковные иерархи – следуя в целом логике функционализма – предпочитали говорить о делении подданных императора по родам занятий: воины, судьи, земледельцы – и, конечно же, священнослужители и цари.

Одним из наиболее ярких примеров того, как функциональный взгляд на социальную структуру воплощался в церковной проповеди начала XVIII в. – проповедь Стефана (Яворского) «Колесница четырехколесная многоочитая, Езекиилем пророком виденная» (1704)¹¹⁷⁷. Стефан использовал здесь любимую метафору, смешивая таинственное видение пророка Иезекииля (Иез. 1:5-24) с образом «триумфальной колесницы», символизирующей Россию¹¹⁷⁸. Однако в данном случае образ колесницы позволил Стефану развернуть органицистскую перспективу взгляда на социум. Ведь каждое из колес «триумфальной колесницы», влекомой чудесными животными, символизирует собой социальную страту – «чин» – к которым Стефан поочередно обращается¹¹⁷⁹.

Первое колесо – это «первый чин сигклита царского, князей, бояр, велмож, советников царских»; Стефан разъясняет, каким образом «начальниц велможей» можно назвать «колесами». Колесо, несущее тяжесть – адекватный образ начальства (и, шире, социальной жизни вообще), поскольку среди эмблем колесо фигурирует с девизом «инем работаючи сокрушаюся». Кроме того, колесо символизирует Фортуну, которая то поднимает начальников, то сбрасывает их вниз; примерами таких «колес не многоочитых» Стефан называет Амана, Сеяна, Евтропия и Велизария. Христос заповедал начальникам быть «колесами многоочитыми», чтобы «научити тех, котории на высоких властях аки на горах пребывают, и в светлостях, фортунных, аки в солнечных блистаниях сияют, дабы памятовали на смерть, дабы имели очеса в колеси, присматрующися его непостоянному обращению, како от земли в гору возносится, и по мале времени паки с горы к земле прекланяется»¹¹⁸⁰.

¹¹⁷⁷ Преосвященного Стефана Митрополита Рязанскаго Колесница четырехколесная, многоочитая, Езекиилем Пророком виденная, на триумфальное вшествие уготованная Российскому Августу и повелителю, Благочестивейшему Государю нашему Царю Петру Алексиевичу всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу, по толиких преславных над Шведами победах в свой престольный царствующий град Москву входящему, проповедническим художеством на новозачатый год 1704 // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворскаго, преосвященнаго митрополита Рязанскаго и Муромскаго, бывшаго местоблюстителя престола Патриаршаго, высоким учением знаменитаго, и ревностию по благочестию преславнаго. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1804. С. 185–224.

¹¹⁷⁸ Стефан Яворский является автором целого цикла «колесниц», опирающегося на образность видения Иезекииля: «Колесница торжественная» (1703), «Колесница четырехколесная многоочитая, Езекиилем пророком виденная» (1704), «Жатва торжественная» (1705) и «Торжественной колесницы путь сугубый» (1706).

¹¹⁷⁹ Преосвященного Стефана Митрополита Рязанскаго Колесница четырехколесная, многоочитая. С. 187.

¹¹⁸⁰ Там же, с. 188–200.

Второй чин – чин воинов – Стефан называет «колесом, громы испущающим», сопоставляя с ним эмблему «звезда с небеси падающая, а на верху начертание мнится падати». Стефан имел в виду, что – подобно тому, как падение небесной звезды есть обман зрения – воины падают только «мнением» простых людей, но не «истиною»; примерами воинов, стяжавших бессмертие в славе и оставивших «адаманта твердейшую» память, служат Александр Македонский, Муций Сцевола, Эпаминонд и целый ряд других полководцев, воинов и завоевателей. В конечном счете для воинов колесо означает вечность¹¹⁸¹. Третье колесо, духовный чин, «должни суть Богомольством своим бремена царствия носить»¹¹⁸².

Четвертое колесо, «чин людей простонародных», Стефан именует «скрыпчивым»: «Скрыпчивое то колесо никогдаже тихо не умеет ходити: всегда скрыпит, всегда ропщет. Наложил какое тяжало, то и станет скрипеть». Это – то колесо, которое хочет работать на свою пользу, тогда как три остальных колеса трудятся ради общей пользы. Здесь Стефан при разъяснении подданического долга монарху прямо использует органицистскую метафору: «Кесарей бо и царей главами нарицает писание святое, а подданных удами. Сия убо должни суть кесарю, что должни суть главе уди. Глава о удах промышляет, а уди главу за то любят, а любят нелицемерно: без главы бо им жити несть мощно. Уды главу всячески защищают, например: хочет кто кого ударити во главу, тотчас рукою заставляет голову. <...> Руку бо погубивши может еще жити, а главу погубивши и сам погибнет. Уды главе послушны, что только глава домислит, то уды исполняют. Уды повинуются главе, не бунтуются на главу». Призывая четвертое колесо «не скрипеть», Стефан одновременно не одобряет наложения чрезмерного бремени, вспоминая пример жестокого Ровоама. Чтобы колесо не скрипело, его следует смазывать; масло в данном случае символизирует мягкость; владыкам следует «жестокость с милосердием мешати, и такую мазию мастити скрипящая колеса»¹¹⁸³.

Колеса должны двигаться туда, куда везут колесницу животные, и не противиться «тяглу». А та колесница, где «окаянные колеса, бесом движимыя» противятся «тяглу» – не Божья, но дьявольская; их ждут вечные муки. Подобно тому, как чародей отказывается от Бога и предается дьяволу, так и бунтовщик «оставляет истинного господина своего, который

¹¹⁸¹ Преосвященного Стефана Митрополита Рязанскаго Колесница четырёхколесная, многоочитая. С. 201-208.

¹¹⁸² Там же, с. 209–211.

¹¹⁸³ Там же, с. 211–214.

истинного Бога изобразует»¹¹⁸⁴. Таким образом, повиновение «тяглу» необходимо не только ради общего блага, но и ради спасения: исполнение каждым «чином» своей должности (управление, война, молитва, земледелие) заповедано Богом.

Другой крупнейший проповедник начала XVIII в. – Феофан (Прокопович) – в знаменитом «Слове о баталии Полтавской» (1717) описывал возникновение зависти между людьми с помощью обращения к функциональным категориям социальной структуры: «Гордыня не родит зависти к дальним, но к ближним: к ближним, глаголю, или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по державе верховной и протчая. На пример: не завидит купец воину его мужества; не завидит воевода священнику его учительства; не завидит кузнец живописцу его искусства. Не живет зависть в разности, живет в близкости: воин воину, властелин властелину, художник тогожде дела завидит художнику»¹¹⁸⁵. Равным образом и в «Слове о власти и чести царской» (1718) Феофан вновь обращается к функциональному пониманию социальной структуры, на сей раз говоря о том, что священнослужители составляют лишь одну из категорий такой структуры: «Священство бо иное дело, иной чин есть в народе, а не иное государство. А яко же иное дело воинству, иное гражданству, иное врачам, иное художникам различным, обаче вси с делами своими верховной власти подлежат; тако и пастырие, и учителие, и просто вси духовнии имеют собственное свое дело, еже быти служители божиими и строители тайн его, обаче и повелению властей державных покоренны суть, да в деле звания своего пребывают»¹¹⁸⁶.

В произнесенном в том же году «Слове в день святого благоверного князя Александра Невского» (1718) Феофан сформулировал функциональную концепцию «чинов»: «Аще же всякий чин от Бога есть <...> то самое нам нужнейшее и Богу приятное дело, его же чин требует, мой – мне, твой – тебе, и тако о прочих <...> И просто рещи, всяк разсуждай, чесого звание твое требует от тебе, и делом исполняй требование его». Здесь Феофан перечисляет следующие «чины»: «царь», «сенатор», «воин», «пастырь духовный», а также «родители и чада», «мужие и жены», «господие и рабы». Путь спасения – исполнение того,

¹¹⁸⁴ Преосвященного Стефана Митрополита Рязанского Колесница четырехколесная, многоочитая. С. 219–220.

¹¹⁸⁵ Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпитебурхе в церкви Живоначальных Троицы чрез честнейшаго отца ректора Прокоповича июня в 7 день 1717 // Феофан Прокопович. Сочинения. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 50.

¹¹⁸⁶ Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской, яко от самого бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие долженствуют; кто же суть и коликий имеют грех противляющися им. Лета господня 1718 году, априллия в 6 день, в царствующем Санктпитебурхе, в неделю цветную // Феофан Прокопович. Сочинения. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 88.

«что ты должен еси Богу, государю, отечеству, всяком собственно ближнему, словом реци: что должен званию твоему?»¹¹⁸⁷ Каждый чин – то есть социальная страта – связан с добродетельным исполнением определенного рода обязанностей.

Обращения к социальной структуре как к иерархии функциональных обязанностей – «состояний», усердное исполнение которых является гражданской обязанностью христианина – позволяют поместить мысль и Стефана Яворского, и Феофана Прокоповича в контекст томистской проповеднической традиции.

Случаи обращения проповедников российского XVIII в. к социальной структуре не так уж и часты (основной массив проповедей не уделял этим вопросам внимания), однако в тех случаях, когда церковные иерархи все же начинали рассуждать на эту тему, они развертывали картину, соответствующую тем идеям, которые были представлены в проповедях Стефана и Феофана. Так, архиепископ Новгородский и Великолуцкий Амвросий (Юшкевич), описывая блага мирного состояния в «Слове в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного третьяго благодарения, о состоявшемся вечном между Империею Российскою, и Короною шведскою мире» (1744), обрисовывал социальную структуру, выделяя «церковь», «Государя», «министров и сенаторов», «воинов», истцов и судей, «купечество», «земледельцев». Каждая из категорий обладает своей функцией и отправляет свою должность: «Во время мирное честь Божия сохраняется и распространяется, церковь Христова созидается, учения заводятся. Государь о внутренних делах к ползе отечеству и подданных своих печется и промышляет. Министры и Сенаторы благия советы и промыслы о добром состоянии Государства прилагают и впредь будущия рассматривают, как бы в лучшее благополучие привести всенародное собрание». Воины отдыхают, обижаемые «в судах и приказах» защищаются. Отстраиваются города и крепости. Купечество, получив свободный путь по морю и суше, «о прибыльных промышляет куплях и вящия себе получает корысти». Земледельцы «радостно трудятся», и «друголюбное со всеми в тихомиирии жителство провождают, и забывше прежних тревог и опасностей, о мире и победах своего воинства разглагольствуют»; а также чтут Бога и от «избытка радости» поют торжественные песни и сочetaют своих детей браками¹¹⁸⁸.

¹¹⁸⁷ Феофан Прокопович. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александроневском при Санктптербурхе 1718 году // Феофан Прокопович. Сочинения. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 98.

¹¹⁸⁸ Слово в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного третьяго благодарения, о состоявшемся вечном между Империею Российскою и Короною шведскою мире, при высочайшем присутствии Всепресветлейшия Великия Государыни Императрицы Елисавети Петровны Самодержицы Всероссийския, и его Императорскаго

Архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский Сильвестр (Кулябка) в одной из проповедей 1750 г. («Слово краткое при первом служении в соборе Казанской Богородицы по пожаловании во архиепископа, сказанное Силвестром архиепископом Санктпетербургским и Шлютелбургским и Архимандритом Троицкаго Александроневского монастыря 1750 года июля 8 дня»), восхвалявшей императрицу Елизавету, демонстрировал общественную гармонию с помощью сложной структуры категорий: «Наследство Петрово», «священство», «высокое правительство», «благородство», «военачальство», «воинство», «мужие и жены», «старцы и юноты», «юноши и девы», «господие», «раби» и, наконец, «старые и малые, всякий поле, всякий роде Христов»¹¹⁸⁹.

А еще позднее, в проповеди 1770 г., епископ Тверской Гавриил (Петров) отмечал: «Когда различие божественных дарований составляет совершенство общества, то, дабы оно было совершенно, требуется, чтоб оныя соблюдены были в своей целости <...> чтоб всякой человек, не теряя сил своих, употреблял их как для себя, так и для других»¹¹⁹⁰.

Архимандрит Антоний (Румовский) в «Слове в торжественный день рождения Всепресветлейшая, Державнейшая, Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны» (1771) начинает описание социальной структуры с указания на естественное равенство людей, переходя затем к описанию добродетелей, исполнение которых позволяет достичь «благополучия общества»: «Ибо мы все равно раждаемся в свет сей по слову Соломонову: Един есть всем вход во житие, но трудами только дарования наши приводя в совершенство друг от друга отличаемся. И так чтоб возвысить состояние наше, и исполнить намерение Создателя, надобно понести труды, и к таким особливо прилепиться, кои отверзают нам дверь к временному и вечному блаженству. Сие рассуждение до каждого человека касается; но как взаимным между собой союзом связанные составляют общество, то здесь ближнего место занимает общество, и тогда всем нашим стараниям предметом должны быть целость онаго и непоколебимость. Предмет тем любезнейший, что каждого

Высочества Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и Обрученныя Невесты его, Ея Императорскаго Высочества Благоверныя Государыни Великия Княжны Екатерины Алексеевны, проповеданное в Москве в Соборной Успенской Церкви Синодалным Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Новгородским 1744 года, июля 15 дня. М.: Московская типография, 1744. С. 23–24.

¹¹⁸⁹ Родосский А. С. К неизданным памятникам русского церковного проповедничества в XVIII столетии. «Преидики, сказанныя Силвестром Архиепископом Санкт-Петербургским и Шлютелбургским и архимандритом Трицкаго Александроневского Монастыря 1750 года» // Христианское чтение, 1898, № 12. С. 923–924.

¹¹⁹⁰ Слово в торжественный день возвышения на Всероссийский Престол Всепресветлейшая Державнейшая Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексиевны Самодержицы Всероссийския, проповеданное синодалным членом Гавриилом еп. Тферским в придворной Петергофской церкви 1770 года в Санктпетербурге. СПб.: [Тип. Морского кадетского корпуса], 1770. С. 6.

особенное благополучие сопряжено с благополучием общества. Оно тогда процветает, когда все члены онаго, каждый, не теряя из виду добродетели, со тщанием исполняют свои звания. Пренебрежение оных влечет за собою разрушение общего благосостояния». Речь идет, конечно же, о том, что «исполнение званий» привязано к социальным стратам, выделенным на функциональном основании. Следуя принятому среди церковных иерархов языку, Антоний характеризует основные страты – это «судии», «воины», «купцы» и «земледельцы»¹¹⁹¹. Каждая из страт обладает собственной социальной функцией: судьи обеспечивают правосудие, воины защищают Отечество, купцы и земледельцы – «о праведном употреблении имения своего» (первые – о доставлении «изобилия», а вторые – об обработке полей).

Крупнейший церковный оратор екатерининской России, митрополит Московский Платон (Левшин), также описывал общество равных по рождению людей, различающихся принадлежностью к определенным функциональным группам. Например, в «Слове в день рождения <...> Павла Петровича» (1764) Платон разъяснял: «Рождением получаемая жизнь есть обща всем. Подлый и благородный, богатый и убогий, ученый и невежа, мужественный и боязливый, все единым образом раждаются, и никакого тогда един от другаго не имеет различия»¹¹⁹².

В «Слове на Новый 1771 год» Платон вновь воспроизвел уже знакомую нам функциональную структуру, говоря о процветании России под властью Екатерины II: «Мы, любезные граждане, соединены одним союзом общества, едино любезное отечество объемлет нас, мы обитаем под крылами пространной и преславной России». Воздав должное законам и правосудию императрицы, Платон переходил к кратким характеристикам отдельных страт упомянутого «союза общества» – земледелию, коммерции, судам, училищам (которые в данном случае соответствуют «художникам»), а также церкви. За этой характеристикой следовало перечисление других «учреждений», по существу – сегментов социальной иерархии, где мудрость Екатерины имеет благотворное действие: «призрение бедных и несчастливых сирот», человеколюбие в отношении «уз рабства» и, наконец,

¹¹⁹¹ Слово в торжественный день рождения Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня Императрицы Екатерины Алексеевны при высочайшем присутствии его императорского высочества государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, сказыванное в придворной церкви Вяжицким архимандритом Антонием 1771 года. СПб.: Императорская Академия наук, 1771. С. 6–7.

¹¹⁹² Платон. Слово в день рождения Его Императорскаго Высочества, Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 1. М.: П. П. Сойкин, 1913. С. 109.

«обхождения житейские» начальников с подчиненными. Охарактеризовав таким образом социальную структуру России, Платон переходил к пространным восхвалениям победоносного «воинства»¹¹⁹³. Точно так же и в произнесенном при дворе «Слове в день рождения Ея Императорского Величества» (1775) Платон, говоря о разных видах «служения», связывал их с социальными группами. Отдельно названы четыре «должности» – царь, судия, священник, воин; остальные «должности» объединены как «другие в обществе звания», которые тем не менее следует исполнять с «рачением, безпристрастием, верностью и честностью»¹¹⁹⁴.

Указанная концептуальная модель воспроизводилась не только в придворной проповеди, но и в более широких обращениях. Так, в «увещательном послании» 1770 г.¹¹⁹⁵, обращенном «ко градам Тверской паствы», Платон обращался к различным социальным группам с краткими напутствиями относительно правильного выполнения их социальной функции – священникам и монахам, «господам» и «рабам», «судиям» и «подчиненным судиям», родителям и детям, купцам и земледельцам с художниками. Все эти категории Платон объединял под именем «всех православных христиан, всякого чина и состояния». Как видим, и здесь присутствуют судьи, купцы, художники и земледельцы. Аналогично и в более раннем «Слове в день рождения Его Императорского Высочества» (1766) Платон, говоря о социальных категориях, упоминает земледельца, корабль (т.е. «купец»), жнеца и художника¹¹⁹⁶; не хватает только судьи, а земледелец и жнец отсылают к одной и той же социальной страте. Наконец, в «Слове, сказанном при первом посещении града Калуги, 1775 года, декабря дня» Платон увещевал паству исполнять звания, «в какие кто призван от Бога», кратко перечисляя эти звания. Какие же социальные группы назвал Платон? Это три категории, связанные взаимными обязательствами – родители и дети, «властелины» и «подчиненные», «мужи и жены» – а также «купцы», «художники» и «пастыри духовные». В данном случае Платон не упоминает ни земледельцев, ни судей¹¹⁹⁷.

¹¹⁹³ Платон. Слово на Новый, 1771 год // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 3. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 317–318.

¹¹⁹⁴ Платон. Слово в день рождения Ея Императорского Величества (Екатерины II) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 3. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 383.

¹¹⁹⁵ Платон. Увещательное послание ко градам Тверской паствы, по посвящении во Архиепископа на Тверскую епархию, октября 10 дня 1770 года // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 2. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 314.

¹¹⁹⁶ Платон. Слово в день рождения Его Императорского Высочества // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 2. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 214.

¹¹⁹⁷ Платон. Слово, сказанное при первом посещении града Калуги в 1775 года, декабря дня // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 3. М.: П. П. Сошкин, 1913. С. 435.

Примером того, что функциональная модель социальной стратификации использовалась и при обращении к рядовым прихожанам, являются проповеди Тихона Задонского, епископа Воронежского. В проповеди 1765 г., обращенной к «воронежской пастве», Тихон приветствовал слушателей проповеди, перечисляя разные социальные группы: «Вижу священный чин служителей Бога Вышнего, вижу градоначальников и военачальников, вижу воинов, Церкви святой и Отечества заступников. Вижу в судебных местах заседающих, суд Божий творящих, и их сотрудников, для пользы Отечества, для благого состояния день и ночь неусыпно трудящихся. Вижу изрядное и Отечеству преполезное купечество. Вижу наконец, всякого звания и чина людей множество, вижу старых и молодых». Здесь, как видим, присутствуют священнослужители, «начальники», воины, «судии», купцы.

Интересно, что в продолжении текста проповеди Тихон выделял уже «воина» и «купца» (упомянутых и в начале), добавив к ним отсутствовавшего в первом обращении «земледельца», но не упоминая уже ни «начальника», ни «судию»: «Храброго воина, который желает от Монарха получить высокий ранг, не уstraшает треск и звук смертоносный, он идет прямо, подвергает себя всякой опасности. Трудлюбивого купца, который хочет временное и тленное богатство собрать, не уstraшает, ни беда, которая может прийти от моря, ни беда от разбойников, ни беды от иноплеменников, ни разлука с женой и детьми, ни странствование вдали от сладкого Отечества. Земледелец сколько проливает пота, все лето жаром солнечным сжигаемый, для того только единственно, чтобы вожденный собрать плод!»¹¹⁹⁸

В другой проповеди того же года Тихон, призывая паству «отбросить житейские помыслы», обращался поочередно к «земледельцу» (называя его «мужичок пахарь»), «купцу», «воину», «подьячему и секретарю», «судие» и, наконец, «священнику»¹¹⁹⁹.

Итак, можно говорить о своеобразной концептуальной модели социальной стратификации, устойчиво воспроизводившейся в творчестве церковных иерархов – которое, как мы установили в предшествующий главах, формировало основной массив политической литературы XVIII в. Эта модель – представленная в кратко рассмотренных выше проповедях иерархов от Стефана (Яворского) до Платона (Левшина) – опиралась на

¹¹⁹⁸ Тихон. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы // Святитель Тихон Задонский. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 488.

¹¹⁹⁹ Тихон. Слово на освящение храма во имя святых апостолов Петра и Павла, что на Акатове, в Воронеже // Святитель Тихон Задонский. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 475.

функциональный критерий. Интересно, что в этой структуре не находилось места *дворянству*: функциональный принцип стратификации означал, что дворяне могли представлять как воины либо судьи.

Альтернативой был массив проповедей, произнесенных иерархами при открытии наместничеств, связанный с реформой 1775 г. и созданием системы корпоративного самоуправления на местах. Важным является замечание А. И. Зерновой о том, что, говоря о реформе, проповедники в первую очередь обращаются к дворянству – в качестве примера Зернова приводит проповеди Самуила (Миславского) и Иоасафа (Заболоцкого)¹²⁰⁰. Добавим, что сходным образом действовал и митрополит Платон: в «Слове при открытии в Калуге нового наместничества» (1777) он, называя целью реформы общее благо, подтверждал утверждение краткой характеристикой того, что отдельные социальные группы выигрывают от преобразований. Социальная структура, о которой Платон говорит здесь, отличается от матрицы, обрисованной выше: речь идет о «благородном дворянстве», «почтенном купечестве», «поселянстве» (вместо земледельцев!) и о «духовных»¹²⁰¹.

Однако обращение к дворянству в проповедях, сопровождавших реформу 1775 г., было не правилом, а исключением из правил. Ведь для того, чтобы описать общество, иерархи церкви использовали функционалистский язык, позволявший связать социальные группы с определенными «должностями». Дворянство не было связано с функцией / «должностью» и, соответственно, не попадало в поле зрения проповедников. Конечно, присутствующие практически во всех риторических стратегиях категории воинов и судей подразумевают дворян, поскольку восходят к средневековой ситуации, в которой роль *bellatores* выполняли феодалы. Однако в реалиях России XVIII в. с ее рекрутской армией язык описания «воинства» оставался амбивалентным и не сводился к дискурсу о военной доблести дворянства. То же можно сказать и о судьях.

Разумеется, функционалистский язык, описывавший социальную структуру российского общества, не был ограничен рамками церковного дискурса¹²⁰². Не был он – как,

¹²⁰⁰ Зернова А. И. «Власть без доверия нации – ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств // Россия XXI. № 4. 2013. С. 153–154.

¹²⁰¹ Платон. Слово при открытии в Калуге нового наместничества. С. 478.

¹²⁰² Например, в диалоге «Разговор о должностях человека», опубликованном в журнале «Ежемесячные сочинения» в 1755 г., декларировалась необходимость помимо общей «честности» соблюдать специфическую должность каждого «состояния», «звания» или «профессии»: «По вопросу в какомнибудь человеке, знает ли он чтонибудь? разумен ли он? не имеет ли какова порока? я бы еще спросил, имеет ли он те свойства, которые особливо нужны к его званию. Храбр ли сей Военачальник? искусен ли сей врач? разумен ли сей старик? сия мать имеет ли попечение о своей фамилии?» (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Генварь 1755 г. СПб.: Имп. Акад. наук, 1755. С. 234).

впрочем, уже отмечено выше – и специфическим для России. Чтобы избежать пространных цитат, ограничимся лишь примером наиболее известного сочинения «о должностях» из тех, что выходили на русском языке в XVIII в. – «Руководство к честности и правости, то есть в малых училищах учащейся славеносербской не униатской юности на чтение определенная книга. Anleitung zur Rechtschaffenheit oder das für die in den Trivialschulen lernende slavonisch-servische nicht unirte Jugend bestimmte Lesebuch» (1777) И. Фельбигера¹²⁰³, германского педагога и реформатора австрийской системы образования. Переложение книги Фельбигера на русский язык вышло в 1783 г. под заглавием «О должностях человека и гражданина». Сочинение было предназначено «к чтению в народных городских училищах Российской империи», выдержав в общей сложности целых 11 переизданий¹²⁰⁴.

Что же сообщал этот официальный учебник екатерининской России о добродетелях и «должностях»? Идеи Фельбигера были едва ли не идентичны тем соображениям о социальной структуре, которые акцентировали российские проповедники¹²⁰⁵: «Во всяком звании можно быть благополучным... Благость Божия ни единого человека не исключила от благополучия: граждане, ремесленники, поселяне, так же рабы и наемники могут быть благополучными людьми»¹²⁰⁶. Общество предстает конгломератом различных должностей, которые соответствуют разным ступеням социальной иерархии: земледельцы-простолюдины, художники (ремесленники) и торговцы, духовенство, дворянство и солдаты. Однако существование подобной иерархии не отменяет того, что с моральной точки зрения «должности» равны между собой: «Правда, что во всяком звании есть нечто приятное, чего другие звания не имеют: но зато и всякое звание имеет собственные свои тягости. Самое естество вещей мира сего приносит сие с собою и сам Бог тако устроил. И так, кто иное звание себе избирает, или кого Бог в иное звание поставляет, тот должен и тягости звания

¹²⁰³ Книга Фельбигера вышла в Вене одновременно на немецком и церковнославянском (Руководство к честности и правости, то есть в малых училищах учащейся славеносербской не униатской юности на чтение определенная книга. Вена: Курцбек иллюстрирующая восточная типография, 1777). Перевод на русский язык выполнил Ф. Янкович де Мириево, «один из лучших сотрудников-сербов» Фельбигера, направленный по просьбе Екатерины II в Россию (Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы. М.: НЛЮ, 2015. С. 95–98).

¹²⁰⁴ Замалева А. Ф. «Новая порода людей», или философия воспитания эпохи русского Просвещения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. № 2. С. 96.

¹²⁰⁵ Как отмечает германский историк К. Шарф, «происходившее из германских земель лютеранско-пиетистское учение о должностях человека было перенесено аббатом Фельбигером в многоконфессиональную Дунайскую монархию, управлявшуюся благочестивой католичкой Марией Терезией, откуда благодаря православному сербу попало в круг обязательного школьного чтения в Российской империи при Екатерине II» (Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы. С. 98). Но, как представляется, учение о «должностях» не может считаться всецело признаком пиетистского влияния; и уж во всяком случае российским элитам не нужно было обращаться к сочинению Фельбигера, чтобы почерпнуть подобную концепцию. Напротив, содержание книги Фельбигера чрезвычайно сходно с содержанием российской придворной проповеди.

¹²⁰⁶ Фельбигер И. О должностях человека и гражданина. СПб.: [тип. Акад. наук], 1783. С. 1.

того на себя принять и терпеливо оные сносить. Не должно нам никогда того желать, что званию нашему непристойно, потому что и получить того не можно»¹²⁰⁷. Ведь, согласно Фельбигеру, «истинное благополучие есть в нас самих», а потому следует спокойно и старательно исполнять «общественные должности, на которые мы от Бога определены».

Другой пример предлагает нравоучительное сочинение П. М. Захарьина «Путь к благонравию» (1798), содержащее среди «общих правил для юношей во всяком состоянии» весьма пространные описания добродетельного исполнения отдельных должностей – судьи, купца, воина, художника, земледельца и, наконец, раба (господин-помещик в списке должностей, что показательно, не фигурировал). Захарьин заключал: «Каждое Государство, для общего благоденствия, разделяется на разные степени, а каждая степень и различные оных части, обязаны исполнять свою должность с точностью и без роптания <...> Исполняя все сие, удовлетворишь ты обязанность свою Богу, Монарху, обществу и самому себе»¹²⁰⁸. Как видим, Захарьин – мелкий дворянин и чиновник, начавший свою карьеру при Г. Р. Державине в бытность того тамбовским губернатором и прославившийся многотомным морально-политическим романом «Арфаксад. Халдейская повесть» (1793–1795)¹²⁰⁹, – в точности воспроизвел ту же картину «должностей», что и церковные проповедники.

Можно заключить: функционалистский взгляд на социум предполагал таксономию страт, привязанных к широко понятым социальным функциям (например, военному делу или земледелию). Добродетель разных страт признавалась по существу равной: каждый человек может, старательно исполняя «должности» того «чина», в котором ему суждено родиться, быть добродетельным и обрести воздаяние. Это касалось не только воздаяния в небесной жизни, о котором говорили церковные проповедники, но и вознаграждения в жизни земной.

В этом же духе использовались функционалистские описания и в рамках законодательства, говорившего о «должности» и необходимости ее выполнять перед лицом Бога и государя¹²¹⁰. Е. Н. Марасинова отмечает по поводу манифеста «О разных дарованных

¹²⁰⁷ Фельбигер И. О должностях человека и гражданина... С. 2–3.

¹²⁰⁸ Захарьин П. М. Путь к благонравию, или Сокращенное наставление обучающемуся юношеству, содержащее в себе полезные и нравоучительные правила для всякого звания и состояния людей. Николаев: Черноморская Адмиралтейская типография, 1798. С. 93.

¹²⁰⁹ Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. С. 203–206.

¹²¹⁰ Марасинова Е. Н. Власть и личность. С. 220.

народу милостях» от 2 сентября 1793 г., подводившего своеобразные итоги длительному царствованию Екатерины II: «Этот документ позволяет еще раз уточнить представления престола о социальной структуре общества, находящегося у его подножия, а также выявить ожидания российского самодержавия в отношении подданных»¹²¹¹. И представления эти в полной мере совпали с теми взглядами, которые мы рассмотрели выше! Екатерининский манифест упоминал о «добродетелях подданных наших», которые «были и суть надежнейшие средства к обеспечению внутреннего и внешнего спокойства, и к возведению общего и частного благосостояния на высшую степень»¹²¹². Далее эти «добродетели» конкретизировались для каждой социальной группы: «пастырей», «гражданских правителей», «попечителей государственного хозяйства», судей, воинов, дворян (которые были описаны как судьи и воины, без упоминания об их роли как руководителей «экономии» поместий), купцов и мещан, земледельцев.

Функционалистское описание социума было по сути статичным (акцентируя необходимость выполнения «должности»), однако в комбинации с концепцией *службы* оно открывало возможности и для описания динамики внутри социальной стратификации. Усердная реализация «должности» была способна привести к вполне реальному социальному росту – например, при помощи петровской «Табели о рангах», устанавливавшей автоматическое воздаяние для тех, кто оказывает отечеству особенные услуги. Но в целом подобный взгляд на общество был ориентирован на то, чтобы каждый индивид оставался доволен исполнением той «должности», которая ему определена, и не стремился к мобильности.

К сходным выводам приходит на основании анализа российской драматургии XVIII в. и американская исследовательница Э. Виртшафтер: «Различение между добродетелью и социальной иерархией предполагает, что философские и моральные принципы, принятые драматургами XVIII века, могли бы привести к трансформации социального порядка. Но на протяжении всего XVIII столетия такой исход оставался невероятным для громадного большинства образованных россиян, которые видели “общество” не столько социальной структурой, определяемой с помощью законов, сколько набором моральных отношений, укорененных в естественном порядке. Вера в Бога пронизывала театр Просвещения, что –

¹²¹¹ Марасинова Е. Н. Власть и личность. С. 220.

¹²¹² Манифест. О разных дарованных народу милостях // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIII. С. 1789 по 6 Ноября 1796 года. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. № 17149. С. 457–458.

при фокусе на земной жизни – поощряло также и применение религиозного стандарта к гражданским отношениям. Таким образом, злоупотребления иерархии и власти представляли результатом личного морального несоответствия, а вопрос о том, как лучше культивировать моральную добродетель становился центральным для понимания общества»¹²¹³.

5.2. Социологизм: республиканские обоснования дворянской исключительности

Петровская «Табель о рангах» задавала тройственное деление службе, добавляя к «судьям» и «воинам» еще и придворных. Пункт 11 «Табели о рангах» устанавливал различие между «породой» и «рангом», недвусмысленно отрицая связь между этими принципами стратификации: «Все служители российские или чужестранные, которые осми первых рангов находятся, или действительно были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лутчему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя б они и низкой породы были, и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были»¹²¹⁴. Именно это устойчивое деление воспроизвели такие яркие представители административно-придворной элиты первой половины XVIII в., как А. Д. Кантемир и В. Н. Татищев.

Так, в знаменитой сатире «На зависть и гордость дворян злонравных» (1729) Кантемир использовал именно функциональный взгляд на социальную структуру. Знатное происхождение одного из персонажей сатиры, Евгения, не дает ему никакого преимущества перед другими дворянами, получающими чины и знаки отличия благодаря собственным качествам. Благородство нельзя унаследовать, ведь оно не что иное, как «заслуг мзда», и заключается не в документах, а в добродетели¹²¹⁵:

¹²¹³ Wirschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 100–101.

¹²¹⁴ Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных: Которые в котором классе чины, и которые в одном классе, те имеют по старшенству времени, вступления в чин между собою, однакож воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. М.: Моск. тип., 1722. С. 11–12.

¹²¹⁵ Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. С. 71.

Разнится – потомком быть предков благородных,
 Или благородным быть. Та же и в свободных
 И в холопах течет кровь, та же плоть, те ж кости.
 Буквы, к нашим именам приданные, злости
 Наши не могут прикрыть; а худые нравы
 Истребят вдруг древняя в умных память славы,
 И, чужих обнажена красных перьев, галка
 Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.

В примечаниях к сатире Кантемир отмечал, что «дворянству подлежат три рода службы: военная, судейская, придворная; во всех тех к исправлению должности своей, наипаче в вышних степенях, требуется много различных знаний и искусств». Соответственно, сентенции – заимствованные в данном случае у Буало и у Ювенала – об изначальном равенстве людей и о том, что благородным человека делает не происхождение, но поведение, Кантемир дополняет описанием функционального характера службы дворян.

Придворная служба равна военной и гражданской, чему Кантемир дает пространное разъяснение: «Филарет столь сильно доказал Евгению его недостатки и пороки, для которых никаким образом требовать бы не должен, чтоб произведен был в морские или сухопутные воеводы, или в судьи и губернаторы, что Евгению ответственность ничего не оставил. Предвидит, однако ж, что может представить, что придворная служба таких искусств и знаний не требует и что потому обижают его, Евгения, когда ему подобных, каков, например, Клит, производят в камергеры, а он еще забыт остается. Для того Филарет принимается изъяснить, что и придворному человеку нужно не меньше свойств добрых и искусства. В самом деле, плохо те судят, кои чают, что одно дворянское имя и богатство довольны тому, кто в дворе жить уставил; бедства и там подлежат, которых миновать не мало благорассудства требуется; не без труда – достать себе там высших милость, равных любовь, подчиненных почтение»¹²¹⁶. Итак, во всех трех случаях – военной, гражданской и придворной службы – чины и знаки отличия зависят исключительно от действий самого человека, от его способности исполнять ту или иную функцию, а не от унаследованного статуса.

¹²¹⁶ Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонаправленных. С. 86.

В свою очередь, Татищев в «Лексиконе российском» (40-е гг. XVIII в.) давал дворянству определение, которое сочетало функциональные характеристики и указание на особый статус: «Дворянство, или шляхетство, есть главный и честнейший стан государства, зане оно есть природное для обороны государства воинство и для расправы министерство или градоначальство». Татищев определял дворянство одновременно как выслуживаемое («никому того ис подлости дослужиться и равномерную честь получить не препятствует») и наследуемое, «природное». Дворянство отличается от других «станов» (духовенства, купечества и «подлости») наличием привилегии: оно имеет гербы, может владеть и управлять вотчинами, после истечения срока службы имеет свободу не служить и, наконец, «ни в какой вине, кроме всех государственных вин, к пытке не приводится»¹²¹⁷. Интересно, что аналогичная статья «Духовенство» у Татищева предельно лаконична и, кроме прочего, определяет духовенство как «чин», а не «стан»: «Духовенство, духовной чин все обще от поддиакона и до архиепископа»¹²¹⁸.

Конечно, в своей основе особый правовой статус вытекал из функционального назначения социальной группы: Татищев, например, перечисляет дворянские привилегии уже после функционального определения дворянства как воинов и судей, одновременно заключавшего в себе ссылку на особое значение этих функций («честнейший стан»). Но концепция об исключительности дворянства предполагала не просто провозглашение военной и судейской функций главными в обществе и соответственно – дарующими привилегии. Она предполагала одновременное замыкание дворянства в единую корпорацию.

Функционалистский взгляд на социум предполагал набор страт, члены которых равны в добродетельном исполнении своих «должностей» и могут поэтому в равной мере рассчитывать на воздаяние. В противовес этому взгляду утверждение особой позиции дворянства совершалось при помощи анализа социологических истоков добродетели; акцент делался теперь не столько на качество исполнения «должностей», сколько на условия, которые позволяли культивировать добродетель.

Как отмечает российский историк И. И. Федюкин, в 30-х гг. XVIII в. в России складывается «новый стиль управления, в котором повиновение не ожидалось по умолчанию, но являлось продуктом манипуляций “желаниями” подданного – стиль,

¹²¹⁷ Татищев В. Н. Лексикон российской. С. 255-256.

¹²¹⁸ Там же, с. 269.

который обеспечил теоретические основания для освобождения российского дворянства в 1762 г.»¹²¹⁹ Ряд имперских сановников (в том числе – фельдмаршал Б. Х. Миних) выдвигает предложения об изменении чинопроизводства, связанные с необходимостью «анкуражировать» дворян, находящихся на службе, и обеспечить выдвижение тех, кто имеет «склонность» к службе. Добросовестное выполнение «должностей» (по крайней мере, военной и судейской) теперь оказалось связано не только с добродетелью, но и с определенными социальными качествами, прежде всего – с честолюбием, поощряемым конкуренцией, и с природной «склонностью».

В среде административно-придворной и интеллектуальной элиты Российской империи практически никогда не ставился под вопрос основополагающий тезис о том, что особый статус дворянства имел условный характер, определяемый службой дворян императору и общему благу страны, и был по своей сути функциональным. А значит, дворяне – это и вправду «судьи» и «воины» проповедей Стефана (Яворского), Феофана (Прокоповича), Платона (Левшина) и других церковных иерархов. Однако признание функционального характера службы и дворянского социального положения не было способно остановить формирование в среде элит консенсуса по вопросу о дворянской исключительности. Решающую роль в этой трансформации социального воображения сыграли представления о том, что функции связаны с иерархией особых качеств. Это, в свою очередь, заставило пересмотреть подходы к наследованию, воспитанию и досугу.

Один из ключевых политических текстов 2-й половины XVIII в. – «Наказ» Екатерины II (1767) – в XV главе дает определение дворянства как «нарицания в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены». Однако такому определению предшествуют сугубо функционалистские характеристики земледельцев, которые «живут в селах и деревнях и обрабатывают землю», и мещан, «которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках». Из текста соответствующей главы «Наказа» видно, что и дворяне «упражняются» в военном деле и в правосудии; однако обе эти функции являются лишь средствами к получению отличия. Дворянство, таким образом – в большей степени *привилегия*, чем *функция*: «Как между людьми одни были добродетельнее других, а при том и заслугами отличались, то принято издревле отличить добродетельнейших и более других

¹²¹⁹ Fedyukin I. «An Infinite Variety of Inclinations and Appetites». *Genie and Governance in Post-Petrine Russia* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. XI. P. 761.

служащих людей, дав им сие нарицание в чести, и установлено, чтоб они пользовались разными преимуществами, основанными на сих выше сказанных начальных правилах».

Получается, мещане и земледельцы менее добродетельны, чем дворяне? Учитывая, что в другой главе «Наказа» торговля исключалась из числа занятий, пристойных дворянству, можно ли сказать, что занятие торговлей не способно привести человека к добродетели? Положительные ответы на эти вопросы предполагали использование иной, отличной от функционалистской модели стратификации. В этой модели дворянский статус рассматривался как привилегия, даруемая наиболее добродетельным; на практике это означало, что место *иерархии функций*, где неравные по статусу страты одинаково добродетельно исполняют свои «должности» (земледелие, торговля, искусства, война, суд, проповедь), занимает *иерархия качеств*, в которой добродетель представителей различных страт не является равной. Российская исследовательница Е. Н. Марасинова справедливо подчеркивает *мотивационную* составляющую правительственных актов XVIII в., оформлявших дворянские привилегии¹²²⁰.

Дворянство в данном случае – это не просто результат усилий по исполнению военной или судейской «должности». Это результат социального и исторического процесса: когда-то в прошлом некоторые члены общества благодаря своей отменной добродетели приобрели особые привилегии (на основании в том числе и «анкуражирования» с поощрением конкуренции, о которых пишет в своих работах И. И. Федюкин), после чего их дети оказались в лучшем положении благодаря сложившейся традиции чести и материальному статусу, избавлявшему от работы и дававшему возможность учиться. В таком случае исполнение высших «должностей» зависело не только от персонального усердия, но и от исходного уровня подготовки! Априорно он был выше у дворян – отсюда и замыкание дворянского сословия, превращение дворянства из страты воинов и судей в страту *профессиональных господ*.

Кроме того, само понимание дворянских «должностей» расширилось – социологическое обоснование дворянской исключительности поддерживалось указаниями на статус дворян как землевладельцев. Поместья, которые когда-то выступали поощрением за службу, теперь стали аргументом в пользу наследственного закрепления привилегий даже за теми дворянами, которые ничем себя на службе не проявили или и вовсе не служили.

¹²²⁰ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С. 222–225.

В ходе дебатов о статусе дворянской «вольности» в Комиссии о вольности дворянской 1763 г.¹²²¹ влиятельный сановник Н. И. Панин предложил новаторскую идею о том, что дворянская «экономия» (помещичье хозяйство), если дворянин лично ей руководит, тоже является видом службы¹²²². Это мнение Панина, вошедшее в итоговый доклад Комиссии, предполагало следующий вывод: даже в поместье дворянин находится на службе и его «экономия», таким образом, не является его частным делом. Итак, управление поместьем – это тоже *служба*, равная тем трем видам социальных функций, о которых было сказано выше; дворянство – это не просто служилый «чин», но «чин» природных начальников, господ.

В статье 5 заключительного доклада Комиссии, поданного Екатерине II в марте 1763 г., дворянское право не служить обосновывалось именно тем, что служба и поместная «экономия» образуют равновесную систему. Следовательно, дворянин, находясь в поместье, «делает пользу государству земледелием и экономией своею». Чем больше службы, тем меньше «экономии»; государь может смещать баланс так, как ему подсказывает общее благо. Но, как отмечалось в докладе, уже в царствование Анны Иоанновны «повальное принуждение к службе дворян» перестало быть необходимым, поскольку войны с Польшей и Османской империей «отлучили вовсе хозяев от домостроительства и земледелие едва могло питать государство». Безудержное перемещение баланса в сторону службы привело бы к тому, что «ежели бы все до единого дворяне служить были принуждены, оставляя в домах престарелых и увечливых отцов или малолетних детей, то сколь бы ни плодородныя земли были в государстве – земледелие и вся внутренняя экономия пришли бы в крайнее всегда ослабление»¹²²³.

Почему же личное присутствие дворянина в поместье мыслилось ключевым элементом укрепления «экономии»? Это можно понять, только если провести грань между наемным управляющим либо арендатором и помещиком-дворянином. В зависимости от того, кто руководит хозяйством, поместье функционирует по-разному. Дворянин – это сплав домостроевского господина, который «страхом» спасает домочадцев и слуг от Божьего гнева, и доблестного гражданина, чьи выдающиеся качества поддерживают «общее благо».

¹²²¹ См. подробнее: Омельченко О. А. Императорское собрание 1763 года: (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: РИЦ МГИУ, 2001.

¹²²² Куломзин А. Н. Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению Высочайшей грамоты Дворянству Российскому // Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. СПб.: Тип. А. Е. Ландау, 1885. С. 36.

¹²²³ Там же, с. 49–51.

Именно в этом смысле идея о том, что помещичья «экономия» может быть равна государственной службе, обретала свою силу. Привилегией, которая придавала значение личному присутствию дворянина в поместье, было право на владение деревнями; дворянин должен был управлять не участками земли (с этим справился бы и арендатор, купец, наемник!), но несознательными, темными крестьянами.

К этому выводу и приходила в своем докладе Комиссия 1763 г.: «Фабрики, заводы и всякое домостроительство всегда у хозяина самого под глазами больше распространяется, нежели у поверенных его, которые, будучи крепостные люди, могут ли что знать, тем меньше изобретать новаго и полезного в ремеслах, рукодельях, содержании законов и тому подобным»¹²²⁴. Иными словами, между господином и слугой существует непреодолимая разница.

Доклад Комиссии опирался на вестернизаторскую перспективу: в нем постоянно подчеркивалось, что Россия много заимствовала из Европы для того, чтобы войти в число великих европейских держав. Соответственно, российское дворянство уподоблялось привилегированным европейским дворянским корпорациям. С другой стороны, российский дворянин – это наилучший гражданин, ревностно служащий государю и Отечеству; равенство службы и «экономии» означало, что весь набор гражданских качеств применяется и в поместье, и дворянин, по сути, *все время находится на службе*. Недаром члены Комиссии подчеркнули: «Который дворянин незначителен сам в доме своем, то и в службе не может быть много полезен»¹²²⁵. Уравнивание службы (то есть военного дела плюс правосудия) и «экономии» стало возможным не только благодаря признанию обоих родов деятельности равно полезными для «общего блага», но и благодаря идее о том, что в основе обоих родов деятельности лежат сходные модели поведения, движимые присущей дворянам особой моралью и особой добродетелью. Подобно службе Отечеству, хозяйствование в поместье является упражнением в добродетели, а не просто экономическим функционированием¹²²⁶.

Альтернативный взгляд на положение дворянства в социальной стратификации, окончательно сложившийся в 50 – 60-х гг. XVIII в., опирался на переоценку социальных

¹²²⁴ Куломзин А. Н. Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению Высочайшей грамоты Дворянству Российскому. С. 50–51.

¹²²⁵ Там же, с. 50.

¹²²⁶ Так, Д. Филд отмечает – применительно, правда, к 1-й половине XIX в.: «Говоря о “дворянстве”, современники обычно подразумевали владельцев крестьян, игнорируя правовые границы сословия» (Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861. Cambridge : Harvard University Press, 1976. P. 10).

функций дворян, которые из воинов и судей превратились в страту профессиональных господ и начальников – будь то на военной либо гражданской службе или в собственном поместье. Исключительные привилегии дворянства вытекали из социального и исторического анализа, показывавшего, что именно дворяне в силу имущественного положения и воспитания лучше подготовлены к выполнению функции господ, поскольку наделены особой добродетелью, воспроизводимой наследственным путем¹²²⁷. Дворянский статус теперь требовал не просто добросовестного исполнения функции воина, судьи или советника, но и соответствия особому моральному образцу; дворянин *всегда* находится на службе, даже когда пребывает в собственном поместье. Этот же тезис позволял обосновать замыкание дворянской страты. Дворянское преимущество из условного стало безусловным, социологически априорным.

Ярким примером того, что эти новаторские представления о социальной стратификации распространялись за пределами высшего слоя придворно-административной элиты, может служить анонимный документ, озаглавленный «Проект о учреждении порядков следующих к правосудию» (1767)¹²²⁸. Базовой идеей «Проекта» было инкорпорирование вышедшего в отставку дворянства (не исключая даже и фельдмаршалов!) в систему земского управления. Выходящие в отставку с военной или гражданской службы дворяне являются естественным ресурсом для организации местного самоуправления. Предлагалось вести учет, «в которой губернии и провинции отставных дворян и всяких чинов живущих, и во время государственной надобности каковых чинов потребно, неискав их незнанию тотчас наряд учинить возможно»¹²²⁹. Автор неоднократно ссылаясь на «общую пользу» и особо отмечал, что отставной дворянин «яко сын отечеству должен общую пользу наблюдать и сохранять наивяще по чину своему».

¹²²⁷ Показательно, что подобные идеи отсутствовали в упомянутом выше сочинении «О должностях человека и гражданина» И. Фельбингера. Текст Фельбингера выделял отдельной стратой дворян, больше того – недвусмысленно декларировал, что именно дворянам «принадлежат высокие места в гражданском правлении и в войске», что движущим мотивом дворян является честь, и что «дворянство есть собственное награждение великих и полезных действий, произведенных или самим благородным, или родителями и предками его, которые должны быть чадам и внукам примером к подражанию» (Фельбигер И. О должностях человека и гражданина... С. 134–136). Безусловно, Фельбигер считает, что высокое положение дворян («судей» и «воинов» российской церковной традиции) позволяет им проявлять особенную *добродетель*, превосходящую добродетель простых людей, хотя и этой последней пренебрегать нельзя. Однако Фельбигер, писавший свое сочинение в социально-политическом контексте Австрийской империи, ничего не говорит о роли дворян как руководителей «экономики»; в отличие от него, российские публицисты 2-й половины XVIII в., обосновывавшие дворянские преимущества, более не ограничивали проявление дворянских добродетелей «судейской» и «военной» службе, объявив, что дворянин действует на общее благо, даже просто руководя своим поместьем.

¹²²⁸ Проект о учреждении порядков следующих к правосудию //РГАДА. Ф. 1274.Панины – Блудовы. Оп. 1. Ед. хр. 977.

¹²²⁹ Там же, л. 2-об.

Прежде всего, автор указывает на необходимость в формировании выборных дворянских органов управления на местах. Выборные дворянские судьи, комиссары и штатгальтеры не будут уступать в компетентности чиновникам: «Господа генералитеты отставные не малую пользу в собраниях дворянских принести могут, ибо они как люди практикованные, и более сведущие о государственных делах и порядках, и при первом случае необыкновенном могут советами своими хорошее и порядочное наставление дать и от излишних требований по незнанию внутренних государственных дел, а по знанию своему воздержать смогут, да и от воинских команд по важности чина своего скорее без дальних жалоб охранить могут»¹²³⁰. Предлагалось также упростить систему управления Империей, отказавшись от приписных городов. Приток дворян в провинциальные центры на ежегодный съезд будет способствовать развитию в этих городах торговли и образования. К тому же выборные должностные лица не будут брать взятку (ибо их будет содержать дворянское сообщество провинции, а брать взятки у своих же соседей недостойно дворянина), тогда как назначенный чиновник уедет и «во весь век его не случится с ними видаться, и так такового своя ж и совесть не трогает, да и страху по смене от дворян не будет иметь, а наблюдает своего только интересу»¹²³¹.

Более всего автора проекта заботит проблема оперативного разбора тяжб между дворянами. Выборный штатгальтер должен судить «самою сущюю правдой непродолжительно». Важнейшим аргументом здесь выступает ссылка на дворянскую честь и искусство в «штатских делах». Механизмы чести, рационального интереса и искусства позволят дворянскому самоуправлению справиться с административными и судебными проблемами, раздирающими российскую провинцию. Правосудие будет быстрым, а ябедники и клязуники будут искоренены «честным обществом» вплоть до лишения чинов и ссылки. Наконец, комиссары и штатгальтеры смогут эффективно бороться с «воровскими партиями»: поддержка со стороны всех членов дворянского сообщества лишит разбойников пристанища – и уже «чрез три года разбойников и воровской партии быть не может»¹²³². Наконец, комиссары и штатгальтеры могут собирать подушную подать, опять-таки с большей эффективностью¹²³³.

¹²³⁰ Проект о учреждении порядков следующих к правосудию. Л. 6.

¹²³¹ Там же, л. 6-об.

¹²³² Там же, л. 22-об.

¹²³³ Там же, л. 27–27-об.

Итак, в целом проект организован вокруг повторяющегося противопоставления казенной бюрократии и выборных земских должностных лиц. Назначаемые «приказные люди» не способны эффективно управлять, не вникают в локальный контекст, берут взятки и вымогают их, пристрастно разбирают дела. С другой стороны, эта неэффективная и коррумпированная административная машина является слабой, потому что такие представители коронной администрации попросту неспособны внушать к себе уважение. Напротив, эффективность избираемых дворянских должностных лиц обусловлена их сменяемостью, их принадлежность к локальной корпорации (где каждый знает каждого) и одновременно – принадлежность к более широкой дворянской корпорации, обладающей высокими морально-этическими стандартами. В проекте часто подчеркивается: дворянин не даст избить себя, не позволит вымогать у себя взятку.

Из определения службы как добродетели (а не просто функции) вытекала и важная для литературы о дворянстве тема – критика подьячих. Подьячий вообще был одной из ключевых фигур для российской социально-политической мысли XVIII в., обычно упоминавшейся в негативном ключе. Можно говорить о формировании настоящего пейоративного языка, описывавшего подьячих как недостойных, коррумпированных и порочных людей, паразитирующих в государственном аппарате.

Подьячие оставались излюбленной мишенью для социальной сатиры с самого момента возникновения российской журналистики (первым журналом, напомним, был журнал «Трудолюбивая пчела», издававшийся А. П. Сумароковым в 1759 г.). Г. А. Гуковский так суммировал элементы образа подьячего, сформированные пейоративным языком: «Подьячий во всей этой литературе имеет неизменные черты: это – взяточник, негодяй, подхалим, крючкотворец, грабитель и утеснитель народа, грязный, некультурный пьяница, говорящий славянско-канцелярским жаргоном. Рядом с ним стоит откупщик – купчина, дикий, невежественный мужик, грубо утесняющий народ, тянувший из него жилы»¹²³⁴. Но речь идет не только о журналах «фрондерского» толка. Критика коррумпированных подьячих была общим местом для большинства журналов середины XVIII в.

В двух июльских выпусках журнала «И то и сие» (1769), издававшегося М. Д. Чулковым, были помещены сатирические «Ведомости из Подгорного Местечка», включавшие раздел новостей и раздел продаж и подрядов. Основных мишеней для сатиры

¹²³⁴ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. С. 83.

было три: отношения между полами, взяточничество приказных и бездарность сочинителей. Например, в «Ведомостях» сообщалось: «Отставному Секретарю, которой отброшен от должности и шатается по городу, надобно знания в приказных делах: знания правильно писать и скромности весьма много; ибо он ничево тово не имеет, а за поставку онаго товара заплатит он тою суммою, которую наворовал, будучи при месте, а считается же оной не менее, пятидесяти тысяч, выключая мызы и домов в городе». Чиновник-взяточник оказался здесь в компании с неверной любовницей, бездарными писателями, уродливой невестой и купцом Разгильдяевым, предлагающим «различнаго сорту весьма изрядное дурачество»¹²³⁵. При этом издатель журнала М. Д. Чулков вовсе не принадлежал к дворянской элите.

В одном из номеров журнала «Всякая всячина» (1769), издававшегося Г. В. Козицким при участии Екатерины II, подробно разбирался вопрос о том, что является причиной отсутствия правосудия в России. Соответствующий текст был оформлен как письмо «Патрикия Правдомыслова». Начав с жалобы на некоторых сограждан, которые жалуются на отсутствие правосудия, автор переходил к последовательному разбору потенциальных причин лихоимства. Монархия, безусловно, желает правосудия – «всякий честный согражданин признаться должен, что может быть никогда и нигде, какое бы то ни было правление, не имело более попечения о своих подданных, как ныне царствующая над нами Монархия имеет о нас». Это доказывают манифесты и особенно Наказ императрицы депутатам Уложенной комиссии. Тогда в чем же заключается «болячка, на которую все жалуются» – в законах, в судьях или «нас самих»?

Упреки по адресу законов «Патрикий Правдомыслов» отверг, признав, впрочем, что по сравнению с европейскими системами права российские законы «запутаны». Но, во-первых, созванные государыней депутаты смогут эту проблему решить, а во-вторых, «справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противуречущие законы». Судьи, на взгляд автора, везде «разные», и в России, и за рубежом. В частности, «у нас их определяют обыкновенно из военнослужащих, или из приказных людей без великого звания». Не все судьи обладают справедливостью и потому упрек по их адресу справедлив.

В равной степени и сами «сограждане» несут ответственность за несправедливость. Ведь в каждом деле одна сторона права, а другая – нет; естественно, неправая сторона считает себя обиженной и поднимает шум. «Не всякому дано себя самого и свои поступки судить без

¹²³⁵ И то и сию. СПб.: [Тип. Морск. кадет. корпуса], 1769. Юль тридесятая неделя.

пощады, так как бы он судил поступки ближнего своего. Но желательно бы было, чтобы мы всегда свои дела судили по истинне: и тогда бы ябеда и прихоти исчезли; следовательно меньше бы жалоб было на правосудие». В конечно счете, заключал «Патрикий Правдомыслов», «долг наш, как Християн и как сограждан, велит имети поверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам, и не поносить их такими поступками и несправедливыми жалобами»¹²³⁶.

Наконец, в «Барышке всякой всячины» (1770) была помещена забавная история о честном дворянине, который оказался унижен подьячим-взяточником, в совершенство овладевшим использованием словечка «завтре». Подьячий «носил шпагу и парик, и для того был спесив. Я хотя и дворянин, а при том и честный человек, но был в то время Конной Гвардии рейтаром; а он хотя и подьячий, а при том и плут, но имел, как о себе сказывал, официю; и для того я должен был говорить с ним с великою учтивостию». Фабула сопровождается экскурсом в область различий между дворянами и подьячими – ярким примером того самого пейоративного языка о подьячих: «Вить не порок дворянину и честному человеку быть Гвардии рейтаром, но порок есть доброму подьячему быть плутом. Дворянин за необходимую должность почитает, пришедши в совершенные лета, записаться в службу, и потом и кровию¹²³⁷ доставать себе чины; а иной подьячий плутовством наживши деньги, купив себе чин, рассуждая, что чем чин больше, тем воровать легче и способнее. За деньги все купити можно, говорит он, для того что сам лаком. Таким то образом подьячии наживают по сту тысяч дохода, не имея ста копеек капитала»¹²³⁸. Подьячий обходился с дворянином чрезвычайно высокомерно, постоянно говоря ему: «Завтре». Дворянин пытался вразумить подьячего учтивостью, но «после уже узнал, что подьячии ни учтивостей, ни прозьб не разумеют; а его хоть брани, хоть высеки, дай только деньги». Знакомый отставной офицер, сжалившись над повествователем, объяснил ему, что подьячему необходимо принести «барашка в бумажке» – взятку, ибо «подьячии со всех берут деньги: и с правых и с виновных»¹²³⁹. В итоге дворянин принес подьячему взятку, попутно продолжая путаться в «подьяческих обиняках» – сленге бюрократов-вымогателей, чуждом «честному дворянину».

Пейоративная риторика применялась и к другим социальным группам. К примеру, упомянутый выше «Проект о учреждении порядков следующих к правосудию» содержит

¹²³⁶ Всякая всячина. [СПб.]: [Тип. Акад. наук], 1769–1770. № 108. С. 276–279.

¹²³⁷ В тексте, по-видимому, опечатка – «по том и кровию».

¹²³⁸ Всякая всячина. № 156. С. 441–442.

¹²³⁹ Там же, с. 444.

ряд суровых инвектив по адресу купечества, ссылающихся на бедственное положение... крестьян! «Невозможно всех притеснений бедным крестьянам описать во время приезда их в город» – их обманывают на каждом шагу. Дворянский торговый суд защитит «бедного и несмысленного» крестьянина от купцов. Купцы же по своей природе не склонны к «доброй полиции» (т.е. благоустройству), потому что для них важнее всего барыши: «Хотя б они и со вредом были обществу, но им барыша приносит на копейку три полушки, то он уже всю полицию и добрыя учреждения, на оные барыши променяет, а при том и то правда, что не своровав и не обманя ближняго, таких барышей и получить невозможно»¹²⁴⁰. Эффективность земского управления связана с его дворянским характером, поскольку именно дворяне – в отличие от купцов – способны трудиться на «общее благо» и защитить другие социальные группы (например, крестьян).

Наконец, адаптация глоссария «форм правления» и концепта «общего блага» предполагала акцент не только на хорошо известных московской традиции качествах правителя, но и на качествах подданных, чья «усердная ревность» позволяет добиваться государственных целей и задач. К примеру, в отличие от Феофана, связывавшего избавление России от бед с божественным вмешательством, Татищев считал «шляхетство» активной действующей силой, спасшей монархию от попытки верховников ввести «аристократию». Между дворянством и монархом, таким образом, существует рациональная связь, важная для государства. Около 1743 г. Татищев писал, связывая между собой привилегии единого российского дворянства и процветание монархии: «У нас преимуществ и должностей всех, так как воинских, не описано; а хотя изданы губернской и воеводской наказ, и паки в уставе военном о преимуществе и должностях губернатора и коменданта описано, – только все во многом не ясно и не достаточно. Сия разность чинов временная, но другая есть пребывающая и наследственная, яко шляхетство, гражданство и подлость; а негде четвертое счисляют – духовенство. У нас хотя в Уложении неколико шляхетство от прочих отменено, токмо без основания, не достаточно и не ясно. Для того у нас всяк, кто только похочет, честь шляхетскую похисчает. О пресечении сего великого беспорядка и оскорблении, – тем преимущества государя видится забыто»¹²⁴¹.

На этом интеллектуальном пути происходило переосмысление дворянской «службы» как гражданской «добродетели». Дворянство (понимаемое теперь единая, тяготеющая к

¹²⁴⁰ Проект о учреждении порядков следующих к правосудию. Л. 46.

¹²⁴¹ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950. С. 202–203

замкнутости социальная группа) участвует в управлении Империей на основании не только своей приближенности к государю, но и собственных достоинств, находящихся в подобном участии единственное адекватное выражение и одновременно гарантирующих милостивое внимание государя. Это не бюрократы хорошо организованного *Polizeistaat*, а, скорее, доблестные *aristoi*, для которых служба из «тягла» превратилась в «добродетель» (но не в «профессию»), мотивированную публичным признанием и милостью государя (но не эффективностью *per se*). Если от «усердия» представителей этого социального слоя теперь зависела мощь монархии, то и их привилегии теперь могли рассматриваться как следствие оказываемых (в том числе – оказанных предками) государю услуг. И если в 1730 г. «аристократия» ассоциировалась с притязаниями «фамильных» и была угрозой для монархии, то, начиная с середины XVIII в., единое дворянство начинает рассматриваться как своеобразный «аристократический» элемент, поддерживающий монархию и ни в коей мере не умаляющий абсолютной власти государя: определенные элементы *monarchia mixta* возникают в российской политической мысли.

Именно такой взгляд на место дворянства в империи акцентируется в основополагающих актах второй половины XVIII в. – Манифесте о вольности дворянской 1762 г. и Жалованной грамоте 1785 г. Так, Петр III своим манифестом 1762 г. признавал дворянскую «вольность» безусловной, одновременно считая ее итогом достижения российским дворянством того уровня сознательности, при котором «вольность» больше не угрожает интересам государственной службы¹²⁴². В аналогичном ключе следовали рассуждения членов Комиссии о вольности дворянской, рассматривавшей вопрос о «конфирмации» упомянутого манифеста уже при Екатерине II¹²⁴³.

По мнению членов Комиссии, Петр I, когда «не доставало в дворянстве Российском склонности к службе, – учредил он законы, дабы и не в дворянстве рожденные службою достигали того имени своими достоинствами <...> Таким образом, перерождая он нравы, видимо, что ни о чем ином не помышлял, как вкоренить в дворянство своего государства дух честолюбия и тем довести его до склонности к службе и до усердия к общей отечества пользе. <...> Армия ныне Вашего Императорского Величества страшною и победоносною учинилася. Дворянство любочестием столь много уже движется, что нет ни малого

¹²⁴² Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. С. 912–913.

¹²⁴³ Омельченко О. А. Императорское собрание 1763 года: (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: РИЦ МГИУ, 2001. С. 94–117.

сомнения, чтобы просвещение увидевшие дворяне, или уже и родившиеся в том, обратились к прежнему нерадению о службе, но всяк сам старается сына своего им сродника в оную вместить, так что едва ли и места довольно желающим службы остается»¹²⁴⁴. Комиссия особо указывала на то, что лифляндское дворянство уже давно пользуется в Российской империи правом «вольности», и – более того – пользовалось таким правом и «при прежних своих самодержавных шведских королях».

Итак, дворяне на государственной службе в екатерининской России – это скорее *aristoi*, для которых служба из *тягла* или *привилегии* превращается не в профессию, а в добродетель. В данной связи надо согласиться с мнением Е.Н. Марасиновой о том, что манифест 1762 г. был не «уступкой» правительства дворянским кругам – невозможно сделать уступки фиктивному лицу, которое к тому же ни о чем не просит – но новой формой мотивации «благородного сословия» к ревностной службе на благо государя и государства.

Это, в свою очередь, создавало интеллектуальные основания для беспрецедентной в российской истории социальной ангажированности власти государя, воплотившейся в «дворянском» законодательстве второй половины XVIII в. Речь шла, таким образом, не о политических ограничениях или уступках – речь шла об изменении мотивации, причем в том числе и собственной мотивации высших сановников и даже государей Российской империи, вырабатывавших такой взгляд на государство, в котором важную роль занимало «вернолюбивое» дворянство. Таким образом, само понятие «дворянский конституционализм» – это лишь троп, обозначающий глубокие сдвиги в понимании природы и принципов действия монархии как секулярной «формы правления», но вовсе не обозначение реального процесса борьбы социальной группы за какие бы то ни было политические права или гарантии. Иными словами, речь идет не о политической борьбе с монархией, а о способности определенных групп элиты ангажировать абсолютную власть государя для решения определенных проблем в том ключе, который представляется данной группе желательным – то есть, прежде всего, убедить этого верховного арбитра (речь может идти как о самом монархе, так и о группах элиты, ответственных за те или иные решения, не исключая и ситуаций *самоубеждения*) в необходимости конкретного шага. И хотя правомочность восстания против злого тирана и «мучителя» была общим местом для российской политической мысли XVIII в., этот своеобразный молчаливый «договор»

¹²⁴⁴ Куломзин А. Н. Первый приступ в царствование Екатерины II. С. 40.

оставался крайне своеобразным: он опирался не на констатацию способности дворянства принудить государя к соблюдению условий «договора», а, скорее, на то допущение, что добродетельный и искусный государь будет избегать действий, способных причинить вред и горе собственным подданным.

В рамках модернизации и активного усвоения новых политических идей российская элита (точнее, ее узкий слой, непосредственно участвовавший в управлении государством и группировавшийся вокруг двора государя) выработала специфический взгляд на социальные реалии: если монархия зависит от усердия и рвения «первейшего члена государства», то и дворяне могут рассчитывать на государеву милость. Это позволило в дальнейшем расценивать дворянскую службу не только как выполнение долга, но и как вклад в поддержание конкретной «формы правления», а также в достижение «общего блага», наиболее успешно обеспечиваемого данной «формой правления».

Дворянские служба, верность, преданность станут во второй половине XVIII в. важными инструментами поддержания монархии во имя «общего блага». Даже не будучи повсеместно распространенным в России, оставаясь преимущественно достоянием столичной элиты и высших сановников империи, новый взгляд на социальную динамику монархии оказывал огромное влияние на реальные политические и административные мероприятия. Это не была какая-то теория или доктрина, воплощавшаяся на практике адептами «учения Пуфендорфа» или «учения Монтескье» – речь идет о концептуальном поле, глоссарии, открывающем возможности для совместного выявления, обсуждения и решения определенного набора проблем. Восприятие Российской империи в рамках глоссария «форм правления» и создало интеллектуальные основания для беспрецедентной в российской истории социальной ангажированности власти государя¹²⁴⁵, воплотившейся в «дворянском» законодательстве второй половины XVIII в.

Вскоре такой подход сменился еще более радикальным – признанием безусловной «вольности» дворянства на основании его выдающихся заслуг перед монархией. Подобная концепция была представлена в «Наказе» Екатерины II с его знаменитым определением «дворянства» как «нарицания в чести», и развита в «Проекте права дворянам» комиссии о государственных родах, рассматривавшемся в Уложенной комиссии¹²⁴⁶, а также в

¹²⁴⁵ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII - первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153). С. 52.

¹²⁴⁶ Проект правам благородных // СИРИО. Т. 32. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. С. 573–585

Жалованной грамоте 1785 г. Екатерининская Жалованная грамота полностью отказывается от противопоставления «петровского» (пассивного и несознательного) и «современного» (активного и честолюбивого) дворянства, исчисляя историю дворянского «усердия» уже не десятками, а сотнями лет: «Начальников и предводителей таковых [победоносных – К.Б.] Россия чрез течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощью божиею и пребудет вечно российскому дворянству отличаться качествами, блистающими к начальству»¹²⁴⁷.

Таким образом, риторическая стратегия, основывавшаяся на признании ключевого вклада дворянства в процветание Империи, сделалась важнейшим элементом обоснования исключительного статуса дворянства в законодательных актах второй половины XVIII в. При этом базовые принципы оценки роли дворянства как служилого сословия оставались неизменными, и в данной связи необходимо согласиться с Е. Н. Марасиновой, отмечающей: «Терминологические сопоставления документов дворянского законодательства обнаруживают поразительную стабильность идеологической составляющей политики власти в отношении господствующего класса»¹²⁴⁸. Вместе с тем трансформации «социального воображения» российских элит изменяли и взгляды на дворянскую службу, каковая – оставаясь основой правительственной политики! – теперь рассматривалась как исключительная по своей важности и предполагала милостивую благодарность со стороны императора.

Была ли переоценка роли дворянства в государстве как группы «немногих», помогающих «одному» в управлении державой, характерна для широких слоев дворянства или же она произошла в среде узкого слоя придворно-административной элиты? Мы рассмотрим этот вопрос на примере анализа дворянских наказов в екатерининскую Уложенную комиссию 1767–1768 гг. и развернувшейся в Комиссии полемики о «правах благородных».

Целый ряд дворянских наказов акцентировал особую роль дворянства и связывал действующие и грядущие милости императрицы с выдающимися дворянскими заслугами в точном соответствии с новациями, рассмотренными выше. Так, в наказе дворянства Московского уезда своему депутату, генералу П. И. Панину, отмечалось: «...В разсуждении общих всего Российскаго дворянства нужд, приводя себе на память, что оное издревле, яко

¹²⁴⁷ Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российскаго Дворянства. С. 344–358.

¹²⁴⁸ Марасинова Е. Н. Власть и личность. С. 30.

корпус составляющий с одной стороны силу, оборону и независимость государства, следовательно же и твердость правления государей своих, а с другой, заключающий собственные свои преимущества и безопасность, в целости и непоколебимости державы их, отдавало всегда учреждение и сохранение оных по натуральному сему взаимству в полную волю и благое произволение самодержцев своих». Московские дворяне выражали уверенность в том, что «великий ея [Екатерины II – К. Б.] дух, объемлющий в истинном предмете общенародной пользы все то, что дворянству в общей связи государственной системы нужно, пристойно и выгодно быть может, сам по себе склонен будет, не только исполнить, но и превзойти еще меру справедливых желаний»¹²⁴⁹. Словно бы в подкрепление этих рассуждений, в наказ московского дворянства очень пространно отмечались выдающиеся личные заслуги генерала П. И. Панина¹²⁵⁰.

В наказе ярославских дворян депутату князю М. М. Щербатову благородное сословие характеризовалось как «общество, которое в толиких случаях древних времен и недавно минувших, яко во время общих безпокойств в империи Российской, в бывших войнах для сохранения монарших интересов и расширения пространства Российской империи с пролитием своей крови и крайняго ущерба имений услуги свои показало, и милости, а равно и удовольствие от своих монархов заслужило; но предков наших и наша пролитая кровь и убытки тем довольно награждены, что имели честь служить отечеству своему, споспешествовать его славе и сделать угодное своим государям. Ныне же то милосердное повеление Ея Императорскаго Величества... нетокмо превосходит достойных награждений за все то, но и с пролитием всей нашей крови довольнаго заплатить неможет»¹²⁵¹. Эта преамбула была повторена и в наказе любимского дворянства депутату Н. Толмачеву¹²⁵².

Куда более лаконичный наказ волоколамского дворянства (депутатом от которого был З. Г. Чернышев, еще один видный сановник при екатерининском дворе) также обращался к

¹²⁴⁹ Наказ Московского дворянства избранному от оногo, под предводительством генерал-фельдмаршала и кавалера Петра Семеновича Салтыкова, к Комиссии сочинения проекта Нового Уложения, депутату, господину генерал-аншефу и кавалеру Петру Ивановичу Панину // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 226–227

¹²⁵⁰ Там же, с. 234

¹²⁵¹ Наказ Ярославского уезда от благородного дворянства избранному господину депутату в Комиссию о сочинении Нового Уложения, его сиятельству лейб-гвардии капитану князю Михайлу Михайловичу Щербатову // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 297–298

¹²⁵² Наказ купно со всеподданнейшими от Любимского дворянства Ея Императорскому Величеству прошениями отправляющемуся от Любимского уезда избранному от дворян депутату в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, господину секунд-майору Никифору Толмачеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 296

дворянской верности монарху, обосновывая предлагаемые дворянские привилегии их необходимостью «для сохранения дворянского достоинства, которое во все времена, оказывая к своим государям и отечеству верность, не щадило жизни и имущества и посвящало все оное службе»¹²⁵³.

Упомянутые выше указы довольно резко выделяются на общем фоне, что, впрочем, неудивительно: они связаны с такими видными фигурами российской общественной жизни, как М. М. Щербатов, П. И. Панин, З. Г. Чернышев. Однако, например, и в наказе рыльского дворянства депутату Л. Е. Ширкову, констатировалось: «...И как дворянство – камень, служащий основанием государству, то тем самым и заслуживает высочайшую Ея Императорского Величества высокопозволенную к нам милость»¹²⁵⁴.

В свою очередь, и болховские дворяне в наказе своему депутату П. В. Хитрову в первом же пункте объявляли: «Чтоб корпус дворянства, которого вся слава и честь в том единственно состоит, чтоб жертвовать себя в службе Ея Императорского Величества, отделить правами и преимуществами от прочих разного рода и звания людей; равным образом и имение его утвердить таким крепким и надежным средством, чтоб всякий дворянин собственным своим имением мог спокойно и непоколебимо владеть»¹²⁵⁵. Этот наказ (как, впрочем, и ряд других) заканчивался предложением воздвигнуть императрице «монумент от всего государства» и коллективным обязательством болховского дворянства «подлежащую препорцию поднести». Наконец, наказ харьковского дворянства ссылался на «вернейшие и непоколебимые и кровопролитные службы» предков, которые «из усерднейшей к самодержавному престолу российскому верности не оставляя заселяемых ими земель, границу от татарских набегов, не щадя последняя капли крови своей, защищали и во многих походах все те храбро оказывали службы, коих только от верноподданнейших Вашего Императорского Величества войск слава, верность и присяга требуют»¹²⁵⁶.

Вопрос о взаимной связи дворянства с монархией оказался одним из центральных в дебатах и подававшихся депутатами «мнениях». Аргументы в пользу особого положения

¹²⁵³ Наказ выбранному от корпуса дворянства Волоколамского уезда в силу высочайшего Ея Императорского Величества соизволения, объявленного в манифесте, состоявшемся минувшего декабря 14-го к сочинению проекта Нового Уложения депутату, его сиятельству господину генерал-аншефу, государственной военной коллегии вице-президенту и кавалеру, графу Захару Григорьевичу Чернышеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 242

¹²⁵⁴ Наказ Рыльского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 622

¹²⁵⁵ Наказ Болховского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 493.

¹²⁵⁶ Наказ Харьковского дворянства. Челобитье Харьковского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 262–263.

дворянства для государства и «общего блага» приводил уже упомянутый М. М. Щербатов. Согласно его «мнению», дворяне получили имения «за награждение, что от ига Татарского Россию освободили, что всегда нерушимою верность сохраняли, что запечатлели свое усердие к своим монархам во время бунтов ругательными и мучительными смертями, что многие провинции России приобрели. <...> Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слышали от отцов своих, коликия заслуги корпус дворянский всей России оказал? еще во многих у вас местах видны развалины разрушенных храмов, запустошенные селения от ярости иноверцев! кто Вам православную веру сохранил? кто от ига и мучительства варвар и чужеземцев вас избавил, если то не дворяне?»¹²⁵⁷ Равным образом и депутат от Лубенского полка Г. А. Полетика в своем мнении о проекте «правам благородных» отмечал: «Получение дворянства в тех только государствах стараются труднейшим делать, где дворян чрезвычайно умножилось, по пространству же Российской Империи, мне кажется, их еще очень немного <...> опытами же доказано, что те монархии сильнее и безопаснее, которые по мере пространства своего имеют довольное число дворян, потому что сей род людей есть первая и сильнейшая подпора престолу»¹²⁵⁸.

Впрочем, риторическую стратегию, предполагавшую связь между усердием подданных и процветанием монархии, использовали и противники исключительного положения дворян. Щербатову возражал архангелогородский депутат от черносошных крестьян И. Чупров: «Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливое, и честь дворянская за достоверно почитается, да однакоже и всякого звания люди во всем государстве не без порученных дел остаются: за кем какая должность состоит, чаю, по возможности своей и все отправляют»¹²⁵⁹. Депутат Гадяцкого, Миргородского и Полтавского полков «от шляхетства» Н. Мотонис заявлял в ходе дебатов: «Государь, как отец, любит равномерно всех своих подданных; люди всех состояний суть его дети. Он же только смотрит на любовь к отечеству каждого, на ревность его к службе и верность к своей особе, и за отменныя добродетели и заслуги награждает возведением из низшего чина в высший. Таким образом учредилось от древних времен везде и у нас в России

¹²⁵⁷ Мнение Щербатова [Читано 22 мая 1768 г.] // СИРИО. Т. 36. СПб., 1882. С. 489–490.

¹²⁵⁸ Мнение Гр. Полетики [Говорено 21 августа 1768 года. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения мнение на читанный проект правам благородных] // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 347

¹²⁵⁹ Мнение Чупрова [Читано 23 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения на прочитанный голос господина депутата Трубчевского дворянства Григория Бровцына, мая 21-го, т.е. третьяго дни, примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 504

дворянство»¹²⁶⁰. Я. П. Козельский, депутат от Днепровского полка (брат известного переводчика, мыслителя и своего тезки Я. П. Козельского¹²⁶¹), считал власть помещиков над крестьянами ограниченной по своей сути, и вновь подчеркивал равенство подданных в своих обязанностях по отношению к правителю: «Если бы кто из помещиков был столько прихотлив, который бы желал владеть подданными своими безпредельно, тот, по справедливости сказать можно, пожелает сверх принадлежащего ему преимущества, ибо и сама верховная власть, по самодержавию своему, от всех подданных не требует более определенной всякой службы, кроме на содержание необходимой войны; но и та бывает для возстановления общего же благоденствия и для утверждения постоянного мира и всенародной тишины»¹²⁶². Наконец, депутат от козловского дворянства Г. Коробьин считал, что «тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оное члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распаляющийся, происходит»¹²⁶³, и на этом основании считал освобождение крестьян полезным.

Ряд дворянских депутатов поддержал мнение Щербатова, используя риторику «общего блага» и указывая на связь между дворянским потомственным «усердием» и могуществом монархии. Так, депутат от Тамбовской провинции С. Лопухин соглашался с доводами Щербатова и критиковал Коробьина: «Уменьшение власти во оном дворян произведет разрушение тех оснований, на которых утвердись, отечество наше достигло столь вышней степени славы и благоденствия, в каковых ныне весь свет его видит. <...> Чем Российское войско в военные времена храброе имя себе получило, как не чрез врожденную послушность во всяком подданном, соединенную с доброю дисциплиной, при том и искусством в предводительстве Российскими дворянами, из коих знаменитейшие тем и вперили столь высокое об отечестве своем мнение по всей Европе?» По мнению Лопухина, «жалости достойно, если столь знатный, заслуженный и любви отечества достойный корпус дворян за малое число непорядочных сотоварищей своих <...> стеснен законами будет»¹²⁶⁴. Депутат

¹²⁶⁰ Двадцать пятое заседание, 19 сентября // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 168–169.

¹²⁶¹ Папаригопуло С. В. О двух Козельских // Вопросы истории, 1954, № 8. С. 109–112.

¹²⁶² Мнение Козельского [Читано 23 мая 1768 г. В Коммиссию о сочинении Проекта Нового Уложения от депутата Екатеринбургской провинции от шляхетства Якова Козельского примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 500

¹²⁶³ Мнение Коробьина [Читано 5 мая 1768 г. В Коммиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Козловского дворянства на читанные о беглых людях и крестьянах законы примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 407.

¹²⁶⁴ Мнение Лопухина [Читано 27 мая 1768 г. В Коммиссию о сочинении проекта Нового Уложения примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. С. 511, 513

от муромского дворянства И. Чаадаев добавлял: «Если же услуги онаго [дворянства. – К.Б.] и польза, приносимая отечеству, не столь важны, сколь полезно сие законодательство для той части земледельцев, коими предки их награждены за верную службу отчеству, то рассмотрим, однако, цветущее состояние благоденствующих земледельцев под покровительством добрых помещиков»¹²⁶⁵.

В то же время, большинство дворянских наказов депутатам оставалось в рамках традиционных представлений, указывая на тяготы жизни и прося сохранить за дворянством его привилегии, главным образом – экономические. Такие указы изобиловали изощренными в формулировках благодарностями по адресу «Ея Величества матернего милосердия» и «благоутробия»; в этом отношении всех, кажется, превзошли авторы наказа прилуцкого дворянства, рассыпавшиеся в лстивых благодарностях, редких даже для екатерининской России¹²⁶⁶. Часто обращения к государыне сопровождались жалобами на тяготы жизни, общее неустройство и собственное ничтожество дворян, уповавших только на заботу своей государыни. Например, составители уже упомянутого наказа рыльского дворянства сокрушались: «Да и то, что мы вообще не так время свое провождаем, как-бы пристало, правосудие своего действия не имеет, малопоместное дворянство от великопоместных утесняется, подлородные, происком обогатясь, купя деревни, смешались с старым дворянством, – словом сказать, что не так живем, как благородному дворянству прилично»¹²⁶⁷.

Требования смертной казни и жестоких телесных наказаний, жалобы на «судебную волокиту» и «ябеды», учреждение школ, армейские постои и, конечно, винокуренная привилегия – именно эти проблемы в подавляющем большинстве случаев волновали составителей дворянских наказов. Так, дворянство Алаторской провинции Нижегородской губернии было озабочено тем, чтобы «в лесах заповеднаго дубоваго лесу валежник старой и вновь будущий, поломанный от ветров, брать позволить»¹²⁶⁸. Трубчевских дворян заботил «казенный лес, называемый Мирин», в котором «некоторые смежные дворяне» вместе с «дворцовыми крестьянами» самовольно «расчистили многия места на пашню и сенокосы»;

¹²⁶⁵ Мнение Чаадаева [В Коммиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Муромского дворянства примечание] // СИРИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 509

¹²⁶⁶ Наказ Прилуцкого шляхетства. Челобитье Прилуцкого шляхетства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 231.

¹²⁶⁷ Наказ Рыльского дворянства. С. 621.

¹²⁶⁸ Наказ Алаторского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С.114.

вопросу о лесе была посвящена почти треть трубчевского наказа¹²⁶⁹. Керенские дворяне лаконично констатировали: «Дворянству своих людей и крестьян содержать на прежнем основании в своей власти и полномочии, не ограничивая их преимуществ и полномочия, ибо Российской Империи народ сравнения не имеет в качествах с европейскими»¹²⁷⁰. Примеры можно умножать, однако мы сошлемся на выводы В. М. Никоновой, проведеншей контент-анализ дворянских требований: «Ведущее место в требованиях дворян принадлежало вопросам, связанным с реорганизацией суда и судопроизводства и с укреплением всей системы местного управления <...> В комплекс требований, объединенных данной категорией, входят: пресечение крестьянских побегов и разбоев, проблемы наследственных прав и Вотчинной коллегии, связанные с совершенствованием законодательства о наследовании»¹²⁷¹. Как видим, провинциальное дворянство было в наибольшей степени озабочено повышением качества работы судебно-административного аппарата, а не переосмыслением своего статуса в системе империи – переосмыслением, которое неизбежно влекло за собой новые обязанности дворян в дополнение к тем проблемам, на которые жаловались составители дворянских наказов.

Наказы дворянских депутатов и прения в Уложенной комиссии демонстрируют: новый социально-политический глоссарий, связывавший дворянские привилегии с особым вкладом дворян в могущество и процветание монархии, оставался достоянием относительно узкого круга правящей и интеллектуальной элиты: скорее всего, указы тех уездов, которые представляли П. И. Панин, М. М. Щербатов или З. Г. Чернышев составляли – или, по крайней мере, редактировали – сами депутаты, имевшие опыт государственной работы или незаурядные интеллектуальные способности. Большинство же дворян расценивало привилегии и права как великую монаршую милость к своим недостойным «рабам». Однако управление Российской империей находилось в руках именно того слоя, который оказался в максимальной степени восприимчив к инновациям и который ко второй половине XVIII в. стал расценивать дворянское «усердие» как ключевой инструмент поддержания монархии во имя *общего блага*. Соответственно, дворянское законодательство второй половины

¹²⁶⁹ Наказ Трубчевского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 558–560.

¹²⁷⁰ Наказ Керенского дворянства // СИРИО. Т. 68. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. С. 443

¹²⁷¹ Никонова В. М. Требования дворян и проект «Прав благородных» в уложенной комиссии 1767-1768 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский гос. ун-т, 1990. С. 12.

XVIII в. было результатом творчества этого слоя, преобразовывавшего дворянство в соответствии со своими предпочтениями и идеями¹²⁷².

Риторическая стратегия, прочно связывавшая дворянское «усердие» с процветанием монархии, создала основания для беспрецедентной социальной ангажированности императорской власти, воплотившейся в «дворянском» законодательстве второй половины XVIII в. Разумеется, конкретные административные и политические решения зависели от того, каким образом участники властного процесса понимали и связывали между собой «общее благо», государственный интерес монархии, общественную роль и сословные интересы дворянства, с учетом собственного профессионального опыта, взглядов на вопросы экономики и управления, а также морально-этических воззрений. Однако объединяющим для большинства таких решений на протяжении XVIII – XIX вв. оставалось признание дворянства тем слоем, который вносит наибольший вклад в достижение «общего блага» – истинным «камнем, служащим основанием государству».

Однако новый взгляд на социальную иерархию и стратификацию вызывал дискуссию и имел как сторонников, так и противников, что и показали обсуждения в Уложенной комиссии 1767 г. Так, Г. А. Полетика, возражая против предоставления преимуществ служившим дворянам перед неслужившими, отмечал – вполне в духе приведенного выше мнения Н. И. Панина о характере дворянской «экономии»: «Я всякого дворянина почитаю за служащего своему отечеству тем, что он дает из своего имения надлежащую часть для нужд отечества»¹²⁷³. Полетика указывал на то, что различия в «титулах и гербах и преимуществах разных чинов в монархическом правлении нужно», это доказывают все «благоустроенные монархии». Равенство может быть полезно только в республиках, хотя и в Римской, Генуэзской, Венецианской республиках существовала аристократия. При этом Полетика предлагал сохранить принципы выслуги Табели о рангах, указывая на то, что получение дворянства «чрез чины офицерские» соответствует традиции, ибо «до учреждения регулярной службы звание дворянское было чин <...> люди вольные, отменившие себя пред прочими в службе, жалованы были в боярские дети, боярские дети происходили в дворяне городовые, городовые дворяне в жильцы, и так далее, даже до

¹²⁷² См. подробнее: Бугров К. Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 145. № 4. С. 143–156.

¹²⁷³ Мнение Гр. Полетики. С. 354.

боярского, яко главнейшаго, чина, и верстаны были различными по чинам своим поместными и денежными окладами»¹²⁷⁴.

Проблема функционализма ярко проявилась при обсуждении депутатами Уложенной комиссии проекта правам благородных. Депутат от лифляндского дворянства Эстенского дистрикта Ф. Левенвольд отмечал: «Хотя упомянутые в 7 пункте добродетели, чрез которые заслуживается дворянство, купно заключают в себе и должности всякаго согражданина, которые если он умышленно нарушит или пренебрежет, то непременно подвергает себя наказанию, следовательно, кажется, что они никакого не заслуживают награждения; однако же справедливо и обществу самому не бесполезно, для большего одобрения всякаго согражданина, ко исполнению добродетелей и должностей, тех дворянством и степенями онаго наипаче награждать, которые преимущественно пред другими, себе подобными, добродетель и заслуги свои оказывают и чрез то особливо достойными членами общества делаются»¹²⁷⁵. Об этом же в сходных выражениях говорил и И.-Д. Ренненкампп, депутат эстляндского дворянства Вирского крейса: каждый гражданин должен служить государству «добровольно, без принуждения, охотою, ревностию и довольствием», однако для сохранения духа конкуренции нужно вознаграждать тех, кто оказал наиболее выдающиеся услуги Отечеству. В конечном счете, государство должно «изящныя добродетели, заслуги и оказанныя службы наградить не одним только почтительным наименованием, но и чрез такая сущия преимущества и выгоды, кои получивших оныя особ тем более от других отличают, чем государственное правление без помощи таковых избранных, достойных и полезных граждан обойтись не может, яко же государство без оных, по сходственному с общею пользою намерению, порядочно управляемо не будет»¹²⁷⁶.

Итак, дворянство — это не только «нарицание», но и привилегии. Привилегии дворянства не вредят общему благу, поскольку соблюдается нужное равенство: каждый гражданин может достичь дворянства. Да к тому же наследственное преимущество дворянство не является предосудительным, так как оно «предоставляет всегда государству людей, воспитанных сходственно с их родом, чином и должностями, следовательно, с юношества обученных и привыкших к добродетелям и благопристойным поступкам». Чем

¹²⁷⁴ Там же, с. 347.

¹²⁷⁵ Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Фр. Левенвольда // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 361.

¹²⁷⁶ Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Дид. Ренненкамппа // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 374.

больше различий, тем больше «поревнования», чему примером воинские звания. Иначе «в службе государственной не иные, как весьма мало искусные употреблялись, следовательно, она и не с пользою воспоследовала бы». По мнению Ренненкампа, Табель о рангах следует вовсе отменить, поскольку по ней достигают дворянства те, у кого нет «маетностей» и «имения», нужного, чтобы воспитывать детей «по приличеству их чина»¹²⁷⁷.

Представители других социальных групп критиковали дворянскую исключительность на основаниях социального функционализма, предполагавшего отказ от социологической априорности¹²⁷⁸. Депутат от Тамбовской провинции, однодворец В. С. Веденеев оспаривал право дворян не подвергаться телесным наказаниям. Нужно войти в «естественное положение», согласно закону Божьему: «Всякому же, ему же дано будет много, много взыщется от него». Ничто не мешает дворянину подвергнуться наказанию: «кажется, он сам себе оное волею получает, от несохранения ж закона и благородство теряет. Ведь по власти Божией от государя человеку дается благородство не с тем, чтоб насилие и мучительство оказывать, но чтоб ему быть ко всем своим врученным благоприветливу, непамятозлобну и милостиву». Например, дворянин, обнадеженный отсутствием наказания, может убить человека – «не возопиет ли убитого неповинность проливаемой крови ко Господу?» В заключение Веденеев ссылался на Кормчую¹²⁷⁹.

В свою очередь, Е. Борзов, купец, депутат от города Опочки, демонстрировал вполне функционалистское понимание добродетели как свойства, присущего всем социальным стратам: «Добродетель и заслуга возводящая людей, по словам Наказа, на степень дворянства, суть по всем естественным правам всегда равной чести достойны, хотя бы оне благородного, хотя простаго человека украшали, что добродетель не есть наследственная вещь, ибо всегдашние примеры уверяют нас, что и между благородными по природе бывают изверги, и между простонародными – добродетельные, возстановляющие в себе новую дворянскую фамилию. И так ту же добродетель и те же заслуги если больше почитать в одном каком бы то ни было лице, нежели в другом, есть весьма несправедливое

¹²⁷⁷ Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Дид. Ренненкампа. С. 378.

¹²⁷⁸ Ср. замечание А. В. Западова о позиции Ф. А. Эмина, критиковавшего на сходных основаниях дворянство в своих сочинениях: «Считая купечество важнейшей частью государственного организма, Эмин соглашается с понятием социального неравенства и признает, что судьбу каждого человека определяют права, доставшиеся ему по рождению» (Западов А. В. Русская журналистика 30-х – 60-х годов XVIII века. М.: Наука, 1964. С. 87).

¹²⁷⁹ Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение В. Веденева // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 305–306.

лицеприятие»¹²⁸⁰. Дворянство же не может считать обидой подобное «распространение привилегий» на «заслуженных и добродетельных людей», поскольку дворяне сохраняют все возможности для службы, а «для государственного благоденствия никакое размножение таких добродетельных и ревностных к отечеству людей не может быть ни тягостно, ни излишне». А вот отказ от продвижения способен породить среди дворян опасную «надменность» и «недоброхотство» между родами подданных¹²⁸¹.

Депутат от города Дерпта Я. Урсинус сделал примечание на 21-ю статью проекта правам благородных, где критиковал исключительное право дворян покупать деревни: «Понеже домостроительство, яко основание всеобщаго благосостояния, необходимо требует столько искусства и прилежности, сколько всякая служба и все прочия упражнения, а почти все крестьянство и все земское хозяйство в государстве состоит во власти приказчиков, кои, упражняясь единственно в сборе доходов, о поправлении домостроительства никогда не помышляют, то закон сей, по которому таким людям, кои с молодых лет обучались домостроительству и о приращении онаго усердствуют, не дозволено купить вотчины, по той причине, что они не из дворянства – должен почестся за запрещение, по которому достойные люди не имеют быть допущены к службе отечества, буде они не дворяне»¹²⁸².

Наконец, депутат Сибирских линий от казаков Ф. Анцыферов и вовсе оспорил базовую привилегию дворянства – вольность. По мнению Анцыферова, никто не свободен, кроме государя, и «благородные или высокопочтенные дворяне не только одному государю, яко предержащей и Богом установленной власти, но и Его Величества царским законам и прочим судебным правительствам, во всех зависящих от службы и должностей их в государстве делах, равно как и все верноподданные рабы, ответ дать повинны»¹²⁸³.

Не менее показателен и протест, который заявил Синод по поводу предложения отнести белое духовенство к «среднему роду» людей, выдвинутого членами

¹²⁸⁰ Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Е. Борзова // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 291–292.

¹²⁸¹ Современная исследовательница Н. В. Козлова в обобщающем труде по истории купечества в XVIII в. отмечает: «Идея общественного служения, свойственная личностному образцу русского купца XVIII в., сочеталась с идеей сохранения и упрочения сословных различий, в рамках которых уже мыслилось достижение престижа и уважения» (Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. С. 360).

¹²⁸² Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Я. Урсинуса // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 319.

¹²⁸³ Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Ф. Анцыферова // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 301.

соответствующей комиссии. В особом «Разсуждении» члены Синода поясняли: нельзя разделить «низшее» (белое) духовенство от «высшего», в целом же духовенство следует делить на «правительствующих» и «правительствуемых», образующие единую группу. Духовенство не следует относить к «среднему роду», но считать «в особливом роде; а в каком, в сравнении других родов, степени, – сие единственно зависит от милосердой воли Ея Императорского Величества... ибо все духовные по званию своему суть пастыри и учителя всякого рода людей. И потому должны они пользоваться особливым почтением и уважением к их сану от мирян всякого рода». Ведь и в «Наказе» в число «среднего рода» духовенство не отнесено; пусть некоторые духовные, обитающие в городах, и могут – наряду с дворянами – «заклучаться» в числе мещан, но большинство духовных находится в селах и в полках. В дополнение Синод ссылался на то, что малороссийское духовенство «особливыми пользуются правами и выгодами» и «считаются в равенстве с светскими чиновными шляхетного чина людьми»¹²⁸⁴.

Несмотря на то, что, в конечном счете, социологический взгляд возобладал и дворянская исключительность была закреплена на законодательном уровне, противостояние между функцией и социологией сохранялось. Ярким примером этого является риторическая фигура, которую можно назвать «дилеммой солдата». Если высшее проявление добродетели и благородства – это готовность пожертвовать жизнью за отечество, а всякий солдат жертвует своей жизнью за отечество, то получается, что солдат – благороден и добродетелен?

Оспаривая 6-ю статью проекта правам благородных в Уложенной комиссии, депутат от Белгородского дворянства И. Выродов подчеркивал, что любая доблесть должна быть награждена, ссылаясь именно на пример солдата: «Не всякий ли солдат, из каких бы он чинов ни был, имеет по природной своей склонности любовь к отечеству, такожде и не

¹²⁸⁴ Проект законов о правах среднего рода государственных жителей // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 187. Комиссия в ответ на это разъяснила, что белое духовенство «сожитием своим плотским в правах мирских входит» и поэтому подвержена светским законам; черное же, правительствующее духовенство подлежит церковному праву. Будучи «учителями народными», духовные лица рассматривались Комиссией «в одном роде с учеными». Таким образом, Комиссия выдвигала против обвинений Синода концептуальное различие между чином и родом: по своему «изящному чину» белое духовенство относится к священнослужителям «яко к чину служения, имеющему свои степени» и, соответственно, подвержено церковному праву; но «что касается до рода, то, яко граждане, имеющие мирское сожитие и пользующиеся всеми выгодами мирян, и не могут иначе, как в средний род быть вмещены» (Проект законов о правах среднего рода государственных жителей. С. 189). С. В. Польской, говоря об отсутствии статей о духовенстве в проектах Уложения рубежа 1750 – 1760-х гг., резюмирует: «Вероятно, это было связано с его особым статусом в государстве и наличием церковного права, а не столько с отрицанием его как чина» (Польской С. В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // *Cahiers du Monde russe*. 2010. Vol. 51. № 2/3. Р. 14).

всякий ли солдат, по определении в службу, ревность к службе, послушание и верность к государю имеет, по присяжной своей должности, но и не равно ль всякий положенную службу свою несет с прочими во всех обстоятельствах, а во время военное о освобождении государя и государства от опасности угрожаемой не всякий ли солдат пролитием своей крови и жизнь защищает, и во время ж приращения государственного блага может ли кто сам собою что присовокупить, – не всем ли обществом оное прибавляется?»¹²⁸⁵ В таком случае «не всякий ли солдат будет иметь право просить о дворянстве, хотя бы он и чина какого не имел, ибо он во всех предписанных, ведущих до дворянского степени вообще находился и все оныя исполнил». Правда, указывая на то, что есть много «разного звания людей», которые «пронырствами» поднимаются в «чины», Выродов предлагал ввести пятидесятилетний срок выслуги и тем самым фактически замкнуть дворянскую корпорацию.

«Дилемма солдата» была актуальной и в других контекстах. Так, в проповеди 26 ноября 1769 г., произнесенной в дворцовой церкви и посвященной учреждению ордена святого Георгия, Платон восхвалял российское «воинство», сравнивая между собой разные «состояния» людей: «Всяк другаго состояния человек имеет в производстве дела своего особый для себя предмет, собственную корысть и пользу. Земледелец взирает на богатую жатву, которою он имеет наслаждаться домашними своими; художник ободряет себя довольною платою за работу свою; купец размышляет о прибытках, кои подадут жизни его довольное и спокойное содержание; судия получает подобающее награждение, не лишаясь, однако, жизни, без которой и все награждение ни к чему бы не послужило. Подлинно, во всех сих делах заключает и общая польза, но так, что соединяется притом и собственная каждого»¹²⁸⁶.

В отличие от всех этих членов общества, воину предстоит жертвовать жизнью, к чему его подвигает «не столько воображаемое награждение, сколь ревность к отечеству и общая польза». Особенно это верно по отношению к тем, «которых древность называла героями, то есть “полубогами” <...> которые опасностью жизней своих защитили жизни и самых тех, кои защищают наши жизни». Для того, чтобы почтить этих героев из героев, и был

¹²⁸⁵ Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Ф. Анцыферова. С. 299.

¹²⁸⁶ Платон. Слово, говоренное при освящении знаков нового военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. Кн. 2. СПб.: П. П. Сойкин, 1913. С. 292–293.

мудростью Екатерины II учрежден орден святого Георгия, «сильнейшее подкрепление охоты к высокой службе»¹²⁸⁷.

Оперируя принятым среди церковных иерархов дискурсом о социальных категориях, Платон полностью проигнорировал сословный характер вновь учрежденного ордена. Согласно 3-й статье императорского статута ордена святого Георгия (23 ноября 1769 г.), «ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны, не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы». Однако при этом круг лиц, могущих получить орден, был ограничен генералитетом, штаб-офицерами и обер-офицерами: орден святого Георгия, таким образом, могли получить исключительно дворяне! Только в 1807 г. Александром I был учрежден «знак отличия Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия» – Георгиевский крест, предназначенный для рядовых солдат, матросов и унтер-офицеров.

Таким образом, императорский статут и придворная проповедь оперировали *разными* концептами социальной структуры. В статуте речь об ордене начиналась с упоминания «воинского чина», однако затем речь шла исключительно об «особливых заслугах Нашего Генералитета и прочих Офицеров». Однако Платон в своей проповеди ни разу не упоминал офицерство (как и дворянство), ведя вместо этого речь о воинах и помещая их в контекст более широкой социальной структуры, включавшей, кроме воинов, еще и земледельцев, художников, купцов и судей.

И вспомним знаменитый фрагмент из «Женитьбы» Н. В. Гоголя (1833), где невеста, дочь купца Агафья Тихоновна обсуждает со своей теткой Ариной Пантелеймоновной преимущества и недостатки потенциальных женихов с точки зрения их социального статуса. Дискуссия сводится к спору о том, кто лучше – купец или дворянин; тетка настаивает на том, что жених-купец предпочтительней, апеллируя, кроме прочего к мнению покойного отца Агафьи Тихоновны: «Эй, Агафья Тихоновна, а ведь не то бы ты сказала, как бы покойник-то Тихон, твой батюшка, Пантелеймонович был жив. Бывало, как ударит всей пятерней по столу да вскрикнет: “Плевать я, говорит, на того, который стыдится быть

¹²⁸⁷ Платон отметил, что «воинство» «обещается сии знаки оставить своим детям в дражайшее наследие и в вечное имени Твоего прославление», тогда как статут ордена предписывал наследникам возвращать орденские знаки в Военную коллегию.

купцом; да не выдам же, говорит, дочь за полковника. Пусть их делают другие! А и сына, говорит, не отдам на службу. Что, говорит, разве купец не служит государю так же, как и всякий другой?” Да всей пятерней-то по столу и хватит»¹²⁸⁸.

В свою очередь среди дворянской элиты распространялось представление о том, что выдающихся дворянских добродетелей хватит для того, чтобы виртуозно выполнять практически любую «должность» в обществе. Дворяне уже монополизировали «должности» воинов и судей, а также призваны были руководить земледельцами. На очереди оказались купцы, что привело к знаменитым дебатам о «торгующем дворянстве»¹²⁸⁹.

Д. Рансел отмечает, что «вестернизированная бюрократическая элита» Российской империи «была заинтересована в общем развитии экономики и не хотела, чтобы это развитие сдерживали особые концессии, способные ослабить сложившиеся коммерческие группы. Идея заключалась в том, чтобы дать всем способным и предприимчивым возможность развивать производительную способность (capacity) страны»¹²⁹⁰. Представляется, что Рансел здесь неправ именно из-за недооценки того, каким образом представители дворянской элиты в своих взглядах на социальное устройство страны ставили знак равенства между «способностями» и «предприимчивостью», с одной стороны, и дворянским статусом – с другой.

Вместе с тем, интеллектуальная элита оставалась в рамках консенсуса о том, что качества и статус не всегда совпадают, и в случае такого несовпадения приоритет остается за качествами, не за правом. Как писал Д. И. Фонвизин в «Опыте российского сословника» (1783): «Человек бывает низок состоянием, а подл душою. В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек. Слово низкость принадлежит к состоянию, а подлость к поведению, ибо нет состояния подлого, кроме бездельников. В низкое состояние приходит человек иногда поневоле, а подлым становится всегда добровольно. Презрение знатного подлеца к добрым людям низкого состояния есть зрелище, унижающее человечество»¹²⁹¹. Литература XVIII в. – начиная, конечно же, с хрестоматийного фонвизинского «Недоросля» (1782) – изобилует

¹²⁸⁸ Гоголь Н. В. Женитьба // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 20.

¹²⁸⁹ См. детальный анализ этого сюжета: Гриффитс Д., Камендровский В. Дебаты о «торгующем дворянстве» в России: глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: НЛЮ, 2013. С. 151–189.

¹²⁹⁰ Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven; London: Yale University Press, 1975. P. 189.

¹²⁹¹ Фонвизин Д. И. Опыт Российского сословника // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 1. С. 226–227.

образами «злонравных» дворян, Скотининых и Простаковых, которые не соответствуют по своим моральным качествам своему формальному, обязывающему статусу. Существование подобных «злонравных» дворян было очевидным вызовом тому взгляду на социальную структуру, о которой мы говорим; с другой стороны, предполагалось, что – благодаря особому коллективному этосу дворянства – такие «злодеи» исправятся в силу общественного презрения.

В «Недоросле» положительный персонаж Правдин прибывает для того, чтобы изъять имение Простаковых и наказать их за безнравственность. Однако Правдин вовсе не является «правительственным чиновником» (такое определение, до сих пор кочующее по разного рода справочникам и школьным сочинениям, почерпнуто, возможно, из разбора «Недоросля» В. О. Ключевским, который безапелляционно – и ошибочно! – назвал Правдина «чиновником»¹²⁹²); Правдин – это дворянин того же уезда, что и Простаковы, участвующий в созданном реформами Екатерины II дворянском самоуправлении. Его появление – это не вмешательство «сильной руки» государства, а вразумление добродетельными дворянами тех членов корпорации, которые не выказывают соответствующих качеств. Финальное изъятие имений Простаковой в опеку – это и есть демонстрация того, как партнерство дворянской корпорации и монаршей власти (представленной упоминаемым несколько раз «наместником») карает «злонравных» представителей дворянства. «Вот злонравия достойные плоды!» – восклицает Стародум в финале пьесы, и относится эта фраза вовсе не только к отношениям между Митрофаном и Простаковой, но, пожалуй, и к «злонравным» дворянам *вообще*.

Аналогичную мысль выражал А. П. Сумароков в сатире «О благородстве» (1771)¹²⁹³:

Какое барина различье с мужиком?

И тот и тот – земли одушевленный ком.

А если не ясный ум барский мужикова,

Так я различия не вижу никакого.

¹²⁹² Говоря о Простаковых, В. О. Ключевский замечал, что «автор взял их на время для показа из-под полицейского надзора, куда и поспешил возвратить их в конце пьесы при содействии чиновника Правдина, который и принял их в казенную опеку с их деревнями» (Ключевский В. О. «Недоросль» Фонвизина (Опыт исторического объяснения учебной пьесы. // Ключевский В. О. Сочинения в IX томах. Т. IX. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 62). Ровно так же отнес Правдина к числу чиновников и В. В. Семевский (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1–2. СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1888. С. 202).

¹²⁹³ Сумароков А. П. О благородстве // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 189.

Г. П. Макогоненко усматривал различие между «крепостническим» подходом Сумарокова и «демократичным» подходом Фонвизина¹²⁹⁴. Однако признание равенства людей от рождения и необходимости особой образованности дворян было общим местом публицистики второй половины XVIII в., вполне созвучной церковной проповеди¹²⁹⁵.

Например, анонимный автор стихотворения «Плод воспитания и Вояжа Г*** им самим написанный», напечатанного в журнале «Ни то ни сию» (1769)¹²⁹⁶, насмехался над необразованным дворянином:

На свет сей всех равно изводит нас природа
 Нагими как дворян, людей так средня рода.
 Так, думаю, и я родился наг на свет,
 И не было на мне сорочки и манжет,
 В которую меня уж после нарядили,
 И от простых детей нарядом отделили.

Стихотворение продолжалось описанием глупого дворянина, не получившего хорошего образования и путающего все на свете.

К. А. Лубьянович в сочинении «Завещание уездного дворянина своим детям», опубликованном в журнале «Беседующий гражданин» (1789), писал о крестьянах: «Сих душ не почитайте вы подлыми: они кормят благородных. Все учреждайте к их благосостоянию. Крестьяне все равны нам»¹²⁹⁷. А П. М. Захарьин в упомянутом уже нравоучительном руководстве «Путь к благонравию» обращался к «рабу» следующим образом: «Ты раб, однако ж человек, снабденный такими ж достоинствами души, как и господин твой. Не забывай же сего знаменитого на земли достоинства, и не помрачи его пренебрежением звания своего. Никакое состояние не может быть препятием ко исполнению благих дел и приобретению почтеннейшего имени честного человека. Многие

¹²⁹⁴ Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество Д. И. Фонвизина // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С. XLIV.

¹²⁹⁵ Сам же Сумароков неоднократно повторял свои соображения относительно принципиального равенства дворян и крестьян – например, в письме «О достоинстве» 1759 г. (Западов А. В. Русская журналистика 30-х – 60-х годов XVIII века. С. 50–51).

¹²⁹⁶ Ни то ни сию в прозе и стихах, ежесубботное издание 1769 года. Объявление цены. Всяк, кто пожалует без денежки алтын, тому ни То ни Сию дадут листок один. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1769. С. 81.

¹²⁹⁷ Цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1–2. СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1888. С. 204.

рабы душевными дарованиями и похвальными подвигами нарочито возвысились пред гордыми владыками земли»¹²⁹⁸.

В конечном счете, «Жалованная грамота» 1785 г. фиксировала выдающиеся качества россиян, среди которых подчиненные вдохновляются примером начальников «на деяния, хвалу, честь и славу за собою влекущая». Кто такие «начальники»? «Начальников и предводителей таковых Россия чрез течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощью божиею и пребудет вечно российскому дворянству отличать качествами, блистающими к начальству». Дальше речь заходит о дворянском усердии и адекватной награде в виде деревень и знаков отличия. Однако исходная посылка грамоты все же – наличие у «благородных» особых качеств. Именно поэтому дворянские «обязательства утверждались за неустойку единым стыдом, ибо стыд и поношение благородным и честь любящим душам представлялись наитягостнейшим наказанием; хвала же и отличность – лучшую наградою». Итак, дворянство – это «честь любящие души», и именно это отличает их от других социальных страт¹²⁹⁹: функция дворян не равна функциям других сословий, поскольку заключается в *управлении*, требующем особых качеств¹³⁰⁰.

Ярким примером может служить творчество М. Н. Муравьева, поэта и публициста, преподававшего риторику и историю великим князьям Александру и Константину Павловичам по приглашению Екатерины II. В заметке «Забавы воображения»¹³⁰¹ (1796), М. Н. Муравьев пишет: «Человек, состояния низкого и полезного, посвящает необходимо труду все мгновения жизни своей». Напротив, «особы вышних состояний общества

¹²⁹⁸ Захарьин П. М. Путь к благонравию. С. 96.

¹²⁹⁹ «В высшем обществе... формировалось обостренное ощущение “чести” – личной и корпоративной, предопределенной происхождением и общественным положением, и предполагающей определенные правила поведения» (Шмидт С. О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX века // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. С. 110).

¹³⁰⁰ М. М. Щербатов, например, четко отделял добродетель предводителей от доблести солдат, говоря в Уложенной комиссии о сибирских дворянах: «Я не вижу, какие великия и славныя заслуги оказаны дворянами Сибирскими... Если сии последние были в числе тех, которые своею храбростию покорили Сибирь, то в этом еще нет великих заслуг, ибо вся Европа гласит и искуснейшие в воинских деяниях народы свидетельствуют, что все Россияне храбры, и армии Российские непобедимы; а в храбрости и в послушании состоит должность всякого солдата. Победы же, как плоды мудрого предводительства, должны быть приписаны предводителям; по этому и находившиеся под их начальством храбрые воины, покорившие Сибирь, сделали это не сами собою, а под предводительством воевод, которые тогда же и награждены были милостию монархов» (Двадцать четвертое заседание, 17 сентября // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. С. 160). См. также: Бугров К. Д. «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 179–188.

¹³⁰¹ Вошла в сборник текстов Муравьева «Опыты истории, письмен и нравов».

окружены с младенчества избытком, не состоят под необходимостью механической работы». Дело в том, что «тщательнейшее воспитание» готовит представителей высших страт «к попечениям другого рода, которые требуют безпрестанного упражнения способностей разума и часто крайних усилий духа. Определены к защищению и управлению отечества, они ищут знаменитости в трудах военной жизни или в советах градоначалия»¹³⁰².

Аристократы нуждаются в «предписаниях вежливости и необходимости нравиться», поскольку постоянно конкурируют друг с другом в отличиях и стиле. Муравьев ясно показывает, кого он имеет в виду – дворянскую элиту: «Владельцы пространных маетностей, которые дошли до них наследством, они не ограничиваются *необходимым*: они безпрестанно заняты употреблением *излишняго*». Просвещение и воспитание спасает представителей высших страт от мучений безделья и праздности. Таким образом, «знания, искусства, дарования суть верные и необходимые признаки благородного состояния». Упражнение в добродетели сопряжено с культивированием вежливой манеры обхождения, вкуса, который «приготавливает нам в обществе сей ободряющий и благосклонный прием, который делает исполнение добродетелей столь легким и всякое оскорбление их невозможным»¹³⁰³.

Муравьев здесь отсылает читателя к прелестям чтения и связанного с ними развития воображения и памяти. Некоторые пытаются занять себя беспрестанной суетой, но память таких есть «гладкая дека, на которой не вырезались никакие напечатления». Культивирование чтения дает «наслаждение чистое, одному разуму свойственное», способность адекватно воспринять поэзию, драму. Художества и искусства, дающие наслаждение образованному, просвещенному человеку, расцветают под покровительством патронов: это архитектура, живопись, стихотворения, сохраняющие «потомству черты Патриотов и Героев». Муравьев приходит к заключению: «Тот, который восхищается красотами поемы или расположением картины, не в состоянии полагать благополучия своего в нещастии других, в шумных сборищах беспутства, или в искании корысти»¹³⁰⁴. Изящество, вкус, досуг формируют особые качества дворян, нужные им для исполнения их особо сложных, ответственных и важных социальных функций ради общего блага.

¹³⁰² Муравьев М. Н. Опыты истории, письмен и нравоучения. СПб.: Императорская типография, 1796. С. 110–111.

¹³⁰³ Муравьев М. Н. Опыты истории. С. 111.

¹³⁰⁴ Там же, с. 118–119.

Анализируя аргументы в пользу принудительного труда в России эпохи крепостного права и на юге США эпохи рабства, историк П. Колчин приходил к выводу о базовом сходстве использовавшихся в обоих случаях аргументов, включавших риторику «расового» («антропологического») и «классового» неравенства, несмотря на то, что в российском случае отсутствие антропологических различий между «свободными» и «рабами» должно было бы породить принципиально иную систему взглядов¹³⁰⁵. Однако российская аргументация в пользу крепостного права на деле была весьма своеобразной, а метод аналогий, предлагаемый Колчиным, не позволяет оценить это своеобразие в должной мере.

Говоря о наличии в России аргументов об антропологических различиях, Колчин ссылаясь на мнение Карамзина, высказанное в «Письме сельского жителя» (1803) и гласившее, что крестьяне плохо и неохотно трудятся не из-за «рабства», лишаящего их мотивации, но по своей неразвитости. Таким образом, только строгий и справедливый хозяин способен заставить их трудиться – не только на благо хозяина, но и на собственное благо¹³⁰⁶. Однако этот аргумент Карамзина вовсе не являлся антропологическим, так как неразвитость крестьян присуща им не имманентно, а «от природы, от навыка, от незнания выгод трудолюбия». Не случайно Карамзин отзывается о системе фиксированной ренты, которая позволила бы превратить крепостных в лично свободных арендаторов: «Она хороша, если бы мы, приняв ее, могли заснуть с Эпименидом по крайней мере на целый век; но всякий из нас хочет жить хорошо, спокойно и счастливо ныне, завтра и так далее. Время подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: беда законодателю облетать его! Мудрый идет шаг за шагом и смотрит вокруг себя»¹³⁰⁷. Эта цитата, кажется, ясно демонстрирует, что Карамзин рассматривал «рабство» российских крепостных не как предопределенное их природой, но как условное состояние, способное измениться с течением времени.

Российское крепостное право часто расценивают как вариант рабства. Однако не только описание крепостного права как рабства не было укоренено в российской интеллектуальной традиции до XVIII в., но и само рабство не было в российской «концептуальной вселенной» системообразующим понятием. Российское «рабство» можно

¹³⁰⁵ Kolchin P. In Defense of Servitude: American Proslavery and Russian Proserfdom Arguments, 1760-1860 // The American Historical Review. 1980. Vol. 85. № 4 (Oct., 1980). P. 810.

¹³⁰⁶ Карамзин Н. М. Письмо сельского жителя // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 292.

¹³⁰⁷ Там же, с. 293.

понимать как интеллектуальный феномен, созданный в XVIII столетии при помощи республиканского языка гражданственности (*civility*)¹³⁰⁸, позволявшего описывать социальное бытие России в категориях противопоставления «свободных», добровольно и добросовестно действующих во имя «общего блага», и «рабов», которых к этому приходится принуждать в силу их низкой сознательности.

Если Аристотель отмечал, что «власть господина и государственного мужа не тождественны» (подразумевая, кроме прочего, что рабы не могут быть гражданами), то московские прокламации, в которых всем подданным московского государя отводилось место «холопов»¹³⁰⁹, свидетельствуют о том, что в московской традиции противопоставление «рабов» и «свободных» не занимало центральной позиции (хотя категория рабов в социальной иерархии, конечно же, существовала). Например, религиозный язык позволяет в известном смысле всех характеризовать как «рабов». Князь Андрей Курбский, полемизируя с Иваном Грозным, не вел речь о рабстве и не противопоставлял «свободных» и «рабов»: царь – злодей и Антихрист, но не поработоритель. Подобное невнимание к проблеме «рабство / свобода», скорее всего, объясняется относительно слабым влиянием классического (греко-римского) интеллектуального наследия. Крепостная зависимость крестьян была осмыслена российскими элитами как «рабство» именно в XVIII в. – благодаря интенсивному знакомству с европейской интеллектуальной традицией, где антитеза «рабство / свобода» была ключевой. Подобное осмысление, однако, оказалось наложено на мощный модернизаторский импульс и не менее мощную допетровскую традицию.

Таким образом, «рабы» на российской почве появились одновременно со «свободными». Необходимо согласиться с Е. Н. Марасиновой, пишущей: «В крепостнической России эталонными заданными властью чертами “истинного гражданина” обладала прежде всего элита дворянства. <...> Подкрепленное законом мнение о политической недееспособности крепостных было доминирующим в среде дворян»¹³¹⁰. Как

¹³⁰⁸ См. о республиканизме как о «*pursuit of civility*» в: Pocock J.G.A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, 1975. В целом ряде выступлений, включая пленарный доклад на тему «*On the liberty of republics*» («О свободе республике») в Европейском университете Санкт-Петербурга (декабрь 2012 г.), другой «столп» классического республиканизма, Кв. Скиннер, решительно отмежевываясь от Покока и Х. Арндта, считая их концепции свободы «позитивными» (и аристотелианскими), а свою – «негативной» (и восходящей к римскому праву; см. Skinner Q. *Liberty before Liberalism*. Cambridge, 1998).

¹³⁰⁹ Рое М. *A people born to slavery: Russia in early modern European ethnography, 1476-1748*. NY: Cornell University Press, 2000.

¹³¹⁰ Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. С.292-293.

отмечает Марасинова, провозглашение дворянской «вольности» было попыткой создать новую систему мотивации для дворян, а не поражением «государства» в борьбе с «дворянством»; вне зависимости от того, как определялись права и обязанности дворянина в основополагающих актах второй половины XVIII в., главной привилегией оставалась служба императору, а фундаментальный принцип – «знатное дворянство по годности считать» – практически не оспаривался¹³¹¹. Это, в свою очередь, означает, что свободный статус дворянства оставался условным, оставался в зависимости от того, готов ли монарх-суперарбитр квалифицировать дворянскую службу как эквивалент гражданской доблести.

Итак, дворяне стали считаться группой свободных граждан. Это давало повод Н. М. Карамзину писать в «Похвальном историческом слове Екатерине II» (1802): «Мысленно развертывая перед вами сию государственную хартию, на которой сияют все великие права Дворянства, вопрошаю: чего не недостает к совершенству нашего гражданского благоденствия? Каких выгод можем еще желать? Кому завидовать? Мы свободны! Судимы только равными себе! Боимся одних законов! Имеем голос в Империи, и Монарх внимает ему!» Впрочем, участие в «общем благе оставалось для Карамзина императивом, поскольку «истинный Российский Дворянин не только посвящает жизнь Отечеству, но готов и смертию доказать беспредельную любовь свою к его благу!»¹³¹²

Действия на «общее благо» были основной гражданской доблестью, которая отождествлялись с «ревностной» государственной службой. Оценку службе выносил суперарбитр – император, наделенный властью от Бога. Расширение дворянских привилегий в XVIII в. можно считать результатом того, что дворянству удалось убедить суперарбитра (или, можно сказать, состоявшая из дворян имперская элита сама убедила себя) в исключительном соответствии дворянской социальной группы критерию «социальной зрелости», следствием чего и стала «вольность». В этой риторической стратегии служба, переосмысленная как гражданская доблесть, может расцениваться как аналог участия в делах управления, характерного для «неоримской» свободы классического республиканизма.

Поскольку в России XVIII – XIX вв. различие между «свободными» и «рабами» было основано на предполагаемой социальной «зрелости», его можно рассматривать как условное. Антропологические аргументы, подразумевавшие принципиальные отличия

¹³¹¹ Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. С. 282.

¹³¹² См.: Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным. М.: Унив. тип., 1802.

между «свободными» и «рабами», в российской традиции отсутствовали (иногда, впрочем, их использовали для нападков на крайности крепостничества с характерными художественными преувеличениями)¹³¹³.

Классиком апологии крепостного права XVIII в. обычно считается князь М. М. Щербатов, поэтому имеет смысл вновь, более детально рассмотреть его аргументы в пользу крепостного права, представленные в ходе дебатов в Уложенной комиссии. Щербатов – как и большинство сторонников крепостного права – исходил из естественного равенства людей, а рабство считал возникшим исторически, «чрез обстоятельства». Однако крепостные под защитой помещиков «богаты и благоденственны», а разрыв «цепи», связывающей помещиков и крестьян, приведет к «повреждению» крестьянских нравов и, как следствие – к «разбою, воровству, корчемству и уменьшению или неверности государственных доходов, ослаблению крестьян в разных работах, недоверенности к ним от купечества в их промыслах, уменьшению рачения в земледелии, запустению заводов и фабрик». Подводя итоги, Щербатов констатирует: «Еще Российский народ требует во много просвещения, которого ни от кого инаго, как от своих господ, крестьяне получить не могут»¹³¹⁴. «Общее благо» требовало, чтобы рабочая сила находилась там, где находится. Отсутствие принуждения приведет к тому, что крестьяне рассеются в поисках лучшей участи и не будут работать.

Аналогичные аргументы использовались широко. Так, неизвестный автор неоднократно упомянутого выше «Проекта о учреждении порядков следующих к правосудию» полагал, что дворянская защита должна спасти крестьян от хитрости купцов – и с помощью такого аргумента обосновывал сохранение выгодной для помещиков крестьянской торговли в городах¹³¹⁵. Лаконично и прямолинейно такие аргументы были сформулированы в наказе от дворянства Керенского уезда Пензенской губернии депутату ротмистру Г. Ломоносову, участвовавшему в работе Уложенной комиссии: «Дворянству своих людей и крестьян содержать на прежнем основании в своей власти и полномочии, не

¹³¹³ Например, в сатирических журналах Н. И. Новикова – «Рецепты» («Трутень», 1769; перепечатаны с изменениями как «Лечебник» в «Живописце», 1775), где появляются образы Недоума и Безрассуда (нет оснований считать, что гротескный Недоум представляет собой карикатуру на князя М. М. Щербатова), «Отрывок из путешествия в И... Т...» («Живописец», 1772, неоднократно перепечатывалось), «Письма к Фалалею» («Живописец», 1775) и другие.

¹³¹⁴ Примечания М. Щербатова (говорено 4 августа 1768 года) // СИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. С. 311.

¹³¹⁵ Проект о учреждении порядков следующих к правосудию. Л. 46.

ограничивая их преимуществ и полномочия, ибо Российской Империи народ сравнения не имеет в качествах с европейскими»¹³¹⁶.

Таким образом, крепостные крестьяне описывались как «рабы» с помощью того же «языка гражданственности», который использовался для мотивации дворян как «свободных» и сознательных граждан. При этом рабство в других странах решительно осуждалось, жестокое обхождение с крестьянами считалось предосудительным, а государство было готово вмешиваться в отношения между «свободными» и «рабами», хотя и делало это с неохотой¹³¹⁷. Аргументы в пользу сохранения «рабства» исходили из того, что различие между «свободным» и «рабом» является условным, а для отдельных индивидов граница является проницаемой (принципиальное отличие от иерархии, основанной на антропологических различиях).

Публицистика и литература фиксировали условный характер различий между «свободными» и «рабами». А. П. Сумароков, например, писал – одновременно обращаясь к дворянам как к «первому члену» государства:

А если не ясны у барский мужикова

Так я различия не вижу никакого¹³¹⁸.

Поскольку дворяне являются хорошими гражданами, *постольку* они наделяются правами и привилегиями; аналогичный аргумент, но с обратным знаком, использовался в отношении крепостных. Именно этому условному характеру «свободы» / «рабства» Колчин не уделил в своем анализе достаточного внимания.

Казалось бы, условный характер неравенства «свободных» и «рабов» должен был облегчить задачу освобождения, поскольку при определенных условиях – достижении «рабами» состояния зрелости – принуждению настанет конец. Однако на практике именно признание условного характера различий между «свободными» и «рабами» делало освобождение исключительно проблемным.

¹³¹⁶ Наказ Керенского дворянства. С.443.

¹³¹⁷ В конечном счете, аргументы в защиту принуждения стремились провести грань между крепостным правом и рабством. Впрочем, невзирая ни на что, «со второй половины XVIII в. слова “раб” и “рабство” все чаще использовались в отношении лично зависимых от воли помещика дворовых крестьян и крепостных людей» (Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 120). А «рабство» – как справедливо отмечает П. Колчин – осуждалось. В ряде случаев указывалось на то, что материальный достаток российских крепостных не позволяет считать их «рабами».

¹³¹⁸ Сумароков А. П. О благородстве // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 189–191.

Можно ли преодолеть бездну неравенства и освободить «раба», превратив его в полноценного гражданина, наделенного необходимыми добродетелями? Поскольку социальная зрелость и сознательность «свободных» граждан сложилась исторически (в том числе – после определенного периода принуждения дворян к службе, отмечалось в манифесте 1762 г.), ясно, что «рабы» не могут достичь уровня «свободных» одномоментно. Это соображение оставалось центральным как для сторонников, так и для противников крепостного права: все они сходились в том, что превращение вчерашних «рабов» в сознательных граждан займет немало времени¹³¹⁹. Таким образом, чтобы предлагать отмену рабства, нужно было обращаться к иным системам аргументов – моральным (рабство жестоко и противоречит морали), экономическим (рабство неэффективно) либо националистическим¹³²⁰.

Мы не можем согласиться с выводом П. Колчина о том, что и в России, и на Юге США «вне зависимости от разнообразия путей, использовавшихся для защиты неравенства (рас, классов, происхождения, богатства, способностей, интеллекта либо моральных качеств), сущностной основой для всех, кто защищал рабство, было признание того, что люди не созданы равными»¹³²¹. Напротив, российские сторонники «рабства» с легкостью признавали естественное равенство людей; центром аргументации в пользу «рабства» выступало признание того, что неравенство сложилось исторически, под давлением обстоятельств (позволив одним стать добродетельными гражданами, а другим – нет) и поэтому может исчезнуть тоже только исторически, а не одномоментно¹³²². Как мы показали выше, именно

¹³¹⁹ См. также анализ понятий «истинное» и «ложное» просвещение в публицистике начала XIX в., предпринятый Д. В. Тимофеевым (Тимофеев Д. В. В ожидании перемен от «просвещения» России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16. (154) История. Вып. 32. С. 12–20).

¹³²⁰ Например, недавнее исследование С. Эдди посвящено анализу ликвидации крепостничества в Пруссии почти исключительно в экономических категориях. Мы подобный подход не считаем в полной мере обоснованным, но он, тем не менее, демонстрирует «экономическую» манеру вести речь о рабстве, намеренно уходящую от дилемм морали к прагматическому вопросу «сколько стоит это купить?» См.: Eddie S. A. Freedom's Price: Serfdom, Subjection, and Reform in Prussia, 1648-1848. Oxford: Oxford University Press, 2013).

¹³²¹ Kolchin P. In Defense of Servitude: American Proslavery and Russian Proserfdom Arguments, 1760-1860 // The American Historical Review. Vol. 85. № 4 (Oct., 1980). P. 817.

¹³²² Говоря о проектах отмены крепостного права в XVIII в., Н. В. Коршунова формулирует такую точку зрения: «В конце XVIII в. в среде прогрессивно настроенных людей постепенно укреплялось мнение, что крепостничество – зло, с которым необходимо бороться. Они называли такое состояние “рабством” и считали, что для России оно вредно как с морально-этической, так и с экономической точек зрения. Поэтому монарх просто обязан изменить данное положение, конечно, постепенно и поэтапно, но не отказываясь от реформирования крепостного состояния вообще. Консерваторы утверждали, что государственная, императорская власть не должна касаться такого вопроса, как взаимоотношения помещиков и крестьян. С их точки зрения регламентация этих отношений есть проявление тирании, с которой необходимо бороться. На помещиков, которые не исполняют свои обязанности по отношению к крестьянам, необходимо воздействовать исключительно моральными методами» (Коршунова Н. В. Проекты отмены крепостного права в последней трети XVIII века // Вестник ЧелГУ. 2008. № 34. С. 66). С этой точкой зрения нельзя согласиться: как мы видели выше, между аргументами «прогрессистов» и «консерваторов» не было принципиальной разницы, а главным

таким был аргумент Н. М. Карамзина, которого П. Колчин представляет сторонником неравенства «от природы»; такими же были аргументы М. М. Щербатова и многих других.

Что еще более важно, «язык гражданственности», послуживший обоснованию неравенства и принуждения, оказывал влияние не только на защитников крепостного права, но и на его противников. Например, М. М. Сперанский в записке «О коренных законах государства» (1802) отмечал: «Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»¹³²³. Однако в той же записке Сперанский настаивал на необходимости создания «высшего» и «низшего» классов народа – поскольку дворянство слабо справлялось со своей ролью добродетельных граждан, социальная структура нуждается в переформатировании. Равным образом и крепостное право, на взгляд Сперанского, должно прекратить существование, но – в отдаленном будущем, поскольку «сей последний степень возрождения России требует времени и многих приготовлений, и повторяю сие не потому, чтоб бояться народных возмущений, но потому что по пространству наших земель и малочисленности народа вольность таковая может заставить крестьян обратиться к некоторому роду кочевой жизни, столько же им, как и общей государственной экономии, пагубной»¹³²⁴. Как видим, Сперанский – в 1802 г., по крайней мере – не был сторонником крепостной зависимости, однако использовал ту же риторику «языка гражданственности», что и сторонники крепостного права, воспроизводя характерный иерархизм и считая крупные социальные перемены делом будущего.

Однако вынести проблему рабства «за скобки» (как скрытую силу, обеспечивающую жизнь гражданского общества, но не способную принять в ней участие) так и не удалось. Крепостные рабы представляли собой *демос* российского государства. Это противоречие заставило Н. И. Панина в «Рассуждении о непременных государственных законах» констатировать: «На демократию же и походить не может земля...» В категориях гражданства освобождение крестьян оставалось сплошным противоречием. Они видны в таком, казалось бы, радикальном документе, как «Русская правда» декабриста П. И. Пестеля; дворяне – носители особых гражданских доблестей, поэтому они должны...

соображением в защиту крепостного права было именно указание на возможность его исчезновения только постепенным путем.

¹³²³ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 43.

¹³²⁴ Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 55.

отказаться от владения крепостными и иных привилегий в обмен на более усердное служение отечеству: «Отличные граждане которые большия Отечеству оказывают услуги (дворяне) должны некоторыми особыми преимуществами пользоваться в виде награждения за их услуги и от некоторых тягостнейших обязанностей быть освобождены». При этом дворяне не должны были потерять доход от поместий. Особо отмечалось, что крестьяне «у самых добрых господ... совершенным благоденствием пользуются», тогда как «у самых злых они в совершенном злополучии обретаются»¹³²⁵.

Итак, частичная адаптация на российской почве глоссария социально обусловленной добродетели привела не к развитию глоссария гражданского равенства, а к формированию политического языка, позволявшего обосновать исключительные привилегии дворянства, наделенного свободой за счет других¹³²⁶. Однако возможной была и другая комбинация добродетели, свободы и равенства, отличная как от функциональной иерархии, так и от дворянской исключительности на республиканских основаниях. Эта комбинация опиралась на развивавшуюся в русле христианской этики концепцию внутренней свободы.

5.3. Эгалитаризм: добродетель против иерархии

Вкратце данную концепцию можно описать следующим образом. Если люди рождаются равными, то неважно, как они различаются в обществе; важно, насколько добродетельную жизнь они ведут. В отличие, однако, от характерного для церковной элиты функционалистского взгляда на социальную структуру, связывавшего добродетель с усердным исполнением социальных «должностей», этот дискурс в большей степени подчеркивал равенство людей на компенсаторной основе. Иными словами, люди равны не потому, что усердное исполнение «обязанностей» в своей страте открывает путь к

¹³²⁵ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 131–132.

¹³²⁶ Интересно, что Макиавелли, ключевой автор республиканской традиции, считал дворянство совершенно негодным для республиканского политического устройства: «Подобная порода людей решительный враг всякой гражданственности» (Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. С. 433).

добродетели, но потому, что каждый может в равной мере культивировать одну и ту же этическую добродетель, а «состояния» равны потому, что плюсы каждого из них компенсируются минусами. В конечном счете, судьба человека зависит не от его добросовестного исполнения «должности» и не от социально-исторически обусловленной добродетели, присущей высшей (дворянской) страте, но от каприза Фортуны.

Особенностью такого взгляда было игнорирование чинов и заслуг как проявлений суетного мира; сплав христианских идей со стоицизмом и неоплатонизмом, с идеями Сенеки и Боэция¹³²⁷. Развитие подобных элементов в дворянской культурной среде прослежено в работе Е. Н. Марасиновой применительно к политической системе российского абсолютизма, однако не меньшее значение имели эти элементы для формирования эгалитаристской перспективы в отечественной социальной мысли и последующей радикальной ревизии взглядов на социальную стратификацию. Марасинова описывает эту ревизию как столкновение между официально поощряемой системой ценностей «ревностного подданного» и «новых альтернативных предпочтений», реконструируемых на основании анализа эпистолярного наследия представителей дворянской элиты последней трети XVIII в. Истощенные тяготами службы, сталкивающиеся с расхождением между монаршими декларациями и реальным положением дел – словом, встретившиеся с обратной стороной того «анкуражирования», о котором речь шла выше – представители дворянства «неизбежно должны были определить свою позицию, свой стиль поведения, выработать средства психологической защиты». Таким образом, «цинизму прямых вассалов императора противопоставляются качественные иные человеческие связи, которые не рассматривались как средство достижения конъюнктурных целей»¹³²⁸. Разочарование в ценностях службы влекло к иным родам деятельности: к «замкнутому миру дворянской усадьбы», «духовным исканиям», благотворительности. В конечном счете, «доминирующее в личных источниках дворянского происхождения последней трети XVIII в. значение термина “честь” было лишено сословного и фамильного гонора и отождествлялось с категориями “совесть” и “благородство”, означающими не принадлежность к господствующему классу, а нравственное достоинство личности»¹³²⁹.

¹³²⁷ Сенека относился к числу популярных авторов XVIII в. и часто переводился на русский язык.

¹³²⁸ Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII в. М.: Наука, 2008. С. 339.

¹³²⁹ Там же, с. 407.

По нашему мнению, одним из следствий подобных психологических трансформаций (проследить которые можно не только по источникам личного происхождения, не только по эпистолярию!) стала ревизия взглядов на социальную структуру.

Например, русский масон А. М. Кутузов, переводчик сочинения Г. Бериша «Путешествие добродетели», вышедшего на русском языке в 1782 г., снабдил книгу следующим обращением: «Милостивая Государыня! Вы знаете образ моих мыслей: Известно вам, что ни чины ни богатство меня не прельщают. Смело сказать могу, что честь моя и совесть ни когда кумирам сим не приносились в жертву. Я привык говорить согласно с чувствованиями сердца моего; и хотя точно уверен, что в нынешнем свете, чистосердечие от большей части почитается глупостию, и что через него, так называемого счастья, никогда достигнуть не можно; однако же при всем том, схотнее соглашаюсь называться глупым, нежели льстецом. Благородная неизвестность, тихое и безшумное состояние, суть в глазах моих гораздо драгоценнее, нежели подлостью приобретенная слава и шум в прахе ползающих льстецов, почитающих не человека но знатное состояние его»¹³³⁰.

А. Ф. Олешев, предводитель Вологодского дворянства, член Вольного экономического общества, публицист и переводчик, посвятил свой компилятивный перевод (фрагменты текстов европейских теологов И. Шпальдинга и П. Дюмулена, дополненные собственными рассуждениями переводчика) под названием «Начертание благоденственной жизни»¹³³¹ (1784) «Вологодской провинции почтенному дворянству». В предисловии к переводу Олешев, стараясь мотивировать сограждан-дворян к «истинной добродетели», перечислял «должности», которые следует отправлять дворянам-помещикам: «Блаженные поселяне! не оскорблю ли я вас одним напоминанием, о той святой должности, которою мы обязаны Богу, своему Монарху, себе и ближним? из оных первая ведет нас правым путем к познанию всемогущего создателя мира. По ней следующая, показывает нам прямую необходимость, повиноваться Государю, защитителю нашего имени, здоровья и спокойствия: но что я говорю! еще и спасителю самой нашей жизни; две же последние составляют одинаковое правило, ибо любя прямо себя, кажется мне безбожно ненавидеть ближнего. Скажите же мне теперь, когда мы представим себе в пример добродетельного человека, исполняющего

¹³³⁰ Посвящение [Путешествие добродетели]. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/28231>.

¹³³¹ Начертание благоденственной жизни, состоящее: (1) в размышлении г. Шпалдинга, об определении человека (2) в мыслях г. дю Мулина, о спокойствии духа и удовольствии сердца и (3) в пятидесяти статьях, нравоучительных рассуждений. Перевел вологодский помещик, а статьи и приписание сочинил статский действительный советник и Санктпетербургскаго Вольнаго экономического общества член, Алексей Олешев. СПб.: Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1774.

вышеобъясненные законы, и не жаждущаго себе присвоить чужаго беззаконно имения, то кто и какое бы новое к неудовольствию своему сыскал возражение?»¹³³² Олешев заключал: «Упражняясь в сельском земледелии и домостроительстве, для чего бы дней наших не проводить спокойно, а при том и по уставленному от нас самих порядку». Итак, упоминания о государе и Отечестве у Олешева теперь связывались только с «повиновением», но не со службой (сам Олешев служил и по военной, и по гражданской линии); вместо службы Олешев выдвигает «добродетель» и «домостроительство». В отличие от мнения Панина, который в Комиссии о вольности дворянской настаивал на том, что дворянская «экономия» служит общей пользе и потому является разновидностью политической добродетели, у Олешева «домостроительство» является человеческой добродетелью и не связано с политическим контекстом.

Подобный взгляд на «добродетель» нес в себе определенные эгалитаристские тенденции, способные существенно повлиять на взгляды интеллектуальных элит страны на проблему социальной иерархии. Отсутствие признания необходимости службы (будь военная или гражданская служба либо руководство «экономией» ради общего блага) было способно увести и от различия в сознательности и, в конечном счете, уравнивать господина со слугой. Недаром в стихотворении «Обращение к человеку» тот же Олешев сетовал на «коловоротность» человеческого бытия¹³³³ – что, впрочем, было распространено в поэзии 2-й половины XVIII в.:

Когда на тление я смертного взираю
И чудный оного состав воображаю,
Колико бренный прах, колико груба смесь
Одели гордый дух и сколь он странен весь,
Волнуют страсти в нем едина со другою,
И каждая творит его себе слугою:
В подобие стихий ведут с собою брань,
И человек дает свое им сердце в дань.
О бедный: что начать? – и сам не понимает,
Одним позорищем презрения бывает.

¹³³² Олешев А. В. Вологодской провинции, почтенному дворянству, всеусердное приношение. Электронный ресурс. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28220/1/schpalding_oleshev.pdf

¹³³³ Олешев А. В. Обращение к человеку // Слово о Вологодском крае: За тремя волоками. Вологда: Истоки: Полиграфист, 2003.

Вчерась высок и горд – севодни низок, мал,
 Недавно Крезом был, а ныне Иром стал.
 Вчерась он меч вонзил и пролил кровь слабейших,
 Сегодня жертвой сам соделался сильнейших.
 Кто обращается с людьми по всякий день,
 Зрит счастья во всем пременную степень.

Олешев отсылает читателя к классическому для европейской традиции сюжету¹³³⁴ – противопоставлению лидийского царя-богача Креза и несчастного нищего Ира, гомеровского персонажа, чье имя стало нарицательным для обозначения бедняка; Ир считал Креза счастливейшим из людей, однако, когда Крез был разбит персами и попал в плен, он, в свою очередь, позавидовал счастью свободного Ира (словарь Вл. Даля фиксирует пословицу «Ир Крезу не товарищ» как эквивалент пословице «Кто богат, тот мне и брат»).

В декабрьских номерах журнала «Лекарство от скуки и забот» за 1786 г. (№ 24-25), издававшегося Ф. О. Туманским, было помещено анонимное стихотворение «Письмо о равенстве состояний человеческих»¹³³⁵, где говорилось:

Все состояния людския суть равны;
 Но людям свойства лишь различны даны.
 Несчастлив чем один, другой того желает,
 Безумный где падет, там мудрый возрастает.
 Желанья разные на свете нас влекут;
 Но щастье пристань есть, к которой все текут.

Автор «Письма» настаивал на том, что «премудро естество» даровало «частицу благ» каждому человеку, вне зависимости от социального статуса: «Чины и мелкие утех не лишены». Следовательно, «щастье» и «благополучие» на зависят друг от друга: Провидение равно печется обо всех людях, каждый из которых может стать счастливым благодаря мудрости и смирению:

¹³³⁴ Использувавшемуся, например, в «Скорбных элегиях» Овидия: «Знай, своевольна судьба: то даст, то отнимет богатство // Иром становится вмиг тот, кто поныне был Крез» (Овидий. Элегия 7).

¹³³⁵ Письмо о равенстве состояний человеческих // Лекарство от скуки и забот. Еженедельное издание. Часть первая от 1 июля 1786 по Январь 1787 года, содержит двадцать пять номеров. СПб.: Тип. Шнора, 1786. С. 249–255; 259–261. Автор, по-видимому – россиянин (об этом говорят подчеркнуто «русские» имена крестьян, противопоставленных в тексте как идиллическим пастушкам из эклога, так и развращенным жителям городов из высших страт).

Почто же нам роптать? подвергнемся судьбам,
 Самим Создателем определенным нам.
 Творец поставя нас под разные законы,
 Всем может щастье дать, хотя не всем Короны.
 Вещают, будто бы Пандорин здесь сундук
 Меж нами разность ввел и все испортил вдруг;
 Что будто до того мы равными все были;
 И ныне мы равны, но только то забыли.
 Богатство, ложна честь и прочим тьма страстей,
 Блаженству нашему толико есть сетей!
 Всем одинакия иметь ко щастью правы,
 Вот смертных равенства суть истинны уставы.

Автор «Письма» сравнивает «грубых жителей прекраснейших долин» с горожанами. Это вовсе не идиллические пастушки из эклог, которые только «рыдают и грустят играючи в свирель». Нет: посреди морозов и жары ни Петруха, ни Мирон (оба имени, очевидно, должны указывать на аутентичность персонажей российскому контексту, в противовес персонажам эклог – на принадлежность к реальному российскому крестьянству) не унывают и не жалуются на судьбу:

Спокойство, сладкий сон, здоровье, крепость, сила,
 Плоды, которыми их бедность наградила.

Петруха и Мирон противопоставлены городскому ловеласу Дамису, занимающему, очевидно, более высокое место в социальной иерархии. Дамис дарит красавицам дорогие подарки, однако «являет пламень свой лишь только в песнях видим» (здесь автор более чем прозрачно намекает на импотенцию). Мирон же пленяет свою избранницу без всяких подарков. Животные не жалуются на существование других «родов», заключает автор:

Какая ж нужда мне в утехах днесь моих
 Еще утех желать и быть хотеть блаженней?
 Утехи лучше ль те, которы драгоценней?

Последний аргумент, который автор адресует себе от лица своих критиков – вопрос о том, можно ли считать счастливым нищего, просящего милостыню на улице; очевидно, в данном случае нищие фигурируют как самый низший слой социальной структуры. Нищего, конечно, счастливым считать невозможно, однако автор добавляет:

Все состояния свои беды имеют;
И вихри пагубны повсюду бурей веют. <...>
Достойный часто благ не видит ни откуда;
Нешастие везде и щастие повсюду.

Стихотворение завершается обращением к тому же сюжету о Крезе и Ире, который мы упоминали выше в связи с творчеством Олешева.

Итак, «Письмо о равенстве человеческих состояний» фиксирует одновременно два альтернативных аргумента о равенстве, преодолевающих формы социальной стратификации: принципиальное равенство, основанное на компенсаторном принципе (разные страты наделены возможностями, которые компенсируют невыгоды их положения, например – по мнению автора «Письма» – сексуальное здоровье компенсирует бедность крестьян) и равенство людей перед судьбой, способной обратить любого Креза в Ира. Ответа на вызовы судьбы российские читатели XVIII в. искали в стоической морали. Вот какой совет давало анонимное сочинение «Дружеские советы и увещания», переведенное на русский язык П. Шалимовым в 1799 г.: «Довольный разум есть скрытное сокровище, которого печаль сыскать не может; посредственность есть состояние премудрого; приумножать свои богатства, значит, приумножать свои заботы. В каком бы ты состоянии здесь на земле не был, не ожидай чистого и несмешанного богатства; истинным щастием наполнена такая чаша, которой смертного уста не касаются»¹³³⁶. Полное аллегорий сочинение описывает удовольствия умеренности, дарующей здоровье: «Кто сия, которая имея благоприятную поступь, добрый вид, простирается легко по сей долине? <...> Имя ея есть здравие; она дочь упражнения и воздержания; ея братия... крепки, трудолюбивы и наполнены огнем; они подобны своей сестре; работа служит им увеселеием. Трудолюбие отца оживляет их вкус; умеренность матери подкрепляет их здоровье. Их удовольствия умеренны, но прочны; их сон непродолжителен, но глубок. Их кровь чиста, их разум

¹³³⁶ Дружеские советы и увещания, с присовокуплением переводчикова письма о вольнодумстве. М.: Губ. типография у А. Решетникова, 1799. С. 13.

незатемненный, и болезнь им неизвестна»¹³³⁷. Противовесом служит описание порока, порабошающего человека и влекущего его к «стыду, болезни, бедности (так! – К. Б.), заботам и раскаянию». Добродетель и порок различаются так же, как различаются здоровье и болезнь.

Тема своеобразного преимущества простых и *здоровых* селян над развращенными и *больными* жителями городов, превосходства простолюдинов над богачами и аристократами, становилась все более популярной среди российских авторов 2-й половины XVIII в., прочно закрепившись в публицистике и художественной литературе. Эгалитаризм открывал путь для своеобразного демократизма. Об этом говорит, например, А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Едрово»). Здесь речь идет о встрече путешественника с крестьянками, моющими белье¹³³⁸. Развращенные жители городов, дворяне, представители элиты погрязли в супружеской неверности, страдают от венерических болезней, болезненны и хилы из-за слабого телосложения – результата изнеженного образа жизни и следования моде.

Эгалитаристская перспектива в российской общественной мысли отвергала социально обусловленное превосходство в знаниях и качествах, характерное для идеологии дворянской исключительности. С одной стороны, она была ближе к функционалистскому подходу с его приверженностью социальной стабильности, терпению и старательному исполнению «должностей», однако резко отличалась вниманием к тематике и образности Фортуны – «коловращение» вместо усердия и воздаяния. Добродетель вовсе не зависит от социального положения – такой вывод можно было сделать из рассуждений о переменчивой Фортуне и радостях, доступных исключительно в «низком состоянии», исключительно простым людям, здоровым, сильным и веселым. И этот взгляд на социальную иерархию (вернее сказать – взгляд, отрицавший социальную иерархию в традиционном смысле) оказал огромное влияние на культуру российской интеллигенции XIX столетия. С другой стороны, эгалитаризм зачастую скрывал противопоставление добродетельной жизни и порочной жизни как антитезу *здоровья* и *болезни*. Умеренность дает здоровье, а порок и разврат провоцируют страшные болезни тела и духа; если это так, то простые люди, крестьяне,

¹³³⁷ Дружеские советы и увещания. С. 14–15.

¹³³⁸ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 303–304.

умеренные по самой сути своего социально-экономического положения, являются здоровыми¹³³⁹.

Три основные манеры российских элит XVIII в. вести речь о социальной структуре, которые мы рассмотрели выше, не являются законченными конкурирующими моделями – в большинстве случаев на практике реализовывались комбинации, включавшие идеи и концепты, характерные сразу для нескольких течений мысли. Тем не менее, основные принципы социальной структуризации – которые мы с изрядной долей условности назвали функционалистским, социологическим и эгалитарно-демократическим – в значительной степени противоречили друг другу.

Функционализм в анализе социальной структуры был связан с социальной классификацией, восходящей к античной философии и реинтерпретированной философами томистского направления. На российскую почву он был транслирован через посредство малороссийских учебных заведений и устойчиво воспроизводился во взглядах церковных иерархов на социальную структуру, находя воплощение в проповедях и «словах» крупнейших ораторов церковной элиты России, от Стефана (Яворского) до Платона (Левшина). В практическом отношении функционализм подчеркивал связь между добросовестным исполнением «должности», присущей каждой социальной страте (выделялось несколько крупных страт, различавшихся между собой по роду деятельности – чаще всего упоминались воины, судьи, купцы, земледельцы, учителя) и воздаянием. Исполнение «должности» было вкладом индивида в «общее благо» и одновременном – исполнением долга перед Богом. Для иллюстрирования связи между «должностями» страт использовались органицистские метафоры политического тела – или иной связанной системы, как в случае со Стефаном Яворским, уподоблявшим общество «четыреколенной колеснице многоочитой» из видения пророка Иезекииля. Служба – добросовестное исполнение военных, судебных, придворных «должностей» – вознаграждалась автоматизированным присвоением привилегий в соответствии с Табелью о рангах. Соответственно, будучи системой, социум – это гармония «должностей» и воздаяния.

Тот взгляд, который мы охарактеризовали как социологический, вырос из комбинации нескольких практически устремлений. Одна из них – это трудности в комплектации

¹³³⁹ См. у Г. А. Гуковского анализ стихов без названия, печатавшихся в журнале П. А. Плавильщикова «Утра» в 1782 г., представляющих земледельцев как «здоровых, добродетельных людей», а помещика – как надменного тирана, утопающего в роскоши (Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе. С. 76–77).

военного и правительственного аппарата, о которых пишет И. И. Федюкин: в 30-е гг. XVIII в. ведущие администраторы Российской империи начали придавать все большее значение природной «склонности» офицеров и бюрократов, по-новому оценив возможности манипулирования честолюбием и «анкуражирования» наиболее способных с помощью ускоренного продвижения по службе. Этот взгляд на социальную структуру был в меньшей степени основан на декларировании справедливости (по крайней мере, в терминах функционалистского подхода, основой которого была уверенность в общей равноценности «должностей» и неизменном воздаянии за их исполнение) и в большей степени опирался на прагматический фактор – зависимости службы от комбинации социально обусловленных качеств служащего. Манипуляции поддавались только учитываемые факторы; для службы, требующей особых квалификаций, в первую очередь – честолюбия и профессионализма, одного рвения было мало. Отсюда и расширенное понимание дворянской добродетели, универсального этоса, сочетавшего – в теории, в идеальной модели! – служебное рвение, образованность и высокую мораль, и бывшего обусловленным социальным положением дворян. Можно описать эту модель в таких словах: когда-то дворянские предки получили за свою добродетель поместья; это позволяет дворянской добродетели устойчиво воспроизводиться наследственным путем, поскольку добродетельный дворянин способен хорошо воспитать и обучить детей, и поскольку имущественный статус позволяет дворянам учиться и получать «изящные добродетели», необходимые не просто для выполнения конкретных социальных функций, но для управления вообще. Именно поэтому мы и обозначили такую манеру говорить о положении дворянства в системе социальной стратификации как «социологическую».

Последним штрихом к этому портрету страты профессиональных господ стало признание дворянской «экономии» (собственноручного управления дворянским поместьем) разновидностью службы ради «общего блага»; дворянин теперь *везде* находился на службе – и в армии, и при дворе, и в своей усадьбе. Это означало, кроме прочего, упрочение крепостного права, поскольку признание экстраординарного дворянского этоса позволяло утверждать, что жизнь крестьян под управлением столь мудрых и добродетельных господ не требует никаких перемен. Дебаты в Уложенной комиссии 1767 г. ярко отражают столкновения между социологическим и функционалистским взглядами на социальную структуру – сторонникам дворянских привилегий приходилось решать многочисленные дилеммы, подобные той, которую мы называли «дилеммой солдата»: если солдат храбро

жертвует жизнью ради Отечества в бою, то не может ли он также претендовать на дворянство? Разве священник, купец, ремесленник не служат общему благу? Социологический взгляд исключал такую возможность, вводя в действие хитроумную комбинаторику социальных факторов, позволявшую обосновать особое положение дворянства. Следует согласиться с Е. Н. Марасиновой: «В развитии политической терминологии русского языка второй половины XVIII века запечатлелся еще один парадокс – понятия *гражданин* и *сын Отечества* становились нравственным оправданием крепостничества»¹³⁴⁰.

Однако параллельно с этим набирал популярность и эгалитаристский взгляд на социум, представлявший собой сплав христианских идей, руссоизма и концепций античных философов, таких, как Сенека. В рамках этого взгляда особое значение приобретала Фортуна – вызов устойчивому обществу, в котором каждая страта исполняет свою функцию в надежде на воздаяние. Фортуна возносит и сбрасывает людей, бесконечно разыгрывая античный сюжет о богаче Крезе и бедняке Ире и – в конечном счете – разрывая связь между добродетелью и социальностью. Можно быть добродетельным и в самом «низком» состоянии; больше того – своеобразный компенсаторный механизм создает ситуацию равенства.

Так, например, простые крестьяне, не будучи столь же богатыми и изящными как представители дворянской элиты, компенсируют это своим здоровьем (зачастую здоровье «низкого» состояния описывается буквально как сексуальное здоровье – в противовес развращенной, хилой, болезненной высшей страте). Эта образность, много заимствовавшая у Руссо и часто воплощавшаяся на бумаге авторами-сентименталистами, стала фундаментом для развития радикальной переоценки сложившихся социальных иерархий в различных течениях российской общественной мысли XIX в. – от славянофилов до социалистов-революционеров. Противопоставление добродетели и порока как здоровья и болезни вплотную подводило к фенелоновской социологии, к таким представлениям об обществе, где добродетель оказывалась результатом социально-политической манипуляции, а не индивидуального выбора.

Казалось бы, именно эгалитаристский взгляд открывал путь для концепции гражданского равенства, для окончательного складывания российского республиканизма.

¹³⁴⁰ Марасинова Е. Н. «Закон» и «гражданин». С. 380.

Однако эгалитаризм предполагал отказ в значимости социальных статусов, поскольку добродетель, социальное положение и политическая организация никак не связаны, добродетель – это обязанность человека к ближним и к человеку *вообще*, а не к государству, и эта обязанность вовсе не нуждается в республике для своего осуществления; равным образом и здоровые, красивые, живущие полноценной сексуальной жизнью крестьяне могут по сравнению с обессиленными аристократами выглядеть более счастливыми людьми, но вряд ли предстают лучшими гражданами. Сколько бы поклонников ни находил эгалитаристский взгляд на социум, подпитываясь идеями о естественном равенстве людей и сочувствием к угнетенным, он оставался сам по себе деполитизированным.

На русском языке дважды – в 1770 и 1782 гг. – выходил трактат Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» («Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes», 1754). Это сочинение, хотя Руссо зачастую и высказывает здесь противоречивые соображения, было источником весомых аргументов в поддержку эгалитарно-демократических взглядов на социум. Руссо использует противопоставление здоровья и болезни для того, чтобы говорить о дикости и цивилизации (в частности, упоминает о «прекрасном здоровье дикарей»¹³⁴¹). Развитие экономики порабощает людей, порождая взаимную зависимость, а следом – аппарат угнетения. Руссо относился к цивилизованности и коммерции без всякого уважения: «Из общества и из роскоши, им порождаемой, возникают свободные и механические искусства, торговля и промышленность, науки, и все те излишества, что содействуют расцвету ремесел, обогащают и губят Государства»¹³⁴².

С другой стороны, не менее сурово он критиковал и принципиально ценную для отечественной политической мысли идею о совпадении личного и общего блага – идею, на которую, как мы видели выше, опиралось все массивное здание моралистского монархизма. Добродетель, согласно Руссо, опирается на естественное чувство сострадания, которое цивилизованные люди способны подавить в себе с помощью тонкой философии.

Впрочем, в отношении равенства Руссо – в одном из примечаний к собственному тексту – делает крайне важное замечание: Полная равномерность в распределении была бы противна даже тому строгому равенству, что присуще естественному состоянию, если бы

¹³⁴¹ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 51.

¹³⁴² Там же, с. 103.

эта равномерность и была осуществима в гражданском обществе; и поскольку все члены Государства обязаны служить ему сообразно своим дарованиям и силам своим, то, в свою очередь, граждан следует отличать и возвышать соответственно их служению»¹³⁴³. Совершенно недопустимо уравнивать добродетельных и злонравных граждан! Казалось бы, Руссо здесь совпадает по существу с описанными выше иерархиями добродетели, характерными для защитников дворянской гегемонии, поскольку утверждает, что «ранг граждан» должен «определяться не личными их достоинствами, что означало бы дать магистратам возможность применять Закон почти произвольно, но на основании той службы, которую они фактически несут Государству и которая поддается более точной оценке»¹³⁴⁴.

Это последнее замечание созвучно проблеме, которую мы уже ставили выше: как соотносится между собой добродетель христианина и добродетель гражданина? Мы постарались показать выше, что в российской политической мысли XVIII столетия доминирующим было то мнение, что две эти добродетели совпадают: «ранг граждан», говоря языком Руссо, зависит от личных и общественных достоинств в равной мере (иначе, заимствуя уже приводившееся выше выражение Сумарокова, мораль исчезнет, оставив людям одну политику).

И в другом сочинении, хорошо известном российской публике, «О политической экономии» («De l'économie politique», 1755), Руссо подчеркивает: между интересами правителя и подданных не существует никакой естественной связи. Действительно, как уже было показано в «Рассуждении о происхождении неравенства», власть возникает вовсе не из добровольного договора; она является результатом хитрой узурпации, создания аппарата принуждения, возносящего богатых и эксплуатирующего массу бедняков. Для правителя и подданных государство является – по крайней мере, Руссо часто использует риторику соответствующего порядка – игрой с нулевой суммой, исключая те случаи, когда сувереном является сам народ¹³⁴⁵. Поэтому не годится столь любимая монархически настроенными авторами метафора монарха-отца: если отец обязан следовать голосу природы, то правитель «должен руководиться только общественным разумом, который есть Закон»¹³⁴⁶. Но то же самое справедливо и для отношений между государством и меньшими ассоциациями, и в

¹³⁴³ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. С. 108.

¹³⁴⁴ Там же, с. 108.

¹³⁴⁵ Там же, с. 32.

¹³⁴⁶ Руссо Ж.-Ж. О политической экономии // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 112.

силу этого не работает функционалистская концепция социальной иерархии: «Иной может быть благочестивым священником или храбрым солдатом, или ревностным патрицием, но плохим гражданином»¹³⁴⁷. И в «Рассуждении о происхождении неравенства», и в трактате «О политической экономии» Руссо, следуя Фенелону, непрестанно критикует роскошь как «худшее из зол». Республиканская добродетель Руссо – результат социального конструирования, качество, которым наделены граждане, воспитанные в соответствующем духе (в понятие воспитания входит и экономическая умеренность, о которой Руссо много говорит как в предисловии к трактату «О происхождении неравенства», так и в трактате «О политической экономии»). В дополнение к фенелоновской неприязни к роскоши Руссо в целом ряде случаев берет эгалитарный тон, описывая разногласия, царящие в обществах под маской согласия. В других случаях, правда, Руссо настаивает на том, что в благоустроенных республиках раздоров и противоречий не существует: править в республике должна *общая воля*, основанная на законе, который должно выполнять правительство (проблему возникновения закона Руссо пришлось решать, вводя в трактате «Об общественном договоре» фигуру законодателя). А потому расхождение между личной и общей волей влечет за собой не знакомые нам по идейным построениям отечественной монархической мысли воздаяния и наказания для отдельного гражданина или группы граждан, но своеобразное принуждение: «Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным»¹³⁴⁸.

Именно на эту особенность руссоизма обращает внимание Ю. М. Лотман, говоря о том, что и Екатерина II в «Наказе», и Козельский в «Философических предложениях» предпочитали говорить о совпадении общего и индивидуального блага (Лотман называет эту идею «гельвецианской»): «Идея государственной диктатуры не вызывала в те годы у русских читателей Руссо сочувствия даже как идеальная схема. Примененная же к современности, она ассоциировалась с такими сторонами русской жизни, которые не находили безусловного оправдания даже в среде правых теоретиков. Интересна позиция в этом вопросе Екатерины II. <...> Она избрала государственную концепцию Гельвеция и других французских материалистов, согласно которой рожденный для общества человек,

¹³⁴⁷ Руссо Ж.-Ж. О политической экономии. С. 114.

¹³⁴⁸ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 164.

вступающий ради собственной пользы в союз с другими людьми, сохраняет и в новом состоянии всю полноту индивидуальной свободы, регулируемой его собственным, разумно понятым эгоизмом. Екатерина II хотела не оправдывать самодержавное насилие над личностью, а доказать, что насилия нет и самодержавие – наиболее либеральная государственная система»¹³⁴⁹.

Эгалитарно-демократический взгляд на социум был орудием для мощной критики общественного устройства, позволявшим переосмыслить и расширить сферу действия той антитезы *роскошь / добродетель*, о которой мы говорили выше в связи с влиянием Фенелона. Критический анализ роскоши, власти и богатства приводил к разрыву с функционалистским взглядом на социум, расписывавшим «должности» каждой страте от воинов и судей до, как мы видели у Захарьина, рабов. С другой стороны, дворянский социологизм, близкий к республиканизму в духе Макиавелли в силу исключительного внимания к социальному контексту производства добродетели, был встроен в общий политический контекст эпохи таким образом, который никак не мог привести к выработке концепции республики. Дворянский статус был связан с волей монарха-демиурга, героя и святого, движущего свою страну по пути вестернизации и преобразований.

Однако даже отказ от фенелоновской фигуры добродетельного, хорошо воспитанного монарха, способного мудрыми законами и личным примером остановить коррупцию и создать условия для добродетели подданных, не позволял убедительно разъяснить причины генезиса республики. Для Руссо, пользовавшегося античными объяснительными моделями, возникновение республики оставалось проблемой: чтобы *стать* свободным, народу требуется уже *быть* свободным в своем прошлом. Республиканский историзм особенно ярко проявился в пространном предисловии Руссо к «Рассуждению о происхождении и основаниях неравенства между людьми», где говорится: «Я никак не хотел бы жить в Республике, недавно образовавшейся, как бы хороши ни были ее законы, из опасения, что форма Правления, устроенная, быть может, иначе, чем это требовалось бы в данный момент, не соответствовала бы новым гражданам или граждане не соответствовали бы новой форме Правления, и Государству грозили бы потрясения и гибель почти с самого его рождения. Ибо свобода подобна той грубой и сочной пище или тем благородным винам, которые хорошо питают и укрепляют людей сильных и к ним привыкших, но только отягощают,

¹³⁴⁹ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 63.

обессиливают и опьяняют слабых и изнеженных, которые к ним не приучены»¹³⁵⁰. Та же проблема возникала и на российской почве. Как мы постараемся показать в завершающей главе настоящего исследования, данное противоречие оказалось разрешено в рамках периферийного для политической речи жанра – исторического трактата.

¹³⁵⁰ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства. С. С. 32 –33.

Глава 6. Римская образность, историзм и формирование республиканской перспективы в российской общественно-политической мысли XVIII в.

6.1. Формирование представлений о Новгородской республике в российской историко-политической мысли XVIII в.

Вопрос о «новгородской» тематике в российской интеллектуальной традиции XVIII – начала XIX вв. имеет обширную историографию¹³⁵¹. Большинство работ на эту тему исходит из того, что первичными составляющими республиканского импульса были политические предпочтения авторов, заставлявшие либо солидаризироваться с имманентно «вольнолюбивым», республиканским новгородским прошлым, либо критиковать его.

Так, Н. Г. Моисеева полагает, что решающее влияние на выбор темы трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжниным имели «опубликованные в 1773 г. Новиковым в “Древней российской вивлиофике” новгородские грамоты, охранявшие права и интересы

¹³⁵¹ Замотин И. И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1901; Маслов В. К литературной обработке предания о Вадиме Новгородском // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 22. Вып. 1-2. Киев: Тип. М. Т. Мейнандера, 1911. С. 1–6; Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л.: Наука, 1981; Цамутали А. Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Новгородский исторический сборник. № 1(11). Л.: Наука, 1982. С. 96–102; Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л.: Наука, 1980; Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 100–138; Кошелев В. А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. Вып. 2. СПб.: Наука, 1997. С. 93–109; Рукавичникова В. В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Дис. ... канд. филологических наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2001; Шольц Б. К вопросу о противоречиях концепции российской истории в русских исторических драмах 2-й половины XVIII века // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. Вып. 3. СПб.: Наука, 2001. С. 70–108; Гончарова О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004; Китанина Т. А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород Великой»: материалы конф. РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. СПб.; Великий Новгород, 2004. С. 14–20; Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004; Ходанен Л. А. Новгородские мотивы и миф о Софии в поэзии А. И. Одоевского // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2007, № 1. С. 20–29; Абраменко В. А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010.

новгородцев», свидетельствующие «о свободолобивых традициях древнего русского города»¹³⁵². В. В. Рукавичникова в диссертации, посвященной новгородским сюжетам в литературе рубежа XVIII – XIX вв., утверждает: «Актуализация “новгородской темы” на рубеже XVIII – начала XIX веков, объясняется, прежде всего, тем, что с судьбой древнего Новгорода были связаны события, имевшие решающее значение для последующего развития русской государственности. Имеется в виду призвание варяжских князей. Летописная легенда, ставшая национальной проблемой, возникла не в среде науки, а в области политики. Осмысление этого легендарного эпизода Новгородской истории привело к постановке узловых вопросов, отражавших идеологические искания эпохи. Это и проблемы исконности для России монархического принципа власти, и проблема моральной ответственности монархов перед подданными, и проблема национального характера»¹³⁵³. В. А. Абраменко в работе 2010 г. предлагает еще более жесткое определение: по отношению к новгородской истории в исторической литературе конца XVIII в. существовала определенная политическая линия, поскольку «все произведения, посвященные началу государственности на Руси, создавались либо в подконтрольных правительству учреждениях, либо “придворными” драматургами и деятелями изобразительного искусства»; российские авторы черпали сведения из летописей и былин, а «образ Новгорода представляет собой цельное и непротиворечивое явление во всех сферах общественной мысли и развивается в рамках единых тенденций»¹³⁵⁴.

Однако для интеллектуальной традиции XVIII в. сюжет о Новгороде как о республике вовсе не был данностью. Конечно, в древнерусском летописании Новгород фигурировал как один из крупнейших и сильнейших городов, однако идентификация новгородской формы правления как республиканской отсутствовала в историописании XVI – XVII вв.¹³⁵⁵ А если

¹³⁵² Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. С. 157–158.

¹³⁵³ Рукавичникова В. В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Канд. дис. ... канд. фил. наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2001. С. 174–175.

¹³⁵⁴ Абраменко В. А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX вв.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010. С. 28 29.

¹³⁵⁵ Подчеркнем: нас вовсе не интересует вопрос о том, был ли древний Новгород в самом деле республикой или нет – см. об этом, например, доклад П. В. Лукина, представленный в 2011 г. на конференции «Practices and Theories of Self-Government: Comparative Perspectives on Russia and Europe» в Европейском Университете, Флоренция (Lukin P. V. Was Medieval Novgorod a Republic? Myth and Reality. Prepared for “Practices and Theories of Self-Government in Russia and Western Europe: Early Modern Explorations”, EUI, May 5-7, 2011. Электронный ресурс. Режим доступа: http://eu.spb.ru/images/centres/respub/Lukin_EUI.pdf). Для целей нашего исследования важен не характер новгородских институтов власти, а их репрезентация в интеллектуальной традиции, способная послужить отправной точкой для последующих поколений. Отправной точкой для авторов этой статьи послужил тот факт, что новгородская политическая культура, даже если и была по существу республиканской, не породила литературы на эту тему, оставив историописателям XVIII в. широчайший простор для интерпретаций.

сами новгородские летописи не были по своему характеру республиканскими, то республианизм не мог быть просто «вычитан» из них, особенно если учесть рассмотренную выше эффективность моральных и религиозных аргументов в пользу монархии, доминировавших в российской политической культуре эпохи Просвещения¹³⁵⁶. Ведь, безотносительно сущностных характеристик политической организации вечевых «республик», они не оставили письменного, публицистического наследия, опираясь на которое интеллектуалы XVIII в. могли бы разрабатывать республиканскую проблематику. Впрочем, если даже российские авторы действительно использовали бы новгородские сюжеты для иллюстрирования собственных республиканских идей, бесцеремонно «вчитывая» в них сложившиеся ранее убеждения¹³⁵⁷, они все равно столкнулись бы с проблемой отбора. Почему именно древний Новгород выступал примером республики – и зачем бы вообще такой пример понадобился авторам, уже располагавшим набором республиканских аргументов, достаточным, чтобы убедить их в превосходстве республиканской формы правления над монархической?

По нашему мнению, функционирование новгородских исторических сюжетов в российской общественной мысли XVIII – начала XIX в. следует рассматривать не в контексте идеологической полемики между монархистами и республиканцами, а сквозь призму заимствований российскими авторами описательных моделей из историографии греко-римской античности. Республиканская интерпретация исторических сюжетов, связанных с древним Новгородом, была обусловлена трансфером греко-римских исторических концептов из европейской интеллектуальной традиции. Закрепление представлений о Новгороде как о республике стало возможным благодаря освоению интеллектуалами российского XVIII в. глоссария «форм правления». Это, в свою очередь, позволило интерпретировать историю Новгорода как историю особой политической «формы» и открыло путь многочисленным заимствованиям из греко-римской истории – в частности, импорту богатой римской образности, воплотившейся в фигурах Вадима Новгородского и Марфы Борецкой, черты которых были заимствованы из биографий эпохи кризиса Римской республики, в частности – из жизнеописаний Марка Катона. Этот последний феномен мы называем *экземплификацией*.

¹³⁵⁶ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 178–179.

¹³⁵⁷ Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. С. 197–198.

Безусловно, обращения к античным образам и темам были для отечественной культуры XVIII в. «общим местом»¹³⁵⁸. Более того: примеры из республиканских историй (Рим, Спарта, Афины) успешно играли роль как образцы для подражания в монархиях и оказывали сильное влияние (в частности, через французскую драматургию XVII в.) на российских литераторов. В каноне античных биографий особняком стоит героическая традиция тираноборчества. В нее входит целый ряд ярких фигур, но наиболее влиятельными следует считать образы эпохи кризиса и падения Римской республики — Марка Катона Младшего, Марка Брута и Гая Кассия. Настроенные монархически авторы зачастую рисовали их в негативном ключе (достаточно вспомнить, что в «Божественной комедии» Люцифер в центре преисподней терзает не только Иуду Искарюта, но и Брута с Кассием — убийц Цезаря), хотя сами по себе обращения к образам Катона и Брута, конечно, не позволяют делать однозначных выводов о настроениях автора¹³⁵⁹. Импорт подобной греко-римской образности в XVIII в. привел к кардинальному переосмыслению новгородских сюжетов отечественной истории.

Вопрос о политической системе Новгорода не был предметом специальной рефлексии средневековых книжников. С середины XV в. в историописании за новгородцами закрепляется образ мятежников: появляются сюжеты о Гостомысле, новгородском старейшине, и Вадиме Новгородском, которые позднее приобретут фундаментальное значение для формирования мифа о дорюриковой республике. Важное значение для конструирования новгородского мифа имела идейная борьба конца XV в. между Москвой и Новгородом¹³⁶⁰. С рубежа XV–XVI вв. в историописании появляется фигура Гостомысла (сначала — старейшины, а потом и воеводы), который указывает новгородским славянам на

¹³⁵⁸ См.: Кнабе Г. С. Русская античность. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2000; Любжин А. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2007.

¹³⁵⁹ Так, Ф. Мойсенков, переведший на русский язык в 1774 г. историческое сочинение Веллея Патеркула, в предисловии называл Катона «божественным»: «Он [Патеркул – К.Б.] не стыдится теми же красками описывать божественного Катона и ту Ливию, кою история по правде попрекает в честолюбии, коварстве и презрении благопристойности своего пола» (Любжин А. Римская литература в России. С. 164). Позитивный образ Катона формировала, например, поэма Лукана «Фарсалия», хорошо известная в России XVIII в., и трагедия Дж. Аддисона «Катон» (1717), не говоря уже о множестве исторических сочинений. Бруту везло несколько меньше, хотя наряду с историческими текстами его позитивный образ появляется и в трагедиях Шекспира «Юлий Цезарь» (1599) и Вольтера «Смерть Цезаря» (1735). Первый позитивный образ Брута в тексте российского автора, известный автору настоящей работы – сочувственное упоминание М.М. Щербатова об убийцах Цезаря в памфлете «О повреждении нравов в России» (Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 416).

¹³⁶⁰ См.: Лихачев Д. С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV – XV веках // Исторический журнал. № 6. 1941. С. 43–56; Розов В. Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века // ТОДРЛ. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 178–219; Севастьянова О. В. Новгородская четвертая летопись как источник по изучению взглядов новгородского епископа Евфимия II // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 2(40). С. 56–73.

Рюрика, потомка «кесаря» Августа и, следовательно, единственного достойного претендента на верховную власть¹³⁶¹. При этом «усобица», предшествовавшая призванию Рюрика, вообще исчезает как сюжет. Возвращается она в XVII в., в «Синописе» И. Гизеля, причем в довольно-таки любопытном качестве: «величие междоусобие», согласно «Синопису», возникает по той причине, что «российские народы» не могли решить, кого избрать себе «властелином»¹³⁶². «Синопис» – своего рода апология московской правящей династии – даже называет Гостомысла «князем новгородским»¹³⁶³. В этом, безусловно, проявилось влияние московского летописания XVI в., для которого в истории России (как, впрочем, и в мировой истории) не существовало иных легитимных режимов, кроме самодержавия¹³⁶⁴. Таким образом, политическая история Новгорода в «Синописе» — это история конфликта претендентов на трон, а не анализ трансформации политической системы.

Московская традиция сохранялась и в сочинениях XVIII в. Следуя за этой традицией, в 40-е гг. XVIII в. монархией древний Новгород представил В. Н. Татищев. Он включил в «Историю Российскую» текст, называемый Иоакимовской летописью, где рассказывалось о династии славянских князей будто бы правившей Новгородом до Рюрика, причем Рюрик рассматривался Татищевым как представитель боковой ветви династии¹³⁶⁵. К этой же династии, согласно Иоакимовской летописи, принадлежал и Гостомysl, который завещал престол своему внуку Рюрику. Говоря о наследовании престола в древнем Новгороде, Татищев повторил доводы в пользу наследования по завещанию, приведенные еще в «Правде воле монаршей» Феофана Прокоповича¹³⁶⁶.

Ссылаясь на Иоакимовскую летопись, древнее новгородское правление считала монархическим Екатерина II, заявлявшая в «Записках касательно российской истории» (1783), что «славянских князей поколение которое пресеклось кончиною Гостомысла в 860

¹³⁶¹ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1955. С. 162.; Книга степенная царского родословия. Ч. 1. М.: Императорский университет, 1775. С. 7. О фигуре Гостомысла см. подробнее: Петрухин В. Я. Гостомysl: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. № 2. С. 20–23.

¹³⁶² Мечта о русском единстве. Киевский синопис (1674). М.: Европа, 2006. С. 68.

¹³⁶³ А. М-ский. Рюрик // Вестник Европы. 1805. № 2. С. 99.

¹³⁶⁴ Убедительный анализ этой интеллектуальной традиции представлен М. А. Киселевым (Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 49–65).

¹³⁶⁵ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1. С. 29–50. Происхождение Иоакимовской летописи остается предметом споров (см.: Толочко А. П. История Российская В. Н. Татищева: источники и известия. М.; Киев: НЛЮ; Критика, 2005. С. 196–248).

¹³⁶⁶ Правда воли монаршей. С. 18, 44.

году, восходит примерно до 480 года по Рождестве Христовом»¹³⁶⁷. А Гостомысл, умирая, дал новгородцам совет пригласить на княжение своего внука, Рюрика. Императрица скорректировала свои оценки в пьесе «Из жизни Рурика» (1786); здесь Гостомысл обращается к старейшинам с теми же словами, что и в «Записках», но *совет* теперь принимает характер *завещания*. Один из приближенных Гостомысла, Триян, говорит: «Великий Новгород приобык повиноваться роду славянских князей, от которых Гостомысл есть последний»¹³⁶⁸.

Такая версия имела целый ряд сторонников. Действительный член Академии наук Т. С. Мальгин представил сюжет о древнем новгородском правлении в полном согласии с текстом «Записок» Екатерины II. Рюрик, согласно Мальгину, «по воле и избранию последнего в роде великого князя Гостомысла его и деда и народа» «основательное и твердое правление... приобрел готовым и искони существовавшим»¹³⁶⁹. И. Н. Болтин писал, что «руссы издревле жили под правлением монархическим», хотя и делал оговорку о смешанном характере новгородской формы правления: «Неоспоримо, что власть князей новгородских была ограничена, и что вельможи и народ великую имели силу в определениях о вещах важных»¹³⁷⁰.

Но рядом с монархической – можно назвать ее московской – традицией складывалась постепенно и другая, идентифицировавшая древний Новгород как республику. Истоком этой традиции был фундаментальный труд «Ядро Российской истории», написанный около 1715 г. находившимся в шведском плену секретарем российского посольства А. И. Манкиевым. Здесь Манкиев – впервые в отечественной традиции! – применил аристотелевский глоссарий форм правления для того, чтобы описать политическое устройство древнего Новгорода. Он утверждал, что «на северной России в полуночных странах россияне... образ гражданства имели демократической и жили всяк по своей воле»; «многие веки жители Новгорода жили общиною и правили своими землями и уездами»¹³⁷¹.

¹³⁶⁷ Екатерина II. Записки касательно российской истории // Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 8. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1901. С. 13.

¹³⁶⁸ Екатерина II. Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения театральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901. С. 222.

¹³⁶⁹ Мальгин Т. С. Зерцало российских государей. СПб.: Имп. Академия наук, 1794. С. 10.

¹³⁷⁰ Болтин И. Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. 1. СПб.: Тип. Горного училища, 1788. С. 58.

¹³⁷¹ Ядро российской истории. С. 20–21.

Манкиев первым из российских историков объяснил политическую нестабильность в Новгороде накануне призвания варягов принципиальной невозможностью поддерживать гражданское согласие в республике. Мысль об этом он вложил в уста новгородского «благоразсудливого мужа» Гостомысла: «Всяк из нас по своей мысли и прихоти править и судить хочет <...> От чего правление наших земель медлится и мешается, и из того разорение Великому Новуграду настоит; зане мы сами собою править не можем: того ради нам надобны князи, которые бы нами владели...» Впрочем, это новаторское для России понимание новгородского «несоюзнства» сочеталось со вполне традиционным аргументом в пользу Рюрика и его братьев: дело в том, что они происходят от рода кесаря Августа¹³⁷². Разумеется, симпатии Манкиева были на стороне монархии. Так, к восстанию Вадима Новгородского он отнесся индифферентн, попросту констатируя, что новгородцы «забунтовали было» против Рюрика¹³⁷³. Однако именно начиная с Манкиева в России складывается историографическая традиция, рассматривающая Новгород как республику, а «усобицу» новгородцев как гражданскую войну в республике.

«Ядро Российской истории» между 1715 и 1770 гг. распространялось в рукописных списках¹³⁷⁴, и историк Г. Миллер, выступивший первым ее издателем, имел все основания утверждать, что «книга любителям истории своего отечества давно известна»¹³⁷⁵. Но настоящая известность пришла к труду Манкиева с первой публикацией, состоявшейся в 1770 г. (интересно, что всего на два года раньше, в 1768 г., была опубликована «История» Татищева, представлявшая принципиально иной взгляд на форму правления в древнем Новгороде). До конца XVIII в. «Ядро» было переиздано 4 раза¹³⁷⁶. Неудивительно, что в последней трети XVIII в. А. И. Манкиева цитируют все чаще, а И. В. Нехачин в подражание даже называет свое сочинение «Новым ядром российской истории» (1795 г.)¹³⁷⁷.

Идентификация Новгорода как республики стала общим местом для российских исторических трудов 2-й половины XVIII в. Опираясь на Манкиева, республикой Новгород называли М. М. Щербатов, М. В. Ломоносов, Ф. А. Эмин, И. Ф. Богданович,

¹³⁷² Ядро российской истории. С. 31–32

¹³⁷³ Там же, с. 27

¹³⁷⁴ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в. // Архив историко-юридических сведений относящихся до России. Кн. 2. 1-я половина. М.: Тип. Александра Семена, 1855. Отд. 3. С. 3

¹³⁷⁵ Ядро российской истории. Предисловие.

¹³⁷⁶ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в. С. 15

¹³⁷⁷ Щербатов М. М. История российская. Т. 1. СПб: Имп. Академия наук, 1770. С. 190–191; Мальгин Т. С. Зерцало российских государей. С. 27; Нехачин И. В. Новое ядро российской истории. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. Ч. 1. С. 10–11.

Н. С. Ильинский, М. Н. Муравьев и другие авторы¹³⁷⁸. А уже в конце XVIII в. республиканский облик древнего Новгорода был закреплён историко-художественными сочинениями – такими, как «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, «Царь, или Спасенный Новгород» М. М. Хераскова, «Рюрик» П. А. Плавильщикова и «Марфа Посадница» Н. М. Карамзина. «Любление вольности» стало частым мотивом, с помощью которого историки объясняли, почему Новгород не желал видеть Рюрика самодержавным правителем.

Например, М. М. Щербатов, посвятивший призванию Рюрика специальный раздел первого тома своей «Истории» («Разсмотрение о пришествии Рюрика, и кто он был»), со ссылкой на В. Н. Татищева называет Рюрика «внуком или же зятем» Гостомысла. Однако самого Гостомысла он называет «посадником» (а не «князем», как Татищев), отметив, что «по неведению» иностранцы могли величать его и «Царем Новгородским». Сюжет с появлением Рюрика у Щербатова принципиально отличается от аналогичного сюжета у Татищева: Гостомysl не *завещает*, но *советует* новгородцам «избрать себе кого из чужестранных князей в цари»¹³⁷⁹. По мнению Щербатова, новгородцы были сильнее варягов в военном отношении, но гражданская война заставила их последовать совету Гостомысла и пригласить государями Рюрика и его братьев. Однако Щербатов оговаривает, что «Новгородцы, избрав себе в государи сих трех князей, не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали»¹³⁸⁰. Избранный на княжение в республике Рюрик, «хотел по обыкновенному в людях честолюбию преступить границы врученной ему самовольно власти, и утеснить любящей вольность народ»¹³⁸¹.

Ф. А. Эмин утверждал, что между новгородцами, после прибытия Рюрика «происходили роптания», и что «не один из них говорил к другому: “На то ли сей князь

¹³⁷⁸ Эмин Ф. А. Российская история. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1769. Т. 3. С. 48; Щербатов М. М. История российская. Т. 1. С. 190–193; Богданович И. Ф. Историческое изображение России. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1777. С. 13; Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. СПб.: В Тип. Б. Л. Гека, 1790. Ч. 1. Предисловие; Крестинин В. В. Начертание истории города Холмогор. СПб.: Имп. Академия наук, 1790. С. 21; Нехачин И. В. Новое ядро российской истории. С. 10–11; Елагин И. П. Опыт повествования о России. М.: Унив. тип., 1803. С. 105; Муравьев М. Н. Опыты истории, письмен и нравоучения. СПб.: В Имп. типогр., 1796. С. 123; Миллер Г. Ф. О происхождении имени, и народа российского // Фомин В. В. Ломоносов. М.: Русская панорама, 2006. С. 396; Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа // Миллер Г. Ф. Избранные труды. М.: Янус-К, 2007. С. 103.

¹³⁷⁹ Щербатов М. М. История российская. Т. 1. С. 187.

¹³⁸⁰ Там же, с. 192.

¹³⁸¹ Там же, с. 193.

призван, чтобы от нас отнимать вольность?»¹³⁸² Согласно тому же Эмину новгородцы «умели утраченную вольность из-под самых вырывать развалин и на прежнюю возносить степень»¹³⁸³. В свою очередь, Н. С. Ильинский отмечал: «Что Новгород и Псков составляли в древности две знаменитые в России *республики*, отличные от прочих городов своими правами, обыкновениями, торговлей, богатством и силой, — о том всякий читавший российскую историю известен»¹³⁸⁴.

А секретарь Екатерины II И. П. Елагин считал новгородское правление смешанным, соединяющим в себе элементы аристократии, демократии и монархии: «Аристократию являло у новгородцев правительство Сената, из всех равносильных вождей составленного. Демократия в народном собрании давала народу избирать по древнему обычаю и вождей и сенаторов. Монархию представлял общими голосами как вельмож, так и народа избранный князь или посадник». Высшим органом власти являлось вече, без одобрения которого «ничего важного... республика вчинать не могла». Показательно, что Елагин фактически описывал не исторический Новгород, а *свои представления* о нем, сформировавшиеся на основе изучения римской истории. Например, новгородского тысяцкого Елагин считал «как и в ветхом Риме» начальником всадников, полагал, что новгородцы избирали верховного жреца, а «в случае крайних обстоятельств» передавали власть диктатору. Наряду с римской историей на Елагина влияли и идеи о разделении властей: за вечем он признавал законодательную власть, а за посадником и князем — исполнительную¹³⁸⁵. При этом Елагин, признавая Гостомысла монархом, передавшим власть своему зятю Рюрику (наделенному особыми качествами и ведомому «велением богов»), указывал на «свобододержавие» Новгорода и на выборный характер монархии¹³⁸⁶, а также обещал читателям показать «коль упорно новоградцы против насилия князей русских... свобододержавное постановление свое защищали»¹³⁸⁷.

Автор анонимной «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии», называя Гостомысла князем, фиксирует выборный характер его власти, а также неоднократно подчеркивает «свободу» древних славян (одна из первых глав «Подробной

¹³⁸² Эмин Ф. А. Российская история. Т. 1. С. 80

¹³⁸³ Эмин Ф. А. Российская история. Т. 3. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1769. С. 220.

¹³⁸⁴ Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова. Предисловие.

¹³⁸⁵ Елагин И. П. Опыт повествования о России. С. 105–107.

¹³⁸⁶ Там же, с. 165.

¹³⁸⁷ Там же, с. 107.

летописи» так и называется: «О свободе, или вольности Славенской»¹³⁸⁸. Наконец, уже в начале XIX в. епископ Евгений (Болховитинов) в своей «Исторических разговорах о древностях Великого Новгорода» (1808 г.), разбирая вопрос о том, был ли Гостомысл князем или посадником, решительно называет Гостомысла выборным магистратом, называя – со ссылкой на Прокопия Кесарийского – древнеславянское правление «общенародным»¹³⁸⁹. Посадника епископ Евгений приравнивает к римским консулам или к бургомистрам германских городов.

Подобная идентификация древнего Новгорода как республики – которая, как мы видели, впервые в российской традиции встречается в «Ядре российской истории» А. И. Манкиева – означала переворот не только в исторической литературе. Поскольку интеллектуальный инструментарий для анализа республики и республиканизма в московской традиции отсутствовал, пробелы в понимании Новгорода как республики восполнялись импортом риторических стратегий и объяснительных моделей из западной традиции. А эта традиция, в свою очередь, опиралась при описании республик на греко-римскую классическую историю. Так началось постепенное вытеснение московской традиции римской образностью.

Таким образом, летописная история о призвании Рюрика оказалась радикально переосмыслена как *столкновение между разными формами правления*, а древний Новгород обзавелся республиканскими атрибутами. Литературная логика подсказывала отечественным авторам, что эти качества наиболее ярко проявляются в ситуации, когда республика сталкивается с политическим кризисом и противостоит монархии – по аналогии с корпусом классических текстов о кризисе в Римской республике и ее перерождении в монархию. Так сформировались ключевые сюжеты – эпизоды истории Новгородской республики.

Важно отметить: подобное моделирование «русской античности» не было попыткой вести политический спор при помощи исторических аргументов. Невозможно найти закономерность, объясняющую выбор конкретным автором объяснительной стратегии – например, приверженность конкретного автора той или иной идеологии, монархической либо республиканской. Скорее, такое моделирование явилось результатом усвоения

¹³⁸⁸ Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб: Тип. И. К. Шнора, 1798. Т. 1. С. 14–15.

¹³⁸⁹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М.: Губернская типография у А. Решетникова, 1808. С. 50.

аристотелевского глоссария форм правления и, соответственно, компаративного политического языка. Развитие республиканского сюжета происходило благодаря импорту римской образности, позволявшей выработать адекватную объяснительную модель для древнейшей российской истории, понятную кругам образованной элиты.

6.2. Военная мощь Новгорода в российской историко-политической мысли XVIII в.

Но само по себе признание древнего Новгорода республикой еще не означало глубокой трансформации взглядов на республику вообще. Американский исследователь Д. Гриффитс полагает, что в XVIII в. господствовало следующее представление о республике: «Среди атрибутов республиканского правления – поглощенность заботами о благополучии граждан, поощрение торговли, мореплавания и производства за счет ослабления средневековых ограничений, благородная политика толерантности и защиты различных взглядов и убеждений. <...> Если говорить в целом, считалось, что республика ориентировалась на торговлю, ей была присуща социальная терпимость, но в то же время и консерватизм»¹³⁹⁰. Та республиканская концепция, о которой говорит Гриффитс и которая была связана с ростом идей о коммерческом обществе в XVIII в., поддерживала монархический дискурс; именно в этом духе рассуждали о республиках, как мы видели выше, Феофан (Прокопович) и В. Н. Татищев.

А вот классический республиканизм расценивал республики совершенно по-другому – как *могущественные* в военном отношении государства. Залогом военной мощи республики выступала гражданская добродетель, вдохновлявшая воинов героически даже в самой неблагоприятной ситуации – подобно спартанцам в Фермопилах, римлянам после катастрофы при Каннах или карфагенянам при Заме. Характерный милитаризм классического республиканизма связывал добродетель с особым политическим

¹³⁹⁰ Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М.: НЛО, 2013. С. 79.

устройством, позволявшим индивиду прожить достойную жизнь в качестве свободного гражданина. Иными словами, военная мощь республики не имеет иного основания, кроме экстраординарной добродетели собственных граждан¹³⁹¹. Такая концептуальная модель использовалась крупнейшими авторами республиканской традиции – такими, как Н. Макиавелли¹³⁹², который полагал, что лишь солдат может быть хорошим гражданином¹³⁹³, или Дж. Харрингтон, чья идеальная республика Океания культивирует военную дисциплину как элемент гражданской добродетели¹³⁹⁴, или, наконец, латиноамериканские республиканцы начала XIX в. – например, С. Боливар¹³⁹⁵.

Эти аргументы классического республиканизма опирались, разумеется, на античные описания военного могущества республик – Спарты, Афин, Карфагена и, конечно же, Рима. От подобных аргументов не могли отвернуться даже авторы, решительно поддерживавшие монархию. Так, Феофан (Прокопович) в «Слове похвальном в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1716), описывая военное превосходство монархий над республиками, не смог обойти вниманием важнейшее исключение – «древнюю речь посполитую Римскую», которая была непобедима на поле сражения. Феофану пришлось разрешить противоречие, заявив, что о Римской республике «особенные бяху судьбы Божии»¹³⁹⁶.

А М. В. Ломоносов в «Древней Российской истории» (1766) стал – по выражению дореволюционного историка М. О. Кояловича – «искать в древних временах России осуществления хорошо знакомых ему доблестей греческого и римского миров»¹³⁹⁷, однако вынужден был особо оговорить разницу в форме правления: «Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того,

¹³⁹¹ Например, Тит Ливий, повествуя о переговорах между Публием Сципионом и царем Антиохом Великим после разгрома войск царя в Сирийской войне 192 – 188 гг. до н.э., передает слова Сципиона таким образом: «Из находящегося во власти бессмертных богов мы, римляне, имеем то, что даровано ими. Но дух, зависящий от нашего разума, был и пребывает в нас неизменным при любых обстоятельствах. Его не укрепляет удача и не ослабляет несчастье» (Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III. М.: Наука, 1993. Кн. XXXVII. С. 45).

¹³⁹² Snyder R. Citizen-Soldiers and Manly Warriors. Military Service and Gender in the Civic Republican Tradition. NY: Rowman and Littlefield Publishers, 1999. P. 15–44.

¹³⁹³ Lukes T. Martialing Machiavelli: Reassessing the Military Reflections // The Journal of Politics. 2004. № 66. P. 1089–1108.

¹³⁹⁴ Worden B. James Harrington and the Commonwealth of Oceana // Republicanism, Liberty and Commercial Society, 1649 – 1776. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 103.

¹³⁹⁵ Интересный анализ «республиканского империализма» Боливара предпринял современный историк Дж. Саймон (Simon J. Simon Bolivar's Republican Imperialism: Another Ideology of American Revolution // History of Political Thought. 2012. Volume 33, № 2. P. 280–304).

¹³⁹⁶ Феофан Прокопович. Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича. С. 42.

¹³⁹⁷ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Синодальная тип., 1893. С. 105–106.

разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась»¹³⁹⁸.

В свою очередь, М. М. Щербатов, полемизируя с Монтескье в «Примечаниях» на наказ Екатерины II, опирался на исторический пример Римской республики: «Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема, еще принадлежащая к решению <...> Римская республика пример нам ясный поставляет. Она, не взирая на свое пространство, не токмо правила отдаленными странами, содержала в тишине и спокойстве вновь покоренные народы, но еще ежедневно и свои области расширяла»¹³⁹⁹.

Римская образность, включавшая впечатляющую риторику военно-политического могущества и славы, оставалась чрезвычайно привлекательной для российских авторов¹⁴⁰⁰. Морейская колонна в дворцовом парке, посвященная победам Ф. Г. Орлова в Архипелаге, описывает доблесть российских воинов с помощью цитаты из Геродота: «Не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он». Но у Геродота спартанский эмигрант (и бывший царь) Демарат с помощью этих слов описывает персидскому царю Ксерксу боевой дух своих соотечественников – граждан республики. Исследовательница российской философии XVIII в. Т. В. Артемьева подчеркивает, что «определенное увлечение республиканскими идеалами выразилось в идеализации Новгородской республики и республиканского Рима, а Вадим Новгородский и Брут стали в литературе символами, обозначавшими приверженность авторов к республиканским идеалам»¹⁴⁰¹. Вместе с тем, история Спарты и Рима пробивала брешь в монархической аргументации, подрывая довод о том, что монархия подходит для обширных и могущественных стран лучше, чем республика.

Какой же республикой представлялся российским авторам древний Новгород? Несмотря на, казалось бы, общую солидарность с приведенным выше монархическим аргументом о военной мощи монархий и слабости республик, многие авторы XVIII в. считали Новгород «республикой мечей», указывая на его непревзойденную военную мощь.

¹³⁹⁸ Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г., сочиненная Михайлом Ломоносовым. СПб.: Имп. Академия наук, 1766. С. 3.

¹³⁹⁹ [Щербатов М. М.] Замечания на «Большой Наказ» Екатерины // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 22.

¹⁴⁰⁰ Baehr S. From History to National Myth: Translatio Imperii in Eighteenth-Century Russia // Russian Review. 1978. № 1(37). P. 11–13.

¹⁴⁰¹ Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII Века. СПб.: Алетейя, 1996. С. 95.

О военном могуществе древнего Новгорода еще с XVII в. начинают сообщать такие источники, как «Синописис» Иннокентия Гизеля и «Хроника из летописцев стародавних» Феодосия Сафоновича¹⁴⁰². В «Ядре российской истории» (1715) А. И. Манкиев, находясь, очевидно, под влиянием этой традиции, обращает особое внимание на военную мощь Новгорода. Этот город, по словам Манкиева, «знать, что... велик был, когда по многих повествователей свидетельству с областей своих... 100000 войска в поле поставить мог, а окрестным соседям толь страшен тот город был... что народы посторонние, поминая могущество и величество Новгорода, говаривали: “Кто может против Бога и против Великого Новагорода”»¹⁴⁰³.

Признание военной мощи древнего Новгорода оказалось не менее важной новацией, чем идентификация его в качестве республики и последовавшее наделение Новгорода республиканскими атрибутами. Так, М. М. Щербатов (1770 г.) отмечал, что «правление» Новгорода было «народное», и «по обыкновенным беспорядкам, бывающим в республиках, он подпал под власть и с покоренными ему народами Варягам <...> Но толь слабой язык, каковы были Варяги, не могли долго у себя толь сильный народ в подданстве содержать»¹⁴⁰⁴. Итак, Новгородская республика была *сильнее* варяжских князей! Щербатов – со ссылкой на «Ядро российской истории» – упоминает и пословицу, и «100 000 войска».

Говоря о другом столкновении монархии и республики в отечественной истории, московско-новгородской войне XV в., Щербатов предлагает более детальный анализ военного положения в Новгородской республике. Московский князь сокрушил Новгород военной силой, поскольку «войска Великаго Князя были составлены из храбрых и многими боями испытанных воинов, а Новгородския из граждан и поселян упоенных вместо храбрости буйством о силе их града, и ненависти Московскаго правления; и тако сошедшись когда сразились, победа и последовала разному состоянию сих воинств»¹⁴⁰⁵. Как видим, в данном случае Щербатов использует аргумент о военном превосходстве монархий.

Военную мощь Новгорода высоко ценил и Ф. А. Эмин. Опорой ему служила «Повесть о Словене и Руси» и упомянутый текст Манкиева. Эмин писал: «То заподлинно известно, что сей град был весьма велик и жители онаго во всем свете были славны... В Литве в

¹⁴⁰² Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674). М.: Европа, 2006. С. 68; Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Режим доступа: <http://litopys.org.ua/sofon/sof10.htm> (дата обращения – 09.04.2016);

¹⁴⁰³ Ядро российской истории. С. 20–21.

¹⁴⁰⁴ Щербатов М. М. История российская. Т. 1. С. 190–191.

¹⁴⁰⁵ Щербатов М. М. История российская. СПб: При Имп. Академии наук, 1783. Т. 4. Ч. 2. С. 46.

древние веки, естли хотели кого проклинать, говаривали: *Убий ты Бог и Новый град*. Новгородцы владели разными народами и ставили около ста тысяч войска, а часто и больше, когда нужда того требовала»¹⁴⁰⁶. При этом Эмин был хорошо знаком с разными подходами к определению республики. Рассуждая о временах до Рюрика, он утверждал, что для преодоления междоусобий в славянских «землях учреждено было не раз общее правление», но «оное не долго продолжалось, ибо грубый, к войне склонный, к грабежам... привыкший народ, как мог быть доволен общим правлением, которое по большей части своего покоя ищет и опасается жестокости воинской?» Однако знакома Эмину и «республика мечей». Например, Англию Эмин характеризует следующим образом: «Одному только английскому общественному правлению свойственно, чтобы войною прославляться»¹⁴⁰⁷.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (1816) идентифицировал Новгород как республику, но не упоминал о военном могуществе города, игнорируя – редкий случай! – цитату из Манкиева при описании древнего Новгорода и фактически продублировав мнение Щербатова (неопытность войска Новгорода и внутренняя нестабильность как причины поражения) при описании новгородско-московской войны XV в.¹⁴⁰⁸ Вместе с тем в трагедии «Марфа Посадница или покорение Новагорода» (1802) Карамзин развивал принципиально иной взгляд на события XV в., описывая Новгород скорее как классическую республику мечей¹⁴⁰⁹. Впрочем, в обоих случаях Карамзин делает акцент на провиденциализме и телеологизме, обращаясь к исторической логике как к главному аргументу – так, варяги у Карамзина предстают в качестве носителей прогресса¹⁴¹⁰, а дорюриковский период истории – как «младенчество».

Итак, упоминание о военной мощи Новгорода стало одним из общих мест для историков и писателей XVIII – начала XIX в. – от Манкиева до Карамзина. При этом описания Новгорода оставались амбивалентными: один и тот же автор мог характеризовать Новгород одновременно и как «республику мечей», и как торговую республику. Ярким примером такой амбивалентности является глава «Новгород» в «Путешествии из

¹⁴⁰⁶ Эмин Ф. А. Российская история. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1767. Т. 1. С. 48-49.

¹⁴⁰⁷ Эмин Ф. А. Российская история. Т. 1. С. 41-42.

¹⁴⁰⁸ История государства Российского. Том I. СПб.: Тип. Н Греча, 1818. С. 131-134; История государства Российского. Том VI. СПб.: Тип. Н Греча, 1819. С. 35-44.

¹⁴⁰⁹ Карамзин Н. М. Марфа Посадница, или покорение Новагорода // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. I. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 680-723.

¹⁴¹⁰ «Варяги или Норманны должныствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах севера; могли сообщить им некоторыя выгоды новой промышленности и торговли, благодетельныя для народа» (История государства Российского. Том I. С. 131).

Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Характеризуя Новгород как могущественную республику, Радищев упомянул и пословицу, и стотысячное войско: «...Из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно, по летописям, что Новгород имел народное правление. <...> Хотя у их были Князья, но мало имели власти. Вся сила правления, заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече, был истинный Государь. Старинная речь; кто может стать против Бога и великаго Новгорода, служить может доказательством его могущества»¹⁴¹¹.

Однако в этой же главе Радищев отметил, что причиной возвышения Новгорода была торговля, а причиной гибели – «внутренние несогласия» и «хищный сосед». Подобное утверждение отсылает читателя к тому противопоставлению монархии (мощь, слава) и республики (торговля, трудолюбие), которое характерно для концепции торговой республики. Это тем более интересно, что Радищев отлично знал античный канон и, в частности, перевел «Размышления о греческой истории» Мабли, где – при описании похода Ксеркса на Грецию – особо подчеркивалось различие между военной доблестью древних республик, сумевших дать отпор агрессивному деспоту, и трусостью республик современных, коммерческих¹⁴¹².

Сходную амбивалентность мы видим и у публициста В. В. Попугаева. Говоря о республиках в работе «О благоденствии народных обществ» (1807), Попугаев склонялся к тому, что республики должны быть коммерческими государствами, которые «не должны и не могут быть весьма велики, дух завоевания истинным республикам несвойствен, но токмо правлениям деспотическим»¹⁴¹³. Однако здесь же Попугаев говорит и об «ужасной мощи» Новгорода, которая, правда, подрывалась внутренней нестабильностью и отсутствием политического баланса – очередное проявление характерной новгородской необузданности: «Республика Новгородская, невзирая на всю

¹⁴¹¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 263–264.

¹⁴¹² «Мы не знаем, что такое есть покорение вольного народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане, и где разумы равно от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война производится в землях к повиновению обыкших и защищаемых наемниками. Самыя республики нам предлагающия представляют токмо толпу мещан прилепленных ко гражданским упражнениям: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов предпочитающих разрушение свое потере вольности» (Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. Сочинение г. аббата Мабли. Переведено с французского // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. С. 246).

¹⁴¹³ Попугаев В. В. О благоденствии народных обществ // Русские просветители (от Радищева до декабристов). Т. 1. М.: Мысль, 1960. С. 343.

энергию ее патриотизма, на всю ужасную силу ее, пребывала во всегдашнем внутреннем колебании и потому наконец соделалась жертвою неутвержденного равновесия оных»¹⁴¹⁴.

И пословицу, и «сто тысяч» новгородских воинов упоминает – со ссылкой на «Ядро российской истории» – автор «Исторических разговоров о древностях Великого Новгорода» (1808) епископ Евгений (Болховитинов)¹⁴¹⁵. По мнению Болховитинова, древние славяне «издревле привычны были к вольному республиканскому правлению», отчего «Новгородцы во все времена старались удержать оное у себя». Чтобы защититься от варягов, новгородцы «еще до пришествия Рюрика распространили свою республику союзом со всеми их окружающими народами; после, завоеваниями в разные времена, область свою простерли они даже до Перми, Печоры и Югории». Экспансия привела к тому, что новгородцы «страшны стали всем Руским Князьям»¹⁴¹⁶. Но одновременно Болховитинов характеризовал Новгород как коммерческую республику, пространно рассуждая о торговых связях новгородцев и усматривая причину падения города в том, что «цветущия, и особливо великия Республики, окружаемая Монархиями, вообще долго стоять не могут»¹⁴¹⁷. Возникновение «единодержавия» литовских и московских князей означало начало упадка Новгорода. Болховитинов отмечает: «Удивительно даже, что Новгород мог процветать около 600 лет»¹⁴¹⁸.

Итак, политическая характеристика республики оставалась амбивалентной: могущественная «республика мечей» всегда могла обернуться своей противоположностью – слабой коммерческой республикой, беззащитной перед воинственным соседом. Много внимания уделялось непосредственно периоду перед призванием князей, когда в ход шла классическая аргументация о слабости республики вследствие изнуряющих гражданских распрей и уязвимости в военном отношении. М. В. Ломоносов, например, писал о том, что новгородцы «впали в великие распри и междоусобные войны, востая один род против друга для получения большинства»¹⁴¹⁹. Аналогичные доводы, как мы видели ранее, приводил и М. М. Щербатов. Профессор Московского университета Х. А. Чеботарев (1780-

¹⁴¹⁴ Попугаев В. В. О благоденствии народных обществ. С. 341. Показательно, что прилагательное «ужасный» Попугаев использует в своем трактате 6 раз, из них 3 употребления приходятся на один и тот же абзац текста, где говорится о военной мощи деспотий. Мощь Новгорода Попугаев охарактеризовал тем же прилагательным, что и мощь Александра Македонского или Ксеркса.

¹⁴¹⁵ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. С. 2–3.

¹⁴¹⁶ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. С. 53–54.

¹⁴¹⁷ Там же, с. 66.

¹⁴¹⁸ Там же, с. 66.

¹⁴¹⁹ Ломоносов М. В. Древняя российская история. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1766. С. 55.

е гг.) утверждал, что после изгнания варягов Новгород «учинил себя вольным». Однако «не долго продолжалось счастливое сие состояние, вскоре возродились в нем внутренние беспокойства и мятежи, яко натуральные пагубные следствия демократического государства; и новгородское общенародное правление, наконец, не сильно было удержать и защитить вольность и права своих сограждан»¹⁴²⁰.

Впрочем, для большинства историописателей сила и слава древнего Новгорода находились в центре внимания – в историографии 2-й половины XVIII в. был принят дискурс «славности и величия» национальной истории. Поиск глубокой исторической преемственности, распространенный в историографии Нового времени, предполагал реконструкцию генеalogий¹⁴²¹. Примером подобной реконструкции является «Синописис», где в качестве славянских подвигов фигурируют кампании скифов против Александра Македонского или занятие Рима Одоакром¹⁴²²; эта же стратегия многократно применялась авторами XVIII в. Обращение к дискурсу «славности и величия» означало признание военного величия древних славян (и, в том числе – новгородцев) как факта, а уж под каким правлением такое величие было достигнуто – «республическим» или «самодержавным» – оставалось для многих авторов вопросом второстепенным. Учитывая это обстоятельство, не следует удивляться тому, что некоторые историки – как, например, Н. С. Ильинский (1790 г.) и И. В. Нехачин (1795 г.)¹⁴²³ – попросту смешивали монархическую (татищевскую) и республиканскую версии истории древнего Новгорода: в обеих версиях новгородцам сопутствовали великая слава и военное могущество! Нехачин еще и оговаривает, что Новгород был славен «купечеством» и одновременно «силою своею» страшен «окрестным народам»¹⁴²⁴.

Римская образность новгородского текста, вокруг которой строились описания военного могущества республики, накладывалась на поиск «славности и величия» в

¹⁴²⁰ Чеботарев Х. А. Отрывок из записок профессора Чеботарева // ЧОИДР. 1847. № 9. С. 4.

¹⁴²¹ См. о дискурсе величия: Маловичко С. И. Спор М. В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера как конфликт разных историографических культур // *Imagines Mundi*. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 283–297; Соколов С. В. О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской руси // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 1(38). С. 122–130; Соколов С. В. Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова) // *Люди и тексты. Исторический альманах*. Информационное пространство эпохи. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 252–271.

¹⁴²² В «Синописисе» сообщалось, кроме прочего, что «славяне в храбрости и мужестве своем день ото дне крепко подвизающеся, воеваша еще и противу древних Греческих и Римских Кесаров, и всегда славную восприимлюще победу, во всяческой свободе живяху» (Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674). М.: Европа, 2006. С. 51).

¹⁴²³ Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова. С. 11–12; Нехачин И. В. Новое ядро российской истории. С. 10–11.

¹⁴²⁴ Нехачин И. В. Новое ядро российской истории. С. 10–11.

древнейшей истории славян. На практике это означало, что оспорить военное могущество древнего Новгорода было проблематично. Признание древнего Новгорода республикой почти автоматически означало констатацию республиканской военной мощи, создавая условия для дальнейшего развития параллелей с римской историей на российской почве. Немаловажным было и то, что, поскольку эти события разворачивались в дохристианский период истории России, интеллектуальный инструментарий провиденциализма (который, в свою очередь, оставался важным слагаемым монархизма) отступал на вторые роли.

Это особенно ярко видно на фоне второго значимого сюжета отечественной истории, в котором участвовали республика и война – сюжета о новгородско-московской войне XV в. Поскольку этот конфликт был четко локализован во времени и пространстве и тщательно описан в различных источниках, речь о «славности и величии» не заходила, а военная мощь Новгорода не была очевидной. Поэтому для анализа этого конфликта чаще использовался аргумент о военном превосходстве монархии над республикой. Соответственно, сюжет о древнем Новгороде (включающий противостояние Вадим – Рюрик) чаще интерпретировался российскими авторами с помощью концептуального инструментария «республики мечей», тогда как сюжет о Новгороде XV в. (с его противостоянием Марфа – Иван III), напротив, обычно рассматривался как история о торговой республике.

Другой острый период в российской истории с потенциально республиканским сюжетом – подчинение Новгорода Москве в 1470-х гг. Я. С. Лурье выделял четыре летописные версии, объединенные условным названием «Повести о присоединении Новгорода». Из четырех текстов только один создавался в еще самостоятельном Новгороде, остальные представляли московскую точку зрения¹⁴²⁵. Действия московского князя трактовались как справедливые, законные и предпринятые в защиту «старины». Измена великому князю сочеталась, по изображению московских летописцев, с изменой вере: новгородцев обвиняли в том, что они «от христианства отступают к латынству»¹⁴²⁶.

Оба эти мотива были приняты историческими сочинениями XVI в. Например, согласно Степенной книге, новгородцы будто бы говорили на вече: «не хотим быть владымы великим князем Московским... но хотим быть владымы кралем Казимером польским». Одновременно с этим в Степенной книге появляется глава «О погибельном ухищрении

¹⁴²⁵ Лурье Я. С. Повести о присоединении Новгорода // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 201–204.

¹⁴²⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л.: Изд-во Академии Наук, 1949. С. 285.

злоумные жены Марфы», посвященная в основном тому, как Марфа Борецкая «всего народа хотя прельстити и с правого пути совратити... тьмою прелести Латынский»¹⁴²⁷. Никоновская летопись, составленная несколько раньше Степенной книги, также следовала паттернам московского летописания¹⁴²⁸.

В отличие от ситуации с древним Новгородом, говоря о событиях конца XV в., историки XVIII в. более точно следовали летописному изложению событий. А. И. Манкиев, выступивший относительно сюжета о призвании Рюрика новатором, не привнес в сюжет о покорении Новгорода Иваном III ничего нового. В «Ядре российской истории» о событиях 1470-х гг. рассказывается подробно, однако «вины», побудившие новгородцев к восстанию, никак не связаны ни с защитой республики, ни с любовью к свободе или «правам». Манкиев буквально повторяет летописный текст: новгородцы «из-под власти великого князя выбиться искали и под державу короля польскаго Казимира поддаться и веру принять хотели». Мятежники, будучи охвачены «безумной гордостью» и «в покое жить не умея», вступили в борьбу со своим законным повелителем, которая закономерно окончилась победой московского государя¹⁴²⁹.

В. Н. Татищев (1740-е гг.), также почти не отступая от летописей, дал новую интерпретацию, в которой уже нашлось место новгородскому республиканизму. Новгородцы, согласно его мнению, «...дерзнули отвергнувшись власти великих князей, общенародное правительство или демократию ввести, что с великим их разорением опровергнуто, и под власть государям покорены»¹⁴³⁰. Г. Миллер (1760 г.) признавал Новгород республикой и указывал, следуя логике летописей, на готовность новгородцев перейти под покровительство иноземного государя: «Новгородская республика в надежде, чтоб не лишиться вольностей своих, может отложиться от России и отдаться в защищение польскому королю»¹⁴³¹. М. М. Щербатов (1770-е гг.) менее других использовал глоссарий московских летописей и Степенной книги при описании новгородских событий; он последовательно называет правление Ивана III самодержавным, противопоставляя его новгородскому «гражданскому» или «республиканскому»¹⁴³².

¹⁴²⁷ Книга степенная царского родословия. Ч. 2. М.: Императорский университет, 1775. С. 103; 107–108.

¹⁴²⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 110–113; 125–141.

¹⁴²⁹ Ядро российской истории. С. 169–170.

¹⁴³⁰ Татищев В. Н. История российская. Кн. 1. Ч. 2. М.: Имп. Московский университет, 1769. С. 515.

¹⁴³¹ Миллер Г. Краткое известие. С. 119.

¹⁴³² Щербатов М. М. История российская. Т. 4. С. 106–159.

Воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей М. Н. Муравьев – знаток античных древностей – писал в составленном для них руководстве по истории (1796 г.), что «Великий Новгород, надменный древними преимуществами своими и богатствами, которая торговля ему доставила, испытывал внутри себя все нещастия крайняго своеволия». Муравьев особо подчеркивал изменнический характер протеста новгородцев. Новгород, «раздираем советами буйной вечи и последуя обольщениям посадников своих, осмеливался позабыть природные связи свои с Россией»¹⁴³³. В целом противостояние 1470-х гг. не предполагало симпатий к Новгороду по следующим причинам, во-первых, слабости Новгорода и отсутствия в нем единства, совершенно очевидных из летописного повествования; во-вторых, по той причине, что затрагивались вопросы веры; в-третьих, из-за «изменнического» намерения новгородцев перейти под власть польского короля. И все же даже эти сюжеты способствовали формированию республиканского (хотя и негативного) имиджа Новгорода.

Таким образом, природа борьбы Новгорода и Москвы в сочинениях историков XVIII в. представляла двойственной: с одной стороны, Новгород рассматривался как республика, а его поражение объяснялось сущностным пороком республиканской формы правления и восходило к античным паттернам. С другой стороны, историки XVIII в., опираясь на летописный материал, не имели достаточно свободы для «домысливания» событий 1470–х гг. (в отличие от истории с Вадимом и Рюриком), поэтому в фокусе оставался и летописная интерпретация событий как бунта против законной власти и измены религии.

Признание «славы и величия» древних новгородцев означало смещение начальной границы российской истории в глубину веков, в период, предшествовавший и основанию династии, и крещению Руси. Именно в этом пространстве, свободном от телеологизма религиозной и династической исторической традиции, и формировались ключевые сюжеты российского республиканизма, обнаружившего, что в древнем Новгороде существовала республика, сочетавшая свободный образ правления и великое военное могущество.

Поэма М. М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) ярко иллюстрирует то, каким образом литературный канон влиял на политическую речь. В своей драме Херасков, заочно полемизируя с Княжиным, постарался дать политическую отповедь «мятежникам», напрямую уподобив бунт новгородцев против Гостомысла и Рюрика

¹⁴³³ Муравьев М. Н. Опыты истории. С. 123.

Французской революции¹⁴³⁴. Однако, несмотря на то, что бунтующие новгородцы в описании Хераскова охвачены всеми мыслимыми пороками (жестокие расправы и казни, надругательство над древними святынями и повальное пьянство), войску Рюрика так и не удалось добыть победу в бою с бунтовщиками. Новгородцы, преданные «химере вольности», яростно защищали свой город; битва прекратилась только после вмешательства самого Неба, отдавшего победу Рюрику¹⁴³⁵:

Горит мятежное сраженье!
Но что виной упорств таких?
Не храбрый дух – предубежденье
О вредном безначальстве их.

Даже яростная критика Херасковым республиканизма не позволила поставить под сомнение непревзойденные «славно́сть и величие» древних новгородцев.

Другой критик Княжнина, актер и драматург П. А. Плавильщиков, уделил внимание истории о могуществе древних славян в трагедии «Рюрик» (1791, поставлена впервые под названием «Всеслав»). Вадим предстает у Плавильщикова беспринципным честолубцем, алчущим власти любой ценой. Однако в своих интригах против Рюрика Вадим постоянно обращается к республиканскому этосу Новгорода – например, говорит, что «цари несли к Славянам дань» и напрямую называет Новгород Римом северных стран¹⁴³⁶. А один из сторонников Вадима, Вельмир, вспоминает о том, что Новгородская республика – подобно республике Римской – обладала великим военным могуществом безо всяких царей:¹⁴³⁷

Славенский род не знал и имени короны,
Но многим скипетрам он подавал законы,
Господствующий дух с свободою в сердцах
Ужасными славян явил во всех странах.
Где есть какой народ, какая где держава,
Где б громкая славян не раздавалась слава?

¹⁴³⁴ Херасков М. М. Царь, или Спасенный Новгород. Предупреждение.

¹⁴³⁵ Там же, с. 186.

¹⁴³⁶ Плавильщиков П. А. Рюрик. Трагедия в пяти действиях, в стихах // Сочинения Петра Плавильщикова. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816. С. 3, 6.

¹⁴³⁷ Там же, с. 13.

Властители царей, властители судьбы,
Славяне стали днесь все Рюрика рабы.

Наконец, Н. М. Карамзин конструировал собственную версию конфликта XV в., сознательно используя амбивалентность противопоставления монархии и республики в повести «Марфа Посадница» (1802). У Карамзина посланник Ивана III, князь Холмский, кратко излагает новгородцам аргументы, утверждающие превосходство монархии над республикой: «Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседей, новгородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и когда Олег храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорялись ему с радостию, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию»¹⁴³⁸. Новгородцы, обязанные монархам славой и верой, отложились от единого Русского государства во время монгольского нашествия. Новгород богатеет, тогда как остальная Русь лежит в руинах. В Новгороде правят богатейшие бояре, под игом которых страждет народ. «Шумное вече» Холмский противопоставляет мудрому правлению Рюрика и Ярослава.

Однако в ответной речи Марфы акценты расставлены по-другому: подобно Княжнину, Карамзин сохраняет амбивалентность в оценках. Новгород, по словам Марфы, никогда не покорялся великим князьям, исключая одного только Рюрика. Карамзин находит место и для коммерческой составляющей: богатство Новгорода – следствие республиканской «вольности», которая «оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы»; с утратой «вольности» бедность станет наказанием для «недостойных граждан, не умевших сохранить наследия отцов своих»¹⁴³⁹.

Итоговое сражение между монархией и республикой оказалось у Карамзина – как ранее и у Хераскова! – чрезвычайно жестоким и упорным, что заставляет вспомнить классические описания сражений при Фарсале и Филиппах из римской истории. В конечном счете, победивший Иоанн прощает всех своих врагов кроме Марфы Борецкой, которую ожидает казнь.

Карамзин не вдается в разъяснения причин гибели Новгорода: новгородцы горят желанием сражаться за свободу, они мужественно противостоят войску Иоанна, а после

¹⁴³⁸ Карамзин Н. М. Марфа Посадница. С. 683.

¹⁴³⁹ Там же, с. 693.

поражения упорно обороняют город – и все же проигрывают войну (как отмечено выше, в аналогичной ситуации Херасков, куда менее благосклонно относившийся к «бунтовщикам», все же был вынужден заставить вмешаться высшие силы). И если, например, М. М. Щербатов объяснял поражение Новгорода утратой республиканской доблести и готовности бороться за свободу, то Карамзин описывает схватку равных соперников: «Грудь русская была против груди русской, и витязи с обеих сторон хотели доказать, что они славяне. Взаимная злоба братий есть самая ужасная!.. <...> Одни сражались за честь, другие за честь и вольность»¹⁴⁴⁰. Усобицы в Новгородской республике помянуты Карамзиным вскользь и они не подрывают боевого духа армии (хотя битву на Шелони московский князь выигрывает не без помощи изменников в новгородском войске); более того – после первого поражения новгородцы еще дважды попытались остановить Иоанна, и вновь неудачно. Все это сообщает повествованию провиденциализм, телеологизм, с помощью которого Карамзин и разрешает конфликт; на стороне Москвы – божественная воля и историческая логика.

Альтернативой умиротворяющему подходу Карамзина, растворившему республиканизм в провиденциальной идее единства, были радикальные идеи декабристов. Для декабристов история о павшей Новгородской республике (следующая описаниям в духе Радищева и Княжнина) оставалась краеугольным камнем представлений о России, одновременно романтических и республиканских¹⁴⁴¹. Так, новгородские сюжеты присутствовали в стихотворениях В. Ф. Раевского «К друзьям» и «Певец в темнице» (оба – 1822 г.)¹⁴⁴². Во втором из этих стихотворений Раевский оплакивал падение Новгородской и Псковской республик, вспоминая о том, что

...там бессмертны имена

Златыми буквами сияли:

Богopodobная жена

Борецкая, Вадим – вы пали!¹⁴⁴³

¹⁴⁴⁰ Карамзин Н. М. Марфа Посадница. С. 712–713.

¹⁴⁴¹ См.: Rabow-Edling S. The Republican Idea of the Nation in Decembrists Poetry // Working papers / Uppsala University, Department of East European Studies, № 107, November 2006.

¹⁴⁴² См. подробнее: Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XX в. // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 126–127.

¹⁴⁴³ Поэзия декабристов. Л.: Советский писатель, 1950. С. 477.

Исторические аргументы из прошлого позволяли приступать к радикальной критике российского настоящего: рабство, бесправие, деспотизм – чуждые, наносные явления в истории России. Так, декабрист М. Н. Муравьев в предназначенной для солдат прокламации «Любопытный разговор» (1822 г.) винил во всем «нашествие татар» и привнесенные им «понятия восточные»¹⁴⁴⁴, а М. С. Лунин в составленном уже после разгрома восстания «Розыске историческом» (1838 г.) – «нордманнов», которых он считал ответственными в распространении «удельной системы», оказавшейся хуже монгольского ига¹⁴⁴⁵. И Муравьев, и Лунин решительно отказали дому Рюрика и в талантах, и в добродетелях, и в исторической роли. Аналогичного взгляда на российскую историю придерживался и другой видный декабрист, В. К. Кюхельбекер¹⁴⁴⁶. Позднее в XIX в. влиятельным продолжателем этой традиции выступит А. И. Герцен¹⁴⁴⁷. Подобная ориентализация монархии означала, что после ликвидации чуждого политического режима республиканские ценности можно будет возродить без угрозы для величия и могущества страны.

6.3. Республиканизм в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева

Но инновации, привнесенные в российскую политическую мысль адаптацией республиканских идей, не ограничивались только историческим аргументом в поддержку возможности сделать Россию республикой.

Размышляя над итогами развития отечественной политической культуры XVIII столетия, Е. Н. Марасинова приходит к выводу о том, что «формирование независимого от престола общественного мнения и свободной от высочайшего контроля сферы общественной жизни осуществлялось “частным человеком”», который «вольно или

¹⁴⁴⁴ Муравьев Н. М. Любопытный разговор // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 330–332.

¹⁴⁴⁵ Лунин М. С. Розыск исторический // Лунин М. С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. С. 63.

¹⁴⁴⁶ Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XX в... С. 132.

¹⁴⁴⁷ Цамутали А. Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 1. Л.: Наука, 1982. С. 98.

невольно противопоставлял могучему имперскому интересу с его прекрасно разработанной идеологией, определяющей вербализированные ценности большинства, свой собственный интерес»¹⁴⁴⁸. В. А. Каплун конкретизирует проблему «частного лица» в России конца XVIII – начала XIX вв.: «“Частное лицо” здесь противостоит “подданному”, а не “общественному деятелю” или “публичному политику”. “Частное лицо” обозначает говорящего и действующего от собственного лица гражданина, который не скован обязательствами государственной службы, то есть сервильной службы царю»¹⁴⁴⁹.

Сходные замечания делает современный исследователь В. Л. Каплун, говоря об особом типе публичной культуры в России рубежа XVIII – XIX вв., основанной на интересе к античным образцам¹⁴⁵⁰. В. Л. Каплун справедливо указывает на то, что республиканизм рубежа XVIII – XIX вв. в России является не столько «идеологией», сколько «культурой»: «Культ античности в конце XVIII — начале XIX вв. охватывает практически все стороны жизни образованной российской публики – литературу, театр, живопись, архитектуру, искусство интерьера, садово-парковое искусство, моду и т. д. По мнению ученого, культура эта «является органической частью европейской традиции гражданского республиканизма»¹⁴⁵¹. Но, поскольку российский гражданский республиканизм конца XVIII в. представляет собой «не столько *идеологию*, сколько гражданскую *культуру*» и потому анализировать его следует с привлечением большого числа документов личного происхождения¹⁴⁵².

Более точным, по нашему мнению, будет сказать: в российской культуре, включая и придворную, и публичную сферы, существовал устойчивый интерес к греко-римской истории и литературе, и вот этот-то интерес и стал важнейшим инструментом для формирования республиканской идеологии. Ведь примеры из античной истории легко могли обретать смысл и в абсолютистском контексте, а само по себе восхищение героями

¹⁴⁴⁸ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII в. М.: Наука, 2008. С. 385-386. Мы, разумеется, в гораздо большей степени согласны с этим мнением, нежели с предположением Э. Виртшафтера о том, что «в Западной и Центральной Европе сам успех абсолютной монархии в изгнании морали из политики и в утверждении интересов государства позволили приватизированной моральности сделаться источником мятежа. В России XVIII в., напротив, абсолютная монархия эффективно внедрила моральность в политику, позволив моральности служить инструментом объединения» (Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 176).

¹⁴⁴⁹ Каплун В. А. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция? СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 144–145.

¹⁴⁵⁰ Там же.

¹⁴⁵¹ Там же, с. 152.

¹⁴⁵² Там же.

Плутарха еще не влекло за собой республиканской политической мысли. Иными словами, хотя в основе генезиса российского республиканизма лежала своеобразная имитация, а республиканская манера политической мысли и речи возникала в момент, когда имитация превращалась в анализ.

Культурные модели, о которых говорит – ссылаясь на Ю. М. Лотмана – В. Л. Каплун, могли стать основанием для широкого спектра поведенческих стратегий – например, для неостоицизма, или для пресловутой модели поведения Горация. Некоторые из этих стратегий были республиканскими. Но все же республиканской манерой мы считаем не простое восхищение добродетелями Цицерона или Сципиона, и даже не ту идею, что добродетели доступны лишь свободным людям, а не рабам. Все эти культурные стратегии были в полной мере совместимы с абсолютистской манерой рассуждать. Ключом к формированию республиканской политической мысли был анализ добродетели в категориях расцвета / упадка, исключавший веру в чудо и Провидение как факторы российской истории, но и резко отличавшийся от разнообразных неостоических направлений, получивших распространение со 2-й половины XVIII в.

Соглашаясь с этими соображениями, мы одновременно должны заметить, что дуализм «свободного» частного пространства и иерархичной общественной сферы противоречит неоримскому этосу свободы, предполагающему публичное осуществление добродетелей свободного человека. Конечно, изучение глубокой трансформации общественного сознания в России Нового времени – той трансформации, которая в конечном счете приведет к движению декабристов и затем к иным формам протестного движения – должно, по нашему мнению, быть связано не столько с анализом «конституционных» предложений по ограничению власти монарха, сколько с изучением генезиса разнообразных форм умения *быть добродетельным*, одновременно оставаясь в публичном пространстве. И действительно, одним из вызовов для монархии был взгляд на общество как на совокупность «частных людей», живущих добродетельной жизнью и связанных между собой с помощью общественного мнения, уравнивающего их и дающего признание помимо коррумпированной властной иерархии¹⁴⁵³.

¹⁴⁵³ См.: Туманов М. Влияние русской литературы второй половины XVIII-го века на судопроизводство и законодательную деятельность правительства по этому вопросу // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 75. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 34–38.

Однако подобная форма фронды была совместима с абсолютизмом российской монархии. Ведь, по замечанию Э. Виртшафтер, образованная российская элита XVIII в. «примирялась с проблемами российской монархии в той же манере, что и с неравенством и несправедливостями патриархии, социальной иерархии и законодательно-административной власти – стараясь осветить путь к личному совершенствованию. Подчеркивая индивидуальную моральную добродетель как решение социальных и политических проблем, авторы пьес обрисовывали бюрократическую власть, которая опиралась на харизматическую власть для достижения рациональных результатов»¹⁴⁵⁴. А «частные лица», готовые критиковать и оспаривать легитимность действия государя, все же оставались подданными, апеллирующими к той же объективной, цицероновской добродетели, к которой теоретически должен был стремиться и сам монарх.

Классический республиканизм был еще более серьезным вызовом для российской монархии, поскольку этот вызов сокрушал довод, о котором говорит Виртшафтер. В наиболее завершенном виде такой вызов представлен в важнейших текстах российского XVIII в., затрагивавших тему республики – сочинении А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» (1789, опубликован в 1793 г.). Историографическая традиция, восходящая к началу XIX в., давно и прочно связывает оба эти «вольнлюбивых» текста, оказавшихся своеобразным вызовом поздней екатерининской монархии.

Важную роль для установления прочной связи между этими текстами в сознании младших современников оказались гонения, которым подверглись оба текста. Конечно же, между текстами Радищева и Княжнина существуют глубокие различия (начиная с жанровых). Вряд ли можно говорить и о том, что авторы разделяли единую идеологическую позицию. Речь, таким образом, идет не о теории или доктрине, а о языке, стиле, манере говорить на темы, связанные с политикой. По нашему мнению, и Радищев, и Княжнин использовали такую манеру говорить о политике, которая действительно позволяет связать и «Путешествие...», и «Вадима Новгородского» не только как жертв страха стареющей Екатерины II перед Французской революцией, но и как новаторские тексты для отечественной политической культуры, обозначившими «момент рождения» на российской почве классического республиканизма. Ниже мы рассмотрим важнейшие элементы этого

¹⁴⁵⁴ Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 169.

республиканского стиля, которые характерны и для Радищева, и для Княжнина, а также различия между двумя этими текстами

О «Путешествии» Радищева существует обширная историографическая традиция, однако текст настолько богат и сложен, что вряд ли можно считать его изучение исчерпывающим¹⁴⁵⁵. Критические сентенции Радищева по отношению к крепостному праву и к развращенной властной иерархии в огромной мере опирались на устоявшиеся риторические модели и ходы¹⁴⁵⁶, сходные с теми критическими стратегиями, которые мы уже рассмотрели выше. Так построена, в частности, глава «Спасская полесь» радищевского «Путешествия», рассказывающая об искреннем разговоре с властителем (*paresia* древних риторов) и активно использующая метафору слепоты / прозрения¹⁴⁵⁷, отвечающая манере секулярного монархизма.

Ю. М. Лотман полагает, что Радищев заимствовал у Руссо идею народного суверенитета и даже превратил народное восстание в «постоянно действующий институт», но одновременно расходился с ним по этическим вопросам, продолжая придерживаться концепций французских просветителей-материалистов (прежде всего – Гельвеция), полагавших, что общее и частное благо могут быть легко согласованы, а эгоизм отдельного человека – встроен в политическую систему¹⁴⁵⁸. По нашему мнению, важно, что заимствование концепции народного суверенитета вовсе не было легким делом. Многие цитаты из российских авторов XVIII в., приводимые Лотманом в качестве аргументов в

¹⁴⁵⁵ Современный исследователь наследия Радищева А. А. Костин справедливо отмечает, что в советском литературоведении и в истории литературы уже «с 60-х годов ни один исследователь, специально занимавшийся Радищевым, не интересовался специально его революционностью: слишком много к тому времени появилось собственно литературоведческих проблем, никак революционностью не объяснявшихся» (Костин А. А. А. Н. Радищев в советской школе // Учебный текст в советской школе. М.; СПб.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 22).

¹⁴⁵⁶ Например, историк литературы Д. М. Шарыпкин, анализируя сходства текста Радищева с политическим романом Мармонтеля «Велизарий», отмечает: «В романе Мармонтеля можно подыскать и немало других текстуальных параллелей «Путешествию» Радищева. Но, может быть, эти сюжетные, композиционные и образные совпадения – чисто внешние, мнимые, не составляющие научной проблемы? Быть может, это неизбежные “общие места”, просветительские литературные клише, наличие которых не позволяет сделать никаких исторических и филологических выводов? Но тогда нужно признать, что великая книга замечательного русского писателя на добрую четверть состоит из общих мест, а это допущение не правомерно и обидно для его памяти. Вообще следует помнить, что идейные и литературные штампы, ставшие таковыми от долгого использования в одной национальной литературе, каким-либо образом попав в произведение иносационального писателя, в другой национально-исторической обстановке могут наполниться свежим и глубоким общественным содержанием, получить новый смысл» (Шарыпкин Д. М. Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий» // XVIII век. 1977. Т. 12. Л.: ИРЛИ, 1977. С. 182).

¹⁴⁵⁷ Торияма Ю. Мотив зрения у М. Н. Муравьева и А. Н. Радищева в контексте европейского просвещения // Новый филологический вестник. 2006. № 1. С. 42–43.

¹⁴⁵⁸ Ф. В. Ушаков в коротком сочинении «О любви», опубликованном в приложении к «Житию Федора Васильевича Ушакова» (1789) А. Н. Радищева, в целом высказывался о добродетели в духе Руссо: ключевую роль играют чувства, а сама добродетель не столько моральный абсолют, сколько социальный эффект: «Общежитие вселяет в нас род своих мыслей, и побуждает нас то называть добрым, что оно добрым почитает» (Радищев А. Н. Житие Федора Васильевича Ушакова // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938. С. 200).

пользу влияния Руссо являются на деле общими местами, а в утверждении о том, что не народ создан для государей, а государи – для народа, не было к концу XVIII в. ничего экстраординарного для российской публики.

По нашему мнению, говоря о народном восстании и о свержении тирана, Радищев вовсе не имеет в виду институционализацию – в тех случаях, когда он действительно заводит речь об институтах и конкретных политиках, он в целом следует логике секулярного монархизма (главы «Хотиллов» и «Выдропуск»), описывая добродетельного монарха, который принимает решения на общее благо. То, что Лотман не вполне, на наш взгляд, удачно назвал «превращением революции в институт» может быть интерпретировано двояко. Как таковое, право на свержение тирана тоже не было чем-то экстраординарным – даже религиозная традиция признавала, что тиран может быть свергнут волей Господней.

Но в другом случае Радищев говорит не столько о свержении тирана, сколько о гражданской бдительности, существующей вне зависимости от того, есть на троне тиран или нет. Ведь «вольность» в текстах Радищева – «тревожная», она существует в контексте борьбы – и это не только борьба света со мглой или истины с обманом, но и циклический процесс возвышения и упадка гражданской доблести¹⁴⁵⁹ (исследователь Е. А. Вильк усматривает в этом эсхатологические мотивы¹⁴⁶⁰). Радищев, по-видимому, разделял представление об истории как о циклическом процессе, восходящее к Аристотелю и Полибию: «Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...»¹⁴⁶¹ Но борьба предпочтительнее дремотного рабства: «И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы»¹⁴⁶². По мнению Радищева, «блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем непустеют и во градах гордая воздымаются здании. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя, нетокмо силою своею, но и словом своим,

¹⁴⁵⁹ Лимонов В. А. Идея цикличности исторического процесса в трудах русских мыслителей XVIII – XIX вв. // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2. С. 30–31.

¹⁴⁶⁰ Вильк Е. А. «Чудище стозебно» и Тифон («Путешествие...» А.Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/vvilk.html>

¹⁴⁶¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 361.

¹⁴⁶² Там же, с. 299.

над мнением других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными»¹⁴⁶³.

Связь между тревогой, вольностью и добродетелью и есть, по нашему мнению, та концептуальная линия, на которой Радищев сближается с республиканской этической парадигмой, с идеей свободы как отсутствия доминирования. Он отмечает: «Устройство на щет свободы, столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. – Сто невольников, пригвожденных ко скамьям карабля, весламидвигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. <...> И так да неослепимся, внешним спокойствием государства и его устройством, и для сих только причин, да непочтем оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдеш спокойствие и мир, тогда сказать можеш воистинну: се блаженны»¹⁴⁶⁴. Прославление «тревоги» было, по нашему мнению, вызовом господствовавшей в отечественной политической мысли XVIII в. боязни конфликта.

Российская исследовательница Н. Д. Кочеткова обращает внимание на сходства между «Путешествием» Радищева и сочинениями Дж. Мильтона, автора одного из ключевых авторов республиканской традиции¹⁴⁶⁵. И впрямь, в своих рассуждениях о различии между истиной и видимостью и о том, как тирания царей прикрывается религиозной личиной, Радищев – кстати, сочувственно отзывавшийся в оде «Вольность» об английской революции¹⁴⁶⁶ – едва ли не повторяет памфлет «Иконоборец» («Eikonoklastes», 1649) Дж. Мильтона, одного из наиболее влиятельных республиканских авторов XVII в.¹⁴⁶⁷

В «Иконоборце» Милтон описывает республику как полностью самодостаточное общество, для которого право смещать монарха является непременным условием этой самодостаточности. Позволим себе пространную цитату из Мильтона: «Ибо что может дать

¹⁴⁶³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 315.

¹⁴⁶⁴ Там же, с. 316. Ср.: «Но дивиться не должно, что противоречие в подчиненном, справедливое хотя противоречие, или лучше сказать единое напоминание справедливости произвело здесь со стороны сильного негодование и прещение. Сие в самодержавных правлениях почти повсеместно. <...> Мысль несчастная тысячи любящих Отечество граждан, заключающаяся в темницу, и предающая их смерти; теснящая дух и разум, и на месте величия водворяющая робость, рабство и замешательство, под личиною устройства и покоя! Да сие иначе и быть не может по сродному человеку стремлению к самовластию, и Гельвеций о сем мнение ежечасно подтверждается» (Радищев А. Н. Житие Федора Васильевича Ушакова. С. 161).

¹⁴⁶⁵ «Аристотель, Саллюстий и прежде всего Цицерон должны считаться важнейшими авторитетами, у которых Милтон почерпнул свои республиканские принципы» (Dzelzainis M. Milton's Classical republicanism // Milton and Republicanism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 8).

¹⁴⁶⁶ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву... С. 360.

¹⁴⁶⁷ См. о республиканизме Мильтона: Dzelzainis M. Milton's Classical Republicanism // Milton and Republicanism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Lim W. John Milton, Radical Politics, and Biblical Republicanism. Newark: University of Delaware Press, 2006; Foxley R. 'Due Libertie and Proportiond Equalitie': Milton, Democracy, and the Republican Tradition // History of Political Thought. 2013. № 4 (34). P. 614–638.

парламенту тот, кто сам все получил от народа, и ради блага народа? Теперь он выдвигает собственные условные права, чтобы предпочесть их благу народа; а ведь он, если только не распоряжается ради этого блага, вовсе никаких прав не имеет; управляя по законам страны, а не по собственным; каковые законы может лишь парламент изменить или отменить, в зависимости от того, как, по его рассуждению, будет лучше для республики (Commonwealth); даже и упразднить королевскую должность вовсе, когда она становится слишком высокомерной и отягощающей. Ведь каждая республика определяется как общество самодостаточное во всех вещах, касающихся процветания и хорошей (commodious) жизни. И если оно не может получить эти вещи без благорасположения и фавора отдельного лица или его частного желания, нельзя и помыслить ее самодостаточной и, значит, нельзя такое общество считать ни республикой, ни вообще свободным; но лишь множеством вассалов во владении одного абсолютного господина, всецело покорных его воле»¹⁴⁶⁸. Сходные мысли выражает и Радищев, когда дело идет об исторической аргументации, в которой он также использует риторику расцвета / упадка, циклическую концепцию истории государства.

Ю. М. Лотман приходит к выводу о том, что у Радищева «право народа на восстание и его готовность это право реализовать гарантируют народный суверенитет от деспотизма администратора»¹⁴⁶⁹. Но у Радищева и в оде «Вольность» (частично включенной в «Путешествие»), и в «Песни исторической» речь идет не только о восстании, но и об особом рода добродетели; победа свободы все же разрушается последующими усобицами, гражданской войной и желанием властвовать.

Об этой циклической логике Лотман не говорит в своем анализе, а между тем, она является принципиально важной. Например, в «Песни исторической» говорится:

Но разврат, пуска свой корень
Сердца вглубь Лакедемонян,
Испроверг святы уставы,
Что Ликург поставить тщился
На подножии незыбком
Простоты и бескорыстья

¹⁴⁶⁸ Milton J. Eikonoklastes in Answer to a Book Entitled Eikon Basilike the Portrature of his Sacred Majesty in his Solitudes and Sufferings. London: Matthew Simmons, 1649. P. 101–102.

¹⁴⁶⁹ Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 234.

Воспитанием суровым,
 И когда рукою смелой
 Юной Агий, взревновавший,
 Восхотел к началу древню
 Обратить спартански нравы,
 То плачевною пал жертвой
 Сребролюбия, разврата¹⁴⁷⁰.

А. А. Костин, сравнивая взгляды Радищева на предвидение судьбы со взглядами германского мыслителя Х. Геллерта, приходит к заключению о том, что «радищевское внимание к “внутренности своей” – не уход от внешнего мира, а повышенная совесть, заставляющая быть добродетельным гражданином, то есть приносить пользу окружающим»; следовательно, зло и преступления «не вызваны влиянием непознаваемых сил», а являются «следствием деятельности недобродетельного человека»¹⁴⁷¹. Современный исследователь С. Кван Чжин отмечает: «Для Радищева, для того чтобы быть хорошим гражданином, недостаточно идей масонства (например, внутреннего самосовершенствования и т. п.). Это, в том или ином смысле, зависит от того, в каком обществе люди живут. Но изображенное общество в “Путешествии” Радищева не положительно. Автор критикует правительство за неправильное и несправедливое управление обществом. Он настаивает на той мысли, что неправильное управление вызывает моральную и общественную деградацию»¹⁴⁷².

Этическая концепция, которую мы обнаруживаем в «Путешествии», неоднородна. Ю. М. Лотман справедливо замечает, сравнивая Радищева с Руссо: «Наиболее сложным было отношение русских читателей к характерной для Руссо антитезе “человек” – “гражданин”... Она не встретила сочувствия ни в каких кругах русского общества. Специфика постановки этой проблемы у Руссо состояла в том, что превращение человека (самодовлеющей единицы) в гражданина (часть политического тела) возможно, по мнению Руссо, лишь в “нормальном” и “правильном” государстве»¹⁴⁷³. Вместо «нормального

¹⁴⁷⁰ Радищев А. Н. Песнь историческая. С. 85.

¹⁴⁷¹ Костин А. А. Религиозные взгляды А. Н. Радищева // XVIII век. Вып. 24. СПб.: Наука, 2006. С. 79.

¹⁴⁷² Кван Чжин С. Проза А.Н. Радищева в литературном движении конца XVIII в. – начала XIX в. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т, 2013. С. 20.

¹⁴⁷³ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 62.

государства» следовало бы, конечно, сказать «республика»! Но проблема сформулирована здесь четко и ясно: добродетель человека *вообще*, требующая соответствия объективным этическим правилам, против добродетели гражданина, требующей принадлежности к конкретному политическому телу.

У Радищева же «гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком»¹⁴⁷⁴. Будь то влияние Гельвеция (на чем настаивает Ю. М. Лотман), материализм, утилитаризм или религиозные воззрения, Радищев оперировал понятием об объективной морали. Некоторые фрагменты «Путешествия» действительно говорят о цicerоновской добродетели, близкой к той конвенции, которую разделяло большинство авторов российского XVIII в.: способность стойко переносить удары судьбы, следуя при этом внутреннему моральному компасу, объективной совести. В конце концов, «именно потому, что Радищев стоял на почве этики материалистов XVIII в. и был убежден в том, что разумно понятый личный интерес полностью совпадает с общественным, он не допускал никакого насилия над личностью, в том числе и революционного. Мысль о том, что общество может диктовать индивидууму свои нормы свободы вопреки его естественным представлениям о счастье, мысль о том, что человек и гражданин имеют разное представление о свободе, была Радищеву органически чужда»¹⁴⁷⁵.

Однако в других фрагментах «Путешествия» мы можем обнаружить альтернативный взгляд, который можно считать республиканским: добродетельная жизнь возможна лишь при определенных социальных и политических условиях. Так, Радищев ведет речь о героическом самоубийстве – сюжет, тесно связанный с классическими биографиями Катона и Брута. Современная исследовательница И. Паперно отмечает: «Смерть Катона представляет собой еще одну продуктивную и гибкую смысловую парадигму. В этом случае на первом плане ассоциация между самоубийством и идеей свободы. В прочтении Цицерона и Плутарха, смерть Катона, который покончил с собой в момент падения Римской республики, предпочтя смерть подчинению диктатуре Цезаря, является образцовым актом гражданского поведения»¹⁴⁷⁶. К этой интеллектуальной традиции обращается и Радищев.

На важность концепта «героического самоубийства» в творчестве Радищева и, в

¹⁴⁷⁴ Радищев А. Н. Путешествие. С. 279.

¹⁴⁷⁵ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века. С. 83.

¹⁴⁷⁶ Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: НЛО, 1999. С.15.

частности, на значимость образа Катона указывал и Ю. М. Лотман¹⁴⁷⁷. Однако по мнению Лотмана, «героическое самоубийство» волновало Радищева в контексте самопожертвования *вообще*. Самопожертвование «мужа тверда» вступало в противоречие с гельвецианской моралью в духе «разумного эгоизма», которая, согласно Лотману, была основой этических взглядов Радищева. Поэтому утверждение бессмертия души должно было поддержать «мужа тверда», придать уверенности в драматический момент гибели¹⁴⁷⁸. Тем не менее, по справедливому мнению Лотмана, концепция «героического самоубийства» в целом была чужда Радищеву, так как «в справедливо устроенном обществе общий и частный интересы совпадают, общественное служение – не жертва, а естественное побуждение человека»¹⁴⁷⁹, а «этика наслаждения, этика разумного эгоизма, права человека на максимальное личное счастье» возобладали для Радищева над «этикой героического аскетизма и мыслью о диктаторских правах “общей воли”»¹⁴⁸⁰.

Можно предполагать, что «героическое самоубийство» вовсе не было частью непротиворечивой этической системы Радищева. По нашему мнению, «героическое самоубийство» в тексте Радищева нужно рассматривать не как действительный моральный императив, играющий важную роль в стройной этической системе, а как результат импорта римской образности с ее описаниями поведения добродетельных граждан в ситуации падения республики¹⁴⁸¹.

В главе «Крестыцы» крестичский дворянин напоминает своим детям о «слове умирающего Катона»¹⁴⁸², после чего закликает их: «Если ненавистное щастие, изтощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли неостанется, если доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения; тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. – Умри. <...> Но если во добродетели умрети можеш, умей умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле... <...> Се сталь, се отравя. – Избавь меня скорьби; избавь землю поносная тяжести. – Будь мой еще сын. – Умри на добродетель»¹⁴⁸³.

¹⁴⁷⁷ Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века. С. 239–249.

¹⁴⁷⁸ Там же, с. 225.

¹⁴⁷⁹ Там же, с. 221.

¹⁴⁸⁰ Там же, с. 232.

¹⁴⁸¹ В «Песни исторической» Радищев упоминает самоубийства римских граждан – Катона, Брута и Кассия, а также Авла Цецины Пета и его супруги Аррии, подавшей колеблющемуся супругу пример мужества.

¹⁴⁸² Речь, по-видимому, идет о монологе, открывающем V действие трагедии Дж. Аддисона «Катон» (1713), хотя Радищев был, скорее всего, знаком и с первоисточником Аддисона – биографией Катона Младшего, принадлежащей Плутарху.

¹⁴⁸³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву... С. 295–296.

Эти идеи похожи на античную концепцию героического самоубийства как последнего решительного шага, когда социальные и политические обстоятельства исключают дальнейшую добродетельную и свободную жизнь гражданина. Так, Брут в известном жизнеописании авторства Плутарха перед тем, как покончить с собой, был в радостном расположении духа: «Судьбу он может упрекать только за жестокость к его отечеству, потому что сам он счастливее своих победителей, – не только был счастливее вчера или позавчера, но и сегодня счастливее: он оставляет по себе славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатством не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, править государством не подобает»¹⁴⁸⁴.

А вот как этот же эпизод гибели последних римских республиканцев описывает Радищев в «Песни исторической»¹⁴⁸⁵:

Так, валясь везде на части,
Римска вольность исчезала.
Брут и Кассий, побежденны
В Греции, свой меч вонзают
В грудь свою без пользы Риму;
Только слава им осталась
Римляне последни зваться.

Итак, пользы в «героическом самоубийстве» нет. Оно возможно как последний акт личной добродетели в условиях падения республики, будучи локализованным в римском контексте. Но сохраняет ли подобный акт значимость в ситуации, когда республики *нет*? Если героическое самоубийство у Радищева рассматривать в контексте циклической концепции истории, то оно представляет собой оборотную сторону нехватки гражданской бдительности (когда республика рушится, немногочисленным добродетельным гражданам только и остается, что вонзить себе в грудь меч), но не абсолютный этический императив. А крестичский дворянин называет причиной для самоубийства удары судьбы, а не крах республики; речь, таким образом, идет скорее о цicerоновской добродетели вообще¹⁴⁸⁶, а не

¹⁴⁸⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 502.

¹⁴⁸⁵ Радищев. Песнь историческая. С. 104.

¹⁴⁸⁶ Российский историк В. А. Мякотин обращает внимание на сходство идей Радищева с идеями, высказанными Гольбахом в его «Systeme de la nature» (1770); Гольбах полагал, что «если бы люди меньше боялись смерти, они не были

о республиканской политизированной добродетели гражданина.

Современная исследовательница И. Паперно справедливо говорит в данной связи о «соединении фразеологии античной гражданственности с христианской терминологией»¹⁴⁸⁷. Возможно, наставление крестницкого дворянина – это в большей степени «сократовское»¹⁴⁸⁸ самоубийство, чем «катоновское» (Сократ, добродетельный мудрец, был одной из любимых исторических фигур Радищева¹⁴⁸⁹).

Итак, текст «Путешествия» остается амбивалентным. В случаях, когда «Путешествие» описывает деяния воображаемого государя-философа, оно превращается в вариант политического романа и следует в русле этого жанра, который к тому времени уже был достаточно прочно укоренен на российской почве. В таких случаях оно приближается к той манере, которая была укоренена в российской политической мысли секулярного монархизма, с характерной для этой манеры метафорой *зрения* и описанием того, как государь оказывается поработан собственным аппаратом властвования. В случаях же, когда повествование Радищева приобретает исторический характер, можно говорить о разработке определенных республиканских идей и концептов. Использование республиканского политического языка ставит Радищева перед той же проблемой, что и Руссо.

Как возникает сама республика? Ответ на вопрос оставался сложным. Если же речь идет о республике, которая уже является историческим фактом, Радищев последовательно использует римскую образность и политический язык *добродетели / роскоши*, следуя моделям Фенелона, Руссо и других авторов. Республика – будь то древний Рим или

бы ни рабами, ни суеверами» (Мякотин В. А. На заре русской общественности. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. С. 33). Все эти соображения, конечно, восходят к идеям Сенеки о том, что «умереть хорошо – значит избежать опасности дурной жизни» (Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. С. 126).

¹⁴⁸⁷ Паперно И. Самоубийство как культурный институт. С. 16.

¹⁴⁸⁸ И. Паперно отмечает, что сюжет о «сократовском» самоубийстве обычно использовался для обсуждения проблемы бессмертия души, тогда как сюжет о «катоновском» самоубийстве позволяло поднять вопрос о свободе и смерти. Сложности добавляет то, что эти парадигмы, по мнению Паперно, «сливались» (Паперно И. Самоубийство как культурный институт. С. 16); к тому же и сам Катон перед тем, как покончить собой, читал диалог Платона «Федон», посвященный проблеме бессмертия души и выстроенный в форме диалога обреченного на смерть Сократа с учениками. Американский исследователь А. Макконнелл, анализируя античные образы у Радищева, не обратил внимания на различие между образами Сократа и Катона, цитируя монолог Катона из трагедии Аддисона и добавляя, что «Радищев стремился воплотить эту античную республиканскую римскую этику в собственной жизни» как бесстрашный «глашатай правды», ссылаясь на главу «Спасская полость» (McConnell A. Radishchev and Classical Antiquity // Canadian-American Slavic Studies. 1982. № 16. P. 482). Между тем, катоновский монолог у Аддисона связан прежде всего с сократовской темой бессмертия души, а странница Прямовзора из главы «Спасская полость» и вовсе относится к теме, хорошо разработанной в монархическом дискурсе. Макконнелл, подобно многим другим комментаторам, чрезмерно легко уравнивал героическое самоубийство с республиканизмом, хотя оно в равной степени может относиться к стоицизму в духе Сенеки или к сократовской тематике бессмертия души.

¹⁴⁸⁹ Костин А. А. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в контексте современной ему нравоучительной литературы. Автореф. ... дис. канд. фил. наук. Спец. 10.01.01 – русская литература. СПб.: Ин-т рус. лит-ры РАН (Пушкинский дом), 2005. С. 22.

Соединенные Штаты – обладает военной мощью, опирающейся на добродетель свободных граждан¹⁴⁹⁰.

Возможна ли республика в России? Хотя заключительная часть оды «Вольность», как кажется, говорит именно об этом, окончательной ясности нет. Неудивительно поэтому, что Радищев использовал и образ Новгорода, который – как мы видели выше – в историографической традиции XVIII в. приобрел черты «республики мечей». Но взгляды Радищева на Новгород амбивалентны. С одной стороны, говоря о Новгороде в «Путешествии», он упоминает торговлю как причину его возвышения, а причиной падения называет «хищного соседа», тем самым используя концепцию коммерческой республики, уступающей в военном отношении монархии. Радищев говорит о военной мощи Новгорода, вполне в традиции Манкиева¹⁴⁹¹.

Трансформация социального порядка происходит под влиянием коррупции, в ходе которой под маской гражданского покоя к власти приходит тиран. Обличения роскоши, выдержанные в эгалитарно-демократическом духе, напоминающем о сочинениях Руссо, подводят Радищева к отказу от боязни конфликта, столь характерной для российской политической мысли XVIII в. Спокойствие и миролюбие «золотого века», бывшие ключевыми темами для провиденциального монархизма и занимавшие важное место в монархизме секулярном, Радищев считал маской грядущей тирании. Об этом говорится в оде «Вольность» применительно к эпохе, когда правление Августа в древнем Риме одновременно положило конец гражданским войнам и ознаменовало наступление принципата¹⁴⁹²:

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольтив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,

¹⁴⁹⁰ Радищев был автором перевода сочинения Мабли «Observations sur les Grecs» (1749), где взгляд на военную мощь республик полностью соответствует классической традиции (речь идет о нашествии Ксеркса на Грецию), а взгляд на республики как на маленькие торговые государства решительно отвергается: «Мы не знаем, что такое есть покорение вольного народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане, и где разум равен от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война производится в землях к повиновению обычных и защищаемых наемниками. Самые республики нам предлагающие представляют токмо толпу мещан прилепленных ко гражданским упражнениям: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов предпочитающих разрушение свое потере своей вольности» (Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. Сочинение г. аббата де Мабли // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 245).

¹⁴⁹¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 262–263.

¹⁴⁹² Радищев А. Н. Вольность. Ода. С. 13.

Чугунный скиптр обвил цветами;
 Народы мнили – правят сами,
 Но Август выю их давил;
 Прикрыл хоть зверство добротой,
 Вождем мягкою душою, –
 Но царь когда бесстрастен был!

Итак, Радищев в полной мере воспринял слагаемые республиканизма: политический глоссарий *добродетели / коррупции*, руссоистский эгалитаризм, внимание к греко-римской образности. Но Радищев становится республиканцем – в духе Мильтона или Руссо! – в тех случаях, когда он ведет речь в историческом ключе, анализируя *историю* республики. В случаях же, когда приходится описывать общество, политическая организация которого не является республиканской, он не столь радикален, а главы, где он дает практические советы монархам, и вовсе находятся в гармонии с доминирующим массивом монархической литературы XVIII в.

Конечно, как отмечает американский исследователь Э. Кан, «стоит задаться вопросом о том, не является ли полифония дискурсов революционной инновацией “Путешествия”», поскольку «в российской политической культуре, где монарх предписывал закон и мораль, литература, испытывавшая устойчивые ценности и противопоставлявшая абсолюту релятивистскую точку зрения, была обречена дестабилизировать и вселить в монарха неуверенность»¹⁴⁹³.

6.4. Мораль и политика российского Катона: «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина

История о защите «вольности» в греко-римской традиции часто рассказывалась через биографии конкретных исторических героев – достаточно вспомнить принадлежащие

¹⁴⁹³ Kahn A. Self and Sensibility in Radishchev's Journey; from St. Petersburg to Moscow: Dialogism, Relativism, and Moral Spectator // Self and Story in Russian History. New York: Cornell University Press, 2000. P. 304.

Плутарху жизнеописания Марка Брута, Марка Катона Младшего или Марка Цицерона. А потому в истории Новгорода начали появляться аналогичные фигуры. Главным героем республики стал Вадим Новгородский. Этот персонаж, отсутствующий в древнерусском летописании, впервые появляется на страницах Никоновской летописи XV в. О нем повествует буквально одна строка: «Уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев советников его»¹⁴⁹⁴. Сюжет о бунте Вадима упоминает и Манкиев, но без каких-либо отсылок к республиканским ценностям¹⁴⁹⁵.

Общая скудость летописной традиции оставляла авторам XVIII в. не так много вариантов для выбора, и с «изобретением» Новгородской республики образ Вадима начинает меняться. Если Новгород до Рюрика был монархией, то естественным было усмотреть в конфликте между Вадимом и Рюриком столкновение двух претендентов на трон. Так, согласно В. Н. Татищеву, Вадим «внук Гостомыслу, большой дочери сын был, которой большее право к наследству имел»¹⁴⁹⁶. Как мы уже отметили, эту точку зрения разделяла и Екатерина II, но в ее изложении Вадим превратился в сына младшей дочери Гостомысла¹⁴⁹⁷. Императрица стала основательницей литературного канона, содержащего альтернативную трактовку бунта Вадима: Рюрик прощает (а не казнит, как, например, у Манкиева или Ломоносова) дерзкого мятежника¹⁴⁹⁸.

Н. С. Ильинский считал, что Вадим был князем, внуком Гостомысла, имевшим приоритетные права на престол¹⁴⁹⁹. И. П. Елагин считал Вадима знатным новгородцем (но не родственником Гостомысла), однако подчеркивал властолюбие Вадима, который «в твердом был уповании, что по низвержении Рюрика никто, кроме его на княжение избран не будет»¹⁵⁰⁰. Наконец, А. Ф. Малиновский в статье «Рюрик», опубликованной в «Вестнике Европы» в 1805 г. под псевдонимом А. М-ский, представил Вадима внуком Гостомысла, но не старшим, а младшим – трон достается старшему внуку, Рюрику (оказавшемуся, таким

¹⁴⁹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 9. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. С. 9.

¹⁴⁹⁵ Ядро российской истории. С. 27.

¹⁴⁹⁶ Татищев В. Н. История российская. Кн. 1. Ч. 1. С. 45.

¹⁴⁹⁷ Екатерина II. Записки касательно российской истории. С. 11.

¹⁴⁹⁸ Китанина Т. А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII - начала XIX в., или почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород Великой»: материалы конф. РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. СПб.; Великий Новгород, 2004. С. 15. Отметим: мотив прощения бунтовщиков был частью образа мудрого, просвещенного монарха, восходившего к античным образцам и неоднократно встречавшегося в драматургии XVII – XVIII вв., например – в «Цинне» Корнелия (эту трагедию на русский язык перевел в 1779 г. Я. Б. Княжнин).

¹⁴⁹⁹ Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова. Ч. 1. С. 11–12.

¹⁵⁰⁰ Елагин И. П. Опыт повествования о России. С. 165.

образом, кузеном Вадима)¹⁵⁰¹. Наконец, в начале XIX в. В. А. Жуковский – ориентируясь уже не на античные образцы, а на европейский готический роман – создаст другое направление, в котором «летописная канва» будет «полностью утрачена ради сентиментального переживания изгнанничества и былого величия»¹⁵⁰², а Вадим предстанет как изгнанник (и, конечно, претендент на корону)¹⁵⁰³. Сходная трактовка присутствует и в неоконченном фрагменте повести «Оскольд», написанной М. Н. Муравьевым, где Вадим – это изгнанный претендент на корону¹⁵⁰⁴. Повесть Муравьева как бы продолжает историю авторства Екатерины II, у которой Рюрик отправляет прощенного Вадима искупить вину в войске Оскольда, выступающем на юг.

Но если Новгород до Рюрика был республикой, то Вадим предстает в роли республиканского вождя и, следовательно, конфликт между Вадимом и Рюриком – это не конфликт претендентов, но столкновение разных форм правления. Впервые защитником республиканских ценностей Вадим предстает в исторических сочинениях М. В. Ломоносова (опубликовано в 1766 г.) и Ф. А. Эмина (1767 г.). По Ломоносову, Вадим – это «человек, склонной к общенародному правлению», «знатной новгородец»; moreover, подробностей о его деятельности Ломоносов не приводит, говоря лишь, что он советовался с единомышленниками¹⁵⁰⁵. В свою очередь, Эмин, пользуясь сведениями Ломоносова, прибавлял, что Вадим «советовал своим согражданам извергнуть то иго, которое на них налагать начали». Таким образом, у Эмина *бунтовщик* Вадим, хорошо знакомый летописной традиции, превращается в *тираноборца*. Такая трактовка образа Вадима не должна удивлять: Эмин гораздо шире Ломоносова использовал труды античных историков, признавая лучшими из них Тита Ливия и Саллюстия Криспа¹⁵⁰⁶. В то же время Вадим «желал

¹⁵⁰¹ А. М-ский. Рюрик. С. 99.

¹⁵⁰² Китанина Т. А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме. С. 19.

¹⁵⁰³ «Старинная повесть» под названием «Двенадцать спящих дев», в которую входят баллады «Вадим» и «Громобой», является «вольным переложением» одноименного романа Хр. Шписа. См.: Ветшева Н. Ж. Творческая история баллады В. А. Жуковского «Вадим»: публикация планов и комментариев // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 6. 2005. С. 90–97.

¹⁵⁰⁴ В тексте Муравьева Вадим помещен среди пестрого набора героических имен, кочевавших по страницам литературных сочинений рубежа XVIII – XIX вв. – и, кажется, сохраняет от «катоновского» образа разве что особенную угрюмость и суровость: «Оскорбленный Вадим, который не может забыть отчуждения своего от престола Новаградского, угрюмый, безмолвный, снедаемый оскорбленною гордостью, предводительствует частью тех, коих считал некогда своими подданными. Одевание простое и щит без знамени не могут сокрыть в нем витязя, повелителя мужей. Он надеется бессмертными деяниями заменить венец Княжеский, или, с оружием в руках, найти конец своих печалей в гробе, строгими очами взирает от на гордых Новогородцев, проходя и уклоняясь пред Оскольдом, и взоры его изображают, кажется, столько же упреков, сколько суровости воинской» (Муравьев М. Н. Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних Готфских Скальдов // Вестник Европы. 1810. № 6. С. 81–102).

¹⁵⁰⁵ Ломоносов М. В. Древняя российская история. С. 59

¹⁵⁰⁶ Эмин Ф. А. Российская история. Т. 1. С. XXX–XXXI, 71.

сам владения»¹⁵⁰⁷, то есть Эмин, говоря о защите «вольности» и низвержении «ига», одновременно солидаризировался и с монархической традицией, повествовавшей о претензиях Вадима на трон. Брута из Вадима не получилось – но лишь до поры!

Республиканским героем Вадим предстает под пером М. М. Щербатова, И. П. Богдановича и Г. Миллера¹⁵⁰⁸. М. М. Щербатов считал Вадима обычным новгородским гражданином, который безуспешно руководил «бунтом» против Рюрика и был «со многими Новогороцкими сановниками и с другими храбрыми людьми по повелению Рюрика убиен»¹⁵⁰⁹. И. П. Богданович, хотя и называет Вадима «начальником бунтовщиков», также придает бунту республиканский характер¹⁵¹⁰. Аналогичную позицию занимал и И. Г. Стриттер, книга которого вышла в 1800 г.: «Нимало не удивительно, что народ, дотоле привыкший к вольному образу правления, не столь скоро переменил свое умоначертание... Вадим, называемый в истории храбрым, был одним из предводителей мятежников, за что он однако ж со своими единомышленниками казнен смертию. Таковой самодержавия поступок столь устранил новгородцев, что многие сей город оставили и убежали в Киев»¹⁵¹¹. Аналогии с римской историей напрашиваются: римские тираноборцы во главе с Брутом и Кассием оказались вынуждены бежать от цезарианцев в восточные провинции¹⁵¹². У Елагина знатный новгородец Вадим подбивает горожан на бунт, обвиняя Рюрика в стремлении «все сословие Новградское привести в рабство, и в роды родов утвердить в нем самодержавие»¹⁵¹³.

Образ Вадима стал центральным и для последней трагедии драматурга Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Трагедия эта достаточно хорошо изучена в литературоведческом отношении. Современный исследователь Н. А. Юрин говорит о существовании трех

¹⁵⁰⁷ Эмин Ф. А. Российская история. Т. 1. С. 71. Эмин опирался на Ломоносова, который также упрекал Вадима в желании захватить власть.

¹⁵⁰⁸ Миллер Г. Краткое известие. С. 103.

¹⁵⁰⁹ Щербатов М. М. История российская. Т. 1. С. 193.

¹⁵¹⁰ Богданович И. П. Историческое изображение России. С. 14.

¹⁵¹¹ Стриттер И. Г. История российского государства. СПб.: Тип. Федора Брункова, 1800. Ч. 1. С. 22–23.

¹⁵¹² Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В т. 2. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 483–485.

¹⁵¹³ Елагин И. П. Опыт повествования о России. С. 165.

основных направления анализа «Вадима»¹⁵¹⁴: монархическом¹⁵¹⁵, антимонархическом¹⁵¹⁶ и нейтральном¹⁵¹⁷. Это последнее прочтение, делающее акцент на том, что в трагедии Княжнина не отдается предпочтение ни монархической, ни республиканской аргументации, представляется нам наиболее обоснованным. Однако в большинстве случаев специалисты по литературоведению фокусируют внимание на сюжетных коллизиях, принимая саму концепцию республиканизма Вадима как нечто понятное и без детального изучения¹⁵¹⁸. Но хотя Княжнин и не ставил целью идеологическое обоснование республиканской «вольности», именно «Вадима Новгородского» можно считать вершиной российского республиканизма XVIII в.

Творчески переосмыслив классический сюжет о Юлии Цезаре и Марке Катоне, Княжнин (пресловутая «переимчивость» которого одновременно является залогом прекрасного знакомства с европейской традицией) исследует здесь драматическую коллизию «вольности» и «повиновения», в полной мере используя сформировавшуюся в российском историописании римскую образность. Рурику, то есть Цезарю описываемого Княжниним древнего Новгорода, противостоит новгородский Катон – Вадим, принципиально отрицающий саму возможность примирения с царем и воодушевляющий последних защитников «вольности». Связь образов Рурика и Вадима с античными

¹⁵¹⁴ Юрин П. А. Пути прочтения «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжнина // *Petra Angularis*. Профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия и к тридцатилетию его университетского семинара: сборник статей молодых ученых. СПб.: Знание, 2015. С. 108–135.

¹⁵¹⁵ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. 3. // Плеханов Г. В. Сочинения. В 24 т. Т. 22. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 223–233; Гудзий Н. К. Об идеологии Княжнина // *Литературное наследство*. 1935. Т. 19–21. С. 659–664. Н. А. Юрин относит к этому направлению и исследование Ф. Я. Приймы (Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XX в. // *На путях к романтизму*. Л.: Наука, 1984. С. 100–138), но, как представляется, не вполне основательно; работу Приймы скорее следует отнести к третьему, «нейтральному», направлению.

¹⁵¹⁶ Кулакова Л. И. Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–58; Валагин А. П. Кто смеет умереть... // Княжнин Я. Б. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 5–26; Шольц Б. К вопросу о противоречиях концепции российской истории в русских исторических драмах 2-й половины XVIII века // *Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.* Вып. 3. СПб.: Наука, 2001. С. 70–108.

¹⁵¹⁷ Бухаркин П. Е. Человек и время в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» // *Язык, культура, общество: проблемы развития*. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. С. 97–106; Гурвич И. А. Необычная трагедия (О «Вадиме Новгородском» Княжнина) // *Вопросы литературы*. 1987. № 4. С. 175–188.

¹⁵¹⁸ Исключением здесь является весьма содержательная работа Б. Шольц, считающая Вадима последовательным сторонником «дворянской республики» (Шольц Б. К вопросу о противоречиях концепции российской истории в русских исторических драмах 2-й половины XVIII века // *Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.* Вып. 3. СПб.: Наука, 2001. С. 85). Действительно, в ряде случаев Княжнин проводит грань между «вельможами» и «народом»: Вигор упоминает «вельмож», разжегших гражданскую войну, Пренест обращается с проникновенной речью о свободе именно к гордым «вельможам»-заговорщикам, и сам Рурик говорит о том, что получил корону от «народа и вельмож», а затем жалуется на «вельмож-гордецов, мятежных и крамольных». Но во многих других случаях Княжнин вовсе не проводит грани между новгородскими аристократами и народом: именно народ «подает законы» царям. Наблюдение Б. Шольц позволяет подтвердить внимание Княжнина к знанию римского канона – сопротивление монарху оказывают, конечно, аристократы. Однако вряд ли можно усмотреть в упоминаемых Княжниним «вельмож» специфически «дворянский» республиканизм.

прототипами была очевидна современникам – так, А. Ф. Воейков напрямую соотносил главных действующих лиц с Брутом и Цезарем¹⁵¹⁹.

Создавая исторический контекст драмы, Княжнин, опираясь на сложившуюся уже историографическую традицию¹⁵²⁰, однозначно характеризует Новгород как воинственную «республику мечей», а не миролюбивый торговый город. Используя классические аналогии, Княжнин решительно порывает с традиционным для российского XVIII в. восприятием республик как «малых тел», уступающих в военной мощи монархиям. Новгородские республиканцы во главе с Вадимом – вожди армий, постоянно занятые в походах. Силой оружия Новгород господствует над многочисленными соседями:

Вся сила Севера, пред оным бесполезна,
Его могущество, не знающее врагов,
Равняла в ужасе с могуществом богов¹⁵²¹.

Вадим вспоминает, например, о победе над «готфами» (шведами) – здесь Княжнин, возможно, намекает на описание русско-шведского противостояния на Балтике как борьбы двух величайших республик древности, Римской и Карфагенской, изящно интегрировав разработанную петровскими панегиристами метафору в республиканский контекст¹⁵²²:

Воззрим ли на поля – еще звучит там гром,
Которым готф сражен, дерзнув нам быть врагом.

Доминирование республиканского Новгорода над соседями – вполне «римское», оно

¹⁵¹⁹ Кулакова Л. И. Комментарии // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 734.

¹⁵²⁰ «Княжнинская концепция возникновения российского самодержавия одержала победу далеко не сразу», – замечает советский исследователь Ф. Я. Прийма (Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе. С. 106). В действительности же, как видим, «княжнинская концепция» возникла задолго до Княжнина, который использовал уже сложившуюся традицию.

¹⁵²¹ Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 251.

¹⁵²² Римские историки (в частности, Тит Ливий) рассматривали вторую Пуническую войну как наиболее важный военный конфликт в истории римской республики. О русско-шведской борьбе как о новой Пунической войне пространно говорил в проповеди 1709 г. Феофан (Прокопович): «Вижду сию Свейскую брань весьма быти подобную древней брани нарицаемой второй Пунической, юже творяху Римляне со пресловутым оным Аннибалем вождем Карфагенским: тая брань между всеми Римскими браньми славнейшая, ибо и лютейшая быти почитается» (Слово похвальное о преславной над войсками Свейскими победе // Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новаграда и великих Лук, Святейшего Правительствующего Синода вице-президента, а потом первенствующего члена слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб.: при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. Ч. 1. С. 32). Гавриил (Бужинский), развивая ту же образность, сравнивал Александра Невского со Сципионом Африканским (В день празднования св. Александра Невского и вместе с тем освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 505). Княжнинский Вадим, изо всех врагов Новгорода называя только «готфов» (то есть шведов), подчеркивает значимость войны именно с этим противником, что вполне согласуется как с пуническими метафорами проповедников петровской эпохи, так и с римским образом Новгорода.

изобилует отсылками к классическим текстам. Так, Вадим, вернувшийся из военного похода, восклицает при виде города:

И се те славные, священные чертоги,
Вельможи наши где велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшим из граждан,
Ограды твердые свободы здешних стран,
Народа именем, который почитали,
Трепещущим царям законы подавали¹⁵²³.

Свобода, таким образом, не противоположна военной славе, а сопутствует ей! Именно так Княжнин, превосходно владевший римской образностью, говорит о римлянах в трагедии «Софонисба» (1786 г.): «Их жертва – мужество, а боги – вольность, слава»¹⁵²⁴.

Поэтому Рюрик у Княжнина – не захватчик города, поскольку военная сила не сокрушила бы военной мощи республики. Напротив, он «поставлен» новгородским народом как правитель (правда, в тексте упоминаются его «несметные полки», по-видимому, восходящие к коннотациям образа Цезаря как полководца, приведшего армию в город). Тем не менее, Вадим «воздвигнул» свой престол «без препон», и эта деталь имеет ключевое значение для всей фабулы. Новгород *мог бы* сопротивляться Рюрику, но *не хочет* этого – об этом говорит Вадиму один из республиканских вождей, Пренест:

Коварством Рурика граждански слабы силы;
А воинством варяг наполнен град унылый¹⁵²⁵.

Новгородская «вольность», подобно римской «вольности» в текстах Тацита и Саллюстия, переживает момент исторического упадка; совершенно прав П. Е. Бухаркин, указывая на принципиальное значение времени в «Вадиме Новгородском»: «Время, двигаясь вперед, меняет понятия. Прежнее благородство становится несовместимым с благородством новым. <...> Трагичность человеческой жизни в “Вадиме” – не результат

¹⁵²³ Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский. С. 251.

¹⁵²⁴ Княжнин Я. Б. Софонисба. Трагедия в пяти действиях. // Собрание сочинений Якова Княжнина. Т. 2. М.: Губернская типография, 1802. С. 166. В этой же трагедии Княжнин называет Рим «истребителем Царей» (Княжнин Я. Б. Софонисба. С. 150); «Софонисба» вообще интересна тем, что здесь – в отличие от «Вадима» – побеждают суровые, непреклонные и жестокие республиканцы-римляне, а несчастный царь Масинисса и его супруга Софонисба убивают себя, чтобы избежать бесчестия. В монологах римских персонажей «Софонисбы», Лелия и Сципиона, высказан целый ряд классических республиканских идей.

¹⁵²⁵ Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский. С. 255.

действий индивидуума, более того, выше человеческих сил избежать трагических ситуаций. Они – следствие исторического процесса, приводящего в своем ходе к уничтожению старого, обрекающего представителей прошлого на непонимание и гибель в, может быть, и хорошем, но чуждом для них новом мире»¹⁵²⁶. При этом Княжнин не уделяет большого внимания специфике понимания свободы Вадимом и другими защитниками новгородской «вольности»; читатель – как, например, и в случае с шекспировским «Юлием Цезарем» – должен хорошо знать античный контекст, чтобы адекватно воспринимать сюжет. Суть гибнущей новгородской вольности кратко раскрыта в монологах Вадима: ее основой является самоуправление новгородского народа и его славные деяния, связанные главным образом с военными свершениями.

В свою очередь, Рурик не стремится оправдать свое правление, используя аргументы, связанные с преимуществами монархии перед республикой. Этот новгородский Цезарь¹⁵²⁷ – образцовый правитель, справедливый и милосердный, совершенно не властолюбивый и готовый отказаться от царского венца, вернув его новгородскому народу¹⁵²⁸. Он указывает Вадиму на тот факт, что сами новгородцы *искренне просят* Рурика быть царем – к этому их толкает чудовищный опыт беспрерывных гражданских распрей. С другой стороны, Княжнин не сталкивает аргументы в пользу монархии и республики – его, по-видимому, интересует проблема этоса свободы в ситуации, когда исчезает генерировавший и поддерживавший его социальный контекст. Таким образом, свобода Вадима – куда больше, чем просто приверженность определенным политическим предпочтениям; это – манера поведения, связанная с представлением о добродетельной, доблестной жизни.

Княжнинский Вадим – как и Катон с Брутом, персонажи римской стоической традиции – не может позволить себе оказаться в зависимости от прихоти властителя. Его свобода полностью связана с политической, публичной жизнью свободного государства, и для того, чтобы повредить ей, вовсе не нужно *настоящее* насилие со стороны власти – достаточно

¹⁵²⁶ Бухаркин П. Е. Человек и время в трагедии Я. Б. Княжнина. С. 103.

¹⁵²⁷ А. П. Валагин предлагает иную трактовку образа Рурика – как коварного и ловкого «демагога», заигрывающего с народом, а на деле под маской заботы и доброты готовящего жестокую тиранию; в этой связи Валагин вспоминает даже «Великого Инквизитора» Ф. М. Достоевского (Валагин А. П. Кто смеет умереть... С. 22–23). Подобная интерпретация небеспочвенна, учитывая античный контекст драмы Княжнина – если Рурика считать Цезарем Новгорода, то назвать его «демагогом» можно вполне обоснованно. Но Княжнин никак не раскрывает эту сторону Рурика, даже если и намекает на нее, а потому мы оставляем интересное соображение А. П. Валагина за скобками.

¹⁵²⁸ В этом – существенное отличие княжнинского героя от большинства «сценических тиранов» екатерининской России, которые были «столь неприкрыто злобными, а их оппоненты – столь явно добродетельными, что правомочность восстания практически не требовала пояснений» (Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 166).

лишь возникновения условий, в которых подобное насилие становится гипотетически возможным; монархия – господство одного – отвратительна в принципе, а не при злоупотреблениях, ведь все, что она несет с собой – это «оковы позлащенные»¹⁵²⁹.

Подобно Радищеву, Княжнин указывает на связь между республиканской добродетелью и политическим конфликтом; тирания возникает в республике под видом гражданского мира. Один из сторонников Вадима, Пренест (IV явление¹⁵³⁰), говорит:

Дождемся ли и мы такой ужасной части,
Когда властитель наш, в своей спокоен власти,
Личину хитрости со горда сняв лица,
Явит чудовище под блесками венца?
Всечасно окружен свирепостью и страхом,
Подножья своего считать нас будет прахом
И, присвоая плод трудов несметных лет,
Отнимет всё у нас – и даже солнца свет.

«Вольность» же необходимо бдительно охранять. Пренест жалуется Вадиму на то, что сограждане устали от «гражданских распрей», что народу нравится «прелестная» власть царя:

И истинных сынов отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдились б того, что в свете смертный есть,
В руках которого их вольность, жизнь и честь.
Коварством Рурика граждански слабы силы;
А воинством варяг наполнен град унылый.

Пренест завершает обращение к новгородским «вельможам» призывом: «...Ваш великий дух на крае бездны дремлет! Проснитесь!...» *Борьба предпочтительнее покоя* – это тот же мотив, что и у Радищева.

Невозможна для республиканцев сама мысль о том, чтобы жить под властью монарха, даже если новгородский народ, утомленный внутренними распрями, искренне умоляет

¹⁵²⁹ Радищев А. Н. Вольность. Ода. С. 16.

¹⁵³⁰ Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский. С. 271.

Рурика принять царский венец. Это раскрывает диалог Вадима с одним из республиканцев, Вигором, где Вадим отказывает «рабам» в праве иметь «Отечество». Гостомысл не имел права ничего завещать Рюрику, ведь новгородцы – свободные граждане. А подданные «тирана» – рабы, которыми господин может распоряжаться как скотом. Речь, однако, идет вовсе не о том, что смерть предпочтительнее мучений под властью тирана (такая мысль новой для российского XVIII в. вовсе не была); как явствует из приведенных выше слов Пренеста, невыносимым является не жестокость угнетения, а сама возможность угнетения. Княжнин вкладывает в уста Вадима речь, отсылающую к античному контексту¹⁵³¹:

Увы! когда уже здесь всё порабощенно,
Здесь нет отечества – оно всё там вмещенно,
Герои наши где, взносятся над судьбой,
Готовы умереть, иль скиптр попать ногой¹⁵³².

Разумеется, проблема тираноборчества в европейской политической мысли обсуждалась в различных традициях, с использованием разнообразных глоссариев и аргументов¹⁵³³. В предшествующих главах настоящего исследования мы видели, что низвержение тиранов не было чем-то новым и для российской политической мысли XVIII в. Однако литературным тиранам российского XVIII в. «полагались» такие модели поведения, которые исключали у читателя или зрителя сомнения относительно того, кто перед ними. Новаторским же – в силу изложенных выше соображений о военной мощи республик и об опасности «покоя рабского» – был подход, в рамках которого свержение государя не зависело от его действительного поведения. И в «Путешествии», и в «Вадиме» возникает именно такой образ тирана, который приносит мир и спокойствие; вне зависимости от его личных качеств, такой властитель губителен для общества. Разбирая содержание «Вадима», Г. В. Плеханов – считавший, как отмечено выше, Княжнина сторонником монархии – справедливо противопоставляет княжнинскую трагедию «Цинне» Корнеля: «Следует помнить, кроме того, что республиканцы, выведенные Княжнинным в “Вадиме

¹⁵³¹ Речь Вадима напоминает о логике Фемистокла, перед лицом врага призвавшего оставить родной город. На эту же логику, по словам Цицерона (Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. II. Годы 51 – 50. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 188), ссылался Гней Помпей, покидая Рим в борьбе с Цезарем. Хорошо известный российскому читателю Плутарх зафиксировал приведенный Цицероном образ в биографии Помпея.

¹⁵³² Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский. С. 258.

¹⁵³³ Обзор истории вопроса представлен в: Brincat S. 'Death to Tyrants': The political philosophy of tyrannicide – Part I // Journal of International Political Theory. 2008. Vol. 4. P. 212–240.

Новгородском”, восстают не против “самовластия тиранов”, а против монархической власти вообще, не делая исключения ни для государя-отца, ни для государыни-“матери”. <...> В этом отношении герой Княжнина представляет собою полную противоположность такому заговорщику, как Цинна у Корнеля»¹⁵³⁴. В данном свете вполне справедливо замечание П. Е. Бухаркина о том, что «Княжнин умел быть подлинным новатором»; в драме Княжнина «подлинно новым было не только идейное содержание, но и структура, драматический конфликт, создаваемый в нем художественный мир»¹⁵³⁵.

Чрезвычайно важно и то, что Княжнин, в отличие от подавляющего большинства авторов «новгородских текстов», не делает никаких ссылок на Провидение, ослабляя (сознательно?) традиционную легитимацию власти монарха через религиозное обоснование и, в частности, исключая религиозный аргумент о монархии, сводящийся к тому, что короны раздают не подданные, а Провидение. Кроме того, Вадим – в отличие от Катона – вовсе не увлекается философией (и аддисоновский Катон, и шекспировский Брут в полном соответствии с каноном предстают философами) и куда более жесток к своим родным и близким (в этом смысле он больше похож на другого, мифического Брута, изгнавшего из Рима Тарквиния Гордого и считавшегося предком убийцы Цезаря). В своем тексте Княжнин полностью избавился от проблематики «сократовского» самоубийства, связанной с вопросом о бессмертии души, столь сильно занимавшем Радищева.

Центральным для республиканизма княжнинской трагедии является разрешение конфликта, ведущее к гибели республиканцев, Вадима и его дочери Рамиды, возлюбленной Рурика. Тема готовности погибнуть или покончить с собой проходит через весь текст Княжнина. Один из первых вопросов Вадима новгородским вельможам Вигору и Пренесту таков:

Скажите, как вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить –
Как можно свет терпеть и как желать вам жить?¹⁵³⁶

Перед тем, как убить себя, Вадим вынуждает Рамиду совершить суицид. Реальные

¹⁵³⁴ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. 3. С. 230–231.

¹⁵³⁵ Бухаркин П. Е. Человек и время в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» // Язык, культура, общество: проблемы развития. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. С. 99.

¹⁵³⁶ Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский. С. 254.

симпатии Княжнина в этом конфликте остаются неясными; у трагедии нет положительных и отрицательных героев, а попытки понять, кому из своих персонажей симпатизировал Княжнин, сегодня лишены значимости¹⁵³⁷. Советский исследователь Ф. Я. Прийма считает, что «трагедия Княжнина завершается не только фактической, но и моральной победой Рюрика», так как «Вадим вступает в неразрешимый конфликт не только с ним, но и с собственной дочерью Рамидой» и в финале «закалывается»¹⁵³⁸. Историк У. Эджертон настаивает на том, что у Княжнина «Вадим несознательно и непоследовательно демонстрирует верность своих республиканских аргументов против самодержавия через собственное тираническое обращение с дочерью»¹⁵³⁹. Следом за Эджертоном американская исследовательница С. Уиттакер полагает, что «Княжнин изображает Вадима фанатиком и отцом-тираном... Рюрик, таким образом, является настоящим героем пьесы, а мятежник, который не смог поднять массы, оказывается деспотом; как мог бы он стать любящим отцом для своего народа, если он столь жестоко обошелся с собственной дочерью?»¹⁵⁴⁰

Однако у Княжнина Вадим вовсе не стремится к царскому венцу и не является конкурентом Рурика в борьбе за единоличную власть. Как мы уже отметили, сюжет драмы – не в столкновении двух претендентов на власть в Новгороде, и даже не в столкновении двух *форм правления*, а в изменении социального контекста, дававшего жизнь старой новгородской «вольности», которой предан Вадим. С другой стороны, «вольность» эта предполагает жестокость: ради последовательной защиты республики Вадим жертвует не только собой, но и Пренестом, Вигором, другими республиканцами и собственной дочерью, которую он объявляет своеобразным «призом», чтобы поднять боевой дух соратников.

Макиавеллистские по своей сути действия Вадима могли осмысляться в соответствии с римской традицией, содержащей описания жестоких поступков с близкими ради *общего блага* республики; до некоторой степени, об этом рассказывает и сама история о Бруте и Цезаре. Добродетельный Брут безжалостно убивает своего благодетеля, узурпировавшего власть; добродетельный Вадим хладнокровно манипулирует друзьями и близкими, чтобы

¹⁵³⁷ Edgerton W. Ambivalence as the Key to Kniazhnin's Tragedy «Vadim Novgorodskii» // Russia and the World of the Eighteenth Century. Proceedings of the III International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Columbus: Slavica, 1988. P. 311; Vilk E. Problem of Tragedy and Tragic Consciousness in Russia at the Turn of the 19th Century. Budapest: Open Society Institute, 1999. С. 82. Режим доступа: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001056/01/56.pdf>. Интересно, что Е. Вильк указывает на единство сюжетной схемы целого ряда трагедий Княжнина, сравнивая «Вадима Новгородского» с более ранней трагедией «Софонисба».

¹⁵³⁸ Прийма Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе. С. 105

¹⁵³⁹ Edgerton W. Ambivalence as the Key to Kniazhnin's Tragedy «Vadim Novgorodskii»... P. 313.

¹⁵⁴⁰ Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 180.

противостоять узурпатору. Сохранение исторического режима повествования позволило Княжнину полностью отстраниться от доминировавшей традиции обсуждать политику и мораль, обнаружив связь между республиканской добродетелью и жестоким насилием. В этом, по нашему убеждению, и заключался новаторский характер сочинения Княжнина.

Современный исследователь Д. Капуст, рассуждая об истоках политической философии Макиавелли и, в частности, макиавеллистского отказа от цicerоновской концепции добродетели, обращает внимание на текст римского историка Саллюстия Криспа «Югуртинская война» (хорошо известный и в России XVIII в. – в 1769 г. Саллюстий был издан на русском языке в переводе В. И. Крамаренкова¹⁵⁴¹). Описывая споры в Сенате по поводу того, как следует поступить с заговорщиками Катилины, Саллюстий приводит аргументы Цезаря в пользу милосердия, и Катона – в пользу смертной казни. Цезарь у Саллюстия рассуждает в цicerоновском духе, обращаясь к милосердию как универсальной добродетели, которая к тому же обеспечивает максимальную безопасность, избегая ненужных конфликтов. Катон, напротив, выступает за беспощадную кару врагов, угрожающих самому существованию республики, приводя исторический пример консула Манлия Торквата, казнившего собственного сына за нарушение приказа. Жестокость действий Катона оправдана изменчивостью Фортуны; подобно «новому государю» Макиавелли, ему приходится действовать в меняющихся социальных обстоятельствах, требующих сурового разрыва с традицией. И, как показывает Капуст, в конечном счете именно Катон у Саллюстия оказывается чрезвычайно близок к «новому государю» Макиавелли, предпочитающему, чтобы его боялись, а не любили (к любви, согласно Саллюстию и Плутарху, стремился как раз Цезарь)¹⁵⁴². Подобно Катону у Саллюстия и персонажам Макиавелли, княжнинский Вадим отвечает своими жестокими действиями на вызовы Фортуны и предпочитает, чтобы его боялись, а не любили. Зато Рюрик-Цезарь, напротив, стремится к общей гармонии и любви, в точном соответствии с максимами российского монархизма XVIII в. Таким образом, Княжнин – возможно, помимо собственного замысла – описывает условную, макиавеллистскую добродетель Вадима,

¹⁵⁴¹ Каия Саллюстия Криспа войны Каталинская и Югурфинская. СПб.: [Сенат. тип.], 1769.

¹⁵⁴² Kapust D. Cato's Virtues and The Prince: Reading Sallust's 'War with Catiline' with Machiavelli's 'The Prince' // History of Political Thought. 2007. № 28(3). P. 440–446.

предпринявшего буквально все возможное, чтобы добиться цели¹⁵⁴³. Послужил ли источником описания Саллюстий – сказать с уверенностью невозможно.

«Зеркально» переосмысленный образ Вадима вновь появляется в драме М. М. Хераскова «Царь или Спасенный Новгород» (1800) – теперь под именем Ратмира, предводителя разрушительного новгородского бунта против мудрого Гостомысла, который здесь является старейшиной, а не князем¹⁵⁴⁴. Подобно Вадиму, Ратмир является принципиальным противником монархии и убежденным сторонником гражданского равенства, однако Херасков не усматривает в этих убеждениях ничего, достойного похвалы. После поражения от войск Рюрика, на стороне которых выступает Провидение, охваченный яростью Ратмир убивает себя – напоминая одновременно о самоубийствах Катона, Кассия и Брута, о гибели тиранов в классических драмах (таких, как «Дмитрий Самозванец» А. П. Сумарокова¹⁵⁴⁵) и о самоубийстве княжнинского Вадима.

Амбивалентность в полной мере затронула и трагедию актера и драматурга П. А. Плавильщикова «Рюрик» (по иронии судьбы, именно Плавильщиков должен был играть роль Вадима в несостоявшейся из-за запрета цензурой постановки трагедии Княжнина). Здесь Вадим предстает низким, коварным властолюбцем. В первом же действии трагедии он заявляет¹⁵⁴⁶:

Мне Рюрик лютый враг, когда он на престоле,
Вадим не властвует славянами уж боле.

Однако, в отличие от исторического повествования Екатерины II, в трагедии Плавильщикова монархия в Новгороде прервалась после смерти легендарного Славена, после чего «единодушие приняло вид короны» и стал править Гостомысл со своим помощником Вадимом¹⁵⁴⁷. Вадим, оскорбленный тем, что новгородцы предпочли видеть

¹⁵⁴³ Ср. со знаменитым письмом Брута Цицерону: «Я, во всяком случае, не поддамся поддающимся и не буду побежден теми, кто хочет быть побежден, и испытаю и испробую всё, и не перестану отвращать наших граждан от рабства; если последует счастье, которое должно последовать, то все мы будем радоваться; если нет – я все-таки буду радоваться: и в самом деле, в каких же поступках и помыслах следует провести эту жизнь, как не в таких, которые направлены на освобождение моих сограждан?» (Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III. Годы 46 – 43. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 420).

¹⁵⁴⁴ «Свирепством льву Ратмир подобный, // Виною злощастью был всему» (Херасков М. М. Царь, или Спасенный Новгород. С. 14).

¹⁵⁴⁵ У Сумарокова самозванец-тиран, убивая себя, объявляет: «Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна // Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!» (Сумароков А. П. Дмитрий Самозванец // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 470).

¹⁵⁴⁶ Плавильщиков П. А. Рюрик. С. 5–6.

¹⁵⁴⁷ Там же, с. 1.

правителем Гостомысла, разжег гражданскую усобицу, однако лишь ухудшил свои шансы прийти к власти: чтобы погасить раздор, новгородцы, по совету Гостомысла, избрали князем Рюрика. Вадим здесь – не родственник Гостомысла и Рюрика; амбициозный честолюбец не различает республики и монархии, лишь бы самому главенствовать. Однако он охотно апеллирует к республиканскому этосу, чтобы бороться с Рюриком – например, Вадим провоцирует Вельмира, влюбленного в его дочь Пламиру, такими словами¹⁵⁴⁸:

Геройский дух славян совсем уже упал.
Пред идолом своим на землю повергайтесь,
Владыки трепеща, вы в рабстве пресмыкайтесь.
Забудьте, что цари несли к славянам дань,
И Александр не смел на них воздвигнуть брань.
А ты души моей стремление благородно
Монарху возвести: рабу то чувство сродно.

Но для этого Вадима обращения к республиканизму – лишь элемент беспринципной манипуляции. Жертвовать собой он не готов, зато пытается использовать и Пламиру, которая влюблена в Рюрика. Впрочем, в финале Рюрик, как и у Екатерины II, прощает разоблаченного интригана: милосердие и объективная добродетель торжествуют над неумелым макиавеллистом.

Таким образом, в историописании 2-й половины XVIII в. сосуществуют два образа Вадима: свободолюбивого защитника республики и претендента на трон (в некоторых интерпретациях – даже внука Гостомысла). Итак, авторы XVIII в. могли использовать один из двух возможных образов Вадима. В случаях, когда авторы обращались к образу Вадима-республиканца, движущей силой конфликта становилось не личное соперничество двух претендентов, но политический драматизм изменения формы правления, хорошо знакомый по римской истории.

Эта двойственность особенно примечательна в том аспекте, что историография XVIII в. не решилась поставить Марфу Борецкую, в один ряд с республиканским героем Вадимом, хотя параллель и напрашивалась. Если Вадим, хотя бы для части историописателей, был бескорыстным гражданским вождем наподобие Катона, то Марфа

¹⁵⁴⁸ Характерно, что далее Вадим угрожает Вельмиру собственноручно убить Пламиру, если она предпочтет участь «рабы».

обычно представляла «злонамеренной» предводительницей изменников. Она уговаривала новгородцев «предаться во власть короля польского Казимира» и даже «тайным образом преклонна была к римско-католическому закону»¹⁵⁴⁹. Источниками этих замечаний является, конечно, летописная традиция, точнее один из вариантов летописного рассказа конца XV в., называемый «Словеса избранныя...» и связанном с «канцелярией» московского митрополита¹⁵⁵⁰. Акцент в «Словесах» делается на отступничестве и греховности Марфы; для раскрытия ее образа использовались библейские аллюзии.

Творчески переосмыслил образ Марфы в самом начале XIX в. Н. М. Карамзин, наконец представивший ее республиканской героиней, равной Вадиму. При этом все остальные элементы повествования Карамзина о Марфе отвечают римской традиции – так же, как и в повествовании Княжнина о Вадиме. Карамзин, переводчик шекспировского «Юлия Цезаря», отлично знал античный канон. В его тексте присутствует римская образность – «Димитрий Сильный обнимал Мирослава, называя его своим повелителем» (римское «imperator»), на берегах Шелони сражаются новгородские и московские «легионы», а в гроб кладут «хартию славы», на которой «изображались славные дела усопшего». Главную площадь Новгорода украшает бюст Вадима Храброго.

Но упомянутый выше провиденциализм Карамзина приводит к исчезновению сюжета о самоубийстве, завершающего классические биографии Катона и Брута и присутствующего как у Княжнина, так и (с противоположной оценкой) у Хераскова. Карамзин же, хотя и назвал Марфу «Катоном своей республики», порвал с римской традицией, предпочитая республиканскому этосу смирение перед высшей силой, исторической логикой и судьбой. Марфа отказывается покончить с собой, говоря: «Герои древности, побеждаемые силою и счастьем, лишали себя жизни; бесстрашные боялись казни: я не боюсь ее. Небо должно располагать жизнью и смертью людей; человек волен только в своих делах и чувствах»¹⁵⁵¹. Она находит смерть на эшафоте, произнеся последние слова: «Подданные Иоанна! Умираю гражданкой Новгородскою!» Это противоречит решительному заявлению княжнинского Вадима перед гибелью: «Нет больше у меня отечества, граждан!» Национальное единство

¹⁵⁴⁹ Щербатов М. М. История российская. Т. 4. Ч. 2. С. 38; Нехачин И. В. Новое ядро российской истории. С. 8. Равным образом и Мальгин пишет об «отступлении посадницы Марфы» (Мальгин Т. С. Зерцало российских государей. СПб.: Имп. Академия Наук, 1789. С. 75).

¹⁵⁵⁰ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 129.

¹⁵⁵¹ Карамзин Н. М. Марфа Посадница. С. 725–726.

под рукой великого князя, которому сопутствует Провидение, оказалось для Карамзина – «республиканца в душе» – важнее республиканских политических институтов.

Итак, на протяжении всего XVIII в. в российской историко-политической мысли постепенно формировалось представление о республиканском Новгороде. Древняя Новгородская республика, «изобретенная» российскими авторами XVIII в. и представавшая в двух ключевых сюжетах (воцарение Рюрика и покорение Новгорода Иваном III), была сконструирована по лекалам классических греко-римских сюжетов. При этом моделирование «русской античности» было, как мы показали, не попыткой применить исторические аргументы в политическом споре о формах правления, но результатом импорта греко-римской образности¹⁵⁵². Следовательно, признание республиканского характера древней новгородской государственности не было само по себе идеологическим актом, отражающим политические взгляды историков и направленным на критику монархии. А республиканские атрибуты, приписывавшиеся Новгороду, имели целью не подрыв самодержавия и пропаганду «вольности», но построение адекватной объяснительной модели, понятной кругам элиты. Конфликт между Цезарем и Катонem разыгрывался вновь, только теперь уже в российских декорациях из глубокого прошлого.

Сюжет о Новгородской республике оставался амбивалентным. Говорить о республике еще не означало считать ее возможной в России, тем более – *подходящей* для России. Справедливо замечает современный исследователь Великой Французской революции К. Бейкер: республиканская риторика для XVIII в. не предлагала никакой стройной теории построения государства свободы¹⁵⁵³. Риторика эта служила орудием критики социально-политических реалий европейских монархий с их растущим бюрократическим аппаратом, армиями и коммерцией. Кроме того, такая риторика позволяла эффективно анализировать процессы коррупции в республиках, оценивать причины их падения, но не давала ответа на главный вопрос – как возникают республики, как можно сделаться свободным гражданином, не будучи им с самого начала?

¹⁵⁵² Ярким примером игнорирования этого античного контекста является попытка Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака интерпретировать присутствующие у Радищева римские образы в свете Французской революции: «Присутствие римских героев в “Песни исторической” – поэме на античный сюжет – вопросов не вызывало. Однако что делают те же персонажи в “Вольности” – оде, посвященной английской, американской революциям или грядущей революции в России? Разгадка проста. На “античной” модели мыслитель еще в 80-е годы ставил новую для просветительской идеологии проблему – возможности вырождения революционного народовластия в режим единоличной военной диктатуры» (Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. (175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева). М.: Наука, 1966. С. 255).

¹⁵⁵³ Baker K. M. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. P. 35–36.

История о новгородцах-бунтовщиках оставалась лейтмотивом «новгородских текстов», иногда давая импульс для самых неожиданных фантазий – так, например, в балладе Г. Р. Державина «Новгородский волхв Злогор» (1813, опубликована в 1816) мятежи и бунты в городе представляли делом рук злого колдуна. Злогор, сын вымышленного Славена, «изверженец из ада», «крокодил, князь, жрец, вождь» был мифической фигурой, встречавшейся и в более ранней традиции¹⁵⁵⁴; однако Державин дал ему устрашающее имя, а затем искусно соединил предание о колдуне с устоявшимся уже нарративом о новгородской склонности к неповиновению, сделав Злогора ответственным не только за «шашни», но и за примечательный ряд политических неурядиц. Фактически Державин составил настоящий список новгородских «провинностей», в котором республиканские сюжеты соседствовали с борьбой неумных новгородцев против христианства и законности:

Вадима в бунт на Гостомысла
 Всю чернь сей поджигал Злогор,
 Вперяя против здрава смысла
 В Варягов и в Славян раздор;
 Он тож не допускал Добрыню
 Новгородцев окрестить,
 На холмах водружать святыню,
 И идолов в реках топить.

Противился и Ярославу
 В суды он Русску правду ввестъ,
 И бабу злу, Ягу лукаву,
 Посадницу всем Марфу в честь
 На колымаге вскачъ с железным
 Перстом велел возить на вечь;
 На Хутыне ж огнем подземным,
 Царя бег Грозного сожечъ¹⁵⁵⁵.

¹⁵⁵⁴ См., например: Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Т. 1. С. 4–5; Щербатов М. М. История российская. Т. 1. С. 189–190.

¹⁵⁵⁵ Державин Г. Р. Новгородский волхв Злогор // Державин Г. Р. Сочинения. Т. III. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1866. С. 185–186.

Но концепция старинной свободы новгородцев оставалась устойчивой. Так, у А. Ф. Малиновского (писавшего под псевдонимом А. М-ский) в статье «Рюрик», вышедшей в 1805 г. в журнале «Вестник Европы», один из новгородских вельмож обращается к умирающему Гостомыслу, прося того назвать преемника: «Польза народная требует мудрого властелина. – Граждане новгородские всегда охотно жертвовали последнюю каплею крови за свою свободу – но свободою своею они могли пожертвовать только одному отцу твоему, великому Буривою, и тебе»¹⁵⁵⁶. Эта цитата указывает на то, что даже монархическая версия событий уже не обходилась без ссылок на новгородскую «вольность». Римская образность вытеснила-таки московскую традицию: рядом с привычными «бунтовщиками» возникали отважные и добродетельные граждане, а сам бунт превращался в борьбу за древнюю свободу. И, как отмечал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, «самый народ Славянский, хотя и покорился Князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий совет. Белгородцы, теснимые Печенегами, рассуждали на Вече, что им делать. Сии народные собрания были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в Державах строгого, неограниченного Единовластия»¹⁵⁵⁷.

Рост интереса к республиканской традиции Новгорода в начале XIX в. был связан с деятельностью декабристов. Одним из источников вдохновения для политической мысли декабристов выступала национальная традиция, которую они рассматривали как республиканскую – в противовес привнесенному извне монархическому деспотизму¹⁵⁵⁸. Современный исследователь С. Рабов-Эдлинг справедливо отмечает, что декабристы использовали литературу – в том числе, историческую литературу – для того, чтобы донести до читателей «политическое послание» о республике¹⁵⁵⁹. Однако подобное послание, в свою очередь, опиралось на сложившуюся к началу XIX в. устойчивую интеллектуальную традицию, однозначно определявшую древний Новгород как республику. Подобное

¹⁵⁵⁶ А. М-ский. Рюрик. С. 99.

¹⁵⁵⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. СПб.: Тип. И. Греча, 1818. С. 274.

¹⁵⁵⁸ Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. С. 253–256; Grandhay J. Russie: La Republique Interdite. Le Moment Decembriste et ses Enjeux (XVIIIe – XXe siecles). Seyssel: Champ Vallon, 2012. P. 169–208.

¹⁵⁵⁹ Rabow-Edling S. The Republican Idea of the Nation in Decembrists Poetry // Working papers. Uppsala University, Department of East European Studies, № 107, November 2006. P. 3.

определение, бывшее для середины XVIII в. новацией, в эпоху декабристов уже воспринималось как данность.

Оба ключевых республиканских образа – Вадим и Марфа – присутствуют в «Думах» К. Ф. Рылеева, правда, оба наброска не были Рылеевым окончены и не вошли в издание «Дум» 1825 г. Тем не менее, сохранившийся список заглавий «Дум», сделанный поэтом в 1823 г., демонстрирует: Рылеев включил и Вадима, и Марфу в число 20 запланированных стихотворений (всего Рылеев написал 26 «дум», еще 7 остались неоконченными). Обращаясь к новгородским сюжетам, Рылеев в полной мере следует римской образности – так, Вадим предстает в роли Катона¹⁵⁶⁰:

Несмотря на хлад убийств<енный>
 Сограждан к правам <своим>
 Их от бед спасти насильстве<нно>
 Хочет пламенный Вадим.

Другой фрагмент повествует о том же, но в ином размере:

Ах! если б возратить я мог
 Порабощенному народу
 Блаженства общего залог,
 Былую праотцев свободу.

Подобная рефлексия стала возможной именно благодаря сложному процессу переоценки и творческого «домысливания» скудных исторических данных, который под влиянием западной интеллектуальной традиции развивался на протяжении всего XVIII в. в рамках своеобразного диалога историописателей. Концепция Новгорода как республики, начавшись с нескольких фраз в тексте Манкиева, стала к началу XIX в. общим местом для российской общественной мысли, сформировав основы для такого стиля мышления, в котором республика выступала не привнесенным, а исконно присущим элементом отечественной истории. Можно говорить о своеобразном каноне «новгородского текста» в российской культуре XVIII – начала XIX в. Как правило, в рамках этого канона

¹⁵⁶⁰ Рылеев К. Ф. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1987. С. 157. К. Ф. Рылеев был прекрасно знаком с римским каноном – например, в знаменитом стихотворении «К временщику» (1820) он вспоминал римских тираноборцев: «Тиран, вострепещи! родиться может он // Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!» (Рылеев К. Ф. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1987. С. 36–37).

сосуществовали ссылки на пословицу «кто против Бога и Великого Новгорода», упоминание о «ста тысячах войска», фигуры Вадима и Марфы, а также особая новгородская «вольность», которую гражданам стоит защищать даже ценой жизни.

История оказалась способна превозмочь убедительные аргументы в пользу монархии, которые мы подробно рассмотрели выше. Одновременный эффект двух параллельных процессов – заимствования республиканских описательных моделей и поиска национальных «славы и величия», «гонора мощной державы»¹⁵⁶¹ – и стал моментом рождения российского республиканизма. Идентификация Новгорода как республики (с последовавшим наделением его республиканскими атрибутами и героями) сочеталась с признанием за Новгородом военной мощи, описания которой были сопряжены с поиском славных деяний в древнейшей российской истории. Апелляция к республиканскому прошлому России была неразрывно связана с осознанием «славы и величия» древней российской истории. Таким образом, республиканизм в России конца XVIII в. вдохновлялся не столько модернизационным импульсом, сколько ревизией национальной традиции, обнаружением «республиканского момента» в российской истории. Логика поиска «славы и величия» древних новгородцев требовала описывать раннюю Новгородскую республику как сравнимую с древним Римом по своей военной мощи, нейтрализуя важнейший довод против республики. Инерция этого поиска оказала большое влияние на российскую культуру, создав в конце XVIII – начале XIX в. особый жанр исторической литературы о подвигах древних славян, в котором отметились ведущие авторы своего времени – например, Ф. В. Булгарин в повести «Славяне, или Освобождение Арконы» (1830)¹⁵⁶².

Римские примеры оказались наиболее адекватной формой описания древнейшей российской истории, что было закономерно в ситуации общего увлечения античностью. Интенсивное заимствование римских образов заставляло старый летописный рассказ выглядеть по-новому – как конфликт между республикой и монархией. С использованием интеллектуального инструментария Тацита или Плутарха (напрямую или в пересказах европейских авторов Нового времени) российские авторы осваивали и критический взгляд на монархию. Конечно, сам по себе подобный взгляд вовсе не означал симпатий к республике, и не вел к тому, чтобы считать республику пригодной для России. Так,

¹⁵⁶¹ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII в. М.: Наука, 2007. С. 167.

¹⁵⁶² Булгарин Ф. В. Мазепа; Повести. М.: Кронос, 1994.

Ф. Г. Штрубе де Пирмонт с охотой опирался на исторические сведения Тацита, напоминая о том, что «Рим под владением ИМПЕРАТОРОВ своих АВГУСТА и ТИВЕРИЯ был государством гражданским, при ТИВЕРИИ да при НЕРОНЕ учинился государством ДЕСПОТИЧЕСКИМ или простою вотчиною короны»¹⁵⁶³. Отвращение к таким нарочито злобным тиранам, как Нерон или Калигула, было общим местом для политической культуры Нового времени.

Взаимодействуя с самими различными формами европейского интеллектуального влияния, «республиканский момент», который мы постарались описать выше, привел к своеобразной ориентализации¹⁵⁶⁴ российской монархии. Абсолютистский политический режим абсолютизма стал расцениваться как чуждый национальной культуре, которая в своих истоках была «вольной», что и демонстрировала новгородская история, осмысленная как история республики. Больше того: Россия обладала республиканской традицией, которую можно было восстановить¹⁵⁶⁵.

На место «частного человека», стойчески встречающего удары Фортуны, становился теперь «муж твердый», готовый к конфликту и жертвам. Внутренний покой и мир, столь превозносимый в церковном и светском панегирике, превращался в маску невыносимой тирании. Вместе с тем и конфликт с монархией из заведомо обреченного бунта против законной (и в определенном смысле божественной, как доказывали бесчисленные панегирики в стихах и прозе) власти превращался в подлинную манифестацию гражданской добродетели.

Может ли открытое насилие быть добродетелью? Путь к возрождению лежит через конфликт, способный принять довольно жестокие формы. Вот как считает Д. Капуст: «Саллюстий, в лице своего Катона, и Макиавелли показывают: то, что является

¹⁵⁶³ Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 366.

¹⁵⁶⁴ Понятие «ориентализация» отсылает к знаменитой книге Э. Саида «Ориентализм» (Said E. Orientalism. London: Pantheon Books, 1978), инструментарий позволяет пояснить сущность изменения отношения части российских элит к монархии, которая теперь начала считаться «ориентальной», присущей «Востоку» и в силу этого принадлежащей к другой культурной традиции, чем издревле свойственный России республиканизм. В частности, говоря об «ориентализации» российской монархии, мы имеем в виду актуализацию влиятельной риторической модели, со времен античности использовавшейся для описания «восточной деспотии» с ее характерными «азиатскими» чертами – варварством, изнеженностью, коварством и жестокостью. Функционирование этой риторической модели в европейской политической мысли можно проследить на огромном временном пространстве – от Тацита и Аристотеля до Гегеля и Маркса; интересной темой является развитие этой риторической модели на российской почве. Краткий обзор основных трансформаций риторической модели «восточной деспотии» можно найти здесь: Minuti R. Oriental Despotism // European History Online (EGO), published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2012-05-03. Режим доступа: <http://www.ieg-ego.eu/minutir-2012-en>.

¹⁵⁶⁵ См. об этом: Grandhay J. Russie: la Republique interdite. Le moment decembriste et ses enjeux (XVIIIe – XXIe siecles). Seyssel: Champ Vallon, 2012. P. 197–199.

добродетелью в одних обстоятельствах, в других оказывается пороком. Единственное, что позволяет определить добродетельный характер действия, это безопасность и триумф над врагами в будущем. Добродетели и речи Цезаря не подходящи в обоих отношениях. <...> Подобно Катону, государь Макиавелли хочет скорее быть хорошим правителем, нежели казаться таковым, не потому, что он избегает славы или популярности, но потому, что он ищет их через действия, которые добродетельны по существу, а не по виду»¹⁵⁶⁶.

Апология конфликта и сопряженной с этим концепции добродетели была для российских авторов XVIII в. чрезвычайно сложной, противоречащей не только объективному морализму церковной традиции, но и цицероновской добродетели «частного человека», позволявшей (по словам Э. Виртшафтер) «примиряться с проблемами российской монархии» на путях самосовершенствования. Для отечественной общественной мысли адаптация макиавеллистских взглядов с их открытой апологией конфликта была сложным делом.

В «Путешествии» Радищева, как и в «Вадиме» Княжнина рабство – это не только *настоящее* насилия со стороны власти, но и наличие таких условий, при которых подобное насилие становится *возможным* (в «Путешествии» определение «вольности» из екатерининского «Наказа», на деле принадлежащее Монтескье¹⁵⁶⁷, упоминается с ироническим подтекстом). Монархия отвратительна не только при «злоупотреблениях самовластия», она всегда приносит с собой «оковы позлащенные»¹⁵⁶⁸. Тексты Радищева и Княжнина демонстрируют ключевые элементы того стиля политической мысли, в рамках которого понимание политической свободы как отсутствия *действительного насилия* (и, соответственно, очевидной тирании) трансформировалось в понимание политической свободы как отсутствия *потенциального произвола*. Но если текст Радищева сохранял амбивалентность, которая была обусловлена, по-видимому, его жанровой связью с нравоучительными сочинениями XVIII в., то удивительная последовательность, с какой Княжнин презентует республиканский макиавеллизм в «Вадиме Новгородском», может быть объяснена именно историзмом повествования. Республика и республиканцы для Княжнина уже являются данностью. Однако для того, чтобы это стало возможным, потребовался процесс разработки новгородской темы в республиканском ключе,

¹⁵⁶⁶ Kapust D. Cato's Virtues. P. 447.

¹⁵⁶⁷ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 354.

¹⁵⁶⁸ Радищев А. Н. Вольность. Ода. С. 15.

интенсивный процесс импорта римской образности, осуществлявшийся в исторических сочинениях российского XVIII в. задолго до Княжнина.

К тому же весь этот захватывающий конфликт пока разворачивался лишь на страницах анонимного сочинения высокопоставленного чиновника Российской империи или среди строк либретто трагедии придворного драматурга. Но в не столь отдаленной перспективе он сошел со страниц и воплотился в декабрьских событиях 1825 года.

Заключение

Ах, во дни сии ужасны,
 Где отец сыновней крови,
 Где сыны отцовой жаждают,
 Господу где раб предатель,
 Средь разврата нагла нравов
 Может разве самодержец,
 Властью венчан всесильной,
 Дать устройство, мир – неволи –
 Пусть неволи, но отдохнет
 Человечество от тяжких
 Ран...

А. Н. Радищев.
«Песнь историческая»¹⁵⁶⁹

Процесс складывания республиканской парадигмы идей в российской политической культуре XVIII в. не был ни быстрым, ни легким. Этот процесс определялся сложным взаимодействием между вновь адаптируемыми и традиционными манерами речи, протекавшим в различных коммуникативных контекстах – придворном и публичном.

1. Предпринятый нами анализ позволил показать, что доминировавшей в придворной политической речи риторической манерой был *провиденциальный монархизм*, укорененный в жанре панегирика и проповеди, ориентированный на воспроизводство и поддержание определенных риторических стратегий, позволявших описывать власть монарха как данную Провидением, а самого государя – как героя, святого или почти божество. Разумеется, эта манера речи не была статичной и давала возможность гибко реагировать на ход политических событий – оправдывать смену на троне монархов, описывать войну и мир, обосновывать крупнейшие законодательные акты и реформы. Г. А. Гуковский справедливо

¹⁵⁶⁹ Радищев А. Н. Песнь историческая. С. 97–98.

называет, например, оду А. П. Сумарокова 8 июля 1762 г., посвященную екатерининскому перевороту, «комментарием к “обстоятельному манифесту”» и «передовой статьей на тему о перевороте»¹⁵⁷⁰. Но в целом такой режим речи не был средством для развертывания конкретных программ преобразований¹⁵⁷¹. Коммуникативный контекст бытования панегирика, предполагавший неравенство адресата и адресанта, делал эту манеру речи пригодной для того, чтобы говорить о монархии с возвышенным восторгом, но не для того, чтобы критиковать или поучать царствующих государей.

2. В этом свете по-иному выглядит история отечественного конституционализма XVIII в., которую обычно связывают с историей республиканизма. Развитие компаративного политического языка, позволявшего описывать Россию как конкретный случай *формы правления* (монархия) со своими сильными и слабыми сторонами, предполагало последующее обсуждение практик и техник управления, без расчета на чудеса и деяния монарха-героя. Но подобная секуляризация осуществлялась не *за счет вытеснения* упомянутого выше провиденциализма, а *параллельно* с ним.

Зачастую секулярные формы монархизма, расцветшие в эпоху «законной монархии» Екатерины II, рассматривают как исходный пункт отечественного конституционализма и либерализма, поднявшихся в противоборстве с провиденциалистской традицией. Однако реформаторы практически не использовали республиканский политический глоссарий для предложений по организации властного аппарата. При этом секулярный монархизм охотно черпал аргументацию из риторического арсенала провиденциалистского монархизма, не столько вступая с ним в конфликт, сколько образуя концептуальную амальгаму.

Следует сделать вывод о доминировании в российской политической культуре XVIII в. моралистского монархизма (по выражению Э. Виртшафтер), опиравшегося на комбинацию провиденциального и секулярного глоссариев. Этот режим политического мышления являлся итогом адаптации европейских интеллектуальных инноваций на российской почве и обладал реформаторским динамизмом, позволяя решать вопросы преобразований властного аппарата монархии для достижения общего блага. Объединяющей характеристикой разных вариантов моралистского монархизма была концепция

¹⁵⁷⁰ Гуковский Г. А. Дворянская фронда. С. 165.

¹⁵⁷¹ Вопреки ряду традиционных оценок: см. Гуковский Г. А. Дворянская фронда. С. 164–170; Платонова Н. В., Мстиславская Е. П. Проблема власти в историко-философских и поэтических сочинениях А. П. Сумарокова и Ф. М. А. Вольтера // Диалог культур: Россия – Запад – Восток. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 15 мая 201 года. М.; Ярославль: Ремдер, 2012. С. 68.

добродетели, понимавшейся как объективное, универсальное благо, совпадающее с общим благом и доступное любому индивиду вне зависимости от его социального и экономического положения. Идеалом моралистского монархизма была «тишина», социальный мир, а конфликт был продуктом исключительной ситуации (война, мятеж, тирания, открытое нарушение легальных и моральных норм индивидами), ограниченной в пространстве и времени. Допуская свержение тирана в исключительной ситуации, моралистский монархизм все же защищал абсолютную власть монарха. Отказ государя от стремления к общему благу и его превращение в тирана могли в этой парадигме порождать ситуацию исключения и как следствие – конфликт, заканчивающийся падением тирана; но поскольку конфликт рассматривался как исключительная ситуация, властный аппарат был ориентирован на консультирование, а не на создание институционального баланса. Проблемой для реформаторов-монархистов было не ограничение власти государя, а гарантия ее соответствия задачам общего блага.

Именно поэтому ограничение власти государя, которое упоминалось в проектах административных реформ XVIII в., следует считать самоограничением всесильного императора ради общего блага. Альтернативой такому ограничению было присвоение власти монарха кликой влиятельных бюрократов, способных монополизировать доступ к государю, завалить его рутинными делами и систематически дезинформировать. Речь шла не о том, чтобы с помощью того или иного правового акта перераспределить власть императора в пользу других властных органов, а о том, чтобы убедить государя реализовать на практике ту или иную административную конфигурацию ради лучшего качества управления и общего блага. Полемическая логика заставляла авторов проектов обвинять своих конкурентов (то есть – авторов других проектов) в том, что их предложения являются вредными, поскольку ведут к умалению власти императора в пользу административного аппарата; именно такой была, например, дискуссия рубежа 50 – 60-х гг. XVIII в. по вопросу о реорганизации высшего эшелона государственного управления, в которой участвовали А. П. Бестужев-Рюмин, Д. В. Волков, Н. И. Панин, Я. П. Шаховской, Б. Х. Миних и ряд других сановников¹⁵⁷². Однако подобные стратегии борьбы были характерны для *всех* текстов комплекса, а не только для гипотетической «абсолютистской» партии,

¹⁵⁷² Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110–139.

сопротивлявшейся «ограничительным» реформам. В этом смысле риторические стратегии реформаторских проектов являлись абсолютистскими.

3. Провиденциальный монархизм служил мощным ограничителем для политической речи, осуществлявшейся в придворной коммуникативной сфере: в случае столкновения со сложной ситуацией, автор мог задействовать провиденциальную ретиорику. В силу этого некорректным является использование секуляризации как всеобъемлющей объяснительной модели, принятое в целом ряде работ по истории XVIII в. Развивающиеся секулярные манеры политической речи о монархии эффективно взаимодействовали с провиденциальным глоссарием. Объединяющим понятием выступала добродетель, понимаемая большинством церковных (от Феофана до Платона) и светских авторов (от Татищева и Тредиаковского до Сумарокова, Эмина и Новикова) как соответствие объективному моральному идеалу, постигаемому с помощью разума и явленному в божественном и естественном законе. Именно этот подход с вариациями предлагался во многочисленных оригинальных и переводных морально-этических наставлениях. Представление о существовании объективного морального идеала, культивировавшееся как в придворном, так и в публичном контексте, означало, что добродетельные поступки являются результатом персонального выбора, который в каждый конкретный момент может склоняться к добру либо злу, и повлечь за собой воздаяние либо наказание соответственно.

Конфликт в подобной системе взглядов представлялся чрезвычайной ситуацией, спровоцированной индивидуальным выбором в пользу зла и создающей исключительное положение; идеальным же состоянием представлялось такое, при котором – по выражению одной из статей журнала «Покоящийся трудолюбец» (1784) – «никто не будет страдать, кроме преступников, осуждаемых законом»¹⁵⁷³. Этот наш вывод подтверждает и дополняет идеи американской исследовательницы Э. Виртшафтер о распространенности в России XVIII в. взглядов на «моральную монархию»¹⁵⁷⁴. Такая особенность российского монархизма XVIII в., проанализированная в четвертой главе данной работы, кардинально противоречила республиканской политической традиции и делала процесс адаптации республиканских идей чрезвычайно сложным. Ведь в республиканской традиции добродетель представала субъективной, связанной с благом республики, а не о неизменном моральном идеале, к тому же возможной только при республиканском политическом

¹⁵⁷³ Искусство править государством. С. 118.

¹⁵⁷⁴ Wirtschaffter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. P. 175.

режиме и потому – социально-политически обусловленной. А в силу этого и конфликт, фундаментально переосмысленный в сочинениях Макиавелли, считался интегральной частью функционирования политической системы, поскольку постоянная конкуренция между равными гражданами республики и была механизмом обеспечения добродетели.

4. Политическая практика двора и государственного аппарата, непрерывно усложнявшаяся на протяжении XVIII столетия, испытывала объективистские представления о добродетели в «моральной монархии» на прочность. Прикладные этические руководства о поведении «в свете», трактаты об управлении государством (такие, как сочинения Юста Липсия или кардинала Ришелье) проводили определенную грань между добродетелью христианина и добродетелью министра. Уже во 2-й четверти XVIII в. эта проблема стала достаточно острой; к середине XVIII в. в российской публичной сфере интенсивно циркулировали тексты, обучавшие практической добродетели, означавшей компромисс между моральным объективизмом и насущными потребностями придворно-административной политики. С другой стороны, постановка российскими авторами вопроса об устойчивых механизмах и системах поддержания добродетели среди подданных, сформировавшая своеобразный воспитательный дискурс, требовала формулировать вопросы о добродетели в более детальном политическом ключе.

Эффектом проблематизации понятия добродетели оказалась постепенная адаптация на российской почве республиканских взглядов на социальные процессы, транслированных через сочинения жанра *Staatsroman*, в первую очередь – романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака», чрезвычайно популярного в России. Фенелон, рассматривая проблему добродетели, использовал республиканский концептуальный инструментарий, особенно ярко проявившийся в описании идеальных государств – Крита и Салента, откуда добродетельный монарх изгнал коррумпирующую роскошь. Обнаружение антагонизма между роскошью и добродетелью стало новацией для отечественной политической культуры 2-й половины XVIII в. Однако в полной мере развить фенелоновский, республиканский язык (который, в частности, оказал огромное влияние на крупнейшего республиканского автора XVIII в. Ж.-Ж. Руссо) российские авторы не могли. Ведь параллельно на отечественной почве шло усвоение позитивных взглядов на коммерцию, транслированных такими авторами, как Монтескье, Ж. Мелон или итальянские экономисты. Апология коммерческого общества в России соединялась с провиденциальным глоссарием, средствами которого монархи изображались в качестве демиургов, творящих новую

экономику коммерции и производства, созидających «государственное изобилие». Иными словами, коммерческий рост представлял главным признаком вестернизации России и одновременно – демонстрацией богоподобных качеств царствующих монархов. Подвергнуть эти достижения критике было делом и сложным, и опасным.

5. Частичная адаптация республиканской риторики дала импульс складыванию дворянской политической мысли, нацеленной на обоснование привилегированного положения дворянства в Российской империи. Универсальная концепция добродетели, господствовавшая в России с конца XVII в., связывала добродетель с исполнением «должности»; церковные ораторы соответствующим образом описывали и социальную структуру: воины, судьи, учителя (священники), торговцы, землепашцы. Исполнение своих должностей каждым «чином» включалось в понятие добродетели. Такой взгляд нашел широкое распространение и в светской литературе, в частности, в известном сочинении И. Фельбигера «О должностях человека и гражданина»¹⁵⁷⁵, служившем официальным учебником для юношества в России екатерининской поры. В противовес этому взгляду к середине XVIII в. в придворно-административных кругах сложилось представление об особой добродетели дворянства. Дворянские идеологи не оспаривали равенства людей от рождения, но настаивали на том, что добродетель зависит от социального контекста, от воспитания, представляя собой специфическое качество – стремление к общему благу, открывающее возможность повелевать другими слоями населения. Добродетель дворян, таким образом, предстала не просто умением совершать моральные поступки, но и искусством управлять другими людьми, уступающими в добродетели (для описания этих социальных групп – крестьян, купцов, подьячих – использовался пейоративный язык).

Политический глоссарий дворянской идеологии, ярко проявившийся в дебатах в екатерининской Уложенной комиссии, оказался близок к республиканскому языку, описывавшему добродетель свободных граждан. Однако на этой базе не получили развития антимонархические взгляды. Исключительное положение дворян описывалось как результат достижения дворянством своеобразной социальной «зрелости», дававшей «мандат» на управление другими социальными группами, прозябающими в невежестве. Инстанцией, определяющей это состояние «зрелости», был в дворянской идеологии монарх-демиург, способный адекватно оценить дворянскую добродетель и обеспечить необходимое

¹⁵⁷⁵ Фельбигер И. О должностях человека и гражданина. СПб.: [тип. Акад. наук], 1783.

воздаяние. Генезис дворянской идеологии был сложным и, конечно, опирался на усвоение республиканской концепции добродетели как социально обусловленного качества. Но вот использована эта концепция была своеобразно – для обоснования дворянских привилегий при сохранении суверенитета монарха.

В теории дворянские идеологи – от М. М. Щербатова до Д. И. Фонвизина – не отрицали равенства человеческих существ, но указывали на то, что другим социальным группам временно необходимо принуждение, пока они не разовьются до уровня дворян. Этот неопределенный момент, впрочем, постоянно отодвигался в будущее; дворянская идеология позволила замедлить натиск на крепостное право, которое – как показывают, в частности, исследования современного исследователя А. Н. Долгих – постоянно подвергалось в общественно-политической мысли испытанию на прочность. Республиканские элементы, использованные для обоснования дворянской «вольности», оказались не фундаментом для конституционалистского наступления на монархию, а еще одной опорой монархизма.

В свою очередь, более эгалитарный взгляд на общество, уравнивавший всех людей вне зависимости от статуса и просвещения как человеческих существ и даже позволявший считать простых и бедных людей более совершенными (здоровыми, счастливыми), чем богатые и знатные, представлял собой мощное орудие критики, но не обладал никакой специфической связью с республикой. Иными словами, руссоистская *pitié* (жалость) и вытекавшее из нее сочувствие к бунту были сильными политическими эмоциями, но не позволяли описать установление республики в убедительных категориях. Ведь республика, знакомая российским авторам из греко-римской истории, должна была быть результатом исторической эволюции, а не одномоментного социального взрыва; ее нужно было *унаследовать*, а не построить.

6. Именно поэтому адаптация на российской почве республиканизма развернулась с импортом римской образности в исторической литературе. Интенсивно заимствуя с Запада новые для себя дискурсивные практики, российские авторы XVIII в. начали осмыслять отечественную историю по римским лекалам. Интерпретация истории Новгорода в римском контексте позволила таким историкам, как Ф. А. Эмин, М. М. Щербатов и М. В. Ломоносов обнаружить в российском прошлом крупную республику. Одновременно поиск «славы и величия» древних славян, развернувшийся в исторической литературе XVIII столетия, привел к тому, что древнему Новгороду было приписано экстраординарное, «римское»

военное могущество задолго до момента воцарения Рюрика. Таким образом, к концу XVIII в. представление о существовании в российском прошлом могущественной Новгородской республики стало общим местом историко-политической мысли. «Изобретение» Новгородской республики в XVIII в. стало ключевым моментом в формировании российского республиканизма, создав мощную конкуренцию классическим доводам в пользу монархии, опиравшимся на религиозную легитимацию и территориальную протяженность.

Под влиянием римской образности и общего дискурса «славы и величия» к концу XVIII в. утвердился канон, описывавший древний Новгород как «республику мечей», при сохранении для анализа дальнейшей истории города концептуального инструментария торговой республики. Признание за республиканским Новгородом военной мощи подрывало один из ключевых аргументов в пользу монархии – утверждение о том, что только монархия способна эффективно контролировать и оборонять обширную территорию. Таким образом, оценка Новгорода как «республики мечей» стала важнейшим шагом для возникновения в начале XIX в. республиканской альтернативы незыблемому, казалось бы, монархизму российской политической культуры. В частности, обнаружение у России республиканского прошлого позволило решить проблему генезиса республики: новгородская былая вольность теперь могла быть *возрождена*, ее можно было *унаследовать*. В этом духе позднее будет развиваться политическая мысль декабристов.

На базе этого республиканского историзма были созданы важнейшие тексты соответствующей традиции – «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина. Оба эти сочинения хотя и различаются в жанрово-стилистическом отношении, но разделяют целый круг республиканских концептов: риторика расцвета / упадка, «героическое самоубийство», конвенция о «республике мечей». Эти тексты и стали моментом генезиса отечественного республиканизма. Однако ход этого генезиса не был ни быстрым, ни простым. Радищев эксплуатировал республиканские идеи, обращаясь к историческим темам (в частности, в оде «Вольность» и в «Песни исторической»), однако полифонизм «Путешествия», его «гельвецианская» мораль (говоря языком Ю. М. Лотмана), его близость к нравоучительным романам XVIII столетия были далеки от республиканизма.

Более последовательным в адаптации республиканских моделей оказался Я. Б. Княжнин. Его «Вадим Новгородский» в полной мере использует достижения

отечественной историко-политической мысли: это могучая военная республика римского типа. Главные персонажи, Рурик и Вадим, следуют образам Цезаря и Катона, хорошо известным из римской традиции. Рурик воплощает цicerоновскую, объективную мораль, являясь типом идеального государя для «моральной монархии». Но хорошего финала у трагедии нет; Вадим действует в другой системе ценностей. Этот новгородский Катон оказался не Катон-философом цicerоновской философии, а Катон из «Югуртинской войны» Саллюстия – энергичным и жестоким политиком, больше всего озабоченным благом республики и готовым противопоставить ударам Фортуны все средства, пусть даже и самые устрашающие. Чтобы остановить падение республики, Вадим беспощадно манипулирует своими сторонниками, друзьями и родственниками, жертвует ими и самим собой.

Таким образом, наиболее последовательно адаптация республиканизма осуществлялась не через заимствования новейших достижений европейской мысли (коммерческое процветание, идея прогресса цивилизации, глоссарий естественного права, либеральные концепции прав человека, конституционализм), но через импорт греко-римской образности и развитие историзма. Наиболее эффективным разговор о республике оказывался, будучи локализованным в историческом контексте, позволявшем применить риторические ходы, отточенные на описании кризиса и распада Римской республики. В силу этого республиканский политический язык оставался – по выражению К. Бейкера – больше критическим орудием, чем программой переустройства общества. Особенно сложной для российских элит оказалась адаптация республиканской, макиавеллистской этики, выводившей индивида из сферы объективной, неизменной морали (где неудачи по крайней мере компенсировались уверенностью в обязательном воздаянии для добродетельных людей) в неуютный мир политики с ее нестабильностью, изменчивостью и жестокостью. Кроме того, признать республику означало сделать шаг к исторической механике коррупции / упадка, хорошо известной по римской истории, не имея того средства победить упадок, каким в монархической идеологии выступал добродетельный государь (к этому средству прибегает, например, М. М. Щербатов, описывая упадок Российской империи в памфлете «О повреждении нравов в России»).

Республиканские элементы в российской политической культуре, несомненно, не сводятся исключительно к воздействию одного или нескольких влиятельных текстов, будь то тексты Дж. Локка или, скажем, Ж.-Ж. Руссо. В XVIII в. республиканский дискурс мог быть воспринят российской элитой из самых разных источников: из теоретических трудов,

из политической практики соседних Швеции или Польши, но равным образом и из политической практики Англии эпохи Славной революции или аристократической оппозиции абсолютизму Людовика XIV во Франции, представителем которой был хорошо известный в России Фенелон. Однако для артикуляции определенных идеологий необходимо публичное пространство дискуссий. В случае с изучением российской истории проблемой является тот факт, что в России – по крайней мере, до XX столетия – в целом отсутствовало широкое поле для подобных дискуссий на политические вопросы. Публичное пространство дискуссий в России возникло в конце 50-х гг. XVIII в., однако оставалось ограниченным вплоть до начала XX в. Причиной такой ограниченности были не только цензурно-законодательные ограничения или слабое развитие книгоиздания и книготорговли в России соответствующего исторического периода. Определяющим фактором здесь можно считать отсутствие поля для практических дискуссий – коллегиальных, избираемых органов, в которых могла бы протекать полемика, требующая обширных сочинений с тщательно выверенной политической аргументацией. Соответственно, и жанр политического трактата, памфлета, рассуждения был далеко не так распространен в России, как в Западной Европе.

Между тем, развитие альтернатив монархизму протекало вдали от придворной сферы коммуникации, в которой доминировали жанры панегирика, проповеди, доклада и записки. А поскольку политика вершилась преимущественно при дворе, республиканский язык формировался не в приложении к актуальным политическим проблемам. Пространством его формирования оказалась далекая, казалось бы, от злободневной политики историческая литература. Исследуя историю, стараясь выработать как можно более убедительные для читателей модели, активно заимствуя из западной традиции, отечественные авторы XVIII в. разрабатывали республиканские темы, вовсе не желая начать атаку на монархию. К концу XVIII в. оказалось, что в пространстве ранней российской истории уже существовала могущественная республика, Новгород; идеи, высказанные авторами, далекими от республиканизма, в конечном счете позволили сложиться на российской почве республиканскому культурному лексикону, в котором Новгородская республика заняла почетное место.

На основании этих изысканий сделан вывод о том, что пространством наиболее радикальных трансформаций политической культуры XVIII в. оказалась историческая литература, находившаяся на периферии политической культуры, не оказывавшая

непосредственного влияния на придворный политический дискурс и относившаяся к публичной сфере коммуникации. Игра с римской образностью привела к радикальным последствиям, которых вряд ли ожидали сами историки XVIII в.

Кв. Скиннер, говоря о генезисе концепций сопротивления нации монарху в Европе Нового времени, отмечает: «Артикуляция этих чисто секулярных и всецело популистских доктрин может... считаться заложившей основания для позднейшего вызова двум главным традициям абсолютистской политической философии <...> Одна из них – это патерналистская традиция, которая позднее будет ассоциироваться, в частности, с Филмером в Англии и Боссюэ во Франции. Вторая – это более рационалистская традиция, начинающаяся от Бодена и неотомистов и достигающая пика в естественно-правовых системах Гроция и Пуфендорфа. Джон Локк в “Двух трактатах о правлении”, можно сказать, предпринял определяющую атаку на обе эти традиции, модифицируя абсолютистскую теорию общественного договора Пуфендорфа и опровергая патернализм Филмера»¹⁵⁷⁶. Сходные процессы, несомненно, протекали и в российской политической мысли. Однако ни проблематика ограничения власти, ни даже оправдание права на сопротивление тирану вовсе не были сопряжены с выбором в пользу республики. Желательным для большинства авторов отечественного XVIII в. был добродетельный монарх, внимающий советникам, чтящий законы и поддерживающий в своем государстве добродетель, а не республиканские политики, всегда способные превратиться в новых Мария и Суллу, беспринципных и безжалостных интриганов, озабоченных только личной властью без всякой оглядки на добродетель и мораль.

Как мы видели, в общем российский республиканизм сформировался еще до того, как Французскую революцию успели осмыслить в России. Отдельные республиканские идеи различными путями оказывались адаптированы в российской политической культуре, которая, казалось бы, вовсе для этого не подходила. Республиканские идеи оказали влияние на выработку взглядов на коммерцию, сформировав фундамент для антивестернизационной перспективы в российской культуре. Эти идеи также участвовали в складывании оригинальной концепции дворянского превосходства, на протяжении столетия остававшейся интеллектуальным «щитом» системы крепостного права. Наконец, адаптация республиканских объяснительных моделей в исторической литературе позволила

¹⁵⁷⁶ Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 347–348.

отечественным авторам переосмыслить историю страны, обнаружить у России республиканское прошлое; этот концептуальный сдвиг повлиял не только на декабристов, но и – в определенном смысле – на всю последующую традицию отечественной интеллигенции, ориентированную на актуализацию потенциала, скрытого в народной толще, на возрождение некой истинной свободы народа.

Взаимодействуя с различными другими политическими глоссариями и манерами речи, российский республиканизм порождал сложные концептуальные конфигурации, которые не укладываются в упрощающие классификации бинарных оппозиций прогресса / реакции, деспотизма / конституционализма, борьбы власти и общества. Пути развития отечественной политической мысли вовсе не были простыми, а усвоение западных идей и понятий не сводилось к развертыванию Просвещения и постепенно следующей за ним эмансипации. В данной работе мы, кроме прочего, постарались показать, что адаптация республиканских идей на российской почве породила немало дилемм, требуя переоценки отношения к экономике, морали, истории и в конечном счете – к самому процессу вестернизации и модернизации страны.

С этими научными вопросами и связаны перспективы дальнейших исследований республиканской темы в политической культуре России Нового времени. В частности, это изучение проблем взаимодействия республиканских идей с крупными интеллектуальными парадигмами XIX столетия – либерализмом, консерватизмом, национализмом. Особенно интересную перспективу открывает анализ связей между республиканизмом и народнической идеологией и русским марксизмом, выявление сходств и аналогий в диахроническом аспекте на большой временной протяженности отечественной интеллектуальной истории XVIII – XX вв. Другое направление исследований, которое может быть рекомендовано в данной связи – проведение компаративных изысканий в сфере интеллектуальной истории Европы, России и стран других регионов, подвергавшихся европейскому влиянию (например, Латинской Америки или Азии) с целью установления особенностей функционирования европейского республиканского наследия в различных историко-культурных контекстах.

Источники

1. Панегирические сочинения и проповеди

1. Адамович Яков, свящ. Ода в честь приезда в Малороссию вел. кн. Павла Петровича и его жены Марии Федоровны. 1781, окт. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 22.
2. Адамович, Яков, свящ. «Слово в день воспоминания преславной Виктории, бывшей под Полтавою над шведами. 1770, июня 27. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 16.
3. Адамович, Яков, свящ. Кант генерал-фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому. 1775, апр. 10. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 17.
4. Адамович, Яков, свящ. Кант к бракосочетанию вел. кн. Павла Петровича с вел. кн. Марией Федоровной 1776, сен. 26. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 18.
5. Барков, И. С. Ода на всерадостный день рождения его величества благочестивейшего государя Петра Феодоровича, императора и самодержца всероссийского и проч. и проч. и проч. / И. С. Барков // Поэты XVIII века. – Л. : Советский писатель, 1972. – С. 171–175.
6. Благоутробие Марка Аврелия кесаря римского. Диалог с прологом и эпилогом. – Киев, 1745.
7. В день празднования св. Александра Невского и вместе с тем освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии / Гавриил (Бужинский) // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901. – С. 512–527.
8. Голеневский, Иван. Ода Екатерине II в день открытия Курского наместничества. 1779, дек. 27. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 21.
9. Дичковский Петр, свящ. Приветствие в стихах гр. П. А. Румянцеву. Автограф. 1779, дек. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 20.
10. Дичковский Петр, свящ. Стихотворение к открытию Курского наместничества. Автограф. 1779, дек. // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 19.
11. Драма о Езекии, царе Израильском // Перетц В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. – М. : Изд. Имп. Академии наук, 1903. – С. 389–454.
12. Его высокопревосходительству господину генерал-порутчику правящему должность владимирского и костромского генерала губернатора и Орденов Российских

Святого Александра Невского, Святого Равноапостольного Князя Владимира второй степени, Святого Великомученика и победоносца Георгия третьяго Класа и Святыя Анны квалеру, Ивану Александровичу Заборовскому. – Кострома, 1793. – 8 с.

13. Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным / Н. М. Карамзин. – М. : Унив. тип., 1802. – 187 с.

14. Карамзин, Н. М. На торжественное коронование его императорского величества Александра I // Н. М. Карамзин. – Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1966. – С. 265–270.

15. Костров, Е. И. Ода на всерадостный день коронации Ея Императорского Величества Екатерины II сочиненная 1778 года / Е. И. Костров // Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. – СПб. : Имп. типография, 1802. – Ч. I. – С. 5–14.

16. Костров, Е. И. Ода на день рождения Ея Императорского Величества Екатерины II апреля 2 дня 1779 года / Е. И. Костров // Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. – СПб. : Имп. типография, 1802. – Ч. I. – С. 24–32.

17. Ломоносов, М. В. Ода на день брачного сочетания их императорских высочеств государя великого князя Петра Феодоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 100–105.

18. Ломоносов, М. В. Ода на день восшествия на престол Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 121–127.

19. Ломоносов, М. В. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 115–121.

20. Ломоносов, М. В. Ода блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 61–69.

21. Ломоносов, М. В. Ода на день рождения Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссийския 1746 года / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. И. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 110–114.

22. Ломоносов, М. В. Ода на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 85–96.

23. Ломоносов, М. В. Ода на торжественный день восшествия на российский престол Ее Величества великой государыни императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 133–139.

24. Ломоносов, М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III, императора и самодержца Всероссийского, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства его императорского величества августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 75–81.

25. Люценко, Е. Ода на всерадостное прибытие его императорского величества Павла Первого в Москву 1797 года Марта дня / Е. Люценко. – М. : Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1797. – 7 с.

26. Микулин, Н. Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичной град Москву 1801 года / Н. Микулин. – М. : Унив. тип., 1801. – 6 с.

27. Микулин, Н. Ода его императорскому величеству Павлу Первому, императору и самодержцу Всероссийскому, на прибытие Его в столичный град Москву 1797 года / Н. Микулин. – М. : Унив. тип., 1797. – 7 с.

28. На праздник св. великомученицы Екатерины и в то же время день тезоименитства всепресветлейшей покровительницы, императрицы Российской Екатерины Алексеевны. В С.-Петербурге, 24 ноября 1718 года / Гавриил (Бужинский) // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901. – С. 261–277.

29. Обстоятельное описание Торжественных порядков Благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и Священнейшаго коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28

февраля, коронование 25 апреля 1742 года. – СПб. : Типография Академии наук, 1744. – 168 с.

30. Ода в честь приезда гр. П. А. Румянцева в Полтаву. Полуустав XVIII в. в переплете. 1765, июня 11 // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 14.

31. Ода его императорскому величеству Александру Первому самодержцу всероссийскому. На случай новоизданных всевысочайших милостивых манифестов / П. И. Берг. – Владимир : Тип. губернского правления, 1801. – 10 с.

32. Ода Екатерине II самодержице Всероссийской на открытие губернии в Москве Октября дня 1782 года / В. П. Петров. – СПб. : Военная коллегия, 1782. – 10 с.

33. Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшаго государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийскаго, которую с глубочайшим благоговением подносит всеподданнейший Максим Невзоров, член канцелярии Императорскаго Московскаго университета. Сентября 15 дня 1802 года / М. Невзоров. – М. : В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1802. – 11 с.

34. Ода приветственная всемилостивейшей государыне императрице самодержице Всероссийской Анне Иоанновне в день отправляющагося торжества то есть 19 генваря для радостного всем нам восшествия ее величества на всероссийский престол. Печатана в Санктпетербурге в Академии наук, генваря 18 дня, 1733 года [Электронный ресурс] // Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. – Тарту : Tartu Ülikooli, 1997. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/538434.html>.

35. Павловский Аким, студ. Киевской дух. Академии. Ода в честь генерал-фельдмаршала гр. П. А. Румянцева-Задунайского. Писарск. в переплете. 1774 // НИОР РГБ. Ф.255. Румянцевы. Картон 5. № 15.

36. Петров, В. Н. На сочинение нового Уложения / В. Н. Петров // Поэты XVIII века. – Л. : Советский писатель, 1972. – С. 395–402.

37. Петров, В. Н. Ода на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года / В. Н. Петров // Поэты XVIII века / – Л. : Советский писатель, 1972. – С. 326–332.

38. Платон (Левшин). Катехизис или первоначальное наставление в христианском законе. «Внутренний крест» / Платон (Левшин). – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 140 с.

39. Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорскаго Высочества / Платон (Левшин) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. – М. : П. П. Сойкин, 1913. – Кн. 2. – С. 210–216.

40. Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича / Платон (Левшин) // Платон (Левшин). «Из глубины возвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский Двор, 1996. С. 163–167.

41. Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорского Высочества, Благоверного Государя Цесаревича и Великого князя Павла Петровича / Платон (Левшин) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. – М. : П. П. Сойкин, 1913. – Кн. 1. – С. 106–111.

42. Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорского Величества (Екатерины II) / Платон (Левшин) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. – М. : П. П. Сойкин, 1913. – Кн. 3. – С. 380–385.

43. Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорского Величества Благочестивейшия Государыни, Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския / Платон (Левшин) // Платон (Левшин). «Из глубины возвах к тебе, Господи...» – М. : Паломник; Русский Двор, 1996. – С. 271–277.

44. Платон (Левшин). Слово в неделю 28-ю по сошествии Святого Духа / Платон (Левшин) // Платон (Левшин). «Из глубины возвах к тебе, Господи...» – М. : Паломник; Русский Двор, 1996. – С. 168–172.

45. Платон (Левшин). Слово на Новый, 1771 год / Платон (Левшин) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. – М. : П. П. Сойкин, 1913. – Кн. 3. – С. 315–321.

46. Платон (Левшин). Слово, говоренное при освящении знаков нового военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия / Платон (Левшин) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. – СПб. : П. П. Сойкин, 1913. – Кн. 2. – С. 290–295.

47. Платон (Левшин). Слово, сказанное при первом посещении града Калуги в 1775 года, декабря дня / Платон (Левшин) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. – М. : П. П. Сойкин, 1913. – Кн. 3. – С. 432–436.

48. Платон (Левшин). Увещательное послание ко градам Тверской паствы, по посвящении во Архиепископа на Тверскую епархию, октября 10 дня 1770 года / Платон (Левшин) // Полное собрание сочинений Платона митрополита Московского. – М. : П. П. Сойкин, 1913. – Кн. 2. – С. 313–314.

49. Поздравительная песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому, во всерадостный день священного миропомазания и коронования, всеподданнейше поднесенная Кандидатом Медицины Николаем Щеголевым 1801 года / Н. Щеголев – М. : Губ. типография, 1801. – 7 с.

50. Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-ой раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии Его императорской фамилии, Синода и Сената и многочисленного народа / Гавриил (Бужинский) // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901. – С. 497–511.

51. Преосвященного Стефана Митрополита Рязанскаго Колесница четырехколесная, многоочитая, Иезекиилем Пророком виденная, на триумфальное вшествие уготованная Российскому Августу и повелителю, Благочестивейшему Государю нашему Царю Петру Алексиевичу всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу, по толиких преславных над Шведами победах в свой престольный царствующий град Москву входящему, проповедническим художеством на новозачатый год 1704 / Стефан (Яворский) // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворскаго, преосвященнаго митрополита Рязанскаго и Муромскаго, бывшаго местоблюстителя престола Патриаршаго, высоким учением знаменитаго, и ревностию по благочестии преславнаго. – М. : Синодальная типография, 1804. – Ч. 2. – С. 185–224.

52. Пришествие в Новград Его Императорского Величества Государя Императора Петра Второго 1728, генваря 1 дня // Древняя Российская вивлиофика. – М. : Тип. Компании типографической, 1789. – Ч. IX. – С. 484–494.

53. Продолжение поучительных слов, говоренных при высочайшем дворе Ея Императорского Величества благочестивейших государыни императрицы Екатерины II, и в других местах, Синодальным членом преосвященным Иринею епископом Тверским и Кашинским / Ириней (Клементьевский). – СПб. : Тип. Святейшего Синода, 1794. – 101 с.

54. Речь говоренная Ея Императорскому Величеству от имени Сената и народа действительным Тайным Советником, Генерал-Прокурором и Кавалером Александром Николаевичем Самойловым, в день мирнаго торжества Сентября 2го 1793 года / А. Н. Самойлов. – СПб. : Сенатская тип., 1793. – 4 с.

55. Речь на вожделеннейшее прибытие благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича из Москвы в Санктпетербург, говоренная его императорскому величеству в Придворном Соборе, Протопресвитером онаго Сергием Ливотовым Октября 20го дня 1801го года / С. Ливотов. – СПб. : Тип. Шнора, 1801. – 4 с.

56. Речь, которая публично в церкви его царскому пресветлому величеству, от Синода и Сената говорена. – СПб.: Санкт-Петерб. тип., 1721. – 2 с.

57. Ржевский, А. А. Ода блаженные и вечно достойныя памяти истинному Отцу Отечества, императору первому, государю Петру Великому / А. А. Ржевский // Поэты XVIII века. – Л. : Советский писатель, 1972. – С. 244–249.

58. Родосский, А. С. К неизданным памятникам русского церковного проповедничества в XVIII столетии. «Предики, сказанныя Силвестром Архиепископом Санкт-Петербургским и Шлютелбургским и архимандритом Трицкаго Александроневскаго Монастыря 1750 года» / А. С. Родосский // Христианское чтение. – 1898. – № 12. – С. 913–927.

59. Русская силлабическая поэзия XVII – XVIII в.в. – Л. : Советский писатель, 1970. – 422 с.

60. Руссов, С. В. Ода государю императору Павлу Петровичу на высокаторжественнейший день всевысочайшего его императорского величества на Всероссийский престол восшествия, 1797 года Ноября 6 числа, всеподданнейшей поднесенная Степаном Руссовым / Степан Руссов // Осмнадцатый век. – М. : Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. – Кн.4. – С. 478–488.

61. Сеятель благочестия к пользе живота нынешняго и грядущаго, или Высокая христианская нравственность, соединенная с душеспасительными. Трудов П. Д. И. / И. М. Кандорский. – М.: В Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1798. – 253 с.

62. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Симеон Полоцкий. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 282 с.

63. Слово в великий пяток, на страсти господа нашего Иисуса Христа при высочайшем присудствии Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни наша Елисаветы Первыя Императрицы Всея России в придворной церкви Ея Императорскаго Величества проповеданное префектом иеромонахом Порфирием Крайским, в Москве, 1742 года, априллия 16 дня / Порфирий (Крайский). – М. : Моск. тип., 1742. – 12 л.

64. Слово в высокаторжественный день вступления на Всероссийский престол Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия Великия Государыни Императрицы Елисавети Петровны Самодержицы Всероссийския в Высочайшее Ея Императорскаго Величества Присутствие, и Наследника Ея, Внука Петра Перваго, Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и Супруги Его, Благоверныя Государыни Великия Княгини Екатерины Алексеевны, в Придворной Церкви, что в Москве. Проповеданное Преосвященным Порфирием Епископом Суждальским и Юрьевским, 1749 года, Ноября 25 дня / Порфирий (Крайский). – М. : Моск. тип., 1750. – 11 л.

65. Слово в день высочайшаго рождения благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Нашея Императрицы Елисавети Петровны всея России, проповеданное Святейшаго Правительствующаго Синода Членом Преосвященным Симоном Епископом Псковским и Нарвским в Санктпетербургской Придворной Церкви, 1747 года, декабря 18 дня / Симон (Тодорский). – М. : Московская типография, 1750. – 12 л.

66. Слово в день годищного поминовения во блаженной памяти преставльшагося благочестивейшаго государя Петра Великаго, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго, при гробе его Величества в соборном первоверховных апостолов Петра и Павла храме. Святейшаго правительствующаго Синода советником, школ и типографий протектора, Троицы Сергиева монастыря архимандритом Гавриилом проповеданное лета 1726, генваря в 28 день / Гавриил (Бужинский) // Проповеди Гавриила Бужинского (1717 – 1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901. – С. 578–596.

67. Слово в день Торжественнаго Возшествия на родителский Императорский Престол Благочестивейшая Великия Государыни Императрицы Елисавети Петровны <...> в Придворной Церкви проповеданное Святейшаго Правительствующаго Синода Членом Преосвященным Стефаном Епископом Псковским и Нарвским, 1743 года Ноября 25 дня . Стефан (Калиновский). – М., 1744. – 8 л.

68. Слово в день торжественнаго Всещедрому Господу Богу принесеннаго третьяго благодарения, о состоявшемся вечном между Империею Российскою, и Короною шведскою мире, при высочайшем присутствии Всепресветлейшия Великия Государыни Императрицы Елисавети Петровны Самодержицы Всероссийския, и его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и Обрученныя Невесты его, Ея Императорскаго Высочества Благоверныя Государыни Великия Княжны Екатерины

Алексеевны, проповеданное в Москве в Соборной Успенской Церкви Синодалным Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Новгородским 1744 года, иулия 15 дня / Амвросий (Юшкевич). – М. : Московская типография, 1744. – 19 л.

69. Слово в день чудесного на Родительский Всероссийский Престол Ея Императорского Величества возшествия Елисаветы Первой <...>. В присутствии Ея ж Императорского Величества проповеданное Синодалным Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Новгородским / Амвросий (Юшкевич). – М.: Моск. тип., 1744.

70. Слово в торжественный день возвышения на Всероссийский Престол Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийския, проповеданное синодалным членом Гавриилом еп. Тферским в придворной Петергофской церкви 1770 года в Санктпетербурге. – СПб. : [Тип. Морского кадетского корпуса], 1770. – 15 с.

71. Слово в торжественный день рождения Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны при высочайшем присутствии его императорского высочества государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, сказыванное в придворной церкви Вяжицким архимандритом Антонием 1771 года. – СПб. : Императорская Академия наук, 1771. – 12 с.

72. Слово на высокаторжественный день коронования всепресветлейшая великая государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския проповеданное синодальным членом Гавриилом архиепископом, Санктпетербургским и Ревельским, и архимандритом Святотроицкого Александроневского монастыря в придворной церкви 1773 года. – СПб. : Имп. Академия наук, 1773. – 16 с.

73. Слово на высокаторжественный день рождения Ея Императорского Величества всепресветлейшая и самодержавнейшая <...> Елисаветы Петровны проповеданное в придворной Ея Императорского Величества церкви чрез диакона соборная церкви святых Апостол Петра и Павла Алексея Флорова в царствующем граде Санктпетербурге 1742 года декабря 18 дня. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1743. – 15 с.

74. Слово на открытие наместничества в Риге проповеданное Святейшаго Синода членом Иннокентием архиепископом Псковским и Рижским октября 29 дня, 1783 года. – СПб. : Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса. – 11 с.

75. Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, Отца Отечества, проповеданное в царствующем

Санктпетербурге, в церкви святых первоверховных Петра и Павла, Святейшего Правительствующего Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дне // Феофан Прокопович. Сочинения. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 126–128.

76. Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви живоначальныя Троицы, Святейшего Правительствующего Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским // Феофан Прокопович. Сочинения. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 129–136.

77. Слово на празднество всерадостнейшаго коронования государя императора Александра Павловича, бывшее в Черноморском Штурманском Училище в Николаеве Октября дня 180 года. Говоренное онаго Училища Профессором П. Суворовым. – Николаев : Тип. Черноморского Штурманского училища, 1802. – 23 с.

78. Слово на торжественное воспоминание высочайшего рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашае имератрицы Екатерины Алексеевны всея России, проповеданное в высочайшем присудствии Ея Императорскаго Величества святейшего правительствующаго Синода членом преосвященным Иннокентием епископом Псковским и Рижским, во второй день святыя пасхи 1766 года. – М. : Синод. тип., 1766. – 8 л.

79. Слово похвальное в день святыя великомученицы Екатерины // Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новаграда и великих Лук, Святейшего Правительствующего Синода вице-президента, а потом первенствующего члена слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. – СПб. : при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. – Ч. 1. – С. 213–229.

80. Слово торжественное о всерадостнейшем и вожделеннейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшаго Императорскаго Величества, Благочестивейшия Государыни Императрицы Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, славу премилосердому господави за толикую его на Россию изобильную милость, воздающее, в большом Успенском соборе Московскаго Даниловскаго монастыря игуменом Константином. 1762 года, июля 10 дня в день воспоминания Турецкой акции. – М. : При университете, 1762. – 10 с.

81. Сумароков, А. П. Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года / А. П. Сумароков // Сумароков А. П. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1957. – С. 74–77.

82. Сумароков, А. П. Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. – С. 54–58.

83. Сумароков, А. П. Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Анне Иоанновне... Ода / А. П. Сумароков // А. П. Сумароков. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1957. – С. 47–51.

84. Сумароков, А. П. Ода VIII Государыне Императрице Екатерине Второй, на день Ея возшествия на престол, Июня 28 дня, 1762 года / А. П. Сумароков // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. – М. : Унив. тип., 1787. – Ч. II. – С. 37–44.

85. Сумароков, А. П. Ода XX. Государыне Императрице Екатерине Второй, на день Возшествия Ея на престол 1768 года июня 28 дня / А. П. Сумароков // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. – М. : Унив. тип., 1787. – Ч. II. – С. 87–91.

86. Сумароков, А. П. Слово на день коронования Ея Величества Императрицы Екатерины II / А. П. Сумароков // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного <...> Александра Петровича Сумарокова. – М. : Унив. тип., 1787. – Т. II. – С. 229–238.

87. Тихон. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы / Тихон // Святитель Тихон Задонский. Собрание сочинений. – М. : Директ-Медиа, 2015. – Т. 1. – С. 481–496.

88. Тихон. Слово на освящение храма во имя святых апостолов Петра и Павла, что на Акатове, в Воронеже / Тихон // Святитель Тихон Задонский. Собрание сочинений. – М. : Директ-Медиа, 2015. – Т. 1. – С. 469–480.

89. Торжественные песни благочестивейшему и всемилостивейшему великому государю, императору Александру Первому, самодержцу Всероссийскому, во всерадостнейший день Высочайшей Коронации Его Императорского Величества воспетия и со всеподданнейшим благоговением приносимыя от Нижегородской Семинарии, 1801 года Сентября 15 дня. – М. : Унив. тип., 1801. – 57 с.

90. Тредиаковский, В. К. Песнь сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации Ее Величества государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы

всероссийския, бывшему тамо августа 10-го (по новому стилю) 1730 / В. К. Тредиаковский // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. – М.; Л. : Советский писатель, 1963. – С. 55–56.

91. Тредиаковский, В. К. Стихи всемилостивейшей государыне императрице самодержице Всероссийской Анне Иоанновне по слову похвальном / В. К. Тредиаковский // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. – М.; Л. : Советский писатель, 1963. – С. 125–126.

II. Реформаторские проекты

92. Мнение графа Воронцова о правах Сената // Архив Государственного совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1801 гг.) Ч. 1. – СПб.: Тип. второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1878. – С. 39–46.

93. Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благоизобретения / А. П. Бестужев-Рюмин // Архив князя Воронцова. – М. : Тип. Грачева и Ко, 1871. Кн. 3: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. – С. 356–361.

94. Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. – 1867. – № 1. – С. 41–56.

95. Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб. : Тип. имп. Академии наук, 1871. – Т. 7. – С. 200–221.

96. Взгляд на нынешнее управление делами и на министерства // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии. – Вып. 13. – СПб. : Гос. тип., 1906. – С. 206–216.

97. Государственная уставная грамота Российской империи. – Варшава, 1831. – 157 с.

98. Екатерина II. Собственноручная заметка Екатерины II о попытке Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия // Русская старина, 1875. – Т. 12. – № 12. – С. 388.

99. Записка графа В. П. Кочубея об учреждении Министерств // СИРИО. – Т. 90. – СПб.: Гос. тип., 1894. – С. 199–211.

100. Записка канцлера князя Безбородки о потребностях империи Российской // Русский архив. – 1877. – Кн. 1. – Вып. 3. – С. 297–300.

101. Записка министра юстиции Трощинского о таких предметах, кои не могут быть вносимы в Комитет министров, а требуют личного доклада Государю Императору // ЧОИДР. – М. : Унив. тип., 1859. – Кн. 4. Октябрь – декабрь. – С. 647–652.
102. Записка неизвестного (графа Д. А. Гурьева) об устройстве верховных правительств в России: Части первая – третья // СИРИО. – СПб.: Гос. тип., 1894. – Т. 90. – С. 39–106.
103. Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К, 1874. – 434 с.
104. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. – М. : Наука, 1991. – 125 с.
105. Куломзин, А. Н. Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению Высочайшей грамоты Российскому Дворянству / А. Н. Куломзин // Материалы для истории русского дворянства. – СПб. : Типо-лит. А. Е. Ландау, 1885. – Вып. 2. – С. 13–71.
106. Права Сената // Архив графов Мордвиновых. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. – Т.3. – С. 221–225.
107. Мнение о правах и преимуществах Сената графа Петра Васильевича Завадовского // ЧОИДР. – 1864. – Кн.1. – С. 550–557.
108. Мнение преосвященных Иннокентия и Гавриила и иеромонаха Платона о Наказе императрицы Екатерины II // Начертание жития Московского митрополита Платона. – М. : В тип. А. Семена, 1835. – С. 89–94.
109. Мнение сенатора Державина о правах, преимуществах и существенной должности Сената // ЧОИДР, 1858. – М. : Унив. тип., 1858. – Кн. 3. Январь – март. – С. 535–540.
110. Мнение члена Комиссии о коммерции князя Щербатова по тому же предмету // Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. Приложения. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. – С. 27–45.
111. Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, Василья Баскакова и Александра Сумарокова, с собственноручными замечаниями государыни // СИРИО. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1872. – Т. X. – С. 75–87.
112. Найдённое в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о неперемённых государственных законах // Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. – Екатеринбург: БКИ, 2015. – С. 248–260.

113. Рассказ Петра о начале кораблестроения в России. Предисловие к Морскому регламенту // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Потешные и Азовские походы. – СПб.: Тип. второго отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1858. – Т. 2. – С. 397–401.
114. Примечание о правах и преимуществах Сената графа А. Р. Воронцова // ЧОИДР, 1864. – Кн. 1. – С. 558–561.
115. Примечания тайного действительного советника графа Миниха на некоторые пункты, находящиеся в разсуждении господина генерала прокурора о поправлении баланса российской торговли (перевод с французского) // Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. Приложения. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. – С. 19–26.
116. Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорского Совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // Бугров К. Д. Монархия и реформы. – Екатеринбург : БКИ, 2015. – С. 226–247.
117. Проект организации министерств // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. – Т. 2. – С. 277–297.
118. Проект о учреждении порядков следующих к правосудию // РГАДА. – Ф.1274. Панины – Блудовы. – Оп. 1. – Ед.хр. 977.
119. Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России // СИРИО. – СПб.: Гос. тип., 1894. – Т. 90. – С. 27–38.
120. Реформа Сената // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. – Т. 2. – С. 301–313.
121. Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора // СИРИО. – СПб. : Тип. имп. Академии наук, 1871. – Т.7. – С. 345–348.
122. Сперанский, М. М. Проекты и записки / М. М. Сперанский. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – 245 с.
123. Таблица властей империи // Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. – СПб. : Тип. Ф. Сушинского, 1869. – Приложения. – Т. 1. С. 98–99.

124. Татищев, В. Н. О беглых и пожилых / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 380–384.
125. Шувалов, П. И., Шувалов, И. И. Избранные труды / П. И. Шувалов, И. И. Шувалов. – М. : РОССПЭН, 2010. – 342 с.
126. Шумигорский, Е. С. Приложение / Е. С. Шумигорский // Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. – СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1907. – С. 1–35.
127. Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie / B. Munnich. – Copenhague, 1774. – 190 p.
128. Essai sur un regiment organique de toutes les branches du gouvernement de Russie // Граф Павел Александрович Строганов 1774–1817. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1903. – С. 253–261.

III. Художественно-публицистические сочинения

129. А. М-ский. Рюрик // Вестник Европы. – 1805. – № 2. – С. 99–111.
130. Антидот // Осмнадцатый век. – М. : Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. – Кн. 4. – С. 225–463.
131. Болотов, А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. – СПб. : Печатня В. Головина, 1871. – Т. II. – 1120 с.
132. Булгарин, Ф. В. Мазепа: повести. – М. : Кронос, 1994. – 414 с.
133. Всякая всячина. – [СПб.]: [Тип. Акад. наук], 1769–1770. – 502 с.
134. Г. Туманского речь о некоторых причинах препятствующих усовершенствованию хозяйства / Ф. Туманский // Продолжение трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. XIX. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1794. – С. 303–334.
135. Державин, Г. Р. Новгородский волхв Злогор / Г. Р. Державин // Державин Г. Р. Сочинения. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1866. – Т. III. – С. 181–186.
136. Десницкий, С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции / С. Е. Десницкий // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. – Т. I. – С. 187–235.
137. Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Генварь 1755 г. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1755. – 576 с.

138. Записки императрицы Екатерины II. – СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1907. – 743 с.
139. Захарьин, П. М. Путь к благонравию, или Сокращенное наставление обучающемуся юношеству, содержащее в себе полезные и нравоучительные правила для всякого звания и состояния людей / П. М. Захарьин. – Николаев : Черноморская Адмиралтейская типография, 1798. – 117 с.
140. И то и сию. СПб.: [Тип. Морск. кадет. корпуса], 1769.
141. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. – Т. 2. – 568 с.
142. Изображение манифактур-коллегии // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия: или смешенная библиотека о разных физических, экономических, таже до манифактур и до коммерции принадлежащих вещах. – М. : Унив. тип., 1762. – С. 128–151.
143. Императрица Екатерина II: собственноручныя ея заметки // Русская старина. – № 12. – 1875. – С. 444–453.
144. Искусство править государством, или наставление престарелого персидского монарха сыну его // Покоящийся трудолюбец. – М.: Унив. тип., 1784. – Ч. I. – С. 117–123.
145. Истина религии вообще. – М. : Вольная типография И. Лопухина, 1785. – Ч. 1. – 212 с.
146. Ифика Иерополитика или Философия нравоучительная символами и приспособлении изъяснена к наставлению и пользе юным. – Киев : Тип. Киево-Печерской лавры, 1712. – 186 с.
147. Кантемир, А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений / А. Д. Кантемир // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. – Л. : Советский писатель, 1956. – С. 68–88.
148. Карамзин, Н. М. Марфа Посадница, или покорение Новгорода / Н. М. Карамзин // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. – М.; Л. : Художественная литература, 1964. – Т. I. – С. 680–723.
149. Карамзин, Н. М. Письмо сельского жителя / Н. М. Карамзин // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. – М.; Л. : Художественная литература, 1964. – С. 288–296.

150. Козельский, Я. П. Философические предложения / Я. П. Козельский // Общественная мысль России XVIII века. *Philosophia Rationalis*. – М. : РОССПЭН, 2010. – Т. 1. – С. 143–267.
151. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. Сочиненная Феофаном Прокоповичем, архиепископом Новгородским и Св. Синода первенствовавшим членом / Феофан (Прокопович). – СПб. : тип. И. Глазунова, 1831. – 120 с.
152. Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М. : Наука, 1965. – 735 с.
153. Лунин, М. С. Розыск исторический / М. С. Лунин // Лунин М. С. Письма из Сибири. – М. : Наука, 1988. – С. 67–107.
154. Муравьев, М. Н. Опыты истории, письмен и нравоучения / М. Н. Муравьев. – СПб. : В Имп. типогр., 1796. – 152 с.
155. Муравьев, М. Н. Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних Готфских Скальдов / М. Н. Муравьев // Вестник Европы. – 1810. – № 6. – С. 81–102.
156. Муравьев, Н. М. Любопытный разговор / Н. М. Муравьев // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. – Т. I. – С. 330–332.
157. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1907. – 175 с.
158. Ни то ни сию в прозе и стихах, ежесубботное издание 1769 года. Объявление цены. Всяк, кто пожалует без денежки алтын, тому ни То ни Сию дадут листок один. – СПб. : [Тип. Акад. наук], 1769.
159. Новиков, Н. И. О добродетели / Н. И. Новиков // Новиков Н. И. Избранные произведения. – М.; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1951. – С. 396–399.
160. Новиков, Н. И. О торговле вообще / Н. И. Новиков // Н. И. Новиков. Избранные произведения. – М.; Л. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1951. – С. 507–561.
161. О добродетели // Утренний свет. – М. : Унив. тип., 1780. – Часть IX. С мая по сентябрь месяц. – С. 139–146.
162. Олешев, А. В. Обращение к человеку / А. В. Олешев // Слово о Вологодском крае: За тремя волоками. – Вологда : Истоки: Полиграфист, 2003.
163. Переписка князя М. М. Щербатова. – М. : Древлехранилище, 2011. – 527 с.

164. Письмо о равенстве состояний человеческих // Лекарство от скуки и забот. Еженедельное издание. Часть первая от июля 1786 по Январь 1787 года, содержит двадцать пять номеров. – СПб. : Тип. Шнора, 1786. – Ч. 1. – С. 249–261.
165. Политическое разсуждение о коммерции // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия: или смешенная библиотека о разных физических, экономических, також до манифактур и до коммерции принадлежащих вещах. – М.: Унив. тип., 1762. – С. 233–278.
166. Попугаев, В. В. О благоденствии народных обществ / В. В. Попугаев // Русские просветители (от Радищева до декабристов). – М. : Мысль, 1960. – Т. 1. – С. 327–358.
167. Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / И. Т. Посошков. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 410 с.
168. Поэзия декабристов. – Л. : Советский писатель, 1950. – 848 с.
169. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. – М. : Московская типография, 1722. – 50 с.
170. Радищев, А. Н. Вольность. Ода / А. Н. Радищев // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – Т. I. – С. 1 – 17.
171. Радищев, А. Н. Житие Федора Васильевича Ушакова / А. Н. Радищев // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1938. – Т. 1. – С. 153–212.
172. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А. Н. Радищев // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – Т. 1. – С. 225–392.
173. Радищев, А. Н. Песнь историческая / А. Н. Радищев // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – Т. 1. – С. 74–122.
174. Разсуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов; или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете / Я. Шнайдер. – М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. – No 1. – 97 с.
175. Рылеев, К. Ф. Сочинения / К. Ф. Рылеев. – Л. : Художественная литература, 1987. – 416 с.

176. Рычков, П. И. Переписка между двумя приятелями о коммерции / П. И. Рычков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб. : Академия наук, 1755. – С. 105–122.
177. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества Владимиром Золотницким / В. Т. Золотницкий. – СПб., 1764. – 168 с.
178. Сочинения Ивана Посошкова / И. Посошков. – В 2 т. – М. : Тип. Н. Степанова, 1842. – Т. 1. – 318 с.
179. Сумароков, А. П. К добру или к худу человек рождается? / А. П. Сумароков // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. – М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. – Т. X. – С. 130–133.
180. Сумароков, А. П. Некоторые статьи о добродетели / А. П. Сумароков // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. – М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. – Т. VI. – С. 225–262.
181. Сумароков, А. П. О домостроительстве / А. П. Сумароков // Полное собрание сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. – М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. – Т. X. – С. 158–162.
182. Сумароков, А. П. О благородстве / А. П. Сумароков // Сумароков А. П. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 189–191.
183. Татищев, В. Н. Представление о купечестве и ремеслах / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 392–401.
184. Татищев, В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 146–152.
185. Татищев, В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 51–132.
186. Татищев, В. Н. Духовная / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 133–145.
187. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность. – М. : Российский Имперский Союз-Орден, 1992. – 674 с.

188. Тредиаковский, В. К. Слово о мудрости, благоразумии, и добродетели // Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василия Тредиаковского / В. Тредиаковский. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1752. – Т. II. – С. 236–315.
189. Третьяков, И. Д. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное... июня 30 дня 1772 года / И. Д. Третьяков // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры. – Т. I. – С. 353–362.
190. Трудолюбивая пчела. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1780. – 760 с.
191. Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол блаженные и вечнодостойные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийские / Феофан (Прокопович). – СПб.: Тип. Н. И. Греча, 1837. – 52 с.
192. Феофан Прокопович. Разсуждение о безбожии, сочиненное архиепископом Великаго Новагорода и Великих Лук, Феофаном Прокоповичем / Феофан (Прокопович). – М. : Унив. тип., 1774. – 38 с.
193. Феофан Прокопович. Розыск исторический, коих ради вин, и в яковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и христианстии, понтифexами или архиереями многобожнаго закона; а в законе христианстем, христианстии государи, могут ли нарещися епископи и архиереи, и в каком разуме / Феофан (Прокопович). – СПб. : Санктпетербургская тип., 1721. – 41 с.
194. Фонвизин, Д. И. Опыт Российского сословника / Д. И. Фонвизин // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах. – М.; Л. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – Т. 1. – С. 223–236.
195. Херасков, М. М. Нума Помпилий, или Процветающий Рим / М. М. Херасков. // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. – М. : Унив. тип., 1803. – Т. XII. – 165 с.
196. Херасков, М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии / М. М. Херасков. – М. : Унив. тип., 1794. – Ч. II. – 328 с.
197. Херасков, М. М. Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть / М. М. Херасков. – М. : Унив. типография, 1800. – 246 с.
198. Щербатов, М. М. Замечания на «Большой Наказ» Екатерины / М. М. Щербатов // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. – М.: Соцэкгиз, 1935. – С. 16–63.

199. Щербатов, М. М. О повреждении нравов в России / М. М. Щербатов // Щербатов М. М. Избранные труды. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 415–477.
200. Щербатов, М. М. Рассуждения о законодательстве вообще / М. М. Щербатов // Щербатов М. М. Сочинения: в 2 т. – СПб. : Изд. кн. Б.С. Щербатова, 1896. – Т. 1.
201. Щербатов, М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина / М. М. Щербатов // Щербатов, М. М. Избранные труды. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 179–346.
202. Щербатов, М. М. Разные рассуждения о правлении / М. М. Щербатов // Щербатов М. М. Избранные сочинения. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 29–38.
203. Эмин, Ф. Письма Эрнеста и Доравры. Сочинение Федора Эмина / Ф. Эмин. – СПб., 1766. – Ч. IV. – 202 с.
204. Эмин, Ф. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры; постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей. Сочинение Федора Эмина / Ф. Эмин. – М. : Унив. тип., 1781. – 312 с.

IV. Исторические сочинения

205. Богданович, И. Ф. Историческое изображение России / И. Ф. Богданович. – СПб. : При Имп. Академии Наук, 1777. – 118 с.
206. Болтин, И. Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка / И. Н. Болтин. – СПб. : Тип. Горного училища, 1788. – Т. 1–2. – 615, 558 с.
207. Болтин, И. Н. Ответ генерал майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории / И. Н. Болтин. – СПб. : Имп. типография, 1793. – 181 с.
208. Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при императорском Московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева / Х. Чеботарев. – М. : Унив. тип., 1776. – 540 с.
209. Екатерина II. Записки касательно российской истории / Екатерина II // Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II. – СПб. : Тип. Имп. Академии Наук, 1901. – Т. 8. – 464 с.

210. Елагин, И. П. Опыт повествования о России / И. П. Елагин. – М. : Унив. тип., 1803. – Кн. 1. – 123 с.
211. Ильинский, Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания / Н. С. Ильинский. – СПб. : Тип. Б. Л. Гека, 1790. – Ч. 1. – 67 с.
212. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода / Е. А. Болховитинов. – М. : Губернская типография у А. Решетникова, 1808. – 106 с.
213. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым / М. Чулков. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1781. – Т. I. – Кн. I. – 564 с.
214. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1818. – Том I. – 254 с.
215. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. – Том VI. – 367 с.
216. Книга степенная царского родословия. – М. : Императорский университет, 1775. – Ч. 1–2.
217. Крестинин, В. В. Начертание истории города Холмогор / В. В. Крестинин. – СПб. : Имп. Академия наук, 1790. – 44 с.
218. Ломоносов, М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 г., сочиненная Михайлом Ломоносовым / М. В. Ломоносов. – СПб. : Имп. Академия наук, 1766. – 140 с.
219. Мальгин, Т. С. Зерцало российских государей / Т. С. Мальгин. – СПб. : Имп. Академия наук, 1794. – 632 с.
220. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). – М. : Европа, 2006. – 239 с.
221. Миллер, Г. Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа / Г. Ф. Миллер // Миллер Г. Ф. Избранные труды. – М. : Янус-К, 2007. – С. 100–157.
222. Миллер, Г. Ф. О происхождении имени, и народа российского / Г. Ф. Миллер // Фомин В. В. Ломоносов. – М. : Русская панорама, 2006. – С. 366–398.

223. Нехачин, И. В. Новое ядро российской истории / И. В. Нехачин. – М. : Тип. А. Решетникова, 1795. – В 2 ч.
224. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. – СПб. : Тип. И. К. Шнора, 1798. – Т. 1. – 233 с.
225. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. – Т. 9. – 256 с.
226. Полное собрание русских летописей. – Т. 12. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. – 266 с.
227. Полное собрание русских летописей. – М.; Л. : Изд-во Академии Наук, 1949. – Т. 25. – 463 с.
228. Соймонов, Ф. И. История Петра Великого / Ф. И. Соймонов. – СПб. : Изд-во «XVIII век», 2012. – 453 с.
229. Софонович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Ф. Софонович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/sofon/sof10.htm>.
230. Стриттер, И. Г. История российского государства / И. Г. Стриттер. – СПб. : Тип. Федора Брункова, 1800. – Ч. 1. – 527 с.
231. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. – М. : Унив. тип., 1786. – 270 с.
232. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым / В. Н. Татищев. – М. : Моск. ун-т, 1769. – Кн. 1 – 2.
233. Татищев, В. Н. Избранные труды по географии России / В. Н. Татищев. – М. : Географгиз, 1950. – 248 с.
234. Татищев, В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Избранные сочинения. – Л. : Наука, 1979. – С. 153–360.
235. Тестамент политической кардинала дюка де-Решелио королю, с предисловием автора. В 2-х частях. Пер. с фр. СПб., 1725. Написана церковно-славянским шрифтом // РГАДА. Ф.1274 «Панины – Блудовы». Оп. 1, ч.2 «Оригинальные и переводные

произведения XVII, XVIII и XIX в. в рукописном виде из книжной коллекции Паниных». № 3072.

236. Чеботарев, Х. А. Отрывок из записок профессора Чеботарева / Х. А. Чеботарев // ЧОИДР. – 1847. – № 9. – С. 447–470.

237. Щербатов, М. М. История российская / М. М. Щербатов. – СПб. : При Имп. Академии наук, 1770. – Т. 1. – 325 с.

238. Эмин, Ф. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, всевеликия и вечной достойныя памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. Сочиненная Федором Эмином / Федор Эмин. – СПб. : Имп. Академия наук, 1767. – Т. I, III.

239. Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых / А. Я. Хилков. – М. : Императорский московский университет, 1770. – 392 с.

V. Драматические сочинения

240. Гоголь, Н. В. Женитьба / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. – Т. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 5–62.

241. Екатерина II. Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения театральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика / Екатерина II // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. – Т. 2. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901. – С. 219–258.

242. Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский / Я. Б. Княжнин // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 249–304.

243. Княжнин Я. Б. Софонисба. Трагедия в пяти действиях / Я. Б. Княжнин // Собрание сочинений Якова Княжнина. – Т. 2. М.: Губернская типография, 1802. – С. 137–192.

244. Плавильщиков, П. А. Рюрик. Трагедия в пяти действиях, в стихах / П. А. Плавильщиков // Сочинения Петра Плавильщикова. – Ч. 1. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816. – С. 1–60.
245. Сумароков, А. П. Димитрий Самозванец / А. П. Сумароков // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. – С. 425–470.
246. Торжество правосудия и добродетели, или Доброй судья. М.: Вольная типография Пономарева, 1794. – 140 с.

VI. Иностранные политические сочинения

247. Анти-Махиавель, или Опыт возражения на Махиавелеву науку о образе государственного правления, сочинен ныне славно владеющим королем Прусским Фридрихом II / Фридрих II. – СПб., 1779. – 256 с.
248. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–644.
249. Балтазара Грациана Придворной Человек / Бальтазар-и-Грасиан – СПб. : Имп. Акад. наук, 1741. – 232 с.
250. Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской Академии, переведен на Волге / Ж. Мармонтель. – М.: Унив. тип., 1785. – 284 с.
251. Геродот. История в девяти книгах / Геродот. – Л. : Наука, 1972. – 600 с.
252. Дружеские советы и увещания, с присовокуплением переводчикова письма о вольнодумстве. – М. : Губ. типография у А. Решетникова, 1799. – 123 с.
253. Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия Севера, славнейшего императора и премудрейшего философа, от Антония Гевара епископа Аквитанского, бывшего при Карле V императоре проповедником, советником и историком составленные / А. Гевара. – СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1773–1780. – В 6 ч.
254. Ирой Валтазара Грациана, с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Курбевиля / Балтазар-и-Грасиан. – М. : Унив. тип., 1792. – 259 с.
255. Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника аглинского / У. Блэкстон. – М. : Унив. тип., 1780. – Кн. I. – 374 с.

256. Каия Саллустия Криспа войны Каталинская и Югурфинская / Гай Саллюстий Крисп. – СПб. : [Сенат. тип.], 1769. – 242 с.
257. Карманная книжка честного человека или Нужные правила во всяком месте и во всякое время. – СПб.: Сенат. тип., 1794. – 38 с.
258. Корнелий Тацит. Анналы / Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. – Сочинения: в 2 т. Анналы. Малые произведения. – Л. : Наука, 1969. – Т. 1. – С. 7–326.
259. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Монтескье Ш. – Избранные произведения. – М. : Гослитиздат, 1955. – С. 159–734.
260. Наставления политические барона Бильфельда / Я. фон Бильфельд. – М. : Тип. Моск. ун-та, 1775. – Т. 2. – 500 с.
261. Начертание благоденственной жизни, состоящее: (1) в размышлении г. Шпалдинга, об определении человека (2) в мыслях г. дю Мулина, о спокойствии духа и удовольствии сердца и (3) в пятидесяти статьях, нравоучительных разсуждений. Перевел вологодский помещик, а статьи и приписание сочинил статский действительный советник и Санктпетербургскаго Вольнаго экономического общества член, Алексей Олешев. – СПб.: Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1774. – 46 с.
262. О происхождении зла, поэма великого Галлера / А. фон Галлер. – М. : Тип. Комп. типографической, 1786. – 78 с.
263. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Марк Туллий Цицерон. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. II. Годы 5– 50. – 501 с.
264. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Марк Туллий Цицерон. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. III. Годы 46 – 43. – 828 с.
265. Плоды трудов прозаических сочинений г. барона А. Галлера. Ч. 1. Содержащая в себе изображение самовластного в государстве единоличия в образе Усонга восточной повести описанное. Ч. 2. Содержащая в себе изображение аристократического, или властью законов ограниченного в государстве правления. В образе жизни Алфреда короля англо-саксонов описанное / А. фон Галлер. – СПб. : Тип. Шнора, 1783–1784.
266. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Плутарх. – М. : Наука, 1994. – Т. 2. – 674 с.
267. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. Сочинение г. аббата Мабли. Переведено с французского / Г. де Мабли //

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 1. – С. 229–328.

268. Размышления о причинах величества римского народа и его упадка / Ш. Монтескье. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1769. – 325 с.

269. Разсуждение о начале и основании гражданских общежитий. – М. : Тип. при Театре у Хр. Клаудия, 1787. – 116 с.

270. Ришелье, А. Ж. дю Плесси. Политическое завещание или Принципы управления государством / А. Ж. дю Плесси Ришелье. – М.: Ладомир, 2008. – 489 с.

271. Руссо, Ж.-Ж. О политической экономии / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1999. – С. 109–104.

272. Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М. : Наука, 1969. – С. 151–256

273. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. – С. 31–108.

274. Тит Ливий. История Рима от основания города / Тит Ливий. – М. : Наука, 1989. –Т. I. – 575 с.

275. Тит Ливий. История Рима от основания города / Тит Ливий.. – М. : Наука, 1993. – Т. III. – 526 с.

276. Увещательные главы, написанные Агапитом, Диаконом святейших великих церкви Божией / Агапит // Христианское чтение, издаваемое при Санктпетербургской Духовной Академии. – 1827. – Ч. XXVII. – С. 245–273.

277. Фабий и Катон повесть взятая из римской истории / А. фон Галлер. – СПб. : [Тип. Овчинникова], 1793. – Ч.1–2.

278. Фенелон Ф. Похождение Телемака. Русский рукописный перевод 1724 года / Ф. Фенелон. –СПб. : Нестор-История, 2011. – В 2 т.

279. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Марк Туллий Цицерон. – М. : Наука, 1974. – 245 с.

280. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England / W. Blackstone. – London : A. Strachan, 1803. – 485 p.

281. Constant B. De la liberté des Anciens comparée à celle des Modernes. Discours prononcé à l'Athénée royal de Paris / B. Constant // Œuvres politiques de Benjamin Constant. – Paris : Charpentiers et Cie, Libraires-éditeurs, 1874. – P. 290–317.

282. Encyclopedie, ou dictionnaire raisonne des sciences. – Paris : Briasson, David, Le Breton, Durand, 1751. – T. 9.
283. Hume, D. Of the Refinement in the Arts / David Hume // Hume D. Essays Moral, Political, and Literary. Indianapolis: Liberty Fund, 1987. – P. 268–280.
284. Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld / J. von Bielfeld. – La Haye, 1760. – T. I. – 358 p.
285. Le Spectateur, ou le Socrate moderne, Ou l'on voit un Portrait naif des Moeurs de ce Siecle. Traduit de l'anglois. – Paris : Etienne Parillon, 1716.
286. Milton J. Eikonoklastes in Answer to a Book Entitled Eikon Basilike the Portrature of his Sacred Majesty in his Solitudes and Sufferings / John Milton. – L. : Matthew Simmons, 1649. – 240 p.
287. Pufendorf, S. Of the Law of Nature and Nations / S. Pufendorf. – London : Printed for J. Walthoe, R. Wilkin, J. and J. Bonwicke, S. Birt, T. Ward, and T. Osborne, 1729. – 1028 p.
288. Pufendord S., von. The Whole Duty of Man According to the Law of Nature, with Two Discourses and a Commentary by Jean Barbeyrac / Samuel von Pufendorf. – Indianapolis: Liberty Fund, 2003. – 381 p.
289. Remarques sur quelques positions, qui se trouvent dans l'Esprit des Loix par M. le baron de Holberg / L. Holberg. – Copenhagen, 1753. – 90 p.
290. Samuelis Pufendorfii De jure naturae et gentium libri octo / S. Pufendorf. – Lund : A. Junghans, 1672. – 1227 p.
291. The «Summa Theologica» of St. Thomas Aquinas. Second part of the second part. QQ. CLXXI – CLXXXIX / St. Thomas Aquinas. – London : Burns, Oates & Washbourne Ltd., 1922. – 366 p.
292. The Fable of the Bees or, Private Vices, Publick benefits. With an Essay on Charity and Charity-Schools and a Search into the Nature of Society. – London : J. Tonson, 1724. – 477 p.
293. Tillemont, L.-S., de. Histoires des Empereurs / L.-S. Tillemont. – Paris : Charles Robustel rue S. Jacques, au Palmier, 1740. – T. I. – 714 p.
294. Tratado de la religión y virtudes que debe tener el príncipe cristiano para gobernar y conservar sus Estados. Contra lo que Nicolás Machiavelo y los políticos de este tiempo enseñan / P. de Ribadeneyra. – Madrid: Pantaleon Aznar, 1758. – 541 p.
295. Vattel, E. The Law of Nations / E. de Vattel. – Philadelphia, 1883. – 656 p.

296. Vattel, E. Le Droit des gens, ou Principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains / E. de Vattel. – Paris: J.-P. Aillaud, 1835. – Т. 1. – 541 p.

VII. Законодательные акты и манифесты

297. Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. VI. 1720 – 1722. – № 3840. – С. 444–446.

298. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. XXII. – № 16187. – С. 344–358.

299. Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и об учинении присяги // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. XI. 1740–1743. – № 8473. – С. 537.

300. Манифест о вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ея Величества на Императорскую корону // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. XI. 1740–1743. – № 8476. – С. 542–544.

301. Манифест от Синода обще с Сенатом и Генералитетом. О кончине Императора Петра I и о вступлении на престол Императрицы Екатерины I // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. VII. 1723–1727. – № 4643. – С. 410.

302. Манифест. О экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь // ПСЗ РИ. – Т. XX. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 14290. – С. 101–102.

303. Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. XV. – № 11444. – С. 912–915.

304. Манифест. О разных дарованных народу милостях // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. XXIII. С 1789 по 6 Ноября 1796 года. – № 17149. – С. 456–460.

305. О выборе в городах дворян и купцов, для слушания новосоставленного уложения и о порядке производства сего выбора // ПСЗ РИ. – Т. XV. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 1335. – С. 792–794.

306. О хранении прав гражданских, о невершении дел против Регламентов, о невыписывании в доклад что уже напечатано и о имении сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа // ПСЗ РИ. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. VI. 1720 – 1722. – № 3970. – С. 656–658.

307. Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. [Кн. 6.] Глава VII. О государственном изобилии. Соч. Ивана Смирнова. // НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 15, № 22.

308. Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. Глава III. О просвещении. Соч. Семена Веницеева // НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 14, № 20.

309. Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. Экстракты или краткия выписки выбранныя из законов касательно до первой главы так названной о порядке государства в силе общего права сходственно с историческим расположением и расположены хронологическим порядком чрез сочинителя коллежского секретаря Ивана Смирнова. – В С.П. Бурге, декабря 1 дня 1782 года. – Том I. С 7050/1542 по 1741 год. // НИОР РГБ. Ф. 132. Картон 11, № 17.

310. Описание внутреннего Российской Империи Правления со всеми Законоположения частями. Глава VI. О государственных доходах // НИОР РГБ. Ф. 132, картон 21, № 31.

311. Приговор, объявленный начальствовавшему над Стрельцами Князю Ивану и сыну его Князю Андрею Хованским, обвиненным в разных Государственных преступлениях // ПСЗ РИ. – Т. II. – СПб. : Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 954. – С. 464–467.

312. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных: Которые в котором классе чины, и которые в одном классе, те имеют по старшенству времени, вступления в чин между собою, однакож воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. – М. : Моск. тип., 1722. – 16 с.

313. Четыре манифеста о восшествии на престол Екатерины II и о кончине Петра III // Осмнадцатый век. – М. : Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. – Кн. 4. – С. 216–224.

VIII. Материалы Уложенной комиссии

314. Наказ Прилуцкого шляхетства. Челобитье Прилуцкого шляхетства // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 223–230.

315. Наказ Харьковского дворянства. Челобитье Харьковского дворянства // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 262–263.

316. Наказ Рыльского дворянства // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 621–629.

317. Наказ Керенского дворянства // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 436–446.

318. Наказ Болховского дворянства // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 492–501.

319. Наказ Трубчевского дворянства // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 556–562.

320. Наказ Московского дворянства избранному от одного, под предводительством генерал-фельдмаршала и кавалера Петра Семеновича Салтыкова, к Комиссии сочинения проекта Нового Уложения, депутату, господину генерал-аншефу и кавалеру Петру Ивановичу Панину // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1869. – Ч. I. – С. 225–236.

321. Наказ выбранному от корпуса дворянства Волоколамского уезда в силу высочайшего Ея Императорского Величества соизволения, объявленного в манифесте, состоявшемся минувшего декабря 14-го к сочинению проекта Нового Уложения депутату, его сиятельству господину генерал-аншефу, государственной военной коллегии вице-президенту и кавалеру, графу Захару Григорьевичу Чернышеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1869. – Ч. I. – С. 241–243.

322. Мнение Коробьина [Читано 5 мая 1768 г. В Коммиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Козловского дворянства на читанные о беглых людях и крестьянах законы примечание] // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 406–410.

323. Мнение Гр. Полетики [Говорено 2 августа 1768 года. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения мнение на читанный проект правам благородных] // СИРИО. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. – Т. 36. – С. 346–356.

324. Мнение Щербатова [Читано 22 мая 1768 г.] // СИРИО. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1882. – Т. 36. – С. 486–492.

325. Мнение Козельского [Читано 23 мая 1768 г. В Коммиссию о сочинении Проекта Нового Уложения от депутата Екатеринбургской провинции от шляхетства Якова Козельского примечание] // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 494–502.

326. Мнение Чупрова [Читано 23 мая 1768 г. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения на прочитанный голос господина депутата Трубчевского дворянства Григория Бровцына, мая 21-го, т.е. третьяго дни, примечание] // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 502–504.

327. Мнение Чаадаева [В Коммиссию о сочинении проекта Нового Уложения от депутата Муромского дворянства примечание] // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 508–510.

328. Мнение Лопухина [Читано 27 мая 1768 г. В Коммиссию о сочинении проекта Нового Уложения примечание] // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 510–513.

329. Наказ купно со всеподданнейшими от Любимского дворянства Ея Императорскому Величеству прошениями отправляющемуся от Любимского уезда выбранному от дворян депутату в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, господину секунд-майору Никифору Толмачеву // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1869. – Ч. I. – С. 295–296.

330. Наказ Алаторского дворянства // СИРИО. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. – Т. 68. – С. 112–118.

331. Наказ Ярославского уезда от благородного дворянства избранному господину депутату в Комиссию о сочинении Нового Уложения, его сиятельству лейб-

гвардии капитану князю Михайлу Михайловичу Щербатову // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1869. – Ч. I. – С. 297–313.

332. Двадцать четвертое заседание, 17 сентября // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1869. – Ч. I. – С. 160.

333. Двадцать пятое заседание, 19 сентября // Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Д. Поленова. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1869. – Ч. I. – С. 168–169.

334. Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение В. Веденеева // СИРИО. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 305–306.

335. Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Дид. Ренненкампа // СИРИО. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 374.

336. Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Е. Борзова // СИРИО. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 291–292.

337. Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Ф. Анцыферова // СИРИО. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 299–301.

338. Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Фр. Левенвольда // СИРИО. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 361.

339. Подлинные мнения депутатов на проект правам благородных. Мнение Я. Урсинуса // СИРИО. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 319.

340. Примечания М. Щербатова (говорено 4 августа 1768 года) // СИРИО. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 311.

341. Проект законов о правах среднего рода государственных жителей // СИРИО. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншея, 1882. – Т. 36. – С. 179–234.

342. Проект правам благородных // СИРИО. – СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – С. 573–585.

IX. Предисловия и посвящения

343. Посвящение [Путешествие добродетели] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/28231>.

344. Писарев, С. Посвящение. Предисловие [Советы премудрости, или Собрание правил Соломоно-Сираховых] [Электронный ресурс] / С. Писарев. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/28278>.
345. Волков, Б. Посвящение. К читателю [Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях] [Электронный ресурс] / Б. Волков. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28266/1/cicero_volkov.pdf.
346. Хорошкевич, Я. Посвящение. Предисловие от переводчика [Анти-Махиавель] [Электронный ресурс] / Я. Хорошкевич. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28224/1/friedrich_horoshkevich.pdf.
347. Олешев, А. В. Вологодской провинции, почтенному дворянству, всеусердное приношение [Электронный ресурс] / А. В. Олешев. – Режим доступа: URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28220/1/schpalding_oleshev.pdf.

XI. Каталоги

348. Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. – М. : [б/и], 1962 – 1975. – В 5 т.
349. Каталог книг из собрания Паниных. Б/д, не ранее 1839 г. // РГАДА. Ф.1274. Оп.1. Ед. хр. 2901.

Литература

1. Абраменко, В. А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Абраменко Владимир Александрович. – Ростов-на-Дону, 2010. – 33 с.
2. Абрамзон, Т. Е. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. / Т. Е. Абрамзон // *Quaestio Rossica*. – 2017. – № 2. – С. 406–424.
3. Абрамзон, Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века: (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин) / Т. Е. Абрамзон. – Магнитогорск: Магнитогорский гос. ун-т, 2006. – 479 с.
4. Абрамович, Н. Я. История русской поэзии: в 2 т. / Н. Кадмин (Н. Я. Абрамович). – М. : Моск. изд-во, 1914-1915. – 2 т.
5. Агеева, О. Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века [Электронный ресурс] / О. Г. Агеева // Мир истории: Российский электронный журнал. – 1999. – № 5. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm>.
6. Акишин, М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого / М. О. Акишин // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 3. – С. 95–117.
7. Алексеева Н. Ю. Петербургский немецкий поэт Г. В. Фр. Юнкер // XVIII век. – Т. 22. – СПб.: Наука, 2002. – С. 8–27.
8. Алексеева, Е. В. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода / Е. В. Алексеева, Д. А. Редин, М.-П. Рей // Вопросы истории. – 2016. – № 6. – С. 3-20.
9. Алексеева, Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках / Н. Ю. Алексеева. – СПб. : Наука, 2005. – 376 с.
10. Алефиренко, П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века / П. К. Алефиренко. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 422 с.
11. Алефиренко, П. К. Социально-экономическая и политическая мысль / П. К. Алефиренко // Очерки истории СССР. Период феодализма. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 423–441.

12. Алефиренко, П. К. Социально-политические воззрения В. Н. Татищева / П. Алефиренко // Вопросы истории. – 1951. – № 10. – С. 103–114.
13. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII в.). / М. А. Алпатов. – М.: Наука, 1976. – 455 с.
14. Андрияйнен, С. В. Империя проектов. Государственная деятельность П. И. Шувалова / С. В. Андрияйнен. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов, 2011. – 239 с.
15. Аникин, А. В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма / А. В. Аникин. – М. : Политиздат, 1990. – 416 с.
16. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Евг. Анисимов. – Л. : Лениздат, 1989. – 496 с.
17. Анисимов, Е. В. Россия без Петра: 1725–1740 / Евг. Анисимов. – СПб. : Лениздат, 1994. – 496 с.
18. Антонов, Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века / Д. И. Антонов. – М. : РГГУ, 2009. – 448 с.
19. Артемьева, Т. В. Адам Смит в России / Артемьева Т. В. // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики. Ч. 1. – СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. – С. 39–66.
20. Артемьева, Т. В. Идея истории в России XVIII века / Артемьева Т. В. // Философский век. Альманах. Вып. 4. – СПб., 1998. – 267 с.
21. Артемьева, Т. В. История метафизики в России XVIII века / Т. В. Артемьева. – СПб. : Алетейя, 1996. – 320 с.
22. Артемьева, Т. В. Михаил Щербатов / Т. В. Артемьева. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 92 с.
23. Артемьева, Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения / Т. В. Артемьева. – СПб. : Алетейя, 2005. – 496 с.
24. Архангельский А. С. Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1897. – 91 с.
25. Архангельский, А. С. Русская литература XVIII века: Из лекций по истории русской литературы / А. С. Архангельский. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. – 640 с.

26. Атнашев, Т. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) [Электронный ресурс] / Тимур Атнашев, Михаил Велижев // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 134 (4). – С. 21–41. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6426>.
27. Атнашев, Т. Интервью с Александром Бикбовым, Александром Дмитриевым и Денисом Сдвижковым [Электронный ресурс] / Тимур Атнашев, Михаил Велижев // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 134 (4). – С. 93–108. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6429>.
28. Бак, И. С. Антифеодальные экономические учения в России второй половины XVIII века / И. С. Бак. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 125 с.
29. Бак, И. С. А. Я. Поленов. (Философские, общественно-политические и экономические взгляды) / И. С. Бак // Исторические записки. – 1949. – Т. XXVIII. – С. 182–202.
30. Бак, И. С. Д. А. Голицын. (Философские, общественно-политические и экономические воззрения) / И. С. Бак // Исторические записки. – 1948. – Т. XXVI. – С. 258–272.
31. Бак, И. С. Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова / И. С. Бак // Вопросы истории. – 1954. – № 9. – С. 104–113.
32. Бак, И. С. Очерки русской экономической мысли 50–70 годов XVIII века : автореф. дисс. доктора эконом. наук : код специальности / Бак Исая Соломонович. – М., 1952. – 26 с.
33. Бак, И. С. С. Е. Десницкий – выдающийся русский социолог / И. С. Бак // Вопр. Философии. – 1955. – № 1. – С. 57–66.
34. Бак, И. С. Я. П. Козельский. (Философские, общественно-политические и экономические воззрения) / И. С. Бак // Вопросы истории. – 1947. – № 1. – С. 83–100.
35. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 237–280.
36. Бейлин, Б. Идеологические истоки американской революции / Бернард Бейлин. – М. : Новое издательство, 2010. – 306 с.
37. Белова, Т. А. Политическое движение 1730 г. и Верховный Тайный совет / Т. А. Белова // Омский научный вестник. – 2012. – № 4 (111). – С. 12–15.
38. Беляев, И. С. Крестьянин-писатель начала XVIII века И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность (Исторический очерк) / И. С. Беляев. – М. : Тип. А.В. Васильева и Ко, 1902. – 78 с.

39. Бенъямин, В. Происхождение немецкой барочной драмы / Вальтер Бенъямин. – М. : Аграф, 2002. – 288 с.
40. Берков, П. Н. История русской журналистики / П. Н. Берков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 572 с.
41. Берков, П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства / П. Н. Берков // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. – М.; Л., 1961. – С. 5–27.
42. Берков, П. Н. История русской комедии XVIII в. / П. Н. Берков. – Л. : Наука, 1977. – 390 с.
43. Бернадский, В. Н. Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века / В. Н. Бернадский // Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века. – Л.: [без изд-ва], 1962. – С. 3–160.
44. Бессарабова, Н. В. «Просвещенный иерарх» Платон Левшин / Н. В. Бессарабова // Е. Р. Дашкова в науке и культуре. – М. : Моск. ин-т им. Е.Р. Дашковой, 2007. – С. 120–136.
45. Бетяев, Я. Д. Общественно-политическая и философская мысль в России в первой половине XVIII века / Я. Д. Бетяев. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. – 428 с.
46. Бильбасов, В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер / В. А. Бильбасов // Бильбасов В. А. Исторические монографии. Т.4. – М. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. – С. 16–19.
47. Бильбасов, В. А. История Екатерины II / В. А. Бильбасов. – Берлин: Изд. Фридриха Готтгейнера, 1900. – В 2 т.
48. Благой, Д. Д. Д. И. Фонвизин (Жизнь и творчество) / Д. Д. Благой. – М.: Госполитиздат. – 112 с.
49. Бландов, А. А. К биографии епископа Гавриила (Бужинского) – проповедника и переводчика первой трети XVIII в. / А. А. Бландов // Христианское чтение. – 2013. – № 1. – С. 8–24.
50. Богданов, А. П. Стих торжества: рождение русской оды. Последняя четверть XVII – начало XVIII века / А. П. Богданов. – М. : ИРИ РАН, 2012. – В 2 ч.
51. Боголюбов, В. А. Н. И. Новиков и его время / В. А. Боголюбов. – М. : Изд-во Сабашниковых, 1916. – 492 с.
52. Богословский, М. М. Конституционное движение 1730 г. / М. М. Богословский. – Пг.: Задруга, 1918. – 36 с.

53. Болтунова, Е. М. «От тебя, с тобою и к славе твоей»: Петр II как Петр I / Е. М. Болтунова // Российская история. – 2016. – № 2. – С. 76–91.
54. Бочкарев, В. Н. Вопросы политики в русском парламенте XVIII века. (Опыт изучения политической идеологии XVIII века по материалам Законодательной комиссии 1762–1768 гг.) / В. Н. Бочкарев. – Тверь: Октябрь, 1923. – 67 с.
55. Бугров Д. В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М. М. Щербатова / Д. В. Бугров // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 12. – № 47. – С. 275–291.
56. Бугров К. Д. «Камень, служащий основанием государству»: монархическая форма правления и особый статус дворянства в политической мысли России XVIII в. / К. Д. Бугров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 145. – № 4. – С. 143–156.
57. Бугров К. Д. Коллективный актер или риторическая фигура? «Дворянство» и «государство» в политическом процессе России XVIII в. / К. Д. Бугров // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 7-1. – С. 11–21.
58. Бугров К. Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина / К. Д. Бугров. – Екатеринбург : БКИ, 2015. – 270 с.
59. Бугров К. Д. Никита Панин и Екатерина II: концептуальные аспекты политических взаимоотношений / К. Д. Бугров // Вестник РУДН. История России. – 2010. – №4. – С. 38–52.
60. Бугров К. Д. «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. / К. Д. Бугров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. (114). – С. 179–188.
61. Бугров К. Д. Этот поезд в огне: хорошие и плохие революции Мартина Малиа / К. Д. Бугров // Quaestio Rossica. – 2015. – № 4. – С. 267–276.
62. Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую культуру XVIII в. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 476 с.
63. Бугров К. Д., Киселев М. А. Есть ли место демократии из России? / К. Д. Бугров, М. А. Киселев // Quaestio Rossica. – 2016. – № 4. – С. 286–297.
64. Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.)

- / К. Д. Бугров, М. А. Киселев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2010. – № 33. – С. 110–139.
65. Бугров К. Д., Киселев М. А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) / К. Д. Бугров, М. А. Киселев // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 31–38;
66. Бугров К. Д., Киселев М. А. Рец. на: А. К. Smith. For the Common Good and their own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. N.Y.: Oxford University Press, 2014. IX, 278 p. / К. Д. Бугров, М. А. Киселев // Российская история. – 2016. – № 1. – С. 172–175.
67. Буланин, Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI – XVI вв. / Д. М. Буланин. – Munchen : Sagner, 1993. – 465 с.
68. Бухаркин, П. Е. Человек и время в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» / П. Е. Бухаркин // Язык, культура, общество: проблемы развития. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – С. 97–106.
69. Бухаркин, П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи / П. Е. Бухаркин // Христианское чтение. – 2009. – № 9–10. – С. 100–121.
70. Бушкович, П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI – XVII веков / П. Бушкович // Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. – М. : Новое издательство, 2012. – С. 36–54.
71. Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. / Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 403 с.
72. Валагин, А. П. Кто смеет умереть... / А. П. Валагин // Княжнин Я. Б. Избранное. М.: Правда, 1991. – С. 5–26.
73. Валицкий, А. История русской мысли от просвещения до марксизма / Анджей Валицкий. – М. : Издательство Канон+РООИ «Реабилитация», 2013. – 480 с.
74. Вдовина, Л. Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. / Л. Н. Вдовина // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. – М. : Наука, 1995. – С. 36–48.
75. Веселовский, А. Н. Западное влияние в русской литературе / А. Н. Веселовский. – М.: Русское т-во печ. и изд. дела, 1896. – 256 с.

76. Ветшева Н. Ж. Творческая история баллады В. А. Жуковского «Вадим»: публикация планов и комментариев / Н. Ж. Ветшева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – № 6. – С. 90–97.
77. Виленская Э. С. Об особенностях формирования русской освободительной мысли в XVIII веке / Э. С. Виленская // Вопросы философии. – 1951. – № 2. – С. 114–128.
78. Вильк Е. А. «Чудище стозевно» и Тифон («Путешествие...» А.Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) [Электронный ресурс] / Е. А. Вильк // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 55. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/vvilk.html>.
79. Виноградов В. В. Исследование понятия «конституционализм» и его типологии неюридическими науками / В. В. Виноградов // Вестник ВолГУ. Сер. 5. – 2009. – Вып. 11. – С. 4–10.
80. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5–36.
81. Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе / Р. Ю. Виппер. – М.: Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913. – 214 с.
82. Вироли, М. Свобода слуг / Маурицио Вироли. – М. : Высшая школа экономики, 2014. – 144 с.
83. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – СПб.; Киев : Н. Я. Оглоблин, 1907. – 714 с.
84. Восемнадцатый век : Ист. сб., издаваемый по бумагам фамил. арх. кн. Федором Алексеевичем Куракиным / Под ред. В.Н. Смольянинова. Т. 1-2. - Москва : типо-лит. Гросман и Вендельштейн, 1904–1905. – 2 т.
85. Галай, Ю. Г. Российское законодательство XVIII – XIX веков о роскоши / Ю. Г. Галай // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 66–70.
86. Галактионов, А. А. Социально-политические и философские взгляды В. Н. Татищева / А. А. Галактионов // Уч. зап. Ленингр. ун-та. – 1956. – № 196. – Вып. 7. – С. 170–178.
87. Галиуллина, М. В. Конституционализм в России во второй половине XVIII – начале XIX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Марина Валерьевна Галиуллина. – Курган, 2004. – 231 с.

88. Геллер, Л., Нике, М. Утопия в России / Л. Геллер, М. Нике. – М.: Гиперион, 2003. – 312 с.
89. Глазева, А. С. Платон (Левшин), архиепископ Тверской / А. С. Глазева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2012. – № 1. – С. 100–110.
90. Гольцев, В. А. Законодательство и нравы в России XVIII века / В. А. Гольцев. – М. : О. Н. Попов, 1896. – 204 с.
91. Гончарова, О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века / О. М. Гончарова. – М. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004. – 381 с.
92. Горбунов, М. А. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева / М. А. Горбунов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. – 172 с.
93. Гордин, Я. А. Меж рабством и свободой, 19 января – 25 февраля 1730 г. / Я. А. Гордин. – СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2004. – 280 с.
94. Горемыкина, М. В. «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» М. М. Щербатова и «Европейские письма» В. К. Кюхельбекера в контексте русской просветительской утопии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 133. – № 4. – С. 137–145.
95. Готье, Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в. 2 т. / Ю. В. Готье. – М. : Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913-1914. – 2 т.
96. Градова, Б. А. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына / Б. А. Градова, Б. М. Клосс, В. И. Корецкий // Археографический ежегодник. – М. : Наука, 1979. – С. 238–253.
97. Грацианский, П. С. Десницкий / П.С. Грацианский. – М. : Юридическая литература, 1978. – 111 с.
98. Грацианский, П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. / П. С. Грацианский. – М.: Наука, 1984. – 252 с.
99. Григорьев В. А. Проект манифеста Екатерины II о престолонаследии / В. А. Григорьев // Журнал министерства народного просвещения. 1914. – Март. – С. 121–125.
100. Гриффитс, Д. Екатерина II: императрица-республиканка / Дэвид Гриффитс // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. – М. : НЛЮ, 2013. – С. 63–101.

101. Гриффитс, Д., Камендровский, В. Дебаты о «торгующем дворянстве» в России: глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством / Д. Гриффитс, В. Камендровский // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. – М. : НЛО, 2013. – С. 151–189.
102. Гриц, Т. Словесность и коммерция. (Книжная лавка А. Ф. Смирдина) / Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин. – М.: Аграф, 2001. – 373 с.
103. Гросул, В. Я. Зарождение российского политического консерватизма / В. Я. Гросул // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 18–104.
104. Гудзий, Н. К. Французская буржуазная революция и русская литература / Н. К. Гудзий. – М.: Изд-во МГУ, 1944. – 125 с.
105. Гудзий, Н. К. Об идеологии Княжнина / Н. К. Гудзий // Литературное наследство. 1935. – Т. 19–21. – С. 659–664.
106. Гуковский, Г. А. Идеология русского буржуазного писателя XVIII в. / Г. А. Гуковский // Изв. АН СССР, отд. общ. наук. – 1936. – № 3. – С. 429–458.
107. Гуковский, Г. Из истории русской оды XVIII века. (Опыт истолкования пародии) / Г. Гуковский // Поэтика. Сборник статей. – Л., 1927. – С. 129–147.
108. Гуковский, Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов / Г. А. Гуковский. – М.; Л. : Изд-во Академии наук, 1936. – 236 с.
109. Гуковский, Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века / Г. А. Гуковский. – Л.: Худ. лит-ра, 1938. – 313 с.
110. Гурвич, Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники / Г. Гурвич. – Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1915. – 111 с.
111. Гурвич, И. А. Необычная трагедия (О «Вадиме Новгородском» Княжнина) / И. А. Гурвич // Вопросы литературы. – 1987. – № 4. – С. 175–188.
112. Гуськов Н. А. Биографический миф о Сумарокове / Н. А. Гуськов // Вопросы литературы. – 2016. – № 2. – С. 79–100.
113. Давыдов Г. А. Поэтика религиозно-философских поэм М. М. Хераскова / Г. А. Давыдов // Филологические науки. – 1999. – № 1. – С. 59–64.
114. Даневский, П. История образования Государственного совета в России / П. Даневский. – СПб.: [без изд-ва], 1859. – 60 с.

115. Данилевский, И. Н., Юрганов А. Л. «Правда» и «вера» русского средневековья / И. Н. Данилевский, А. Л. Юрганов // Одиссей: Человек в истории. Культурная история социального. – М. : Наука, 1998. – С. 140–170.
116. Данилов, А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV – XIX вв.) / А. Г. Данилов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 320 с.
117. Дёмин, А. О., Костин, А. А. Книги из библиотеки А. Н. Радищева / А. О. Дёмин, А. А. Костин // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. – 2003. – № 2. – С. 57–89.
118. Дербов, Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова / Л. А. Дербов. – Саратов, 1974. – 362 с.
119. Джеджула, К. Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века / К. Е. Джеджула. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 449 с.
120. Дмитриев, А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) / А. Дмитриев // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. – С. 6–16.
121. Дмитриева, Р. П. Сказание о князьях владимирских / Р. П. Дмитриева. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук, 1955. – 465 с.
122. Довнар-Запольский, М. В. Из истории общественных течений в России / М. В. Довнар-Запольский. – Киев : Изд. И. И. Самоненко, 1910. – 83 с.
123. Довнар-Запольский, М. В. Зарождение министерств в России / М. В. Довнар-Запольский. – М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1906. – 170 с.
124. Долгих, А. Н. Крестьянский вопрос в России в дворянских проектах конца XVIII – первой четверти XIX вв.: опыт анализа / А. Н. Долгих // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – № 1–3. – С. 25–31.
125. Дусмухаметов, Ф. А. Петр Иванович Рычков : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Дусмухаметов Флюр Азатович. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2013. – 27 с.
126. Елеонская, А. С. Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии / А. С. Елеонская // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Сборник 9. – Л. : Наука, 1974. – С. 259–269.

127. Елифанов, П. П. «Ученая дружина» и просветительство XVIII века. (Некоторые вопросы истории русской общественной мысли) / П. П. Елифанов // Вопросы истории. – 1963. – № 3. – С. 37–53.
128. Ерофеева, Н. Е. «Школа добродетели» М. Хераскова как образец русской драмы-«школы» / Н. Е. Ерофеева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 1(18). – С. 41–44.
129. Живов, В. М. «Всякая всячина» и создание екатерининского политического дискурса / В. М. Живов // *Eighteenth-century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-century Russia.* – Berlin, 2007. – С. 251–265.
130. Живов, В. М. XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом / В. М. Живов // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. – М. : Языки русской культуры, 2001. – С. 7–36.
131. Живов, В. М. Иван Сусанин и Петр Великий: О константах и переменных в составе исторических персонажей / В. М. Живов // НЛЮ. – 1999. – № 38. – С. 51–65.
132. Живов, В. М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века / В. М. Живов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 546. – Тарту, 1981. – С. 56–91.
133. Живов, В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. / В. М. Живов, Б. А. Успенский // Из истории русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 1996. – Т. 4: XVIII – начало XIX века. – С. 449–536.
134. Жиленко, А. С. Верховный Тайный совет в системе властеотношений Российской Империи (1726–1730 гг.): историко-правовое исследование : дисс... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Жиленко Александр Сергеевич. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2016. – 206 с.
135. Заводовская, М. А. Политическая деятельность и общественные взгляды Алджернона Сиднея / М. А. Заводовская. – Дисс. канд. ист. наук. – Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2011. – 168 с.
136. Загряцков, М. Д. Общественно-политические взгляды С. Е. Десницкого / М. Д. Загряцков // Вопросы истории. – 1949. – № 7. – С. 101–112.

137. Замалеев, А. Ф. «Новая порода людей», или философия воспитания эпохи русского Просвещения / А. Ф. Замалеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 2. – С. 90–97.
138. Замалеев, А. Ф. К вопросу об античных началах в древнерусской мысли / А. Ф. Замалеев // Лепты. Исследования по русской философии. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1996. – С. 273–276.
139. Замотин, И. И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе / И. И. Замотин. – Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1901. – 112 с.
140. Западов, А. В. Русская журналистика 30-х–60-х годов XVIII века / А. В. Западов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 60 с.
141. Захаров, В. Ю. «Всемиловейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX вв. / В. Ю. Захаров – М. : Прометей, 2002. – 191 с.
142. Захаров, В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа: в 2 т. / В. Ю. Захаров. – М. : Прометей, 2017. – 2 т.
143. Захаров, В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века / В. Ю. Захаров // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 31–52.
144. Захаров, Н. А. Система русской государственной власти / Н. А. Захаров. – Новочеркасск : Электротип. Ф. Туникова, 1912. – 312 с.
145. Зенкова, А. Ю. П. А. Румянцев и управление Малороссией в 60-е – 80-е гг. XVIII в. / А. Ю. Зенкова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2015. – № 4. – С. 573–578.
146. Зернова, А. И. «Власть без доверия нации – ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств / А. И. Зернова // Россия XXI. – 2013. – № 4. – С. 136–159.
147. Зидентоп, Л. Демократия в Европе / Л. Зидентоп. – М. : Логос, 2001. – 312 с.
148. Зицер, Э. Царство преображения. Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Э. Зицер. – М.: НЛО, 2008. – 240 с.
149. Знаменский, И. П. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I / И. П. Знаменский. – М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1880. – 186 с.

150. Зорин, А. Л. Григорий Александрович Гуковский и его книга / А. Л. Зорин // Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. – М. : АспектПресс, 1999. – С. 3–10.
151. Зорин, А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А. Л. Зорин. – М. : НЛО, 2001. – 414 с.
152. Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. / А. Л. Зорин. – М. : НЛО, 2016. – 563 с.
153. Зубов, В. П. Аристотель / В. П. Зубов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 336 с.
154. Ибнеева, Г. В. Борьба мнений вокруг проекта Императорского совета Н. И. Панина / Г. В. Ибнеева // Ученые записки Казанского гос ун-та. Т.134. – Казань : Унипресс, 1998. – С. 100–105.
155. Иванов, Вяч. Вс. Из наблюдений над одой XVIII века / Вяч. Вс. Иванов // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 174–187.
156. Иванова, Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках раннего Нового времени / Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. – М.: Квадрига, 2014. – 314 с.
157. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в литературе и жизни XIX в. : в 2 т. / Р. В. Иванов-Разумник. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 2 т.
158. Ивинский, А. Д. «Наука жить между людьми»: о литературной позиции журнала «Всякая всячина» / А. Д. Ивинский // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. – СПб.; Самара : АсГард, 2013. – С. 216–225.
159. Извеков, Д. Г. Из истории богословской полемической литературы XVIII столетия / Д. Г. Извеков // Правосл. обозр, 1871. – Т. II. – № 8. – С. 139–17; № 9. – С. 267–307.
160. Ионайтис, О. Б. Поэтическая философия А. Н. Радищева / О. Б. Ионайтис // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2012. – Т. 109. – № 4. – С. 138–157.
161. История русской экономической мысли. Т. I, ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1955. – 756 с.
162. Кагарлицкий, Ю. В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. / Ю. В. Кагарлицкий // Лингвистическое

- источниковедение и история русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 243–259.
163. Кагарлицкий, Ю. В. Фигура наследника престола и репрезентации верховной власти в русской проповеди XVIII – первой половины XIX века / Ю. В. Кагарлицкий // Вереница литер. Сборник статей к 60-летию В. М. Живова. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 427–449.
 164. Кагарлицкий, Ю. В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века [Электронный ресурс] / Ю. В. Кагарлицкий // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 38. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/kagarli.html>.
 165. Калинина, С. Г. Государственная деятельность М. М. Щербатова: идеи и практика : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Светлана Геннадьевна Калинина. – М. : РГГУ, 2004. – 357 с.
 166. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа / А. Б. Каменский. – М. : РГГУ, 2001. – 575 с.
 167. Каплун, В. Л. «Жить Горацием или умереть Катонem»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX века) [Электронный ресурс] / В. Л. Каплун // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/ka16-pr.html>.
 168. Каплун, В. Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени / В. Л. Каплун // Что такое республиканская традиция? – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 131–152.
 169. Карипов, Б. Н. Морфология идеи монархической государственности / Б. Н. Карипов // Вестник ВЭГУ. – 2011. – № 5 (55) – С. 104–110.
 170. Карпович, М. М. Лекции по интеллектуальной истории России. XVIII – начало XX века / М. М. Карпович. – М. : Русский путь, 2012. – 352 с.
 171. Карякин, Ю. Ф., Плимак, Е. Г. Запретная мысль обретает свободу (175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева) / Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. – М. : Наука, 1966. – 304 с.

172. Касаткина, Е. А. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно- поэтическая и литературная традиции / Е. А. Касаткина // Уч. зап. Томского пед. ин-та. – 1946. – Т. III. – С. 95–123.
173. Кафенгауз, Б. Б. И. Т. Посошков (Русский публицист эпохи Петра I). Жизнь и деятельность / Б. Б. Кафенгауз. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 191 с.
174. Кван Чжин, С. Проза А. Н. Радищева в литературном движении конца XVIII в. – начала XIX в. : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / Со Кван Джин. – М. : Моск. гос. ун-т, 2013. – 25 с.
175. Киселев, М. А. И. И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. / М. А. Киселев // Вопросы истории. – 2016. – № 3. – С. 131–143.
176. Киселев, М. А. Казус Д. В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. / М. А. Киселев // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 3. – С. 42–52.
177. Киселев, М. А. Карамзин и конституция / М. А. Киселев // Новый мир. – 2016. – № 7. – С. 127–141.
178. Киселев, М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю / М. А. Киселев // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. I. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 49–65.
179. Киселев, М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века / М. А. Киселев // Исторический вестник. – 2013. – № 6 (153). – С. 18–53.
180. Киселев, М. А., Криворучко А. С. Проблема организации дворянского самоуправления и подготовка «Учреждений для управления губерний» в 1775 году / М. А. Киселев, А. С. Криворучко // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – Вып. 3 (26). – С. 113–122.
181. Киселев, М. А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю / М. А. Киселев // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 49–65.

182. Киселева, М. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености / М. Киселева. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 472 с.
183. Кислова, Е. И. «Слово на день рождения Петра Фёдоровича» Симона Тодорского / Е. И. Кислова // *Acta Philologica*. – 2007. – № 1. – С. 308–335.
184. Кислова, Е. И. Ода М. В. Ломоносова и проповедь Симона Тодорского на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны: светский и церковный панегирик / Е. И. Кислова // *Літературознавчі обрії. Праці молодих учених*. Випуск 13. – Київ: Інститут літератури ім. Т.Г.Шевченка НАН України, 2008. – С.64–68.
185. Кислова, Е. И. Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора / Е. И. Кислова // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. – Vol. 3. – № 2. – Р. 179–181.
186. Кислова, Е. И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы / Е. И. Кислова // XVIII век. Сборник 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. – СПб. : Наука, 2011. – С. 52–72;
187. Кислова, Е. И. Мать в эпоху дочери: Екатерина I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны / Е. И. Кислова // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III. Филология*. – 2014. – № 3(38). – С. 36–50.
188. Кислова, Е. И. XVIII век в истории русской проповеди: проблема жанра, языка, статуса / Е. И. Кислова // *Актуальные проблемы филологической науки: Взгляд нового поколения*, выпуск III. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С.85–99.
189. Кислова, Е. И., Матвеев Е. М. Хронологический каталог слов и речей XVIII века / Е. И. Кислова, Е. М. Матвеев. – СПб., 2011. – 264 с.
190. Кислова, Е. И. Светская литература и культура в проповедях Симона Тодорского / Е. И. Кислова // *Озерная текстология: труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы*. – СПб., 2007. – С.110–125.
191. Китанина, Т. А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» / Т. А. Китанина // «Он видит Новгород Великой»: материалы конф. РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – СПб.; Великий Новгород, 2004. – С. 14–20.

192. Клейн, И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм / И. Клейн // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. – 2015. – Vol. 4. – № 2. – Р. 36–71.
193. Клейн, Й. «Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова / Й. Клейн // XVIII век. Т. 24. – СПб. : ИРЛИ РАН, 2006. – С. 153–165.
194. Клибанов, А. И. К проблеме античного наследия в литературе древней Руси / А. И. Клибанов // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIII. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 158–182.
195. Климов, И. П. Государственная школа в российской историко-правовой науке XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 3. С. 214–219.
196. Ключевский, В. О. «Недоросль» Фонвизина (Опыт исторического объяснения учебной пьесы) / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения в IX томах. Т. IX. Материалы разных лет. – М. : Мысль, 1990. – С. 55–76.
197. Кнабе, Г. С. Избранные труды. История и теория культуры. СПб.: Летний сад; РОССПЭН, 2006. – 1200 с.
198. Кнабе, Г. С. Русская античность / Г. С. Кнабе. – М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2000. – 238 с.
199. Коган, Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский / Ю. Я. Коган. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 188 с.
200. Коган-Бернштейн, Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке / Ф. А. Коган-Бернштейн // Вопросы истории. – 1955. – № 5. – С. 99–110.
201. Кожин, А. Н. Литературный язык допушкинской России / А. Н. Кожин. – М. : Рус. яз., 1989. – 283 с.
202. Козлова, М. И. Рецепция античности в исторической мысли XVIII века (Опыт М. М. Щербатова) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Козлова Мария Игоревна. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2011. – 26 с.
203. Козлова, Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. – 384 с.
204. Коледич, Е. Н. Православная традиция в поэтике дидактического сочинения Тихона Задонского «Сокровище духовное» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Коледич Елена Николаевна. – Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т, 2013. – 26 с.

205. Кондаков, Д. А. На присутствие Ея Величества в Белоруссии: оды 1780 года и культурная политика Екатерины II / Д. А. Кондаков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 2–8.
206. Копосов, Н. Е. История понятий вчера и сегодня / Н. Е. Копосов // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века: сб. научн. работ. – СПб.: Алетейя, 2006. С. 9–32.
207. Корзо, М. А. Образ человека в проповеди XVII века / М. А. Корзо. – М. : ИВИ РАН, 1999. – 189 с.
208. Костин, А. А. А. Н. Радищев в советской школе / А. А. Костин // Учебный текст в советской школе. – М.; СПб. : Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. – С. 10–25.
209. Костин, А. А. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в контексте современной ему нравоучительной литературы : автореф. ... дис. канд. фил. наук : 10.01.01 / – Костин Андрей Александрович. – СПб. : Ин-т рус. лит-ры РАН (Пушкинский дом), 2005. – 22 с.
210. Костин, А. А. «Чудище обло» и «Monstrum horrendum». Вергилий – Тредиаковский – Радищев / А. А. Костин // Чтения отдела русской литературы XVIII века. – 2004. – № 3. – С.135–147.
211. Костин, А. А. Религиозные взгляды А. Н. Радищева / А. А. Костин // XVIII век. Вып. 24. – СПб. : Наука, 2006. – С. 255–280.
212. Кошелев, В. А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском / В. А. Кошелев // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. Вып. 2. – СПб. : Наука, 1997. – С. 93–109.
213. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – СПб. : Синодальная тип., 1893. – 593 с.
214. Кравец, И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления / И. А. Кравец. – СПб. : Юридический Пресс-Центр, 2005. – 673 с.
215. Кром, М. М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии / М. М. Кром // Одиссей. Человек в истории. – 2005. – С. 283 – 303.

216. Кузнецова, Е. К. Концепция героического у А. Н. Радищева / Е. К. Кузнецова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. – № 2. – С. 123–130.
217. Кузьмин, А. Г. Татищев / А. Г. Кузьмин. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 351 с.
218. Кузьмин, А. Г. Русское просветительство XVIII в. / А. Г. Кузьмин // Вопросы истории. – 1978. – № 1. – С. 106–125.
219. Кукушкина, Е. Д. Библейские мотивы у А. Н. Радищева / Е. Д. Кукушкина // Русская литература. – 2000. – № 1. – С. 119–123.
220. Кулакова, Л. И. Петр Алексеевич Плавильщиков. 1760–1812 / Л. И. Кулакова. – М.; Л.: Искусство, 1952. – 103 с.
221. Кулакова, Л. И. Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина / Л. И. Кулакова // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1961. – С. 5–58.
222. Куркин, Б. А. П. С. Грацианский. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., «Наука». 1984. 253 с. // Правоведение. – 1987. – № 2. – С. 86.
223. Курукин, И. В. «Для впереия в юношество любви к Отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX века / И. В. Курукин // Исторический вестник. – 2013. – № 3. – С. 96–121
224. Курукин, И. В. Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия / И. В. Курукин // Quaestio Rossica. – 2015. – № 3. – С. 200–226.
225. Курукин, И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы / И. В. Курукин, А. Б. Плотников. – М. : Квадрига, 2010. – 280 с.
226. Курукин, И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725 – 1762 гг. / И. В. Курукин. – Рязань, 2003. – 565 с.
227. Кутафин, О. Е. Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2014. – 541 с.
228. Лаппо-Данилевский, А. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II / А. Лаппо-Данилевский. – СПб. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1898. – 144 с.
229. Лаппо-Данилевский, А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский // Голос минувшего. – 1914. – № 12. – С. 5–38.

230. Лаппо-Данилевский, А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики / А. С. Лаппо-Данилевский. – Köln : Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2005. – 462 с.
231. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / Лаппо-Данилевский А. С. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – 65 с.
232. Лаптева, Ю. В. Проект фундаментальных законов Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина как проявление дворянской оппозиционности во второй половине XVIII века / Лаптева Ю. В. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. № 9 (224). – История. Вып. 44. – С. 19–24.
233. Латкин, В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII-XIX ст.) / В. Н. Латкин. – СПб. : тип. Монтвида, 1909. – 638 с.
234. Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762-1914 / В. В. Леонтович. – М. : Русский Путь; Полиграфресурсы, 1995. – 444 с.
235. Лимонов, В. А. Идея цикличности исторического процесса в трудах русских мыслителей XVIII – XIX вв. / В. А. Лимонов // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 2. – С. 26–31.
236. Лихачев, Д. С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV – XV веках / Д. С. Лихачев // Исторический журнал. – 1941. – № 6. – С. 43–56.
237. Лодыженский, К. Н. История русского таможенного тарифа / К. Н. Лодыженский. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1886. – 312 с.
238. Лотман, Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. – СПб.: Искусство-СПБ, 2005. – С. 211–238.
239. Лотман, Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т.1. Русская литература и культура Просвещения. – М. : ОГИ, 2000. – С. 139–206.
240. Лотман, Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры : в 2 т. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 433 – 460.
241. Лурье, Я. С. Повести о присоединении Новгорода / Я. С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. – Л. : Наука, 1989. – С. 201–204.

242. Лысцова, А. С. Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е – начале 1740-х гг. / А. С. Лысцова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2017. – № 2. – С. 150–161.
243. Лысцова, А. С. Трактат Т. И. Черкасова «Благородство» (1788 г.) / А. С. Лысцова // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 218–317.
244. Любжин, А. Римская литература в России в XVIII – начале XX века / А. Любжин. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2007. – 221 с.
245. Мавродин, В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773) / В. В. Мавродин // Мавродин В. В. Рождение новой России. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1988. – С. 210–393.
246. Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага. – М.: НЛО, 2002. – 976 с.
247. Макаров, А. Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой трети XIX века / А. Н. Макаров // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. – Пб., 1922. – С. 370–381.
248. Макогоненко, Г. П. Радищев и его время / Г. П. Макогоненко. – М.: Гослитиздат, 1949. – 774 с.
249. Макогоненко, Г. П. Денис Фонвизин (Творческий путь) / Г. П. Макогоненко. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. – 444 с.
250. Макогоненко, Г. П. Русское Просвещение и литературные направления XVIII века / Г. П. Макогоненко // Рус. лит-ра. – 1959. – № 4. – С. 23–53.
251. Макогоненко, Г. П. Жизнь и творчество Д. И. Фонвизина / Г. П. Макогоненко // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. М.; Л. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – С. V. – XLVIII.
252. Макогоненко, Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века / Г. П. Макогоненко. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1951. – 544 с.
253. Малинов, А. В. Очерки по философии истории в России. В 2 т. / А. В. Малинов. – СПб. : Интерсоцис, 2013. – 2 т.
254. Маловичко, С. И. Спор М. В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера как конфликт разных историографических культур / С. И. Маловичко // Imagines Mundi. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. – Екатеринбург, 2010. – С. 283–297.

255. Марасинова, Е. Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания / Е. Н. Марасинова. – М. : НЛЮ, 2017. – 508 с.
256. Марасинова, Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Е. Н. Марасинова. – М. : Наука, 2008. – 458 с.
257. Маслов, Б. Свобода вне либерализма: пиндарическая ода и трансформация поэтики Старого режима / Б. Маслов // Современная республиканская теория свободы. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 212–250.
258. Маслов, В. К литературной обработке предания о Вадиме Новгородском / В. Маслов // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 22. Вып. 1–2. – Киев: Тип. М. Т. Мейнандера, 1911. – С. 1–6.
259. Маслова, А. Г. Преобразование художественного пространства русской торжественной оды в последней трети XVIII века / А. Г. Маслова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 5–6. – С. 154–158.
260. Матвеев, Е. М. Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2008. С. 41–52
261. Матвеев, Е. М. Церковная панегирическая проповедь елизаветинской эпохи как вид ораторской прозы XVIII века / Е. М. Матвеев // Литературная культура XVIII века. Материалы XXXVI Международной филологической конференции. – СПб., 2007. – С. 57–66.
262. Матвеев, Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе) / Е. М. Матвеев. – СПб. : Ф-т филологии и искусств, 2009. – 140 с.
263. Медушевский, А. Н. Конституционные проекты в России XVIII – XX вв. / А. Н. Медушевский. – М. : РОССПЭН, 2010. – 640 с.
264. Медушевский, А. Н. Конституционные проекты в России и их западные источники / А. Н. Медушевский // Мир России: Социология, этнология. – 1996. – Т. 5. – № 1. – С. 154–194.
265. Медушевский, А. Н. Российская правовая традиция – опора или преграда? / А. Н. Медушевский. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2014. – 136 с.
266. Медушевский, А. Н. Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский. – М. : изд-во ГУ-ВШЭ, 2005. – 576 с.

267. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. / П. Н. Милюков. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. – 181 с.
268. Миронов, Б. Н. Историческая социология России / Б. Н. Миронов. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – 536 с.
269. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. / Б. Н. Миронов. – Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 566 с.
270. Митров, О. Ю. Священномученик Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский: комплекс письменных источников / О. Ю. Митров // Вестник архивиста. – 2016. – № 1. – С. 8–29.
271. Моисеева, Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. / Г. Н. Моисеева. – Л. : Наука, 1980. – 265 с.
272. Морозов, П. О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования / П. О. Морозов. – СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1880. – 403 с.
273. Моряков, В. И. Екатерина II – просветитель или консерватор? / В. И. Моряков // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2010. – № 3. – С. 9–26.
274. Моряков, В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев) / В. И. Моряков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 224 с.
275. Моряков, В. И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII века / В. И. Моряков // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2009. – №2. – С. 42–58.
276. Моряков, В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века (Из истории общественно-политической мысли России) / В. И. Моряков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 216 с.
277. Муравьева, Л.А. Становление конституционных идей в России XIX века, 1800 – начало 80-х годов XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / Людмила Александровна Муравьева. – М.: Моск. гос. ун-т, 2000. – 199 с.
278. Мыльников, А. С. Петр III: повествование в документах и версиях / А. С. Мыльников. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 512 с.

279. Мякотин, В. А. На заре русской общественности / В. А. Мякотин. – Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. – 87 с.
280. Назаренко, Б. А. Государственно-правовые взгляды М. М. Щербатова (Историко-правовое исследование) : дисс. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Назаренко Богдан Анатольевич. – М. : Московская гос. юр. академия, 2009. – 175 с.
281. Нарышкина, Л. Н. Авторские отступления в романе М.М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» / Л. Н. Нарышкина // Проблемы изучения рус. лит-ры XVIII в. Л., 1978. – Вып. 3. – С. 57–78.
282. Некрасов, Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России / Г. А. Некрасов. – М.: Наука, 1975. – С. 334–343.
283. Николаева, М. Предисловие к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье / М. Николаева // Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska. – Gdańsk : 1973. – Nr. 3. – S. 8.
284. Никонова, В. М. Требования дворян и проект «Прав благородных» в уложенной комиссии 1767–1768 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Никонова Виктория Макаровна. – М. : Московский гос. ун-т, 1990. – 25 с.
285. Ничик, В. М. Феофан Прокопович / В. М. Ничик. – М. : Мысль, 1977. – 192 с.
286. Новикова, Л. И., Сиземская, И. Н. Российские ритмы социальной истории / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М. : Институт философии РАН, 2004. – 193 с.
287. Новикова, О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547–1606) / О. Э. Новикова. – М. : РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005. – 395 с.
288. Ольминский, М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России / М. С. Ольминский. – СПб. : Жизнь и знание, 1910. – 175 с.
289. Омельченко, О. А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия / О. А. Омельченко // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2002. – № 2. – С. 71–90.
290. Омельченко, О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России / О. А. Омельченко. – М.: Юрист, 1993. – 428 с.
291. Омельченко, О. А. Власть и закон в России XVIII в. / О. А. Омельченко. – М. : МГИУ, 2004. – 604 с.

292. Омельченко, О. А. Императорское Собрание 1763 года (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы / О. А. Омельченко. – М. : МГИУ, 2001. – 159 с.
293. Омельченко, О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века) / О. А. Омельченко. – М.: ВЮЗИ, 1989. – 148 с.
294. Омельченко, О. А. Конституция «просвещенного абсолютизма» в России / О. А. Омельченко // Советское государство и право. – 1989. – № 8. С. 136–142.
295. Орлов, В. Н. Русские просветители 1790–1800-х годов / В. Н. Орлов. – М.; Л.: Гослитиздат, 1950. – 477 с.
296. От общественного к публичному / Гладарев Б. С. и др. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 528 с.
297. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 692 с.
298. Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 432 с.
299. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 592 с.
300. Павлов-Сильванский, Н. Проекты реформ в записках современников Петра I. (Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты) / Н. Павлов-Сильванский. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. – 227 с.
301. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независимая газета, 1993. – 424 с.
302. Пайпс, Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Р. Пайпс. – М. : Новое издательство, 2008. – 252 с.
303. Паничкин, А. Ф. Священноархимандрит Александро-Невского Монастыря, архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский, член Святейшего Синода Сильвестр (Кулябка), 1750–176гг. / А. Ф. Паничкин // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. – 2013. – № 2. – С. 147–159.
304. Папаригопуло, С. В. О двух Козельских / С. В. Папаригопуло // Вопросы истории. – 1954. – № 8. – С. 109–112.
305. Папаригопуло, С. В. Прогрессивные русские мыслители XVIII века о войне и мире / С. В. Папаригопуло // Вопросы философии. – 1960. – № 2. – С. 132–142.

306. Паперно, И. Самоубийство как культурный институт / И. Паперно. – М.: НЛО, 1999. – 252 с.
307. Пекарский, П. П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия / П. П. Пекарский. – СПб.: Тип. «Общественная польза», 1862. – 590 с.
308. Перетц, В. Н. Сведения об античном мире в Древней Руси XI–XIV вв. // Гермес: Научно-популярный вестник древнего и нового мира. – 1917 – Т. 23. – С. 259–263.
309. Петров, А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («Мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII в. / А. В. Петров // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 31. – С. 152–154.
310. Петрухин, В. Я. Гостомысл: к истории книжного персонажа / В. Я. Петрухин // Славяноведение. – 1999. – № 2. – С. 20–23.
311. Пештич, С. Л. Русская историография XVIII века : в 3 т. / С. Л. Пештич. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961–1971. – 3 т.
312. Пирогова, Е. П. Библиотека Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: Сократ, 2000. – 208 с.
313. Писаренко, К. А. Тайны дворцовых переворотов / К. А. Писаренко. – М.: Вече, 2009. – 416 с.
314. Платонова, Н. В., Мстиславская, Е. П. Проблема власти в историко-философских и поэтических сочинениях А. П. Сумарокова и Ф. М. А. Вольтера / Н. В. Платонова, Е. П. Мстиславская // Диалог культур: Россия – Запад – Восток. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 15 мая 2012 года. – М.; Ярославль: Ремдер, 2012. – С. 65–70.
315. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли. Т. 22. / Г. В. Плеханов // Плеханов Г. В. Сочинения. В 24 т. Т. 22. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 24 т. – 364 с.
316. Плотников, А. Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) / А. Б. Плотников // Российская история. – 2008. – № 6. – С. 117–130.
317. Плотников, А. Б. Политические проекты Н. И. Панина / А. Б. Плотников // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 74–85.
318. Побережников, И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы / И. В. Побережников // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. – М.: 2002. – С. 146–168.

319. Погосян, Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. [Электронный ресурс] / Елена Погосян. – Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>.
320. Покок, Дж. Квентин Скиннер: история политики и политика истории / Дж. Покок // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 134 (4). – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6473>.
321. Покровский, В. С. История русской политической мысли (Конспект лекций). Вып. II. / В. С. Покровский. – М. : Госюриздат, 1952. – 86 с.
322. Покровский, М. Н. Борьба классов и русская историческая литература / М. Н. Покровский // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. М. : Либроком, 2012. – С. 7–100.
323. Польской, С. В. «Ведомости Парнасские» Т. Боккалини и их русские читатели: к вопросу о влиянии республиканских идей в России в первой трети XVIII века / С. В. Польской // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. № 3. – С. 189–197.
324. Польской, С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета / С. В. Польской // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2010. – № 6. – С. 173–182.
325. Польской, С. В. Неизвестное сочинение А. Н. Радищева «Опыт о аглинском правлении» // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. – Т. 14. – № 3. – С. 187–192.
326. Польской, С. В. Потаенные сочинения князя М. М. Щербатова и его записка «Мнение о законах основательных государства» / С. В. Польской // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2010. – Т. 12. № 2. – С. 217–222.
327. Польской, С. В. Филопатрис и Фенелон (К вопросу об истоках политических взглядов князя М. М. Щербатова) / С. В. Польской // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Материалы международной научной конференции. Самара, 26-29 апреля 2002 года. – Самара, 2002. – С. 173–174.
328. Польской, С. В. Формирование «придворного общества» в России: императорский двор и дворянство в середине XVIII века / С. В. Польской // Classical Russia. 1700-1825. Vol.2. – 2007. – №1–2. – С. 117–143.

329. Польской, С. В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века / С. В. Польской // *Cahiers du Monde russe*. – 2010 – Vol. 51. – № 2/3. – Р. 303–328.
330. Польской, С. В. «Рассуждение о правлении государственном» В. Н. Татищева и дворянское политическое движение 1730 года / С. В. Польской // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. – 2006. – № 3. – С. 690–697.
331. Польской, С. В. Внутрисословная стратификация дворянства и «конституционное» движение 1730 г. / Польской С. В. // *Вестник Самарского государственного университета*. – 2011. – № 82. – С. 59–64.
332. Польской, С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX вв. / С. В. Польской // *Вопросы истории*. – 2011. – № 6. – С. 27–42.
333. Польской, С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века / С. В. Польской // *Понятия о России: к исторической семантике имперского периода*. – М. : НЛЮ, 2012. – С. 94–150.
334. Польской, С. В. Политические идеи Д. Локка в России в 1-й половине XVIII в. / С. В. Польской // *Философский век*, № 19. – СПб. : Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. – С. 107–118.
335. Польской, С. В. Концепт «монархия» и монархическая риторика в России XVIII века / С. В. Польской // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. – 2012. – № 11(91). – С. 11–19.
336. Польской, С. В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. / С. В. Польской // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 11. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 240–252.
337. Польской, С. В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 году / С. В. Польской // *Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX веках*. – Самара: Парус, 2001. – С. 174–178.
338. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода : в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 2 т.
339. Порай-Кошиц, И. А. Очерк истории дворян от половины IX-го века до конца XVIII века / И. А. Порай-Кошиц. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1874. – 225 с.

340. Преснов, А. Общественная мысль в России в конце XVIII века / А. Преснов // Исторический журнал. – 1938. – № 9. – С. 35–47.
341. Прийма, Ф. Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. / Ф. Я. Прийма // На путях к романтизму. – Л.: Наука, 1984. – С. 100–138.
342. Приказчикова, Е. В. Идеолог купечества М. Д. Чулков / Е. В. Приказчикова // История русской экономической мысли, т. I. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 490–518.
343. Приказчикова, Е. Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX века / Е. Е. Приказчикова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 525 с.
344. Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 272 с.
345. Пронкин, С. В. Политические намерения Верховного Тайного совета в 1730 г. / С. В. Пронкин // Вестник Московского государственного университета. Серия 21: Управление (Государство и общество). – 2011. – № 3. – С. 89–105.
346. Проскурина, В. Империя пера Екатерины II: литература как политика / В. Проскурина. – М. : НЛЮ, 2017. – 252 с.
347. Проскурина, В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II / В. Проскурина. – М. : НЛЮ, 2006. – 322 с.
348. Протасов, Г. А. Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. / Г. А. Протасов // Проблемы источниковедения. – 1963. – Т. XI. – С. 237–265.
349. Протасов, Г. В. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) / Г. В. Протасов // Источниковедческие работы, Вып. 1. – Тамбов : Тамбовский гос. пед. ин-т., 1970. – С. 61 – 102.
350. Протасьева, Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). – М. : [б/и], 1973.
351. Пугачев, В. В. А. Н. Радищев (Эволюция общественно-политических взглядов) / В. В. Пугачев. – Горький, 1960. – 99 с.
352. Пумпянский, Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума / Л. В. Пумпянский // Западный сборник. – М.; Л.: 1937. – С. 157–186.

353. Пумпянский, Л. В. К истории русского классицизма / Л. В. Пумпянский // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 30–157.
354. Пыпин, А. Н. История русской литературы. Т. 4 / А. Н. Пыпин. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 646 с.
355. Пыпин, А. Н. Общественное движение в России при Александре I / А. Н. Пыпин. – СПб. : «Академический проект», 2001. – 556 с.
356. Пыпин, А. Н. Русское масонство / А. Н. Пыпин. – Пг. : Огни, 1916. – 571 с.
357. Растягаев, А. В. Трансформация жанров древнерусской книжности в раннем творчестве А. Н. Радищева / А. В. Растягаев. – М. : Институт мировой литературы РАН, 2007. – 222 с.
358. Родосский, А. С. К неизданным памятникам русского церковного проповедничества в XVIII столетии. «Предики, сказанные Силвестром Архиепископом Санкт-Петербургским и Шлютелбургским и архимандритом Трицкаго Александроневского Монастыря 1750 года» / А. С. Родосский // Христианское чтение. – 1898. – № 12. – С. 913–927.
359. Розов, В. Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века / В. Н. Розов // ТОДРЛ. Т. 9. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – С. 178–219.
360. Романович-Славатинский, А. В. Исторический очерк губернского управления от первых преобразований Петра Великого до учреждения губерний 1775 года / А. В. Романович-Славатинский. – Киев, 1859. – 156 с.
361. Романовский, В. Е. Наказ императрицы Екатерины II / В. Е. Романовский. – Тифлис : Тип. К. П. Козловского, 1899. – 56 с.
362. Ростовцева, Ю. А. Борьба со взятками в екатерининской России и панегирическая утопия Ф. А. Эмина / Ю. А. Ростовцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-3 (66). – С. 56–59.
363. Ростовцева, Ю. А. Об источниках офирских «катехизмов» князя М. М. Щербатова / Ю. А. Ростовцева // Проблемы исторической поэтики. – 2015. – Т. 13. – С. 108–121.
364. Ростовцева, Ю. А. Образ идеального училища в политической утопии XVIII в. / Ю. А. Ростовцева // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 12 (40). – С. 56–62.

365. Роцин, Е. Н. История понятий: новый старый подход общественных наук / Е. Н. Роцин // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 43–58.
366. Рубинштейн, Н. Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х–начала 60-х годов XVIII в.) / Н. Л. Рубинштейн // Ист. зап. – 1951. – Т. 38. – С. 208–251.
367. Рукавичникова, В. В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века : дис. ... канд. филологических наук : 10.01.01 / Рукавичникова Валентина Викторовна. – Великий Новгород : Новгородский государственный университет, 2001. – 191 с.
368. Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – 835 с.
369. Русско-европейские литературные связи. XVIII век. Энциклопедический словарь. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 425 с.
370. Рустам-Заде, З. П. Жизнь и творчество М.М. Щербатова / З. П. Рустам-Заде. – Санкт-Петербург : Лейла, 2000. – 92 с.
371. Рустам-заде, З. П. «Разговор между двух друзей о любви к отечеству» (неизданное произведение М. М. Щербатова) / З. П. Рустам-Заде // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – 1968. – Вып. 72. – № 339. – С. 203–207.
372. Рыжков, В. С. Неотвратимы ли «упадок и разрушение» Российской империи? Историческое мировоззрение Михаила Щербатова и классическая циклическая концепция времени / В. С. Рыжков // Философский век. Альманах. Вып. 34. Человек в философии Просвещения. – СПб. : Санкт-Петербургский центр истории идей, 2008. – С. 148–157.
373. Рэй, М.-П. Александр I / Мари-Пьер Рэй. – М.: РОССПЭН, 2013. – 496 с.
374. Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 894 с.
375. Сазонова, Л. И. От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова / Л. И. Сазонова // Ломоносов и русская литература. – М. : Наука, 1987. – С. 103–126.
376. Сазонова, Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – нач. XVIII в. / Л. И. Сазонова. – М. : Наука, 1991. – 261 с.

377. Сакулин П. Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. 1. Литературная старина / П. Н. Сакулин. – М.: Гос. акад. худож. наук, 1928. – 206 с.
378. Самарин, Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. [Рассуждение, писанное на степень магистра философского ф-та] / Ю. Ф. Самарин. // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. V. – М., 1880. – С. 3–450.
379. Саськова, Т. В. Трагическое и утопическое в структуре русских барочно-классицистических романов XVIII в. / Т. В. Саськова // XVIII век: Между трагедией и утопией. – М., 2004. – Вып. 1. – С. 208–219.
380. Сафонов, М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина / М. М. Сафонов // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. – М. : Наука, 1974. – С. 266–267.
381. Сафонов, М. М. Конституционный проект П. А. Зубова – Г. Р. Державина / М. М. Сафонов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л.: Наука, 1978. – X. – С. 237–243.
382. Сафонов, М. М. А. Н. Радищев и «Грамота русскому народу» / М. М. Сафонов // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. – 2003. – № 2. – С. 112–141.
383. Сафонов, М. М. Завещание Екатерины II / М. М. Сафонов. – СПб. : ЛИТА, 2001. – 311 с.
384. Сафонов, М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. / М. М. Сафонов. – Л. : Наука, 1988. – 247 с.
385. Сватиков, С. Г. Общественное движение в России (1700-1895) / С. Г. Сватиков. – Ростов-на-Дону : Донская речь, 1905. – 204 с.
386. Свердлов, М. Б. К изучению научного наследия Ф. А. Эмина – историка / М. Б. Свердлов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2015. – Т.4. – № 2. – С. 68–77.
387. Свердлов, М. Б. Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов / М. Б. Свердлов // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. – 2016. – № 4 (12). – С. 59–84.
388. Святловский, В. Русский утопический роман / В. Святловский. – Пб. : Гос. изд-во, 1922. – 52 с.

389. Севастьянова, О. В. Новгородская четвертая летопись как источник по изучению взглядов новгородского епископа Евфимия II / О. В. Севастьянова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 2(40). – С. 56–73.
390. Седов, С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России / С. А. Седов // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С. 47–80.
391. Семевский, В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века (Очерк из истории политических и общественных идей) / В. И. Семевский // Былое. – 1906. – № 1. – С. 1–53; № 2. – С. 69–117; № 3 – С. 150–200.
392. Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1–2. СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1888.
393. Семенников, В. П. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. / В. П. Семенников. – СПб., 1913.
394. Серенченко, Н. В. Князь М. М. Щербатов: консерватор или традиционалист? // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2007. №3 (81). С. 103–114.
395. Серенченко, Н. В. Исторические и политические взгляды князя М. М. Щербатова (фактор индивидуального социального опыта) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Серенченко Николай Владимирович. – М. : МГУ, 2008. – 131 с.
396. Сиповский, В. В. История русской словесности. Ч. 2. / В. В. Сиповский. – СПб.: Я. Башмаков и К°, 1913. – 338 с.
397. Сиповский, В. В. Политические настроения в русском романе XVIII века / В. В. Сиповский // Изв. отд. рус. яз. и словесн. – 1904. – Т. IX. – № 4. – С. 230–267.
398. Сиповский, В. В. Этапы русской мысли / В. В. Сиповский. – Пб., 1924.
399. Скиннер, Кв. Макиавелли. Очень краткое введение / Квентин Скиннер. – М. : Астрель, 2009.
400. Скиннер, Кв. Свобода до либерализма / Квентин Скиннер. – СПб., 2006.
401. Сложеникина, Ю. В., Растягаев, А. В. Начало и конец «Трудолюбивой пчелы»: утопический проект А. П. Сумарокова / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев // XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь. VIII Международная научная конференция, научный сборник : под редакцией Н. Т. Пахсарьян. – 2012. – С. 331–338.
402. Смекалина, В. В. Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер / В. В. Смекалина // Новая и новейшая история. – 2013. – № 6. – С. 184–188.

403. Смирнова, О. А. История российской общественной мысли как направление отечественной историографии: проблемы становления и развития / О. А. Смирнова // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2006. – № 3(7). – С. 260–268.
404. Собакин, М. Благополучное соединение свойств. Вступительное слово М. Амелина [Электронный ресурс] / М. Собакин // Арион. – 2007. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2007/3/so25.html>.
405. Соболева, Ю. Д. Из истории общественно-политической лексики XVIII века. (По материалам сатирических журналов Н. И. Новикова 1769–74 гг. «Трутенъ», «Живописец», «Кошелек») / Ю. Д. Соболева // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – 1958. – Т. 173, каф. рус. яз. – С. 133–148.
406. Соколов, С. В. Монархия, аристократия и республика в истории России с точки зрения историографии XVIII в. // IV Информационная школа молодого ученого Всероссийская междисциплинарная молодежная конференция с международным участием, сборник научных трудов. 2014. С. 124–133.
407. Соколов, С. В. О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской руси / С. В. Соколов // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1(38). – С. 122–130.
408. Соколов, С. В. Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова) // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство эпохи. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 252–271.
409. Соколов С. В. Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова) / С. В. Соколов // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство эпохи. – М. : ИВИ РАН, 2014. – С. 252–271.
410. Соколова, Е. С. «Закон яко фортеция правды»: о теоретико-практических основах законодательной политики Петра Великого // Genesis: Исторические исследования. 2015. № 3. С. 345–366.
411. Соколова, Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, купечество, духовенство). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. академии, 2011. – 344 с.

412. Соловьев, С. М. Писатели русской истории XVIII в. // Архив историко-юридических сведений относящихся до России. Кн. 2. 1-я половина. – М. : Тип. Александра Семена, 1855. – Отд. 3. – С. 364 – 443.
413. Сорокин, Ю. А. Конституционные искания в России последней трети XVIII в. (К постановке проблемы) / Ю. А. Сорокин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – №5 (25). – С. 16–20.
414. Сорокина, М. Ю. Об историке и его книге: Предисловие от составителя / М. Ю. Сорокина // Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. – Koln : Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2005. – С. VII–XXXII.
415. Сперанский, М. Н. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных / М. Н. Сперанский. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. – 318 с.
416. Сперанский, М. Н. Рукописные сборники XVIII века / М. Н. Сперанский. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 260 с.
417. Стенник, Ю. В. «Наказ» Екатерины II в оценке иерархов русской церкви / Ю. В. Стенник // Вестник УлГТУ. – 2002. – №2 (17). – С.34–38.
418. Стенник, Ю. В. А. П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II / Ю. В. Стенник // XVIII век. Сб. 24. – СПб. : Наука, 2006. – С. 136–143.
419. Стенник, Ю. В. Петр I в русской литературе XVIII века / Ю. В. Стенник // Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии). – СПб.: Наука, 2006. – С. 3–50.
420. Стенник, Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма / Ю. В. Стенник. – Л. : Наука, 1981. – 168 с.
421. Стенник, Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века / Ю. В. Стенник. – СПб. : Наука, 2004. – 275 с.
422. Степаненко, Т. В. К вопросу о периодизации российского конституционализма / Т. В. Степаненко // Вестник ОГУ. – 2012. – № 3 (139). – С. 184–189.
423. Степанов, В. П. Крамаренков Василий Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. (К–П). – СПб.: Наука, 1999. – С. 140.
424. Стоюнин, В. Я. Княжнин-писатель / В. Я. Стоюнин // Исторический вестник –1881. – № 7. – С. 425–554; № 8. – С. 735–764.

425. Строков, П. Д. Митрополит Московский Платон (Левшин) и его катехизис 1757-1758 гг. / П. Д. Строков // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – 2007. – № 1. – С. 31–41.
426. Сыромятников, Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология / Б. И. Сыромятников. – М.; Л. : АН СССР, 1943. – 212 с.
427. Талина, Г. В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века / Г. В. Талина. – М. : Русский мир, 2010. – 448 с.
428. Тараканова, А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века / А. Д. Тараканова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151. – № 3. – С. 39–46.
429. Тарановский, Ф. В. Политическая доктрина в «Наказе» императрицы Екатерины II / Ф. В. Тарановский // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. – Киев, 1904. – С. 44–86.
430. Тарле, Е. В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 12 мая 1945 года / Е. В. Тарле. – М. : Объединение государственных издательств при СНК РСФСР, 1945.
431. Татаркин, А. И., Трутнев, И. А. Первый член-корреспондент Академии наук П. И. Рычков и его экономические воззрения / А. И. Татаркин, И. А. Трутнев // Экономическая наука современной России. – 1999. – № 1. – С. 107–114.
432. Теплова, В. А. Эволюция политической программы «Санкт-Петербургского журнала» 1798 г. Политические взгляды И. И. Мартынова в период сотрудничества в «Санкт-Петербургском журнале» / В. А. Теплова // Уч. зап. Горьковского ун-та. – 1966. – Вып. 78. – Т. II. – С. 381–402.
433. Тимофеев, Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века / Д. В. Тимофеев. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 454 с.
434. Тимофеев, Д. В. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. / Д. В. Тимофеев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4. – С. 123–136.

435. Тимофеев, Д. В. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития / Д. В. Тимофеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 216. – История. Вып. 43. – С. 23–32.
436. Тимофеев, Д. В. В ожидании перемен от «просвещения» России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX века / Д. В. Тимофеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16 (154). – История. Вып. 32. – С. 12–20.
437. Тимофеев, Д. В. Методология «история понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения / Д. В. Тимофеев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. – М. : ИВИ РАН, 2015. – С. 116–138.
438. Толочко, А. П. История Российская В. Н. Татищева: источники и известия / А. П. Толочко. – М.; Киев : НЛЮ; Критика, 2005. – С. 196–248.
439. Торияма, Ю. Мотив зрения у М. Н. Муравьева и А. Н. Радищева в контексте европейского просвещения / Ю. Торияма // Новый филологический вестник. – 2006. – № 1. – С. 37–46.
440. Троицкий, С. М. Россия в XVIII веке. – М. : Наука, 1982. – 256 с.
441. Туманов, М. Влияние русской литературы второй половины XVIII-го века на судопроизводство и законодательную деятельность правительства по этому вопросу // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 75. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 1–86.
442. Тынянов, Ю. Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 227–252.
443. Уортман, Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Том 1. От Петра Великого до смерти Николая I / Ричард С. Уортман. – М. : ОГИ, 2004. – 608 с.
444. Успенский, Б. А. Царь и самозванец / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры : в 2 т. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 75–109.
445. Успенский, Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – М. : Издательство Школа «Языки русской культуры», 1998. – 680 с.

446. Успенский, Б. А., Живов, В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры : в 2 т. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 235–337.
447. Успенский, Б. А., Лотман М. Ю. Миф – имя – культура / Б. А. Успенский, М. Ю. Лотман // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры : в 2 т. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 433–459.
448. Успенский, Б. А., Лотман М. Ю. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) / Б. А. Успенский, М. Ю. Лотман // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры : в 2 т. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 1. – 124–141 с.
449. Уткин, Д. Е. Екатерина II и Симон Тодорский / Д. Е. Уткин // Роль Русской православной церкви в становлении и развитии российской государственности. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Ярославль, 2015. – С. 169–175.
450. Фаизова, И. В. Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии / И. В. Фаизова. – М. : Наука, 1999. – 221 с.
451. Фаткуллина, Ф. Г. Мифологизмы в русском литературном языке XVIII века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Фаткуллина Флюза Габдуллиновна. – М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1991. – 23 с.
452. Федосов, И. А. Просвещенный абсолютизм в России / И. А. Федосов // Вопросы истории. – 1970. – № 9. – С. 34–55.
453. Федосов, И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII – первая половина XIX вв.) / И. А. Федосов // Вопросы истории. – 1971. – № 7. – С. 46–65.
454. Федюкин, И. И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. / И. И. Федюкин // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. – М.: Древлехранилище, 2014. – С. 83–142.
455. Феррацци, М. «Письма Эрнеста и Доравры Ф. Эмина и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо: подражание или самостоятельное произведение? / М. Феррацци // XVIII век. Т. 21. – СПб.: Институт русской литературы РАН, 1999. – С. 162–172.

456. Филимонова, М. А. Классический республиканизм в Американской и Французской революциях конца XVIII века / М. А. Филимонова // Новая и новейшая история. – 2004. – № 1. – С. 47–64.
457. Фильченкова, Е. М. «Третьесословная» проза и ее роль в развитии русской литературы последних десятилетий XVIII века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Фильченкова Елена Марковна. Москва : Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1990. – 16 с.
458. Фирсов, Н. А. Воззрения В. Н. Татищева на историю вообще и русскую в особенности и связь их с реформой Петра I / Н. А. Фирсов // Ученые записки Казанского университета по историко-филологическому факультету. – 1886. – Приложение. – С. 028–047.
459. Фриц, К. фон. Теория смешанной конституции в античности. Критический анализ политических взглядов Полибия / К. фон Фриц. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – 419 с.
460. Хархордин, О. В. Что такое республиканская традиция [Электронный ресурс] / О. В. Хархордин. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/12/27/respublica/>
461. Хархордин, О. Основные понятия российской политики / О. Хархордин. – М. : НЛЮ, 2011. – 321 с.
462. Ходанен, Л. А. Новгородские мотивы и миф о Софии в поэзии А. И. Одоевского / Л. А. Ходанен // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – № 1. – С. 20–29.
463. Худушина, И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.) / И. Ф. Худушина. – М. : ИФ РАН, 1995. – 232 с.
464. Цамутали, А. Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX – начала XX в. / А. Н. Цамутали // Новгородский исторический сборник. – 1982. – № 1(11). – С. 96–102.
465. Черная, Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половине XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М.: Наука 1989. С. 220–232.
466. Чернов, К. С. Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») / К. С. Чернов //

- Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 11. – С. 172–180.
467. Черняков, М. В. Политико-дидактический роман М.М. Хераскова / М. В. Черняков // Наукові записки Харківського педагогічного інституту. Праці філологічного факультету. – 1941. – Т. 7. – С. 99–119.
468. Чечулин, Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века / Н. Д. Чечулин. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. – 121 с.
469. Чистович, И. А. Феофан Прокопович и его время / И. А. Чистович. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1868. – 752 с.
470. Чистович, И. А. Историческая записка о Совете в царствование императрицы Екатерины II / И. А. Чистович. – СПб.: Тип. второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1870. – 74 с.
471. Что такое республиканская традиция? СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. – 205 с.
472. Чумакова, Т. В. К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре / Т. В. Чумакова // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 16. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – С. 243–256.
473. Чумакова, Т. В. Антропология Феофана Прокоповича / Т. В. Чумакова // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. – М. : ИФ РАН, 2008. – С. 193–202.
474. Шакинко, И. М. Василий Татищев / И. М. Шакинко. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1986. – 237 с.
475. Шаркова, И. С. Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье / И. С. Шаркова // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. – М. ; Л. : Наука, 1964. – С. 371–374.
476. Шарф, К. Екатерина II, Германия и немцы / К. Шарф. – М. : НЛО, 2015. – 535 с.
477. Шарф, К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения / К. Шарф // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 9–45.

478. Шарыпкин, Д. М. Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий» / Д. М. Шарыпкин // XVIII век. 1977. Т. 12. – Л. : ИРЛИ, 1977. – С. 166–182.
479. Шахнович, М. М. Сад Эпикура. Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры / М. М. Шахнович. – СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – 283 с.
480. Шевченко, М. Н. О механизмах формирования сакрального образа царской власти во второй половине XVI века (на примере чина венчания на царство) / М. Н. Шевченко // Вестник Тюменского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 132–145.
481. Шипилов, А. В. «Благородство» против «подлости» (Специфика формирования сословной культуры русского дворянства) / А. В. Шипилов // Общественные науки и современность. – 2007. – № 1. – С. 132–144.
482. Шишкин, А. П. Русский берег утопии (К вопросу об эволюции русской литературной утопии) / А. П. Шишкин // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 156–177.
483. Шмидт, С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX в. М. : Наука, 2002. – 368 с.
484. Шольц, Б. К вопросу о противоречиях концепции российской истории в русских исторических драмах 2-й половины XVIII века / К. Б. Шольц // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. Вып. 3. – СПб. : Наука, 2001. – С. 70–108.
485. Штамбок, А. Куда ведет схоластика (Об изучении русского Просвещения и просветительской эстетики) / А. Штамбок // Вопросы литературы. – 1961. – № 3. – С. 97–114.
486. Шторм, Г. Потаенный Радищев. (Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву»). М.: Советский писатель, 1968. – 463 с.
487. Штранге, М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. / М. М. Штранге. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 205 с.
488. Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Из потаённой истории России XVIII–XIX веков / Н. Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1973. – 367 с.
489. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. – М.: Книга, 1989. – 176 с.

490. Энгельгардт Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. (1703-1903). СПб.: А.С. Суворин, 1904.
491. Эрлихсон И. М. Республиканские идеи в буржуазно-дворянской утопии эпохи английской революции (1640 – 1660 годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 106–120.
492. Южакова Т. Л. А. Н. Радищев об окружающем мире, государстве и «истинном сыне Отечества» / Т. Л. Южакова // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII – XX вв.). – Брянск : Брянский государственный ун-т, 2010. – С. 80-95.
493. Юй Х. Религиозно-философские взгляды А.П. Сумарокова / Х. Юй // Актуальные проблемы современной науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 108-110.
494. Юрин П. А. Пути прочтения «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжнина / П. А. Юрин // *Petra Angularis*. Профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия и к тридцатилетию его университетского семинара: сборник статей молодых ученых. – СПб. : Знание, 2015. – С. 108–135.
495. Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна / М. А. Юсим. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011. – 511 с.
496. Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х–начале 30-х годов XVIII в. / А. И. Юхт. – М. : Наука, 1985. – 368 с.
497. Якушкин В. Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1906.
498. Янов А. Л. Драма смутного времени (Дело 1730 года) / А. Л. Янов // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 159–177.
499. Andersson, I. A History of Sweden / I. Andersson. – New York; Washington : Praeger Publishers, 1975. 461 p.
500. Asard, E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate / E. Asard // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. – 1987. – № 2. – P. 101–116.
501. Baehr, S. From History to National Myth: *Translatio Imperii* in Eighteenth-Century Russia / S. Baehr // *Russian Review*. – 1978. – № 1(37). – P. 1 – 13.
502. Baker, K. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France / K. Baker // *The Journal of Modern History*. – 2001. – Vol. 73. – (March 2001). – P. 32 – 53.

503. Bireley, R. *The Counter-Reformation Prince: Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe* / R. Bireley. – Chapel Hill: University of Northern Carolina Press, 1989. – 321 p.
504. Black, A. *Christianity and Republicanism: From St. Cyprian to Rousseau* / A. Black // *The American Political Science Review*. – 1997 – Vol. 9. – № 3 (Sep., 1997). – P. 647–656.
505. Bleznick, D. W. *Spanish Reaction to Machiavelli in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* / D. W. Bleznick // *Journal of the History of Ideas*. – 1958. – Vol. 19. – No. 4 (Oct., 1958). – P. 542–550.
506. Brincat, S. 'Death to Tyrants': The political philosophy of tyrannicide – Part I / S. Brincat // *Journal of International Political Theory*. – 2008. – Vol. 4. – P. 212–240.
507. Bushkovitch, P. *Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West* [Electronic source] / P. Bushkovitch // DHI Moskau: *Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert*. – №. 1 (2012). – Available at: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology.
508. Butler, W. E. *Strube de Piermont and the Origins of Russian Legal History* / W. E. Butler // *Russia in the Age of Enlightenment. Essays for Isabel de Madariaga*. – NY: Palgrave Macmillan, 1990. – P. 125–141.
509. Christian, D. *The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803m* / D. Christian // *Russian Review*. – 1979 – Vol. 38. –No. 3 (Jul., 1979). – P. 298–322.
510. Confino, M. *The soslovie (estate) paradigm. Reflections on some open questions* / M. Confino // *Cahiers du monde russe*. – 2008. – 4 (Vol. 49). – P. 681-704.
511. Corrumpro // *Латинско-русский словарь*. – М. : Русский язык, 1976.
512. Cracraft, J. *Did Feofan Prokopovich Really Wrote Pravda Voli Monarshei* / J. Cracraft // *Slavic Review*. – 1980. – Vol. 40. – № 2. – P. 173 – 193.
513. Cracraft, J. *Nuts and Bolts* / J. Cracraft // *Slavic Review*. – 1982. – Vol. 41. – № 4. – P. 629–633.
514. Di Salvo, A. *Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote* / A. Di Slavo // *Cerantes* 9. – 1989. – № 2. – P. 43 – 60.
515. Dixon S. *The Modernization of Russia 1676 – 1825* / S. Dixon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 288 p.
516. Dzelzainis, M. *Milton's Classical republicanism* / M. Dzelzainis // *Milton and Republicanism*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 3 – 24.

517. Eddie, S. A. *Freedom's Price: Serfdom, Subjection, and Reform in Prussia, 1648-1848* / S. A. Eddie. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 356 p.
518. Edgerton W. Ambivalence as the Key to Kniazhnin's Tragedy «Vadim Novgorodskii» / W. Edgerton // *Russia and the World of the Eighteenth Century. Proceedings of the III International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. – Columbus : Slavica, 1988. P. 306 – 315.
519. Edling, M., Morkenstam, U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist / M. Edling, U. Morkenstam // *Scandinavian Political Studies*. – 1995. – Vol. 18. – № 2. – P. 119–132.
520. Fedyukin, I. «An Infinite Variety of Inclinations and Appetites». *Genie and Governance in Post-Petrine Russia* / I. Fedyukin // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2010. – XI. – P. 741–762.
521. Fedyukin I. *From Passions to Ambitions: Human Nature and Governance from Peter I to the Emancipation of the Nobility* / I. Fedyukin // *The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825. Public Role and Subjective Self*. – DeKalb: Northern Illinois University Press. – 2016. – P. 26–45.
522. Fedyukin, I., Zitser, E. A. *For Love and Fatherland: Early Modern Patronage Politics and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry* / I. Fedyukin, E. A. Zitser // *Cahiers du Monde Russe*. – 2011. – Vol. 52, Janvier-mars. – P. 5–44.
523. Field, D. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861* / D. Field. – Cambridge : Harvard University Press, 1976. – 512 p.
524. Foxley, R. 'Due Libertie and Proportiond Equalitie': Milton, Democracy, and the Republican Tradition / R. Foxley // *History of Political Thought*. – 2013. – № 4 (34). – P. 614–638.
525. Giese, R. *If Not, Not. The Oath of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe* / R. Giese. – Princeton : Princeton University Press, 1968. – 288 p.
526. Gleason, W. *Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great* / W. Gleason. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1981. – 252 p.
527. Gleason, W. *Political Ideas and Loyalties of Some Russian Writers of Early 1760s* / W. Gleason // *Slavic Review*. – 1975. – Vol. 34. – № 3. – P. 560–575.
528. Goodhart, M. *Theory in Practice: Quentin Skinner's Hobbes, Reconsidered* / M. Goodhart // *The Review of Politics*. – 2000. – Vol. 62. – № 3 (Summer, 2000). – P. 531–561.

529. Grandhaye, J. *Russie: La Republique Interdite. Le Moment Decembriste et ses Enjeux (XVIIIe – XXIe siecles)* / J. Grandhaye. – Seyssel : Champ Vallon, 2012. – 373 p.
530. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / J. Habermas. – Cambridge : MIT Press, 1991.
531. Hamburg G. *Russia's Path Towards Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500 – 1801* / G. Hamburg. – New Haven; London : Yale University Press, 2016. – 912 p.
532. Hanley R. *Enlightened Nation Building: The «Science of the Legislator» in Adam Smith and Rousseau* / R. Hanley // *American Journal of Political Science*. – Vol. 52. – No. 2 (Apr., 2008). – P. 219–234.
533. Hjarne H. *Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder* // *Historisk Tidskrift. Fjerde Argangen* / H. Hjarne. – Stockholm : P. A. Norstedt & Soner, 1884. – P. 189–282.
534. Honohan, I. *Civic Republicanism* / I. Honohan. – London; New York: Routledge, 2002. – 328 p.
535. Hont I. *Jealousy of Trade. International Competition and the Nation-State in Historical Perspective* / I. Hont. – Cambridge, 2010.
536. Hont, I. *The Early Enlightenment Debate on Commerce and Luxury* / I. Hont // *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. – Cambridge, 2008.
537. Howard, K. *The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment* / K. Howard. – LATCH. – 2012. – № 5. – P. 106 – 119.
538. Howard, K. *The Reception of Machiavelli in Early Modern Spain* / K. Howard. – Woolbridge: Tamesis, 2014. – 181 p.
539. Howse, R. *Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace* / R. Howse // *Brooklyn Journal of International Law*. – 2006. – № 3/3. – P. 693–708.
540. Howse, R. *Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace* / R. Howse // *Brooklyn Journal of International Law*. – 2006. – № 3. – P. 1–16.
541. Jones, G. *Russia's Eighteenth-Century Enlightenment* // *A History of Russian Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 73–94.
542. Joukovskaia-Lecerf, A. *Hiérarchie et patronage. Les relations de travail dans l'administration russe au XVIIIe siècle* / A. Joukovskaia-Lecerf // *Cahiers du Monder Russe*. – 2006. – № 47/3. – P. 551–580.

543. Kahn, A. Self and Sensibility in Radishchev's Journey; from St. Petersburg to Moscow: Dialogism, Relativism, and Moral Spectator / A. Kahn // *Self and Story in Russian History*. – New York : Cornell University Press, 2000. – P. 304.
544. Kapust, D. Cato's Virtues and The Prince: Reading Sallust's 'War with Catiline' with Machiavelli's 'The Prince' / D. Kapust // *History of Political Thought*. – 2007. – № 28 (3). – P. 440–446.
545. Kolchin, P. In Defense of Servitude: American Proslavery and Russian Proserfdom Arguments, 1760-1860 / P. Kolchin // *The American Historical Review*. – 1980/ – Vol. 85. – № 4 (Oct., 1980). – P.
546. Korvela, P.-E. The Machiavellian Reformation. An Essay in Political Theory / P. E. Korvela. Jyväskylä, 2006.
547. Lim, W. John Milton, Radical Politics, and Biblical Republicanism / W. Lim. – Newark : University of Delaware Press, 2006. – 305 p.
548. Lukes, T. Martialing Machiavelli: Reassessing the Military Reflections / T. Lukes // *The Journal of Politics*. – 2004. – № 66. – P. 1089–1108.
549. Lukin, P. V. Was Medieval Novgorod a Republic? Myth and Reality [Electronic source] / P. V. Lukin // "Practices and Theories of Self-Government in Russia and Western Europe: Early Modern Explorations", EUI, May 5-7, 2011. – Available at: http://eu.spb.ru/images/centres/respub/Lukin_EUI.pdf.
550. Maniscalco Basile, G. Law and Power. The Idea of Sovereignty in 16th century Russia / G. Maniscalco Basile // *Quaestio Rossica*. – 2014. – № 2. – P. 76.
551. Maravall, J. A. La teoria española del Estado en el siglo XVII / J. A. Maravall. – Madrid, 1944.
552. Marker, G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia / G. Marker. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 2007. – 309 p.
553. Maslov, B. Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's poetics of absolutism / B. Maslov // *ВИБЛЮОИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. – 2014. – No. 2. – P. 24–46.
554. McConnell, A. Radishchev and Classical Antiquity / A. McConnell // *Canadian-American Slavic Studies*. – 1982. – № 16. – P. 482.
555. *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. – Princeton : Princeton University Press, 1989.

556. Minuti, R. Oriental Despotism [Electronic source] / R. Minuti // European History Online (EGO), published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2012-05-03. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieg-ego.eu/minutir-2012-en>.
557. Monarchisms in the Age of Enlightenment: Liberty, Patriotism and the Common Good: ed. by H. Blom, J. C. Laursen, and L. Simonutti. – Totonto : University of Toronto Press, 2007.
558. Muller, J.-W. On Conceptual History / J.-W. Muller // Rethinking Modern European Intellectual History. – Oxford : Oxford University Press, 2014.
559. Muller-Sievers, H. A Scientist and Poet / H. Muller-Sievers // A New History of German Literature. – London; Cambridge : Harvard University Press, 2004. – P. 348.
560. Okenfuss, M. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy / M. Okenfuss. – Leiden; New York; Koln: E. J. Brill, 1995. – 290 p.
561. On Encountering the Past – Interview with Quentin Skinner // Finnish Yearbook of Political Thought. – 2002. – № 6. – P. 32-63.
562. Ospovat, K. Terror and Pity: Alexander Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethian Russia / K. Ospovat. – Boston : Academic Studies Press, 2016. – 336 p.
563. Pocock, J. Review: Virtue and Commerce in the Eighteenth Century / J. Pocock // Journal of Interdisciplinary History. – 1972. – Vol. 3. – No. (Summer, 1972). – P.128.
564. Pocock, J. G. A. England's Cato: The virtues and fortunes of Algernon Sidney / J. G. A. Pocock // The Historical Journal. – 1994. – № 37. – P. 915–935.
565. Pocock, J. G. A. Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century / J. G. A. Pocock // The William and Mary Quarterly, Third Series. – 1965. – Vol. 22. – No. 4 (Oct., 1965). – P. 549–583.
566. Pocock, J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition / J. G. A. Pocock. – Princeton : Princeton University Press, 1975. – 602 p.
567. Poe, M. A people born to slavery: Russia in early modern European ethnography, 1476-1748 / M. Poe. – New York : Cornell University Press, 2000. – 304 p.
568. Rabow-Edling, S. The Republican Idea of the Nation in Decembrists Poetry / S. Rabow-Edling // Working papers. Uppsala University, Department of East European Studies. – 2006. – № 107, November. – 35 p.

569. Raeff, M. Plans for political reform in Imperial Russia, 1730-1905 / M. Raeff. – Englewood Cliffs : Prentice Hall, Inc., 1966. – 192 p.
570. Raeff, M. Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization / M. Raeff // Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. – Boulder; San Francisco; Oxford : Westview Press, 1994. – P. 116–126.
571. Raeff, M. The Domestic Policies of Peter III / M. Raeff // The American Historical Review. – 1970. – Vol. 75. – № 5 (Jun., 1970). – P. 1291–1302.
572. Raeff, M. The Political Philosophy of Speranskij / M. Raeff // American Slavic and East European Review. – 1953. – Vol. 12. – No. (Feb., 1953). – P. 10–11.
573. Raeff, M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach / M. Raeff // The American Historical Review. – 1975. – Vol. 80. – No. 5 (Dec., 1975). – P. 1221–1243.
574. Ransel, D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party / D. Ransel. – New Haven : Yale University Press, 1975. – 327 p.
575. Roberts, M. The Age of Liberty. Sweden 1719–1772 / M. Roberts. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 233 p.
576. Rommen, H. The Natural Law: A Study in Legal and Social History and Philosophy / H. Rommen. – Indianapolis: Liberty Fund, 1998. – 278 p.
577. Ryan, W. Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia / W. Ryan // Pseudo-Aristotle in the Middle Ages. The Theology and other texts. – L., 1986. – P. 97–109.
578. Ryan, W. Aristotle in Old Russian Literature / W. Ryan // The Modern Language Review. – 1968. – Vol. 63. – № 3. – P. 650–658.
579. Ryan, W. A Russian Version of the *Secreta Secretorum* in the Bodleian Library / W. Ryan // Oxford Slavonic Papers. – 1965. – Vol. 12. – P. 40–48.
580. Said, E. Orientalism / E. Said. – London: Pantheon Books, 1978. – 368 p.
581. Sashalmi, E. The Coexistence of Old and New: Elements of Muscovite Ideology and Enlightenment in Fonvizin's «Discourse on the Immutable State Laws» / E. Sashalmi // *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. Dissertationes historicae collectae per Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis.* – Pecs: Pécsi Tudományegyetem, 2000. – P. 139–154.

582. Sashalmi, E. God-Guided Contract and Scriptural Sovereignty: The Muscovite Perspective of Pravda Voli Monarshej v Opredelenii Naslednika Derzhavy Svoej / E. Sashalmi // *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. Dissertationes historicae collectae per Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis*. – Pecs: Pécsi Tudományegyetem, 2009. – P. 139–150.
583. Sashalmi, E. The Role of Law and the Rule of Law: a Comparison of Swedish Absolutism and Russian Autocracy from 1680s to 1730 (the Importance of Political Ideas and Political Structures) / E. Sashalmi // *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории*. Вып. II. – Ставрополь: [б/и], 2016. – С. 44–50.
584. Sashalmi, E. The Coronation Medal as a Vehicle of Legitimation: Iconographic Analysis of the Coronation Medals of Four Empresses, Catherine I (1724), Anne (1730), Elisabeth (1742) and Catherine II (1762) / E. Sashalmi // *Историческая русистика в XXI-м веке. Материалы десятой международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 18 – 19 мая 2015 г.* – Komarom: Komáromi Nyomda és Kiadó Kft. – С. 157–168.
585. Shklar, J. Montesquieu / Judith Shklar. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 144 p.
586. Simon, J. Simon Bolivar's Republican Imperialism: Another Ideology of American Revolution / J. Simon // *History of Political Thought*. – 2012. – Volume 33. – № 2. – P. 280–304.
587. Skinner, Q. Liberty before Liberalism / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
588. Skinner, Q. Some Problems in Analysis of Political Thought and Action / Q. Skinner // *Political Theory*. Aug. – 1974. – Vol. 2. – №. 3. – P. 277–303.
589. Skinner, Q. The Foundations of Modern Political Thought / Q. Skinner. – Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – 414 p.
590. Skinner, Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding the Method / Q. Skinner. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 225 p.
591. Smith, D. Corruption and Eighteenth-Century Social Science: Mapping the Space of Political Economy / D. Smith // *Studies in Eighteenth Century Culture*. – 2009. – Volume 38. – P. 261–276.
592. Snyder, R. Citizen-Soldiers and Manly Warriors. Military Service and Gender in the Civic Republican Tradition / R. Snyder. – NY : Rowman and Littlefield Publishers, 1999. – 288 p.

593. Susato, R. Hume's Nuanced Defense of Luxury / R. Susato // *Hume Studies*. – 2006. – Volume 32. – № 1. – P. 174–177.
594. Therborn, G. *The Ideology of Power and the Power of Ideology* / G. Therborn. – London : NLB, 1980. – 133 p.
595. Thompson, M. *The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution* / M. Thompson // *The American Historical Review*. – 1986. – Vol. 91. – No. 5 (Dec., 1986). – P. 1109–1111.
596. Thomson, F. J. *The reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia* / F. J. Thomson. – Farnborough : Ashgate, 1999. – 416 p.
597. Truman, R. *Spanish Treatises on Government, Society and Religion in the Time of Philip II. The 'De Regimine Principum' and Associated Traditions* / R. Truman. – Boston; Leiden; Koln: Brill, 1999. – 418 p.
598. Vilks, E. *Problem of Tragedy and Tragic Consciousness in Russia at the Turn of the 19th Century* [Electronic source] / E. Vilks. – Budapest : Open Society Institute, 1999. – [Режим доступа]: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001056/01/56.pdf>.
599. Viroli, M. *Republicanism* / M. Viroli. – New York: Farrar Straus and Giroux, 2002. – 271 p.
600. Wagner P. *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory* / P. Wagner. – London : Sage, 2001. – 160 p.
601. Whittacker, C. *Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialoue* / C. Whittacker. – DeKalb : University of Northern Illinois Press, 2003. – 320 p.
602. Wirtschafter E. *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia. The Teachings of Metropolitan Platon* / E. Wirtschafter. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013. – 193 p.
603. Wirtschafter, E. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater* / E. Wirtschafter. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. – 312 p.
604. Worden, B. *James Harrington and the Commonwealth of Oceana* / B. Worden // *Republicanism, Liberty and Commercial Society, 1649–1776*. – Stanford : Stanford University Press, 1994. – P. 111–138.
605. Worden, B. *The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney* / B. Worden // *Journal of British Studies*. – 1985. – Vol. 24. – № (Jan., 1985). – P. 1–40.

Список сокращений

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской Империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СИРИО – Сборник Императорского Русского Исторического общества

ЧОИДР – Чтения в обществе истории и древности российских